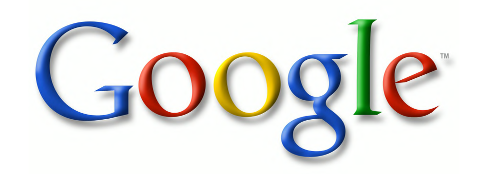
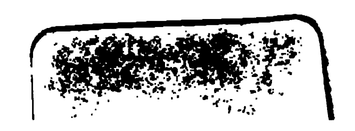

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

Утеряны Стр.-253 - 268 .

Chaplygin, N.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

Н. Чаплыгина.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, (А. Гатцука), на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1876.

TK

Предлагаемые читателю разсказы помѣщены были въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ за 1873, 1874, 1875 и 1876-й годы, но какъ нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности „Семейство Баклановыхъ“, были напечатаны редакціей съ значительными пропусками и измѣненіями; то авторъ рѣшился издать ихъ отдѣльною книгою въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ подъ его пера.

———

МАХОНИНЫ.

Ихъ домы вихорь разметалъ...
Жуковскій.

Давно ли, кажется, какихъ нибудь двадцать лѣтъ; а какая неизмѣримая пропасть легла между нами и этимъ еще такъ недавнимъ прошедшимъ, какъ будто цѣлое столѣтіе отдѣлило насъ отъ него. И какъ мелки кажутся намъ оставшіеся по ту сторону ея люди съ ихъ отсталыми воззрѣніями и не переступающими за черту обыденной жизни интересами! Но какъ ни мелочна эта стоячая, замкнутая въ самой себѣ жизнь,— какъ ни чужды кажутся намъ эти отжившія вѣкъ свой воззрѣнія и интересы, во всемъ этомъ слышится что-то родное, что-то такое, что порою шевелитъ и заставляетъ сильнѣе биться въ груди наше очерствѣлое сердце. Да,—многое люблю я въ тебѣ, моя милая, добрая, родная старина! Мила ты мнѣ и своею завѣтною патріархальностію и наивнымъ простодушіемъ и радушнымъ хлѣбосольствомъ, идущими такъ въ разрѣзъ съ твоими другими темными сторонами. А еще милѣе ты мнѣ дорогими сердцу воспоминаніями. Часто и теперь переношусь я мыслями въ это еще такъ свѣже живущее въ памяти моей былое, — въ степную глушь, гдѣ такъ беззаботно протекли счастливые годы моего уже давно и увы! безвозвратно минувшаго дѣтства. Пестрою вереницей мелькаютъ передо мною то осѣненные столѣтними дубами и липами барскіе, двухъ-этажные хоромы съ тянущимися по обѣ стороны службами и не скончаемыми садами, то утонувшіе

въ густой зелени сирени и черемухи незатѣйливые домики привѣтливо улыбающіеся изъ за зеленыхъ ставень, какъ бы маня васъ подъ гостепріимную сѣнь свою. Вижу и васъ мирныхъ обитателей этихъ теперь уже опустѣвшихъ или вовсе исчезнувшихъ жилищъ,—помню вашу хлѣбъ-соль, ваши радушные встрѣчи и проводы, ваши непритворныя ласки и простодушную болтовню. Но куда же все это дѣвалось? Гдѣ вы? Что вы? Неужели въ такое короткое время могло безслѣдно исчезнуть съ лица земли цѣлое поколѣніе, такъ еще недавно кипѣвшее своеобразною жизнію? Сонъ ли это или на самомъ дѣлѣ пережитая дѣйствительность? Неужели все это жило и жило такъ долго лишь для того, чтобъ оставить въ память по себѣ грядущимъ поколѣніямъ одни заглохшіе пустыри, да покачнувшіеся кресты на заросшихъ бурьяномъ могилахъ?

Да, нѣтъ уже васъ добрыхъ стариковъ! Кануло съ вами въ вѣчность и это недавнее прошлое: не занесла микроскопическихъ перепетій угасшей съ вами жизни на скрижали свои исторія; могилы ваши молчатъ; но долго еще будутъ говорить объ васъ глубоко врѣзавшіяся въ сердце, порою щемящія его, но дорогія ему воспоминанія... и ими то хочу я подѣлиться съ читателями моими.

Въ одномъ изъ степныхъ захолустій нашихъ, теперь уже прорѣзанномъ желѣзною дорогой, еще лѣтъ двадцать тому назадъ жило семейство Махониныхъ. Не знаю почему, Николай Степановичъ и сестра его Варвара Степановна всегда напоминали мнѣ собою Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, хотя между ними не было ничего общаго кромѣ развѣ того, что тѣ и другіе принадлежали къ отжившему ужъ вѣкъ свой типу стараго свѣта помѣщиковъ, которыми еще такъ недавно кипѣла наша степная глушь и которые теперь лишь изрѣдка попадаются одиночными экземплярами, какъ случайно уцѣлѣвшіе памятники минувшаго общественнаго строя.

Братъ и сестра представляли собою нравственно и физически такой разительный контрастъ что глядя на нихъ и на примѣрное согласіе въ которомъ они жили, на предупредительность съ которою они старались угадывать желанія другъ друга, вы невольно задавались вопросомъ: какъ судьба могла свести и такъ тѣсно соединить два существа столь діаметрально одно другому противоположныя.

Николаю Степановичу уже было лѣтъ за пятьдесятъ; онъ былъ высокаго роста, полный, широкоплечій, съ нѣсколько наѣденнымъ брюшкомъ и воинственною осанкой. Лицо его было открыто и привѣтливо, съ вѣчно сіявшею или готовою просіять на немъ улыбкою. Самыя черты его и слегка обозначавшіяся морщины уже приняли такой складъ, что казалось достаточно было нѣсколько углубить ихъ, чтобъ оно изъ серіознаго мгновенно превратилось въ привѣтливо смѣющееся или улыбающееся. Волосы на головѣ носилъ онъ короткіе съ слегка зачесаннымъ на лбу кокомъ и плотно приглаженными къ переду висками; усы маленькіе, сильно нафабренные и закрученные; бороду и бакенбарды онъ брилъ, оставляя отъ послѣднихъ сверху узкую, шедшую отъ усовъ къ ушамъ полоску, что̀ придавало ему видъ кота или Николаевскаго гренадера. Ходилъ онъ въ военномъ сюртукѣ съ крестомъ virtuti militari въ петлицѣ. Николай Степановичъ былъ большой хлѣбосолъ и отъ души былъ радъ когда кто пріѣзжалъ его провѣдать. Встрѣчалъ онъ васъ обыкновенно въ передней, крѣпко жалъ вашу руку и, не выпуская ее, незамѣтно притягивалъ васъ къ себѣ такъ, что губы ваши совершенно неожиданно встрѣчались съ его пухлыми губами, которыми онъ и напечатлѣвалъ на нихъ долгій прерывистый поцѣлуй. И сколько было искренности и радушія въ этомъ задушевномъ поцѣлуѣ!

Варвара Степановна была всего на три года старше своего брата, но съ виду годилась ему въ матери. Это была ма-

ленькая худенькая старушка, на взглядъ болѣзненная и изнеможенная, хотя я впрочемъ никогда не слыхалъ чтобъ она жаловалась на свое здоровье. Изжелта-блѣдное лицо ея было до того изрѣзано морщинами, что трудно было прочесть на немъ какое-нибудь опредѣленное выраженіе; оно видомъ, а пожалуй и цвѣтомъ своимъ походило на долго пролежавшее въ сухомъ мѣстѣ моченое яблоко. Особенно замѣчательна была нижняя часть лица: тутъ всѣ морщины сходились концентрически ко рту какими-то сборками, что̀ придавало губамъ видъ стянутаго шнуркомъ кисета или ридикюля. То или другое положеніе губъ было самымъ вѣрнымъ выраженіемъ настроенія ея духа: такъ если она была чѣмъ-нибудь особенно довольна, выдавалась впередъ нижняя гу́ба, при чемъ она даже какъ будто слегка припухала; въ противномъ случаѣ, что̀ чаще всего бывало когда кто-нибудь позволялъ себѣ въ присутствіи ея сказать что-либо по мнѣнію ея неприличное или несообразное съ ея религіозными убѣжденіями, вытягивалась какъ-то особенно верхняя губа и принимала положеніе какъ бы готовилась свистнуть въ ключъ. Съ этимъ живымъ барометромъ соображались не только Николай Степановичъ и домашняя прислуга, но и близкіе знакомые. Держала она себя чинно и строго, такъ что съ перваго раза можно было принять ее за черствую и чопорную барыню; но познакомившись съ нею ближе, вы тотчасъ же сознавались въ своей ошибкѣ: доброта и сострадательность ея сердца, согрѣтаго христіанскою любовію къ ближнему, извѣстны были во всемъ околоткѣ.

Николай Степановичъ очень любилъ говорить; охотно разсказывалъ о походахъ въ которыхъ участвовалъ, а еще охотнѣе о подвигахъ своихъ на ружейной охотѣ, причемъ не прочь былъ иногда и прихвастнуть, да и вообще любилъ при случаѣ прилгнуть, хотя часто безъ всякой видимой цѣли. Послѣ онъ и самъ удивлялся и никакъ не могъ объяснить себѣ за-

чѣмъ было ему лгать, когда могъ сказать и правду, безъ всякаго ущерба для своего разсказа. Впрочемъ, онъ былъ очень совѣстливъ: солгавъ или вообще сдѣлавъ какую-нибудь неловкость, особенно если то было въ присутствіи сестры, онъ тотчасъ же приходилъ въ видимое замѣшательство, переносилъ глаза свои съ собесѣдника на какой-нибудь посторонній предметъ или принимался разсматривать свой сапогъ повертывая имъ то вправо то влѣво. Варвара Степановна напротивъ того больше молчала, но за то слушала васъ всегда съ большимъ вниманіемъ; если же говорила, то каждое слово ея было взвѣшено и обдуманно, и она никогда не позволяла себѣ не только солгать, — Боже сохрани!—но даже сказать что-нибудь несовмѣстное съ своимъ сердечнымъ убѣжденіемъ. Она такъ была извѣстна всѣмъ правдивостію своею, что сосѣди часто, для разрѣшенія трудныхъ житейскихъ вопросовъ, обращались къ ней за совѣтами и всегда свято исполняли ихъ.

Разговаривая съ домашнею прислугой или отдавая приказанія старостѣ или ключнику, Николай Степановичъ любилъ покричать и побранить ихъ часто безъ всякой причины; но произносимыя имъ при этомъ бранныя слова далеко не имѣли своего настоящаго значенія. Да и вообще онъ былъ какъ-то безалаберенъ: то крупную вину оставлялъ безъ всякаго взысканія, то накидывался на старосту за то что градомъ выбило рожь или гречиху побило морозомъ. Варвара Степановна напротивъ держала себя всегда сосредоточенно, говорила тихо и содержанно, и если когда называла которую-нибудь изъ дѣвушекъ своихъ вороною, шалавою или разсомахой, то получившая то или другое изъ этихъ названій ясно сознавала что она вполнѣ заслуживала его, и что была именно тѣмъ чѣмъ была названа.

Николай Степановичъ любилъ хорошо поѣсть и предпочиталъ пищу сытную и жирную, какъ-то борщъ, щи, поросенка подъ хрѣномъ, жаренаго гуся съ кашей; издѣлій же фран-

цузской кухни терпѣть не могъ. Постовъ онъ не признавалъ и если ѣлъ по середамъ и пятницамъ постное, то единственно изъ угожденія сестрѣ; за то и Варвара Степановна, движимая тѣмъ же чувствомъ, такъ умѣла распорядиться постнымъ столомъ, что онъ нисколько не уступалъ скоромному, на сторонѣ же Николай Степановичъ и въ Великій постъ не отказывался отъ скоромной трапезы, при чемъ, садясь за столъ, обыкновенно приговаривалъ: «предлагаемое да ядимъ». Вина пилъ онъ мало, хотя былъ не прочь и покутить въ веселой компаніи; дома же пилъ больше наливку, да и наливка была у Махониныхъ превосходная. Варвара Степановна ѣла очень мало, хотя за столомъ у себя не пропускала ни одного блюда, считая долгомъ своимъ непремѣнно отвѣдать каждаго; посты же соблюдала съ такою строгостію съ какою врядъ ли они соблюдаются и въ монастыряхъ. Она была очень набожна и богомольна, и не только не пропускала по праздничнымъ днямъ ни заутрени, ни обѣдни, но наканунѣ всякаго большаго праздника и перваго числа каждаго мѣсяца служила у себя на дому всенощную. Домъ ея всегда былъ открытъ для всѣхъ странниковъ, богомольцевъ и юродивыхъ, которыхъ она принимала съ чувствомъ какого-то благоговѣнія. Николай Степановичъ хотя имѣлъ на религіозные вопросы свой взглядъ, далеко не совпадавшій со взглядомъ сестры, но смотрѣлъ на все это сквозь пальцы: по праздникамъ ходилъ въ угоду ей къ обѣднѣ, присутствовалъ ри всенощныхъ и ласково принималъ странниковъ и юродивыхъ, хотя въ душѣ имъ не сочувствовалъ.

Николай Степановичъ любилъ общество, и отъ времени до времени посѣщалъ сосѣдей. Онъ былъ большой поклонникъ прекраснаго пола, и въ обществѣ дамъ любилъ блеснуть любезностію и деликатностію обращенія; вообще онъ имѣлъ большую претензію на свѣтскость, и законы приличія ставилъ выше всѣхъ остальныхъ. Къ тому же выѣзды эти представ-

ляли ему удобный случай потѣшиться и похвастать рѣзвою ѣздой своей мастерски собранной тройки. Едва выѣзжалъ онъ за околицу села, какъ кучеръ его, подобравъ возжи и гикнувъ на лошадей, затягивалъ ухорскую ямскую пѣсню, и дружно съѣженная тройка быстро мчала его легкій тарантасъ. Варвара Степановна выѣздовъ терпѣть не могла, хотя гостямъ была всегда очень рада. Она постоянно сидѣла дома, и лишь изъ года въ годъ ѣздила провѣдать родныхъ, жившихъ въ довольно дальнемъ разстояніи, причемъ каждый разъ измѣняла свой маршрутъ, направляя путь свой такъ чтобы по дорогѣ заѣхать въ какой-нибудь монастырь, поклониться явленной иконѣ или св. мощамъ. Для такихъ поѣздокъ, подъ экипажъ ея набирались обыкновенно лошади изъ рабочихъ или кресгьянскихъ; лошадей же Николая Степановича она боялась, и не только никогда на нихъ не ѣздила, но когда и онъ на нихъ куда-нибудь отправлялся, провожала его крестнымъ знаменіемъ и молитвою.

Николай Степановичъ любилъ не однихъ лошадей; не меньше ихъ любилъ онъ и собакъ и держалъ ихъ такое множество, что на овсянку имъ выходилъ почти весь овесъ остававшійся отъ корма лошадямъ. И какихъ породъ ихъ у него не было! Тутъ были и лягавыя, и пуделя, и овчары, были даже борзыя, хотя охотился онъ почти исключительно съ ружьемъ да съ ястребомъ. Варвара Степановна собакъ вообще не любила, но, чгобы сдѣлать удовольствіе брату, ласкала ихъ и за обѣдомъ и ужиномъ откладывала на особую тарелку кости и другіе объѣдки для его любимой лягавой собаки; въ домъ она впрочемъ ихъ не впускала, потому что считала животными нечистыми, и если какая-нибудь изъ нихъ случайно заходила въ образную, тотчасъ же окуривала ее ладаномъ и кропила стѣны святою водою. Особенно же любилъ Николай Степановичъ птицъ: стѣны и потолки его кабинета увѣшаны были клѣтками съ соловьями, скворцами, чижами и щеглята-

ии. Была даже какая-то бѣлая галка, которую онъ по нѣскольку разъ въ день училъ говорить, но кромѣ *дурака* ничему выучить не могъ. Самою же любимою птицей его былъ перепелъ: онъ самъ ловилъ его на дудку, вывѣшивалъ по зарямъ на высокой щеглѣ, и разъ какъ-то за хорошаго перепела заплатилъ чуть ли не 50 рублей; и дѣйствительно, перепелъ оказался превосходный, *рѣдкохватъ*, и такъ сильно *вавякалъ*, что послѣ каждаго раза кувыркался черезъ голову, что, какъ извѣстно, считается главнымъ достоинствомъ охотничьяго перепела. Кромѣ всѣхъ этихъ птицъ, въ передней постоянно сидѣли два ястреба. Варвара Степановна изъ пѣвчихъ птицъ любила лишь однѣхъ канареекъ, для которыхъ въ залѣ стоялъ особый садокъ; къ ястребамъ же питала непреодолимое отвращеніе: разъ, птица невѣжливая, а къ тому жъ и хищная, а слѣдовательно и Богу противная. Да и самую ястребиную охоту она находила почему-то для дворянина неприличною. Пускай охотился бы себѣ съ ружьемъ, разсуждала она, — ружье вещь благородная; а нянчиться съ ястребомъ прилично лишь мѣщанину, дворовому или какому другому пустому человѣку. Впрочемъ брату она этого никогда не говорила, а приказывала лишь чаще подметать и притирать въ передней полъ.

Изо всего сказаннаго читатель ясно видитъ до чего были разнохарактерны эти двѣ жившія въ такомъ примѣрномъ согласіи личности. У нихъ не было ничего общаго ни въ убѣжденіяхъ, ни въ наклонностяхъ; они были созданы изъ совершенно разнородныхъ элементовъ и связаны между собою лишь взаимными уступками, необходимыми для поддержанія согласія. Но, спроситъ онъ, какъ же могла сложиться и такъ прочно установиться такая жизнь? Сложилась и установилась она, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень просто.

Николай Степановичъ и Варвара Степановна лишились матери своей въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ: первому было семь,

а второй около десяти лѣтъ. Отецъ ихъ былъ человѣкъ стараго вѣка, тяжелый, дубовый и до крайности неразвитый, а потому мало заботился о воспитаніи дѣтей: дочь онъ едва выучилъ грамотѣ, сына же помѣстилъ въ кадетскій корпусъ откуда тотъ выпущенъ былъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, гдѣ, несмотря на неоднократныя, но безуспѣшныя просьбы къ отцу о дозволеніи выйти въ отставку, долженъ былъ тянуть лямку въ теченіи долгихъ пятнадцати лѣтъ. Получивъ наконецъ извѣстіе о смерти отца, Николай Степановичъ бросилъ службу и поселился въ Кругломъ. Въ послѣдніе годы жизни своей старикъ Махонинъ былъ до того слабъ что самъ ничѣмъ заниматься не могъ; всѣмъ распоряжался самопроизвольно староста и довелъ хозяйство до крайнихъ предѣловъ распущенности. Варвара Степановна была тогда уже болѣе нежели зрѣлою дѣвой; она видѣла плутни старосты и не разъ пыталась раскрыть отцу своему глаза; но старикъ былъ самолюбивъ и упрямъ и не любилъ чтобы кто-нибудь, а тѣмъ болѣе дочь, на которую онъ привыкъ смотрѣть какъ на неопытную дѣвчонку, вмѣшивался въ дѣла его. Понятно что она въ настоящемъ случаѣ оказалась для Николая Степановича очень полезною сотрудницею, и они общими силами принялись приводить въ порядокъ разстроенное хозяйство. Николай Степановичъ принялся было за дѣло горячо и даже повелъ его довольно успѣшно; но первыя же неудачи, охладивъ въ немъ минутное рвеніе, отбили у него охоту отъ непривычныхъ ему занятій, и Варвара Степановна должна была продолжать начатое дѣло одна. Убѣдясь въ положительной неспособности брата посвятить себя какому-либо серіозному труду, и увидѣвъ себя въ необходимости взять въ свои руки бразды правленія, она вмѣстѣ съ тѣмъ увидала и то что онъ былъ также щепетильно самолюбивъ какъ и покойный отецъ, и что ей слѣдовало дѣйствовать осторожно чтобы не задѣть за эту слабую его струну. Вслѣдствіе этого,

хотя она de facto и была полною хозяйкой, что всѣ въ домѣ очень хорошо понимали и чувствовали, она никогда и ничѣмъ не позволяла себѣ распоряжаться безъ предварительнаго совѣщанія съ Николаемъ Степановичемъ, и самыя совѣщанія эти она умѣла вести такъ, что заставляла его перваго высказать ея же собственную мысль и лишь поддакивала ему, какъ бы соглашаясь съ нимъ. Такой порядокъ вещей какъ нельзя лучше приходился ему по вкусу и по плечу. Отъ природы лѣнивый, чуждый всякой иниціативы, онъ былъ очень радъ что нашелъ въ сестрѣ своей такую энергическую попомощницу, тѣмъ болѣе что по самолюбію своему и недальновидности и не подозрѣвалъ, что онъ былъ въ этомъ дѣлѣ лишь такъ сказать стрѣлкою; пружиною же приводившею ее въ движеніе была она. Онъ такъ былъ далекъ отъ этой мысли, что даже часто упрекалъ себя въ излишней пассивности и подчиненности въ которой держалъ сестру, и потому старался при всякомъ удобномъ случаѣ не только предупреждать ея желанія, но даже исполнять ея прихоти и причуды, тѣмъ болѣе что желанія ея всегда были очень ограничены.

Такимъ путемъ сложились взаимныя отношенія Махониныхъ. Они были прямымъ продуктомъ противоположности ихъ характеровъ и наклонностей и чѣмъ противоположнѣе были эти послѣдніе, тѣмъ казалось соединявшая ихъ дружба и согласіе были прочнѣе и невозмутимѣе. Такъ искусный кладчикъ, прилаживая одинъ къ другому неровные камни и ловко пригоняя ихъ угловатыя поверхности, чтобы выдающіяся части одного совпадали съ выемками другаго, выводитъ крѣпко сплоченную массу.

Николай Степановичъ никогда не былъ женатъ: серіозно влюбиться онъ по апатичности своей натуры не могъ; жениться же по разчету чтобъ устроить такъ или иначе жизнь свою, ему въ голову не приходило. Предоставивъ себя въ полное распоряженіе увлекавшаго его потока, онъ никогда ни-

чего не предпринималъ по своей инициативѣ. Варвара Степановна также никогда не была замужемъ. Она не была хороша собою, не получила никакого образованія, знала что отецъ ея могъ дать лишь самое ограниченное приданое, и очень хорошо понимала что съ такими далеко несоблазнительными достоинствами она не могла разсчитывать даже на мало-мальски порядочную партію, а потому тѣмъ охотнѣе обрекла себя на вѣчное дѣвство, что это вполнѣ согласовалось и съ ея религіозными убѣжденіями.

Домъ Махониныхъ былъ старинной, доморощенной архитектуры, если только совершенное безвкусіе можно назвать архитектурой: фасадъ его былъ длинный и низкій съ непомѣрно высокою тесовою крышей и несоразмѣрно низкими и какъ бы придавленными ею окнами, такъ что издали казалось что онъ первоначально построенъ былъ двухъ-этажнымъ, но потомъ какою-то сверхъестественною силой вдавленъ въ землю, причемъ поверхъ ея остался лишь одинъ верхній этажъ. Въ размѣщеніи оконъ не соблюдено было никакой симметріи, и они видимо соотвѣтствовали внутреннему расположенію комнатъ и какъ будто были прорублены гдѣ понадобились когда домъ уже былъ окончательно отстроенъ. Въ немъ, какъ и во всѣхъ ему подобныхъ тогдашняго времени домахъ, удобства жизни и практичность принесены были въ жертву внѣшности или такъ-сказать выставкѣ на показъ, всюду видна была борьба нововведеній съ установившимися временемъ обычаями, — борьба кончавшаяся, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, торжествомъ послѣднихъ надъ первыми. Такъ меблировавшій домъ видимо думалъ не объ удобствахъ, а лишь о томъ какъ бы дать ему извѣстный видъ, и заѣзжій гость, садившійся на диванъ, не принявъ нужныхъ мѣръ предосторожности, невольно съ него вскакивалъ, оглядываясь въ недоумѣніи не сѣлъ ли онъ на чей-нибудь кулакъ, клубокъ или какую-либо другую случайно под-

вернувшуюся вещь, и долго еще потомъ усаживался, приспособляясь къ угловатымъ неровностямъ негостепріимной мебели. Къ передней, въ видахъ соблюденія въ ней чистоты и опрятности, которыми рѣдко могутъ похвастаться наши переднія и въ настоящее время, Николай Степановичъ пристроилъ рядомъ другую, тасъ-сказать закулисную, собственно для помѣщенія прислуги, чрезъ что первая должна была по соображеніямъ его всегда оставаться свободною, а слѣдовательно и чистою. Сначала все дѣйствительно пошло было хорошо, но ненадолго. Въ силу укоренившихся привычекъ и требованій жизни парадная передняя вскорѣ сдѣлалась такою же грязною какою была и прежде; новая же, закулисная, обратилась во что-то въ родѣ двороваго клуба. Тамъ въ длинные осенніе и зимніе вечера, кромѣ домашней прислуги, собиралась коротать время чуть ли не вся дворня: сюда приходилъ и кучеръ убравъ лошадей; приходилъ и поваръ и ключникъ, и кривой столяръ, чтобы перекинуться въ три листика или просто покалякать въ веселой компаніи. Къ передней Николай Степановичъ пристроилъ съ тою же цѣлью и парадный подъѣздъ съ просторными сѣнями, освѣщенными большимъ венеціянскимъ окномъ; но такъ какъ домъ Махониныхъ отапливался соломою, какъ почти всѣ дома степныхъ помѣщиковъ, то осенью и зимою сѣни съ вечера заваливались ею такъ, что лишь вдоль стѣны оставалось какое-то узкое подобіе корридора, или ущелье, едва достаточное для прохода одного человѣка. Солома эта служила вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ ночлега для собакъ, которыя, дрожа отъ холода, зарывались въ нее по самыя уши и обращали такимъ образомъ парадныя сѣни въ собачью конуру. Словомъ, жизнь всюду брала свое, доказывая самымъ наглядным образомъ, что внѣшняя сторона ея есть лишь проявленіе ея внутренней работы, и что для того чтобы измѣнить ея наружную обстановку надобно сперва пересоздать ее самое.

Къ дому примыкалъ садъ, въ который вела прямо изъ гостиной стеклянная дверь. Предъ нею была небольшая усыпанная пескомъ площадка, окаймленная рабатками бархатцевъ, левкоя, настурцій и резеды. За ними слѣдовали клумбы піоновъ, разноцвѣтнаго мака и душистаго горошка; тутъ же торчали кое-гдѣ одиночные кусты зари и Божьяго дерева. Цвѣтовъ новѣйшей флоры Варвара Степановна не жаловала и любила лишь тѣ съ которыми соединены были воспоминанія ея дѣтства или молодости. «Вотъ эти бархатцы, говорила она, любила тетушка Катерина Ивановна; они хороши тѣмъ что долго цвѣтутъ, да-и запахъ отъ нихъ непротивный. А до настурцій большая охотница была покойная сестрица Авдотья Семеновна: какъ бывало пріѣдетъ къ намъ, до того ихъ накушается что дня два въ постели пролежитъ. Сказывала что Нѣмцы изъ нихъ очень вкусный салатъ приготовляютъ. А вотъ эти розы растутъ вдоль ограды сами по себѣ съ тѣхъ поръ какъ помнитъ себя стала. Бывало какъ онѣ станутъ отцвѣтать и цвѣтки начнутъ на нихъ свертываться и опадать, мы идемъ ихъ подбирать и играемъ ими какъ въ куклы.

По обѣ стороны дома, закрывая собою видъ на дворъ, стоялъ цѣлый лѣсъ лиловой и бѣлой сирени; когда она цвѣла, то представляла собою сплошную массу цвѣтовъ, изъ-за которыхъ почти не было видно листьевъ. За цвѣтникомъ шелъ фруктовый садъ, а за нимъ огромный огородъ, предметъ особыхъ заботъ и попеченій Варвары Степановны.

Хозяйство велось у Махониныхъ сообща и безъ всякаго предвзятаго плана. Весною предъ посѣвомъ Николай Степановичъ обыкновенно приходилъ къ сестрѣ и говорилъ ей:

— А что̀, сестрица, хочу я нынѣшнимъ годомъ посѣять побольше проса, а то гречиха уже третій годъ какъ все плохо родится; да и кормъ скотинѣ нуженъ.

— Конечно, отвѣчала Варвара Степановна,—хорошо бы побольше посѣять и проса; да земля-то, говорятъ, изъ-подъ гречихи лучше для озимаго хлѣба бываетъ. Опять-таки просо полкою дойдетъ.

— Правда, соглашался подумавъ Николай Степановичъ:— къ году полка одолѣетъ, да и инеи святками были сильные,— говорятъ къ гречихѣ.

— Инеи святками всегда къ гречихѣ, сентенціозно подтверждала Варвара Степановна,

— А если ужъ такъ, то не посѣять ли того и другаго поровну на волю Божію?

— Я и сама думаю лучше поровну, а тамъ какъ будетъ Его святая воля.

Осенью Варвара Степановна въ свою очередь говорила Николаю Степановичу.—Думаю я птицу не продавать живьемъ, а бить самимъ: и пухъ съ перьями дома останется, да и до потроховъ вы охотники. А зимою къ Рождеству мы и за битую возьмемъ дороже чѣмъ теперь за живую.

— Оно конечно хорошо бы, отвѣчалъ Николай Степановичъ,—а какъ вдругъ да на грѣхъ оттепель?

— Что же что оттепель? Я прикажу сперва облить ее водою чтобъ обледенѣла, а тамъ въ снѣгъ закопать хорошенько; ей и оттепель ничего не сдѣлаетъ. А индѣекъ на племя не лучше ли сѣрыхъ оставить? Бѣлыя виднѣе и покрупнѣе будутъ, да какъ-то квёлы и неводки.

— Само-собою оставить сѣрыхъ, заключалъ Николай Степановичъ,—вѣдь мы не на показъ ихъ держимъ.

Такимъ образомъ рѣшались и всѣ болѣе или менѣе крупные хозяйственные вопросы.

Впрочемъ были у каждаго изъ нихъ по хозяйству и такія отдѣльныя части въ которыя другой не вмѣшивался даже и совѣтами. Такъ Варвара Степановна не вмѣшивалась ни

въ какія распоряженія брата по конному двору и псовой охотѣ: «Лошади и собаки, говорила она, дѣло не женское». Николай Степановичъ не касался женской половины дома. Здѣсь Варвара Степановна была полною и самовластною хозяйкой, и надо отдать ей справедливость; во всемъ что было въ ея исключительномъ завѣдываніи виденъ былъ примѣрный порядокъ. Дѣвичья была полна сѣнныхъ дѣвушекъ, и она съ помощью старой ключницы Власьевны, женщины вполнѣ ей преданной, зорко наблюдала за ихъ нравственностью. Съ утра отправлялись онѣ съ пяльцами своими въ залъ, гдѣ и размѣщались на работу. Варвара Степановна постоянно сидѣла въ гостиной и оттуда чуткимъ ухомъ слѣдила не только за перешептываніемъ, но и за движеніями ихъ. Никто изъ постороннихъ туда не допускался; самъ Николай Степановичъ, проходя черезъ залъ и пробираясь между пяльцами, не смѣлъ останавливаться, а тѣмъ менѣе разговаривать съ дѣвушками, зная какъ этого не любила сестра его. Выработанныя ея питомицами деньги Варвара Степановна откладывала въ особо заведенную для того кружку, и если которой изъ нихъ представлялась приличная по ея мнѣнію партія, справляла ей на эти деньги приданое.

Вообще въ образѣ жизни Махониныхъ и отношеніяхъ ихъ къ дворовымъ и крестьянамъ было что-то патріархальное: они не только знали всѣхъ ихъ поименно и помнили сколько у кого было дѣтей и какихъ возрастовъ; имъ извѣстны были даже ихъ семейныя отношенія, и болѣе почетныхъ они звали по отчеству. Варвара Степановна крестила у нихъ дѣтей устраивала свадьбы; посылала больнымъ лекарства и нуждающихся не оставляла безъ помощи.

Махонины вели жизнь самую однообразную. Подобно тому какъ сурки съ наступленіемъ зимы залегаютъ въ свои сурчины, и лишь когда животворящее весеннее солнце, согнавъ съ земли снѣжный покровъ, одѣнетъ ее зеленою муравою.

выползают изъ зимнихъ квартиръ своихъ, оглашая степь радостнымъ свистомъ, — запирались и они на долгую зиму, коротая какъ умѣли скучное ни на что не нужное время, и лишь съ открытіемъ весны выходили на Божій свѣтъ изъ своего душнаго полугодоваго заключенія. Варвара Степановна принималась за свои обычныя хозяйственныя занятія или копалась въ саду или на огородѣ; Николай Степановичъ приходилъ домой лишь обѣдать, остальное время дня бродилъ по полямъ и болотамъ съ неизмѣннымъ товарищемъ своимъ по ружейной и ястребиной охотѣ, приходскимъ пономаремъ Тихономъ Ѳедоровымъ.

Тихонъ Ѳедоровъ былъ сынъ кругловскаго дьячка и еще, бывъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, хаживалъ въ домъ Махониныхъ поиграть съ молодымъ барчукомъ, когда же Николай Степановичъ, выйдя въ отставку, поселился въ Кругломъ хозяйничать, встрѣтился съ нимъ какъ уже со старымъ знакомымъ. Онъ умѣлъ поддѣлаться и къ Варварѣ Степановнѣ и сталъ у нихъ человѣкомъ домашнимъ и вполнѣ необходимымъ. Съ Николаемъ Степановичемъ ходилъ онъ на охоту, толковалъ о хозяйствѣ или балагурилъ, разсказывая всякій вздоръ какой бывало взбредетъ ему на умъ; съ Варварою же Степановной разговаривалъ болѣе о религіозныхъ предметахъ, читалъ ей *Четьи Минеи*, или бесѣдовалъ съ ея странниками и богомолками. Онъ былъ большой краснобай и имѣлъ даръ говорить безъ умолку въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, что при праздной жизни Махониныхъ главнымъ образомъ и было причиною почему они такъ дорожили его сообществомъ. Рѣдкій день не навѣщалъ онъ ихъ; съ ранняго утра уже раздавался изъ передней его басистый говоръ. «Загудѣлъ», говорилъ пріятно улыбаясь Николай Степановичъ. «Заиграли гусли», шептала себѣ подъ носъ, шевеля́ спицами, Варвара Степановна.

Люди подобные Тихону Ѳедорову въ захолустной помѣ-

щичьей жизни стараго времени попадались почти на каждомъ шагу; рѣдкій помѣщичій домъ не имѣлъ своего Тихона Ѳедорова. Являлись они: то въ видѣ бѣднаго, большею частію промотавшагося дворянина или бездомной дворянки, то не кончившаго курсъ семинариста или выключеннаго за пьянство изъ службы чиновника. Между ними зачастую попадались люди далеко не тупые, даже талантливые. Обязанность или профессія ихъ была тѣшить праздную барскую лѣнь, и красноборствомъ своимъ, а иногда и скоморошествомъ коротать время.

Лѣтомъ Николай Степановичъ вставалъ рано и, если благопріятствовала погода, закинувъ за плечо ружье или посадивъ на руку ястреба, въ сопровожденіи Тихона Ѳедорова и Трезора отправлялся на охоту. Онъ былъ скорѣе дилеттантъ нежели охотникъ по призванію. Проходивъ часъ, два, онъ дѣлалъ привалъ подъ тѣнью; въ урочный часъ подкрѣплялъ себя рюмкою водки, причемъ разумѣется, не забывалъ и своего спутника, на которомъ и лежала обязанность носить на перевязи дорожную фляжку; къ обѣду же возвращался домой, гдѣ его ожидали уже накрытый столъ и готовая закуска. Николай Степановичъ выпивали передобѣденную чарку водки и, крякнувъ, садился трапезничать. Тихонъ Ѳедоровъ за господскую трапезу не садился. «Не подобаетъ, отвѣчалъ онъ каждый разъ на приглашеніе Махониныхъ и отправлялся обѣдать съ Власьевной, можетъ быть и потому что онъ тамъ могъ свободно и лишнее съѣсть, а главное — лишнее выпить.

Послѣ обѣда Николай Степановичъ переходилъ въ гостиную гдѣ закуривъ трубку усаживался на свое обычное мѣсто на диванѣ; сюда же являлся и Тихонъ Ѳедоровъ, отвѣшивалъ хозяевамъ поклонъ и, произнеся свое стереотипное «за хлѣбъ, за соль», чинно садился у окна.

— А отчего это такъ, говорилъ Николай Степановичъ, — какъ поѣлъ такъ и тянетъ тебя на курево.

— Отчего, отвѣчалъ Тихонъ Өедоровъ вынимая изъ кармана березовую тавлинку. — Извѣстное дѣло: потѣшила насъ маммона, вотъ мы ей өиміамъ и воскуриваемъ.

И начавъ такимъ образомъ, онъ продолжалъ не останавливаясь говорить до тѣхъ поръ пока Николай Степановичъ, выкуривъ трубку, полуутомленный и сытнымъ обѣдомъ и его неутомимою болтовней, начиналъ чувствовать непреодолимую потребность въ отдыхѣ.

— А отчего, Өедорычъ, казакъ бываетъ гладокъ? перебивалъ онъ его, ставя въ уголъ дивана свою докуренную трубку.

— Все оттого же, отвѣчалъ сентенціозно Тихонъ Өедоровъ,—что поѣлъ да и на бокъ.

Послѣ такой поучительной бесѣды, повторявшейся обязательно каждый день, Николай Степановичъ, упершись обѣими руками въ диванъ, какъ бы нехотя подымался, лѣниво потягивался и, проговоривъ съ разстановкою; «Эхъ жизнь, жизнь!» или «Тяжела ты шапка Мономаха», слегка прихрамывая и пошатываясь, грузными ногами направлялся къ кабинету, гдѣ уже приготовлена была ему на диванѣ постель и окна затворены такъ плотно притворявшимися ставнями что не пропускали въ комнату ни малѣйшаго луча свѣта. Ложась отдыхать Николай Степановичъ снималъ съ себя все кромѣ бѣлья; не надѣвалъ лишь классическаго вязанаго колпака, составлявшаго исключительную принадлежность ночнаго туалета. Едва успѣвалъ онъ лечь, какъ тяжелый густой храпъ давалъ знать всему дому что хозяинъ его изволилъ опочить. Воцарялась мертвая тишина: дѣвки снимали башмаки и ходили на цыпочкахъ, сама Варвара Степановна говорила въ гостиной шепотомъ, хотя до кабинета было далеко, да и спалъ Николай Степановичъ всегда такимъ крѣпкимъ сномъ что и громъ севастопольской канонады врядъ ли могъ бы разбудить его.

Черезъ часъ, а иногда черезъ два, раздавался изъ кабинета свистокъ, сопровождаемый хлопаньемъ въ ладоши или знакомымъ всѣмъ въ домѣ возгласомъ: «Малый!» Босоногій мальчишка опрометью бросался отворять ставни, и минуту спустя въ кабинетъ входилъ буфетчикъ Мironычъ со стаканомъ и бутылкой, съ трудомъ удерживая большимъ пальцемъ готовую выскочить изъ нея пробку. Николай Степановичъ любилъ послѣ отдыха утолить мучившую его жажду холодною, шипучею водицей. Спустивъ необутыя ноги съ дивана, онъ залпомъ выпивалъ стакана два, послѣ чего приходилъ въ какое-то полусознательное состояніе. Упершись руками въ колѣни онъ неподвижно устремлялъ на какой-нибудь предметъ свои выкатившіеся глаза, ничего не выражавшіе кромѣ отсутствія всякой мысли. Въ такомъ положеніи оставался онъ до тѣхъ поръ, пока освѣжающее дѣйствіе углекислаго газа мало-по-малу не выводило его изъ этого столбняка. Тутъ онъ умывался, надѣвалъ туфли и, накинувъ на плечи холодайку, отправлялся освѣжиться чистымъ воздухомъ на крыльцо, гдѣ и садился такъ чтобъ его обдувало вѣтромъ; онъ простуды не боялся. Вслѣдъ за нимъ тотъ же Мироничъ выносилъ столикъ, покрытый камчатною салфеткой и ставилъ на него подносъ съ домашнимъ десертомъ. Едва показывался Николай Степановичъ на крыльцѣ, какъ сбѣгались къ нему со всѣхъ сторонъ собаки; однѣхъ онъ ласкалъ, другихъ тутъ же спроваживалъ отъ себя пинкомъ; осматривалъ нѣтъ ли между ними больныхъ. Затѣмъ онъ съѣдалъ тарелку ягодъ, полъ-арбуза или дыню и предавался созерцанію окружавшей его картины.

Дворъ кишѣлъ всевозможною домашнею живностью: тутъ были и куры, и индѣйки, и утки, и свиньи; крыши амбаровъ и сараевъ покрыты были сотнями разноперыхъ голубей; тутъ же важно расхаживалъ и бородатый козелъ. Отъ времени до времени проходили по двору то ключникъ, неся что-то изъ амбара, то бабы съ какими-то горшками; пробѣгали въ кухню

или съ ведромъ къ колодцу и сѣнныя дѣвушки. Съ одними вступалъ онъ въ разговоръ; другихъ лишь провожалъ глазами.

— Что это ты такое, Терентьичъ, тащишь? спрашивалъ онъ у ключника.

— Да вотъ все муку собакамъ на овсянку; ужь больно много проклятыя жрутъ. Вы хоть бы, Николай Степановичъ, приказали имъ дачу уменьшить. Вишь какія гладкія, лопнуть хотятъ.

— А ты небось ребятамъ своимъ дачу уменьшаешь? говорилъ Николай Степановичъ самодовольно поглядывая на собакъ, которыя дѣйствительно до того были жирны, что казалось откармливались на сало.

– То христіанская душа, отвѣчалъ ворчливо какъ бы оскорблённый въ чувствѣ своего достоинства ключникъ. — Душа христіанская безъ хлѣба быть не можетъ: что̀ съѣстъ, то и сработаетъ.

— И въ Писаніи сказано что человѣкъ на то и на свѣтѣ живетъ, чтобы въ потѣ лица свой хлѣбъ снѣдать, вставлялъ словцо свое сидѣвшій тутъ же Тихонъ Ѳедоровъ.

— Да небось водку пить? вопросительно добавлялъ Николай Степановичъ.—Анъ выходитъ собака-то умнѣй насъ: она водки не пьетъ.

— Не пьетъ, бормоталъ какъ бы разсуждая самъ съ собою ключникъ, недружелюбно поглядывая на лежавшихъ у крыльца собакъ.—Съ чего-же ей и пить-то? Живетъ себѣ на всемъ на готовомъ: налопалась, да и растянулась.

— Чего ты тамъ, Аксинья, себѣ за пазуху-то напихала, шутливо говорилъ Николай Степановичъ проходившей торопливо мимо крыльца молодой и смазливой дворовой женщинѣ.

— Ужь такъ, Николай Степанычъ, Богъ зародилъ, отвѣчала та, отвѣшивая ему на ходу поклонъ.

— Это она Алешѣ своему гостинецъ несетъ, вмѣшивался пономарь.

— Ужь вамъ бы, Тихонъ Өедорычъ, не пристало такое говорить, бойко перебивала его Аксинья, — свои дочери давно невѣсты.

— А славная бабенка, говорилъ смотря ей вслѣдъ Николай Степановичъ; — и походка какая размашистая; такъ ее изъ стороны въ сторону и откидываетъ.

Съ сѣнными дѣвушками онъ никогда не заговаривалъ, зная какъ этого не любила Варвара Степановна.

Николай Степановичъ былъ большой охотникъ до пѣтушиныхъ и гусиныхъ боевъ, гонки голубей, всѣхъ возможныхъ травлей и другихъ подобныхъ невинныхъ забавъ. Комнатный мальчишка Васька, очень хорошо знавшій эту слабость своего барина, устраивалъ для него тѣмъ охотнѣе всѣ эти потѣхи, что и самъ имѣлъ къ нимъ непреодолимое влеченіе. Онъ то стравливалъ пѣтуховъ и индѣекъ, то травилъ собаками попавшуюся въ западню крысу; то, взобравшись на вышку, подыгрывалъ оттуда длинною метлою голубей; или, ухватя за рога гулявшаго по двору козла, вступалъ съ нимъ въ единоборство, пока тотъ не припиралъ его къ стѣнѣ, что всякій разъ вызывало со стороны Николая Снепановича громкій добродушный смѣхъ.

Въ такихъ интересныхъ занятіяхъ незамѣтно проходили два-три часа, и когда томительный дневной зной начиналъ смѣняться вечернею прохладой, Николай Степановичъ одѣвался и уходилъ или въ поле съ ястребомъ, или на рыбную ловлю; во время же боя перепеловъ отправлялся ловить ихъ на дудку. Это была его любимая охота, и на нее снаряжалась цѣлая экспедиція. Кромѣ Тихона Өедорова, Николай Степановичъ бралъ съ собою стараго повара, извѣстнаго въ этомъ дѣлѣ эксперта, и кучера, обладавшаго искусствомъ съ необыкновенною отчетливостью подражать крику перепели-

ной самки не только дудкою, но и собственными губами. Уходили въ степь или ржаное поле и, выбравъ тамъ лужайку или просто широкую межу, разставляли на ней сѣти, и все общество усаживалось около нея на указанныхъ поваромъ мѣстахъ. Усѣвшись разъ и принявъ удобное для себя положеніе, никто уже не смѣлъ мѣнять его или сказать лишнее слово чтобы не отпугнуть слетавшихся и сбѣгавшихся со всѣхъ сторонъ на дудку перепеловъ. Охота эта обыкновенно начинается съ закатомъ солнца, а потому если избранное для нея мѣсто недалеко отъ лѣса или болота, то комары буквально облѣпляютъ лица и руки охотниковъ, и они должны, не шевеля ни однимъ пальцемъ, стоически переносить эту адскую пытку. Но всѣ эти мученія вполнѣ искупаются удавшеюся охотой, и старый поваръ, претерпѣвавшій ихъ изъ одной любви къ искусству, еще долго потомъ съ юношескимъ пыломъ увлеченія разсказывалъ собравшемуся около него кружку праздныхъ слушателей о малѣйшихъ обстоятельствахъ побѣдоносно совершенной кампаніи.

Если перепелъ шелъ на дудку хорошо, охотники не замѣчали какъ проходило время. Они превращались въ слухъ и зрѣніе. Уже давно сѣло солнце, потухла и вечерняя заря; изъ болотъ поднималась роса и легкимъ туманомъ разстилалась по степи, становилось и свѣжо и сыро; но охотники наши и не думали трогаться съ мѣста. Ихъ какъ бы окаменѣвшая кучка напоминала собою тѣ безмолвныя и неподвижныя группы оскальпированныхъ краснокожими Индійцами колонистовъ, которыя изображаетъ въ романахъ своихъ Куперъ. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ было прекратить охоту въ самую минуту ея разгара? Громче и отчетливѣе прежняго раздавался неумолчный бой перепеловъ: то тамъ, то сямъ слышались вновь прибывавшіе голоса; даже скучно становилось слѣдить за ними.

Николай Степановичъ ужь начиналъ зѣвать и посматривать

на кончикъ своего сапога, какъ вдругъ отрывисто и хрипло, словно не перепелинымъ голосомъ, вавякнулъ кто-то изъ-за осиноваго куста. Встрепенулись и молча переглянулись охотники; послѣдовала минута глубокой тишины; — еще минута, и то же самое короткое и хриплое вавяканье раздалось еще ближе. «Такъ вотъ онъ настоящій-то мамычъ», подумалъ Николай Степановичъ: сердце у него ёкнуло, и по всему тѣлу пробѣжала лихорадочная дрожь. Всѣ притаили дыханіе. Старый поваръ слегка тронулъ дудкой, и что-то тяжелое съ размаха упало ему на плечо. Другой на его мѣстѣ вздрогнулъ бы и тѣмъ испортилъ бы все дѣло; но Парѳенычъ не пошевельнулся; онъ былъ старый охотникъ. Сядь ему перепелъ прямо на носъ, или сдѣлай съ нимъ то же что сдѣлалъ съ Товитомъ библейскій воробей,—онъ и тогда бровью не повелъ бы. «Ну куда тебя стараго шутъ несетъ? думалъ онъ про себя, искоса поглядывая на сидѣвшаго у него на плечѣ нежданнаго гостя; или воля-то тебѣ прискучила, что самъ въ петлю лѣзешь?» Вмѣсто отвѣта слышанный уже имъ хриплый крикъ раздался надъ самымъ его ухомъ. Тихо, почти шепотомъ откликнулся на него, поддѣлываясь подъ голосъ самки сидѣвшій по другую сторону сѣти кучеръ; обманутый перепелъ стремглавъ бросился по направленію только-что слышаннаго имъ крика и тутъ же запутался въ разставленную сѣть.

— Шабашъ, говорилъ наконецъ вставая Николай Степановичъ и утирая платкомъ искусанное въ кровь комарами лицо. Пора и честь знать.

— Эхъ, охотники! недовольно и укоризненно ворчалъ старый поваръ.—По нашему охота только что началась. Такой другой не скоро дождешься; ишь какъ замамачили.

Дѣйствительно бой перепеловъ не умолкалъ и перекличка ихъ становилась все громче и оглушительнѣе: казалось, они

слетѣлись сюда со всей окрестности чтобы потѣшить собравшихся охотниковъ.

— По тебѣ хоть всю бы ночь просидѣть здѣсь на пролетъ, перебивалъ его Тихонъ Ѳедоровъ, котораго уже давно позывало подкрѣпиться рюмкою водки, да выпить стаканъ горячаго чаю. — Платье-то на насъ хоть выжми. Вишь какая роса; некакъ до костей пробрала.

— Такъ и сидѣли бы себѣ дома, продолжалъ ворчать сквозь зубы Парѳенычъ.

— А много ихъ туда набралось? спрашивалъ Николай Степановичъ, подходя къ сѣти, изъ которой вынимали перепеловъ и сажали въ нарочно принесенный для того садокъ.

— Чего тамъ много, ворчливо бормоталъ Парѳенычъ; — первой, другой—обчелся.

Парѳенычъ лгалъ; да и самъ Николай Степановичъ хорошо зналъ что правды отъ него не услышитъ, а спросилъ такъ по привычкѣ: онъ видѣлъ что перепеловъ попалось сколько прежде никогда не попадалось.

Посадивъ пойманныхъ перепеловъ въ садокъ, охотники наконецъ возвращались домой, припоминая дорогою кое-какіе болѣе замѣчательные случаи изъ только-что совершенной ими охоты. Уже была ночь. Въ воздухѣ сновали, пролетая надъ самою головой и чуть не задѣвая лица крыльями, не то нетопыри, не то какія-то невѣдомыя ночныя птицы; отовсюду вѣяло сильнымъ запахомъ свѣже скошеннаго сѣна. Въ степи косцы варили кашицу, и пламя горѣвшаго подъ котломъ сушняка, то вспыхивая яркимъ огнемъ, то курясь бѣлымъ клубящимся дымомъ, придавало ей фантастическій видъ. Среди неумолкавшаго боя перепеловъ раздавался иногда одинокій свистъ землянаго зайца или бойко отдергивалъ отрывистую, скрипучую пѣснь свою болотный дергачъ: вотъ рѣзко и от-

четливо раздалась она у ближайшаго куста,—вотъ еще разъ повторилась у самыхъ ногъ вашихъ,—вотъ послышалась она уже за дальнимъ болотомъ; еще мигъ и отозвалась уже откуда-то издалека едва слышнымъ отголоскомъ.

— И рѣзвыя же ноги у этого дергача, говорилъ Тихонъ Ѳедоровъ; — ни на минуту на мѣстѣ не посидитъ; весь свой вѣкъ по бѣлу свѣту мычется, словно отъ долговъ бѣгаетъ.

Но вотъ пахнуло изъ болота одурѣвающимъ ароматомъ цвѣтущихъ кувшинчиковъ и изъ прилегающаго къ нему ольшняка раздался громкій, неистовый хохотъ; невольно вздрогнули охотники.

— Загрохоталъ старый лѣшій! говорилъ, оправившись отъ минутнаго испуга, Тихонъ Ѳедоровъ. Этотъ хохотъ былъ ему знакомъ и уже не разъ пугалъ его въ лѣсу ночью, хотя онъ зналъ что хохоталъ не лѣшій, а большой лѣсной филинъ.

Когда охотники подходили къ селу, уже дневной гамъ давно улегся; всюду царила мертвая тишина, нарушаемая лишь неугомоннымъ лаемъ собакъ; скрипѣло неподмазанное колесо телѣги съ полудюжиною возвращавшихся съ покоса бабъ, да визжа и хрюкая, торопливо бѣжала по дорогѣ съ поля домой отбившаяся отъ стада свинья. Еще кое-гдѣ по селу мелькали огни, да запоздавшіе на покосѣ крестьяне цѣлыми семьями доканчивали на открытомъ воздухѣ свой неприхотливый ужинъ.

— Хлѣбъ да соль, говорилъ имъ, проходя мимо, Николай Степановичъ.

— Милости просимъ прикушать, отвѣчали, вставая со своихъ мѣстъ и отвѣшивая низкіе поклоны, трапезничавшіе.

Варвара Степановна уже давно поджидала возвращенія Николая Степановича. Изъ сада сквозь растворенное окно видно было какъ она сидѣла за чайнымъ столомъ въ бесѣдѣ двухъ странницъ. Предъ нею стоялъ самоваръ, и легкій, отдѣляв-

шійся отъ него тонкою струей паръ, расплываясь въ воздухѣ, волнообразно направлялся къ окну. Заѣзжія кумушки сидѣли по обѣ ея стороны и, прихлебывая изъ блюдечекъ, о чемъ-то разказывали, и она, ковыряя спицами, казалось слушала ихъ съ большимъ вниманіемъ. Николай Степановичъ, выпивъ два стакана чаю и тутъ же съѣвъ глубокую тарелку жирнаго, только-что принесеннаго съ погреба варенца, выкуривалъ трубку и отправлялся на покой. Если въ домѣ было душно, онъ приказывалъ постлать себѣ постель въ саду. Предъ кабинетомъ, подъ кустомъ сирени, по ровно разложенному сѣну разстилали коверъ; Николай Степановичъ ложился на импровизованное ложе и, утомленный охотой, вскорѣ засыпалъ сказочнымъ сномъ. Но не засыпала около него вѣчно бодрствующая, вѣчно полная молодыхъ, неистощимыхъ силъ кипучая міровая жизнь. Отовсюду раздавалась трескотня кузнечиковъ, стрекотня тысячей букашекъ; въ воздухѣ пропитанномъ ароматомъ левкоя и резеды стоялъ гулъ отъ сочетанія всѣхъ этихъ неуловимыхъ голосовъ и звуковъ. Каждая букашка, каждая травка, казалось, спѣшила пожить своею самобытною жизнію, упиться и насладиться ею. Изъ сосѣдняго поля доносился и сюда неумолчный бой перепеловъ, перерываемый отрывистымъ скрипомъ дергача; со всѣхъ концовъ села, ночною перекличкой раздавался неугомонный лай собакъ; изъ пруда подымался хаотическій концертъ то сиплогортаннаго кваканья, то одинокихъ, дрожащихъ въ воздухѣ и на разные тоны переливающихся нотъ турлуканья лягушекъ. И все это сливалось въ одинъ стройный, хвалебный гимнъ. А тамъ, далеко, какъ бы любуясь съ недосягаемой высоты своей этимъ дивнымъ Божьимъ міромъ, задумчиво глядѣло на него миріадами свѣтлыхъ очей своихъ безпредѣльное какъ мысль и глубокое какъ дума роскошное іюльское небо.

Зимой, какъ я уже сказалъ, образъ жизни Махониныхъ измѣнялся. Николай Степановичъ, хотя и ходилъ иногда на

тумно стрѣлять куропатокъ или сводить по слѣду зайцевъ, даже ѣзжалъ верстъ за пятьдесятъ въ казенный лѣсъ подъ тетеревовъ; но большею частью сидѣлъ дома. Лѣнивая натура его любила лишь легко достававшіяся удовольствія, ходьба же въ длинныхъ сапогахъ по снѣжнымъ сугробамъ утомляла его. Утро проводилъ онъ за токарнымъ станкомъ, клеилъ коробочки, вязалъ сѣти или училъ говорить галку. Если тутъ былъ Тихонъ Ѳедоровъ, то игралъ съ нимъ въ шашки или, лежа на диванѣ и покуривая трубку, слушалъ его болтовню. Варвара Степановна также кромѣ церкви по праздникамъ положительно никуда не выходила и, сидя на обычномъ мѣстѣ своемъ въ гостиной, что-нибудь работала. Къ вечернему чаю они сходились чтобъ остальное время дня проводить вмѣстѣ въ сообществѣ богомолокъ и странниковъ, гостившихъ у нихъ постоянно по нѣсколько дней и даже недѣль. Душою этихъ вечернихъ бесѣдъ былъ разумѣется Тихонъ Ѳедоровъ: онъ или что-нибудь разсказывалъ или приносилъ *Четьи Минею*, и читалъ житіе какого-нибудь святаго, или же вступалъ въ диспуты со странниками и богомолками. Иногда Николай Степановичъ стравливалъ ихъ, стараясь задѣть каждаго за чувствительную струну, что ему всегда удавалось.

Кромѣ книгъ духовнаго содержанія, въ домѣ Махониныхъ не было никакихъ, да и потребности въ нихъ не чувствовалось. Въ первый годъ по выходѣ въ отставку Николай Степановичъ получалъ *Московскія Вѣдомости*, но читалъ въ нихъ лишь одни производства и объявленія. «Чтò нужно знать о правительственныхъ распоряженіяхъ, узнаю я и безъ вѣдомостей, говорилъ онъ; а до того чтò дѣлается тамъ у нихъ за границей какое мнѣ дѣло. Пускай они себѣ ссорятся, да рѣжутся,—до насъ далеко. А коли вздумаютъ къ намъ припожаловать, — милости просимъ: они я чай и до сихъ поръ еще не позабыли какъ мы ихъ въ двѣнадцатомъ году потчивали. Нашъ гренадеръ и теперь съ одного взмаха прикла-

домъ десятерыхъ Нѣмцевъ на мѣстѣ положитъ.» Въ карты у Махониныхъ не играли: Варвара Степановна считала эту игру діавольскою потѣхой, да и Николай Степановичъ изъ угожденія ей называлъ карты чортовыми святцами, хотя на сторонѣ игралъ въ нихъ охотно.

Иногда позднимъ вечеромъ, среди водворившейся во всемъ домѣ глубокой тишины, чрезъ непритворенную дверь закулисной передней, въ которой по вечерамъ собирался дворовый клубъ, отчетливо доносились шлепки отсчитываемыхъ носковъ. «Разъ, два, три», считалъ Николай Степановичъ. «Экъ его расходился, говорилъ онъ, досчитавшись до полусотни;—вѣрно Панкрашка Ваську тузитъ. Какъ онъ ему дураку до сихъ поръ носа на сторону не своротитъ!» Или же совершенно неожиданно вдругъ раздавалась въ сѣняхъ страшная грызня, смѣшанная съ самымъ неистовымъ визгомъ. Члены клуба, вооружась наскоро чѣмъ попало, бросались на мѣсто дѣйствія и подымалась страшная тревога: слышались разомъ и крики и стоны и рычливые возгласы сопротивленія и жалобныя мольбы о пощадѣ, пока наконецъ весь этотъ гамъ понемногу не улегался. Побѣдители шумно возвращались доканчивать свою такъ неожиданно прерванную трынку, между тѣмъ какъ побѣжденные опрометью бросались изъ сѣней на дворъ, поджавъ подъ себя ушибенную или укушенную ногу и оглашая воздухъ пронзительными стенаніями. И долго еще послѣ того среди снова воцарившейся тишины доносились откуда-то издалека отрывистыя одиночныя ноты тоскливаго завыванія. Въ девять часовъ Махонины садились ужинать, а въ десять все въ домѣ покоилось мертвымъ сномъ.

Но не круглый годъ тянулась жизнь въ этомъ мирномъ уголкѣ такъ тихо и однообразно. Подобно тому какъ монотонный видъ нашихъ степныхъ проселочныхъ дорогъ отъ времени до времени разнообразится то попавшеюся на пути деревушкой, то мелькнувшею въ сторонѣ рощицей, то быстро

промчавшеюся лихою тройкой, отъ времени до времени разнообразилась и она воскресными и праздничными днями, неожиданнымъ посѣщеніемъ гостя или случайнымъ пріѣздомъ странствующаго разнощика. Въ эти исключительные дни и ея тихій, старческій пульсъ бился оживленно.

Нигдѣ можетъ-быть такъ не выдаются воскресные и праздничные дни какъ среди захолустной жизни нашихъ степныхъ помѣщиковъ. Въ эти дни все въ домѣ Махониныхъ принимало особенный видъ, а годовые праздники встрѣчались съ патріархальною торжественностью. Еще наканунѣ мылись и устилались чистыми половиками полы, и вечеромъ служилась обязательно на дому всенощная, на которую сходилась вся дворовая челядь. Среди всенощной священникъ съ кадиломъ въ рукѣ обходилъ весь домъ, останавливаясь предъ каждымъ висѣвшимъ въ углу образомъ. По женской половинѣ сопровождала его Варвара Степановна, въ кабинетъ же и переднюю провожалъ его со свѣчею въ рукѣ Николай Степановичъ. По окончаніи службы пили чай; ужина же въ этотъ день, изъ уваженія ко грядущему празднику, не полагалось. На другой день, то-есть въ самый день праздника, всѣ до разсвѣта уже были на ногахъ: на мужской половинѣ брились бороды и стриглись не въ мѣру отросшіе волосы, изъ дѣвичьей же разносился по всему дому сильный запахъ утюга, смѣшанный съ ароматомъ розовой и гвоздичной помады, а съ первымъ ударомъ колокола всѣ въ праздничныхъ нарядахъ отправлялись въ церковь. Въ эти дни для дѣвичьей пекли пирогъ, а для застольной рѣзался баранъ или покупалась рыба. Самыя собаки, огладывая выброшенныя имъ изъ людской кости, знали что день этотъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ.

День Свѣтлаго праздника составлялъ въ жизни Махониныхъ въ полномъ смыслѣ эпоху. За три дня до его наступленія все въ домѣ перевертывалось вверхъ дномъ: все чистилось, скоблилось, подмывалось. Варвара Степановна въ утренней

кофтѣ за всѣмъ наблюдала сама: бѣгала на кухню присмотрѣть какъ приготовлялась пасха, пеклись куличи, красились яйца, пережигалась четверговая соль; надсматривала за дѣвушками какъ онѣ протирали оконныя стекла и зеркала, обметали паутину и проч., сама мыла образа и чистила мѣломъ ихъ серебряные оклады. Словомъ, ей было хлопотъ, что называется, полонъ ротъ; но при этомъ она не пропускала ни одной церковной службы. Не былъ безъ дѣла и Николай Степановичъ: онъ расписывалъ и красилъ шелками яйца или на окрашенныхъ чертилъ перочиннымъ ножомъ цвѣты и гирлянды, или же просто выцарапывалъ слова: Христосъ Воскресе. Яйцами этими онъ послѣ христосовался съ тѣми кому хотѣлъ оказать свое особое расположеніе.

Наконецъ наступалъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшійся день. Ровно въ полночь раздавался первый ударъ колокола, и всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи отправлялись въ церковь, издали блестѣвшую огнями разставленныхъ по карнизамъ и окнамъ плошекъ. У воротъ церковной ограды Николай Степановичъ иногда зажигалъ смоляныя бочки. Въ качествѣ ктитора, въ мундирѣ съ крестомъ и медалью въ петлицѣ, онъ становился у церковнаго ящика и наблюдалъ за продажею свѣчъ. Между тѣмъ въ залѣ ужъ накрытъ былъ во всю длину большой раздвижной столъ. Сюда приходили разговляться не только дворовые, но и крестьяне. Съ каждымъ изъ нихъ поочереди христосовались Николай Степановичъ и Варвара Степановна, и каждому при этомъ собственноручно подавали тарелку съ ломтемъ кулича и пасхи. Миронычъ, Власьевна, старый поваръ и еще кто-нибудь изъ почетныхъ дворовыхъ едва успѣвали рѣзать ломти и раскладывать ихъ на тарелки. По окончаніи этой трапезы, начинались приготовленія къ другой: въ этотъ день у Махониныхъ обѣдалъ весь церковный причетъ. Тутъ же Варвара Степановна принимала приходившихъ къ ней съ поздравленіями крестниковъ своихъ и крест-

ницъ. Она давала имъ, особенно послѣднимъ, сообразно возрасту ихъ наставленія, при чемъ дарила ихъ лентами, сережками и другими бездѣлушками.

Такъ встрѣчали у Махониныхъ Свѣтлый праздникъ, туже печать торжественности носили на себѣ и остальные дни Святой Недѣли; все въ домѣ смотрѣло какъ-то иначе, такъ что вы, переступивъ за порогъ его, уже почему-то чувствовали, что въ этотъ день былъ праздникъ и притомъ не какой-нибудь другой, заурядный, а именно одинъ изъ дней Свѣтлой недѣли.

Не мало разнообразили уединенную жизнь Махониныхъ пріѣзды разнощиковъ. И тутъ опять среди залы раздвигали большой столъ, служившій на этотъ разъ уже прилавкомъ, на которомъ заѣзжій купецъ разскладывалъ товаръ свой. По отдаленности отъ города Варвара Степановна никогда туда не ѣздила и дѣлала всѣ закупки свои у разнощиковъ; да и товары у нихъ всегда были свѣжѣе и дешевле. Она пересматривала ихъ съ дѣтскимъ любопытствомъ, не пропускала и тѣхъ которыхъ и не думала покупать; заставляла даже развертывать и драпировать предъ собою новомодныя дорогія матеріи. Приходилъ сюда и Николай Степановичъ; но онъ больше разспрашивалъ купца откуда онъ, какъ его зовутъ, велико ли у него семейство, какихъ господъ, или если онъ былъ государственный крестьянинъ, то какой волости и какіе у нихъ ведутся порядки; если же купецъ былъ знакомый, то непремѣнно освѣдомлялся о здоровьи жены и дѣтей. Бакалейные товары онъ впрочемъ перебиралъ и пересматривалъ всегда самъ; съ видомъ знатока пробовалъ закуски, хвалилъ однѣ, браковалъ другія; покупала же ихъ Варвара Степановна, такъ какъ цѣнъ имъ онъ не зналъ да и торговаться не умѣлъ.

Хотя у Махониныхъ постоянно гостилъ кто-нибудь изъ

богомолокъ, странниковъ или юродивыхъ: но собственно гости или сосѣди ѣздили къ нимъ рѣдко, да если и пріѣзжали, то по большей части такіе же какъ они люди старофасонные. Пріѣзжали они обыкновенно цѣлыми семьями и гостили иногда по цѣлой недѣлѣ. Впрочемъ, такіе гости были болѣе по мыслямъ Варвары Степановны; да и Николай Степановичъ бывалъ имъ болѣе радъ, потому что съ ними не церемонился и не долженъ былъ мѣнять для нихъ ни одной изъ своихъ дорогихъ привычекъ. Сначала ѣздили къ нимъ сосѣди и болѣе современнаго покроя, ѣздили даже люди имѣвшіе въ околоткѣ извѣстный вѣсъ и значеніе; но образъ жизни и воззрѣнія Махониныхъ какъ-то не гармонировали съ ихъ понятіями и требованіями, а потому они стали урѣжать свои пріѣзды, а наконецъ и вовсе оставили ихъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, нѣкто Курнаковъ, человѣкъ съ хорошими средствами, къ тому же хлѣбосолъ, а потому пользовавшійся въ уѣздѣ нѣкоторымъ почетомъ, сошелся было съ Николаемъ Степановичемъ довольно близко. Оба они были охотники, оба были подъ часъ не прочь покутить; но онъ жилъ врозь съ женою своею, относился довольно легко и свободно къ церковнымъ обрядамъ, не соблюдалъ постовъ и терпѣть не могъ странниковъ и юродивыхъ, а главное, не умѣлъ, да и не находилъ нужнымъ скрывать все это отъ Варвары Степановны, почему и навлекъ на себя ея нерасположеніе. А какъ Курнаковъ въ свою очередь питалъ къ ней то же самое чувство, болѣе за то что она, какъ онъ выражался, держала брата своего въ руцѣхъ Божіихъ, то и прекратилъ свои къ нимъ посѣщенія. «Ты братъ малый славный, говорилъ онъ встрѣчаясь съ Николаемъ Степановичемъ, къ тебѣ ѣздилъ бы съ удовольствіемъ; да сестрица то у тебя больно тяжела». Изъ родныхъ ѣзжала къ Махонинымъ лишь какая-то дальняя родственница Трунина, да и та жила такъ далеко, что могла лишь очень рѣдко бывать у нихъ. Близкихъ же родныхъ у нихъ не было, о

чемъ Варвара Степановна говорила всегда съ большимъ прискорбіемъ. «Умрешь, и поплакать на могилѣ некому будетъ», говаривала она съ глубокимъ вздохомъ.

Такъ тихо и мирно, день за день, текла жизнь Махониныхъ. Такъ казалось бы имъ и свѣковать ее. Но судьбы Божіи неисповѣдимы: думалъ ли Марій, въѣзжая съ тріумфомъ въ Римъ, что ему придется сидѣть на развалинахъ Карѳагена? Могла ли Наполеону, когда онъ стоялъ въ апогеѣ славы и могущества, придти въ голову мысль что онъ будетъ влачить на чужой сторонѣ, подъ полицейскимъ надзоромъ, остатокъ дней своихъ? Могли ли Иванъ Ивановичъ съ Иванъ Никифоровичемъ, прогуливаясь рука объ руку по улицамъ Миргорода и приводя всѣхъ въ умиленіе своею примѣрною дружбой, предполагать, что они когда-нибудь поссорятся, и поссорятся на смерть, изъ-за какого-то гусака! Конечно и Николай Степановичъ съ Варварой Степановной далеки были отъ мысли чтобы когда-нибудь.... но не станемъ забѣгать впередъ и возвратимся къ нашему разказу.

Въ числѣ питомицъ Варвары Степановны была одна молоденькая, шестнадцатилѣтняя дѣвушка Саша. Еще въ десятилѣтнемъ возрастѣ, лишившись отца и матери, Саша взята была въ домъ и сдѣлалась предметомъ особыхъ заботъ Варвары Степановны, какъ потому что она была круглая сирота, такъ можетъ-быть еще болѣе потому что была бойкаго и своевольнаго нрава и не всегда строго исполняла предписанія традиціоннаго устава, которымъ такъ безпрекословно подчинялись остальныя дѣвушки. Такъ иногда, сидя въ залѣ за пяльцами, она среди общей тишины и едва слышнаго шушуканья позволяла себѣ возвысить голосъ, или вдругъ совершенно неожиданно раздавался въ дѣвичьей ея звонкій, несдержанный смѣхъ, приводившій въ немалый конфузъ всѣхъ ея товарокъ. Раза два даже поймана она была въ постный день со сдобною пышкой, и что всего хуже: ѣла она эту пышку не украдкой,

а къ общему соблазну открыто при всѣхъ. Понятно что такія уклоненія отъ общепринятыхъ правилъ каждый разъ производили страшный скандалъ и потому терпимы быть не могли. Все это, ра́вно какъ хорошенькое личико Саши, ея развязные пріемы и бойкіе отвѣты, рѣзко отличавшіе ее отъ остальныхъ дѣвушекъ, заставляли Варвару Степановну удвоить надзоръ свой за нею. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: Варвара Степановна была того убѣжденія, что пороки и дурныя наклонности родителей непремѣнно должны переходить преемственно къ дѣтямъ, и что между ними существуетъ даже солидарность, въ подтвержденіе чего приводила тотъ, неопровержимый аргументъ, что дворовые люди терпятъ же въ продолженіе столькихъ вѣковъ рабство и униженіе за непочтеніе оказанное отцу своему праотцемъ ихъ Хамомъ. А какъ Сашинъ отецъ былъ горькій пьяница, а мать была женщина далеко не безукоризненнаго поведенія, то чего же въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать отъ нея путнаго, и какъ было зорко не слѣдить за нею?

Разъ какъ-то, въ одинъ изъ тѣхъ пасмурныхъ, короткихъ осеннихъ дней, когда сумерки наступаютъ такъ рано, что невольно смотришь на часы и протираешь себѣ глаза, какъ бы желая удостовѣриться не отуманила ли ихъ темная вода, Варвара Степановна сумерничала въ гостиной съ одною изъ обычныхъ посѣтительницъ своихъ, странствующею бѣдною дворянкой Агаѳьею Петровною Солодкиной; она не любила ея за злыя сплетни и пересуды и въ присутствіи ея всегда была не въ своей тарелкѣ, такъ что и самая прислуга не рада бывала ея, хотя впрочемъ довольно рѣдкимъ, посѣщеніамъ. Дѣвушки ужь закрывали пяльцы и собирались удалиться въ свою комнату, такъ какъ онѣ при свѣчахъ не вышивали, а занимались другими работами, какъ вдругъ Варвара Степановна чуткимъ ухомъ своимъ услыхала въ залѣ мужскіе шаги, какъ будто кто пробирался по ней украдкой и вслѣдъ

за тѣмъ подозрительный, необычный шопотъ. Она въ недоумѣніи встала со своего мѣста и тихо подкралась къ дверямъ, чтобы посмотрѣть, что̀ бъ это такое могло быть, но, выглянувъ въ залъ, обомлѣла и невольно сдѣлала шагъ назадъ. Николай Степановичъ стоялъ, опершись обѣими руками на пяльцы, за которыми сидѣла Саша, и нагнувшись къ ней и чемъ-то съ ней шушукалъ. Конечно еслибы вы, любезный читатель, наступили ногой на ядовитую змѣю, то не испытали бы того нервнаго сотрясенія какое овладѣло Варварой Степановной при видѣ этого не бывало возмутительнаго зрѣлища. Невольное, сдѣланное ею движеніе подстрекнуло любопытство Солодкиной, и она въ свою очередь встала со своего мѣста и на цыпочкахъ подошла къ дверямъ. Присутствіе ея удвоило негодованіе Варвары Степановны, которая была до того взволнована, что даже губы ея позабыли принять свое обязательное при подобныхъ случаяхъ положеніе.

— Вы бы, братецъ, сказала она дрожавшимъ отъ волненія голосомъ,—пошли лучше къ себѣ въ кабинетъ, да поговорили съ своею галкой; она можетъ-быть сказала бы вамъ что-нибудь дѣльное. А здѣсь вамъ вовсе не мѣсто.

По голосу ея слышно было, что слова эти вырвались у нея сами собой, не спросясь, помимо ея воли. Она сама испугалась ихъ и готова была воротить ихъ назадъ; но слово воробей, говоритъ пословица: упустишь — не поймаешь. Николай Степановичъ былъ также до того озадаченъ случившимся, что совершенно растерялся. Онъ машинально поднялъ какую-то валявшуюся на полу и ни на что̀ не нужную ему нитку, потомъ взглянулъ было на кончикъ своего сапога, но и тотъ не помогъ ему; казалось хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ни слова, и повернувшись на каблукахъ, молча вышелъ изъ залы. Придя въ кабинетъ, онъ подошелъ къ окну и неподвижно уставилъ глаза свои на сидѣвшаго въ садкѣ снѣгиря. «Да», сказалъ онъ отрывисто послѣ короткаго

молчанія, какъ бы отвѣчая на собственную мысль, и, заложивъ болшіе пальцы обѣихъ рукъ за проймы жилета, въ тупомъ раздумьи подошелъ къ галкѣ. Та уже было расположилась на насѣсть, а потому, не совсѣмъ дружелюбно покосившись на него, отодвинулась нѣсколько въ сторону и, покачнувъ на-бокъ голову, стала однимъ глазомъ пристально въ него вглядываться, какъ бы ожидая авось въ самомъ дѣлѣ скажетъ онъ наконецъ что-нибудь и путное; но Николай Степановичъ ничего не сказалъ и, повторивъ то же самое отрывистое «да», судорожно щелкнулъ пальцами и отошелъ къ дивану. Здѣсь онъ снова остановился и началъ обычную инспекцію своего сапога, при чемъ съ такимъ вниманіемъ разсматривалъ его, какъ будто удивлялся, что на немъ былъ тотъ самый сапогъ, который былъ и пять минутъ тому назадъ, или придумывалъ какою бы замѣнить его другою болѣе удобною обувью. «Признаюсь», сказалъ онъ наконецъ, какъ бы разговаривая самъ съ собой, «нечего сказать», и машинально принялся набивать трубку. Набивъ ее, онъ долго еще держалъ ее въ рукахъ, прижавъ большимъ пальцемъ наложенный въ нее табакъ, точно недоумѣвая для чего онъ набилъ ее, и что̀ станетъ теперь съ нею дѣлать. «Да», повторилъ онъ еще, но уже болѣе осмысленно, и закуривъ трубку легъ на диванъ, чтобы на свободѣ уяснить себѣ постигшій его казусъ и придумать какъ бы выйти изъ своего смѣшнаго положенія.

Не въ меньшемъ смущеніи была и Варвара Степановна. По уходѣ Николая Степановича она не могла съ разу собрать мысли свои; все случившееся представлялось ей въ какомъ-то туманѣ. Она не могла понять, какъ у ней всегда сдержанной, всегда умѣвшей владѣть собою, вырвались эти слова. И дѣйствительно, не будь тутъ Солодкиной, ничего такого не произошло бы. Увидавъ сквозь дверную щель эту скандалезную сцену, она конечно имѣла бы настолько силы воли чтобъ

удержать порывъ негодованія, и никѣмъ не замѣченная, тѣми же тихими шагами, возвратиться на свое мѣсто. Въ послѣдствіи она разумѣется могла бы удвоить надзоръ свой за Сашей, могла бы наконецъ дать почувствовать и Николаю Степановичу неприличность его поступка. Но сдѣлать такой скандалъ! Такъ жестоко оскорбить самолюбіе Николая Степановича!... Одна мысль объ этомъ приводила ее въ ужасъ. Но, съ другой стороны, какъ было ей и поступить иначе? Оставь она это такъ, что̀ подумала бы Солодкина? Она большая злоязычница: завтра же разболтала бы все встрѣчному и поперечному; все это конечно разукрасила бы и растолковала бы по своему. Всѣ эти мысли и соображенія, толпясь и какъ бы толкая другъ друга, смутно пронеслись въ головѣ ея. Она съ минуту стояла на одномъ мѣстѣ какъ ошеломленная, безъ чувства и движенія, пока наконецъ, точно очнувшись отъ тяжелаго кошмара, не возвратилась въ гостиную. Солодкина уже успѣла сѣсть на прежнее мѣсто и, будто ничего не зная, вязала у окна чулокъ свой. Варвара Степановна пытливо, съ затаенною злобой посмотрѣла на нее, молча прошла въ спальню и затворила за собою дверь.

Оставшись одна, она долго еще не могла придти въ себя, машинально подошла къ теплившейся предъ образами лампадѣ и поправила нагорѣвшую свѣтильню; потомъ передвинулась къ окну и погрузилась въ какое-то полусознательное раздумье. На дворѣ уже смеркалось: по небу тяжело двигались снѣговыя облака, моросилъ мелкій осенній дождь, гудѣлъ порывистый вѣтеръ, и съ полуобнаженныхъ кустовъ и деревьевъ облетали, кружась въ воздухѣ, послѣдніе пожелтѣвшіе листья....

«И надо же было случиться тутъ этой неотвязчивой Солодкиной», думала она, приводя мало-по-малу въ порядокъ свои растерявшіяся мысли. «Кабы не она... ну да что̀ было, того ужь не вернешь.» И Варвара Степановна стала обдумывать

какъ бы поправить дѣло и выпутаться изъ своего неловкаго положенія. «Такъ, сказала она наконецъ рѣшительно, лучшаго ничего не придумаешь. Пойду сейчасъ же къ братцу, объясню ему щекотливое положеніе, въ которое я поставлена была его поступкомъ въ присутствіи Солодкиной, и попрошу у него прощенія.»

Она подошла къ двери и взялась уже было за замочную ручку, какъ вдругъ остановилась.

«Но что̀ скажутъ домашніе, узнавъ, что я ходила къ братцу съ повинною? подумала она. Они непремѣнно пронюхаютъ зачѣмъ я ходила къ нему, и растолкуютъ все по своему. «Стало быть, скажутъ, она и на женской половинѣ сама собою распоряжаться не властна,» —и какого же я тогда могу ждать отъ дѣвокъ повиновенія.»

Она испугалась за прочность порядка, который созидала такъ долго и который казался непоколебимымъ, и ея благое намѣреніе было парализовано.

«Нѣтъ, рѣшила она, мнѣ идти къ нему не слѣдуетъ, лучше подожду когда онъ придетъ въ гостиную пить чай. Я удалю подъ какимъ-нибудь предлогомъ Солодкину, и такимъ образомъ объяснюсь съ нимъ не у него, а у себя. Дѣло этимъ не измѣнится, а я себя въ глазахъ домашнихъ не уроню.» Варвара Степановна успокоилась и прилегла на постель, чтобы собраться съ силами для предстоявшаго объясненія.

Когда стѣнные часы въ залѣ пробили шесть часовъ, она вышла въ гостинную, гдѣ уже на столѣ стоялъ самоваръ, и Солодкина, сидя поодаль, вязала чулокъ. Варвара Степановна обошлась съ ней какъ будто ничего не было, даже попросила ее подвинуться поближе, заварила чай и, поставивъ чайникъ на конфорку, принялась за свою работу въ ожиданіи прихода Николая Степановича.

Такъ прошло съ полчаса, но Николай Степановичъ не при-

ходилъ; пробило семь, а его все еще не было. Наконецъ Варвара Степановна послала сказать ему, что чай давно готовъ. Черезъ минуту возвратился мальчикъ съ отвѣтомъ, что баринъ чай кушать не станутъ, и что они приказали сказать чтобъ ихъ къ ужину не ждали.

«Сердится, подумала Варвара Степановна про себя; да оно и понятно; опять-таки и Солодкина эта тутъ.»

Итакъ планъ ея рушился: объясненіе въ этотъ день состояться не могло. Сначала это было нѣсколько смутило ее, но потомъ «тѣмъ лучше, подумала она: Солодкину прогнать отсюда было бы какъ-то неловко, пожалуй еще обидѣлась бы, а завтра утромъ ея не будетъ, и мы объяснимся съ глаза на глазъ. Къ тому же я знаю его: теперь онъ дуется, а завтра дурь эта съ него сойдетъ.»

Остатокъ вечера она провела въ очень хорошемъ расположеніи духа, и между прочимъ, разговаривая съ Солодкиной довольно ловко высказала ей что такъ какъ она на другой день хотѣла ѣхать отъ нея къ Матюнинымъ, то она съ своей стороны, не желая лишить ихъ удовольствія имѣть ее у себя, не удерживаетъ ея, и даже подарила ей на прощаніе хорошенькій платочекъ. Впрочемъ несмотря на казавшееся спокойствіе, Варвара Степановна легши въ постель, долго не могла заснуть, обдумывая и передумывая разные планы дѣйствій.

На другой день, въ восемь часовъ утра, она уже сидѣла за чайнымъ столомъ и поджидала Николая Степановича. Еще съ вечера приказала она сбить свѣжаго сливочнаго масла и заказала сдобныхъ булочекъ и ватрушекъ, до которыхъ онъ былъ охотникъ, поданы были и кипяченыя сливки съ жирными пѣнками. Все это разставлено было такъ, что не могло не произвесть соблазнительнаго эффекта.

«Хорошо я сдѣлала, что вчера не объяснилась съ братцемъ,

думала Варвара Степановна, и онъ былъ не въ духѣ, и я была встревожена, да и Солодкина торчала тутъ какъ бѣльмо какое. Не даромъ говорится, что утро вечера мудренѣе.»

Николай Степановичъ всегда былъ очень аккуратенъ, и ровно въ восемь часовъ непремѣнно входилъ въ гостинную пить утренній чай; но уже было болѣе половины деватаго, а онъ еще не являлся. Такая необычная не аккуратность его, особенно послѣ вчерашняго происшествія, начинала серіозно безпокоить Варвару Степановну. Наконецъ пробило и девять часовъ, и спустя еще пять минутъ она позвонила. Вошла Власьевна.

— Что̀ же ото Николай Степановичъ не идетъ кушать чай? спросила она ее—Ужь не заболѣлъ ли онъ?

Власьевна молчала, переминаясь на одномъ мѣстѣ.

— Ихъ нѣтъ дома-съ, сказала она наконецъ не рѣшительно.

— Какъ нѣтъ? перебила ее Варвара Степановна. — Куда же это онъ съ этихъ поръ ушелъ?

— Они не ушли, а уѣхали еще рано таково, чуть свѣтъ

— Какъ уѣхали? Куда же?

— Не могу знать, отвѣчала Власьевна. опустивъ глаза какъ бы провинившаяся въ чемъ-нибудь.—А должно-быть куда-нибудь въ отъѣздъ. Еще съ вечера, какъ вы изволили лечь почивать, они присылали Ваську за бѣльемъ: три перемѣны съ собою велѣли взять.

Это послѣднее извѣстіе совершенно озадачило Варвару Степановну.

— Куда же наконецъ? спрашивала она, окончательно растерявшись. — Вѣрно онъ, уѣзжая, что-нибудь сказалъ хоть Миронычу.

— Миронычъ, провожая ихъ, хотѣлъ спросить, да не посмѣлъ, ужь если баринъ молъ уѣзжаетъ куда въ отъѣздъ, то ужь барышнѣ вѣрно извѣстно куда ѣхать изволятъ.

Тутъ только Варвара Степановна спохватилась, что ей и спрашивать объ этомъ Власьевну не слѣдовало.

Но Власьевна, не имѣвшая привычки лгать, на этотъ разъ солгала: Миронычъ спросилъ Николая Степановича куда онъ ѣдетъ, но тотъ вмѣсто отвѣта назвалъ его старымъ дуракомъ, и она какъ женщина смѣтливая тутъ же поняла, что не слѣдъ ему было объ этомъ спрашивать, дѣло не холопское. Солгала же она собственно потому, что не хотѣла еще болѣе огорчать Варвару Степановну.

Варвара Степановна терялась въ догадкахъ. «Что онъ сердится на меня за вчерашнее, думала она, это ясно, но зачѣмъ же изъ дому-то ѣхать? Вѣдь когда-нибудь долженъ же онъ будетъ вернуться. Самолюбивъ онъ, это правда, и сдѣлать первый шагъ для него было трудно. Ну, притворись больнымъ, не выходи изъ своего кабинета и дождись пока я приду провѣдать его, а что я пришла бы, объ этомъ сомнѣваться не могъ онъ. Прими меня сухо, не говори со мною, дай мнѣ почувствовать что я предъ нимъ виновата. Я бы объяснилась, попросила бы его простить меня, и все было бы окончено. А уѣхать, не сказавшись, Богъ знаетъ куда, пустить дѣло въ огласку»... Варвара Степановна пожала плечами, и губа ея приняла сообразное обстоятельству положеніе. «И что̀ теперь заговорятъ люди? Господа поссорились, разъѣхались, и изъ-за кого же?» Ей даже стыдно было объ этомъ подумать. «Какое же они послѣ этого будутъ имѣть къ намъ уваженіе и какіе мы господа если предъ холопами своими не умѣемъ держать себя?»

Это послѣднее обстоятельство больше всего тревожило ее. Да если вникнуть хорошенько въ жизнь, которую вели Махонины, опасенія эти сдѣлаются очень понятными. Ведя жизнь замкнутую, окруженные почти исключительно одною прислугой, да посѣщавшими ихъ странниками и приживалками, они естественно ни о чемъ больше не думали какъ лишь о томъ

какъ бы устроить себѣ въ этой средѣ возможно лучшее положеніе и, разъ устроивъ, упрочить его за собою. Почетъ и уваженіе, которыми они были окружены были для нихъ дороги не только потому, что льстили ихъ самолюбію, но на нихъ основанъ былъ домашній бытъ ихъ и въ охраненіи ихъ была цѣль ихъ жизни.

— А что Агаѳья Петровна? тревожно спросила Варвара Степановна, какъ бы вдругъ очнувшись и вспомнивъ о совершенно забытомъ ею дѣлѣ.

— Она уѣхала почти вслѣдъ за Николаемъ Степановичемъ, отвѣчала Власьевна.

«Этого только не доставало, подумала съ досадою Варвара Степановна; теперь черезъ недѣлю весь околотокъ узнаетъ: пойдутъ сплетни да пересуды, выведутъ и эту негодную на сцену. Нечего сказать, заварили кашу, каково-то придется ее расхлебывать.» И отпустивъ Власьевну, она долго еще сидѣла въ нѣмомъ раздумьи. «Какъ нарочно на эту пору и Тихонъ Ѳедоровъ уѣхалъ въ городъ за свѣчами, подумала она. Еслибъ онъ вертѣлся тутъ, хоть бы отъ него что-нибудь узнала, а то такъ при немъ, пожалуй, ничего бы и не было такого.»

И она была права: будь при этой сценѣ Тихонъ Ѳедоровъ, онъ уладилъ бы дѣло и во всякомъ случаѣ не допустилъ бы Николая Степановича такъ спѣшно уѣхать изъ дома.

Весь этотъ день Варвара Степановна не выходила изъ своей комнаты; она избѣгала встрѣтить чей бы то ни было взглядъ, боясь прочесть въ немъ или укоръ или насмѣшку. Она была въ какомъ-то раздражительномъ состояніи, ей было неловко предъ самою собой. Она все ходила взадъ и впередъ, думала, да передумывала, да съ тѣмъ и легла спать что ничего придумать не могла.

Черезъ день возвратился изъ города и Тихонъ Ѳедоровъ,

но Варвара Степановна его не приняла, хотя ей и очень хотѣлось видѣть его. «Авось, думала она, не сегодня такъ завтра вернется Николай Степановичъ; все пойдетъ опять своимъ чередомъ, и мнѣ не придется разспрашивать пономаря о томъ, чего онъ вѣроятно и самъ не знаетъ.»

Такъ прошли въ напрасномъ ожиданіи три долгіе дня, Николай Степановичъ не возвращался, и когда наконецъ на четвертый Тихонъ Ѳедоровъ пришелъ снова, она приказала впустить его.

— Варварѣ Степановнѣ добраго здравія, сказалъ онъ, перекрестясь на образъ и отвѣсивъ ей поклонъ.—Что же это вы, боярышня, однѣ посиживаете? Куда это соколъ нашъ закатился.

Вопросъ этотъ, хотя и ожиданный, привелъ ее въ совершенное замѣшательство.

— Да, уѣхалъ, сказала она едва внятнымъ голосомъ, и сводя глазъ съ работы.

— Да куда же это онъ уѣхалъ? продолжалъ допрашивать, не торопясь, Тихонъ Ѳедоровъ.

— Господь его знаетъ, рѣшительно проговорила Варвара Степановна,—должно быть къ Трунинымъ; онъ къ нимъ всю осень собирался.

— Поѣхалъ къ Трунинымъ, а вамъ и не сказался, недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее пономарь. — Къ Трунинымъ не ближній свѣтъ, верстъ двѣсти будетъ. Ужъ вѣрно зашелъ бы къ вамъ проститься.

Варвара Степановна молчала.

— И-и-и, протянулъ Тихонъ Ѳедоровъ, сложивъ руки и задумчиво покачивая головой.

Въ этомъ протяжномъ *и-и-и* было столько задушевности, только непритворнаго, вызывающаго на откровенность участія, что Варвара Степановна, взглянувъ на него украдкою

сверхъ очковъ своихъ, какъ бы желая удостовѣриться въ его искренности, рѣшилась наконецъ высказать ему всю правду.

— А ты ничего не знаешь, Өедорычъ? спросила она его.

— Чтожъ мнѣ знать-то? Кабы я былъ здѣсь, можетъ отъ меня и не укрылось бы. А то спрашиваю Мироныча: куда уѣхалъ баринъ? Никому, говоритъ, неизвѣстно. Какъ, говорю, неизвѣстно? Ужь боярышня-то вѣрно знаетъ? Нѣтъ, говоритъ, и она не знаетъ. Я диву дался и признаться не повѣрилъ. Анъ вотъ стало-быть правда.

— Правда, тихо подтвердила Варвара Степановна, и въ голосѣ ея слышны были слезы.

— А вы что жь больно сокрушаетесь-то, утѣшалъ ее Тихонъ Өедоровъ.—Можетъ приключилось что, чего и сказать-то вамъ не хотѣлъ чтобы не опечалить васъ понапрасну. Можетъ дѣло какое въ судѣ или другое что. Глядишь, а все и кончится къ вашему же благополучію.

Говоря это, онъ и самъ очень хорошо понималъ, что говорилъ вздоръ, что называется зубы заговаривалъ; но надо же было сказать-что нибудь въ утѣшеніе, онъ и сказалъ первое что ему на умъ взбрело.

— Не то, Өедорычъ, помолчавъ и какъ бы собираясь съ духомъ, нерѣшительно проговорила Варвара Степановна и тутъ же разказала ему все случившееся.

— Чудеса! сказалъ, выслушавъ ее со вниманіемъ и разводя руками, Тихонъ Өедоровъ.—Изъ-за какого-нибудь ледащаго слова такой гвалтъ поднимать! Это выходитъ по пословицѣ: за мухой съ обухомъ. «Не мѣсто...» что жь, извѣстное дѣло не мѣсто, вѣдь это еще не брань какая. Щекотливъ-то господушка ужь больно не кстати. Да и вы, боярышня, не въ укоръ вамъ будь сказано, ужь больно строги. Ну что вамъ въ самомъ дѣлѣ отъ того что...

Тихонъ Өедоровъ, какъ человѣкъ смѣтливый, сразу понялъ то новое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, и потому позволилъ себѣ сдѣлать Варварѣ Степановнѣ замѣчаніе, которое ему давно хотѣлось ей сдѣлать, но отъ котораго онъ до сихъ поръ воздерживался.

— Ну, да что объ этомъ, перебилъ онъ самъ себя, остановясь на половинѣ начатой фразы, опомнясь что каково бы ни было это новое положеніе, все же онъ не болѣе какъ пономарь и что ему давать ей наставленія не подобаетъ. Что жь вы, матушка Варвара Степановна, думаете теперь дѣлать, коли отъѣздъ боярушкинъ васъ такъ безпокоитъ? спросилъ Тихонъ Өедоровъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да я вотъ хотѣла тебя попросить съѣздить къ нему съ письмомъ.

— Съѣздить-то не мудрено, да куда же я поѣду, коли не извѣстно гдѣ онъ?

— Надо разыскать его.

— Разыскать? гдѣ же я стану его разыскивать? вѣдь свѣтъ великъ. Ну да ладно, добавилъ онъ, что-то обдумывая, — разыскать пожалуй что и можно, не иголка какая. А все по моему обождать бы слѣдовало недѣльку какую. Можетъ онъ въ самомъ дѣлѣ къ Трунинымъ закатился; къ нимъ два дня ѣзды, отъ нихъ столько же, да у нихъ погоститъ, разсчитывалъ онъ по пальцамъ,—да глядишь по дорогѣ еще къ кому заѣдетъ; раньше какъ черезъ десять дней его и ждать нечего.

Это предположеніе нѣсколько успокоило Варвару Степановну и она рѣшилась терпѣливо ждать еще недѣлю, какъ въ ту же ночь случилось неожиданное происшествіе, разрушавшее всѣ ея соображенія и повергшее ее въ крайнее недоумѣніе.

Но посмотримъ что этимъ временемъ дѣлалъ Николай Степановичъ.

Я уже сказалъ, что онъ уважалъ въ сестрѣ своей ея религіозные и нравственные принципы, хотя симъ и не раздѣлялъ ихъ и какъ поступкомъ его возмущено было ея нравственное чувство, то и признавалъ за нею полное право считать себя имъ оскорбленною и сдѣлай она ему тоже замѣчаніе, пожалуй даже въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, наединѣ съ глаза на глазъ, онъ не только что не обидѣлся-бы имъ, но и счелъ бы себя обязаннымъ извиниться передъ нею. Вся вина ея et c'était père qu'un crime,—c'était une faute,—состояла въ томъ, что она сдѣлала ему это замѣчаніе при посторонних, — и что хуже всего, — при домашней прислугѣ, чѣмъ нарушенъ былъ принципъ ихъ домашняго быта, — потрясенъ былъ весь патріархальный строй его. «Еслибы она теперь, разсуждалъ Николай Степановичъ, и пришла просить у меня прощенія, то этимъ все-же не изгладилось бы впечатлѣніе произведенное этимъ скондаломъ на присутствовавшихъ. А тутъ какъ нарочно подвернулась еще эта проклятая Солодкина! Скандалъ уже выйдетъ не домашній, а на цѣлый уѣздъ. Какъ до Курнакова дойдетъ, отъ него мнѣ нигдѣ прохода не будетъ.» И онъ съ досады даже подпрыгнулъ лежа на диванѣ, и сталъ такъ выворачивать во всѣ стороны правую ногу что могъ счесть на каблукѣ всѣ гвозди; но ни каблукъ ни гвозди не дали отвѣта на волновавшіе его вопросы. «И это все бы еще туда-сюда, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою:—когда еще съ кѣмъ изъ этихъ господъ придется увидѣться, а съ какими глазами покажусь я завтра же хоть бы этимъ дѣвкамъ? Вѣдь пересмѣшницы, чортъ бы ихъ побралъ! Въ глаза ничего не скажутъ, а такъ взглянутъ что понимай какъ знаешь. Что скажетъ Тихонъ Ѳедоровъ, какъ узнаетъ? Онъ и безъ того уже не разъ намекалъ мнѣ, что хозяинъ въ домѣ не я. Срамота да и только! И какое уваженіе послѣ этого будутъ имѣть ко мнѣ староста и Власьевна? Не тольно они: и Васька скоро меня въ грошъ ставить не будетъ.»

Долго лежалъ онъ на диванѣ, придумывая какъ бы ему вывернуться изъ этого щекотливаго положенія; онъ даже нѣсколько разъ принимался крутить себѣ усы, что какъ говорятъ, въ подобныхъ случаяхъ помогаетъ, но и это ни къ чему не повело. Куда ни кинь, все выходило клинъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было крайне затруднительно. Вся жизнь его протекла какъ бы помимо его, мыкая имъ по своему произволу; никогда и ничего онъ заранѣе не обдумывалъ, ничего самъ собою не предпринималъ, по крайней мѣрѣ избѣгалъ этого напраснаго труда, зная по опыту, что изъ него никогда ничего путнаго не выходило: какіе бы онъ ни составлялъ планы, жизнь все гнула по-своему. Результатомъ всего этого было то, что онъ отрекся отъ своего я и безусловно подчинился силѣ обстоятельствъ. И вдругъ вышелъ такой случай что ему приходилось составить цѣлый планъ дѣйствій, быть вмѣстѣ и судьей, и исполнителемъ, и притомъ не въ чужомъ дѣлѣ (это все еще было бы легче), а въ своемъ собственномъ. Было отъ чего съ ума сойти.

Прошло уже болѣе двухъ часовъ какъ онъ лежалъ погруженный въ эти размышленія, и все еще не могъ придти ни къ какому рѣшенію. Онъ не замѣтилъ какъ вывалилась у него изъ рукъ докуренпая трубка, какъ нагорѣла и оплыла стоявшая на столѣ свѣча (у Махониныхъ во всемъ домѣ горѣли сальныя свѣчи), не помнилъ какъ онъ прогналъ и Ваську, приходившаго просить его къ Варварѣ Степановнѣ кушать чай.

— Кончено, сказалъ онъ вдругъ рѣшительно:—ѣду, и вскочивъ съ дивана сталъ скорыми шагами ходить по комнатѣ.

Николай Степановичъ рѣшился уѣхать изъ дому и пришелъ къ этому рѣшенію не вслѣдствіе какихъ-либо соображеній или зрѣло обдуманнаго плана, а единственно для того чтобъ отдалить непріятную минуту первой встрѣчи съ сестрою и домашними. Можетъ-быть внезапнымъ отъѣздомъ онъ еще

хотѣлъ заявить Варварѣ Степановнѣ глубину своего оскорбленія; о томъ же какія могла демонстрація эта имѣть послѣдствія, онъ и не думалъ. Равнымъ образомъ мало думалъ онъ и о томъ что долженъ же онъ будетъ когда-нибудь возвратиться, и слѣдовательно должна неминуемо рано или поздно состояться встрѣча. Николай Степановичъ былъ человѣкъ минуты, жилъ лишь настоящимъ днемъ, какъ евангельская лилія или птица небесная, предоставляя дальнѣйшее попеченіе о себѣ своей судьбѣ или тому кто хотѣлъ взять на себя этотъ трудъ. «Поѣду къ Курнакову, думалъ онъ, отъ него проѣду къ Стешкинымъ, а тамъ махну къ Трунинымъ. У нихъ пробуду недѣлю-другую; тѣмъ временемъ пройдетъ первое впечатлѣніе произведенное скандаломъ, а тамъ что Богъ дастъ.» Да и эта несложная комбинація промелькнула у него въ головѣ какъ-то смутно. Остановясь на этомъ рѣшеніи, онъ какъ бы успокоился, и дождавшись пока все въ домѣ улеглось и Варвара Степановна заперлась въ своей спальнѣ, приказалъ Васькѣ уложить въ чемоданъ нужное бѣлье и платье, и рано утромъ уѣхалъ изъ Круглаго. Дорогою онъ, какъ и всѣ безхарактерные люди, не разъ раскаивался въ своемъ поступкѣ, не разъ готовъ былъ вернуться назадъ, но сдѣлать это было уже какъ-то неловко.

Курнакова Николай Степановичъ засталъ одного, и тотъ былъ ему отъ души радъ.

— Здорово, дружище, говорилъ онъ, обнимая его. — На силу-то вздумалъ провѣдать старыхъ друзей. Охота же, право, тебѣ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ у себя въ Кругломъ. Хоть бы иногда давалъ взглянуть на себя. Ты никакъ у меня ужь лѣтъ пять какъ не былъ, а живемъ всего въ сорока верстахъ. Видно Варвара Степановна тебя ужь вовсе въ опеку забрала. Ну, что ея черничкя да странницы? А вѣдь между ними попадаются прехорошенькія! Ты хоть бы изъ нихъ какую увезъ что ли куда-нибудь. Ха, ха, ха! А вѣдь славная

бы штука была! Тутъ-то бы въѣлась на тебя Варвара Степановна. И на томъ свѣтѣ помилованія не было бы. Ха, ха, ха! Ну, да мы еще когда-нибудь съ тобою объ этомъ поговоримъ.

И онъ снова закатился своимъ громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ.

Курнаковъ былъ средняго роста, стройнаго и крѣпкаго сложенія. Развязанность его пріемовъ, непринужденность въ обращеніи, открытое лицо и постоянно хорошее расположеніе духа, съ перваго же раза располагали въ его пользу. Казалось, у него не могло быть ничего скрытаго; душа его была на распашку, и вы могли читать въ ней какъ въ своей собственной. Онъ говорилъ громко, смѣялся не концами губъ, а отъ искренняго сердца, его неподдѣльная веселость электрическимъ токомъ сообщалась и вамъ, а его звонкій, прямо изъ души вырывавшійся хохотъ невольно вызывалъ и васъ вторить ему. Въ наружности его было что-то цыганское: черные какъ смоль волосы, такіе же слегка закрученные къ концамъ усы, быстрые темно-каріе глаза, бѣлые какъ снѣгъ зубы, смуглость лица съ легкимъ на щекахъ румянцемъ, придавали ему этотъ оттѣнокъ, который, впрочемъ, далеко не переходилъ въ отличающую цыганское племя типичную рѣзкость. Есть счастливыя натуры, такъ щедро надѣленныя природою, что запасъ вложенныхъ въ нихъ ею силъ кажется неистощимымъ. Ни буйно проведенная молодость, ни пережитыя разочарованія, ни понесенныя въ жизни потери и утраты, не кладутъ на нихъ клейма своего. Даже неумолимая, ничего не щадящая рука времени кажется безвластною надъ ними. Къ числу такихъ натуръ принадлежалъ и Курнаковъ. Ему было уже около пятидесяти лѣтъ; но на лицо ему никто далеко не далъ бы и сорока: ни одна предательская морщинка еще не обозначилась на немъ; едва пробивавшіеся кое-гдѣ сѣдые волосы, слегка серебря его зачесанные назадъ виски

лишь придавали ему видъ какой-то мужественной зрѣлости; глаза его блестѣли юношескимъ огнемъ; голосъ былъ звученъ и свѣжъ, и въ движеніяхъ была видна молодая бодрость. Въ молодость свою слылъ онъ лихимъ малымъ и добрымъ товарищемъ, готовымъ для пріятеля въ огонь и въ воду; да и теперь, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, не прочь онъ былъ, по первому зову, прискакать сломя голову на перекладныхъ хотя бы за сто верстъ, сыграть лихую штуку, или просто, какъ онъ говорилъ, задать трепку. И теперь не отказывался онъ ни отъ одного кутежа или попойки, устраивалъ на пари садки и скачки, и проводилъ по нѣскольку безсонныхъ ночей сряду за картами.

Когда-то типъ людей подобныхъ Курнакову былъ у насъ очень распространенъ; особенно же было ихъ много между ремонтерами. Вы встрѣчали ихъ на ярмаркахъ, особенно на конныхъ, разгуливавшихъ съ хлыстомъ въ рукѣ въ венгеркахъ и всѣхъ возможныхъ покроевъ поддевкахъ, и въ трактирѣ пускавшихъ пробку въ потолокъ, либо клавшихъ съ трескомъ въ лузу шара и приводившихъ въ изумленіе самого маркера эффектностію своихъ клапштосовъ. Вездѣ отличались они какою-то особаго рода шикозностію и нетерпимостію къ пѣхотинцамъ и штафиркамъ, къ которымъ относились всегда съ пренебреженіемъ, даже съ дерзкими насмѣшками, слѣдствіемъ чего бывали скандалы не рѣдко доходившіе до вмѣшательства полиціи. Всякій богатый человѣкъ считалъ обязанностію содержать сына въ кавалеріи и давать ему средства безпутно сорить деньгами. Это было стоего рода noblesse oblige.

Курнаковъ служилъ нѣкогда въ гусарахъ, лѣтъ пять сряду ремонтировалъ, былъ коноводомъ всѣхъ оргій и кутежей, два раза дрался на дуэли, разъ пять былъ секундантомъ, и наконецъ, по непріятности съ полковымъ командиромъ, долженъ былъ выйти въ отставку. Поселившись въ деревнѣ, онъ женился на очень хорошенькой и богатой дѣвушкѣ; но выне-

сенныя изъ буйно проведенной молодости привычки не могли согласоваться съ требованіями семейной жизни, и молодые супруги, послѣ трехъ лѣтъ сожительства, должны были разъѣхаться. Курнаковъ, конечно, не задумался, и тотчасъ же устроилъ себѣ семейную жизнь по-своему. Онъ получилъ отъ отца хорошее состояніе; но, служа въ гусарахъ, жилъ что-называется на распашку, бросалъ деньги безъ разчета, любилъ при случаѣ задать шику, любилъ иногда и пустить брандера, отъ котораго у банкомета маншетки дрожали и душа уходила въ пятки, а потому обременилъ имѣніе свое бездною долговъ. Но онъ и объ этомъ мало заботился. „На вѣкъ мой хватитъ" говоритъ онъ.

Въ жизни его видна была какая-то смѣсь роскоши съ грязью. У него былъ прекрасный поваръ, вина выписывалъ онъ отъ Руаля, держалъ большую дворню и барскую псовую охоту, домъ его меблированъ былъ богато и со вкусомъ; но на дорогой изящной мебели постоянно валялись собаки, обратившія разумѣется ея шелковую обивку въ грязныя лохмотья; стѣны и потолки были увѣшаны сплошною паутиной; столъ былъ вкусный и подъ часъ даже изысканный, но скатерть иногда накрывалась до того грязная, что смотрѣть на нее было тошно. Случалось зачастую, что въ одну какую-нибудь оргію весь запасъ выписныхъ винъ выходилъ и изъ уѣзднаго города привозилась какая-то бурда мѣстной фабрикаціи. Но все это вполнѣ выкупалось непритворнымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ хозяина, жившаго, казалось, не столько для себя сколько для посѣщавшихъ его друзей и пріятелей.

— Однако съ дороги хорошо теперь и закусить. Ей вышевелись! кричалъ Курнаковъ, хлопая въ ладоши и вводя гостя своего въ залъ.—Какою я, братъ, тебя запеканкой угощу; такой и у Варвары Степановны никогда не было.

За столомъ говорили мало: Николай Степановичъ наканунѣ

не ужинал, да и въ этотъ день выѣхалъ изъ дому натощакъ, а потому чувствовалъ волчій аппетитъ; не отставалъ отъ него и хозяинъ; запеканка же оказалась такъ хороша, что ея выпито было по бутылкѣ на брата. Вечеромъ занялись осмотромъ собакъ; борзыхъ вводили въ залъ попарно на сворахъ, гончихъ на смычкахъ. Курнаковъ объяснялъ породу каждой изъ нихъ, восходя до четвертаго и пятаго колѣна. Иногда, желая похвастать голосомъ какого-нибудь выжлеца или выжловки, онъ сдавливалъ ухо выхваляемой собакѣ, и та издавала такой пронзительный визгъ или, лучше сказать, вопль что мурашки пробѣгали по тѣлу. Не довольствуясь этимъ подробнымъ осмотромъ, на другой день Курнаковъ повелъ своего гостя еще на псарный дворъ, гдѣ произведена была инспекція всего, начиная съ охотничьихъ лошадей, сбруи и собачьихъ фургоновъ, до корытъ въ которыхъ собаки кормились. Со псарнаго двора перешли на конный: пересмотрѣли всѣхъ лошадей; нѣкоторыхъ гоняли на кордѣ, другихъ даже запрягали въ бѣговыя дрожки и повѣряли по часамъ. Домой возвратились уже довольно поздно, и послѣ сытнаго обѣда легли отдохнуть. Вечеромъ осматривали ружья. Осмотрѣли какъ слѣдуетъ и легашей; даже приводили лягавую суку съ только-что рожденными щенятами, которыхъ несли впереди въ лукошкѣ. Одинъ изъ нихъ очень понравился Николаю Степановичу и тутъ же былъ ему подаренъ. На третій день отправились стрѣлять куропатокъ, которыхъ на гуннѣ и въ саду оказалось много, и охота была очень удачна. За обѣдомъ Николай Степановичъ объявилъ было Курнакову что онъ на другой день ѣдетъ отъ него къ Стешкинымъ съ тѣмъ чтобъ отъ нихъ пробраться къ Трунинымъ; но тотъ и договорить ему не далъ.

— Ты никакъ съ послѣдняго спятилъ! сказалъ онъ ему, по такой дорогѣ ѣхать почти за двѣсти верстъ! Ты посмотри колоть какая! Вчера на проѣздкѣ у Полкана двѣ подковы

отлетѣли. Ты и тарантасъ сломаешь и лошадей перекалѣчишь, да и самому придется пожалуй гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ въ чистомъ полѣ ночевать. Ты ужь лучше пережди денекъ какой; авось снѣжокъ подпадетъ. Вишь, какой повалилъ! Установится санный путь, тогда и съ Богомъ. А нѣтъ, такъ ужь лучше домой ступай, коли тебѣ у меня скучно, шутъ ты этакой!

Николай Степановичъ сначала упирался, говоря что въ ожиданіи санной дороги ему пожалуй придется прожить у него цѣлый мѣсяцъ; но Курнаковъ и слушать не хотѣлъ и объявилъ наотрѣзъ что онъ его отъ себя на другой день не отпуститъ. Дѣлать было нечего, да и дѣйствительно порошилъ снѣгъ и ѣхать въ тарантасѣ въ дальній путь было неудобно.

Слѣдующіе два дня прошли въ тѣхъ же занятіяхъ: стрѣляли куропатокъ, осматривали собакъ, сажали волка; на третій же день выпала пороша, и пріятели отправились въ поле. Русака было много, собаки скакали рѣзко, погода стояла превосходная, и они проохотились до самыхъ сумерекъ. Нечего и говорить что пообѣдали съ такимъ аппетитомъ съ какимъ конечно не обѣдаетъ ни одинъ петербургскій чиновникъ послѣ своихъ скучныхъ труженическихъ занятій.

— Давно бы такъ, дружище, говорилъ Курнаковъ, положивъ руку на плечо Николаю Степановичу, когда убрано было со стола и они остались вдвоемъ допивать не доконченную бутылку. — А то сидитъ сиднемъ у себя въ Кругломъ, да около странниковъ и юродивыхъ благодати набирается. Вотъ поживи съ нами недѣльку, другую, такъ домой и ѣхать не захочешь.

— Хорошо, братъ, у тебя, слова нѣтъ; а все завтра ѣхать надо.

— Какъ? Куда? Зачѣмъ? перебилъ его Курнаковъ.

— Надо. Я ужь тебѣ говорилъ, что отъ тебя поѣду къ Зтешкинымъ, а отъ нихъ къ Трунинымъ.

— А на чемъ это изволите вы въ такую дальнюю дорогу ѣхать, желалъ бы я знать.

— Какъ на чемъ?

— Да-съ. На какомъ бы это такомъ инструментѣ?

Тутъ только Николай Степановичъ вспомнилъ что онъ пріѣхалъ въ тарантасѣ, и что по случаю выпавшаго въ послѣдніе дни снѣга ѣхать на колесахъ почти за двѣсти верстъ и думать было нечего.

— То-то братъ, я вижу ты ужь привыкъ чтобы другіе за тебя думали, такъ ты вотъ и послушайся моего глупаго совѣта. Завтра отправь ты свой тарантасъ домой, да прикажи оттуда сани привезть. Тамъ до 24го останется всего три дня, а 24го Стешкина именинница. Она мнѣ кстати кузина; мы съ тобою вмѣстѣ къ нимъ и поѣдемъ. А отъ нихъ поѣзжай себѣ куда знаешь.

Насчетъ посылки за санями Николай Степановичъ тутъ же согласился, но оставаться еще три дня никакъ не хотѣлъ; впрочемъ Курнаковъ и уговаривать его не сталъ.

— Это дѣло впереди, сказалъ онъ,—тогда видно будетъ. А ты теперь мнѣ вотъ что̀ скажи, продолжалъ онъ, смотря прямо ему въ глаза.—Что ты ѣдешь къ Стешкинымъ, я это понимаю: она бабенка славная, приволокнуться за ней не мѣшаетъ. Но кой чертъ несетъ тебя къ Трунинымъ?

— Вопервыхъ, она моя племянница, а во вторыхъ дѣльце есть.

— Вотъ во вторыхъ-то и врешь. Ну какое можетъ быть такое дѣльце чтобъ изъ-за него скакать что-называатся сломя голову за двѣсти верстъ по такой адской дорогѣ въ тарантасѣ? Кабы у тебя тамъ умиралъ отецъ, либо жена рожала—

ну такъ. Опять таки будь у тебя тамъ такое спѣшное дѣло, развѣ сталъ бы ты у меня цѣлую недѣлю прохлаждаться да куропатокъ стрѣлять?

Этотъ послѣдній аргументъ былъ дѣйствительно до того неопровержимъ что Николай Степановичъ нэ нашелся что сказать.

— Я, братъ, вѣдь старый воробей, меня не проведешь, продолжалъ Курнаковъ, не сводя съ него глазъ,—Что у тебя есть на душѣ что-то такое, это вѣрно. Я всѣ эти дни подмѣчалъ за тобою: то сидишь ты по цѣлому часу словно въ воду опущенный, слова отъ тебя не добьешься, а если и отвѣтишь, то все какъ-то не въ попадъ; то примешься разсматривать свой сапогъ, будто отъ него совѣта какого дожидаешься, либо ни съ того, ни съ сего пустишься говорить такъ чтò удержи никакой нѣтъ. Груня моя, и та замѣтила. Вчера лежалъ ты здѣсь одинъ на диванѣ, курилъ трубку, да какъ вдругъ вскочешь, щелкнулъ въ воздухѣ пальцами будто вспомнилъ что-то недоброе, махнувъ рукою, да и пошелъ сновать по комнатѣ какъ помѣшанный. Чтò есть у тебя дѣльце, слова нѣтъ; да дѣльце-то это не у Труниныхъ, а должно дома что-нибудь не ладится.

Николай Степановичъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

«Видно что-нибудь знаетъ», подумалъ онъ.

— Да и изъ дому-то ты уѣхалъ либо на перекоръ Варварѣ Степановнѣ, либо тайкомъ отъ нея. Иначе, я знаю, она тебя въ такое время не отпустила бы.

«Знаетъ, какъ есть знаетъ; вѣрно этотъ подлецъ Васька разболталъ.» И онъ перенесъ съ Курнакова недоумѣвающій взглядъ свой на сапогъ.

— Ну чтò ты сапогъ-то свой разглядываешь? приставалъ къ нему Курнаковъ. — Откройся-ка лучше другу. Авось вмѣстѣ и придумаемъ какъ горю помочь.

— Есть, братъ, дѣльце у Труниныхъ, произнесъ уже какъ-то нерѣшительно Николай Степановичъ. Онъ въ эту минуту похожъ былъ на пойманнаго въ шалости школьника, который, несмотря на неопровержимость уликъ, все еще продолжаетъ запираться, не рѣшаясь прямо сознаться въ винѣ своей.

— Эй, братъ, врешь, Николай! По глазамъ вижу что врешь. Никакихъ у тебя тамъ дѣлъ нѣтъ. Смотри: заставятъ тебя на томъ свѣтѣ горячую сковороду лизать. Ну скажи правду, продолжалъ Курнаковъ, цѣлуя его въ обѣ щеки, — вѣдь врешь?

Добродушіе съ какимъ Курнаковъ допрашивалъ его, надежда что въ самомъ дѣлѣ не дастъ ли онъ добраго совѣта, можетъ-быть отчасти и дѣйствіе винныхъ паровъ и прочей обстановки, а вѣрнѣе все это вмѣстѣ вызвало наконецъ Николая Степановича на откровенность, и онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ безъ утайки все случившееся.

— Такъ вотъ оно дѣльце-то какое! закатился Курнаковъ своимъ звонкимъ; заливистымъ смѣхомъ, когда тотъ окончилъ разсказъ.—Дѣльце хорошее, нечего сказать! Не смѣй, говоритъ, трогать моихъ дѣвокъ, а ты сразу и опѣшилъ. Ха, ха, ха! Ну, а Саша эта хороша? спрашивалъ онъ полуконфиденціальнымъ тономъ. — Вѣдь я твой вкусъ знаю, у тебя губа не дура. Небось обморокъ, а не дѣвка! Изъ себя видная, да ладная; румянецъ во всю щеку, глаза съ поволокой, поступь лебединая.

И глаза его засверкали какъ раскаленный уголь.

— Не твое здѣсь мѣсто, продолжалъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою и слегка покручивая усъ.—Каково! Пошелъ бы говорить, лучше поговорить съ палкой, а та кромѣ дурака ничего сказать не умѣетъ. Ха, ха, ха!

И онъ снова залился такимъ громкимъ, неудержимымъ

смѣхомъ что Николаю Степановичу сдѣлалось даже не ловко; но онъ молча далъ пройти этому необузданному взрыву веселья.

— Ну что жь ты теперь хочешь дѣлать? Для чего уѣхалъ ты изъ дому? спросилъ тотъ наконецъ, угомонясь и утирая навернувшіяся на глазахъ слезы.

— А для того чтобы дать ей почувствовать, доказать...

— Что ты колпакъ, перебилъ его Курнаковъ.—Доказалъ; да такъ доказалъ что теперь и галку спрашивать нечего. Ну ты подумай самъ: вѣдь не на вѣкъ же ты уѣхалъ, долженъ же будешь когда-нибудь домой вернуться. Ну что жь тогда? Нѣтъ братъ по-нашему не такъ.

— А какъ же? какъ бы противъ воли вырвалось у Николая Степановича.

— Не такъ, повторилъ Курнаковъ, ходя скорыми шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.—Поручи это дѣло мнѣ, сказалъ онъ вдругъ, остановясь прямо предъ нимъ:—я такъ его обработаю, что ты мнѣ и послѣ не разъ спасибо скажешь.

— Что же ты сдѣлаешь? вопросительно посмотрѣлъ на него Николай Степановичъ.

— Уже это дѣло мое. Ты знаешь меня, я тебѣ зла не желаю. Ты только положись на меня. Дай мнѣ полную волю.

— Право не знаю, нерѣшительно пробормоталъ Николай Степановичъ.

Онъ былъ очень радъ взвалить по привычкѣ заботу свою на другаго; но зная Курнакова и давнишнее недоброжелательство его къ Варварѣ Степановнѣ, боялся поручить ему такое щекотливое дѣло. «Пожалуй еще что-нибудь такое накуралеситъ что послѣ и не радъ будешь.»

— Да ты по крайней мѣрѣ хоть скажи мнѣ что бы ты думалъ такое сдѣлать? спросилъ онъ его.

— Ну нѣтъ, братъ; ни съ кѣмъ въ жизни ни о чемъ не совѣтовался, да и не люблю этихъ бабьихъ пріемовъ, а что задумалъ тотчасъ же и сдѣлалъ. Ну да впрочемъ что объ этомъ теперь говорить, сказалъ онъ вдругъ какъ бы остановясь на какой-то проблеснувшей у него въ головѣ мысли.— Дѣло это еще впереди, потолкуемъ и послѣ. А теперь я вотъ что̀ тебѣ сказать хотѣлъ: вѣдь ты лошадей своихъ въ Круглое за санями посылаешь.

— Посылаю.

— Такъ сослужи ты мнѣ службу.

— Какую хочешь.

— Курдюмовскаго управляющаго знаешь?

— Кто же этого мошенника не знаетъ; а мы съ нимъ ужь и вовсе сосѣди въ одномъ селѣ живемъ.

— Стало быть и собакъ его знаешь.

— Какъ не знать, собаки славныя. Противъ его лютой здѣсь ни у кого собаки нѣтъ.

— Такъ вотъ отъ этой самой Лютой торговалъ я у него пару щенятъ, по сту рублей за каждаго давалъ.

— Что̀ жь, не отдалъ?

— Не только что не отдалъ, а еще, подлецъ обидѣлся и вздумалъ мнѣ черезъ людей какія-то наставленія давать Ну, да я за это еще ему морду поколочу, отъ меня не отвертится. Пока же дѣло вотъ въ чемъ: Петрушка мой снюхался съ Курдюмовскимъ поваромъ, и тотъ обѣщалъ за пятьдесятъ рублей ему этихъ щенятъ сдать и приказывалъ на дняхъ пріѣзжать за ними.

— Молодца! сказалъ Николай Степановичъ, и отъ непритворнаго удовольствія даже подпрыгнулъ на стулѣ.

По его понятіямъ, украсть собаку не значило сдѣлать воровство. Это было скорѣе молодецкій подвигъ, которому онъ

вполнѣ сочувствовалъ; въ настоящемъ же случаѣ, онъ находилъ, что Курнаковъ поступалъ съ Курдюмовскимъ управляющимъ именно такъ какъ и слѣдовало благородному человѣку поступить со сволочью, то-есть проучить негодяя по-своему, да при случаѣ еще и морду ему поколотить.

— Вотъ мнѣ сейчасъ и пришло въ голову, продолжалъ Курнаковъ, чѣмъ лошадей гонять по напрасну, Петрушка на твоихъ и съѣздитъ. Оно и подозрѣнія меньше. Если кто твоихъ лошадей и увидитъ, подумаетъ привезъ-молъ кучеръ барина, поѣхалъ проѣзжать лошадей, да и завернулъ къ пріятелю лясы поточить, какъ они, подлецы, всегда дѣлаютъ.

— Дѣло понятное. Изволь, братъ, изволь.

И Николай Степановичъ въ свою очередь расхохотался, представляя себѣ рожу какую сдѣлаетъ на другой день управляющій, узнавъ что у него въ ночь увезли собакъ.

— Такъ я сейчасъ же дамъ Панкрашкѣ приказаніе какъ это дѣло поумнѣе оборудовать. Онъ у меня тоже малый не промахъ: въ свое время видалъ виды.

— Ну нѣтъ, любезный другъ; ему объ этомъ пока ни слова, чтобы дѣло не пускать въ огласку. А то если оно теперь почему-либо не удастся, такъ къ нему послѣ и подступить ужь нельзя будетъ.— Скажи ему просто что съ нимъ ѣдетъ Петрушка съ особымъ приказаніемъ, и вели ему строго-настрого чтобъ онъ изъ его повиновенія не выходилъ и исполнялъ бы все что̀ тотъ ему прикажетъ. Понимаешь?

— И то, дѣло, согласился Николай Степановичъ.

— Такъ ты сейчасъ же отдай приказаніе Панкратію, да и ложись себѣ отдыхать; а то я вижу у тебя ужь глаза слипаются. Я тѣмъ временемъ науськаю Петрушку, потомъ позову ихъ къ себѣ обоихъ вмѣстѣ да и отпущу.

Такъ и было сдѣлано.

— Водку пьешь? спросилъ Курнаковъ Панкратія, когда тотъ вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, отвѣчалъ тотъ, осклабляясь.

— Такъ вотъ поздравь меня съ полемъ, сказалъ онъ, наливая ему стаканъ;—а вотъ этотъ выпей за мое здоровье, продолжалъ онъ, наливая другой.—А теперь слушай. Ты отъ барина своего приказаніе получилъ?

— Получилъ-съ, Петръ Михайловичъ.

— Ѣхать въ круглое съ Петрушкой и исполнять все что онъ тебѣ скажетъ. Такъ что ли?

— Точно такъ-съ.

— Такъ отправляйтесь же сейчасъ и привезите сюда Сашку горничную Варвары Степановны. Ты Сашку знаешь?

— Какъ не знать, отвѣчалъ, переминаясь, озадаченный кучеръ:—у однихъ господъ живемъ. Опять таки она моей женѣ родною племянницею доводится.

— Ну вотъ и прекрасно. Стало-быть ты и барину сдѣлаешь угодное и Сашѣ счастье предоставишь, да и тебѣ съ женою не дурно будетъ. Понялъ?

Кучеръ былъ человѣкъ не глупый, слышалъ и о размолвкѣ происшедшей между господами изъ-за Саши, и потому съ разу смекнулъ, что дѣло точно могло выйти не дурное.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ онъ.

— Ну такъ ступайте же. Да чтобъ у меня все было шито да крыто. Вѣдь ты никакъ съ бариномъ еще въ полку мальчишкой былъ. Я чай у васъ тамъ и не такое случалось.

Этимъ послѣднимъ, брошеннымъ какъ бы вскользь, замѣчаніемъ, Курнаковъ какъ нельзя болѣе польстилъ самолюбію кучера. Тотъ хотя и примолчалъ, но скорчилъ такую рожу, которая ясно говорила: видали мы дескать и не такіе виды. Разумѣется, что состроенная имъ рожа лгала, потому что

ничего подобнаго съ Николаемъ Степановичемъ въ полку никогда не случалось; но не можетъ же русскій человѣкъ сознаться, а тѣмъ болѣе сознаться при постороннихъ, что онъ чего-нибудь не видалъ, или не знаетъ, или что съ нимъ не случилось того что случилось съ другимъ, особенно по части удальства и ухорства.

Уладивъ это дѣло, Курнаковъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и велѣлъ собраться хору цыганъ. Еще Николай Степановичъ не выходилъ изъ своей комнаты, какъ хоръ уже стоялъ въ залѣ въ полномъ составѣ. Мущины были въ синихъ казакинахъ, перетянутыхъ черными глянцевыми ремнями, съ красными лампасами на широкихъ шароварахъ; дѣвушки съ лентами въ волосахъ. Въ хорѣ этомъ собственно цыганъ не было ни одной души; онъ составленъ былъ изъ дворовыхъ людей и дѣвушекъ обученныхъ цыганскому пѣнію и пляскѣ выписаннымъ когда-то Курнаковымъ изъ Москвы цыганомъ. Доморощенные Цыгане плясали довольно сносно, а пѣли даже очень порядочно. Едва показался Николай Степановичъ въ дверяхъ, какъ хоръ грянулъ. Онъ вообще любилъ пѣніе, особенно же цыганское, и, пораженный этою неожиданностью, пришелъ въ неописанный восторгъ; въ глазахъ его видно было даже какое-то умиленіе. Курнаковъ приказалъ подать *вдовушку*, — такъ называлъ онъ Клико, — и наливъ стаканы при звукахъ пѣсни: «Ей вы, уланы», провозгласилъ тостъ: за здоровье того кто любитъ кого. Послѣ «улановъ», экономка Курнакова, Груня, пропѣла бывшій тогда въ большомъ ходу романсъ: «На зарѣ ты ее не буди». Груня была, какъ выразился Курнаковъ, дѣвка видная и ладная, съ румянцемъ во всю щеку и звонкимъ голосомъ, почему и прозвана была имъ *курскимъ соловьемъ*. Она всего года три какъ взята была въ домъ изъ дворовыхъ и не успѣла еще усвоить себѣ манеръ барской барыни. Съ тѣхъ поръ какъ Курнаковъ разъѣхался съ женою своею, это была уже пятая. «Дѣвка

всегда должна оставаться дѣвкой и помнить что она небольше какъ дѣвка, говорилъ онъ; а барынь мнѣ не надо: я и свою прогналъ». И дѣйствительно, чуть замѣчалъ онъ что экономка его имѣла поползновеніе стать на барскую ногу, онъ тотчасъ же выдавалъ ее замужъ. Послѣ Груни небольшимъ, но мелодичнымъ голосомъ пропѣла Ѳеня: «Я пойду, пойду косить». Это была молоденькая, черноглазая, очень симпатичной наружности дѣвушка, за которою увивался и селадонничалъ съ самаго пріѣзда своего Николай Степановичъ, что каждый разъ вызывало неудержимый хохотъ со стороны Курнакова.

— А ты ужь и растаялъ, сказалъ онъ подойдя къ нему.— Привези-ка ты свою Сашу; въ недѣлю берусь выдрессировать: будетъ пѣть и плясать не хуже Ѳени. А что, продолжалъ онъ,—еслибы потихоньку отъ Варвары Степановны выучить пѣть и плясать всѣхъ дѣвушекъ, да эдакъ въ сочельникъ учинить у нея въ гостиной вотъ такое же плясобѣсіе; да и черничекъ тутъ же въ присядку пустить. Что бы тутъ такое было?

Мысль эта до того поразила Николая Степановича своею эксцентричностью, что все тучное туловище его заходило отъ смѣха.

Хоръ пѣлъ цѣлый вечеръ и казалось истощилъ уже весь свой репертуаръ.

— А нутка гряньте финальную, крикнулъ наконецъ Курнаковъ, и хоръ запѣлъ «зеленую рощу».

Вышелъ на середину стремянной Левка, молодой и красивый парень съ темнорусыми, остриженными въ кружокъ волосами и едва пробивавшимися усами; противъ него стала Ѳеня. Она перекинула и перевязала черезъ плечо большой красный платокъ и, подпершись лѣвою рукой въ бокъ, а правую держа на отлетѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и говоря плечами, плавно и легко понеслась по залѣ.

— Ловко, ловко! кричалъ ей вслѣдъ, ободряя ее, Курнаковъ; Николай Степановичъ млѣлъ, не сводя съ нея глазъ и боясь проронить хотя одно ея движеніе.

Когда она стала приближаться къ Левкѣ, тотъ выпрямился, молодецки подперся въ бока руками, встряхнулъ волосами и, бойко выбивъ ногами дробь, ловкимъ прыжкомъ обернулся на воздухѣ и сталъ предъ нею на каблукахъ какъ вкопанный. Дойдя до него, перевернулась и Ѳеня, и кружась возвратилась на свое мѣсто. Очередь была за Левкой, и тотъ уже готовился удивить публику ухарскимъ трепакомъ.

— Стой! закричалъ Курнаковъ и, взявъ въ руки гитару, сталъ на его мѣсто.

Онъ закинулъ нѣсколько голову назадъ и, скомандовавъ хору «живѣй», отчетливо выбилъ каблуками дробь и ударивъ рукой по струнамъ, гикая и вскрикивая, легко и бойко, какъ бы не касаясь пола ногами, понесся къ Ѳенѣ. Въ эту минуту онъ былъ въ полной формѣ Цыганъ; красная канаусовая съ косымъ воротомъ рубашка, синяя бархатная поддевка съ такими же широкими шароварами, довершали сходство. Подскочивъ къ Ѳенѣ, онъ вдругъ остановился, глянулъ ей прямо въ глаза и гаркнувъ: «ай не любишь?» не оборачиваясь, дробнымъ ходомъ возвратился назадъ,

— Молодца! крикнувъ Николай Степановичъ и, не выдержавъ расходившейся въ немъ молодецкой удали, засучилъ рукава, и переступая подъ тактъ плясовой пѣсни съ ноги на ногу вышелъ на середину.

— Вотъ такъ одолжилъ, залился звонкимъ смѣхомъ своимъ Курнаковъ и бросился обнимать его. — Ну, Ѳеня, за это поцѣлуй его.

Въ этотъ вечеръ разошлись спать уже далеко за полночь.

На другой день, по возвращеніи съ охоты, Николай Степановичъ только-что пошелъ было къ себѣ въ комнату чтобы снять дубленый полушубокъ, какъ догналъ его Курнаковъ.

— Пойдемъ скорѣе, сказалъ онъ ему въ полголоса, какъ бы опасаясь чтобы кто не услыхалъ. — Такую тебѣ картину покажу какой ты еще отродясь не видывалъ.

— Какую такую? спросилъ Николай Степановичъ.

— А вотъ самъ сейчасъ увидишь. И, взявъ за руку, Курнаковъ повелъ его въ гостиную. Здѣсь онъ на минуту остановился. — Тише, сказалъ онъ шепотомъ, и пріятели на цыпочкахъ направились къ двери, которая вела въ комнату Груни.

— Ну теперь смотри, сказалъ онъ, дойдя до затворенной двери и указавъ на замочную скважину.

Николай Степановичъ, едва переводя духъ отъ волненія, упершись обѣими руками въ колѣни, присѣлъ сколько было нужно чтобы глазъ его пришелся противъ скважины; но, глянувъ въ нее, онъ такъ и обомлѣлъ, ноги его подкосились, и, еслибы не поддержалъ его Курнаковъ, онъ какъ стоялъ, такъ и присѣлъ бы на полъ. Прямо противъ двери на диванѣ, рядомъ съ Груней, сидѣла Саша.

— Что же это такое? могъ лишь онъ проговорить, ошеломленный неожиданнымъ зрѣлищемъ.

— Щенка отъ Лютой привезли, отвѣтилъ Курнаковъ, съ трудомъ сдерживая готовый разразиться хохотъ.

Николай Степановичъ сначала не понялъ и въ недоумѣніи тупо посмотрѣлъ на него; но тутъ же, вспомнивъ вчерашній разговоръ, сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Что ты сдѣлалъ со мною? сказалъ онъ ему совершенно растерянный.

— А то что ты давно долженъ былъ бы сдѣлать самъ, если только хотѣлъ доказать сестрицѣ своей, что ты не колпакъ и не тряпка.

— Все это прекрасно; но что же я теперь буду дѣлать, съ Сашей.

Курнаковъ вмѣсто отвѣта разразился такимъ гомерическимъ хохотомъ, что лежавшая на диванѣ Змѣйка въ испугѣ соскочила съ него, и поджавъ хвостъ, мелкимъ тротомъ убѣжала въ залъ.

— Но согласись же наконецъ, говорилъ окончательно смущенный и озадаченный Николай Степановичъ, что не могу же я въ самомъ дѣлѣ оставить ее здѣсь при себѣ.

— А почему бы и не такъ?

— Потому что всему есть свои границы. Какъ я ни сердитъ на сестру за ея поступокъ, все же я не могу не уважать ея правилъ...

— Да полно тебѣ, любезный другъ, ахинею-то городить. Въ семинаріи кажется не обучался, а чортъ знаетъ какую чушь несетъ. Тебѣ будутъ въ глаза плевать, а ты будешь обтираться да кланяться. Выходитъ ударили въ ланиту, — подставь другую. Нѣтъ, это братъ въ наше время не модель: всю рожу изобьютъ.

Долго спорили, и наконецъ Николай Степановичъ настоялъ таки на своемъ: рѣшено было Сашу въ тотъ же день обратно отправить въ Круглое, такъ какъ на первый разъ достаточно было и сдѣланной демонстраціи чтобъ образумить, и какъ выражался Курнаковъ, привесть въ чувство Варвару Степановну. Николай Степановичъ хотѣлъ было написать ей объяснительное письмо, но Курнаковъ рѣшительно этому воспротивился, доказывая что тѣмъ было бы испорчено все дѣло.

— Ну поди по крайней мѣрѣ хоть повидайся съ ней, приставалъ Курнаковъ, когда Саша уже совсѣмъ снаряжена была въ путь; — а то что же она въ самомъ дѣлѣ за сорокъ верстъ киселя ѣсть пріѣзжала.

— Ни за что на свѣтѣ, упорно отвѣчалъ Николай Степановичъ.

— Да вѣдь ты послѣ этого хуже всякой бабы. Что же ты боишься?

— Ничего не боюсь; правила свои есть.

Курнаковъ и настаивать больше не сталъ; только плюнулъ, да и пошелъ самъ провожать Сашу.

Ссылаясь на правила, Николай Степановичъ очень хорошо сознавалъ, что говорилъ не совсѣмъ то что чувствовалъ. Онъ не соглашался оставить при себѣ Сашу не потому чтобы считалъ поступокъ этотъ безнравственнымъ, даже не изъ уваженія къ принципамъ сестры своей, а потому что поступкомъ этимъ онъ разомъ разгромлялъ свой и безъ того уже потрясенный домашній бытъ, собственными руками разрушилъ ту теплую лежанку на которой какъ раскормленный котъ, мурлыча и жмуря глаза, такъ беззаботно потягивался и нѣжился въ продолженіи стольких лѣтъ,—словомъ: отрѣзывалъ себя отъ своего прошлаго, отрекался навсегда отъ дорогихъ привычекъ своихъ, которыя составляли не только прелесть, но и весь смыслъ его жизни.

Пока отвезли въ Круглое Сашу и лошади возвратились, прошелъ еще день, и когда на слѣдующій Николай Степановичъ сталъ собираться ѣхать къ Стешкинымъ, Курнаковъ объяснилъ ему очень резонно, что было бы крайне не ловко пріѣхать къ нимъ за два дня до именинъ хозяйки дома и, не дождавшись ихъ уѣхать, и что лучше было, выждавъ эти два дня, ѣхать вмѣстѣ въ день самыхъ именинъ, и Николай Степановичъ, уважавшій всевозмяжныя приличія, а тѣмъ болѣе свѣтскія, не могъ съ нимъ не согласиться.

Наконецъ настаалъ и день именинъ Стешкиной. Николай Степановичъ, какъ дамскій кавалеръ, разумѣется озаботился о своемъ туалетѣ и о приданіи своей особѣ возможно пріятнаго и привлекательнаго вида. Онъ занялся этимъ дѣломъ съ ранняго утра: гладко выбрился, отеръ подбородокъ одеко-

лономъ съ водою, подкрасилъ и нафабрилъ усы и симметрически подстригъ и подровнялъ бакенбарды, обвязавъ ихъ въ заключеніе платкомъ, чтобы дать имъ плотнѣе прилечь къ щекамъ. И дѣйствительно когда онъ потомъ снялъ повязку, то онѣ похожи были не столько на бакенбарды сколько на ровно обрѣзанные скрябкою газоны, симметрически разбитыя по обѣ стороны тщательно усыпанной мелкимъ пескомъ площадки. Подбородокъ же былъ до того гладокъ что такъ и хотѣлось провесть по немъ рукою.

Окончивъ туалетъ, Николай Степановичъ повязалъ шею высокимъ доходившимъ почти до ушей галстукомъ, — привычка оставшаяся у него еще отъ военной службы,—надѣлъ новый мундирный сюртукъ съ продѣтымъ въ петлицу крестикомъ, обрызнулся духами и, оглядѣвъ себя со всѣхъ сторонъ въ зеркало, вышелъ въ залъ. Въ особѣ его произошло тоже преобразованіе какое ежегодно происходило въ Махонинскомъ домѣ въ день Свѣтлаго Праздника. Самая походка его какъ бы измѣнилась: и ступалъ онъ легче, и движенія его были развязнѣе и какъ-то деликатнѣе. Когда Курнаковъ увидалъ его, то обомлѣлъ отъ удивленія.

— Тебя узнать, братъ, нельзя! вскрикнулъ онъ, разводя руками.—Другой человѣкъ сталъ; двадцать лѣтъ съ костей долой. Ужь полно ѣхать ли мнѣ съ тобой? На меня барыни и смотрѣть теперь не станутъ.

Пріятели пріѣхали къ Стешкинымъ какъ розъ къ именинному пирогу. Съѣздъ былъ огромный, какъ и всѣ тогдашняго времени помѣщичьи съѣзды: всякій ставилъ себѣ въ непремѣнную обязанность помнить дни именинъ и рожденія сосѣдей, такъ какъ дни эти представляли удобнѣйшій способъ скоротать остававшееся отъ хозяйственныхъ занятій время, а времени этого было не мало. Праздникъ былъ очень оживленъ: много ѣли, пили, танцовали, въ карты играли чуть ли

ге на десяти столахъ. Курнаковъ познакомилъ Николая Степановича съ двумя молоденькими хорошенькими дамами, съ которыми и усадилъ его за преферансъ. Играя съ ними, онъ разказывалъ имъ про небывалые свои походы и похожденія; тѣ разумѣется волею-неволею слушали его, и онъ былъ въ полномъ упоеніи. Вечеромъ Николай Степановичъ даже ангажировалъ одну изъ нихъ на кадриль, и танцуя слегка прихрамывалъ, тутъ же объяснивъ что хромалъ отъ полученной при штурмѣ Варшавы контузіи. Пиръ продолжался трое сутокъ; на четвертыя гости хотѣли было уже разъѣзжаться по домамъ; но какъ нарочно поднялась такая страшная метель что по степнымъ проселочнымъ дорогамъ, особенно по первозимью, когда еще снѣжное полотно ихъ какъ слѣдуетъ не осѣло и не убилось и вдоль ихъ не разставлены спасительныя вѣшки, пуститься въ путь было не безопасно. Радушные хозяева отъ души рады были этой благодати и объявили гостямъ что ихъ въ такую погоду ни за что не отпустятъ. Дѣлать нечего, надо было оставаться; а какъ метель продолжалась двое сутокъ, то и гости могли разъѣхаться лишь прогостивъ у Стешкиныхъ цѣлыхъ пять дней.

Но тутъ приключилось новое обстоятельство. Черезъ день, то-есть 30-го ноября, былъ именинникъ одинъ изъ пировавшихъ у Стешкиныхъ гостей, владѣлецъ пятисотъ душъ и мужъ очень хорошенькой жены, любившей поплясать и повеселиться. День именинъ такого сосѣда конечно не забывается, и къ нему еще заранѣе собиралась большая половина бражничавшихъ у Стешкиныхъ помѣщиковъ, остальную же пригласилъ къ себѣ онъ самъ, а въ томъ числѣ и Николая Степановича. Тотъ сталъ было отговариваться неимѣніемъ времени.

— Вретъ, перебилъ его Курнаковъ, успѣвшій уже пріобрѣсть надъ нимъ неотразимый авторитетъ;—никакихъ у него дѣлъ нѣтъ, петли мечетъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ пріѣдемъ.

Николай Степановичъ отговаривался впрочемъ такъ, по свойственной ему деликатности: нельзя же было въ самомъ дѣлѣ, не поломавшись, сразу согласиться, точно больно ужь обрадовался именинному пирогу; надо себѣ цѣну знать, и дать другимъ ее почувствовать. Въ сущности же онъ былъ очень радъ сдѣланному ему приглашенію, тѣмъ болѣе что это совершенно согласовалось съ его планами. Дня два, пожалуй три, пробуду у Шумилиныхъ, думалъ онъ, и какъ разъ вернусь въ Круглое къ именинамъ сестры. Его мучило оскорбленіе нанесенное имъ сестрѣ увозомъ Саши, и ему хотѣлось скорѣе загладить вину свою.

У Шумилиныхъ пропировали ровно трое сутокъ, и Николай Степановичъ совсѣмъ уже было собрался ѣхать къ себѣ въ Круглое, какъ Курнаковъ объявилъ ему что онъ далъ за него слово пріѣхать съ нимъ на другой день къ Маклаковой, очень богатой и всѣми уважаемой старушкѣ, быть у которой считали за особую честь не только уѣздные, но и губернскіе тузы. Самъ архіерей, объѣзжая епархію, считалъ обязанностію посѣтить ее, при чемъ даже служивалъ въ ея церкви обѣдню. 4-го декабря она была именинница, и отъ Шумилиныхъ всѣ огромнымъ поѣздомъ отправлялись къ ней; но Николай Степановичъ отъ этой новой поѣздки отказался наотрѣзъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ Курнакову рѣшительно;—ты поѣзжай куда знаешь, а я ѣду въ Круглое: у меня дома завтра своя именинница.

— Да ты никакъ вовсе сбрендилъ! перебилъ его тотъ. — Тебя сестра изъ дома выгнала, а ты къ ней съ поклономъ на именины. Зачѣмъ же ты послѣ этого и уѣзжалъ?

— Что жь, довольно помучилъ; пора и честь знать.

— Жаль стало. Эхъ ты, Ѳедотьевна! А еще военный мундиръ носитъ, Варшаву приступомъ бралъ! На тебя не военый мундиръ, а паневу надѣть надо, да за прялку посадить.

— Какъ знаешь. А я рѣшился, сейчасъ ѣду.

— Рѣшительно ѣдешь?

— Рѣшительно; я ужь велѣлъ и лошадей закладывать.

— Ну ужь если такъ, братъ, такъ нѣтъ же, шаландры: не бывать тебѣ въ Кругломъ ни на своихъ именинахъ, ни на сестриныхъ.

— Какъ это такъ?

— Да такъ же! не бывать, да и только.

Сказавъ это, Курнаковъ запустилъ руки въ карманы, и, остановясь прямо противъ Николая Степановича, глядѣлъ ему въ упоръ въ самые глаза. Слова эти сказаны были такъ положительно, что Николай Степановичъ совершенно опѣшилъ и минутная рѣшимость его исчезла.

«Чортъ его знаетъ», обдумывалъ онъ; «вѣдь полоумный. Если ужь что захотѣлъ, ни передъ чѣмъ не остановится: отца роднаго въ подворотню пролѣзть заставитъ. И кучеръ съ нимъ такой же сорви-голова. Еще пожалуй такую штуку сыграетъ что и жизни не радъ будешь.»

Николай Степановичъ сталъ представлять Курнакову резоны почему ему слѣдовало ѣхать въ Круглое; тотъ доказывалъ, что напротивъ ему туда ни подъ какимъ видомъ ѣхать не слѣдовало. Пренія продолжались болѣе получаса, и наконецъ рѣшено было ѣхать вмѣстѣ къ Маклаковой, а отъ нея въ городъ, гдѣ 6-го былъ назначенъ балъ въ дворянскомъ клубѣ.

— А тамъ ступай себѣ хоть на всѣ четыре стороны, шалашъ ты этакой! заключилъ Курнаковъ.

У Маклаковой Николай Степановичъ проскучалъ весь день. За обѣдомъ играла музыка, кругомъ его все были веселыя лица; но онъ не раздѣлялъ общаго веселья: ему тяжелъ былъ пиръ на праздникѣ чужомъ. Когда провозглашенъ былъ тостъ

за здоровье хозяйки, онъ вмѣстѣ съ другими поднялъ бокалъ, но выпить его не могъ: ему казалось, что онъ тѣмъ нанесъ бы сестрѣ своей кровную обиду, порвалъ бы съ нею послѣднюю связь. Долго держалъ онъ его предъ собою въ нерѣшимости. «За здоровье ваше, сестрица», сказалъ онъ наконецъ шепотомъ, поднеся бокалъ къ губамъ, и сразу опорожнилъ его. Послѣ этого, сдѣланнаго имъ хотя и заочно, шага къ примиренію, у него и на сердцѣ стало какъ будто легче, и на душѣ покойнѣе.

Отъ Маклаковой отправились въ городъ. Были и на дворянскомъ балѣ. Балъ, несмотря на торжественность дня, прошелъ безъ всякаго скандала и съ подобающимъ благочиніемъ: дворяне были въ мундирахъ или въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ и галстукахъ, и примѣрнымъ поведеніемъ своимъ привели бы въ умиленіе самого благонамѣреннаго чиновника. Даже между прислугою и полицейскими солдатами не было ни одного пьянаго; по крайней мѣрѣ не украдено было ни одной шубы. Самый городничій, имѣвшій обыкновеніе въ табельные дни, въ изъявленіе преданности своей къ престолу и отечеству, совершать приличныя возліянія, лишавшія его почему-то употребленія ногъ, на этотъ разъ держался на нихъ твердо и бодро, и лишь не въ мѣру раскраснѣвшійся носъ свидѣтельствовалъ о неизмѣнности его лойяльныхъ чувствъ.

Такимъ мирнымъ исходомъ бала Курнаковъ остался даже недоволенъ.

— Куда какъ все измельчало, говорилъ онъ Николаю Степановичу, возвращаясь домой. — Въ наше время такъбы не кончилось: этому уѣздному франтику со стеклышкомъ въ глазѣ ужь навѣрное гусары наши всю морду исколотили бы.

Но мы, слѣдуя за Николаемъ Степановичемъ въ его безцѣльныхъ поѣздкахъ и странствованіяхъ съ Курнаковымъ по

сосѣднимъ помѣщикамъ, совсѣмъ забыли Варвару Степановну.

Читатель уже знаетъ, что встревоженная неожиданнымъ отъѣздомъ и долгимъ невозвращеніемъ брата, она было успокоилась предположеніемъ что Николай Степановичъ поѣхалъ провѣдать Труниныхъ, отъ которыхъ вѣроятно и возворотится ко дню ея именинъ, какъ вдругъ снова озадачена была неожиданнымъ происшествіемъ. Ночью неизвѣстно куда пропала Саша и какъ разъ въ ту же самую ночь пріѣзжалъ кучеръ Николая Степановича за троичными санями. Его видѣлъ караульный, говорилъ съ нимъ, спрашивалъ откуда онъ пріѣхалъ; но ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ не могъ добиться путнаго отвѣта. Съ нимъ пріѣзжалъ еще какой-то неизвѣстный человѣкъ. Кучеръ былъ по женѣ родной дядя Сашѣ, человѣкъ пьяный и подъ пьяную руку готовый на все; жена его была также у Варвары Степановны на дурномъ счету, и не было никакого сомнѣнія что Сашу увезъ онъ.

Происшествіе это поставило весь домъ вверхъ дномъ. Власьевна допрашивала кучерову жену и караульнаго, но отъ нихъ положительно ничего узнать не могла и пришла наконецъ къ тому убѣжденію, что Сашу увезъ самъ нечистый обернувшись въ кучера, для того чтобы наказать ее за то что она была причиною раздора между господами. Варвара Степановна конечно не раздѣляла этого мнѣнія: она была убѣждена что за Сашей присылалъ Николай Степановичъ, но съ какою цѣлью онъ это сдѣлалъ, было для нея рѣшительно загадкой. Она терялась во всевозможныхъ предположеніяхъ, изъ которыхъ одни были тревожнѣе и возмутительнѣе другихъ.

«Ужь не хочетъ ли онъ въ пику мнѣ жениться на ней, думала она, и пріѣхать сюда съ молодою хозяйкой? Или можетъ-быть»... И легкій румянецъ дѣвственной стыдливости выступилъ на ея желтыхъ морщинистыхъ щекахъ и губы

приняли такое выраженіе какого еще никогда не принимали. Ей стыдно было предъ самой собою, что подобныя предположенія могли придти ей въ голову, и она осѣнила лобъ свой крестнымъ знаменьемъ. «Но нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ онъ рѣшился на что-нибудь такое. Что сказали бы сосѣди? Что сказали бы свои собственные люди? Вѣдь это значило бы опозорить себя на цѣлый вѣкъ для того только чтобы мнѣ досадить. Нѣтъ, этого быть не можетъ!» И Варвара Степановна нѣсколько успокоивалась. «А впрочемъ Богъ его знаетъ, передумывала она черезъ минуту, онъ щекотливъ, вспыльчивъ и изъ самолюбія рѣшится пожалуй на все, особенно если онъ у Бурнакова. Для этого изверга нѣтъ на свѣтѣ ничего святаго: законную жену прогналъ и завелъ у себя въ домѣ развратъ; нѣтъ ничего мудренаго что и его подобьетъ. А досаднѣе всего то, что я сама во всемъ виновата. Послушайся я перваго своего намѣренія, пойди тогда же къ нему въ кабинетъ, попроси у него прощенія, и все было бы кончено. Можетъ-быть онъ потому весь вечеръ въ гостиную и не выходилъ, что поджидалъ меня къ себѣ, зная что у меня сидитъ Солодкина.» И Варвара Степановна ломала себѣ руки съ досады.

Весь этотъ день Варвара Степановна провела въ страшномъ волненіи. «Вотъ-вотъ, думала она, подъѣдутъ къ крыльцу сани, и выйдетъ изъ нихъ Николай Степановичъ рука объ руку съ Сашей.» Она даже отъ времени до времени прислушивалась не зазвенитъ ли знакомый колокольчикъ, и не одинъ разъ казалось ей что дѣйствительно звенитъ. Но день прошелъ благополучно, и, ложась спать, она нѣсколько успокоилась и ободрилась.

Утромъ встала она рано. Былъ ясный день: солнце играло въ узорахъ расписанныхъ морозомъ стеколъ; сверкалъ и искрился свѣже выпавшій снѣгъ. Въ домѣ было и свѣтло, и тепло. Беззаботно перепархивая съ жерди на жердь, то весело

щебетали, то заливались оглушительнымъ пѣніемъ канарейки. Будто легче и отраднѣе стало и на душѣ у Варвары Степановны. Вскорѣ съ веселымъ лицомъ показалась въ дверяхъ Власьевна.

— Я къ вамъ, сударыня, съ радостью, сказала она, поклонившись.— Сашка нашлась. Ее ночью подвезъ къ дѣвичьему крыльцу Панкратій; спустилъ съ саней, а самъ уѣхалъ Должно-быть такое было господское приказаніе.

— Ну что жь она? нетерпѣливо спросила Варвара Степановна.

— Ничего-съ; какая была, такая и есть: она даже Николая Степановича не видала. Увезъ её отсюда все тотъ же Панкратій; вызвала ее изъ дѣвичьей тетка и привела къ себѣ домой. Тамъ ихъ дожидался какой-то человѣкъ и сталъ Сашку почти силкомъ сажать въ сани. Она сначала не соглашалась, хотѣла даже, говоритъ, кричать; да Панкратій пригрозилъ: баринъ, молъ, приказалъ; хуже будетъ. Ну, выходитъ, дѣлать было нечего; посадили ее, да и увезли.

— Куда же ее возили?

— Къ Курнакову въ домъ.

— Ну такъ и есть. Что же она тамъ дѣлала?

— Привезли меня, говоритъ прямо въ домъ. Вышла ко мнѣ экономка, такая молодая, да изъ себя видная; обошлась со мною ласково таково; напоила меня чаемъ; спрашивала какъ ты молъ дома у себя живешь, какіе у вас порядки? Спрашиваетъ, говоритъ, а сама все смѣется; хохотунья такая, Выходилъ, говоритъ, взглянуть на нее и самъ Курнаковъ. Тоже такой веселый, да ласковый. «Не наливай ей, говоритъ, въ чай сливокъ: нонче постъ. Не бери тяжкаго грѣха на душу.» Такъ просидѣла она въ дѣвичей весь день; а къ вечеру вышелъ къ ней Васька съ приказомъ опять собираться домой. И тутъ-таки опять вышелъ баринъ, то-есть выходитъ Курнаковъ, провожать ее. «Отвези, говоритъ, отъ меня по-

холопъ своей барынѣ; скажи ей что молъ Петръ Михайловичъ Курнаковъ ей усердно кланяется.»

Власьевна думала приносенною вѣстью обрадовать Варвару Степановну, никакъ не подозрѣвая, что каждое слово врѣзывалось ей острымъ ножомъ въ сердце.

«Такъ стало-быть онъ присылалъ за ней, соображала сама съ собою Варвара Степановна, только для того чтобы поднять меня на смѣхъ, поглумиться надо мной старухой съ Курнаковымъ и его экономкой, сдѣлать меня посмѣшищемъ не только всѣхъ сосѣдей, но и дворни. Ужь лучше бы онъ оставилъ ее гдѣ-нибудь тамъ у себя. По крайней мѣрѣ такого позора для дома не было бы.»

Конечно нельзя было нанесть самолюбію ея болѣе чувствительнаго удара. Еслибы Николай Степановичъ женился на Сашѣ, то и тогда Варвара Степановна считала бы себя менѣе оскорбленною, менѣе униженною. Тогда онъ поступилъ бы въ отношеніи къ ней эгоистомъ, не обращающимъ никакого вниманія на положеніе въ какое онъ ставилъ ее поступкомъ своимъ; теперь же вся цѣль этаго поступка состояла лишь въ томъ чтобы нанесть ей оскорбленіе. Не менѣе оскорбленія, Варвару Степановну мучило сознаніе, что она ничѣмъ не можетъ отвѣтить на него, и не потому чтобъ она во самомъ дѣлѣ желала чѣмъ-либо на него отвѣтить, а потому что на то возможность и не воспользовавшись ею, она показала бы, что пренебрегаетъ имъ и стоитъ выше этихъ мелочныхъ дрязгъ. Сознаніе этого безсилія очень мучило ее и не давало ей покоя.

Весь день провела она въ возбужденномъ состояніи, и къ ночи съ ней сдѣлался жаръ и бредъ. Ей чудились попеременно то Николай Степановичъ, то Саша, то Курнаковъ, то его экономка. То представлялось ей какъ Николай Степановичъ посылаетъ кучера за Сашей; то какъ Курнаковъ провожаетъ ее на крыльцо и приказываетъ отвезть барынѣ своей

поклонъ, «усердный,» прибавляетъ онъ, присѣдая и хохоча во все горло. То видѣла она какъ экономка его, разумѣется съ полуобнаженными плечами и распущенными по нимъ волосами (иначе она ее себѣ почему-то и представить не могла), сидитъ съ Сашей за столомъ, поитъ ее чаемъ, разспрашиваетъ про заведенные въ домѣ порядки, и при каждомъ ея словѣ, покатываясь со смѣху, издѣвается надъ нею. Васька, и тотъ изъ темнаго угла строилъ ей рожи, высовывалъ языкъ, и раставивъ пальцы обѣихъ рукъ дѣлалъ ей носъ.

Три дня пролежала она въ постели; наконецъ не совсѣмъ еще истощенныя силы взяли верхъ, и на четвертый она почувствовала себя лучше и могла выйти въ гостиную. Она тутъ же послала за священникомъ и отслужила молебенъ Божіей Матери «Утоли моя печали». Она излила въ теплой молитвѣ печаль свою, и послѣ молебна на сердцѣ у нея тотчасъ же сдѣлалось и легче и спокойнѣе; самый складъ мыслей ея совершенно измѣнился.

«О чемъ я такъ скорблю и чѣмъ такъ смущаюсь?» думала она. «Видно Господу Богу угодно было испытать меня и наказать за грѣхи мои. Да будетъ же Его святая воля! И въ самомъ дѣлѣ какое я имѣла право такъ жестоко, при постороннихъ, оскорбить Николая Степановича? Пономарь правду говоритъ: въ наши лѣта слушать наставленія уже поздно. И что я за наставница такая? За дѣвушками я обязана наблюдать: за нихъ Богу отвѣтъ дамъ. А братецъ, слава Богу уже не маленькій. Да и что же онъ сдѣлалъ такого? Можетъ-быть онъ съ Сашей говорилъ о пустякахъ какихъ, а я изъ мухи слона сдѣлала, разбранила, оскорбила его. И онъ хоть бы одно слово мнѣ въ отвѣтъ. Мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же отправиться къ нему и въ духѣ смиренія попросить его простить меня; но я этого не сдѣлала, самолюбіе не допустило. Вѣдь не ему же было въ самомъ дѣлѣ идти извиняться предо мной. Онъ подождалъ, подождалъ, да чтобы не дѣлать пер-

ваго шага и уѣхалъ. А что онъ за Сашей присылалъ, то я знаю что онъ самъ собою никогда бы на это не рѣшился, а поступилъ такъ по наущенію Курнакова, да еще пожалуй и не подъ трезвую руку, а можетъ-быть и въ такомъ положеніи что и самъ не помнилъ что дѣлалъ; а какъ на другой день, проспавшись, обо всемъ узналъ, сейчасъ же, даже не взглянувъ на Сашу, прислалъ ее назадъ. Вина его лишь въ томъ, что не объяснилъ мнѣ съ нею же всего письмомъ. Опять-таки какъ и писать, если онъ на меня сердится? Вѣдь это былъ бы тотъ же первый шагъ; уже легче было бы самому пріѣхать.

Всѣ эти соображенія и догадки привели наконецъ Варвару Степановну къ тому выводу, что она, и притомъ одна она, во всемъ виновата, а потому для очищенія совѣсти предъ Богомъ наложила на себя эпитимію: класть ежедневно до возвращенія Николая Степановича по сорока земныхъ поклоновъ; для очищенія же себя предъ братомъ написала ему письмо такого содержанія:

«Милостивый государь, братецъ Николай Степановичъ, — неожиданный отъѣздъ вашъ повергъ меня въ бездну горести. Слезно прошу васъ простить мнѣ необдуманныя и оскорбительныя для васъ слова, заставившія васъ выѣхать изъ родительскаго дома. Вполнѣ чувствую вину свою; но Господь заповѣдалъ намъ прощать и лютымъ врагамъ нашимъ: простите же и вы меня великодушно По возвращеніи вашемъ, буду на колѣняхъ просить у васъ прощенія предъ тѣми при которыхъ оскорбила васъ. Любезный братецъ, мы оба съ вами не молоды, а я ужь и вовсе старуха; не много ужь можетъ-быть осталось намъ и жить вмѣстѣ. Ужели мы, стоя на краю гроба, вмѣсто того чтобъ успокоивать и утѣшать другъ друга, будемъ на соблазнъ добрымъ людямъ питать взаимную вражду и злобу? Да сохранятъ насъ отъ того Господь Богъ и Царица Небесная!»

Варвара Степановна рѣшилась просить прощенія у брата своего въ присутствіи тѣхъ при которыхъ нанесла ему оскорбленіе, то-есть въ присутствіи дѣвушекъ своихъ; она приносила въ жертву примиренія съ нимъ все свое самолюбіе, отрекалась отъ самой себя,—словомъ: дѣлала такую уступку одна мысль о которой нѣсколькими часами раньше привела бы ее въ ужасъ. Объ увозѣ Саши она не говорила ни слова, такъ какъ это былъ пунктъ, въ которомъ она при всемъ добромъ желаніи своемъ не могла признать Николая Степановича совершенно предъ собою правымъ, а потому и сочла лучшимъ не упоминать о немъ. Письмо это она сначала написала начерно. раза два переправила и наконецъ, старательно переписавъ на листѣ золотообрѣзной почтовой бумаги, вручила Тихону Өедорову.

Отправивъ пономаря, Варвара Степановна ждала его возвращенія съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Впрочемъ онъ не заставилъ себя долго ждать и на другой же день утромъ явился отдать отчетъ въ исполненіи возложеннаго на него порученія.

— Ну, что? спросила она его дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, не давъ ему окончить молитву и сдѣлать обычный поклонъ.

— Да что, отвѣтилъ протяжно Тихонъ Өедоровъ, вынимая изъ-за пазухи и подавая Варварѣ Степановнѣ привезенное имъ обратно письмо.—Съѣздилъ ни по что, привезъ ничего.

— Что жь такъ? едва могла проговорить она.

— Пріѣзжаю къ Курнакову, а ихъ ужь и слѣдъ простылъ. Говорятъ третій день какъ уѣхали къ Стешкинымъ, а отъ нихъ Николай Степановичъ хотѣлъ проѣхать еще куда-то за полтораста верстъ; стало-быть къ Трунинымъ. Хотѣлъ было я слѣдомъ ѣхать къ Стешкинымъ. Да потомъ подумалъ, подумалъ: что жь, проѣду я еще тридцать верстъ и опять его не застану. Вѣдь весь свѣтъ не объѣдешь, да и не къ чему.

Стало-быть, выходитъ, непремѣнно закатился соколъ нашъ къ Трунинымъ; больше ему въ ту сторону и ѣхать некуда. Погоститъ онъ у нихъ недѣльку, да вмѣстѣ съ Вѣрою Семеновной какъ разъ къ Варварину дню, ко дню вашего ангела, сюда и припожалуютъ. Такъ вы и готовьтесь.

Извѣстіе это и опечалило, и вмѣстѣ успокоило Варвару Степановну. Въ самомъ дѣлѣ предположеніе Тихона Ѳедорова было очень правдоподобно. Она даже нѣсколько ободрилась, хотя и чувствовала что силы ея ей измѣняли, и стала ожидать дня именинъ своихъ съ нетерпѣніемъ. До него оставалось ровно недѣля, и она съ другаго же дня стала приготовляться къ пріему дорогихъ гостей. Весь домъ былъ вымытъ и убранъ какъ къ Свѣтлому празднику, особенно же кабинетъ, который постоянно былъ грязнѣе прочихъ комнатъ, какъ по множеству находившихся въ немъ птицъ, такъ и потому что Николай Степановичъ, хотя и любилъ чистоту, терпѣть не могъ самаго процесса мытья и чищенія. Нитяную, мѣстами уже изорванную, сѣтку на оконномъ садкѣ Варвара Степановна замѣнила мѣдною, которую купила было для своего канареечнаго садка; диванъ обила новымъ ситцемъ, перемѣнила засаленное сукно на письменномъ столѣ, пересмотрѣла и перечистила клѣтки; словомъ убрала кабинетъ такъ что его узнать было нельзя. Перебила мебель и въ гостиной, причемъ особенно наблюдала за прочностью обойки дивана, на которомъ постоянно сидѣлъ Николай Степановичъ, такъ какъ то мѣсто гдѣ онъ обыкновенно возсѣдалъ до того вдавилось что образовалась впадина, въ которую свободно можно было уложить цѣлый каравай ржанаго хлѣба. Даже себѣ сдѣлала новый чепецъ съ лиловыми лентами.

Въ этихъ занятіяхъ незамѣтно прошла недѣля и насталъ наконецъ канунъ Варварина дня, на который, по разчету Варвары Степановны, должны были пріѣхать Николай Степеновичъ съ Труниной. Утро прошло въ разныхъ приготовлені-

яхъ ко встрѣчѣ гостей; но наступилъ и обѣденный часъ, а ихъ все еще не было. Впрочемъ она къ обѣду и ждала ихъ и нѣтъ, такъ какъ Трунина, соображаясь съ удобствами ночлеговъ, выѣзжала изъ дому всегда такъ чтобы пріѣхать въ Круглое къ самой всенощной. Но вотъ и свечерѣло, подали огни; оставался всего часъ и до всенощной, а они все еще не пріѣзжали. Варвара Степановна начинала серіозно безпокоиться. «Неужели они не пріѣдутъ?» спрашивала она себя. «Нѣтъ, этого быть не можетъ. Ихъ могло что-нибудь задержать дорогой: вчера цѣлый день несла поземка, дорога тяжелая. Можетъ-быть и теперь идетъ еще снѣгъ.» И она посмотрѣла въ окно, но погода была превосходная: полный мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ, и чистое небо усѣяно было яркими звѣздами. Когда наконецъ ей доложили что пришелъ священникъ съ причтомъ, она совсѣмъ упала духомъ: силы какъ бы разомъ оставили ее и она едва могла выйти въ залъ. Началась служба. Среди общей тишины, она съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ малѣйшему шороху въ передней, съ замираніемъ сердца поджидая не услышитъ ли звука знакомаго ей колокольчика; «авось еще подъѣдутъ», утѣшала она себя. Она такъ была увѣрена въ пріѣздѣ Николая Степановича, такъ въ послѣдніе дни сроднилась съ этою мыслію, что и вѣрить не хотѣла, чтобы могло случиться иначе. Вотъ пошелъ и священникъ съ кадиломъ въ рукѣ совершать свой обычный кругомъ дома обходъ; пошла со свѣчею за нимъ и она. Когда они вступили въ кабинетъ, его обновленный, какъ бы праздничный видъ болѣзненно и грустно подѣйствовалъ на нее. «Не къ добру я все это затѣяла», подумала она, и будто что-то тяжелымъ гнетомъ легло у ней на сердцѣ. Остальную половину всенощной простояла она въ какомъ-то полусознательномъ состояніи. Видѣла она какъ по окончаніи ея священникъ и діаконъ сняли съ себя облаченія, какъ потушили горѣвшія предъ образами свѣчи, какъ потомъ пошли вслѣдъ

за нею въ гостиную. какъ размѣстились и пили разлитый ею чай; но о чемъ шелъ разговоръ, о чемъ ее спрашивали и что она отвѣчала, рѣшительно не помнила. Когда, наконецъ, всѣ разошлись, она ушла къ себѣ въ образную, и упавъ ницъ предъ иконою Скорбящей Божіей Матери, почти всю ночь провела въ молитвѣ.

На другой день она до того ослабѣла что съ трудомъ могла отстоять обѣдню; принимать же явившихся къ ней съ поздравленіями уже не могла. Но надежда все еще не оставляла ея «Можетъ-быть, думала она, онъ еще пріѣдетъ завтра.» Эта хотя и слабая надежда поддерживала ее; но когда и слѣдующій день прошелъ въ томъ же напрасномъ ожиданіи, она пришла въ совершенное уныніе; и нравственныя и физическія силы окончательно оставили ее.

На Николинъ день она собрала остатокъ силъ чтобы быть у обѣдни и помолиться за здоровье покинувшаго ее брата но изъ церкви ее уже почти донесли въ рукахъ, и къ вечеру она окончательно слегла въ постель. Ея слабое, нервное сложеніе не могло вынесть этого длиннаго ряда пытокъ и потрясенныя силы съ каждымъ днемъ быстро упадали. О медицинской помощи она и слышать не хотѣла. «Господь меня наказуетъ, говорила она; пусть же Онъ и проститъ и исцѣлитъ меня». На пятый день она наконецъ до того изнемогла что Власьевна держала совѣтъ съ Тихономъ Ѳедоровымъ и Миронычемъ, и рѣшено было въ тотъ же день послать гонца къ Николаю Степановичу. Черезъ день Варвара Степановна исповѣдалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ. Священника просила она передать Николаю Степановичу письмо написанное ею назадъ тому три недѣли и сказать ему на словахъ, что она чувствуетъ себя предъ нимъ виноватою и проситъ его простить ее, что она съ своей стороны ничего противъ него не имѣетъ; если же онъ находитъ себя въ чемъ-нибудь противъ нея виновнымъ, она охотно прощаетъ его. Власьевну и

Мироныча она просила продолжать служить Николаю Степановичу вѣрою и правдой, даже сдѣлала нѣкоторыя распоряженія насчетъ своихъ похоронъ и поминокъ, и утѣшала плакавшихъ около нея старухъ тѣмъ что онѣ разстаются не надолго и скоро снова свидятся тамъ гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій.

Николай Степановичъ отправился съ Курнаковымъ въ городъ на одинъ день; но видно выѣхалъ онъ изъ дому не въ часъ,—по крайней мѣрѣ, ни одному изъ предположеній и плановъ его не суждено было осуществиться. Случилось такъ что городничій оказался не только однополчаниномъ Николаю Степановичу, но и однокашникомъ его по кадетскому корпусу; Курнаковъ же встрѣтился со старымъ товарищемъ своимъ по ремонтерству, помѣщикомъ Лапшинымъ, съ которымъ не видался болѣе двадцати лѣтъ. Понятно что обѣ встрѣчи эти не обошлись безъ подобающихъ попоекъ и пріятели наши вмѣсто одного дня пробыли въ городѣ цѣлыхъ пять; на шестой же Лапшинъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ деревню. Имѣніе его было въ тридцати верстахъ отъ города въ лѣсной части уѣзда; онъ устроилъ у себя охоту на тетеревовъ, и къ нему собиралось изъ города большое общество. Николай Степановичъ очень любилъ эту охоту, но безалаберная жизнь, которую онъ велъ въ продолженіи послѣднихъ трехъ недѣль, до того ему надоѣла и утомила его, что онъ только и думалъ о томъ какъ бы вернуться скорѣе въ Круглое.

— Ну куда ты ѣдешь, чортова голова? отговаривалъ его Курнаковъ.—Еще успѣешь у себя въ Кругломъ насидѣться. Не ломай компаніи; для компаніи и попъ, говорятъ, протрезвился. Опять таки отъ города до Круглаго семьдесятъ верстъ, а отъ Лапшина и пятидесяти не будетъ; въ одну упряжку шутя доѣдешь.

Послѣднее обстоятельство заставило Николая Степановича призадуматься. «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, та же будетъ

кормежка, а между тѣмъ честь ему сдѣлаю. Человѣкъ онъ свѣтскій и порядочный, не какой-нибудь степной бирюкъ, оцѣнитъ это. И живетъ, говорятъ, бариномъ; глядишь въ предводители выберутъ; у такихъ людей и быть въ домѣ пріятно.»

— Извольте, сказалъ онъ Лапшину,—ѣду; но не для тетеревовъ, а собственно только для васъ. Повѣрьте добавилъ онъ,—что и въ нашей степной глуши есть люди умѣющіе понять и оцѣнить истинно достойнаго человѣка.

Сказавъ это, Николай Степановичъ очень любезно потрясъ Лапшину руку и, самодовольно обведя глазами окружающихъ, не безъ удовольствія замѣтилъ что сказанныя имъ слова произвели на нихъ не малую сенсацію.

— Талейранъ, кричалъ во все горло Курнаковъ, — какъ есть Талейранъ! Тебѣ-бъ, шуту дипломатомъ быть, а не въ Кругломъ сидѣть, да съ галкой разговаривать.

Изъ города отправились на нѣсколькихъ тройкахъ. Лапшинъ принялъ и угостилъ гостей своихъ по-царски. Шампанское, разумѣется, лилось рѣкой. Мѣсто для стрѣльбы глухарей было выбрано очень удачно, на самомъ ихъ перелетѣ подгоняемые загонщиками, они летѣли прямо на охотниковъ и садились противъ ихъ шалашей рядомъ съ насаженными на вѣхахъ чучелами. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ по просѣку шла неумолкавшая перестрѣлка; промаховъ почти не было и тетеревовъ было набито, что-называется, хоть прудъ пруди. Охотились два дня сряду; на третій же обошли выводокъ волковъ и назначена была облава.

До разсвѣта всѣ уже были на ногахъ, чтобы до восхода солнца поспѣть на мѣсто; но Николай Степановичъ отъ этой новой охоты положительно отказался. Онъ въ ночь видѣлъ дурной сонъ и упалъ духомъ. Онъ до того былъ разстроенъ, что не только Лапшинъ, но и самъ Курнаковъ не сталъ его удерживать

— Ну чортъ съ тобой, дрянь ты эдакая! сказалъ онъ, прощаясь съ нимъ.—Коли дома соскучишься, пріѣзжай опять въ Курнаки,—я тебѣ всегда буду радъ. Да Сашу разцѣлуй, продолжалъ онъ, провожая его на крыльцо.—А галку сестрѣ подари; пускай она теперь съ ней на досугѣ разговариваетъ. Ха, ха, ха!—И звонкій хохотъ его слился съ зазвенѣвшимъ подъ дугою колокольчикомъ.

«Уфъ! Насилу вырвался!» вздохнулъ Николай Степановичъ, выѣзжая изъ села. «До Круглаго пятьдесятъ верстъ; авось къ обѣду дома буду. Ну ужь жизнь!» думалъ онъ самъ съ собою. «Недѣлю какую, да и то изрѣдка, еще вынести можно, а что-бы вѣкъ свой такъ жить—избави Богъ! И года не проживешь. И какъ это Курнаковъ такую цыганскую жизнь выноситъ? Онъ, правда, и самъ цыганъ. Нѣтъ, мнѣ не вынести; меня о сю пору всего разломило: и голова тяжела, и въ поясницу вступило. Какъ пріѣду домой, сейчасъ же въ баню, разотрусь краснымъ спиртомъ, да и пошелъ отлеживаться. Нѣтъ, хорошо въ гостяхъ, а дома лучше. Какъ можно! У себя живу я бариномъ: всѣ меня покоятъ, всякій мнѣ въ глаза смотритъ, о томъ лишь и думаетъ какъ бы угодить мнѣ. Обѣдаешь во время, ужинаешь тоже; когда захотѣлъ, тогда и спать легъ; задумалъ что̀,—тотчасъ же предъ тобою какъ по щучьему велѣнію и является. Полеживаешь лишь себѣ, да словно въ банѣ на полку съ боку на бокъ переворачиваешься: вотъ здѣсь молъ попарь, вотъ тутъ горячимъ вѣникомъ приложи; пятка зачесалась, почеши и пятку. Словно сыръ въ маслѣ катаешься. Умирать не надо!» И Николай Степановичъ, завернувшись плотнѣе въ шубу, сталъ уминать подъ собою подушки и усаживаться, какъ бы предвкушая тѣ удобства и тотъ покой, которые ожидали его въ Кругломъ. «Жаль лишь что время теперь зимнее; сиди на мѣстѣ до самой весны какъ сурокъ какой безъ всякаго моціона, поневолѣ геморрой насидишь. Какъ пріѣду, сейчасъ же примусь за токарный станокъ:

и кровь располируетъ, и на аппетитъ позоветъ. Въ послѣднее время отъ этой безалаберной жизни вовсе какъ-то разладился: ѣшь кажется и много, а все аппетиту нѣтъ настоящаго, и спишь, казалось бы, не мало, а толку нѣтъ. Непремѣнно за токарный станокъ. И дернуло же меня изъ дому уѣхать! А какъ подумаешь: не дурно сдѣлалъ, что и выѣхалъ. По крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь освѣжился: словно изъ душной избы на свѣжій воздухъ выбрался. Какъ около живыхъ людей потрешься, и самъ будто перерождаешься: и мысль другая, и съ глазъ будто кора какая спадетъ. А главное барыни, хоть кого развеселятъ. И зачѣмъ это человѣкъ старѣетъ? Лучше бы вѣкъ свой оставался какимъ былъ, а пришелъ срокъ, такъ бы и легъ себѣ молодымъ въ могилу. Впрочемъ, какъ посмотришь на нынѣшнюю молодежь, такъ право и не позавидуешь. Ходятъ себѣ какъ тѣни какія, нѣтъ въ нихъ ни жизни ни разгула. Вотъ Лапшинъ — такъ сейчасъ видно, что человѣкъ воспитанный и образованный; да какъ ему и не быть такимъ: служилъ въ гвардіи, весь вѣкъ свой терся въ лучшемъ обществѣ... А желалъ бы я знать что онъ обо мнѣ думаетъ. Вѣдь эти петербургскіе господа полагаютъ что въ деревняхъ живутъ лишь одни бирюки да медвѣди, что между ними порядочнаго человѣка и не встрѣтишь. Такъ вотъ же тебѣ и бирюкъ! Надко-ся, — видѣлъ?» И Николай Степановичъ отъ избытка чувства состроилъ даже какую-то рожу. «А правду сказалъ Курнаковъ, продолжалъ онъ, закутываясь въ свою шубу, что нынѣшній народъ измельчалъ и переродился. Нѣтъ, въ наше время люди были не тѣ. Да; было время, да прошло! Эхъ ты молодость, моя молодость, куда прошла, прокатилася!»

Погода была пасмурная: въ воздухѣ стоялъ не то туманъ, не то иней; низко нависнувъ надъ самою землей, словно снѣжные сугробы медленно двигались тяжелыя облака. Дорога шла по опушкѣ лѣса; недавняя метель прибила къ нему

страшные субои снѣга, мѣстами же занесла дорогу снѣжными переносами, и, наѣзжая на нихъ лошади съ трудомъ въ упоръ вывозили тяжелыя троичныя сани. Дико и пустынно смотрѣлъ занесенный снѣгомъ лѣсъ: нѣмыми исполинами высились голые стволы громадныхъ сосенъ, заглохшими пустырями выглядывали изъ-за забитыхъ снѣгомъ кустовъ игривыя поляны, самая зелень развѣсистыхъ елей не оживляла его скучнаго однообразія. Всюду царила мертвая тишина,—нигдѣ ни признака жизни, лишь надрываясь каркала на покачнувшемся верстовомъ столбѣ ворона, да испуганныя колокольчикомъ торопливо улетали въ лѣсъ нелюдимыя сороки.

«Экая дичь! думалъ, зѣвая и глядя по сторонамъ, Николай Степановичъ. Не то что наша матушка степь. А сорокъ-то, сорокъ-то! сейчасъ видна лѣсная сторона: у насъ рѣдко какую увидишь. А вѣдь красивая птица и, говорятъ, препонятливая; не то что галка. Я вотъ свою цѣлый годъ учу, а чему выучилъ?» И онъ вдругъ вспомнилъ разговоръ свой съ Курнаковымъ.—«Малый казалось бы и не больно хитрый, а сейчасъ смекнулъ. Послала, говоритъ, тебя потолковать съ галкой; а та кромѣ дурака ничего сказать не умѣетъ. А я признаться тогда этого и не сообразилъ. Выходитъ она меня просто на-просто въ глаза дуракомъ назвала. Небось и дѣвки сразу смекнули»—При одной этой мысли его всего покоробило.—«Ну да ладно; теперь ужь будетъ не то. А за все спасибо Курнакову; самъ я никогда бы этого не сдѣлалъ. Любопытно бы знать что онѣ теперь тамъ обо всемъ этомъ думаютъ. А вотъ увидимъ.»

Долго блуждалъ такимъ образомъ мыслями своими Николай Степановичъ, безсознательно, хотя и не безъ нѣкоторой послѣдовательности, переходя отъ одного предмета къ другому.

Думалъ онъ о томъ что ожидало его дома и какъ произойдетъ у него встрѣча съ Варварой Степановной: станетъ ли она дуться на него за увозъ Саши или будетъ просить про-

щенія за сдѣланное ему оскорбленіе. Въ первомъ случаѣ онъ твердо рѣшился выдержать характеръ и прямо объявить ей, чтобъ она и напередъ знала, что онъ въ дѣйствіяхъ своихъ никому кромѣ Бога и государя отчета давать не намѣренъ, и если до сихъ поръ сносилъ ея капризы, то единственно по добродушію своему, котораго она къ сожалѣнію оцѣнить не умѣла. Во второмъ же онъ готовъ былъ не только забыть все, но даже извиниться предъ нею что вынудилъ ее на такой, не свойственный ея характеру, поступокъ. Онъ даже пріискивалъ въ головѣ своей выраженія въ которыя облечетъ это объясненіе и избралъ мѣстомъ для него свой кабинетъ, чтобъ оно могло произойти безъ свидѣтелей; словомъ, обдумалъ все до малѣйшихъ подробностей. Мало того: зная безхарахтерность свою и, боясь, что въ нужную минуту у него не достанетъ силы воли и необходимой энергіи чтобы высказать все обдуманное, онъ положилъ себѣ въ этотъ критическій моментъ припомнить исторію о галкѣ. Возобновленіе въ памяти этого возмутительнаго факта должно было возбудить въ немъ чувство оскорбленнаго самолюбія, а этотъ мощный стимулъ долженствовалъ замѣнить недостатокъ нужной энергіи. Окончивъ всѣ эти соображенія, Николай Степановичъ остался вполнѣ собою доволенъ. «Если ужь и этотъ планъ не удастся, думалъ онъ, даю себѣ слово никакихъ плановъ въ жизни своей не дѣлать.» Боясь чтобъ ему не измѣнило и это минутное настроеніе духа, онъ спѣшилъ привести планъ свой въ исполненіе и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поминутно всматривался въ окрестность, отыскивая признаки по которымъ могъ бы опредѣлить еще отдѣлявшее его отъ дому разстояніе; но кругомъ разстилались ровною скатертью однообразная снѣжная гладь, грязною лентой извивалась по ней дорога, да кое-гдѣ торчали полузанесенныя снѣгомъ соломенныя вѣшки. Наконецъ мелькнуло что-то вдалекѣ.

— Круглое? спросилъ Николай Степановичъ.

— Оно-съ, не шевелясь, отвѣтилъ кучеръ.

Сначала какъ бы выросла изъ земли Курдюмовская липовая роща, потомъ блеснулъ крестъ колокольни, тамъ немного поодаль словно всплыли поверхъ гладкой снѣжной равнины садъ и высокая крыша барскаго дома,—еще немного и замелькали между ними то тамъ, то сямъ, какъ бы выскакивая изъ земли, ветла, журавцы и соломенныя крыши крестьянскихъ избъ, пока все наконецъ не слилось въ одну длинную, сплошную полосу. Лошади, чуя приближеніе двора, весело фыркая, наддали хода; повеселѣлъ и кучеръ: онъ оправилъ на себѣ армякъ, надвинулъ на руки кожаныя рукавицы и, подобравъ возжи, казалось, ждалъ лишь барскаго приказанія, чтобы затянуть удалую ямскую пѣсню, даже Васька поправилъ нѣсколько на бекрень сбившуюся на затылокъ шапку и, утеревъ рукавомъ чуйки носъ, переставалъ клевать имъ предъ собою и смотрѣлъ бодро и весело. Одинъ Николай Степановичъ, казалось, не раздѣлялъ общей радости; не то пугала его близость такъ нетерпѣливо ожидаемаго съ сестрою свиданія, не то щемило ему сердце грустное предчувствіе. Молча смотрѣлъ онъ на проносившіеся мимо и убѣгавшіе въ задъ кусты и овраги.... Но вотъ все ближе и ближе подвигается, какъ бы несясь на встрѣчу, Круглое. Согнувшись въ кольца рвутся и скачутъ рьяныя пристяжныя, стойкою рысью бѣжитъ коренной Космачъ, пѣвучею трелью заливается подъ дугою колокольчикъ,—словно не по землѣ и не по снѣжной равнинѣ, а по бѣгущимъ по небу снѣговымъ облакамъ птицею летитъ крылатая тройка.

Вотъ въ сторонѣ и сельскій погостъ съ пошатнувшимися крестами и занесенными снѣгомъ могилами; вотъ потянулись и мужицкія гумна; пронеслись и они, а за ними вслѣдъ промелькнулъ крестьянскій поселокъ, и сани, юркнувъ въ воротахъ между высокими сугробами свѣже-разметаннаго снѣга, въѣхали на господскій дворъ.

Замерло сердце у Николая Степановича.

«Смѣлѣе!» ободрялъ онъ самъ себя, и съ несвойственною ему легкостію выпрыгнулъ изъ саней. На крыльцѣ встрѣтилъ его Мироньічъ.

— Ну что Варвара Степановна? спросилъ онъ проходя мимо.

— Приказали долго жить, всхлипывая и утирая кулакомъ слезы, едва внятно отвѣчалъ Мироныч.

— Какъ? могъ только проговорить Николай Степановичъ, и остановился на мѣстѣ какъ ошеломленный.

— Вчера землѣ предали, продолжалъ, рыдая, старикъ.

— Какъ предали? машинально повторилъ за нимъ Николай Степановичъ, и не дожидаясь отвѣта, скорыми шагами направился ко входной двери. Въ передней онъ на ходу сбросилъ съ себя шубу и вошелъ въ залъ. Въ залѣ никого не было; лишь въ концѣ корридора видны были головы всполошенныхъ пріѣздомъ его дѣвокъ. Онъ пошелъ дальше, но на порогѣ гостиной остановился пораженный неожиданностію зрѣлища. Чрезъ растворенную въ образную дверь виденъ былъ кивотъ съ горѣвшею предъ нимъ лампадою, и передъ нимъ за аналоемъ, стояла черничка и протяжно на распѣвъ читала Псалтирь. «Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей, боярыни Варвары» были первыя слова долетѣвшія до его слуха, и онъ молча опустился на колѣни. «Неужели это правда?» спрашивалъ онъ себя, не довѣряя еще ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Долго стоялъ онъ въ этомъ положеніи, не имѣя силъ ни перекреститься, ни сотворить молитву, неподвижно устремивъ свой недоумѣвающій взглядъ на стоявшую предъ нимъ псаломщицу. Наконецъ онъ очнулся; грустная дѣйствительность была слишкомъ очевидна, и, положивъ три земные поклона, съ трудомъ поднялся онъ на ноги. Сзади его послышался шорохъ платья, онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: предъ нимъ стояла Власьевна.

— Батюшка, Николай Степановичъ, отецъ ты нашъ родной, бросилась она къ нему, заливаясь горькими слезами и стараясь поймать и поцѣловать его руку.—Нѣтъ нашей матушки Варвары Степановны, покинула она насъ горемычныхъ; вчера только въ могилу опустили. И ждала ужь она васъ, матушка, да не дождалася! И сколько она въ это время горя вынесла, сердечная.

Власьевна, рыдая и всхлипывая, разказала уже извѣстную намъ грустную исторію, добавивъ что посланный къ Николаю Степановичу нарочный, не найдя его у Труниныхъ, только-что наканунѣ вернулся въ Круглое. Какъ раскаленное желѣзо жегъ его этотъ простодушный и правдивый разказъ: онъ ясно видѣлъ, что былъ причиною смерти сестры. Болѣе ужасной пытки конечно нельзя было придумать. Онъ, молча, выслушалъ его до конца, и, пославъ за священникомъ, въ тяжеломъ раздумьи ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь только, оставшись наединѣ, могъ онъ сколько нибудь сосредоточить свои мысли. Впрочемъ надо ему отдать справедливость: первая мысль его была не о себѣ; онъ исключительно думалъ о сестрѣ. Онъ живо представилъ себѣ то положеніе, въ которое онъ поставилъ ее своимъ неожиданнымъ отъѣздомъ, присылкою за Сашей и наконецъ долгимъ невозвращеніемъ своимъ; онъ прослѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями тѣхъ мученій, чрезъ которыя она должна была пройти; онъ прожилъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ ея мучительною жизнію и сто разъ проклиналъ Курнакова и себя за то что послушался его безпутнаго совѣта.

Когда пришелъ священникъ и подалъ Николаю Степановичу письмо Варвары Степановны, онъ дрожавшею отъ волненія рукой сорвалъ печать, сначала наскоро пробѣжалъ его, потомъ перечелъ, и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ его. Въ этомъ не хитросплетенномъ письмѣ она выразилась вся съ ея заботами и попеченіями о немъ, съ ея теплою,

преданною любовью. Она не только не упрекала его за нанесенную ей обиду; она даже не упоминала о ней, и лишь просила его простить ей.

Николай Степановичъ пожелалъ отслужить на могилѣ панихиду и отправился къ церкви. Тамъ за оградою, противъ алтаря, чернѣлась еще свѣжая, не занесенная снѣгомъ могила; въ ней лежали безжизненные останки той, которую онъ еще такъ недавно готовился поразить громовымъ, заранѣе приготовленнымъ спичемъ, и которая вмѣсто всѣхъ возраженій и оправданій слала ему одни благословенія. Онъ палъ ницъ предъ ея прахомъ.

Возвратясь домой, Николай Степановичъ погрузился въ нѣмое созерцаніе развертывавшейся предъ нимъ безотрадной картины будущаго. На первомъ планѣ стояла одуревающая скука ничѣмъ не занятой, безцѣльной жизни; затѣмъ слѣдовали сопряженныя съ этою жизнію неудобства и лишенія; далѣе необходимость знакомства съ совершенно новыми для него и крайне тягостными по характеру его заботами, и наконецъ, на заднемъ планѣ, мрачными красками рисовалась грустная картина немощной, безпомощной старости и одинокой кончины на рукахъ безучастной прислуги. И чѣмъ безутѣшнѣе представлялось ему его положеніе, тѣмъ яснѣе сознавалъ онъ безсиліе свое самимъ собою выйти изъ него и устроить для себя новый домашній бытъ. Какъ хрупкое стекло разлетѣлось въ дребезги и его щепетильное самолюбіе, и онъ сразу понялъ все безличіе свое; онъ понялъ, что онъ могъ жить и безпечно наслаждаться благами жизни лишь до тѣхъ поръ пока около него было существо, которое думало за него и руководило имъ, и что безъ этого существа онъ не болѣе какъ подкладка безъ верха, какой-то ни на что не годный спорокъ.

«Что же я теперь стану дѣлать?» спрашивалъ онъ себя.

«Заняться хозяйствомъ — пробовалъ, не могу; вступить въ службу, куда? да ужь и поздно; жениться—также время ушло: взять экономку,—но держать ее по Курнаковски не въ моемъ характерѣ,—дать ей волю, на какую нападешь, пожалуй еще самого со двора сгонитъ; шататься вѣкъ по чужимъ угламъ какъ прошатался этотъ мѣсяцъ, силъ не станетъ, да и шатанье это хорошо когда дома остался хозяинъ и когда знаешь то по возвращеніи домой тебя ожидаетъ теплый насиженный уголъ, заботы о тебѣ и попеченія. Передѣлать же самого себя сообразно съ обстоятельствами и думать нечего.»

Въ такомъ раздумьи провелъ онъ весь первый вечеръ, и несмотря на утомленіе заснулъ лишь уже далеко за полночь. «Утро вечера мудренѣе», думалъ онъ. Настало и утро, и дѣйствительно оказалось еще мудренѣе вечера. Сколько ни ломалъ онъ себѣ голову, ничего придумать не могъ, и наконецъ, убѣдясь, что чѣмъ больше думать тѣмъ было хуже, предоставилъ, какъ и всегда, разрѣшеніе волновавшихъ его вопросовъ теченію обстоятельствъ.

Къ девятому дню пріѣхала Трунина. Она, казалось, принимала живое участіе въ постигшемъ Николая Степановича горѣ, утѣшала его и даже предлагала ему ѣхать съ нею чтобы хотя сколько-нибудь развлечься; но онъ сказалъ ей, что раньше сороковаго дня изъ дому не выѣдетъ, на что та и возражать не стала. По отъѣздѣ ея, въ домѣ сдѣлалось еще скучнѣе; Николай Степановичъ короталъ время какъ могъ: ходилъ по нѣскольку разъ въ день въ образную слушать псалтирь, прохаживался отъ нечего-дѣлать по хозяйству, но больше лежалъ у себя на диванѣ. Самое сообщество Тихона Ѳедорова уже не развлекало его, и онъ тутъ лишь понялъ, что подобные ему собесѣдники и скоморохи хороши лишь для того чтобы тѣшить праздную лѣнь; для человѣка же занятаго, хотя бы только горемъ своимъ, они ни на что не нужная, обременительная челядь. Пріѣзжали къ нему въ эти

скорбные дни и сосѣди, но соболѣзнованіями своими лишь нагоняли на него еще большую тоску. Онъ скучалъ невыносимо и сидѣлъ у себя дома какъ бы въ карантинѣ, выжидая пока минетъ установленный санитарными законами срокъ.

— А вѣдь баринъ жить въ Кругломъ не станетъ, говорила, пригорюнившись, Власьевна Миронычу.

— Ну, не станетъ, отвѣчалъ Миронычъ. — Куда же ему дѣваться? Зимніе мѣсяцы какъ-нибудь промаячитъ; а какъ придетъ весна, да прилетитъ дичь, пошелъ себѣ попрежнему съ Тихономъ Ѳедоровымъ по степи бродить. Пожалуй и я на старости лѣтъ съ ними поплетусь.

Власьевна ничего не отвѣчала, но какъ-то недовѣрчиво качала головой.

Насталъ наконецъ и сороковой день. Отслужена была соборнѣ обѣдня съ панихидой. Послѣ обѣдни было въ домѣ какъ слѣдуетъ угощеніе для духовенства; выпита была и традиціонная чаша. Церковный причетъ по обыкновенію подгулялъ: выпилъ съ нимъ съ горя и Николай Степановичъ. Когда же всѣ разошлись и въ домѣ настала мертвая тишина, «ну теперь шабашъ», сказалъ онъ: «сколько ни мучиться,—послѣ завтра же ѣду.»

На другой день, съ ранняго утра, Миронычъ съ Васькой укладывали все нужное въ большой дорожный чемоданъ; помогала имъ и Власьевна. Николай же Степановичъ занялся переборкою старыхъ бумагъ, откладывая изъ нихъ тѣ, которыя считалъ болѣе серіозными.

— Куда же это вы, боярушка, отъ насъ опять уѣзжаете? спрашивалъ его Тихонъ Ѳедоровъ.

— Горе мыкать, отрывисто отвѣчалъ Николай Степановичъ.

— И надолго?

— А вотъ когда пріѣду назадъ, тогда и скажу.

Видно было, что разспросы эти были ему не понутру, можетъ-быть и потому что онъ самъ не зналъ что на нихъ отвѣтить. Онъ какъ и въ первый разъ уѣзжалъ безо всякой цѣли, лишь бы не оставаться дома.

Со смертію Варвары Степановны домашній бытъ его рушился; создать для себя новый онъ не былъ въ силахъ, и потому бѣжалъ куда глаза глядятъ лишь бы развлечься и хотя на сколько-нибудь времени отдѣлаться отъ осаждавшихъ его думъ; онъ такъ-сказать бѣжалъ отъ самого себя. «Поѣду къ Трунинымъ, думалъ онъ;—а тамъ что Богъ дастъ».

Весь этотъ день провелъ онъ въ лихорадочномъ волненіи. Вечеромъ, когда пришли староста съ ключникомъ за приказаніями, онъ сказалъ имъ, что на другой день уѣзжаетъ, можетъ-быть надолго, и строго-на-строго приказалъ имъ, чтобъ они неусыпно за всѣмъ надсматривали и чтобы все по хозяйству было въ порядкѣ. Подобныя же строгія, но въ сущности ничего не говорящія, приказапія отданы были и Миронычу съ Власьевной; послѣдней кромѣ того приказано было горничныхъ дѣвушекъ распустить по домамъ.

На слѣдующее утро подъѣхали къ крыльцу троечныя сани; Мироничъ съ Васькой вынесли и уложили въ нихъ чемоданъ, подушки, какіе-то узлы и кулечки. Тихонъ Ѳедоровъ молча слѣдилъ за всею этою операціей. Когда наконецъ всѣ сборы были окончены, Николай Степановичъ одѣтый по дорожному зашелъ въ послѣдній разъ помолиться въ образную, и, надѣвъ шубу, вышелъ на крыльцо.

На дворѣ ожидала его въ полномъ сборѣ вся дворня; съ задняго крыльца высыпали горничныя дѣвушки. Вышелъ за нимъ провожать его и Тихонъ Ѳедоровъ. Николай Степановичъ простился со всѣми по очереди, какъ бы предчувствуя, что больше уже съ ними не увидится.

Власьевна долго переминалась, желая, но не рѣшаясь что-то сказать.

— Надолго, батюшка, вы насъ покидаете? наконецъ, осмѣлившись, спросила она дрожавшимъ отъ слезъ голосомъ.

— Я и самъ не знаю, отвѣтилъ Николай Степановичъ и сѣлъ въ сани.

Лошади тронулись, звякнулъ и загремѣлъ колокольчикъ «Ей вы, съ Богомъ!» крикнулъ Кондратій, и сани, подпрыгнувъ раза два на ухабахъ, выѣхали за ворота.

Долго еще Миронычъ съ Власьевной стояли на крыльцѣ, провожая ихъ глазами. Но вотъ они заѣхали за поселокъ,— вскорѣ смолкъ и колокольчикъ, и лишь минутъ черезъ десять вдоль по дорогѣ показалась удалявшаяся черная точка.

Молча переглянулись бездомные старики.

Лѣтъ пять спустя пришлось мнѣ проѣзжать черезъ Круглое. Я уже давно зналъ о смерти Варвары Степановны; зналъ и о томъ что Николай Степановичъ продалъ имѣніе какому-то купцу, переселивъ крестьянъ куда-то за Волгу; но мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на такъ хорошо знакомый мнѣ домъ, съ которымъ связано было столько всегда дорогихъ сердцу воспоминаній дѣтства. Когда еще издали увидалъ я покачнувшуюся на бокъ колокольню и почернѣлую крышу старой приходской церкви, сердце мое сжалось; но что стало со мной, когда, подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ, вмѣсто знакомой мнѣ господской усадьбы, окруженной дворовыми службами, голый пустырь; самые валы и канавы, окружавшіе ее, осыпались и почти сравнялись съ землею. Лишь груды мусора, да заросшія крапивою и татарникомъ ямы, указывали на мѣста гдѣ нѣкогда стояли домъ и прочія строенія: кое-гдѣ еще торчали забытыя, ни на что негодныя, корявыя ветлы, да мѣстами возвышались зелеными холмиками отпрыснувшіе отъ старыхъ корней молодые побѣги сирени. Не пощадилъ купецъ и сада: всѣ деревья были выкопаны или вырублены; и уцѣлѣвшіе еще мѣстами пни придавали ему какой-то особенно грустный видъ.

Желая узнать что-нибудь подробнѣе о бывшихъ обитателяхъ этого пустыря, я велѣлъ ямщику подъѣхать къ дому Тихона Ѳедорова. Старикъ сидѣлъ на своемъ любимомъ мѣстѣ на крыльцѣ; я еще издали узналъ его, хотя онъ, съ того времени какъ я его видѣлъ, страшно измѣнился: борода его была совершенно сѣдая, сидѣлъ онъ какъ-то сгорбившись и во взглядѣ его уже не было прежней бодрости и самоувѣренности. Онъ сначала не узналъ меня и долго всматривался. «О! да это вы, господушко», сказалъ онъ наконецъ, назвавъ меня по имени. Послѣ нѣсколькихъ словъ обычныхъ привѣтствій я просилъ его удовлетворить моему любопытству.

— Варвара Степановна Богу душу отдала, сказалъ онъ своею неизмѣнною октавою,—а о Николаѣ Степановичѣ вѣрнаго ничего сказать вамъ не умѣю. Теплое гнѣздышко свое продалъ, и теперь скитается по чужимъ угламъ. Прошлою осенью о Казанской видѣли его наши православные въ городѣ на ярмаркѣ; ходитъ, говорятъ, по конной съ какимъ-то барышникомъ—лошадь вишь себѣ покупаетъ. Да больно ужь, говорятъ, зашибать сталъ.

— Какъ? пить началъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Что жь, онъ и прежде былъ не прочь, да при покойницѣ воздерживался; а теперь съ горя, да на свободѣ...—И Тихонъ Ѳедоровъ махнулъ рукою.

— Что же вы его не провѣдаете? Вѣдь вы были когда-то пріятели.

— Ну какіе мы могли быть пріятели: пѣшій конному не товарищъ. Свели насъ ястреба да перепела, а пуще всего безлюдье; а теперь тамъ и безъ меня найдетъ себѣ компанію. А вотъ на томъ свѣтѣ всѣ свидимся, добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— А Власьевна жива?

— Жива, и Мироnычъ живъ. Власьевна въ нянькахъ у Курдюмовскаго управляющаго, а Мироnычъ ковыряетъ сапоги,

да третъ табакъ; тѣмъ себя, пока есть силы да глаза, пропитываетъ. Разбрелись всѣ по разнымъ угламъ, словно тара каны. Мы таки кое-когда сталкиваемся; нѣтъ, нѣтъ, да и на старую усадьбу сходимъ.

— Что же вы тамъ дѣлаете?

— А что тамъ дѣлать? Придемъ, посидимъ, посидимъ да и рязойдемся. Да; кабы покойница была жива, жить бы имъ вмѣстѣ по гробъ жизни и легли бы оба рядомъ у храма Божія, гдѣ и отцы и дѣды ихъ упокоеваются.

Тихонъ Ѳедоровъ предложилъ мнѣ сходить поклониться праху Варвары Степановны. Церковь была въ нѣсколькихъ шагахъ, и я охотно согласился. Когда мы переступили за церковную ограду, меня поразилъ видъ всеобщаго запустѣнія. Колокольня, какъ я уже сказалъ, покачнулась на бокъ, паперть обвалилась, крыша надъ трапезою провисла и грозила разрушеніемъ, самая церковь казалось вросла въ землю. Молодыя, посаженныя Варварой Степановной березки, оставленныя безъ ухода, зачахли и высохли; дорожка, шедшая вдоль ограды, нѣкогда тщательно расчищаемыя и усыпаемая пескомъ, заросла травою и бурьяномъ. Мы съ трудомъ пробрались между сплошною крапивою и татарникомъ.

— Ну гдѣ же ему о насъ помнить, когда прахъ сестры своей забылъ, сказалъ Тихонъ Ѳедоровъ, остановясь предъ обложенною дерномъ могилой со стоявшимъ надъ ней простымъ деревяннымъ крестомъ.—О сю пору памятника никакого не поставитъ. Упокой Господи душу усопшей рабы Твоей Варвары, произнесъ онъ въ полголоса, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. — Ну вотъ вамъ и все тутъ, заключилъ онъ послѣ недолгаго молчанія. И въ этихъ нѣсколькихъ глубоко прочувствованныхъ словахъ было больше богословія и философіи, а пожалуй и риторики, нежели въ витіеватыхъ надгробныхъ рѣчахъ произносимыхъ академическими риторами и проповѣдниками. — А вотъ и для него было бы

здѣсь покойное мѣстечко, добавилъ онъ, указывая на остававшееся рядомъ съ могилой Варвары Степановны пустое мѣсто.—Ну да коли ужь родительскій прахъ продалъ, такъ стало-быть ему все равно гдѣ ни лежать. Я ужь просилъ отца Стефана чтобы меня здѣсь положили. Вмѣстѣ вѣкъ свѣковали, вмѣстѣ дождемся и Суда Страшнаго.

Голосъ его дрожалъ и изъ глазъ готовы были брызнуть слезы.

Грустно было мнѣ разстаться съ добрымъ старикомъ...

ТРЕСКИНЦЫ.

Почтенные были люди Семенъ Алексѣевичъ и Анна Гавриловна Поморцевы. Во всемъ околоткѣ пользовались они особымъ почетомъ и уваженіемъ; въ селѣ же Трескинѣ, въ которомъ они проживали безвыѣздно болѣе двадцати лѣтъ, на нихъ смотрѣли чуть не съ какимъ-то благоговѣніемъ. Отецъ Евлампій, дородствомъ и осанкою своею походившій скорѣе на каѳедральнаго протоіерея нежели на сельскаго священника по праздничнымъ днямъ не начиналъ до ихъ прибытія обѣдни и, проходя мимо ихъ дома, всякій разъ почтительно снималъ шляпу, хотя бы въ окнахъ кромѣ жирнаго сибирскаго кота Василія Васильевича и никого не было видно; сосѣди дорожили ихъ знакомствомъ и расположеніемъ, ѣздили къ нимъ не считаясь визитами и совѣтовались съ ними о семейныхъ дѣлахъ своихъ. Никто изъ нихъ никогда не позволялъ себѣ ни сдѣлать на ихъ счетъ злаго намека, ни произнесть двусмысленнаго слова. Даже Егоръ Михайловичъ Брѣховъ, не сказавшій во всю жизнь свою ни о комъ ничего хорошаго и умѣвшій на самомъ чистомъ лицѣ найти прыщикъ или какой-либо другой никѣмъ не замѣченный изъянецъ, отзывался объ нихъ сдержанно, а если и позволялъ себѣ когда отпустить красное словцо, такъ всегда какъ-то уклончиво и условно: «пріятная дама Анна Гавриловна, говорилъ онъ сосѣдямъ, да заѣлъ ее мужъ-брюзга; хорошій бы человѣкъ Семенъ Алексѣевичъ, да ужъ больно подъ башмакомъ у жены привередницы», гово-

рилъ онъ, балагуря съ сосѣдками. И этимъ почетомъ, этимъ премьерствомъ своимъ обязаны были они не богатству, которое обыкновенно на вѣсахъ общественнаго мнѣнія кладетъ тяжелую, золотую гирю свою на сторону своихъ любимцевъ, ни какому-либо видному на службѣ мѣсту, выдвигающему избранниковъ своихъ изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, ни даже слѣпому случаю; нѣтъ, они обязаны были имъ исключительно самимъ себѣ,—умѣнію поставить себя на ту точку на которой стояли и не менѣе его рѣдкому умѣнію въ продолженіе долгихъ лѣтъ удерживаться на ней. Поморцевы были помѣщики средней руки: у нихъ было всего сто душъ крестьянъ при четырехъ стахъ десятинахъ земли, что̀, какъ извѣстно, едва давало право на шаръ на дворянскихъ выборахъ; на службѣ Поморцевъ не состоялъ, да и прежде никакого виднаго мѣста не занималъ и не могъ похвалиться особымъ расположеніемъ къ себѣ или баловствомъ слѣпой богини.

Когда я познакомился съ Поморцевыми, Семену Алексѣевичу было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ; но онъ былъ еще старикъ свѣжій и бодрый. Роста былъ онъ средняго, сложенія сухаго, но крѣпкаго. Изъ-подъ крутаго и высокаго лба, который отъ примыкавшей къ нему во все темя лысины казался еще выше, устойчиво смотрѣли умные каріе глаза; взглядъ его былъ серіозенъ, даже какъ бы суровъ. Никогда я не видалъ на лицѣ его улыбки; но за то и не помню, чтобъ онъ когда-нибудь вышелъ изъ себя или чѣмъ-либо далъ замѣтить волновавшее его чувство. Онъ вполнѣ умѣлъ владѣть собою. Движенія его были постоянно тихи и сдержанны; поступь медленная, но твердая, какъ бы съ примѣсью чего-то театральнаго,—онъ точно не шелъ, а выступалъ. Говорилъ онъ внушительно, не торопясь, какъ бы взвѣшивая каждое произносимое имъ слово, отъ времени до времени дѣлая паузы, въ продолженіе которыхъ всѣ, слушавшіе его какъ оракула, благоговѣйно молчали. Если же кто дерзалъ перебить его,

онъ тотчасъ же останавливался и, давши продерзкому договорить. спокойно продолжалъ недоконченную рѣчь съ того слова на которомъ она была прервана, еслибы даже приходилось продолжать со средины фразы. Если кто возражалъ ему, онъ терпѣливо выслушивалъ возраженіе до конца. даже нѣсколько медлилъ отвѣтомъ, какъ бы ожидая не скажетъ ли молъ еще чего, и лишь удостовѣрившись. что противникъ высказалъ все что имѣлъ сказать, начиналъ свою реплику Выслушивая возраженія, онъ нѣсколько наклонялъ голову и отводилъ въ сторону глаза, даже прикладывалъ иногда къ губамъ указательный палецъ правой руки, при чемъ лицо его. принимало видъ глубокаго сосредоточенія и весь онъ какъ бы превращался въ слухъ. Обыкновенныхъ банальныхъ разговоровъ онъ не любилъ и всячески избѣгалъ; если же приходилось ему принимать въ нихъ участіе, то старался дать имъ серіозное направленіе. Иногда любилъ онъ блеснуть своимъ краснорѣчіемъ, при чемъ прибѣгалъ къ риторическимъ фіоритурамъ, приводилъ тексты изъ священнаго писанія, статьи изъ свода законовъ или цитаты изъ затверженнаго имъ когда-то еще на семинарской скамьѣ разнороднаго хлама, такъ какъ дальше этого эрудиція его не шла.

Интереснѣе всего былъ Семенъ Алексѣевичъ въ гостяхъ на имениннемъ пирогѣ или званномъ обѣдѣ. Пріѣзжалъ онъ на нихъ обыкновенно изъ послѣднихъ, когда уже всѣ гости были въ полномъ сборѣ. Войдя въ залу или гостиную. отъ пріостанавливался и, наклонивъ голову, съ чуствомъ собственнаго достоинства дѣлалъ одинъ общій круговой поклонъ въ родѣ того какъ дѣлаетъ его за обѣднею діаконъ послѣ возгласа: «Господи спаси благочестивыя». И сколько было вполнѣ сознаннаго собственнаго достоинства въ этомъ поклонѣ!

Послѣ этого онъ мѣрными шагами подходилъ къ хозяину или къ хозяйкѣ дома и, сдѣлавъ виновнику торжества приличное случаю привѣтствіе, снова обращался къ гостямъ, изъ

которыхъ однимъ протягивалъ руку, другимъ лишь концы пальцевъ, третьимъ просто кланялся. Точно также и въ разговорѣ: иныхъ онъ называлъ по имени и отчеству, къ другимъ обращался съ словами: милостивый государь, или просто сударь или государь мой. Полное же рукопожатіе свое онъ цѣнилъ высоко и удостоивалъ имъ лишь не многихъ избранныхъ. Когда, пріѣхавъ въ деревню, онъ въ первый разъ подошелъ подъ благословеніе къ священнику и тотъ хотѣлъ вмѣсто благословенія пожать ему руку, онъ ее отдернулъ и тутъ же, снова протянувъ ее, сказалъ: я, батюшка, прошу васъ благословить меня въ силу даннаго вамъ на то чрезъ рукоположеніе права; рукопожатіе же есть изъявленіе пріязни; а подобныхъ отношеній между нами еще установиться не могло. Священникъ не забылъ этого преподаннаго ему урока и никогда послѣ того не позволялъ уже себѣ жать ему руку.

Не хуже Семена Алексѣевича знала себѣ цѣну и умѣла заставить всѣхъ уважать себя Анна Гавриловна. Подобно ему, въ пріемахъ, рѣчахъ, въ самомъ взглядѣ ея было что-то внушающее; въ поступи же еще болѣе театрально-величаваго нежели въ поступи самаго Семена Алексѣевича. Войдя въ комнату она не кланялась, а лишь поводила кругомъ глазами. Если она не обладала тѣмъ краснорѣчіемъ какимъ при случаѣ любилъ блеснуть Семенъ Алексѣевичъ; за то умѣла такъ тонко подмѣтить въ каждомъ его слабую струну и такъ мѣтко попадать полу-словомъ, даже намекомъ въ больное или уязвимое мѣстечко что всѣ боялись ея пуще огня и избѣгали всякаго серіознаго съ нею столкновенія. Но и высказывая самыя горькія истины, говорила она всегда тихо и сдержанно какъ будто и въ головѣ у нея не было уколоть кого словами или намеками своими. «Хотя Анна Гавриловна и тихо говоритъ, да сильно поражаетъ», говаривалъ про нее Брёховъ. Особенно же хорошо умѣла она съ перваго же знакомства узнавать каждому цѣну и давать ему то почувствовать,—что

называется всякаго сверчка сажать на свой шестокъ. Не было кажется на свѣтѣ двухъ человѣкъ съ которыми она обходилась или говорила бы совершенно одинаково; разница была иногда самая ничтожная, едва замѣтная; но была непремѣнно. Уже на что̀ Авдотья Емельяновна и Ѳедосья Петровна Рожновы были одного поля ягоды, точно отъ одного куска отрѣзаны, и тѣ по голосу ея понимали къ кому изъ нихъ она обращалась, если; разговаривая съ ними, и не поднимала глазъ съ своей работы. Не менѣе замѣчательнымъ обладала она умѣніемъ сдерживать и маскировать себя: никогда нельзя было узнать по ея лицу что̀ было у нея на душѣ или на сердцѣ: Ни разу не видалъ я ее ни смѣющуюся, ни улыбающуюся. было ли то слѣдствіемъ особой неподвижности личныхъ мускуловъ, неправильности ли рефлективнаго процесса; но если существовалъ человѣкъ смѣявшійся постоянно (l'homme qui rit), то она могла быть названа человѣкомъ который никогда не смѣялся. Выраженіе лица ея было постоянно серіозно, сурово, точно она смолоду на кого нибудь не на шутку разсердилась, да такъ на всю жизнь и осталась. «Она, когда и любимаго кота своего ласкаетъ, говорилъ тотъ же Брёховъ, такъ смотритъ на него точно удавить его хочетъ».

Семенъ Алексѣевичъ былъ чрезвычайно аккуратенъ и во всемъ любилъ чистоту и порядокъ. Борода его была всегда тщательно выбрита и остатки волосъ съ висковъ и затылка приподняты кверху и зачесаны въ пучокъ или кокъ, что̀ издали придавало головѣ его, особенно сзади, видъ рѣпчатой луковицы. Усовъ онъ не носилъ, какъ потому что не считалъ себя имѣющимъ на то право, такъ и потому что ношеніе усовъ и бороды было въ глазахъ его признакомъ лѣни и нерадѣнія о себѣ. Одѣвался онъ всегда чисто и прилично; халата, этого chez soi нашихъ помѣщиковъ, онъ терпѣть не могъ; а дома ходилъ постоянно въ пальто съ повязанною на шеѣ бѣлою батистъ-декосовою косынкою.

Поморцевъ, хотя почти безвыѣздно жилъ въ деревнѣ, хозяйствомъ своимъ вовсе не занимался, предоставивъ его въ полное распоряженіе старосты, который впрочемъ для вида приходилъ къ нему съ докладами и даже получалъ отъ него иногда кое-какія приказанія; читалъ онъ также очень мало, такъ что трудно было сказать что онъ день-деньской дѣлалъ. Правда, было у него одно постоянное занятіе, но оно требовало мало времени. Онъ велъ дневникъ или вѣрнѣе ежедневныя замѣтки. Въ нихъ входили метеорологическія, агрономическія, психологическія и другія наблюденія, входили даже такія которыхъ ни подъ какую категорію подвесть было нельзя. Чтобы дать о нихъ понятіе приведемъ двѣ, три выдержки:

«*20го мая*. У.+10°, П.+17°, В.+12°; вѣтеръ SW; пасмурно. Барометръ падаетъ; піявки опустились на дно банки; страшно сверлитъ мозоль на лѣвой ногѣ,—быть ненастью. Прохорычъ сѣетъ сегодня ленъ; боюсь какъ бы дождь не помѣшалъ. Приказалъ было разорить въ рощѣ грачиныя гнѣзда: страшно высушили деревья; да и кричатъ невыносимо. Пришла Анна Гавриловна, говоритъ—грѣхъ и Прохорычъ говоритъ грѣхъ. Ну а грѣхъ; такъ и не надо.

«*20го іюля*. У.+18°, П.+26°, В.+20°; вѣтра нѣтъ; такъ и паритъ. Барометръ спускается на бурю; піявки лежатъ на днѣ: быть грозѣ, да и рѣдкій годъ Ильинъ день безъ нея обходится. Угодникъ говорятъ грозенъ. Кто тамъ что ни говори, какъ ни объясняй, а стало быть тутъ что-нибудь да есть такое. Не было бы лишь града; а то рожь еще на корню; съ завтрашняго дня Прохорычъ хотѣлъ было начать жнитво. Такой плетень молодой дьячокъ: сегодня за обѣдней опять растянулся, всю рожу разбилъ. Говоритъ баба наплевала, не замѣтилъ.

«*25го сентября*. У.+6°, П.+12°, В.+°; вѣтеръ NW съ порывами. Барометръ на ясной погодѣ пупомъ стоитъ; по землѣ стелется паутина; пыль по дорогѣ столбомъ несется.

быть продолжительнымъ ведрамъ. Были у Климушиныхъ на имениннномъ пирогѣ. Скверное у нихъ обыкновеніе поить пріѣзжую прислугу. Кучеръ Матюшка до того нализался, что едва на козлахъ сидѣлъ. Ты, говорю, Матюшка, пьянъ?—Никакъ нѣтъ-съ.—Отчего-жь ты такъ бокомъ на козлахъ сидишь?—Такой, говоритъ, теперь фасонъ вышелъ. Ну и задалъ же я ему по пріѣздѣ домой фасону».

Въ такомъ духѣ велся дневникъ круглый годъ.

Утромъ, окончивши туалетъ свой и сдѣлавъ нужныя замѣтки въ дневникѣ, Семенъ Алексѣевичъ отправлялся пить чай къ Аннѣ Гавриловнѣ, которая уже ждала его въ угольной комнатѣ за самоваромъ. Проходя чрезъ залъ и гостиную онъ смотрѣлъ хорошо ли подметены и убраны комнаты, и если замѣчалъ на столахъ пыль, писалъ на нихъ пальцемъ: дуракъ болванъ, соня и проч. и, призвавъ мальчика, указывалъ, ему на написанное. Мальчикъ, стеревъ пыль, долженъ былъ придти къ барину и перечислить ему всѣ стертые имъ лестные для него эпитеты. Дѣлалось это для удостовѣренія дѣйствительно ли вся замѣченная пыль была стерта; если же эпитетовъ этихъ набиралось болѣе полудюжины, дѣло иногда не обходилось и безъ дисциплинарнаго взысканія. Брѣховъ увѣрялъ будто Поморцевъ собственно для этого мальчиковъ своихъ и грамотѣ училъ; такъ какъ онъ былъ противникъ распространенія въ народѣ грамотности и всегда ратовалъ противъ учрежденія сельскихъ школъ. Напившись чаю, онъ принимался за чтеніе *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которыхъ съ особымъ любопытствомъ слѣдилъ за распубликованіемъ сенатскихъ указовъ, правительственными распоряженіями и объявленіями о продажѣ съ аукціоннаго торга помѣщичьихъ имѣній за долги Опекунскому Совѣту, подчеркивая особо интересовавшія его мѣста, смотря по степени возбужденнаго ими въ немъ интереса, синимъ или краснымъ карандашомъ. Если же всѣ полученные №№ вѣдомостей были имъ уже прочитаны, онъ

бралъ въ руки Сводъ Законовъ, 9й, 10й и 15й томы котораго онъ зналъ почти наизусть. Поморцевъ получалъ выходившія къ нему приложенія и отмѣчалъ ихъ противъ статей Свода, къ которымъ они относились. Чтеніе это было любимымъ его занятіемъ, и не безъ причины: съ одной стороны, онъ имѣлъ природную къ нему склонность, еще болѣе развившуюся службою въ судѣ; съ другой, онъ дорожилъ упрочившеюся за нимъ въ околоткѣ репутаціею законовѣда, а репутація эта въ свою очередь не мало способствовала поддержанію того почета и уваженія, которыми онъ въ немъ пользовался.

Анна Гавриловна была также плохая хозяйка. Она почти постоянно сидѣла въ своей комнатѣ за чулкомъ или какою-нибудь другою работою, или же раскладывала гранъ-пасьянсы, которыхъ знала безчисленное множество; любила же тѣ которые рѣдко сходились. Иногда присоединялся къ ней и Семенъ Алексѣевичъ съ совѣтами своими; самъ же никогда пасьянсовъ не раскладывалъ, находя занятіе это недостойною его тратою времени. Въ хорошіе дни Поморцевы ходили въ садъ, при чемъ прогуливались по аллеямъ его также чинно какъ бы гуляли въ Лѣтнемъ Саду. Отъ времени до времени ѣздили они и провѣдать сосѣдей; но больше сидѣли дома. Такъ коротали они свое время.

Поморцевъ былъ сынъ чиновника. прослужившаго вѣкъ свой въ Казенной Палатѣ и вышедшаго подъ старость въ отставку съ туго набитыми карманами и Владимірскимъ крестомъ за 35лѣтнюю безукоризненную службу, предоставивъ такимъ образомъ сыну своему не только право потомственнаго дворянина, но и матеріальную возможность вполнѣ воспользоваться имъ. Онъ учился сначала въ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи, откуда изъ философіи поступилъ въ гражданскую службу, въ которой можетъ-быть остался бы подобно отцу на всю жизнь свою, еслибы случай не свелъ

его съ Анной Гавриловной. Женившись на ней, онъ вскорѣ же выбранъ былъ въ уѣздные судьи и, прослуживши въ этой должности шестигодовой срокъ, вышелъ наконецъ въ отставку и поселился въ имѣніи жены своей, въ селѣ Трескинѣ. Говорили будто, бывши судьею, онъ не могъ похвалиться безукоризненною честностію,—что рыльце было у него въ пушку; приводили даже въ доказательство тому нѣкоторые факты. Не знаю насколько обвиненіе это основательно; но вѣрно то что онъ сошелъ съ судейскихъ креселъ съ честью, оставивъ по себѣ въ городѣ добрую память. «Мошенникомъ и подлецомъ его назвать нельзя, говорилъ о немъ Брёховъ: если бывало возметъ съ кого взятку, то ужь непремѣнно въ его пользу рѣшитъ, хотя бы дѣло было и вовсе неправое». Какъ бы то ни было, но если Поморцевъ и дѣйствительно былъ прежде таковъ; то нельзя было не сознаться, что, поселившись въ Трескинѣ, онъ совершенно измѣнился, и насколько прежде хлопоталъ о стяжаніи благъ матеріальныхъ, т.-е. денегъ, настолько же теперь заботился о стяжаніи благъ нравственныхъ, т.-е. почета и общаго уваженія,—чего и вполнѣ достигъ.

Поморцевъ былъ центръ, около котораго группировались и къ которому волею-неволею тяготѣли сосѣди помѣщики. Нуждался ли кто изъ нихъ въ деньгахъ, онъ охотно ссужалъ ими и не только не бралъ процентовъ, но даже обижался когда ему ихъ предлагали. Обращались ли къ нему за совѣтами, онъ никогда въ нихъ не отказывалъ; если же дѣло было серіозное или подлежало судебному разбирательству, то давалъ сверхъ того и письменное наставленіе какъ вести его, съ выпискою приличныхъ статей изъ Свода Законовъ (тогда еще адвокатовъ въ уѣзныхъ городахъ не было). Правда что общее уваженіе къ Поморцеву сосѣдей выразилось, кромѣ оказываемаго ему и женѣ его почета, лишь избраніемъ его въ ктиторы Трескинской церкви; но онъ казалось былъ и этимъ вполнѣ доволенъ и умѣлъ достойнымъ исполнёніемъ этой нич-

8*

тожной должности такъ возвысить ее въ лицѣ своемъ, что самымъ нагляднымъ образомъ оправдывалъ пословицу что не мѣсто краситъ человѣка. Была у него мечта которую лелѣялъ онъ чуть не съ самаго выхода своего изъ судейства: ему страшно хотѣлось быть выбраннымъ въ уѣздные предводители; но къ крайнему прискорбію его, лицо занимавшее уже въ продолженіи нѣсколькихъ трехлѣтій эту должность пользовалось такимъ же уваженіемъ въ цѣломъ уѣздѣ какимъ онъ пользовался въ околоткѣ своемъ; а потому эта сладкая мечта его должна была оставаться лишь одними pia desideria.

У Поморцевыхъ дѣтей не было, о чемъ впрочемъ Семенъ Алексѣевичъ и не очень тужилъ. «Съ дѣтьми лишнія заботы и хлопоты, говорилъ онъ: пока малы, пріискивай имъ нянекъ, да мамокъ,—крикъ, визгъ, нечистота; а какъ подростутъ, еще и того хуже». Анна Гавриловна, хотя и не раздѣляла образа мыслей своего мужа, но волей-неволей должна была покориться своей горькой судьбѣ и, чтобъ утѣшить себя, сосредоточила всю нѣжность своего материнскаго сердца на большомъ сибирскомъ котѣ, съ которымъ и нянчилась какъ съ ребенкомъ. Котъ этотъ былъ дѣйствительно замѣчательной величины и извѣстенъ былъ всему селу подъ именемъ Василья Васильевича.

Поморцевы были не единственными помѣщиками села Трескина. Бо̀льшая половина его принадлежала Александру Николаевичу Сущову, очень бо̀гатому еще молодому человѣку жившему постоянно въ Петербургѣ и ни разу еще не давшему себѣ труда посѣтить свое родовое имѣніе. Большой, опустѣлый домъ его стоялъ противъ самой церковной паперти и какъ мертвецъ съ незакрытыми глазами тускло и неподвижно смотрѣлъ сквозь длинный рядъ покосившихся отъ ветхости оконъ, наводя на проходившихъ мимо его какой-то безотчетный страхъ и уныніе.

Немного поодаль отъ Сущовской усадьбы изъ-за деревьевъ окружавшаго ее сада виднѣлись мезонинъ и красная тесовая крыша дома Лядовыхъ. Владѣлецъ его, Петръ Васильевичъ Лядовъ, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, дюжаго, почти атлетическаго сложенія. Коротко остриженные, постоянно взъерошенные волосы и длинные рыжіе, спускавшіеся ниже бороды усы давали ему видъ какой-то лихой рѣшимости и отваги; обрюзглое же лицо и сипло гортанный голосъ свидѣтельствовали о буйно проведенной имъ молодости. Онъ нѣкогда служилъ въ военной службѣ и, вышедъ въ отставку, женился на дочери небогатаго сосѣда помѣщика и поселился въ имѣніи своемъ. Заплативши кое-какіе сдѣланные имъ на службѣ долги, онъ принялся за хозяйство и былъ бы не дурной хозяинъ, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ страстный псовый охотникъ и не имѣлъ, какъ краснорѣчиво выражался Поморцевъ, пагубной привычки и горе и радости топить въ искрометной влагѣ. Эти два послѣднія качества конечно не могли сблизить двухъ сосѣдей такъ діаметрально другъ другу противоположныхъ въ наклонностяхъ своихъ; но у Лядова были и другія качества, заставлявшія Поморцева забывать о первыхъ. Онъ былъ добрый малый, готовый на всевозможныя услуги, а главное: онъ всегда съ терпѣніемъ выслушивалъ совѣты своего брюзгливаго сосѣда и даже не рѣдко обращался къ нему самъ за ними, что̀ пріятно щекотало щепетильное самолюбіе послѣдняго. Къ тому же Лядовъ зачастую нуждался въ деньгахъ и Поморцевъ никогда ему въ нихъ не отказывалъ; а это, какъ извѣстно, золотитъ и самыя горькія пилюли. Словомъ, если Поморцевъ и Лядовъ не были друзьями, то были добрые сосѣди и хорошіе знакомые. Жена Лядова была молодая, двадцативосьмилѣтняя бабёнка, рѣзвая, веселая, имѣвшая завидную способность отъ души смѣяться, а при случаѣ отъ души и поплакать, легко краснѣвшая отъ лишне сказаннаго слова и наивностями своими подчасъ также легко

заставлявшая краснѣть и другихъ,—словомъ, была женщина какихъ въ то время было также много какъ ихъ въ наше время становится мало. Понятно что она ни по лѣтамъ, ни по характеру своему сойтись съ Поморцевой не могла,—живая натура ея не могла подчиниться требованіямъ ея чопорнаго этикета; язвительные намеки послѣдней она не рѣдко обращала въ шутку и къ великому ея скандалу на замѣчанія ея и совѣты отвѣчала иногда добродушнымъ, несдержаннымъ смѣхомъ. Несмотря однако на все это, добрыя отношенія ихъ, благодаря уступчивости Лядовой, поддерживались, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что у Лядовыхъ было много дѣтей и всѣ они были крестники или крестницы Поморцевой, и та, не имѣя своихъ собственныхъ дѣтей, очень любила ихъ. Одно время она даже хотѣла старшую дочь взять къ себѣ на воспитаніе; но Семенъ Алексѣевичъ рѣшительно этому воспротивился болѣе въ видахъ соблюденія въ домѣ надлежащей чистоты и опрятности.

Наконецъ въ самомъ концѣ села, почти на выѣздѣ изъ него, стояли еще одинъ возлѣ другаго два небольшихъ, пятиоконныхъ домика; въ одномъ изъ нихъ жила вдова титулярная совѣтница Авдотья Емельяновна Рожнова съ пятнадцатилѣтнею дочерью, а въ другомъ золовка ея, пожилая дѣвица Ѳедосья Петровна. Авдотья Емельяновна была добрая, простая женщина, но страшная сплетница, или лучше сказать великая охотница какъ собирать всевозможныя новости, такъ и распускать ихъ безъ всякаго злаго умысла и задней мысли. Едва узнавала она что-нибудь новое, какъ всячески старалась, что называется, добиться подноготной; добившись же ея, не могла уснуть спокойно пока не удавалось ей подѣлиться ею со всѣми знакомыми. Это было у нея что-то въ родѣ призванія; точно лежалъ на ней священный долгъ, не исполнить котораго она не могла не придя въ разладъ со совѣстью своею. Съ приходомъ ея всѣ разговоры прекращались и навостря-

лись уши въ ожиданіи, даже въ увѣренности услышать отъ нея какую-нибудь животрепещущую новость, и рѣдко ожиданія эти не оправдывались. «А нутка, какую ношу принесла пчелка златая?» спрашивалъ съ пріятною улыбкою, встрѣчая ее, Поморцевъ. Ѳедосья Петровна была такъ себѣ старая дѣва, немножко ханжа, немножко лицемѣрна, какъ и бываютъ большею частію подобныя ей старыя дѣвы, немножко пожалуй и съ придурью, ни добрая, ни злая,—словомъ, личность вполнѣ безцвѣтная, и если мы упоминаемъ о ней, то лишь потому что слова изъ пѣсни не выкинешь. И безъ того ужь, чтобы не слишкомъ утомить читателя, выкидываемъ мы не мало личностей, о которыхъ можетъ-быть и слѣдовало бы сказать хоть пару словъ. Я говорю о помѣщикахъ жившихъ въ недальнемъ разстояніи отъ села Трескина въ отдѣльныхъ деревенькахъ и хуторахъ своихъ и тѣсно связанныхъ съ Трескинцами, какъ однохарактерностью жизни, такъ и одинаковостію двигавшихъ ею интересовъ. Но вѣдь всѣхъ комаровъ въ лѣсу не передавишь.

Я уже сказалъ, что большая половина села Трескина принадлежала Сущову. Онъ получилъ имѣніе это по наслѣдству отъ роднаго дяди своего, умершаго лѣтъ за шесть до начала нашего разсказа. Онъ въ немъ еще ни разу не былъ, и Трескинцы знали о немъ лишь по наслышкѣ. Когда умеръ старикъ, всѣ были увѣрены, что новый владѣлецъ поспѣшитъ пріѣхать, какъ для отданія послѣдняго долга покойнику, такъ и для принятія доставшагося ему отъ отъ него наслѣдства; но ожиданія эти не сбылись. Онъ ограничился присылкою коекакихъ, впрочемъ очень богатыхъ, приношеній въ пользу церкви; для принятія же наслѣдства прислалъ повѣреннаго. Черезъ полгода надъ могилою покойнаго поставленъ былъ и великолѣпный памятникъ, который какъ по великолѣпію, такъ и по загадочности своей былъ долго предметомъ толковъ и догадокъ не только въ Трескинѣ, но и во всемъ околоткѣ.

На высокомъ, черномъ мраморномъ пьедесталѣ стоялъ высѣченный изъ бѣлаго мрамора молящійся, колѣнопреклоненный ангелъ. На лицевой сторонѣ пьедестала золотыми буквами изображено было имя покойнаго съ означеніемъ года и числа его рожденія и кончины; на боковыхъ же сторонахъ его были надписи: «Боже! отпусти ми; не вѣдахъ бо что творихъ» и «Господи! Не по грѣхомъ моимъ сотвори мі, ниже по беззоконіямъ моимъ воздаждь ми». Эти двѣ боковыя надписи и возбудили нескончаемые толки и догадки. Одни говорили, что молодой Сущовъ хотѣлъ выразить ими свое неудовольствіе на покойнаго дядю за то, что онъ оставилъ ему лишь одно родовое имѣніе, которое и по закону помимо его никому завѣщать не могъ; деньги же и всю движимость предоставилъ какимъ-то воспитанникамъ и воспитанницамъ; другіе-же доказывали, что напротивъ того онъ этимъ хотѣлъ выразить смиренномудріе покойнаго. Нашлись и такіе, которые въ этихъ надписяхъ видѣли какой-то мистическій смыслъ, въ подтвержденіе чего указывали на изображеніе Адамовой головы на четвертой сторонѣ пьедестала, чтò, какъ утверждалъ Поморцевъ, есть одна изъ эмблемъ массонства. Какъ ни разногласны были всѣ эти толки, но они почему-то привели спорившихъ къ одному и тому же заключенію, что, если молодой Сущовъ и не поселится на постоянное житье въ Трескинѣ, то непремѣнно будетъ пріѣзжать проводить въ немъ лѣтніе мѣсяцы, потому что для чего бы ему было въ противномъ случаѣ дѣлать такія богатыя приношенія въ Трескинскую церковь и ставить такой великолѣпный памятникъ на могилу дяди. «Вѣдь извѣстно, говорили они, что всѣ эти богатыя приношенія и памятники дѣлаются людьми изъ тщеславія, т.-е. для самихъ же себя, а не для успокоенія души покойнаго, которая въ нихъ нисколько не нуждается.» Поморцевъ по этому случаю привелъ даже нѣсколько строфъ изъ извѣстнаго завѣщанія князя Долгорукаго.

Вѣрно или нѣтъ было остроумное заключеніе Трескинцевъ, но прошло долгихъ четыре года, а оно все еще не оправдывалось. Впрочемъ, если и не удалось имъ видѣть Сущова среди себя, то такъ интересовавшая ихъ личность его мало-по-малу переставала быть для нихъ загадочнымъ миѳомъ и, благодаря неусыпнымъ розыскамъ и стараніямъ Авдотьи Емельяновны, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выдѣлялась изъ окружавшей его туманности и очерчивалась болѣе опредѣленными штрихами. Такъ узнали они, что онъ былъ женатъ на дочери какого-то генерала нѣмца, что у него было трое дѣтей; узнали даже что старшую дочь звали Зенаидой; но лютеранскаго ли православнаго исповѣданія была жена его, что̀ очень интересовало трескинскихъ дамъ, все-таки узнать никакъ не могли. Узнали между прочимъ и то, что Сущовъ былъ человѣкъ общественный и любилъ развлеченія, что̀ очень всѣхъ обрадовало, подавая надежду что онъ, поселившись въ Трескинѣ или даже пріѣзжая въ него на лѣтніе мѣсяцы, оживитъ его. Трескинцы потирали себѣ отъ удовольствія руки: «да скоро ли же онъ наконецъ пріѣдетъ?» спрашивали они другъ друга; но на этотъ-то капитальный вопросъ никто и не могъ дать никакого положительнаго отвѣта.

На пятый годъ наконецъ всѣ обрадованы были неожиданною новостью: въ Трескино присланъ былъ нѣмецъ-садовникъ съ приказаніемъ возобновить полуразвалившуюся оранжерею, разбить предъ домомъ англійскій садъ и обратить примыкавшую къ нему заглохшую липовую рощу въ удобный для прогулки паркъ. Взялись разумѣется за нѣмца, даже Анна Гавриловна пригласила его къ себѣ разбить предъ домомъ цвѣтникъ, но ничего путнаго добиться отъ него не могли. Онъ выписанъ былъ изъ Риги отъ Вагнера и видѣлся съ Сущовыми проѣздомъ черезъ Петербургъ лишь самое короткое время; въ добавокъ онъ по-русски не говорилъ почти ни слова.

а Трескинцы были плохіе филологи. Нѣмецъ оказался дѣйствительно очень искуснымъ садовникомъ и привелъ все въ примѣрный порядокъ; показывалъ любопытнымъ привезенные имъ садовые ножи и ножницы самыхъ причудливыхъ формъ и разные другіе невиданные ещё въ Трескинѣ садовые инструменты, растолковывая, какъ могъ, ихъ назначеніе. Все это очень занимало простодушныхъ Трескинцевъ; но прошло лѣто, а Сущовы все не пріѣзжали.

На слѣдующій годъ любопытство Трескинцевъ возбуждено было въ высшей степени очень знаменательнымъ фактомъ и на этотъ разъ пріѣздъ Сущовыхъ казался уже не подверженнымъ никакому сомнѣнію: присланъ былъ архитекторъ для реставрированія дома. Пріѣхавъ въ Трескино, онъ немедленно же принялся за работу. Домъ былъ перестроенъ почти сызнова; отъ стараго остались лишь однѣ стѣны. Осенью же привезена была и мебель, и Авдотья Емельяновна узнала изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что въ слѣдующемъ году Сущовы пріѣдутъ непремѣнно на лѣтніе мѣсяцы въ деревню. «И какъ могли мы ожидать ихъ раньше, говорила она; вѣдь не въ старомъ же сараѣ имъ было остановиться».

Всѣ согласились съ этимъ вполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ.

Зима прошла въ тревожныхъ ожиданіяхъ и наконецъ дѣйствительно въ концѣ великаго поста пріѣхалъ въ Трескино какой-то старикъ въ родѣ дворецкаго съ поваромъ и тутъ же двое изъ старыхъ лакеевъ старика Сущова, жившіе уже шесть лѣтъ на покоѣ, взяты были снова въ домъ и одѣты въ ливрейные фраки. Прибывшій изъ Петербурга дворецкій обрилъ, остригъ и выдрессировалъ ихъ какъ слѣдуетъ, при чемъ не малаго труда стоило ему пріучить ихъ къ цѣлесообразному употребленію носоваго платка и растолковать имъ, что розданныя имъ бѣлыя, нитяныя перчатки имѣютъ совершенно иное назначеніе. Авдотья Емельяновна была въ полномъ удо-

вольствіи: предсказаніе ея сбывалось,—оставалось лишь пріѣхать самимъ Сущовымъ; но прошелъ и великій постъ, миновала и Святая недѣля, а ихъ все еще не было. Она взялась за дворецкаго, съ которымъ познакомилась какъ бы случайнымъ образомъ въ церкви (онъ старикъ былъ набожный и на Страстной недѣлѣ не пропускалъ ни одной службы); но оказалось, что насколько онъ былъ набоженъ, настолько же угрюмъ и молчаливъ, и все, что она могла добиться отъ него новаго, сводилось лишь къ тому что Сущовъ, служившій до тѣхъ поръ въ военной службѣ, незадолго предъ тѣмъ вышелъ въ отставку, что домъ дѣйствительно отдѣланъ и меблированъ на случай его пріѣзда; но пріѣдетъ ли онъ и на сколько времени, ему положительно неизвѣстно. Какъ ни незначительны были эти свѣдѣнія, ихъ было достаточно для Трескинцевъ чтобы построить на нихъ кучу предположеній, изъ которыхъ самымъ вѣроятнымъ казалось то, что если Сущовъ вышелъ въ отставку и одновременно отдѣлалъ домъ въ Трескинѣ, то конечно для того, чтобы переѣхать въ него на житье. Противъ этого предположенія не возражалъ и Поморцевъ, добавивъ только, что если Сущовы пріѣдутъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и ни въ какомъ случаѣ не позже мая. Былъ уже конецъ апрѣля и Трескинцы съ каждымъ днемъ приходили все въ болѣе и болѣе лихорадочно возбужденное состояніе.

Въ одинъ вечеръ Поморцевы, напившись чаю, сидѣли по обыкновенію въ угольной комнатѣ: Семенъ Алексѣевичъ докуривалъ трубку, Анна Гавриловна раскладывала пасьянсъ. Она загадала пріѣдутъ ли Сущовы и нарочно выбрала самый трудный изъ извѣстныхъ ей пасьянсовъ, именно тотъ, который вышелъ у нея всего два раза съ тѣхъ поръ какъ она стала его раскладывать, и къ крайнему удивленію ея онъ сходился, мѣшалъ лишь валетъ бубенъ. Правда можно было переложить его на даму, но въ такомъ случаѣ закладывалась вся пико-

а Трескинцы были плохіе филюлоги. Нѣмецъ оказался дѣйствительно очень искуснымъ садовникомъ и привелъ все въ примѣрный порядокъ; показывалъ любопытнымъ привезенные имъ садовые ножи и ножницы самыхъ причудливыхъ формъ и разные другіе невиданные ещё въ Трескинѣ садовые инструменты, растолковывая, какъ могъ, ихъ назначеніе. Все это очень занимало простодушныхъ Трескинцевъ; но прошло лѣто, а Сущовы все не пріѣзжали.

На слѣдующій годъ любопытство Трескинцевъ возбуждено было въ высшей степени очень знаменательнымъ фактомъ и на этотъ разъ пріѣздъ Сущовыхъ казался уже не подверженнымъ никакому сомнѣнію: присланъ былъ архитекторъ для реставрированія дома. Пріѣхавъ въ Трескино, онъ немедленно же принялся за работу. Домъ былъ перестроенъ почти сызнова; отъ стараго остались лишь однѣ стѣны. Осенью же привезена была и мебель, и Авдотья Емельяновна узнала изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что въ слѣдующемъ году Сущовы пріѣдутъ непремѣнно на лѣтніе мѣсяцы въ деревню. «И какъ могли мы ожидать ихъ раньше, говорила она; вѣдь не въ старомъ же сараѣ имъ было остановиться».

Всѣ согласились съ этимъ вполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ.

Зима прошла въ тревожныхъ ожиданіяхъ и наконецъ дѣйствительно въ концѣ великаго поста пріѣхалъ въ Трескино какой-то старикъ въ родѣ дворецкаго съ поваромъ и тутъ же двое изъ старыхъ лакеевъ старика Сущова, жившіе уже шесть лѣтъ на покоѣ, взяты были снова въ домъ и одѣты въ ливрейные фраки. Прибывшій изъ Петербурга дворецкій обрилъ, остригъ и выдрессировалъ ихъ какъ слѣдуетъ, при чемъ не малаго труда стоило ему пріучить ихъ къ цѣлесообразному употребленію носоваго платка и растолковать имъ, что розданныя имъ бѣлыя, нитяныя перчатки имѣютъ совершенно иное назначеніе. Авдотья Емельяновна была въ полномъ удо-

вольствія: предсказаніе ея сбывалось,—оставалось лишь пріѣхать самимъ Сущовымъ; но прошелъ и великій постъ, миновала и Святая недѣля, а ихъ все еще не было. Она взялась за дворецкаго, съ которымъ познакомилась какъ бы случайнымъ образомъ въ церкви (онъ старикъ былъ набожный и на Страстной недѣлѣ не пропускалъ ни одной службы); но оказалось, что насколько онъ былъ набоженъ, настолько же угрюмъ и молчаливъ, и все, что она могла добиться отъ него новаго, сводилось лишь къ тому что Сущовъ, служившій до тѣхъ поръ въ военной службѣ, незадолго предъ тѣмъ вышелъ въ отставку, что домъ дѣйствительно отдѣланъ и меблированъ на случай его пріѣзда; но пріѣдетъ ли онъ и на сколько времени, ему положительно неизвѣстно. Какъ ни незначительны были эти свѣдѣнія, ихъ было достаточно для Трескинцевъ чтобы построить на нихъ кучу предположеній, изъ которыхъ самымъ вѣроятнымъ казалось то, что если Сущовъ вышелъ въ отставку и одновременно отдѣлалъ домъ въ Трескинѣ, то конечно для того, чтобы переѣхать въ него на житье. Противъ этого предположенія не возражалъ и Поморцевъ, добавивъ только, что если Сущовы пріѣдутъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и ни въ какомъ случаѣ не позже мая. Былъ уже конецъ апрѣля и Трескинцы съ каждымъ днемъ приходили все въ болѣе и болѣе лихорадочно возбужденное состояніе.

Въ одинъ вечеръ Поморцевы, напившись чаю, сидѣли [illegible] обыкновенію въ угольной комнатѣ: Семенъ Алексѣевичъ [illegible] куривалъ трубку, Анна Гавриловна раскладыва[illegible] Она загадала пріѣдутъ ли Сущовы и нарочно выбра[illegible] трудный изъ извѣстныхъ ей пасьянсовъ, именно тотъ, [illegible] вышелъ у нея всего два раза съ тѣхъ поръ [illegible] его раскладывать, и къ крайнему удивленію ея [illegible] мѣшалъ лишь валетъ бубенъ. Правда можно [illegible] его на даму, но въ такомъ случаѣ заклад[illegible]

тожной должности такъ возвысить ее въ лицѣ своемъ, что самымъ наглядным образомъ оправдывалъ пословицу что не мѣсто краситъ человѣка. Была у него мечта которую лелѣялъ онъ чуть не съ самаго выхода своего изъ судейства: ему страшно хотѣлось быть выбраннымъ въ уѣздные предводители; но къ крайнему прискорбію его, лицо занимавшее уже въ продолженіи нѣсколькихъ трехлѣтій эту должность пользовалось такимъ же уваженіемъ въ цѣломъ уѣздѣ какимъ онъ пользовался въ околоткѣ своемъ; а потому эта сладкая мечта его должна была оставаться лишь одними pia desideria.

У Поморцевыхъ дѣтей не было, о чемъ впрочемъ Семенъ Алексѣевичъ и не очень тужилъ. «Съ дѣтьми лишнія заботы и хлопоты, говорилъ онъ: пока малы, пріискивай имъ нянекъ, да мамокъ,—крикъ, визгъ, нечистота; а какъ подростутъ, еще и того хуже». Анна Гавриловна, хотя и не раздѣляла образа мыслей своего мужа, но волей-неволей должна была покориться своей горькой судьбѣ и, чтобъ утѣшить себя, сосредоточила всю нѣжность своего материнскаго сердца на большомъ сибирскомъ котѣ, съ которымъ и нянчилась какъ съ ребенкомъ. Котъ этотъ былъ дѣйствительно замѣчательной величины и извѣстенъ былъ всему селу подъ именемъ Василья Васильевича.

Поморцевы были не единственными помѣщиками села Тресвина. Бо́льшая половина его принадлежала Александру Николаевичу Сущову, очень богатому еще молодому человѣку жившему постоянно въ Петербургѣ и ни разу еще не давшему себѣ труда посѣтить свое родовое имѣніе. Большой, опустѣлый домъ его стоялъ противъ самой церковной паперти и какъ мертвецъ съ незакрытыми глазами тускло и неподвижно смотрѣлъ сквозь длинный рядъ покосившихся отъ ветхости оконъ, наводя на проходившихъ мимо его какой-то безотчетный страхъ и уныніе.

Немного поодаль отъ Сущовской усадьбы изъ-за деревьевъ окружавшаго ее сада виднѣлись мезонинъ и красная тесовая крыша дома Лядовыхъ. Владѣлецъ его, Петръ Васильевичъ Лядовъ, былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, дюжаго, почти атлетическаго сложенія. Коротко остриженные, постоянно взъерошенные волосы и длинные рыжіе, спускавшіеся ниже бороды усы давали ему видъ какой-то лихой рѣшимости и отваги; обрюзглое же лицо и сипло гортанный голосъ свидѣтельствовали о буйно проведенной имъ молодости. Онъ нѣкогда служилъ въ военной службѣ и, вышедъ въ отставку, женился нѣ дочери небогатаго сосѣда помѣщика и поселился въ имѣніи своемъ. Заплативши кое-какіе сдѣланные имъ на службѣ долги, онъ принялся за хозяйство и былъ бы не дурной хозяинъ, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ страстный псовый охотникъ и не имѣлъ, какъ краснорѣчиво выражался Поморцевъ, пагубной привычки и горе и радости топить въ искрометной влагѣ. Эти два послѣднія качества конечно не могли сблизить двухъ сосѣдей такъ діаметрально другъ другу противоположныхъ въ наклонностяхъ своихъ; но у Лядова были и другія качества, заставлявшія Поморцева забывать о первыхъ. Онъ былъ добрый малый, готовый на всевозможныя услуги, а главное: онъ всегда съ терпѣніемъ выслушивалъ совѣты своего брюзгливаго сосѣда и даже не рѣдко обращался къ нему самъ за ними, что̀ пріятно щекотало щепетильное самолюбіе послѣдняго. Къ тому же Лядовъ зачастую нуждался въ деньгахъ и Поморцевъ никогда ему въ нихъ не отказывалъ; а это, какъ извѣстно, золотитъ и самыя горькія пилюли. Словомъ, если Поморцевъ и Лядовъ не были друзьями, то были добрые сосѣди и хорошіе знакомые. Жена Лядова была молодая, двадцативосьмилѣтняя бабёнка, рѣзвая, веселая, имѣвшая завидную способность отъ души смѣяться, а при случаѣ отъ души и поплакать, легко краснѣвшая отъ лишне сказаннаго слова и наивностями своими подчасъ также легко

заставлявшая краснѣть и другихъ,—словомъ, была женщина какихъ въ то время было также много какъ ихъ въ наше время становится мало. Понятно что она ни по лѣтамъ, ни по характеру своему сойтись съ Поморцевой не могла,—живая натура ея не могла подчиниться требованіямъ ея чопорнаго этикета; язвительные намеки послѣдней она не рѣдко обращала въ шутку и къ великому ея скандалу на замѣчанія ея и совѣты отвѣчала иногда добродушнымъ, несдержаннымъ смѣхомъ. Несмотря однако на все это, добрыя отношенія ихъ, благодаря уступчивости Лядовой, поддерживались, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что у Лядовыхъ было много дѣтей и всѣ они были крестники или крестницы Поморцевой, и та, не имѣя своихъ собственныхъ дѣтей, очень любила ихъ. Одно время она даже хотѣла старшую дочь взять къ себѣ на воспитаніе; но Семенъ Алексѣевичъ рѣшительно этому воспротивился болѣе въ видахъ соблюденія въ модѣ надлежащей чистоты и опрятности.

Наконецъ въ самомъ концѣ села, почти на выѣздѣ изъ него, стояли еще одинъ возлѣ другаго два небольшихъ, пятиоконныхъ домика; въ одномъ изъ нихъ жила вдова титулярная совѣтница Авдотья Емельяновна Рожнова съ пятнадцатилѣтнею дочерью, а въ другомъ золовка ея, пожилая дѣвица Ѳедосья Петровна. Авдотья Емельяновна была добрая, простая женщина, но страшная сплетница, или лучше сказать великая охотница какъ собирать всевозможныя новости, такъ и распускать ихъ безъ всякаго злаго умысла и задней мысли. Едва узнавала она что-нибудь новое, какъ всячески старалась, что̀ называется, добиться подноготной; добившись же ея, не могла уснуть спокойно пока не удавалось ей подѣлиться ею со всѣми знакомыми. Это было у нея что-то въ родѣ призванія; точно лежалъ на ней священный долгъ, не исполнить котораго она не могла не придя въ разладъ со совѣстью своею. Съ приходомъ ея всѣ разговоры прекращались и навостря-

лись уши въ ожиданіи, даже въ увѣренности услышать отъ нея какую-нибудь животрепещущую новость, и рѣдко ожиданія эти не оправдывались. «А нутка, какую ношу принесла пчелка златая?» спрашивалъ съ пріятною улыбкою, встрѣчая ее, Поморцевъ. Ѳедосья Петровна была такъ себѣ старая дѣва, немножко ханжа, немножко лицемѣрка, какъ и бываютъ большею частію подобныя ей старыя дѣвы, немножко пожалуй и съ придурью, ни добрая, ни злая,—словомъ, личность вполнѣ безцвѣтная, и если мы упоминаемъ о ней, то лишь потому что слова изъ пѣсни не выкинешь. И безъ того ужь, чтобы не слишкомъ утомить читателя, выкидываемъ мы не мало личностей, о которыхъ можетъ-быть и слѣдовало бы сказать хоть пару словъ. Я говорю о помѣщикахъ жившихъ въ недальнемъ разстояніи отъ села Трескина въ отдѣльныхъ деревенькахъ и хуторахъ своихъ и тѣсно связанныхъ съ Трескинцами, какъ однохарактерностью жизни, такъ и одинаковостію двигавшихъ ею интересовъ. Но вѣдь всѣхъ комаровъ въ лѣсу не передавишь.

Я уже сказалъ, что большая половина села Трескина принадлежала Сущову. Онъ получилъ имѣніе это по наслѣдству отъ роднаго дяди своего, умершаго лѣтъ за шесть до начала нашего разсказа. Онъ въ немъ еще ни разу не былъ, и Трескинцы знали о немъ лишь по наслышкѣ. Когда умеръ старикъ, всѣ были увѣрены, что новый владѣлецъ поспѣшитъ пріѣхать, какъ для отданія послѣдняго долга покойнику, такъ и для принятія доставшагося ему отъ отъ него наслѣдства; но ожиданія эти не сбылись. Онъ ограничился присылкою коекакихъ, впрочемъ очень богатыхъ, приношеній въ пользу церкви; для принятія же наслѣдства прислалъ повѣреннаго. Черезъ полгода надъ могилою покойнаго поставленъ былъ и великолѣпный памятникъ, который какъ по великолѣпію, такъ и по загадочности своей былъ долго предметомъ толковъ и догадокъ не только въ Трескинѣ, но и во всемъ околоткѣ.

На высокомъ, черномъ мраморномъ пьедесталѣ стоялъ высѣченный изъ бѣлаго мрамора молящійся, колѣнопреклоненный ангелъ. На лицевой сторонѣ пьедестала золотыми буквами изображено было имя покойнаго съ означеніемъ года и числа его рожденія и кончины; на боковыхъ же сторонахъ его были надписи: «Боже! отпусти ми; не вѣдахъ бо что творихъ» и «Господи! Не по грѣхомъ моимъ сотвори мнѣ, ниже по беззоконіямъ моимъ воздаждь ми». Эти двѣ боковыя надписи и возбудили нескончаемые толки и догадки. Одни говорили, что молодой Сущовъ хотѣлъ выразить ими свое неудовольствіе на покойнаго дядю за то, что онъ оставилъ ему лишь одно родовое имѣніе, которое и по закону помимо его никому завѣщать не могъ; деньги же и всю движимость предоставилъ какимъ-то воспитанникамъ и воспитанницамъ; другіе-же доказывали, что напротивъ того онъ этимъ хотѣлъ выразить смиренномудріе покойнаго. Нашлись и такіе, которые въ этихъ надписяхъ видѣли какой-то мистическій смыслъ, въ подтвержденіе чего указывали на изображеніе Адамовой головы на четвертой сторонѣ пьедестала, что̀, какъ утверждалъ Поморцевъ, есть одна изъ эмблемъ массонства. Какъ ни разногласны были всѣ эти толки, но они почему-то привели споривших къ одному и тому же заключенію, что, если молодой Сущовъ и не поселится на постоянное житье въ Трескинѣ, то непремѣнно будетъ пріѣзжать проводить въ немъ лѣтніе мѣсяцы, потому что для чего бы ему было въ противномъ случаѣ дѣлать такія богатыя приношенія въ Трескинскую церковь и ставить такой великолѣпный памятникъ на могилу дяди. «Вѣдь извѣстно, говорили они, что всѣ эти богатыя приношенія и памятники дѣлаются людьми изъ тщеславія, т.-е. для самихъ же себя, а не для успокоенія души покойнаго, которая въ нихъ нисколько не нуждается.» Поморцевъ по этому случаю привелъ даже нѣсколько строфъ изъ извѣстнаго завѣщанія князя Долгорукаго.

Вѣрно или нѣтъ было остроумное заключеніе Трескинцевъ, но прошло долгихъ четыре года, а оно все еще не оправдывалось. Впрочемъ, если и не удалось имъ видѣть Сущова среди себя, то такъ интересовавшая ихъ личность его мало-по-малу переставала быть для нихъ загадочнымъ миѳомъ и, благодаря неусыпнымъ розыскамъ и стараніямъ Авдотьи Емельяновны, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выдѣлялась изъ окружавшей его туманности и очерчивалась болѣе опредѣленными штрихами. Такъ узнали они, что онъ былъ женатъ на дочери какого-то генерала нѣмца, что у него было трое дѣтей; узнали даже что старшую дочь звали Зенаидой; но лютеранскаго ли православнаго исповѣданія была жена его, чтò очень интересовало трескинскихъ дамъ, все-таки узнать никакъ не могли. Узнали между прочимъ и то, что Сущовъ былъ человѣкъ общественный и любилъ развлеченія, чтò очень всѣхъ обрадовало, подавая надежду что онъ, поселившись въ Трескинѣ или даже пріѣзжая въ него на лѣтніе мѣсяцы, оживитъ его. Трескинцы потирали себѣ отъ удовольствія руки: «да скоро ли же онъ наконецъ пріѣдетъ?» спрашивали они другъ друга; но на этотъ-то капитальный вопросъ никто и не могъ дать никакого положительнаго отвѣта.

На пятый годъ наконецъ всѣ обрадованы были неожиданною новостью: въ Трескино присланъ былъ нѣмецъ-садовникъ съ приказаніемъ возобновить полуразвалившуюся оранжерею, разбить предъ домомъ англійскій садъ и обратить примыкавшую къ нему заглохшую липовую рощу въ удобный для прогулки паркъ. Взялись разумѣется за нѣмца, даже Анна Гавриловна пригласила его къ себѣ разбить предъ домомъ цвѣтникъ, но ничего путнаго добиться отъ него не могли. Онъ выписанъ былъ изъ Риги отъ Вагнера и видѣлся съ Сущовыми проѣздомъ черезъ Петербургъ лишь самое короткое время; въ добавокъ онъ по-русски не говорилъ почти ни слова.

а Трескинцы были плохіе филологи. Нѣмецъ оказался дѣйствительно очень искуснымъ садовникомъ и привелъ все въ примѣрный порядокъ; показывалъ любопытнымъ привезенные имъ садовые ножи и ножницы самыхъ причудливыхъ формъ и разные другіе невиданные ещѐ въ Трескинѣ садовые инструменты, растолковывая, какъ могъ, ихъ назначеніе. Все это очень занимало простодушныхъ Трескинцевъ; но прошло лѣто, а Сущовы все не пріѣзжали.

На слѣдующій годъ любопытство Трескинцевъ возбуждено было въ высшей степени очень знаменательнымъ фактомъ и на этотъ разъ пріѣздъ Сущовыхъ казался уже не подверженнымъ никакому сомнѣнію: присланъ былъ архитекторъ для реставрированія дома. Пріѣхавъ въ Трескино, онъ немедленно же принялся за работу. Домъ былъ перестроенъ почти сызнова; отъ стараго остались лишь однѣ стѣны. Осенью же привезена была и мебель, и Авдотья Емельяновна узнала изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что въ слѣдующемъ году Сущовы пріѣдутъ непремѣнно на лѣтніе мѣсяцы въ деревню. «И какъ могли мы ожидать ихъ раньше, говорила она; вѣдь не въ старомъ же сараѣ имъ было остановиться».

Всѣ согласились съ этимъ вполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ.

Зима прошла въ тревожныхъ ожиданіяхъ и наконецъ дѣйствительно въ концѣ великаго поста пріѣхалъ въ Трескино какой-то старикъ въ родѣ дворецкаго съ поваромъ и тутъ же двое изъ старыхъ лакеевъ старика Сущова, жившіе уже шесть лѣтъ на покоѣ, взяты были снова въ домъ и одѣты въ ливрейные фраки. Прибывшій изъ Петербурга дворецкій обрилъ, остригъ и выдрессировалъ ихъ какъ слѣдуетъ, при чемъ не малаго труда стоило ему пріучить ихъ къ цѣлесообразному употребленію носоваго платка и растолковать имъ, что розданныя имъ бѣлыя, нитяныя перчатки имѣютъ совершенно иное назначеніе. Авдотья Емельяновна была въ полномъ удо-

вольствіи: предсказаніе ея сбывалось,—оставалось лишь пріѣхать самимъ Сущовымъ; но прошелъ и великій постъ, миновала и Святая недѣля, а ихъ все еще не было. Она взялась за дворецкаго, съ которымъ познакомилась какъ бы случайнымъ образомъ въ церкви (онъ старикъ былъ набожный и на Страстной недѣлѣ не пропускалъ ни одной службы); но оказалось, что насколько онъ былъ набоженъ, настолько же угрюмъ и молчаливъ, и все, что она могла добиться отъ него новаго, сводилось лишь къ тому что Сущовъ, служившій до тѣхъ поръ въ военной службѣ, незадолго предъ тѣмъ вышелъ въ отставку, что домъ дѣйствительно отдѣланъ и меблированъ на случай его пріѣзда; но пріѣдетъ ли онъ и на сколько времени, ему положительно неизвѣстно. Какъ ни незначительны были эти свѣдѣнія, ихъ было достаточно для Трескинцевъ чтобы построить на нихъ кучу предположеній, изъ которыхъ самымъ вѣроятнымъ казалось то, что если Сущовъ вышелъ въ отставку и одновременно отдѣлалъ домъ въ Трескинѣ, то конечно для того, чтобы переѣхать въ него на житье. Противъ этого предположенія не возражалъ и Поморцевъ, добавивъ только, что если Сущовы пріѣдутъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и ни въ какомъ случаѣ не позже мая. Былъ уже конецъ апрѣля и Трескинцы съ каждымъ днемъ приходили все въ болѣе и болѣе лихорадочно возбужденное состояніе.

Въ одинъ вечеръ Поморцевы, напившись чаю, сидѣли по обыкновенію въ угольной комнатѣ: Семенъ Алексѣевичъ докуривалъ трубку, Анна Гавриловна раскладывала пасьянсъ. Она загадала пріѣдутъ ли Сущовы и нарочно выбрала самый трудный изъ извѣстныхъ ей пасьянсовъ, именно тотъ, который вышелъ у нея всего два раза съ тѣхъ поръ какъ она стала его раскладывать, и къ крайнему удивленію ея онъ сходился, мѣшалъ лишь валетъ бубенъ. Правда можно было переложить его на даму, но въ такомъ случаѣ закладывалась вся нико-

вая масть. Анна Гавриловна, приложивъ указательный палецъ правой руки къ губамъ, серіозно призадумалась надъ трудною задачей; задумался надъ ней и подсѣвшій къ столу Семенъ Алексѣевичъ.

— А ты сперва переложи девятку трефъ на десятку, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы озарившись внезапно проблеснувшею у него въ головѣ мыслію;—а потомъ...

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ въ передней послышался шумъ, смѣшанный съ писклявымъ женскимъ говоромъ.

— Затрещала, сказала, стараясь сохранить свое хладнокровіе, Анна Гавриловна, хотя слышанный ею голосъ страшно подстрекалъ ея любопытство. Она узнала въ немъ голосъ Авдотьи Емельяновны и очень хорошо понимала, что приходъ ея въ такой неурочный часъ былъ не даромъ. Тѣмъ не менѣе она и предъ мужемъ не хотѣла высказать волновавшаго ее чувства и казалось еще. болѣе сосредоточила вниманіе свое на разложенныя предъ нею карты, хотя ясно было какъ день, что съ переложеніемъ девятки трефъ пасьянсъ сходился.

— А я къ вамъ съ свѣжею новостью, кричала еще изъ залы Авдотья Емельяновна.

— Съ какою такою? спросила повидимому очень спокойно Анна Гавриловна, не сводя глазъ съ картъ.

Рожнова была изъ тѣхъ которыхъ она не удостоивала своимъ рукопожатіемъ, считая ее достаточно осчастливленною уже тѣмъ, что отъ времени до времени называла ее по имени и отчеству.

— Да ужъ съ такою, продолжала трещать Авдотья Емельяновна, — что на этотъ разъ и сомнѣваться-то ужъ кажется нечего.

Анна Гавриловна казалось очень равнодушно поглядѣла на нее; но несмотря на умѣніе ея маскировать свои чувства, опытный наблюдатель прочелъ бы въ ея глазахъ происходившую внутри ея тревогу. Даже Семенъ Алексѣевичъ отнялъ

отъ рта трубку и молча стоялъ въ какомъ-то выжидательномъ положеніи.

— Сейчасъ былъ у меня сущовскій поваръ, поеннаго телка купилъ, говорила Рожнова, присаживаясь на стулъ и съ трудомъ переводя духъ,—того самаго телка, котораго я выпаивала къ Сизовской свадьбѣ. Думаю себѣ: тамъ еще что за него дадутъ, а онъ сразу три рубля далъ; я и торговаться не стала; лишь двугривенный Аксиньѣ за хлопоты выговорила. Говоритъ—господъ къ ужину ждетъ.

— Какъ къ ужину? едва могла выговорить Анна Гавриловна

Самъ Семенъ Алексѣевичъ отъ удивленія раскрылъ ротъ и чуть не выпустилъ изъ рукъ чубука.

— Говоритъ нарочный прискакалъ изъ города съ извѣстіемъ, что они ужь тамъ. Самъ Сущовъ остался у предводителя обѣдать, а вечеромъ будутъ сюда безпремѣнно; того и гляди, что мимо вашихъ оконъ проѣдутъ. И управляющій встрѣчать ихъ укатилъ. Однакожь пора и мнѣ домой, добавила она, вставая торопливо.

— Куда же это вы такъ скоро? спросили въ одинъ голосъ Поморцевы.

— Нельзя; я къ вамъ только на минуточку забѣжала новостью подѣлиться. У меня дома очень спѣшное дѣло есть.

Поморцевы очень хорошо понимали, что спѣшное дѣло было у нея не дома, а спѣшила она обѣгать съ новостью своею сосѣдей: ей предстояло еще побывать у Лядовыхъ, забѣжать къ попадьѣ, а если успѣетъ, и къ кумѣ дьяконицѣ,—и все это должна она была успѣть сдѣлать до пріѣзда Сущовыхъ, потому что тогда новость ея потеряла бы ужь всякую цѣну.— дорого яичко къ Свѣтлому дню. Уговаривать въ настоящую минуту остаться Рожнову было бы все равно что удерживать того у кого въ глазахъ домъ горитъ. И дѣйствительно, выйдя отъ Поморцевыхъ, она пошла какъ будто къ себѣ домой;

но обѣжавъ переулокъ, перемѣнила свой маршрутъ; и они вскорѣ же увидѣли изъ окна вдалекѣ за церковью ея развѣвавшееся по вѣтру зеленое платье по направленію къ Лядовской усадьбѣ

Оставшись по ея уходѣ одни, Поморцевы еще долго молчали, пораженные неожиданностію только-что слышанной ими новости. Въ самомъ дѣлѣ купленный сущовскимъ поваромъ телокъ и прискакавшій изъ города нарочный были такіе знаменательные факты, противъ которыхъ и говорить было нечего. Вѣдь не для чего же было бы все это Рожновой выдумывать; это значило бы дискредитировать себя, а безъ общаго довѣрія къ разносимымъ ею новостямъ жизнь потеряла бы для нея всю свою цѣну, — была бы хуже выѣденнаго яйца; но они уже столько разъ обмануты были въ своихъ ожиданіяхъ, что и эти два крупныхъ факта не могли вполнѣ убѣдить ихъ въ несомнѣнности ожидавшагося пріѣзда.

Не долго впрочемъ оставались они въ этомъ мучительномъ положеніи. Не прошло и часа съ ухода Рожновой, какъ послышались колокольчики и вскорѣ мимо ихъ оконъ проѣхала сначала шестерикомъ четвероместная карета съ качавшеюся сзади ея въ сидѣйкѣ дѣвушкою, что обратило на себя особое вниманіе Анны Гавриловны; за нею слѣдовала закрытая коляска съ выглядывавшими изъ нея женщиной въ шляпкѣ и мущиной съ сигаркою во рту и наконецъ знакомая Трескинцамъ бричка сущовскаго управляющаго съ самимъ управляющимъ и еще какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ. Карета проѣхала такъ скоро что Поморцевы, кромѣ сидѣвшаго на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ лакея въ военной ливреѣ, дѣвушки въ сидѣйкѣ и торчавшихъ изъ кареты двухъ дѣтскихъ головокъ, ничего разсмотрѣть не могли. Но довольно было и этого: пріѣздъ въ Трескино Сущовыхъ былъ уже не гадательнымъ предположеніемъ, а вполнѣ совершившимся фактомъ.

Семенъ Алексѣевичъ еще съ минуту оставался неподвижно

у окна, у котораго стоялъ впрочемъ такъ чтобъ его съ улицы не было видно (онъ и въ критическія минуты умѣлъ сохранить свое достоинство, а излишнее любопытство считалъ малодушіемъ). «Мессія!», сказалъ онъ наконецъ, съ сардонической улыбкой, отходя отъ него. Анна Гавриловна ничего не сказала, но неизвѣстно почему такъ крѣпко сжала лежавшаго подлѣ нея на диванѣ Василія Васильевича, что тотъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, заставившій ее оставить его въ покоѣ.

Вечеръ этотъ прошелъ для всѣхъ Трескинцевъ крайне тревожно. Спокойнѣе всѣхъ казались Поморцевы; но и ихъ спокойствіе было лишь кажущееся. Анну Гавриловну болѣе всего тревожило то, что какъ нарочно только за недѣлю предъ тѣмъ сняты были съ оконъ драпри (они у Поморцевыхъ на лѣтніе мѣсяцы снимались); а безъ нихъ комнаты казались голы и не убраны, и обои на стѣнахъ и обивка мебели смотрѣли какими-то полинялыми, — даже желтизна швовъ между печными изразцами была замѣтнѣе. «А тутъ, думала она, еще Василія Васильевича угораздило некстати на самомъ видномъ мѣстѣ дивана....» И она, подошедъ къ нему, лишь покачала головою. «И что бы дать имъ повисѣть еще недѣльку, другую, упрекала она себя; а теперь снова повѣсить, точно для пріѣзда Сущовыхъ, было бы смѣшно. И Лядовы замѣтятъ, замѣтитъ и Авдотья Емельяновна; всѣ сосѣди заговорятъ, что мы по случаю пріѣзда ихъ домъ какъ къ празднику убрали. Что жь Сущовы! Еще не Богъ вѣсть невидаль какая. Приличіе приличіемъ; надо же и себѣ цѣну знать». «А вѣдь завтра по настоящему надо бы побриться», думалъ Семенъ Алексѣевичъ, проведя рукою по подбородку. Надо сказать, что онъ вслѣдствіе особенной своей аккуратности брился три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ; при этомъ мѣнялъ и бѣлую шейную косынку. Какъ нарочно былъ понедѣльникъ, и въ двое сутокъ успѣли и борода вырости и ко-

сынка позапачкаться. Конечно еслибы на завтра былъ такой день, въ который онъ ждалъ бы къ себѣ гостей, онъ могъ бы сдѣлать и экстренный туалетъ, какъ обыкновенно и дѣлалъ въ двунадесятые праздники или въ дни своихъ или жениныхъ именинъ; но теперь такого ничего не было, и ясно было бы для всякаго, что онъ выбрилъ бороду и повязалъ на шею чистую косынку ни для чего другаго какъ въ ожиданіи пріѣзда къ себѣ съ визитомъ Сущовыхъ, и если они не пріѣдутъ, то вѣдь это будетъ скандалъ; Гришка и тотъ подъ сурдинку смѣяться станетъ, да еще шельмецъ въ огласку пуститъ; чрезъ недѣлю всѣ сосѣди узнаютъ. Положимъ что по разчету его Сущовы должны пріѣхать къ нему, какъ къ почетному лицу, къ первому и притомъ непремѣнно не позже какъ на другой же день своего пріѣзда; заѣхалъ же онъ къ предводителю и вовсе прямо изъ дорожнаго экипажа. «Казалось бы такъ», разсуждалъ онъ самъ съ собою; «ну а какъ вдругъ не пріѣдутъ?» Такъ легъ онъ и спать въ нерѣшимости бриться ему на другой день или нѣтъ; въ дневникѣ же своемъ за этотъ день онъ приписалъ: «не даромъ дулъ всѣ эти дни NW, пригналъ къ намъ сѣверныхъ птицъ. Что за птицы такія— увидимъ».

Не менѣе Поморцевыхъ озабочены были и Лядовы. Хотя они и не думали, подобно имъ, чтобы Сущовы къ нимъ пріѣхали непремѣнно на другой же день, но полагали что рано или поздно должны же будутъ пріѣхать, и Лядова боялась чтобъ они, заставъ ихъ въ расплохъ, не сдѣлали по первому впечатлѣнію невыгоднаго о нихъ заключенія, такъ какъ домъ ихъ не отличался ни особеннымъ порядкомъ, ни чистотою. Елена Александровна пересмотрѣла гардеробъ: приготовила дѣтямъ къ слѣдующему дню чистенькія платьица, не забывъ конечно и о собственномъ своемъ туалетѣ. Она посовѣтовала было и мужу принарядиться на другой день почище, такъ катъ балахонъ въ которомъ онъ обыкновенно ходилъ дома

былъ не только измаранъ, но мѣстами, и особенно на локтяхъ, до того протертъ, что видна была ситцевая рубашка; но онъ не обращалъ на совѣты жены никакого вниманія. Его занималъ болѣе серіозный вопросъ: «Охотникъ ли этотъ Сущовъ до собакъ и любитъ ли подъ часъ кутнуть въ веселой компаніи? спрашивалъ онъ себя. А куда бы какъ не дурно имѣть подъ бокомъ такого сосѣда». И онъ, несмотря на позднее время, пошелъ осмотрѣть собакъ и, найдя одну изъ нихъ не въ порядкѣ, велѣлъ запереть въ особый чуланъ.

Но больше всѣхъ была въ попыхахъ Авдотья Емельяновна. Оповѣстивъ сосѣдей о несомнѣнномъ и близкомъ пріѣздѣ Сущовыхъ, она зашла къ кумѣ дьяконицѣ и, сидя у нея, имѣла неописанную радость видѣть изъ окна собственными глазами, какъ они пріѣхали. Прибѣжавъ домой, она поставила все вверхъ дномъ. Думала ли и она, что Сущовы пріѣдутъ на другой день и къ ней съ визитомъ или ужь такъ отъ избытка чувствъ глаголали уста, бѣгали ноги и не оставались въ покоѣ руки; но бросилась и она все устроивать и приводить въ порядокъ: выгнала изъ дому кошку съ только-что окотившимися котятами, велѣла запереть въ клѣть свинью, кормившуюся остатками съ дѣвичьяго стола и потому постоянно пребывавшую въ сѣняхъ, дала даже подзатыльникъ сѣнной дѣвкѣ за то что у нея были руки не чисты и платье изорвано, хотя руки у нея постоянно были грязныя, неизорванныхъ же платьевъ она никогда на себѣ и не видала. Мало того: ложась спать, она приказала стряпухѣ на другой день изжарить гуся съ кашей и испечь аладьи съ яблоками, кушанья, которыя заказывала лишь въ особенно торжественныхъ случаяхъ, хотя и понимала, что еслибы Сущовы и сочли нужнымъ сдѣлать ей визитъ, то ни въ какомъ случаѣ не остались бы у нея обѣдать.

Не безъ замиранія сердца узналъ о пріѣздѣ Сущовыхъ и

На высокомъ, черномъ мраморномъ пьедесталѣ стоялъ высѣченный изъ бѣлаго мрамора молящійся, колѣнопреклоненный ангелъ. На лицевой сторонѣ пьедестала золотыми буквами изображено было имя покойнаго съ означеніемъ года и числа его рожденія и кончины; на боковыхъ же сторонахъ его были надписи: «Боже! отпусти ми; не вѣдахъ бо что творихъ» и «Господи! Не по грѣхомъ моимъ сотвори мі, ниже по беззоконіямъ моимъ воздаждь ми». Эти двѣ боковыя надписи и возбудили нескончаемые толки и догадки. Одни говорили, что молодой Сущовъ хотѣлъ выразить ими свое неудовольствіе на покойнаго дядю за то, что онъ оставилъ ему лишь одно родовое имѣніе, которое и по закону помимо его никому завѣщать не могъ; деньги же и всю движимость предоставилъ какимъ-то воспитанникамъ и воспитанницамъ; другіе-же доказывали, что напротивъ того онъ этимъ хотѣлъ выразить смиренномудріе покойнаго. Нашлись и такіе, которые въ этихъ надписяхъ видѣли какой-то мистическій смыслъ, въ подтвержденіе чего указывали на изображеніе Адамовой головы на четвертой сторонѣ пьедестала, что̀, какъ утверждалъ Поморцевъ, есть одна изъ эмблемъ массонства. Какъ ни разногласны были всѣ эти толки, но они почему-то привели спорившихъ къ одному и тому же заключенію, что, если молодой Сущовъ и не поселится на постоянное житье въ Трескинѣ, то непремѣнно будетъ пріѣзжать проводить въ немъ лѣтніе мѣсяцы, потому что для чего бы ему было въ противномъ случаѣ дѣлать такія богатыя приношенія въ Трескинскую церковь и ставить такой великолѣпный памятникъ на могилу дяди. «Вѣдь извѣстно, говорили они, что всѣ эти богатыя приношенія и памятники дѣлаются людьми изъ тщеславія, т.-е. для самихъ же себя, а не для успокоенія души покойнаго, которая въ нихъ нисколько не нуждается.» Поморцевъ по этому случаю привелъ даже нѣсколько строфъ изъ извѣстнаго завѣщанія князя Долгорукаго.

Вѣрно или нѣтъ было остроумное заключеніе Трескинцевъ, но прошло долгихъ четыре года, а оно все еще не оправдывалось. Впрочемъ, если и не удалось имъ видѣть Сущова среди себя, то такъ интересовавшая ихъ личность его мало-по-малу переставала быть для нихъ загадочнымъ миѳомъ и, благодаря неусыпнымъ розыскамъ и стараніямъ Авдотьи Емельяновны, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выдѣлялась изъ окружавшей его туманности и очерчивалась болѣе опредѣленными штрихами. Такъ узнали они, что онъ былъ женатъ на дочери какого-то генерала нѣмца, что у него было трое дѣтей; узнали даже что старшую дочь звали Зенаидой; но лютеранскаго ли православнаго исповѣданія была жена его, что̀ очень интересовало трескинскихъ дамъ, все-таки узнать никакъ не могли. Узнали между прочимъ и то, что Сущовъ былъ человѣкъ общественный и любилъ развлеченія, что̀ очень всѣхъ обрадовало, подавая надежду что онъ, поселившись въ Трескинѣ или даже пріѣзжая въ него на лѣтніе мѣсяцы, оживитъ его. Трескинцы потирали себѣ отъ удовольствія руки: «да скоро ли же онъ наконецъ пріѣдетъ?» спрашивали они другъ друга; но на этотъ-то капитальный вопросъ никто и не могъ дать никакого положительнаго отвѣта.

На пятый годъ наконецъ всѣ обрадованы были неожиданною новостью: въ Трескино присланъ былъ нѣмецъ-садовникъ съ приказаніемъ возобновить полуразвалившуюся оранжерею, разбить предъ домомъ англійскій садъ и обратить примыкавшую къ нему заглохшую липовую рощу въ удобный для прогулки паркъ. Взялись разумѣется за нѣмца, даже Анна Гавриловна пригласила его къ себѣ разбить предъ домомъ цвѣтникъ, но ничего путнаго добиться отъ него не могли. Онъ выписанъ былъ изъ Риги отъ Вагнера и видѣлся съ Сущовыми проѣздомъ черезъ Петербургъ лишь самое короткое время; въ добавокъ онъ по-русски не говорилъ почти ни слова.

а Тресквинцы были плохіе филологи. Нѣмецъ оказался дѣйствительно очень искуснымъ садовникомъ и привелъ все въ примѣрный порядокъ; показывалъ любопытнымъ привезенные имъ садовые ножи и ножницы самыхъ причудливыхъ формъ и разные другіе невиданные еще въ Тресквинѣ садовые инструменты, растолковывая, какъ могъ, ихъ назначеніе. Все это очень занимало простодушныхъ Тресквинцевъ; но прошло лѣто, а Сущовы все не пріѣзжали.

На слѣдующій годъ любопытство Тресквинцевъ возбуждено было въ высшей степени очень знаменательнымъ фактомъ и на этотъ разъ пріѣздъ Сущовыхъ казался уже не подверженнымъ никакому сомнѣнію: присланъ былъ архитекторъ для реставрированія дома. Пріѣхавъ въ Трескино, онъ немедленно же принялся за работу. Домъ былъ перестроенъ почти сызнова; отъ стараго остались лишь однѣ стѣны. Осенью же привезена была и мебель, и Авдотья Емельяновна узнала изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что въ слѣдующемъ году Сущовы пріѣдутъ непремѣнно на лѣтніе мѣсяцы въ деревню. «И какъ могли мы ожидать ихъ раньше, говорила она; вѣдь не въ старомъ же сараѣ имъ было остановиться».

Всѣ согласились съ этимъ вполнѣ справедливымъ замѣчаніемъ.

Зима прошла въ тревожныхъ ожиданіяхъ и наконецъ дѣйствительно въ концѣ великаго поста пріѣхалъ въ Трескино какой-то старикъ въ родѣ дворецкаго съ поваромъ и тутъ же двое изъ старыхъ лакеевъ старика Сущова, жившіе уже шесть лѣтъ на покоѣ, взяты были снова въ домъ и одѣты въ ливрейные фраки. Прибывшій изъ Петербурга дворецкій обрилъ, остригъ и выдрессировалъ ихъ какъ слѣдуетъ, при чемъ не малаго труда стоило ему пріучить ихъ къ цѣлесообразному употребленію носоваго платка и растолковать имъ, что розданныя имъ бѣлыя, нитяныя перчатки имѣютъ совершенно иное назначеніе. Авдотья Емельяновна была въ полномъ удо-

вольствіи: предсказаніе ея сбывалось,—оставалось лишь пріѣхать самимъ Сущовымъ; но прошелъ и великій постъ, миновала и Святая недѣля, а ихъ все еще не было. Она взялась за дворецкаго, съ которымъ познакомилась какъ бы случайнымъ образомъ въ церкви (онъ старикъ былъ набожный и на Страстной недѣлѣ не пропускалъ ни одной службы); но оказалось, что насколько онъ былъ набоженъ, настолько же угрюмъ и молчаливъ, и все, что она могла добиться отъ него новаго, сводилось лишь къ тому что Сущовъ, служившій до тѣхъ поръ въ военной службѣ, незадолго предъ тѣмъ вышелъ въ отставку, что домъ дѣйствительно отдѣланъ и меблированъ на случай его пріѣзда; но пріѣдетъ ли онъ и на сколько времени, ему положительно неизвѣстно. Какъ ни незначительны были эти свѣдѣнія, ихъ было достаточно для Трескинцевъ чтобы построить на нихъ кучу предположеній, изъ которыхъ самымъ вѣроятнымъ казалось то, что если Сущовъ вышелъ въ отставку и одновременно отдѣлалъ домъ въ Трескинѣ, то конечно для того, чтобы переѣхать въ него на житье. Противъ этого предположенія не возражалъ и Поморцевъ, добавивъ только, что если Сущовы пріѣдутъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и ни въ какомъ случаѣ не позже мая. Былъ уже конецъ апрѣля и Трескинцы съ каждымъ днемъ приходили все въ болѣе и болѣе лихорадочно возбужденное состояніе.

Въ одинъ вечеръ Поморцевы, напившись чаю, сидѣли по обыкновенію въ угольной комнатѣ: Семенъ Алексѣевичъ докуривалъ трубку, Анна Гавриловна раскладывала пасьянсъ. Она загадала пріѣдутъ ли Сущовы и нарочно выбрала самый трудный изъ извѣстныхъ ей пасьянсовъ, именно тотъ, который вышелъ у нея всего два раза съ тѣхъ поръ какъ она стала его раскладывать, и къ крайнему удивленію ея онъ сходился, мѣшалъ лишь валетъ бубенъ. Правда можно было переложить его на даму, но въ такомъ случаѣ закладывалась вся пико-

вая масть. Анна Гавриловна, приложивъ указательный палецъ правой руки къ губамъ, серіозно призадумалась надъ трудною задачей; задумался надъ ней и подсѣвшій къ столу Семенъ Алексѣевичъ.

— А ты сперва переложи девятку трефъ на десятку, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы озарившись внезапно проблеснувшею у него въ головѣ мыслію;—а потомъ...

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ въ передней послышался шумъ, смѣшанный съ пискливымъ женскимъ говоромъ.

— Затрещала, сказала, стараясь сохранить свое хладнокровіе, Анна Гавриловна, хотя слышанный ею голосъ страшно подстрекалъ ея любопытство. Она узнала въ немъ голосъ Авдотьи Емельяновны и очень хорошо понимала, что приходъ ея въ такой неурочный часъ былъ не даромъ. Тѣмъ не менѣе она и предъ мужемъ не хотѣла высказать волновавшаго ее чувства и казалось еще более сосредоточила вниманіе свое на разложенныя предъ нею карты, хотя ясно было какъ день, что съ переложеніемъ девятки трефъ пасьянсъ сходился.

— А я къ вамъ съ свѣжею новостью, кричала еще изъ залы Авдотья Емельяновна.

— Съ какою такою? спросила повидимому очень спокойно Анна Гавриловна, не сводя глазъ съ картъ.

Рожнова была изъ тѣхъ которыхъ она не удостоивала своимъ рукопожатіемъ, считая ее достаточно осчастливленною уже тѣмъ, что отъ времени до времени называла ее по имени и отчеству.

— Да ужь съ такою, продолжала трещать Авдотья Емельяновна, — что на этотъ разъ и сомнѣваться-то ужь кажется нечего.

Анна Гавриловна казалось очень равнодушно поглядѣла на нее; но несмотря на умѣніе ея маскировать свои чувства, опытный наблюдатель прочелъ бы въ ея глазахъ происходившую внутри ея тревогу. Даже Семенъ Алексѣевичъ отнялъ

отъ рта трубку и молча стоялъ въ какомъ-то выжидательномъ положеніи.

— Сейчасъ былъ у меня сущовскій поваръ, поеннаго телка купилъ, говорила Рожнова, присаживаясь на стулъ и съ трудомъ переводя духъ,—того самаго телка, котораго я выпаивала къ Сизовской свадьбѣ. Думаю себѣ: тамъ еще что за него дадутъ, а онъ сразу три рубля далъ; я и торговаться не стала; лишь двугривенный Аксиньѣ за хлопоты выговорила. Говоритъ—господъ къ ужину ждетъ.

— Какъ къ ужину? едва могла выговорить Анна Гавриловна

Самъ Семенъ Алексѣевичъ отъ удивленія раскрылъ ротъ и чуть не выпустилъ изъ рукъ чубука.

— Говоритъ нарочный прискакалъ изъ города съ извѣстіемъ, что они ужь тамъ. Самъ Сущовъ остался у предводителя обѣдать, а вечеромъ будутъ сюда безпремѣнно; того и гляди, что мимо вашихъ оконъ проѣдутъ. И управляющій встрѣчать ихъ укатилъ. Однакожь пора и мнѣ домой, добавила она, вставая торопливо.

— Куда же это вы такъ скоро? спросили въ одинъ голосъ Поморцевы.

— Нельзя; я къ вамъ только на минуточку забѣжала новостью подѣлиться. У меня дома очень спѣшное дѣло есть.

Поморцевы очень хорошо понимали, что спѣшное дѣло было у нея не дома, а спѣшила она обѣгать съ новостью своею сосѣдей: ей предстояло еще побывать у Лядовыхъ, забѣжать къ попадьѣ, а если успѣетъ, и къ кумѣ дьяконицѣ,—и все это должна она была успѣть сдѣлать до пріѣзда Сущовыхъ, потому что тогда новость ея потеряла бы ужь всякую цѣну,—дорого яичко къ Свѣтлому дню. Уговаривать въ настоящую минуту остаться Рожнову было бы все равно что удерживать того у кого въ глазахъ домъ горитъ. И дѣйствительно, выйдя отъ Поморцевыхъ, она пошла какъ будто къ себѣ домой;

но объѣхавъ переулокъ, перемѣнила свой маршрутъ; и они вскорѣ же увидѣли изъ окна вдалекѣ за церковью ея развѣвавшееся по вѣтру зеленое платье по направленію къ Ладовской усадьбѣ

Оставшись по ея уходѣ одни, Поморцевы еще долго молчали, пораженные неожиданностію только-что слышанной ими новости. Въ самомъ дѣлѣ купленный сущовскимъ поваромъ телокъ и прискакавшій изъ города нарочный были такіе знаменательные факты, противъ которыхъ и говорить было нечего. Вѣдь не для чего же было бы все это Рожновой выдумывать; это значило бы дискредитировать себя, а безъ общаго довѣрія къ разносимымъ ею новостямъ жизнь потеряла бы для нея всю свою цѣну, — была бы хуже выѣденнаго яйца; но они уже столько разъ обмануты были въ своихъ ожиданіяхъ, что и эти два крупныхъ факта не могли вполнѣ убѣдить ихъ въ несомнѣнности ожидавшагося пріѣзда.

Не долго впрочемъ оставались они въ этомъ мучительномъ положеніи. Не прошло и часа съ ухода Рожновой, какъ послышались колокольчики и вскорѣ мимо ихъ оконъ проѣхала сначала шестерикомъ четвероместная карета съ качавшеюся сзади ея въ сидѣйкѣ дѣвушкою, что обратило на себя особое вниманіе Анны Гавриловны; за нею слѣдовала закрытая коляска съ выглядывавшими изъ нея женщиной въ шляпкѣ и мущиной съ сигаркою во рту и наконецъ знакомая Трескинцамъ бричка сущовскаго управляющаго съ самимъ управляющимъ и еще какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ. Карета проѣхала такъ скоро что Поморцевы, кромѣ сидѣвшаго на козлахъ рядомъ съ ямщикомъ лакея въ военной ливреѣ, дѣвушки въ сидѣйкѣ и торчавшихъ изъ кареты двухъ дѣтскихъ головокъ, ничего разсмотрѣть не могли. Но довольно было и этого: пріѣздъ въ Трескино Сущовыхъ былъ уже не гадательнымъ предположеніемъ, а вполнѣ совершившимся фактомъ.

Семенъ Алексѣевичъ еще съ минуту оставался неподвижно

у окна, у котораго стоялъ впрочемъ такъ чтобъ его съ улицы не было видно (онъ и въ критическія минуты умѣлъ сохранить свое достоинство, а излишнее любопытство считалъ малодушіемъ). «Мессія!», сказалъ онъ наконецъ, съ сардоническою улыбкой, отходя отъ него. Анна Гавриловна ничего не сказала, но неизвѣстно почему такъ крѣпко сжала лежавшаго подлѣ нея на диванѣ Василія Васильевича, что тотъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, заставившій ее оставить его въ покоѣ.

Вечеръ этотъ прошелъ для всѣхъ Трескинцевъ крайне тревожно. Спокойнѣе всѣхъ казались Поморцевы; но и ихъ спокойствіе было лишь кажущееся. Анну Гавриловну болѣе всего тревожило то, что какъ нарочно только за недѣлю предъ тѣмъ сняты были съ оконъ драпри (они у Поморцевыхъ на лѣтніе мѣсяцы снимались); а безъ нихъ комнаты казались голы и не убраны, и обои на стѣнахъ и обивка мебели смотрѣли какими-то полинялыми, — даже желтизна швовъ между печными изразцами была замѣтнѣе. «А тутъ, думала она, еще Василія Васильевича угораздило некстати на самомъ видномъ мѣстѣ дивана....» И она, подошедъ къ нему, лишь покачала головою. «И что бы дать имъ повисѣть еще недѣльку, другую, упрекала она себя; а теперь снова повѣсить, точно для пріѣзда Сущовыхъ, было бы смѣшно. И Лядовы замѣтятъ, замѣтитъ и Авдотья Емельяновна; всѣ сосѣди заговорятъ, что мы по случаю пріѣзда ихъ домъ какъ къ празднику убрали. Что жь Сущовы! Еще не Богъ вѣсть невидаль какая. Приличіе приличіемъ; надо же и себѣ цѣну знать». «А вѣдь завтра по настоящему надо бы побриться», думалъ Семенъ Алексѣевичъ, проведя рукою по подбородку. Надо сказать, что онъ вслѣдствіе особенной своей аккуратности брился три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ; при этомъ мѣнялъ и бѣлую шейную косынку. Какъ нарочно былъ понедѣльникъ, и въ двое сутокъ успѣли и борода вырости и ко-

сынка позапачкаться. Конечно еслибы на завтра былъ такой день, въ который онъ ждалъ бы къ себѣ гостей, онъ могъ бы сдѣлать и экстренный туалетъ, какъ обыкновенно и дѣлалъ въ двунадесятые праздники или въ дни своихъ или жениныхъ именинъ; но теперь такого ничего не было, и ясно было бы для всякаго, что онъ выбрилъ бороду и повязалъ на шею чистую косынку ни для чего другаго какъ въ ожиданіи пріѣзда къ себѣ съ визитомъ Сущовыхъ, и если они не пріѣдутъ, то вѣдь это будетъ скандалъ; Гришка и тотъ подъ сурдинку смѣяться станетъ, да еще шельмецъ въ огласку пуститъ; чрезъ недѣлю всѣ сосѣди узнаютъ. Положимъ что по разчету его Сущовы должны пріѣхать къ нему, какъ къ почетному лицу, къ первому и притомъ непремѣнно не позже какъ на другой же день своего пріѣзда; заѣхалъ же онъ къ предводителю и вовсе прямо изъ дорожнаго экипажа. «Казалось бы такъ», разсуждалъ онъ самъ съ собою; «ну а какъ вдругъ не пріѣдутъ?» Такъ легъ онъ и спать въ нерѣшимости бриться ему на другой день или нѣтъ; въ дневникѣ же своемъ за этотъ день онъ приписалъ: «не даромъ дулъ всѣ эти дни NW, пригналъ къ намъ сѣверныхъ птицъ. Что за птицы такія — увидимъ».

Не менѣе Поморцевыхъ озабочены были и Лядовы. Хотя они и не думали, подобно имъ, чтобы Сущовы къ нимъ пріѣхали непремѣнно на другой же день, но полагали что рано или поздно должны же будутъ пріѣхать, и Лядова боялась чтобъ они, заставъ ихъ въ расплохъ, не сдѣлали по первому впечатлѣнію невыгоднаго о нихъ заключенія, такъ какъ домъ ихъ не отличался ни особеннымъ порядкомъ, ни чистотою. Елена Александровна пересмотрѣла гардеробъ: приготовила дѣтямъ къ слѣдующему дню чистенькія платьица, не забывъ конечно и о собственномъ своемъ туалетѣ. Она посовѣтовала было и мужу принарядиться на другой день почище, такъ катъ балахонъ въ которомъ онъ обыкновенно ходилъ дома

былъ не только измаранъ, но мѣстами, и особенно на локтяхъ, до того протертъ, что видна была ситцевая рубашка; но онъ не обращалъ на совѣты жены никакого вниманія. Его занималъ болѣе серіозный вопросъ: «Охотникъ ли этотъ Сущовъ до собакъ и любитъ ли подъ часъ кутнуть въ веселой компаніи? спрашивалъ онъ себя. А куда бы какъ не дурно имѣть подъ бокомъ такого сосѣда». И онъ, несмотря на позднее время, пошелъ осмотрѣть собакъ и, найдя одну изъ нихъ не въ порядкѣ, велѣлъ запереть въ особый чуланъ.

Но больше всѣхъ была въ попыхахъ Авдотья Емельяновна. Оповѣстивъ сосѣдей о несомнѣнномъ и близкомъ пріѣздѣ Сущовыхъ, она зашла къ кумѣ дьяконицѣ и, сидя у нея, имѣла неописанную радость видѣть изъ окна собственными глазами, какъ они пріѣхали. Прибѣжавъ домой, она поставила все вверхъ дномъ. Думала ли и она, что Сущовы пріѣдутъ на другой день и къ ней съ визитомъ или ужь такъ отъ избытка чувствъ глаголали уста, бѣгали ноги и не оставались въ покоѣ руки; но бросилась и она все устроивать и приводить въ порядокъ: выгнала изъ дому кошку съ только-что окотившимися котятами, велѣла запереть въ клѣть свинью, кормившуюся остатками съ дѣвичьяго стола и потому постоянно пребывавшую въ сѣняхъ, дала даже подзатыльникъ сѣнной дѣвкѣ за то что у нея были руки не чисты и платье изорвано, хотя руки у нея постоянно были грязныя, неизорванныхъ же платьевъ она никогда на себѣ и не видала. Мало того: ложась спать, она приказала стряпухѣ на другой день изжарить гуся съ кашей и испечь аладьи съ яблоками, кушанья, которыя заказывала лишь въ особенно торжественныхъ случаяхъ, хотя и понимала, что еслибы Сущовы и сочли нужнымъ сдѣлать ей визитъ, то ни въ какомъ случаѣ не остались бы у нея обѣдать.

Не безъ замиранія сердца узналъ о пріѣздѣ Сущовыхъ и

отецъ Евлампій. Онъ очень хорошо понималъ, что они къ нему въ домъ знакомиться не поѣдутъ, но не безъ нѣкотораго основанія предполагалъ, что его вѣроятно на другой день пригласятъ отслужить молебенъ и потому счелъ нелишнимъ сходить въ баню, изъ которой его вытащили чуть не замертво. Даже церковный сторожъ и тотъ былъ не безъ дѣла: онъ вытащилъ изъ укладки свой мундирный сюртукъ, вычистилъ кирпичомъ пуговицы, перечистилъ мѣломъ медали,—словомъ, приготовился къ слѣдующему дню какъ къ смотру или къ Свѣтлому празднику.

Но ожиданія Тресвинцевъ были обмануты: слѣдующій день прошелъ какъ и всѣ предыдущіе: Сущовы ни у кого не были; о нихъ и слышно не было, точно въ Тресвино вовсе и не пріѣзжали. Правда, видно было на господскомъ дворѣ необычное движеніе; попадья видѣла изъ окна какъ дѣти прошли по двору въ садъ «съ какою-то должно-быть мамзелью, говорила она,—для барини ужь больно стрекозиста.» Тѣмъ все и ограничилось. Не обманулся въ разчетахъ своихъ одинъ церковный сторожъ: не имѣя никакого основанія ждать пріѣзда къ себѣ Сущовыхъ или быть ими приглашеннымъ, онъ отправился къ нимъ самъ поздравить съ пріѣздомъ и получилъ за то три рубля на водку. Такая неожиданная щедрость до того озадачила его, что онъ, сжавъ полученную бумажку въ кулакъ и, не разслушавъ о чемъ спросилъ его Сущовъ, тотчасъ же сдѣлалъ налѣво кругомъ и отправился прямо въ кабакъ, гдѣ и просидѣлъ до поздней ночи.

Вечеромъ пришла къ Поморцевымъ Лядова.

— Были ли у васъ утромъ съ визитомъ Сущовы? спросила она Анну Гавриловну.

— Мы ихъ и не ожидали, отвѣтила та очень спокойно.— Вчера только-что пріѣхали, а сегодня ужь съ визитами разъѣзжать; надо съ дороги и отдохнуть.

— Ну къ вамъ-то могли бы и сегодня пріѣхать.

— На дняхъ вѣроятно пріѣдутъ, сказалъ Поморцевъ, которому сдѣланное Лядовою замѣчаніе было очень по нутру.

— А какіе у нихъ, говорятъ, хорошенькія дѣти и какъ мило одѣты, продолжала она. — Старшая должна быть моей Лизѣ ровесница.

— Отъ кого же вы все это знаете?

— Мнѣ сейчасъ попадья говорила. Впрочемъ я не дальше какъ на дняхъ же во всемъ сама удостовѣрюсь.

— Какъ сами? спросила удивленно Анна Гавриловна.

— Очень просто: пойду по обыкновенію съ дѣтьми въ Сущовскій садъ гулять; вѣроятно тамъ съ ними и встрѣчусь.

— Въ умѣ ли вы? Гдѣ же послѣ этого ваша амбиція?

— Что же тутъ такого? Я не для нихъ пойду. Я и до ихъ пріѣзда въ садъ къ нимъ съ дѣтьми гулять ходила.

— До пріѣзда ихъ вы могли ходить и съ разрѣшенія управляющаго; но когда сами хозяева на лицо, это было бы крайне неприлично. Это даже значило бы нѣкоторымъ образомъ навязываться на знакомство.

— А по-моему такъ тутъ нѣтъ ничего такого. Я на это иначе смотрю. Дѣти мои цвѣтовъ не рвутъ, газона не топчутъ, а если познакомятся съ ихъ дѣтьми, такъ имъ же съ ними гулять будетъ веселѣе.

— Еще Богъ знаетъ понравится ли Сущовымъ это сближеніе, замѣтила какъ-то особенно внушительно Анна Гавриловна, опустивъ глаза.—Вѣдь эти петербургскіе господа на знакомство, а тѣмъ паче на интимство разборчивы. А какъ вдругъ да прикажутъ садовнику васъ въ садъ не пускать? Тогда что̀? добавила она, вопросительно взглянувъ на Лядову.

— Ну тогда конечно не пойду, отвѣтила та, смѣясь.

Анна Гавриловна отговаривала Лядову отъ ея намѣренія не потому чтобы боялась, что она компрометтируетъ себя такимъ образомъ дѣйствій, а болѣе изъ опасенія чтобы она такимъ путемъ въ самомъ дѣлѣ не познакомилась съ Суще-

выми прежде нежели тѣ сдѣлаютъ имъ, Поморцевымъ, первый визить. «Вѣдь не всякій будетъ знать какъ произошло это знакомство», думала она, «а всѣ будутъ говорить что Сущовы сочли нужнымъ познакомиться съ Лядовыми прежде нежели съ нами.» А это былъ бы тяжкій ударъ для ихъ премьерства. Къ тому же, если Лядова познакомится съ Сущовою, сойдется съ нею, что̀ легко быть можетъ, такъ какъ онѣ ровесницы и дѣти у нихъ однолѣтки; то та пожалуй съ нею старухою и вовсе знакомиться не найдетъ нужнымъ. И что̀ же тогда будетъ ея за положеніе? Она будетъ въ родѣ стараго, истоптаннаго и выброшеннаго за негодностію башмака. Наконецъ такой навязчивый способъ знакомства она считала унизительнымъ нетолько для самой Лядовой, но и для всѣхъ Трескинцевъ. Не въ правѣ ли послѣ этого будутъ возмечтать Сущовы, разсуждала она сама съ собою, что мы Богъ знаетъ за какую высокую честь считаемъ быть знакомы съ ними?

Послѣ ухода Лядовой она долго говорила съ мужемъ и на общемъ совѣтѣ рѣшено было: если она и послѣ данныхъ ей совѣтовъ отъ намѣренія своего не откажется, прекратить съ нею всякое знакомство. А это до сихъ поръ между Трескинцами считалось равносильнымъ изгнанію остракизмомъ.

Время шло: прошла середа, прошла и пятница, и несмотря на то, что въ эти дни Семенъ Алексѣевичъ такъ гладко брилъ себѣ бороду, что нижняя часть лица его приняла видъ какой-то атласистости, а Анна Гавриловна каждый день надѣвала чепецъ съ лиловыми лентами, Сущовы все не ѣхали. «Что̀ бы это значило? спрашивали они другъ друга. Ужь не думають ли они, что мы поѣдемъ къ нимъ, какъ къ богатымъ и великосвѣтскимъ людямъ, первые, или можетъ-быть полагаютъ, что мы степные помѣщики по буднямъ заняты полевыми работами, и ждутъ воскресенья какъ болѣе удобнаго дня, чтобы вѣрнѣе застать насъ дома. Наконецъ быть-можетъ и то, что они разчитываютъ въ воскресенье встрѣтиться съ нами какъ

бы случайно въ церкви, и, не дѣлая перваго визита, познакомиться съ нами на нейтральной почвѣ? Можетъ-быть и это.»

Прошла почти недѣля съ пріѣзда Сущовыхъ а о нихъ ничего не было слышно; узнали только, что на третій день приглашенъ былъ къ нимъ отецъ Евлампій отслужить молебенъ и получилъ за это двадцать пять рублей.

— Хотятъ золотымъ пескомъ глаза запорошить, сказалъ съ саркастическою улыбкой Поморцевъ.

Наступило наконецъ и воскресенье. Еще наканунѣ долго обдумывала Анна Гавриловна что̀ надѣть ей къ обѣднѣ; вѣдь первое впечатлѣніе дѣло великое, часто по нему дѣлаютъ заключеніе о человѣкѣ; а ей, понятно, хотѣлось чтобы первое впечатлѣніе, которое она произведетъ на Сущовыхъ, говорило въ ея пользу. Надѣть ей было что̀: была даже шубка, въ которой можно было бы пройтись и въ Петербургѣ по Невскому проспекту незамѣченною; но надѣть ее ей не хотѣлось. Это значило бы показать Сущовымъ что она одѣлась такъ для нихъ, а что̀ еще хуже, показать это и Трескинцамъ; а потому послѣ долгихъ колебаній рѣшилась она одѣться также какъ одѣвалась всегда. Черная бархатная шляпка ея съ такимъ же страусовымъ перомъ была правда не послѣдняго фасона, но не гоняться же ей въ самомъ дѣлѣ въ ея лѣта и, живя постоянно въ деревнѣ, за модою. Рѣшеніе это апробовалъ и Семенъ Алексѣевичъ. Не столько впрочемъ думала она о своемъ туалетѣ, сколько о томъ, станетъ ли отецъ Евлампій по обыкновенію ждать ея пріѣзда для начатія богослуженія и кому первой поднесетъ дьяконъ просвиру, ей или Сущовой. Еще первый вопросъ можно было устранить пріѣхавъ къ концу часовъ, хотя конечно пріятно было бы и заставить подождать себя; но второй вопросъ, и это былъ вопросъ о жизни и смерти, былъ неустранимъ и разрѣшеніе его совершенно зависѣло отъ произвола отца Евлампія. И двадцать пять рублей, полученные имъ за молебенъ, невольно пришли ей на па-

мять. «Ну что если въ самомъ дѣлѣ дьяконъ подойдетъ съ просвирами къ Сущовой прежде нежели ко мнѣ? думала она; вѣдь это будетъ такой публичный афронтъ, который и перенесть трудно». Одна мысль о возможности его приводила ее въ содроганіе. Еслибъ еще она становилась впереди, какъ и другіе, предъ мѣстными образами около клироса, дьяконъ вѣроятно подошелъ бы къ ней къ первой, какъ къ старшей; но она изъ какого-то христіанскаго смиренія или униженія, которое въ этомъ случаѣ, какъ справедливо замѣтилъ Брѣховъ было паче гордости, становилась всегда за народомъ въ заднемъ углу церкви, и чтобы пройти къ ней дьяконъ долженъ былъ обойти Сущову, такъ-сказать обнесть ее Еслибъ онъ это сдѣлалъ, самолюбіе ея удовлетворено было бы вдвойнѣ; но сдѣлаетъ ли онъ это? Конечно могла бы она вопреки обыкновенію своему стать и впереди; но это слишкомъ бросилось бы всѣмъ въ глаза и высказало бы ея заднюю мысль. Можно было бы наконецъ войти въ переговоры по этому предмету съ отцомъ Евлампіемъ; но, вопервыхъ, дѣлать это было уже поздно, а во вторыхъ, онъ человѣкъ глупый и безхарактерный, непремѣнно разсказалъ бы объ этомъ женѣ; та пересказала бы дьяконицѣ, дьяконица Рожновой; отъ нея узнали бы всѣ сосѣди, и она съ мужемъ изъ почетныхъ и всѣми уважаемыхъ лицъ сдѣлалась бы предметомъ общихъ насмѣшекъ. Она даже думала было вовсе не ѣхать къ обѣднѣ; но это было бы лишь откладывать неминуемое столкновеніе и въ виду сильнаго непріятеля сознаться въ слабости и несостоятельности своей. Подобныя же мысли и опасенія бродили и въ головѣ Семена Алексѣевича. Они похожи были на школьниковъ трепещущихъ за сомнительный исходъ приближающагося экзамена; а неизбѣжный экзаменъ съ каждою минутой все приближался и не было средствъ ускользнуть отъ него.

Конечно у Мароы Посадницы при первомъ роковомъ ударѣ вѣчеваго колокола не сильнѣе вздрогнуло сердце, какъ

вздрогнуло оно у Анны Гавриловны при первомъ звукѣ церковнаго благовѣста. Тревожно забилось оно и у Семена Алексѣевича. Оба они перекрестились и молча стали считать отчетливо звучавшіе удары.

— Не пора ли? спросила наконецъ Анна Гавриловна, насчитавъ ихъ ровно полсотни.

— Пора, глухо отвѣтилъ Семенъ Алексѣевичъ.

Хотя кромѣ этихъ короткихъ словъ никакихъ другихъ произнесено не было, ими высказана была цѣлая мысль, и какъ она была одна и та же на умѣ у обоихъ, то они безъ дальнѣйшихъ объясненій вполнѣ поняли другъ друга.

Когда Поморцевы вошли въ церковь, читались еще часы. Семенъ Алексѣевичъ сталъ на свое обычное мѣсто у церковнаго ящика, слегка отодвинувъ рукою стоявшаго у него гайдука въ военной ливреѣ; пробралась и Анна Гавриловна въ свой скромный уголокъ, изъ котораго могла никѣмъ не замѣченная свободно наблюдать за всѣмъ и за всѣми. Сдѣлавъ по обыкновенію три крестныхъ поклона, она не безъ нѣкотораго страха взглянула впередъ. У праваго клироса стояла, какъ и всегда, Рожнова съ сестрою и дочерью; рядомъ съ нею, ближе къ амвону, Лядова съ дѣтьми. Не безъ злорадства замѣтила она, что всѣ одѣты были наряднѣе обыкновеннаго: Лядова была въ новой тальмѣ, только-что выписанной ею изъ Москвы къ Святой недѣлѣ; на Авдотьѣ Емельяновнѣ была даже какая-то старофасонная шляпка, которой никогда на ней не видала; такъ какъ она обыкновенно покрывалась большимъ платкомъ, въ церкви же всегда стояла простоволосая. Съ нихъ Анна Гавриловна боязливо перенесла глаза къ лѣвому клиросу и увидала незнакомую ей барыню въ хорошенькой, новомодной шляпкѣ съ стоявшими предъ нею двумя очень мило одѣтыми дѣвочками. «Она», подумала Анна Гавриловна; «да гдѣ же онъ?» Но самого Сущова повидимому въ церкви не было; по крайней мѣрѣ сколько

она ни отыскивала его глазами, нигдѣ найти не могла. Все были знакомыя лица: были тутъ и попадья и дьяконица, были и дьячиха съ пономарихой, стоялъ по обыкновенію своему у самой хоругви и Лядовъ; по Сущова или человѣка, котораго можно было бы по виду и одеждѣ принять за него, рѣшительно не было. «Можетъ быть еще подойдетъ», подумала она и сосредоточила все свое вниманіе на стоявшей прямо предъ нею незнокомой барынѣ въ шляпкѣ.

Къ крайней досадѣ ея ихъ раздѣляла тѣсная толпа мужиковъ, изъ-за которой она никакъ не могла разсмотрѣть ея костюма, да и сама она въ продолженіе всей обѣдни ни разу не обернулась; лишь раза два зачѣмъ-то нагнулась къ стоявшимъ передъ нею дѣвочкамъ.

Обѣдня приближалась къ концу, а Сущова все не было: пропѣли: «буди имя Господне благословенно» и дьячокъ началъ чтеніе псалма. Настала роковая минута. Анна Гавриловна въ трепетномъ ожиданіи вперила глаза свои въ сѣверную дверь: отворилась и она, и въ просвѣтѣ ея рѣзкимъ контуромъ очертилась высокая фигура дьякона, выносившаго просвиры. Лихорадочная дрожь пробѣжала по ея тѣлу, страшно сжалось сердце,—ей чуть не сдѣлалось дурно. «Нѣтъ лучше не стану смотрѣть», рѣшила она. «Заступница усердная», забормотала она, закрывъ глаза и судорожно шевеля губами. Настала мертвая тишина, среди которой громко и отчетливо раздавался звонкій голосъ пономаря; хрипло кашлянула гдѣ-то старуха, прокричалъ пріобщенный младенецъ, кто-то не вдалекѣ отъ нея чхнулъ, «будь здоровъ», прошушукалъ чей-то сиплый голосъ и снова все затихло. «О Госпоже, Царице и Владычице!» продолжала шептать про себя Анна Гавриловна. Но вотъ послышался впереди шумъ раздвигавшагося народа, точно съ глухимъ ревомъ катилась прямо на нее громадная волна, даже жутко ей стало, и вслѣдъ за тѣмъ явственно раздался въ друхъ шагахъ отъ нея стукъ тяжелыхъ сапоговъ

о каменныя плиты пола. Она открыла глаза: предъ нею стоялъ, словно выросъ изъ земли, дьяконъ съ такъ хорошо знакомою ей тарелкой; на ней лежали три цѣльныя просвиры и четвертая разрѣзанная на части. «Одна для меня, сообразила она, другая для Сущовой и третья для Лядовой. И она нѣсколько ободрилась. А что̀ если была пятая? точно кто шепнулъ ей на ухо. Вѣдь могъ отецъ Евлампій вынуть для нея особую заздравную просвиру». И двадцатипятирублевая бумажка, данная ему Сущовымъ за молебенъ, какъ живая промелькнула предъ ея глазами. Она зорко стала слѣдить за дьякономъ. Тотъ отъ нея пошелъ прямо къ барынѣ въ шляпкѣ, нагнулся къ дѣтямъ и отъ нихъ прошелъ къ Лядовой. «Не было пятой», сказала она чуть не вслухъ съ торжествующимъ видомъ.

И такъ Поморцевы вышли изъ этой первой стычки побѣдителями: они ощущали то же пріятное чувство, какое ощущаютъ осажденные послѣ счастливо выдержаннаго штурма. Анна Гавриловна могла наконецъ вздохнуть свободно.

— А петербургскіе пріѣзжіе словно невидимки какіе, сказала, подойдя къ ней, по окончаніи обѣдни Лядова;—и взглянуть на себя не дадутъ.

— Какъ не дадутъ? спросила та удивленно—А какая же это дама съ дѣтьми стояла у лѣва́го клироса?

— Это англичанка. Сама же она дома сидитъ и никому не показывается.

— Да и не покажется, подхватила подошедшая Авдотья Емельяновна.—Она говоритъ, что пріѣхала въ деревню отдохнуть, а не заводить знакомства,—что визиты ей и въ Петербургѣ надоѣли. Въ церкви же вы ея никогда и не увидите: она лютеранка, и хоть зовутъ ее Марьей Антоновной, а настоящее имя ея Амалія Оттоновна. Отцу Евлампію самъ управляющій говорилъ.

«Такъ вотъ почему просвиру поднесъ мнѣ дьяконъ первой», подумала Анна Гавриловна. Оказывалось, что побѣда была лишь воображаемая и торжествовала она ее преждевременно. Но если не одержано было побѣды, то не потерплено было и пораженія; а на первый разъ и этого было уже довольно.

Слова Авдотьи Емельяновны повидимому сбывались: незамѣтно прошли двѣ недѣли съ пріѣзда Сущовыхъ и они все еще къ Поморцевымъ не являлись. Это впрочемъ не очень огорчало ихъ, такъ какъ они нестолько желали познакомиться съ ними, сколько боялись чтобъ они не познакомились съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей прежде нежели съ ними. Лишь такое предпочтеніе сочли бы они за кровное для себя оскорбленіе. Если же они пріѣхали въ деревню съ твердымъ намѣреніемъ ни съ кѣмъ не знакомиться, то для чего имъ было и добиваться этого знакомства. «Они люди молодые, думали они, люди нынѣшняго вѣка; мы же старики, отсталые степняки; общаго между нами ничего быть не можетъ и слѣдовательно знакомство это могло бы лишь стѣснить насъ, не доставивъ намъ ровно никакого удовольствія.»

Поморцевы стали уже мало-по-малу привыкать къ мысли, что видно несуждено имъ быть знакомымъ съ Сущовыми; стали даже понемногу забывать о самомъ пріѣздѣ ихъ въ Трескино и на минуту выбитая изъ обычной колеи жизнь снова потекла попрежнему. Подходила уже къ концу и вторая недѣля, и въ субботу вечеромъ, напившись чаю, сидѣли они по обыкновенію вдвоемъ въ угольной комнатѣ: Анна Гавриловна за пасьянсомъ, Семенъ Алексѣевичъ, докуривая трубку. Въ растворенное окно легкимъ вѣтеркомъ приносилось изъ Сущовскаго сада благоуханіе цвѣтущей сирени и черемухи и громко раздавалось по зарѣ щелканіе соловья. Анна Гавриловна раскладывала уже второй пасьянсъ. На первомъ загадала она: что̀ родится у сосѣдки Климушиной, сынъ или дочь?

(о Сущовыхъ она уже и гадать давно перестала.) Вышло — сынъ. Теперь она загадала: будетъ ли онъ брюнетъ или блондинъ? Вопросъ этотъ, казалось, очень интересовалъ ее. Пасьянсъ близился къ концу и не оставалось почти никакого сомнѣнія, что долженъ былъ родиться брюнетъ, что вслѣдствіе какихъ-то особыхъ соображеній вызвало уже на лицѣ ея гримасу, долженствовавшую выразить собою язвительную улыбку, какъ, совершенно неожиданно вошла въ комнату Авдотья Емельяновна

— А Сущовы у васъ еще не были? спросила она, обмѣнявшись съ хозяевами обычными привѣтствіями.

— Да мы, признаться, и не очень интересуемся ихъ знакомствомъ, отвѣтила Анна Гавриловна, снова припявшись за прерванный пасьянсъ и не поднимая глазъ съ разложенныхъ картъ.

— Стало-быть Лядовы счастливѣе васъ, сказала Рожнова, намѣренно ударяя на каждое слово: — вчера былъ у нихъ Александръ Николаевичъ, а сегодня ѣздилъ къ нему отдать визитъ и Петръ Васильевичъ.

— Какъ? невольно вырвалось у Анны Гавриловны и она перенесла съ картъ на нее свой удивленно-вопросительный взглядъ.

Самъ Семенъ Алексѣевичъ какъ-то судорожно затянулся и вмѣсто обычной тонкой струи выпустилъ изо рта цѣлое облако дыма.

— Какже, затараторила Авдотья Емельяновна, очень довольная, что принесенная ею новость произвела желаемое дѣйствіе.- Вчера пріѣзжалъ къ нимъ съ визитомъ.

— Какимъ же образомъ это случилось? спросила, смотря на нее въ недоумѣніи, Анна Гавриловна.

Она никакъ не могла освоиться съ мыслію, чтобы Сущовъ могъ пріѣхать съ визитомъ къ Лядовымъ, ничѣмъ не отли-

чавшимся отъ остальныхъ заурядныхъ сосѣдей помѣщиковъ, прежде нежели къ нимъ, Поморцевымъ, пользовавшимся во всемъ околоткѣ общимъ почетомъ и уваженіемъ. «Добро бы еще къ Ильинымъ или Струковымъ», думала она.

— Да такъ, продолжала трещать Рожнова своимъ звонкимъ, дребезжащимъ голосомъ. — Все это я заподлинно знаю отъ Терентія, сущовскаго садовника; вѣдь онъ женатъ на дочери моей Аксаньи. Елена Александровна, вы знаете, женщина общественная, любитъ компанію свѣтскихъ молодыхъ людей; стало-быть и захотѣлось ей во что бы ни стало познакомиться съ Сущовыми. Какъ тутъ быть? Сами они къ нимъ съ визитомъ не ѣдутъ, и имъ-то первый шагъ сдѣлать не хотѣлось — пожалуй еще не примутъ, да и передъ сосѣдями совѣстно; и придумала она познакомиться съ ними черезъ дѣтей. Узнала она въ какіе часы Сущовскія дѣти гуляютъ, разодѣла своихъ какъ куколъ, да и пошла съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Сущовскій садъ. Долго ли она съ ними ходила, не знаю; только дождалась ихъ. Думала, что тѣ, увидавши ея дѣтей, такъ къ нимъ и кинутся. Анъ не тутъ то было. Не будь съ ними Англичанки, можетъ-быть и кинулись бы, да та не допустила; прошла съ ними мимо Лядовыхъ дѣтей чинно таково, даже лишній разъ взглянуть имъ на нихъ не дала. Другая на мѣстѣ Лядовой, увидавъ, что дѣло на ладъ не идетъ, бросила бы его. Такъ нѣтъ; она пошла и на другой день. И на другой та же самая исторія. Что же вы думаете? и этимъ не пронялась, пошла и на третій. Тутъ съ дѣтьми пришелъ ужь и самъ Александръ Николаевичъ: должно-быть услыхалъ отъ нихъ что ходитъ, молъ, къ нимъ въ садъ молоденькая да, хорошенькая барыня. Ну, дѣло понятное, самъ человѣкъ молодой, —дай, думаетъ, взгляну. Стало-быть какъ поровнялся съ ней, подошелъ, сказалъ съ нею нѣсколько словъ, подвелъ дѣтей и познакомилъ ихъ между собою. Ну тѣ, извѣстное дѣло, дѣти, обрадовались, пошли вмѣ-

стѣ гулять. Самъ онъ съ Еленой Александровной пошелъ позади ихъ и съ часъ ходили рядкомъ и разговаривали; много, говоритъ, смѣялись. На другой день то же самое; а на третій, не знаю ужь вѣрить ли, говоритъ, отпустили дѣтей съ англичанкой въ рощу, а сами остались вдвоемъ въ бесѣдкѣ и больше часу тамъ просидѣли. Это выходитъ было въ четвергъ; а вчера былъ Сущовъ у Лядовыхъ съ визитомъ, познакомился и съ Петромъ Васильевичемъ. И какъ вишь сошлись, даже на псарный дворъ собакъ смотрѣть ходили. Ну а сегодня, выходитъ, Петръ Васильевичъ къ Сущовымъ отдавать визитъ ѣздилъ; только ея, говорятъ, не видалъ, не выходила.

Поморцевы выслушали этотъ разказъ въ глубокомъ молчаніи, какъ бы боясь пропустить изъ него хотя одно слово. Анна Гавриловна отъ времени до времени покачивала головою и шептала себѣ что-то подъ носъ.

— Чего же смотритъ колпакъ мужъ? сказалъ наконецъ Семенъ Алексѣевичъ.—Развѣ онъ не видитъ что Сущовъ пріѣзжалъ знакомиться съ нимъ не для него, а для жены?

— То-то пословица говоритъ: на всякаго мудреца довольно простоты, заключила Рожнова, заправивъ правую ноздрю цѣлою щепотью табаку. Она постоянно нюхала табакъ лишь одною ноздрею.

— Выходитъ, сказала Анна Гавриловна, собирая со стола карты,—что они все-таки домами не знакомы, а знакомы между собою лишь одни мущины. Это, по моему, для Елены Александровны даже оскорбительно. Если Сущовъ пріѣзжалъ одинъ, стало быть жена его находитъ ее недостойною чести быть съ нею знакомою.

— Конечно, глубокомысленно подтвердилъ Поморцевъ.

— А жаль, вздохнула, пригорюнившись, Авдотья Емельяновна;—не добрую славушку на себя положитъ, трубою по все-

му сосѣдству протрубятъ. Еще пожалуй приложатъ то чего и не было никогда. Хоть бы для дочерей-то себя поберегла. Жаль, очень жаль.

— Вотъ то-то, заключила Анна Гавриловна, — нынѣшніе молодые люди совѣтовъ старыхъ, опытныхъ людей не слушаютъ: все хотятъ дѣлать по-своему, да и попадаютъ въ просакъ.

Принесенная Рожновою новость крайне встревожила Поморцевыхъ: самолюбію ихъ нанесенъ былъ тяжелый ударъ. Въ самомъ дѣлѣ причина побудившая Сущова познакомиться съ Лядовыми никому не была извѣстна, да когда и сдѣлается извѣстною, повѣритъ ей пожалуй не всякій: иные сочтутъ это за пустую сплетню; другіе скажутъ, что сплетню эту выдумали изъ зависти тѣ, которые не удостоены были посѣщенія Сущова; найдутся быть-можетъ и такіе, которые припишутъ ее прямо имъ же Поморцевымъ; пойдутъ толки и споры; фактъ же что Сущовъ былъ у Лядовыхъ, а у нихъ, Поморцевыхъ, не былъ, былъ фактъ совершившійся и не подлежавшій никакому оспариванію. Конечно то обстоятельство, что онъ, человѣкъ женатый, ѣздилъ знакомиться въ семейный домъ одинъ, безъ жены, могло броситься въ глаза; но его можно было объяснить болѣзнью жены, наконецъ, нежеланіемъ ея быть съ кѣмъ-либо знакомою; Сущовъ же, не имѣвшій ничего противъ знакомства съ сосѣдями, предпочелъ однакожь познакомиться не съ ними, Поморцевыми, а съ Лядовыми, слѣдовательно считалъ ихъ болѣе современными, болѣе образованными, наконецъ, болѣе стоящими того чтобы познакомиться съ ними; на нихъ же смотрѣлъ какъ на людей стараго вѣка, отсталыхъ, ни на что не нужныхъ. Словомъ, какъ они дѣло ни вертѣли, какъ его ни переворачивали, а окончательнымъ выводомъ было то, что премьерству ихъ предпочтеніемъ оказаннымъ Сущовымъ Лядовымъ грозила серіозная опасность и единственнымъ вѣрнымъ средствомъ предотвра-

тить ее было распространеніе и акредитованіе слуховъ только-что сообщенныхъ имъ Рожновою. «Положимъ, разсуждали Поморцевы, слухи эти сильно компроментируютъ Лядову; но не сама ли она виновата, если легкомысленнымъ поведеніемъ своимъ дала имъ пищу. Вѣдь мы предупреждали ее,—не послушалась; ну и пѣняй на самое себя: сама себя раба бьетъ, когда нечисто жнетъ. Не жертвовать же намъ въ самомъ дѣлѣ положеніемъ своимъ для поддержанія ея репутаціи, когда она сама такъ мало думаетъ объ ней».

На другой день, въ воскресенье. погода была отличная, и, когда Поморцевы вошли въ церковь, она была полна какъ въ Свѣтлый праздникъ. Кромѣ Лядовыхъ и Рожновыхъ тутъ были и Климушины, и Ильины, и Бреховы. Всѣ помѣщики окрестныхъ, приходскихъ деревень интересовались взглянуть на новаго пріѣзжаго сосѣда. Была даже старуха Сомова, жившая въ тридцати верстахъ отъ Трескина и пріѣзжавшая къ обѣднѣ лишь по двунадесятымъ праздникамъ. Увидавъ ее, сама Анна Гавриловна удивилась. У лѣваго клироса стояла попрежнему англичанка съ дѣтьми, но самихъ Сущовыхъ не было. Поморцева окинула всѣхъ глазами и замѣтила, что барыни одѣты были не повсегдашнему: на каждой изъ нихъ было что-нибудь новенькое, еще невиданное. Мущины, и тѣ смотрѣли какъ-то не заурядно: и бороды у нихъ были выбриты чище обыкновеннаго и волосы не то подстрижены, не то подвиты и галстуки подвязаны съ особымъ тщаніемъ, словомъ, были на самихъ себя не похожи, точно готовились снимать съ себя фотографическія карточки. Даже Брёховъ, любившій надо всѣмъ подтрунивать и смотрѣвшій на всѣхъ и теперь съ саркастическою улыбкою, до того начернилъ и нафабрилъ усы, что они казались налакированными. Шикознѣе же всѣхъ одѣта была Лядова.

«Вишь расфуфырилась», подумала, злобно взглянувъ на нее, Анна Гавриловна и стала отыскивать глазами Сущова; но его

какъ и въ первый разъ нигдѣ не было видно. «И отлично, разсуждала она сама съ собою; и всѣ эти наряды и приготовленія пропадутъ понапрасну; да и на душѣ покойнѣе: теперь уже мнѣ нечего опасаться за просвиру. А куда какъ непріятно было бы получить афронтъ при всей этой публикѣ.»

Но едва успѣла она сдѣлать это благодушное замѣчаніе и успокоиться на счетъ такъ страшившаго ее афронта, какъ наружная боковая дверь съ шумомъ растворилась и въ церковь вошелъ молодой человѣкъ высокаго роста въ военной шинели и съ такою же бѣлою фуражкой въ рукѣ. По почтительности, съ которою сторонился, чтобы дать ему дорогу, народъ, по поспѣшности, съ которою встрѣтилъ его и отдалъ ему военную честь караульный солдатъ, наконецъ по описанію сдѣланному Рожновою, Аннѣ Гавриловнѣ не трудно было узнать въ немъ Сущова. Появленіе его произвело всеобщую сенсацію. Всѣ взгляды какъ бы по мановенію волшебнаго жезла обратились на него, хотя никто изъ присутствовавшихъ, проникнутыхъ сознаніемъ собственнаго достоинства, даже нескромнымъ движеніемъ головы не показалъ вида, чтобы появленіе его такъ всѣхъ интересовало. Сущовъ прошелъ къ амвону и сталъ прямо противъ царскихъ дверей. Анна Гавриловна въ продолженіе всей обѣдни не спускала съ него глазъ: не ускользнулъ отъ нея низкій поклонъ отвѣшенный ему дьячкомъ предъ чтеніемъ апостола; замѣтила она какъ дьяконъ, кадя, остановился предъ нимъ долѣе и поклонился ниже, нежели прочимъ; показалось ей даже, что и священникъ, произнося слова: «и васъ всѣхъ православныхъ христіанъ», обратился къ нему преимущественно предъ другими. Невольно вспомнила она снова о двадцати пяти рубляхъ. «Плохо», подумала она, и опасеніе за просвиру заговорило въ ней съ новою силой.

Послѣ Евангелія Сущовъ подошелъ къ Лядовой, сталъ сзади ея и уже до конца обѣдни отъ нея не отходилъ. Онъ ча-

сто наклонялся къ ней; повидимому о чемъ-то спрашивалъ, и та, отвѣчая ему, поминутно смѣялась. Лицо ея сіяло полнымъ удовольствіемъ, видно было что у нея ушки были, что̀ называется, на макушкѣ. Анна Гавриловна изъ угла своего злобно слѣдила за всѣми ея движеніями какъ бы желая по нимъ угадать о чемъ шелъ у нея съ Сущовымъ разговоръ.

— И о чемъ смѣешься, подлая? говорила она себѣ подъ носъ.—И смѣшнаго-то ничего нѣтъ. Хочешь лишь всѣмъ показать что дескать и съ петербургскимъ жителемъ разговоръ вести умѣю и заинтересовать его могу. Безстыжіе твои глаза! чѣмъ отъ людей срамоту свою скрывать, сама съ нею къ нимъ въ глаза лѣзешь. Ишь въ самомъ дѣлѣ раскудахталась. Иной подумаетъ что и взаправду надъ чѣмъ поскалить зубы нашли.

— Стало-быть Лядова-то давно знакома́ съ Сущовымъ спросила стоявшая подлѣ нея Сомова.

— Какъ же имъ быть давно знакомымъ, отвѣчала Анна Гавриловна, — когда онъ въ Трескино въ первый разъ ещ рiѣхалъ, а она никогда изъ него не выѣзжала.

— Какъ же это они такъ скоро сблизились?

— Люди молодые, живутъ рядомъ; садъ одинъ раздѣляетъ долго ли сблизиться, отвѣчала Поморцева, стыдливо понуря глаза.

Сомова вопросительно посмотрѣла на нее, какъ бы не сразу понявъ смыслъ сказанныхъ ею словъ и выжидая не скажетъ ли она еще чего; но, видя что та молчала, перенесла глаза свои на Лядову и Сущова и съ удвоеннымъ вниманіемъ стала слѣдить за ними.

Между тѣмъ обѣдня приближалась къ концу и снова тревожно забилось сердце у Анны Гавриловны. «А что, пришло ей въ голову, если мало того что дьяконъ поднесетъ Сущову просвиру первому; но тотъ еще какъ дамскій кавалеръ пред-

ложить и Лядовой взять просвиру съ нимъ вмѣстѣ, и мнѣ достанется ужь третья?» Подъ нею подкосились ноги и она, чтобы не упасть, должна была ухватиться за стоявшій предъ нею стулъ. Впрочемъ опасенія ея вскорѣ же разсѣялись. Сущовъ до конца обѣдни не остался. Онъ сказалъ что-то наклонившись Лядовой; та засмѣявшись кивнула ему головою и онъ вышелъ изъ церкви.

— Видѣли? сказала Сомова.

— Видѣли и не то, отвѣтила, махнувъ рукою, Анна Гавриловна.

Изъ церкви всѣ отправились къ Поморцевымъ: одни, чтобы по обыкновенію засвидѣтельствовать имъ свое почтеніе, другіе, чтобъ узнать у нихъ что-нибудь о Сущовыхъ. Не поѣхали одни Лядовы. «Знаетъ кошка чье мясо съѣла, подумала Анна Гавриловна, да и хорошо сдѣлали: безъ нихъ намъ свободнѣе будетъ».

— А васъ можно поздравить съ новыми сосѣдями, началъ Брёховъ.

— Да что́ же въ нихъ толку, если они сидятъ у себя какъ барсуки и никуда не показываются, замѣтила Ильина.

— Какъ никуда? перебила ее Климушина; съ Лядовыми познакомились же.

— Домами они и до сихъ поръ еще не знакомы, язвительно вставила слово свое Анна Гавриловна.

— Какъ не знакомы? спросила удивленно Климушина. — Они всю обѣдню шушукались, да пересмѣивались; смотрѣть даже на нихъ было соблазнительно.

— Я хочу сказать, что Сущова и до сихъ поръ еще съ Лядовыми не знакома; когда Петръ Васильевичъ ѣздилъ къ нимъ съ визитомъ, она даже не вышла къ нему.

— Но вѣдь Сущовъ былъ же у нихъ съ первымъ визитомъ, сказала Ильина,—стало-быть онъ заявилъ тѣмъ желаніе свое быть съ ними знакомымъ.

— Нельзя же ему было къ нимъ не ѣхать, когда сама Лядова первая три раза была у него.

— Какъ была у него? спросили въ одинъ голосъ Ильина съ Климушиной.

Онѣ уже давно слышали о прогулкахъ Лядовой въ Сущовскій садъ, но сдѣлали видъ что ничего не знали, чтобъ имѣть удовольствіе услышать еще разъ и можетъ-быть съ прибавленіемъ еще неизвѣстныхъ имъ подробностей о томъ чтò ихъ такъ интересовало. Сомова же, дѣйствительно еще ничего не знавшая, раскрыла отъ удивленія до самыхъ ушей ротъ и съ жадностію впилась глазами въ разговаривающихъ.

— Да, три раза была, пока наконецъ не добилась чего желала, сказала, намѣренно ударяя на каждое слово, Анна Гавриловна. — Да вотъ Авдотья Емельяновна вамъ лучше все разкажетъ.

Рожнова только того и ждала. Она повторила почти слово въ слово то, чтò наканунѣ разсказала Поморцевымъ, добавивъ, что въ то самое время, когда она у нихъ вечеромъ сидѣла, Сущова съ Лядовой видѣли гуляющихъ въ рощѣ уже однихъ, безъ дѣтей; соловья, говорятъ, слушать ходили.

— Чего же смотритъ мужъ? чего жь глядитъ жена? посыпались вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Я, чай, досадуютъ, что и на ихъ долю такая же линія не подошла, сказалъ Брёховъ.

— А вы безъ краснаго словца не можете, замѣтила Анна Гавриловна голосомъ, въ которомъ слышались и легкій упрекъ и должная дань всѣми признанному костическому уму Брёхова. — Такими вещами шутить нельзя. Тутъ дѣло идетъ о репутаціи женщины.

— Я до нея нисколько и не касаюсь, отвѣтилъ тотъ, самодовольно улыбаясь и отмахиваясь руками какъ бы въ самомъ дѣлѣ боясь коснуться своими толстыми пальцами до такой

субтильной вещи какъ женская репутація.—Я вижу вы ее и безъ меня устроите какъ слѣдуетъ.

— Что до Сущовой, такъ Егоръ Михайловичъ можетъ-быть и правъ, сказала Ильина.—О ней еще въ прошломъ году писала Марьѣ Васильевнѣ сестра изъ Петербурга. Знаемъ мы какого она поля ягодка. Она, вѣдь, и родомъ-то не Богъ знаетъ изъ какихъ. Отецъ ея хоть и выслужился въ генералы, а дѣдъ и до сихъ поръ въ Ревелѣ въ калбасной сидитъ.

— Какъ въ калбасной? спросила недовѣрчиво Климушина.

— Обыкновенно какъ, окороками да сосиськами торгуетъ. Вѣдь это она только здѣсь чинится, да чванится; а въ Петербургѣ ея и не слыхать. Она и за границу ѣздила и сюда пріѣхала потому что ей тамъ небольно сладко живется.

Бесѣда длилась часа два и къ концу ея репутаціи обѣихъ женщинъ были, казалось, дѣйствительно устроены какъ слѣдуетъ. Проводивъ гостей, Поморцевы потирали себѣ руки отъ удовольствія: премьерство ихъ было спасено и знакомству Сущова съ Лядовыми дано желаемое значеніе. «Какъ кстати и эта Авдотья Емельяновна тутъ подвернулась, думали они: все что̀ было говорено, завтра же извѣстно будетъ всему сосѣдству.»

Но не долго торжествовали Поморцевы. Вскорѣ же такъ привѣтливо улыбавшееся имъ ясное небо стало заволакиваться черными тучами и къ концу недѣли улегшіяся было опасенія ихъ за премьерство приняли угрожающіе размѣры. Анна Гавриловна обладала чрезвычайно тонкимъ чутьемъ, которое можно было сравнить развѣ съ чутьемъ сетера или чувствительностію анероида. Оно рѣдко ее обманывало и теперь чуяла она въ воздухѣ что-то недоброе. Опасенія эти впрочемъ основаны были не на одномъ чутьѣ или безотчетномъ предчувствіи, ихъ подтверждали и неоспоримые факты. Отъ зоркихъ наблюденій ея не ускользнуло, что въ жизни Лядовыхъ происходило что-то необычное, что-то лихорадочно возбужденное.

Они, постоянно сидѣвшіе дома и рѣдко посѣщаемые сосѣдями, теперь каждый день или сами куда-то ѣздили или принимали у себя гостей. Въ числѣ послѣднихъ были у нихъ и Климушины и Ильины и Брёховъ, то-есть тѣ самые, которые за нѣсколько дней предъ тѣмъ произнесли надъ ними же и надъ Сущовой такой строгій обвинительный вердиктъ. Первое пожалуй можно было еще объяснить тѣмъ что приближался день именинъ Лядовой и что она съ мужемъ разъѣзжала по сосѣдямъ, съ приглашеніемъ на именинный пирогъ, хотя такое приглашеніе и не было въ деревенскихъ обычаяхъ, такъ какъ всякій сосѣдъ долженъ самъ помнить день именинъ и рожденія своихъ сосѣдей; но послѣднее не ясно ли доказывало, что всѣ эти Ильины, да Климушины, произнося свой вердиктъ, на мысляхъ имѣли совсѣмъ другое и, узнавъ что Сущовъ у Поморцевыхъ еще не былъ, у Лядовыхъ же бываетъ каждый день, промѣняли ихъ на послѣднихъ, мало думая о томъ какъ произошло это знакомство и какую оно бросало тѣнь на репутацію Лядовой. И что̀ имъ было въ самомъ дѣлѣ до нея? Напротивъ, чѣмъ ближе были отношенія Лядовой къ Сущову, тѣмъ легче можно имъ было чрезъ нее познакомиться съ нимъ.

Очень хотѣлось Поморцевымъ знать что̀ такое дѣлалось у Лядовыхъ, а что творилось у нихъ что-то недоброе, казалось не подвержено было никакому сомнѣнію; но узнать положительно было не отъ кого: самимъ имъ ѣхать къ нимъ было крайне не ловко; Рожнова же хотя и была у нихъ въ теченіи недѣли раза два, но приходила видимо не для того чтобы сообщить имъ какую-нибудь новость, а чтобы вывѣдавъ отъ нихъ же что-либо, перенести Лядовымъ, у которыхъ сидѣла почти безвыходно. Узнали лишь они что кромѣ сосѣдей была у нихъ и попадья; а имъ было извѣстно, что попадья попусту изъ дома никуда не выходила, а если приходила къ кому, то непремѣнно по какому-нибудь дѣлу. Окончательно же

утвердило Поморцевыхъ въ ихъ подозрѣніяхъ и опасеніяхъ то знаменательное обстоятельство, что въ слѣдующее воскресенье, несмотря на то, что съѣздъ помѣщиковъ у обѣдни былъ еще больше нежели въ послѣдній разъ, никто изъ нихъ изъ церкви къ нимъ по обыкновенію не заѣхалъ, а почти всѣ отправились къ Лядовымъ.

Вѣрно поѣхали къ нимъ, чтобы тамъ встрѣтиться съ Сущовымъ и какъ бы случайно познакомиться съ нимъ, подумала Анна Гавриловна.

Тутъ только спохватились Поморцевы, что дѣйствовали они не такъ какъ слѣдовало: что подкапываться подъ репутацію Лядовой имъ не было никакой нужды, что опасность въ дѣлѣ премьерства грозила имъ со стороны Сущова и что слѣдовательно противъ него и должны были они направить свои батареи. «Стало быть сильно общее къ нему тяготѣніе, разсуждалъ Поморцевъ, если вся эта сволочь ютится около Лядовыхъ для того, чтобы черезъ нихъ познакомиться съ нимъ». И онъ сталъ обдумывать какъ бы подорвать обаяніе такъ неотразимо влекшее къ нему Трескинцевъ и тѣмъ удержать за собою премьерство такъ явно ускользавшее изъ рукъ его.

Съ этой минуты онъ возненавидѣлъ Сущова; послѣдующія же событія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждали его въ увѣренности, что и тотъ съ своей стороны питаетъ къ нему тѣ же враждебныя чувства.

На слѣдующій день, Поморцевы сидѣли еще за утреннимъ чаемъ, какъ пришелъ къ нимъ отецъ Евлампій. Во всякое другое время приходъ его не удивилъ бы ихъ, такъ какъ онъ иногда хаживалъ къ Семену Алексѣевичу какъ къ ктитору по церковнымъ дѣламъ; теперь же онъ почему-то показался имъ подозрительнымъ.

— Я къ вамъ прямо отъ Александра Николаевича, сказалъ отецъ Евлампій, садясь на указанное ему Поморцевымъ мѣсто.

— Отъ какого Александра Николаевича? спросилъ тотъ удивленно.

— Отъ господина Александра Николаевича Сущова.

— Ну такъ бы и сказали, что отъ Сущова; а то Александровъ Николаевичей на свѣтѣ много.

— Присылали за мною поговорить на счетъ церковныхъ суммъ собранныхъ на сооруженіе придѣла, проговорилъ нерѣшительно смущенный отецъ Евлампій.

Поморцевъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ такъ уже привыкъ самовластно распоряжаться всѣмъ относившимся до церковнаго благоустройства безъ всякаго вмѣшательства и контроля со стороны прихожанъ, что претензія Сущова настолько же озадачила его, насколько и оскорбила его самолюбіе.

— Говорятъ, что они какъ прихожанинъ имѣютъ свой самостоятельный голосъ, продолжалъ также нерѣшительно отецъ Евлампій;—они предположеннаго назначенія этихъ суммъ не одобряютъ и находятъ болѣе полезнымъ употребить ихъ на устройство при церкви сельской народной школы.

Иниціатива сооруженія придѣла принадлежала исключительно Поморцеву; это былъ обѣтъ данный имъ за шесть лѣтъ предъ тѣмъ по случаю тяжкой болѣзни жены его. Придѣлъ долженъ былъ быть освященъ во имя ихъ ангеловъ: Семена Богопріимца и Анны Пророчицы; самые лики святыхъ должны были по тайному соглашенію съ живописцемъ напоминать собою храмостроителей. Поморцевымъ хотѣлось придѣломъ этимъ воздвигнуть себѣ вѣчный памятникъ и чрезъ него выдвинуть себя изъ ряда сосѣдей. такъ-сказать канонизировать себя въ глазахъ ихъ. Въ продолженіи шести лѣтъ Симеонъ Алексѣевичъ неусыпно хлопоталъ о сборѣ нужныхъ на это дѣло денегъ и не потому чтобы жалѣлъ затратить на него свои собственныя, а потому что оно тогда не имѣло бы характера дѣла общественнаго, и тѣмъ потеряло бы свой смыслъ

и значеніе. И вдругъ, когда оно уже приближалось къ концу, является человѣкъ не участвовавшій въ немъ даже пожертвованіяли своими и требующій чтобы собраннымъ суммамъ дано было другое назначеніе, мало того, чтобъ употреблены онѣ были на дѣло которому онъ, Поморцевъ, не только не сочувствовалъ, но противъ котораго постоянно ратовалъ.

— Объясните вы вашему Сущову, сказалъ онъ дрожавшимъ отъ сдерживаемаго негодованія голосомъ. — что какъ онъ въ сборѣ этихъ денегъ не участвовалъ, такъ ему на чужой каравай и ротъ разѣвать нечего.

— Они говорятъ, что въ немъ участвовали ихъ крестьяне, составляющіе бо̀льшую половину прихода, и что обязанность ихъ наблюдать, чтобы пожертвованная ими лепта употреблена была съ возможною для нихъ пользою, проговорилъ, запинаясь, отецъ Евлампій.

Онъ былъ человѣкъ недальній, даже тупой, за что̀ и прозванъ былъ въ семинаріи товарищами соломатой; но тѣмъ не менѣе очень хорошо сообразилъ, а вѣроятнѣе сообразила попадья, что съ устройствомъ сельской школы для него откроется мѣсто законоучителя, которое кромѣ жалованья будетъ приносить ему и еще кое-какіе доходишки въ видѣ добровольныхъ пожертвованій деньгами и натурой; лишній же придѣлъ въ церкви кромѣ лишнихъ хлопотъ ему ровно ничего не дастъ, а потому очень естественно былъ на сторонѣ устройства школы. Очень хорошо понималъ это и Поморцевъ; понялъ и то что отецъ Евлампій говорилъ не свое, а напѣтое ему на ухо и имъ лишь затверженное; а потому если дѣлалъ на его доводы возраженія, то лишь для того чтобы онъ передалъ ихъ тѣмъ отъ кого былъ присланъ.

— Но вѣдь вы сами знаете, сказалъ онъ ему, что пожертвованія крестьянъ не составляютъ и десятой доли этихъ денегъ, и что онѣ почти исключительно пожертвованы прихожанами помѣщиками.

— Справедливо-съ, продолжалъ тотъ тѣмъ же уклончивымъ голосомъ; — но сколько я могъ въ послѣдніе дни заключить изъ словъ гг. помѣщиковъ, и они все болѣе склоняются къ устройству школы.

— Кто же напримѣръ?

— Да вотъ хоть бы, благослови Богъ, гг. Сущовы, Лядовы; то же усердіе изъявили гг. Ильины, Климушины; а Брёховъ Егоръ Михайловичъ, такъ тотъ прямо вчера у гг. Лядовыхъ сказалъ, что придѣлъ лишь стѣснитъ трапезу, въ чемъ съ нимъ почти нельзя и не согласиться, добавилъ отецъ Евлампій, нѣсколько понизивъ голосъ; — а народная школа есть насущная для крестьянъ потребность.

— Подлецъ, проговорилъ сквозь зубы Поморцевъ.—Не самъ ли онъ вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, соглашался со мною, что грамотность для народа гибель, что она научитъ его лишь кляузничать, мошенничать, да искусно концы хоронить, что съ мужикомъ только и сладить можно пока онъ грамѳтѣ не научился. — Гдѣ же вы всѣхъ этихъ господъ видѣли?

— Они на этой недѣлѣ почти всѣ у Лядовыхъ перебывали, былъ и я къ нимъ раза два приглашенъ. — Лишь сказавши это, отецъ Евлампій спохватился, что ему этого говорить не слѣдовало; о чемъ и попадья его ему строго-настрого наказывала

«Комплотъ, подумалъ Поморцевъ, подпольная манахинація, и должно-быть все онъ подъ меня подкапывается». – Скажите же всѣмъ этимъ гг. Сущовымъ и Лядовымъ съ братіей, сказалъ онъ сдержаннымъ, но твердымъ голосомъ, — что деньги собранныя на сооруженіе придѣла находятся у меня и изъ шкатулки моей ни на что другое не выйдутъ, какъ лишь на тотъ предметъ на который были собраны. Пусть жалуются на меня хоть самому преосвященному, а я отъ своего рѣшенія

ни на шагъ не отступлю. Если же хотятъ устроить школу, то пусть устроитъ ее Сущовъ на свой счетъ, онъ человѣкъ богатый или соберетъ нужныя на то деньги особою подпиской.

Отпустивъ отца Евлампія, Поморцевъ еще долго стоялъ молча у окна. Когда онъ что-нибудь обдумывалъ или соображалъ, онъ неизвѣстно почему всегда останавливался у крайняго зальнаго окна, ко внѣшней рамѣ котораго прибитъ былъ термометръ. Заложивъ руки въ карманы, онъ иногда простаивалъ предъ нимъ по цѣлому часу, при чемъ неподвижно установившіеся глаза его не были устремлены на какой-либо опредѣленный предметъ: ни на термометръ. ни на пузырекъ на стеклѣ, ни на скользившаго по нему комара,—ни даже на проходившую мимо бабу, хотя онъ отъ времени до времени казалось во что-то и пристально вглядывался, даже присѣдалъ какъ бы для того чтобъ удобнѣе разсмотрѣть что-то. Въ эти минуты онъ не доступенъ былъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и весь сосредоточенъ въ самомъ себѣ.

«Вѣдь этакіе подлецы, думалъ онъ. Назадъ тому недѣлю были здѣсь у меня; возмущались поведеніемъ Лядовой; чуть въ грязь ее не втоптали. Чортъ знаетъ что говорили и о Сущовой, которой и въ глаза никогда не видали. И что жь? Черезъ два, три дня ѣдутъ къ тѣмъ же Лядовымъ и ѣдутъ потому что по слухамъ она въ короткихъ отношеніяхъ съ Сущовымъ. Развѣ это не срамота? И что имъ всѣмъ такъ дался этотъ Сущовъ? Чего они отъ него ожидаютъ? Какой такой богатой милости? Баловъ и обѣдовъ онъ имъ давать не станетъ; это кажется они понять могутъ; компанія онъ для нихъ также плохая. Такъ нѣтъ. Изъ Петербурга, говорятъ, пріѣхалъ; стало-быть и пахнетъ отъ него иначе. Думаютъ: потрутся около него, такъ ужь образованнѣе сдѣлаются. А коли удастся втереться къ нему въ домъ, еще какъ чваниться знакомствомъ своимъ съ нимъ станутъ. Бреховъ, чтобы поддѣлаться къ нему, даже филантропомъ прикинулся; за сель-

скую школу ратовать сталъ. Тщеславія у всей этой сволочи бездна, за то самолюбія ни на грошъ. Ну и филантропствуйте себѣ какъ знаете, а денегъ этихъ вамъ какъ ушей своихъ не видать. Шалишь. Завтра же отправлю къ архіерею прошеніе съ приложеніемъ плана и рисунка иконостаса и выпишу подрядчика. У меня кстати и дѣло ужь съ нимъ слажено; остается лишь задатки выдать.»

Остатокъ дня Поморцевъ провелъ въ веселомъ расположеніи духа, обдумывая планъ дѣйствій и торжествуя заранѣе несомнѣнную побѣду. На другой день утромъ, записавъ по обыкновенію свои метеорологическія наблюденія, онъ только что принялся писать прошеніе, какъ вошелъ мальчикъ съ докладомъ что въ лакейской ждетъ его человѣкъ отъ Сущова.

«Это что? подумалъ онъ; видно ужь успѣли перешептаться.» — Съ письмомъ? спросилъ онъ мальчика.

— Никакъ нѣтъ-съ; говоритъ имѣетъ переговорить съ вами лично.

Поморцевъ вышелъ въ переднюю и къ крайнему удивленію своему увидалъ знакомаго ему человѣка, котораго онъ знавалъ еще лакеемъ у старика Сущова и котораго тотъ за пьянство и буйство не разъ хотѣлъ отдать въ солдаты, но долженъ былъ оставить во дворнѣ за негодностію его къ военной службѣ. За годъ предъ тѣмъ онъ въ праздничный день при выходѣ изъ церкви надѣлалъ ему въ пьяномъ видѣ дерзостей, за что по жалобѣ его и былъ наказанъ становымъ розгами. Понятно, что присылка Сущовымъ такой личности въ качествѣ парламентера крайне удивила Поморцева.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ его сухо.

— А нужно, чтобы вы свиней своихъ въ катухи запирали, а не распускали по сосѣдскимъ садамъ шляться да цвѣтники рыломъ рыть, сказалъ тотъ грубо и отрывисто.

Слова эти, а болѣе тонъ съ которымъ они были сказаны,

до того озадачили Поморцева, что онъ въ первый моментъ не нашелся что на нихъ отвѣтить.

— Ты бы сначала выспался; сказалъ онъ наконецъ спокойно и сдержанно;—а потомъ обратись съ требованіями своими къ ключнику; а ко мнѣ съ такимъ вздоромъ не ходи.

— На спанье ночь есть, отвѣтилъ тѣмъ же грубымъ голосомъ посланный, — по ключникамъ же вашимъ мнѣ ходить нечего; а коли увижу свиней опять въ нашемъ саду, я и самъ расправлюсь съ ними по-своему.

Сказавъ это, онъ повернулся и вышелъ изъ передней, захлопнувъ за собою съ трескомъ дверь.

Поморцевъ остался на мѣстѣ какъ ошеломленный. Сдѣланная ему дерзость была тѣмъ для него чувствительнѣе, что сдѣлана была при Гришкѣ: поступокъ этотъ оскорблялъ въ немъ чувство не только человѣческаго, но и помѣщичьяго достоинства,—потрясено было нравственное обаяніе заставлявшее уважать помѣщичью власть и безпрекословно преклоняться предъ нею.

— Что онъ пьянъ или ополоумѣлъ? спросилъ Поморцевъ, пытливо взглянувъ на Гришку, чтобы по выраженію лица его заключить о впечатлѣніи, которое произвела на него эта такъ сильно возмутившая его сцена. Самый вопросъ этотъ сдѣланъ былъ имъ не для полученія на него того или другаго отвѣта, а лишь для вразумленія его, что если и могло быть нанесено ему, помѣщику, такое оскорбленіе, то развѣ человѣкомъ совершенно пьянымъ или ополуумѣвшимъ. Такимъ образомъ хотя по виду поддержанъ былъ принципъ помѣщичьей неприкосновенности, но Поморцевъ очень хорошо видѣлъ что такъ дерзко отвѣчавшій ему человѣкъ не былъ пьянъ и что говорило въ немъ не вино а затаенная злоба.

— Пьянъ-съ, должно прямо изъ шинка, отвѣтилъ смѣтливый Гришка, стараясь не глядѣть на Поморцева, чтобы тотъ

не могъ прочесть въ глазахъ его настоящей мысли. Они обманывали другъ друга, но обманывали лишь для проформы, такъ как фактъ былъ слишкомъ ясенъ и обманъ не мыслимъ. Они обманывали другъ друга какъ обманываете и вы, не сказываясь дома, знакомаго вашего, пріѣхавшаго къ вамъ съ праздничнымъ поздравительнымъ визитомъ, и хотя бы тотъ увѣренъ былъ, что вы дома, онъ не только не претендуетъ на васъ, но отъ души благодаренъ вамъ за то, что вы избавили его отъ труда всходить на лѣстницу и снимать пальто. Еслибъ онъ даже увидалъ васъ сидящимъ у окна, то сдѣлалъ бы видъ, что не замѣтилъ васъ и въ результатѣ вы остаетесь вполнѣ другъ другомъ довольны. Точно то же испытывалъ и Поморцевъ, уходя изъ передней. Слова, обмѣненныя имъ съ Гришкой, успокоили его: у него на сердцѣ сдѣлалось какъ будто легче.

— Однакожь, разсуждалъ онъ самъ съ собой, — если холопъ этотъ рѣшился такъ дерзко говорить со мною въ трезвомъ видѣ, стало-быть смекнулъ, что у насъ съ его бариномъ не ладится, — тонкое чутье у этихъ вислоухихъ лягашей. Въ первую минуту хотѣлъ онъ было обратиться къ Сущову съ жалобой, но потомъ раздумалъ. Чортъ его знаетъ: можетъ-быть еще онъ самъ же съ тѣмъ и прислалъ его ко мнѣ, чтобы тотъ наговорилъ мнѣ дерзостей. Лучше оставлю я это дѣло какъ не стоящее вниманія, рѣшилъ онъ; — если оно и пойдетъ въ огласку, то всѣ знаютъ, что негодяй Кондрашка горькій пьяница, а пьяному и море по колѣно. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ же послалъ за ключникомъ и приказалъ запереть свиней въ катухъ.

Два дня прошли благополучно и Поморцевъ сталъ уже было забывать о полученномъ имъ оскорбленіи, какъ на третій вечеромъ онъ пораженъ былъ пронзительными криками смѣшанными съ самымъ неистовымъ визгомъ. Онъ послалъ узнать что была за причина такого гвалта и Гришка доложилъ ему,

что прибѣжали господскія свиньи съ Сущовскаго двора и что у одной изъ нихъ обрѣзаны были уши и отрубленъ хвостъ. Оказалось, что хотя приказаніе Поморцева и было тогда же ключникомъ исполнено; но свиньи, не привыкшія къ целюлярному заключенію, прогрызли плетень катуха и, выбравшись на свободу, отправились по обыкновенію цѣлою компаніей въ Сущовскій садъ, откуда и были выпровождены самымъ негостепріимнымъ образомъ. Не столько звѣрство поступка, сколько предполагаемая цѣль съ которою онъ былъ сдѣланъ, возмущала Поморцева.

— Онъ хочетъ поднять меня на смѣхъ, сдѣлать меня общимъ посмѣшищемъ, говорилъ онъ женѣ.

— Такаго афронта ничѣмъ другимъ и объяснить нельзя, согласилась та, злобно взглянувъ на виднѣвшуюся изъ окна крышу Сущовскаго дома.

Не долго впрочемъ убивался Поморцевъ. Оказалось, что такъ безжалостно изувѣченная свинья была не господская, а дворовая. Хозяинъ ея ходилъ къ Сущову съ челобитною и тотъ приказалъ выдать ему за нее денежное вознагражденіе. Такой исходъ дѣла совершенно утѣшилъ Семена Алексѣевича.

— Вотъ, такъ-то, сказалъ онъ самодовольно ухмыляясь.— Не рой другому яму, самъ въ нее попадешь. Хотѣлъ надо мною посмѣяться, а посмѣялся надъ самимъ собой.

Но видно ужь не суждено было Поморцевымъ наслаждаться прежнимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. Ужь если заползетъ куда-нибудь козявка, то и пошла себѣ копошиться пока не поймаешь и не выбросишь ея. Такою неотвязчивою козявкой, не дававшей имъ ни отдыха, ни покоя, и грозившею, казалось, превратить самую жизнь ихъ въ каторгу, явился Сущовъ.

Дня два спустя, Анна Гавриловна, напившись утренняго чая, накрошила по обыкновенію въ блюдечко бѣлаго хлѣба,

обдала его кипяткомъ и, выливъ на него изъ молочника остатокъ сливокъ, стала звать Василія Васильевича. Тотъ, обыкновенно, во время этой операціи, мурлыча и поднявъ хвостъ, ходилъ взадъ и впередъ около стола, потираясь шеей и жирнымъ туловищемъ своимъ объ его ножку или, вскочивъ на диванъ, нетерпѣливо протягивалъ къ лакомому блюду свою лапку; тутъ же его вовсе въ комнатѣ не оказалось. Анна Гавриловна позвала ходившую за нимъ дѣвочку Маврушку, стала ее о немъ разспрашивать и узнала отъ нея, что котъ пропалъ еще съ вечера, но она ей о томъ не докладывала, поджидая съ часу на часъ не вернется ли онъ. Разумѣется весь домъ тотчасъ же поднятъ былъ вверхъ дномъ: обысканы и обшарены были всѣ углы, лазили и на чердакъ и на сѣновалы, осмотрѣли погреба и подвалы, не оставленъ былъ ни одинъ закоулокъ, въ который могъ пролѣзть Василій Васильевичъ, но его нигдѣ не оказалось. Позванъ былъ ключникъ, слывшій на дворнѣ искуснымъ сыщикомъ, и отправленъ разыскивать кота по всему селу.

— Пропади, сказала ему Анна Гавриловна, и безъ Василія Васильевича не возвращайся.

Ключникъ дѣйствительно пропалъ на цѣлый день и возвратился домой ужь поздно вечеромъ, но не съ котомъ, а съ печальнымъ извѣстіемъ, что онъ наканунѣ вечеромъ убитъ изъ ружья самимъ Сущовымъ за то, что повадился ходить въ его садъ и передушилъ всѣхъ соловьевъ.

Извѣстіе это поразило Поморцевыхъ какъ громомъ. Анна Гавриловна даже голосомъ завыла, чего она не дѣлала и тогда когда въ томъ предстояла настоятельная необходимость; на лицѣ же Семена Алексѣевича выразилось такое междометіе, для котораго ни въ Говоровской, ни въ Ивановской грамматикахъ и названія нѣтъ.

— Да вѣрно ли это? спросилъ онъ наконецъ, придя нѣсколько въ себя.

— Какъ же не вѣрно-то, отвѣтилъ ключникъ, когда я и шкуру его видѣлъ у Кондратія. Продавалъ ее мнѣ, цѣлковый просилъ. Скажи, говоритъ, барынѣ своей чтобъ купила; славная изъ нея пара теплыхъ ботинокъ выйдетъ.

Итакъ фактъ убіенія Василія Васильевича не былъ подверженъ никакому сомнѣнію. Онъ былъ убитъ Сущовымъ, и конечно убитъ не потому что онъ душилъ у него въ саду соловьевъ, а вслѣдствіе совершенно другихъ причинъ, казавшихся Поморцеву очень ясными. Онъ подошелъ къ окну и, уставившись предъ нимъ, казалось, погрузился въ созерцаніе садившагося за Сущовскимъ садомъ солнца. Глаза его слѣдили то за плывшими по небу серебристо-розовыми облаками, то за крикливо носившеюся надъ рощей стаей грачей, то за кишѣвшими по стеклу микроскопическими мошками; но мысли его видимо были далеко. Да врядъ ли могъ онъ и сосредоточить ихъ на чемъ-либо, такъ онъ былъ ошеломленъ только-что поразившимъ его ударомъ. Долго стоялъ онъ въ этомъ полусознательномъ состояніи; потомъ также машинально поднялъ руку и указательнымъ пальцемъ придавилъ къ стеклу скользившаго по немъ длинноногаго комара. Вообразилъ ли онъ что въ этомъ комарѣ раздавилъ своего заклятаго врага; но раздавивъ его, онъ какъ будто ободрился. Онъ отошелъ отъ окна, отпустилъ еще стоявшаго у дверей ключника и мѣрными шагами направился къ комнатѣ Анны Гавриловны. Она лежала на кровати съ обвязанною платкомъ головой; около нея суетились двѣ женщины съ какими-то примочками и холодными компресами. Немного поодаль стояла Маврушка съ заплаканными глазами, растрепанными волосами и раскраснѣвшеюся лѣвою щекой. Оплакивала ли и она горькую участь постигшую Василья Васильевича, или можетъ-быть имѣла какія-либо другія причины проливать горючія слезы.

Семенъ Алексѣевичъ, взглянувъ на эту нѣмую сцену и, видя что присутствіе его не могло принесть никакой существен-

ной пользы, удалился къ себѣ въ кабинетъ. Тутъ только могъ онъ, углубясь въ себя, вдуматься какъ слѣдуетъ въ свое положеніе.

«Что поступокъ этотъ учиненъ съ умысломъ оскорбить меня, разсуждалъ онъ самъ съ собою, — за это достаточно ручаются предшествующія обстоятельства. Сущовъ досадуетъ и сердится на меня за то, что я подобно другимъ не ищу случая познакомиться съ нимъ и какъ нарочно съ самаго пріѣзда его въ Трескино не бываю у Лядовыхъ, гдѣ онъ проводитъ цѣлые дни. Это причина почему онъ не соглашается и на сооруженіе придѣла и хлопочетъ обратить собранныя мною на этотъ предметъ деньги на дѣло которому, онъ знаетъ, я не сочувствую. Несогласіе мое на устройство школы еще болѣе вооружило его противъ меня и вотъ онъ всячески старается досадить мнѣ и, поднявъ на смѣхъ, уронить въ общемъ мнѣніи: съ этою цѣлію велѣлъ онъ обрѣзать уши и обрубить хвостъ свиньѣ, но какъ онъ тѣмъ посмѣялся лишь надъ самимъ собой, убилъ теперь несчастнаго и ни въ чемъ неповиннаго Василія Васильевича подъ предлогомъ будто тотъ истреблялъ въ его саду соловьевъ. Еслибъ онъ убилъ его не съ цѣлію сдѣлать мнѣ непріятность и не зная что это любимый котъ Анны Гавриловны, то узнавъ о томъ (его всякій мальчишка на селѣ знаетъ), развѣ не прямая была его обязанность немедленно извиниться предъ нею; но вотъ пошли уже другія сутки, и онъ этого еще не сдѣлалъ, — можетъ быть даже хвастается подвигомъ своимъ у Лядовыхъ и находитъ подлецовъ, которые изъ угожденія ему вмѣстѣ съ нимъ смѣются и издѣваются надо мною. — Оставить этого такъ нельзя: это значило бы позволить всякому безнаказанно наступать себѣ на ногу; а между тѣмъ что же я могу сдѣлать? подать жалобу? Но не говоря уже о томъ, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, — это значило бы отдать себя на общее посмѣяніе. Ужъ одно то, что въ судѣ будетъ производиться дѣло по жалобѣ коллежскаго ассессора Поморцева на ротмистра

Сущова о намѣреніи оскорбить его въ лицѣ искалѣченной имъ свиньи, и жену его въ лицѣ убитаго имъ ея кота. Это одно чего стоитъ? Вѣдь мнѣ прохода нигдѣ не будетъ: мальчишки станутъ на меня пальцемъ указывать.—пожалуй еще какъ татарину свиное ухо изъ полы дѣлать будутъ. Послѣ этого меня не то что въ предводители, въ попечители хлѣбныхъ магазиновъ не выберутъ. Если написать объяснительное письмо, пожалуй приметъ еще за вызовъ: вѣдь эти гвардейскіе офицеры, говорятъ, за всякій тычокъ драться готовы. Отвѣтитъ: если считаете себя оскорбленнымъ, я готовъ дать вамъ всякаго рода удовлетвореніе. Не стрѣляться же за какую-нибудь свинью или кота. А какъ въ отвѣтъ на мое письмо да пришлетъ денежное вознагражденіе,—напишетъ: я ключнику вашему далъ за свинью семь рублей; вамъ же за кота посылаю трешницу.—больше не стоитъ. Что тогда? Тогда вѣдь въ самомъ дѣлѣ въ пору хоть стрѣляться.» И Семенъ Алексѣевичъ серіозно задумался: онъ заряженнаго пистолета никогда и въ рукахъ не держалъ, да и на самую дуэль смотрѣлъ какъ на дѣло приличное лишь какому-нибудь сорви—головѣ корнету, или молокососу-юнкеру, а не человѣку почтенному и всѣми уважаемому. «А сраму то, сраму, думалъ онъ, и не оберешься. Письмо мое пойдетъ по рукамъ, — Брёховъ окреститъ меня какимъ-нибудь мѣткимъ прозвищемъ, — назоветъ котомъ-Сёмкой. а то такъ и еще какъ-нибудь хуже.—И сердце у него замерло.—Развѣ самому съѣздить съ объясненіемъ, соображалъ онъ, по крайней мѣрѣ у него никакого документа въ рукахъ не останется. Но пожалуй скажутъ, что я ухватился за этотъ предлогъ лишь для того, чтобы познакомиться съ нимъ, и когда дѣло уладится. всѣ будутъ говорить что съ первымъ визитомъ не онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а я къ нему. Да какъ самому и объясняться по такому щекотливому дѣлу Вотъ еслибъ у меня былъ подъ рукою какой-нибудь близкій? родной или хоть такъ короткій знакомый, дѣло другое; а то

кого я пошлю? Не Прохорыча же въ самомъ дѣлѣ и не Кузьму ключника.»

Долго стоялъ Семенъ Алексѣевичъ у окна, неподвижно уставивъ глаза на колодезь, къ которому приводилъ кучеръ одну за другою поить лошадей, точно операція эта очень занимала его. «Ничего не придумаешь, сказалъ онъ наконецъ, отходя отъ окна; а между тѣмъ такъ оставить дѣло нельзя,— никакъ нельзя.»

Тревожно провелъ онъ всю ночь. Едва начиналъ онъ засыпать, какъ въ ушахъ его раздавалось жалобное мяуканье Василія Васильевича; точно человѣчьимъ голосомъ молилъ онъ его объ отомщеніи. «Чѣмъ же я виноватъ, говорилъ онъ ему, если природа вложила въ меня страсть давить и мучить все что слабѣе меня? Развѣ, служа въ судѣ, не давилъ ты и не обдиралъ и людей? И чѣмъ виноватъ ты, если имѣешь къ тому отъ природы непреоборимое влеченіе?» — То тыкала ему прямо въ носъ обезображенное рыло свое изувѣченная свинья. «Взгляни на меня, также жалобно хрюкала она ему. — Вѣдь я стала хуже всякой мартышки, меня близкіе мои не узнаютъ и съ позоромъ гонятъ отъ себя.» Порою чудилось Поморцеву, что въ чертахъ этой свиньи видѣлъ онъ какія-то знакомыя, даже дорогія ему черты.—разъ даже показалось ему, что стоитъ предъ нимъ не свинья, а сама Анна Гавриловна. Онъ тутъ же сплюнулъ и перекрестился. Такъ провелъ онъ точно въ горячешномъ бреду всю ночь до третьихъ пѣтуховъ.

— Остолопъ же я, вскрикнулъ онъ вдругъ, ударивъ себя со всего размаха ладонью по лбу.—А отецъ-то Евлампій на что же? Кому же ближе какъ не ему быть посредникомъ и умиротворителемъ между прихожанами? Конечно я не пошлю его къ Сущову отъ своего лица, а попрошу его объяснить ему отъ себя какъ близко приняла къ сердцу Анна Гавриловна сдѣланное имъ ей оскорбленіе, и если онъ только че-

ловѣкъ порядочный, то безъ сомнѣнія поспѣшитъ извиниться предъ нею. Тупъ онъ, несообразителенъ, это правда; но тутъ большаго соображенія и не нужно. Къ тому же я, что называется, все разжую и въ ротъ положу. Какъ мысль эта раньше не пришла мнѣ въ голову? И онъ тутъ же принялся обдумывать какъ бы ловче устроить дѣло: проектировалъ рѣчь которую долженъ будетъ сказать отцу Евлампію, чтобъ убѣдить его принять на себя и достойно выполнить возлагаемое на него парламентерство, раздѣливъ ее по правиламъ риторики на три части: вступленіе, изложеніе существа дѣла и заключеніе.

Утромъ Семенъ Алексѣевичъ объяснилъ намѣреніе свое женѣ; та опробовала его и тотчасъ же послано было за отцомъ Евлампіемъ. Онъ долго ждать себя не заставилъ. Поморцевъ подошелъ подъ его благословеніе, попросила благословить ее и Анна Гавриловна; она лежала на диванѣ съ обвязанною головой, на столѣ подлѣ нея стояли какіе-то пузырьки и стклянки.

— А вы никакъ нездоровы? спросилъ онъ ее.

— Нездорова, произнесла едва слышнымъ голосомъ Анна Гавриловна.

— Да какъ тутъ быть и здоровымъ, когда одна за другою вонзаются въ сердце каленыя стрѣлы, сказалъ Поморцевъ, чинно усаживая отца Евлампія въ заранѣе пододвинутое для него къ столу кресло. — Мы и пригласили васъ въ юдоль плача и скорби какъ духовнаго врача для уврачеванія сердечныхъ ранъ.

Онъ, когда хотѣлъ, говорилъ необыкновенно цвѣтисто и краснорѣчиво; особенно же любилъ блеснуть элоквенціею своею предъ духовными, вѣроятно потому что они лучше другихъ могли оцѣнить такого рода краснорѣчіе; по крайней мѣрѣ благочинный всегда слушалъ его съ сердечнымъ умиленіемъ. «Златоустъ», говорилъ онъ.

Отецъ Евлампій опустилъ глаза долу и на лицѣ его выразилось сосредоточенное вниманіе.

— Вы знаете насъ, святой отецъ, уже болѣе двадцати лѣтъ и въ эти долгіе годы конечно имѣли время досконально изучить насъ, началъ Семенъ Алексѣевичъ.—Обыкновенно онъ называлъ отца Евлампія батюшкой; но въ виду торжественности случая счелъ нужнымъ дать ему этотъ эпитетъ.—Извѣстно вамъ любящее и сострадательное къ меньшой братіи сердце Анны Гавриловны; извѣстно и то, что Господу Богу не угодно было благословить насъ дѣтьми и что кромѣ меня нѣтъ у нея никого на свѣтѣ близкаго. Понятно, что при такой обстановкѣ любящее сердце ея остановилось на первомъ, хотя правда и безсловесномъ, существѣ, которое ласками и привязанностію своею заставило ее полюбить себя. Существо это было хорошо извѣстный вамъ котъ Василій Васильевичъ.

— Господи, прости мои согрѣшенія, вздохнулъ отецъ Евлампій.

— Конечно, можетъ-быть, такая нѣжная привязанность можно сказать, страсть къ животному была и грѣховна, продолжалъ Поморцевъ.—Быть можетъ за нее Господь и наказуетъ ее такимъ тяжелымъ испытаніемъ.

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! еще глубже прежняго вздохнулъ отецъ Евлампій.

— Вы вѣроятно уже слышали объ убіеніи Василья Васильевича?

— Къ прискорбію слышалъ, сказалъ тотъ соболѣзнующимъ голосомъ.

— Да-съ, продолжалъ Поморцевъ,—и предательски убитъ рукою новаго Ирода, новаго Діоклитіана, яраго гонителя на ревнующихъ о благолѣпіи церквей Господнихъ и мнящаго обратить лепты, собранныя для ихъ украшенія. на воздвиженіе капища для распространенія въ народѣ грамотности съ цѣлію его умственнаго и нравственнаго растлѣнія.

Семенъ Алексѣевичъ, когда входилъ въ паѳосъ негодованія, дѣлался похожъ на Перуна, потрясающаго своими огненными стрѣлами. «Это Везувій, изрыгающій изъ жерла своего неудержимые потоки всесожигающей лавы», говорилъ благочинный.

— Господи, милостивъ буди мнѣ грѣшному и помилуй мя, творилъ въ полголоса молитву отецъ Евлампій.

Анна Гавриловна взяла со стола сткляночку и, понюхавъ ее, тутъ же утерла выступившія на глазахъ слезы.

— Взгляните на эту убитую горемъ женщину, продолжалъ, указывая на нее, Поморцевъ, —взгляните на эти безутѣшныя слезы, вызванныя изъ глубины души утратою неизмѣннаго друга. Онѣ свидѣтельствуютъ самымъ неопровержимымъ образомъ насколько любовь ея къ нему была искренна; насколько же она была безкорыстна, достаточно уже доказываетъ то, что предметъ ея не имѣлъ даже и словъ, чтобы выразить ей свою взаимность и благодарность.

— Посмотрите и на него, сказала Анна Гавриловна, прерывающимся, какъ бы умирающимъ голосомъ.—Всю ночь не спалъ. Все представлялись какія-то видѣнія, да слышались голоса: то замяукаетъ, то захрюкаетъ....

— Съ нами крестная сила, произнесъ отецъ Евлампій, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Послѣдовала пауза. Окончивъ вступленіе, Семенъ Алексѣевичъ остановился, чтобы нѣсколько собраться съ мыслями какъ бы вразумительнѣе объяснить безтолковому отцу Евлампію въ чемъ именно состояло возлагаемое на него порученіе.

— Что же, сказалъ тотъ, заключившій изъ его молчанія, что онъ сказалъ уже все что имѣлъ высказать:—надо прибѣгнуть къ единому вѣрному Утѣшителю и Исцѣлителю душевныхъ недуговъ. Остается всего двѣ недѣли до поста; можно начать службу со среды. Среда, четвертокъ, пятница,—счелъ онъ по пальцамъ:—въ субботу онѣ могутъ принести покаяніе, а въ воскресеніе....

— Какое покаяніе? перебилъ его въ недоумѣніи Поморцевъ. Не менѣе его поражена была и Анна Гавриловна: она раскрыла отъ удивленія ротъ и чуть не вылила въ него стклянку нашатырнаго спирта, который несла было къ носу.

— Покаяніе, продолжалъ Поморцевъ, — долженъ принесть тотъ кто обагрялъ руки свои невинною кровію, а не тотъ кто пострадалъ отъ звѣрской кровожадности.

— Можно отслужить молебенъ съ водосвятіемъ; стѣны окропить святою водой, проговорилъ нерѣшительно отецъ Евлампій, желая поправить свою недогадливость.

— Развѣ у меня въ домѣ черти завелись? снова прервалъ его Семенъ Алексѣевичъ; но тутъ же подавивъ минутный порывъ раздраженія, — я вовсе не съ этою цѣлію приглашалъ васъ къ себѣ, добавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ.

Отецъ Евлампій совершенно растерялся.

— Въ чемъ же въ такомъ случаѣ можетъ состоять помощь моя? едва могъ онъ проговорить, запинаясь.

— Какъ въ чемъ? Въ посредничествѣ и умиротвореніи враждующихъ сторонъ. Это ваша прямая обязанность. Вѣдь убіеніе Василія Васильевича есть только одно звено изъ ряда извѣстныхъ вамъ оскорбительныхъ поступковъ со стороны Сущова.

— Но если онъ убилъ его по невѣдѣнію о его принадлежности? спросилъ нерѣшительно отецъ Евлампій.

— Еслибъ и такъ, то узнавъ чей онъ, развѣ не долженъ онъ былъ немедленно извиниться, если не лично, то хотя черезъ письмо?

— Казалось бы такъ, согласился тотъ, сообразивъ дѣло.

— Вѣдь удовлетворилъ же онъ Кузьму ключника за искалѣченную свинью денежнымъ вознагражденіемъ; долженъ былъ удовлетворить и меня сообразно съ моимъ званіемъ и положеніемъ.

— Дѣло прямое.

— Я впрочемъ не только не прошу васъ быть моимъ парламенертомъ, но даже не желалъ бы, чтобъ онъ зналъ, что вы пришли къ нему вслѣдствіе нашего разговора. Вы можете зайти для переговоровъ по церковнымъ дѣламъ,—благо онъ принимаетъ въ нихъ непрошенное участіе, а тамъ объяснить ему дѣйствіе, которое произвелъ на насъ его послѣдній поступокъ, что Анна Гавриловна жестоко оскорблена имъ, и онъ конечно какъ порядочный человѣкъ поспѣшитъ загладить вину свою.

— А если онъ рѣчь поведетъ о школѣ? спросилъ нерѣшительно, не глядя на Поморцева, отецъ Евлампій. Онъ вспомнилъ, что жена, отпуская его, наказывала ему при случаѣ не забыть ввернуть слово объ этомъ такъ интересовавшемъ ее вопросѣ.

— Скажите, что я подъ впечатлѣніемъ полученнаго оскорбленія ни о чемъ говорить не въ состояніи. Вотъ когда дѣло это уладится удовлетворительнымъ образомъ, тогда приходите, — поговоримъ.

Хотя словами этими Поморцевъ ровно ничего не обѣщалъ, но тѣмъ не менѣе они нѣсколько ободрили отца Евлампія: «стало быть соглашеніе на счетъ устройства школы еще возможно, сообразилъ онъ; но надо напередъ умиротворить враждующія стороны». И онъ безъ дальнѣйшихъ возраженій и колебаній принялъ на себя роль умиротворителя.

Отъ Поморцевыхъ онъ пошелъ было прямо къ Сущову, обдумывая дорогою какъ бы пополитичнѣе выполнить принятую на себя роль; но, проходя мимо своего дома, остановленъ былъ женою, еще издали махавшею ему рукою. Ей хотѣлось знать зачѣмъ онъ приглашенъ былъ къ Поморцевымъ и она просмотрѣла уже всѣ глаза въ ожиданіи его возвращенія.

— Ну что?—спросила она, когда они вошли въ домъ.

Отецъ Евлампій объяснилъ ей всю суть.

— Ну какой же ты послѣ этого будешь попъ? сказала та, выслушавъ его до конца —Кабы дѣло еще шло объ овцахъ, я бы ни слова: пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Толковать же о свиньяхъ, а кольми паче о котахъ, дѣло вовсе не поповское. Тебя и теперь отецъ Матвѣй соломатой величаетъ, а тогда и вовсе кошатникомъ обзоветъ.

Долго, но безуспѣшно изощрялъ отецъ Евлампій свои умственныя способности, чтобы растолковать ей, что дѣло шло не о котахъ и свиньяхъ, а о людяхъ, а слѣдовательно объ овцахъ, и получилъ разрѣшеніе ея на исполненіе принятой имъ на себя роли лишь тогда, когда объявилъ ей соображенія, заставившія его принять ее на себя.

— Однако же смѣкалка-то у тебя есть, говорила она, провожая его на крыльцо. —Поди—жь ты. Нѣтъ; попъ-то ты у меня умный; лишь зря славушка такая про тебя пропущена. Ну, ступай же, ступай себѣ въ часъ добрый.

Не легкую обузу взялъ на себя отецъ Евлампій, и чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому Сущова, тѣмъ болѣе оставляло его гражданское мужество, и, еслибъ, войдя на господскій дворъ не видѣлъ, что былъ уже замѣченъ стоявшимъ на крыльцѣ лакеемъ въ ливрейномъ фракѣ и штиблетахъ и шедшею съ погреба ключницею, то конечно воротился бы назадъ.

Сущовъ принялъ его въ кабинетѣ, сидя на диванѣ за стаканомъ чая съ сигарою въ зубахъ.

— А, милости просимъ, сказалъ онъ ему, указывая на стоявшее подлѣ дивана кресло.—Что новенькаго?

Онъ предложилъ ему чаю, но отецъ Евлампій отказался.— «И безъ того взопрѣлъ», сказалъ онъ утирая лицо платкомъ.

Усѣвшись на кресло, онъ нѣсколько сосредоточился, чтобы прослѣдить еще разъ въ головѣ заранѣе обдуманный планъ предстоявшаго разговора. Какъ по наставленію Поморцева,

такъ и по собственному его соображенію онъ долженъ былъ начать его съ церковныхъ дѣлъ и отъ нихъ незамѣтно перейти къ настоящему предмету его посѣщенія. Планъ былъ дѣйствительно хорошъ, такъ какъ онъ такимъ образомъ являлся не сторонникомъ Поморцева, а какъ бы безпристрастнымъ посредникомъ и слѣдовательно легче могъ умиротворять враждующія стороны. Отецъ Евлампій уже было откашлянулся чтобы приступить къ дѣлу, какъ спохватился, что изъ церковныхъ дѣлъ, о которыхъ могъ бы говорить съ Сущовымъ, у него только и было одно, — дѣло объ устройствѣ сельской школы на собранныя Поморцевымъ деньги для сооруженія придѣла, и что ему не только говорить объ этомъ дѣлѣ, но и намекать на него ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало. Это обстоятельство привело его въ совершенное смущеніе, и чѣмъ болѣе придумывалъ онъ какъ бы выйти изъ неловкаго положенія, тѣмъ болѣе становился въ тупикъ. «Хоть бы какое-нибудь подвернулось», думалъ онъ; но какъ нарочно ровно никакого не подвертывалось. Правда вспомнилъ онъ, что наканунѣ дьячокъ, раздувая уголь въ жаровнѣ, опалилъ себѣ половину бороды, такъ что сталъ похожъ на арестанта; припомнилось ему и то, что дней за пять предъ тѣмъ дьяконъ по ошибкѣ записалъ въ метрикахъ новокрещеннаго младенца мужескаго пола Гликеріей. Все это конечно были церковныя дѣла,—слова нѣтъ; но все же не такія, чтобы можно было для переговоровъ о нихъ придти къ Сущову. А между тѣмъ тотъ видимо ждалъ, чтобъ онъ объяснилъ ему причину своего прихода. Отецъ Евлампій отъ души проклиналъ себя за то, что взялся за такое непосильное для него порученіе. «Ужь подлинно, что соломата, бранилъ онъ себя; не даромъ мнѣ въ семинаріи такая кличка дана» Но какъ ни поучительны были эти размышленія, они дѣла не подвигали впередъ. «Что жь, рѣшилъ онъ наконецъ, — была не была, чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Не съ азоваго, такъ начнемъ съ хазоваго.»

— Я къ вамъ въ качествѣ посредника отъ оскорбленныхъ вами лицъ, сказалъ онъ вдругъ, обращаясь къ Сущову. Слова эти онъ произнесъ съ несвойственною ему рѣшимостью видно было что онъ насиловалъ себя.

— Отъ оскорбленныхъ мною лицъ? спросилъ Сущовъ.—Отъ кого же? это довольно любопытно.

— Отъ близкихъ сосѣдей вашихъ: Семена Алексѣевича и Анны Гавриловны Поморцевыхъ.

— Но какъ же могъ я оскорбить ихъ, когда одного видѣлъ лишь разъ мелькомъ въ церкви, а другой вовсе никогда въ глаза не видалъ.

— Оскорбленіе нанесено вами имъ не лично, сказалъ отецъ Евлампій, затрудняясь разъясненіемъ этой щекотливой стороны дѣла.

— Какимъ же это образомъ? продолжалъ спрашивать Сущовъ, видимо заинтересованный загадочностію объясненія.

— Оно нанесено имъ вами въ лицѣ..., началъ было отецъ Евлампій, но дойдя до послѣдняго слова, остановился. Сказать въ лицѣ кота и свиньи онъ не рѣшался—такъ слова эти, казалось, ему дико должны были прозвучать въ ушахъ Сущова, и пріискивалъ въ головѣ какъ бы выразиться болѣе приличнымъ и менѣе оскорбительнымъ для слуха образомъ.

— Въ лицѣ? вопросительно повторилъ Сущовъ.

— Скотовъ, проговорилъ отецъ Евлампій такъ тихо, что едва могъ разслышать свои собственныя слова.

— Скотовъ, протянулъ удивленно Сущовъ.—Какихъ же это такихъ скотовъ?

Отецъ Евлампій готовъ былъ сквозь землю провалиться; одно время ему даже показалось, что и потолокъ надъ его головою обрушивается и кресло подъ нимъ подламывается.

— Анну Гавриловну въ лицѣ любимца ея Василія Васильевича, пробормоталъ онъ тѣмъ же невнятнымъ говоромъ. —

Семена же Алексѣевича въ лицѣ... чухны. отрѣзалъ онъ, благо слово это подвернулось ему на языкъ.

— Василій Васильевичъ, чухна, повторилъ Сущовъ, какъ бы стараясь припомнить или отгадать какія бы это могли быть такія личности – Не помню, сказалъ онъ наконецъ;—и почему же вы ихъ назвали скотами? я право, батюшка, ничего изъ всего этого не понимаю.

Отецъ Евлампій окончательно растерялся и не болѣе его понималъ самъ что говорилъ. На него точно нашелъ какой-то столбнякъ. «Страшно оскорблены, кровно обижены», повторилъ онъ, точно разговаривая самъ съ собою; «даже въ домѣ нечисть завелась: то хрюкаетъ, говорятъ, то мяукаетъ. Послушать,—такъ оторопь беретъ».

— Объяснитесь же наконецъ что и о комъ вы говорите? спросилъ, пристально взглянувъ на него Сущовъ.

Во взглядѣ этомъ было и недоумѣніе и даже какъ бы опасеніе за состояніе его умственныхъ способностей,—точно онъ спрашивалъ его: «ужь полно не пьянъ ли ты, батька, или не спятилъ ли съ послѣдняго?»

Послѣдовало молчаніе. Отецъ Евлампій мало-по-малу пришелъ въ себя и, сообразивъ, что надо же наконецъ такъ или иначе объяснить въ чемъ было дѣло и, не находя другаго исхода, рѣшился безъ дальнихъ обиняковъ высказать Сущову все напрямикъ.

Тотъ, выслушавъ его, въ первое мгновеніе продолжалъ смотрѣть на него все тѣмъ же недоумѣвающимъ взглядомъ, точно не могъ сразу понять настоящаго смысла слышаннаго имъ и, лишь уяснивъ себѣ какъ слѣдуетъ суть дѣла, разразился громкимъ смѣхомъ. «Такъ вотъ кто Василій Васильевичъ и чухна», говорилъ онъ, задыхаясь отъ разбиравшаго его истерическаго смѣха. Хохотъ этотъ впрочемъ не только не оскорбилъ, даже не сконфузилъ отца Евлампія; напротивъ

онъ благодѣтельно подѣйствовалъ на него подобно тому какъ дѣйствуетъ на угорѣвшаго нашатырный спиртъ: онъ какъ бы снялъ съ него давившій его кошмаръ.

— Вы можете совершенно успокоить Поморцевыхъ, сказалъ наконецъ Сущовъ, нахохотавшись вдоволь.—Скажите имъ, что я оскорблять ихъ никогда никакого намѣренія не имѣлъ, что свинья изувѣчена не только не по моему приказанію, но и безъ моего вѣдома, и что за этотъ звѣрскій поступокъ я тогда же сдѣлалъ караульному строгій выговоръ. Что же касается до кота, то я убилъ его на мѣстѣ преступленія, не зная что онъ принадлежалъ г-жѣ Поморцевой и что онъ былъ ей такъ дорогъ. Да и скажу вамъ откровенно, что еслибы нашелся добрый человѣкъ, который перестрѣлялъ бы всѣхъ моихъ кошекъ, особенно тѣхъ. которыя гоняются за соловьями, то конечно отъ меня кромѣ спасибо ничего не услыхалъ бы.

— Но вѣдь Василій Васильевичъ былъ котъ незаурядный, возразилъ отецъ Евлампій, успѣвшій уже оправиться отъ своего замѣшательства, и онъ почти слово въ слово передалъ все слышанное имъ за часъ предъ тѣмъ отъ Поморцева о причинахъ привязанности жены его къ Василію Васильевичу.

Сущовъ выслушалъ его съ открытыми ртомъ и глазами, и когда тотъ кончилъ, разразился новымъ взрывомъ гомерическаго хохота. «Да это прекуріозные люди, подумалъ онъ, какіе-то старосвѣтскіе помѣщики, какихъ уже теперь не найдешь; надо непремѣнно познакомиться съ ними.»

— Чего же наконецъ они отъ меня хотятъ? спросилъ онъ, обратившись къ отцу Евлампію.

— Желаютъ, чтобы вы дали имъ приличное ихъ званію и положенію удовлетвореніе.

— Но какое же именно?

— Вопервыхъ, чтобы вы извинились предъ ними.

— Съ удовольствіемъ, и если вы уже взяли на себя въ

этомъ дѣлѣ посредничество, то потрудитесь передать имъ, что я крайне жалѣю о случившемся и что, если они считаютъ себя оскорбленными мною, то прошу у нихъ извиненія.

— Такъ-съ, сказалъ, обдумывая дѣло, отецъ Евлампій—но будетъ ли этого достаточно для полнаго удовлетворенія ихъ оскорбленной чести? Сколько я могъ понять изъ словъ ихъ, имъ желательно бы было, чтобы вы извинились предъ ними лично или письменно.

— Но для чего же это нужно, если я прошу у нихъ извиненія черезъ васъ?

— Слова переданныя третьимъ лицомъ не суть осязательный фактъ, а они желаютъ имѣть отъ васъ самоличное и документальное извиненіе. Вотъ хоть бы для примѣра: какъ дали вы ихъ ключнику за свинью семь рублей, такъ тотъ можетъ сказать, что имѣетъ въ рукахъ своихъ вещественное доказательство.

— Но вѣдь не могу же я предложить и имъ денежное вознагражденіе.

— А почему бы и не такъ? взглянулъ на него вопросительно отецъ Евлампій.

Слова эти совершенно озадачили Сущова.

— А потому, сказалъ онъ, запинаясь,—что между ними и ихъ ключникомъ есть небольшая разница и они имѣли бы полное право оскорбиться однимъ предложеніемъ такого вознагражденія.

— А по-моему такъ тутъ обиднаго ровно ничего нѣтъ.

— По-вашему можетъ-быть, сказалъ улыбаясь Сущовъ;—но конечно Поморцевы на принятіе отъ меня такого вознагражденія васъ не уполномочивали.

— Семенъ Алексѣевичъ мнѣ прямо сказалъ: вѣдь вознаградилъ же онъ Кузьму семью рублями; почему же онъ и меня сообразно моему чину и званію вознаградить не хочетъ?

— Такъ ли вы эти слова поняли?

— Чего же тутъ понимать? Дѣло кажется ясное.

«А чортъ ихъ знаетъ», подумалъ Сущовъ, «вѣдь здѣсь глушь непроходимая. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ по ихъ понятіямъ вещественный ущербъ требуетъ безусловно и вещественнаго вознагражденія. По здравому смыслу оно и дѣйствительно должно бы быть такъ.» И онъ задумался.

«Видно съ денежками-то не такъ легко разставаться», соображалъ, поглядывая на него искоса отецъ Евлампій.

— Если вы убѣждены, что Поморцевы желаютъ получить съ меня денежное вознагражденіе, сказалъ наконецъ не совсѣмъ рѣшительно Сущовъ,—то прошу васъ передать имъ, что я готовъ дать имъ его въ томъ размѣрѣ какой они сами назначатъ. Довольны вы?

Отецъ Евлампій дѣйствительно былъ вполнѣ доволенъ такимъ успѣшнымъ исходомъ своего парламентерства и, откланявшись Сущову, поспѣшилъ къ Поморцевымъ отдать имъ въ немъ отчетъ.

«А жаль», думалъ онъ, сходя съ крыльца, что я не спросилъ у Семена Алексѣевича какимъ бы онъ вознагражденіемъ удовольствовался; а то мы тутъ, глядишь, и все дѣло повершили бы. И я бы вмѣсто отвѣта ему чистыя денежки принесъ. Ну да всего не сообразишь, хорошо и такъ кажется все оборудовалъ.»

Конечно, еслибъ отецъ Евлампій имѣлъ окрыленныя ноги Меркурія, то и тогда при тучности своей не могъ бы скорѣе совершить перехода отъ Сущова къ Поморцевымъ, какъ совершилъ онъ его въ этотъ день, окриленный удачнымъ, по понятіямъ его, исполненіемъ возложеннаго на него порученія. Онъ даже не зашелъ и домой, несмотря на то что жена его, не сходившая съ самаго его ухода съ крыльца, звала его не только рукою, но и крикливымъ своимъ голосомъ. Онъ въ отвѣтъ ей лишь махнулъ носовымъ клѣтчатымъ платкомъ

которымъ неустанно утиралъ катившійся градомъ по лицу потъ. «Не мѣшай молъ; теперь не время, опосля разкажу.»

Поморцевы сидѣли въ угольной комнатѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія; но, какъ ни сильны были волновавшія ихъ чувства, они при появленіи его ничѣмъ не высказали ихъ. Семенъ Алексѣевичъ указалъ отцу Евлампію на кресла, на которыхъ тотъ сидѣлъ за два часа предъ тѣмъ, приглашая его присѣсть. Отецъ Евлампій молча сѣлъ, продолжая утирать платкомъ лицо.

— Кажется выполнилъ порученіе ваше съ Божіею помощію желательнымъ образомъ, сказалъ онъ наконецъ, переведя духъ.

— Письмо есть? спросилъ Поморцевъ.

— Да его и не нужно: отвѣчалъ отецъ Евлампій, обмахиваясь свернутымъ въ комокъ платкомъ.

— Стало-быть самъ пріѣдетъ?

— Не обѣщался; а поручилъ мнѣ передать вамъ свое извиненіе. Говоритъ: очень соболѣзнуетъ о случившемся и...

— Что мнѣ въ его соболѣзнованіи,—не веревки изъ него вить, не далъ ему договорить Семенъ Алексѣевичъ, не могшій на этотъ разъ, несмотря на всегдашнее свое хладнокровіе и умѣнье владѣть собою, сдержать порывъ овладѣвшаго имъ негодованія. — Мнѣ нуженъ фактъ. Понимаете ли вы фактъ, который во все услышаніе самъ бы говорилъ за себя.

— Я ему такъ и объяснилъ, и онъ говоритъ, что готовъ дать вамъ удовлетвореніе какое сами пожелаете.

Слова эти совершенно озадачили Поморцева: точно кто вылилъ на него ведро холодной воды. Онъ выкатившимися глазами молча посмотрѣлъ на отца Евлампія; сердце его забилось какою-то еще незнакомою ему тревогой, даже руки затряслись какъ въ лихорадкѣ. «Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу», думалъ онъ про себя. «Обкарналъ свинью, убилъ кота... и вдобавокъ готовъ еще, говоритъ, дать удовлетвореніе. И

дернулъ же меня чортъ эту долгогривую соломату послать для объясненія. Заварилъ кашу, а разхлебывать-то ее придется мнѣ. Не доставало бы только чтобъ онъ за мое же добро да пулю мнѣ въ лобъ всадилъ, или ребра переломалъ. И по дѣломъ было бы тебѣ, старому дурню.»

— Какого же рода удовлетвореніе? проговорилъ онъ дрожавшимъ, едва внятнымъ голосомъ.

— Какое, говоритъ, положите,—на все согласенъ.

— Положите? потворилъ вопросительно Поморцевъ.

Слово «положите» довало совершенно другой оборотъ дѣлу Въ головѣ его словно помутилось. Чувство оскорбленнаго самолюбія взяло верхъ даже надъ чувствомъ самосохраненія, можетъ быть и потому что съ этой стороны ему не угрожало болѣе никакой опасности. «Такъ вотъ оно какое удовлетвореніе», сказалъ онъ чуть не вслухъ. Кровь, только-что прихлынувшая было къ сердцу, всею своею силой ударила ему въ голову; краска багровыми пятнами выступила на лицѣ его. Съ минуту сидѣлъ онъ недвижимъ, точно столбнякъ нашелъ на него. Что онъ въ эту минуту передумалъ и перечувствовалъ, я передать не берусь; скажу только, что, когда онъ очнулся, на сердцѣ у него какъ будто полегчало. Какъ ни сильно возмутили его послѣднія слова отца Евлампія, все же онъ чувствовалъ теперь у себя подъ ногами почву, за минуту же предъ тѣмъ онъ точно висѣлъ вздернутый на воздухъ, даже дыханіе занялось и голова пошла кругомъ; вѣдь стать подъ дуло заряженнаго пистолета, особенно тому, кто и до незаряженнаго дотронуться боялся,—часомъ бы не выстрѣлилъ, куда какъ было бы не красиво. Семенъ Алексѣевичъ взглянулъ на Анну Гавриловну; та сидѣла ни жива, ни мертва.

— Стало-быть Сущовъ предлагаетъ мнѣ денежное вознагражденіе? спросилъ онъ наконецъ отца Евлампія.

— И въ какомъ размѣрѣ сами назначите, добавилъ тотъ съ торжествующимъ видомъ.

— Да полно такъ ли поняли вы слова его? спросила недовѣрчиво Анна Гавриловна.

«И въ самомъ дѣлѣ такъ ли еще понялъ онъ ихъ», не безъ сердечной тревоги подумалъ Семенъ Алексѣевичъ.

И Поморцевы попросили его передать имъ слово въ слово весь разговоръ съ Сущовымъ.

Легко себѣ представить какое дѣйствіе произвелъ на нихъ этотъ разсказъ. Такъ неудачно выполненное отцомъ Евлампіемъ порученіе ставило ихъ въ безвыходное положеніе: посольство это, на которое они возлагали всѣ свои надежды, потерпѣло фіаско, и притомъ фіаско неисправимое. До сихъ поръ они можетъ-быть еще могли бы тѣмъ или другимъ путемъ добиться отъ Сущова личнаго или письменнаго объясненія; теперь же, послѣ переданнаго имъ отцомъ Евлампіемъ извиненія требовать другаго было уже немыслимо. Придраться къ предложенію денежнаго вознагражденія также было нельзя, такъ какъ оно сдѣлано было не Сущовымъ; онъ даже всячески отъ него уклонялся и оно было, такъ-сказать, вынуждено у него отцомъ Евлампіемъ, а слѣдовательно и оскорбленіе было нанесено имъ, а не Сущовымъ. Думалъ было Семенъ Алексѣевичъ написать ему по этому предмету объяснительное письмо, но разсудилъ, что оно ни къ чему не повело бы, лишь дало бы пищу пересудамъ и пересмѣшкамъ между сосѣдями. Горе обуяло Поморцевыхъ. По нѣскольку часовъ въ день простаивалъ Семенъ Алексѣевичъ предъ окномъ, обдумывая и передумывая дѣло, но ничего удовлетворительнаго придумать не могъ; даже давленіе скользившихъ по стекламъ комаровъ не приносило ему уже никакого облегченія. А между тѣмъ и такъ бросить дѣло было нельзя. Оставалась лишь одна надежда устроить его маломальски подходящимъ образомъ: приближались именины Лядовой. «Конечно на нихъ

будетъ Сущовъ, думалъ Поморцевъ; Лядовъ познакомитъ насъ; я объяснюсь съ нимъ и онъ безъ сомнѣнія повторитъ мнѣ при всѣхъ свое извиненіе.» Кстати и Лядовы пріѣзжали къ намъ съ приглашеніемъ. Мысль эта нѣсколько успокоила его.

Насталъ наконецъ и день именинъ. Еще наканунѣ заходила къ Поморцевымъ Рожнова съ извѣстіемъ, что съѣздъ у Лядовыхъ будетъ большой; она даже по этому случаю передѣлала свой чепецъ, въ которомъ безсмѣнно въ продолженіи десяти лѣтъ являлась въ торжественные дни, перекрасивъ самыя ленты его изъ амарантовыхъ въ пюсовыя.

— Какже, трещала она,—Петръ Васильевичъ за винами, да за закусками въ губернію нарочнаго посылалъ; соль вишь какую-то жидкую въ стклянкахъ выписалъ. Не надолго станутъ ему тетушкины деньги; а дѣти, что ни годъ, какъ грибы изъ земли выростаютъ.

Все утро прошло у Поморцевыхъ въ толкахъ и сборахъ. Не мало говорено было, между прочимъ, и о томъ въ которомъ часу ѣхать. Анна Гавриловна настаивала, что слѣдовало ѣхать нѣсколько пораньше, такъ какъ если Сущовъ пріѣдетъ прежде ихъ, то ихъ конечно ждать не будутъ и они застанутъ отъ пирога лишь одни объѣдки; но Семенъ Алексѣевичъ очень резонно возражалъ на это, что Сущовъ вѣроятно рано не пріѣдетъ, и если до пріѣзда его пирога подавать не станутъ, то положеніе ихъ будетъ еще щекотливѣе. Послѣ долгихъ преній рѣшено было ѣхать ровно въ часъ.

Съѣздъ у Лядовыхъ былъ дѣйствительно огромный: Поморцевы, въѣхавъ на дворъ, поражены были множествомъ стоявшихъ на немъ разнокалиберныхъ экипажей. Хозяева встрѣтили ихъ въ передней что очень ободрило ихъ и придало имъ духа. Домъ былъ полонъ гостей; кромѣ близкихъ сосѣдей, тутъ были пріѣзжіе издалека; были даже такіе, которыхъ они никогда у Лядовыхъ и не встрѣчали. Видно было, что они дѣлали кличъ, хотѣли задать пиръ на славу и показать

петербургскому гостю, что люди умѣютъ веселиться не хуже другихъ и въ степной глуши. Анна Гавриловна прошла по залѣ съ своею всегдашнею величественною осанкою, едва отвѣчая легкимъ наклоненіемъ головы на сыпавшіеся ей со всѣхъ сторонъ поклоны и привѣтствія, между тѣмъ какъ Семенъ Алексѣевичъ, остановясь у дверей, сдѣлалъ по обыкновенію всѣмъ присутствовавшимъ одинъ общій поклонъ и сдѣлалъ его такъ, что каждому изъ нихъ казалось, что сдѣланъ былъ онъ именно ему, а не кому либо другому. Посреди залы накрытъ былъ длинный, раздвижной столъ, весь установленный множествомъ разныхъ закусокъ и питій. Вслѣдъ за пріѣздомъ Поморцевыхъ поданъ былъ и пирогъ, что очень польстило ихъ самолюбію; Аннѣ Гавриловнѣ даже показалось страннымъ почему хотя немного не подождали Сущова: но Рожнова тутъ же вывела ее изъ недоумѣнія, объяснивъ, что Сущовъ былъ уже съ поздравленіемъ прямо отъ обѣдни и на приглашеніе пріѣхать къ обѣденному столу сказалъ, что постарается, но слова не даетъ, такъ какъ въ этотъ день именинница его меньшая дочь. Немедленно приступлено было къ рушенію пирога и уничтоженію закусокъ и обѣ эти операціи совершены были съ такою быстротою, что черезъ какихъ-нибудь полчаса столъ представлялъ собою что-то въ родѣ поля сраженія послѣ только-что произошедшей на немъ ожесточенной битвы. Оказана была достодолжная честь и питіямъ, причемъ отставной гусаръ Борзиковъ по обыкновенію выронилъ изъ рукъ рюмку, которая тутъ же разбилась въ дребезги, что единогласно превозглашено было самымъ счастливымъ предзнаменованіемъ для виновницы торжества.

— Что бы вамъ приказать подсунуть ему какой-нибудь кабацкій шкаликъ, сказалъ Лядову Бреховъ;—а то вѣдь онъ подлецъ какъ нарочно что ни есть лучшую граненую рюмку разбилъ.

Послѣ завтрака часть гостей усѣлась за карточные столы,

остальная раздѣлилась на кружки. Говорили о надеждахъ на урожай озимаго хлѣба, о всходахъ яроваго, о погодѣ, лошадяхъ, собакахъ и пр.

— Будутъ продолжительныя ведра; боюсь даже, чтобы не было засухи, говорилъ Поморцевъ сидѣвшему возлѣ него Климушину, — барометръ ужь третій день какъ все пупомъ стоитъ.

— Врутъ всѣ эти барометры, сказалъ тотъ;—нѣтъ лучше тольца да піявокъ; никогда не обманутъ.

— Что допытываться того, чего намъ отъ Бога знать не дано, глубокомысленно замѣтилъ сидѣвшій тутъ же толстый господинъ:—всему положенъ предѣлъ, его же не прейдеши.

Между тѣмъ время шло. Остатки закусокъ и питій перенесены были на разложенный въ сторонѣ ломберный столъ; большой же стали убирать къ обѣду. Лядовъ то и дѣло подводилъ къ закускамъ кого-либо изъ гостей, предлагая подкрѣпиться или кувыркнуть, причемъ разумѣется кувыркалъ и самъ. «Богъ любитъ троицу», говорилъ онъ, если тотъ отговаривался тѣмъ, что прошелся уже по второй, или «безъ четырехъ угловъ изба не строится», если тотъ выпилъ уже три. Иногда, схвативъ упиравшагося гостя за руку, тащилъ онъ его насильно къ столу, говоря что за нимъ недоимка, и не отставалъ отъ него до тѣхъ поръ пока тотъ не соглашался ее пополнить.

— А лихой были бы вы исправникъ, говорилъ ему Брёховъ;—къ концу года ни одной недоимки по уѣзду не оставили бы.

Было уже четыре часа; столъ давно накрытъ, ждали лишь Сущова. Лядовъ тащилъ къ закускѣ какого-то пыхтѣвшаго толстаго господина, увѣряя его, что чудесъ свѣта не восемь а девять, въ чемъ тотъ казалось никакъ согласиться не хотѣлъ, какъ мимо окна мелькнулъ желтый кабріолетъ и блеснула на солнцѣ бѣлая военная фуражка.

— Сущовъ! Сущовъ! пронеслось по залѣ. Сущовъ! откликнулось эхомъ въ гостиной и кабинетѣ. Лядовъ пошелъ встрѣчать его въ переднюю. Предупредительность эта крайне не понравилась Поморцеву, даже покоробила его. «Точно архіерея», проворчалъ онъ сквозь зубы, «еще молодъ для такой встрѣчи,—не доросъ». Пріѣздъ Сущова и обрадовалъ и испугалъ его. Онъ и искалъ съ нимъ встрѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то боялся ея. Онъ былъ въ положеніи больнаго сознающаго необходимость ожидаемой имъ операціи и въ то же время желающаго отдалить моментъ ея совершенія. Сердце его было не на мѣстѣ. Онъ сѣлъ къ окну и, взявъ какую-то валявшуюся на немъ дѣтскую книгу, казалось весь углубился въ нее.

Растворились двери и вошелъ Сущовъ въ сопровожденіи Лядова. Тѣмъ изъ гостей, которые уже успѣли прежде познакомиться съ нимъ и теперь подошли къ нему съ своими привѣтствіями, онъ пожалъ руку; остальнымъ очень вѣжливо поклонился. Всѣ разумѣется отдали ему поклонъ; приподнялся со стула, не сводя глазъ съ книги, и Поморцевъ; тутъ только онъ замѣтилъ, что держалъ ее вверхъ ногами.

Сущовъ прошелъ прямо въ гостиную, очень любезно поклонился сидѣвшимъ въ ней дамамъ и пожалъ руку вставшей ему навстрѣчу Лядовой.

— Ради Бога извините меня, если я заставилъ себя ждать, сказалъ онъ ей. Я впрочемъ предупреждалъ васъ, что можетъ-быть къ обѣду и не пріѣду.—А вотъ это просила меня передать вамъ моя именинница, добавилъ онъ, подавая выбѣжавшимъ къ нему навстрѣчу дѣтямъ бомбоньерки.

— Вы право такъ избаловали ихъ, что они скоро будутъ любить васъ больше меня, сказала, нѣсколько смѣшавшись, Лядова.

— А вотъ кстати позвольте представить вамъ еще незнакомаго вамъ члена моей семьи, сказалъ Лядовъ, указывая на

прыгавшаго на рукахъ пышно разодѣтой кормилицы ребенка.— Это номеръ шестой.

— И конечно послѣдній? добавилъ вопросительно Сущовъ.

— Объ этомъ ужь у нея спросите, отвѣтилъ Лядовъ, показывая на жену. —Леночка! послѣдній что ли?

Лядова покраснѣла до ушей.

— Ты самъ знаешь, что послѣдній, проговорила она въ замѣшательствѣ, укоризненно взглянувъ на мужа.

— Говоритъ послѣдній, заключилъ тотъ очень спокойно, дѣлая ребенку пальцами козу.

Разговоръ этотъ произвелъ на всѣхъ довольно сильное, хотя и далеко не одинаковое впечатлѣніе. Сидѣвшая подлѣ Лядовой среднихъ лѣтъ и повидимому глубоко-нравственная барыня страшно переконфузилась и, желая сдѣлать видъ, что ничего не слыхала, принялась о чемъ-то съ жаромъ разказывать своей сосѣдкѣ, глядѣвшей на нее въ недоумѣніи и никакъ не могшей понять почему она о такомъ пустомъ и нестоющемъ вниманія предметѣ говоритъ съ такимъ увлеченіемъ. Другой, очень смазливой и молоденькой барынькѣ разговоръ этотъ напротивъ казалось пришелся очень по вкусу: она пріятно улыбалась и искоса лукаво посматривала то на Лядову, то на Сущова. Старуха Сомова, не разслыхавшая и половины разговора, переносила съ одного на другаго свои выкатившіеся глаза, какъ бы желая по выраженію лицъ угадать о чемъ шло дѣло. Что же касается до Поморцевой, то она въ эту минуту похожа была на кошку, которая, увидавъ вбѣжавшую собаку, враждебно слѣдитъ за нею и, ощетинивъ шерсть и конвульсивно взмахивая хвостомъ, на самыя ласки ея отвѣчаетъ злобнымъ ехиднымъ шипѣньемъ. Еще одно слово и она казалось готова была броситься и на Лядова и на Сущова, а за ними пожалуй и на самое Лядову и выместить на нихъ накипѣвшее у ней на сердцѣ зло. Даже Рожнова, раздѣляя

общее смущеніе, нюхнула не въ ту ноздрю и тутъ же громко раскашлялась.

— Ну, теперь пойдемте кувыркнуть предъ обѣдомъ, сказалъ Лядовъ Сущову, уводя его въ залу. Выпилъ при этомъ разумѣется и онъ, чуть ли ужь не десятую рюмку: но вино не производило на него одурѣвающаго дѣйствія,—оно развивало лишь въ немъ какое-то благодушество. Тутъ познакомилъ онъ Сущова съ кое-кѣмъ изъ гостей, въ числѣ ихъ и съ Поморцевымъ. На поклонъ Сущова тотъ какъ и прежде привсталъ со стула, даже поднялъ на него глаза; но тутъ же снова опустилъ ихъ на книгу, которую казалось читалъ съ большимъ вниманіемъ.

«Теперь не время объясняться, разсуждалъ онъ самъ съ собой; ужь разставляютъ тарелки съ супомъ, да и этотъ проклятый Брёховъ торчитъ тутъ какъ чучело какое. А главное онъ боялся, чтобы кто-либо не предупредилъ его и не вывелъ Лядову въ залу въ первой парѣ, что онъ счелъ бы для себя большимъ афронтомъ. Дѣйствительно вскорѣ же двинулись изъ гостиной дамы и онъ имѣлъ честь провесть хозяйку дома церемоніальнымъ шагомъ на ея мѣсто.

Размѣщеніе гостей за обѣденнымъ столомъ всегда составляло одну изъ важныхъ статей деревенскаго этикета. По концамъ стола обыкновенно помѣщаются хозяинъ и хозяйка и. начиная отъ нихъ, размѣщаются гости по степенямъ уменьшающихся показателей, такъ что середину его занимаютъ меньшія величины при чемъ дамы садятся со стороны хозяйки, а мущины со стороны хозяина. Такъ, разумѣется, было и здѣсь: Лядовъ посадилъ возлѣ себя съ одной стороны Сущова, а съ другой Поморцева, такъ что имъ пришлось сидѣть другъ противъ друга. Это ставило послѣдняго въ неловкое положеніе: вступить въ объясненіе съ Сущовымъ во время обѣда было неудобно, принять же участіе въ общемъ съ нимъ разговорѣ, напередъ не объяснившись съ нимъ и не выслу-

шавъ его извиненія, ему не хотѣлось, а потому онъ рѣшился молчать, что впрочемъ, конечно, не мѣшало ему наблюдать за нимъ. Какъ онъ ни былъ противъ него вооруженъ, но вскорѣ же долженъ былъ согласиться, что Сущовъ былъ человѣкъ далеко не глупый, даже остроумный; ни въ обращеніи, ни въ разговорѣ его не было ничего ни надменнаго, ни натянутаго; со всѣми былъ онъ ровенъ и обходителенъ, не прочь былъ, какъ видно было, при случаѣ и подкутнуть; по крайней мѣрѣ онъ не отказывался отъ предлагаемыхъ ему Лядовымъ возліяній и они въ теченіи обѣда вдвоемъ въ глазахъ его опорожнили не одну бутылку. «Странное дѣло, думалъ Поморцевъ,—какъ, подумаешь, наружность-то обманчива. Трудно бы казалось такому человѣку быть злымъ и мстительнымъ, а между тѣмъ по поступкамъ его со мною...» И онъ еще съ большимъ любопытствомъ принимался наблюдать за своимъ vis-à-vis. Не разъ при этомъ глаза ихъ встрѣчались и во взглядѣ Сущова казалось ничего не было ни насмѣшливаго, ни злаго; точно и онъ съ своей стороны съ тѣмъ же любопытствомъ всматривался въ него. Разъ какъ-то въ такую минуту взглянулъ на нихъ и Лядовъ и будто чему-то улыбнулся.

Обѣдъ сначала шелъ тихо и чинно, но чѣмъ болѣе приближался къ концу, тѣмъ становился шумнѣе. Розлито было наконецъ и шампанское при залпѣ взлетѣвшихъ къ потолку пробокъ, что считалось также обязательнымъ какъ обязательно вскрикивали при этомъ сидѣвшія за столомъ барыни, нестолько вслѣдствіе слабости нервъ, сколько изъ опасенія за свои наряды и шелковыя платья, подвергавшіеся при этой операціи не малому риску. Затѣмъ настало глубокое молчаніе въ ожиданіи провозглашенія заздравнаго тоста.

На всѣхъ именинныхъ и подобныхъ ему обѣдахъ провозглашалъ его обыкновенно Поморцевъ. Честь эта представлялась ему какъ по лѣтамъ его, такъ и по почету, которымъ

онъ пользовался среди Трескинцевъ. Онъ очень дорожилъ ею, какъ общепризнаннымъ за нимъ правомъ, и исполнялъ эту общественную должность съ особою торжественностію. Не безъ сердечнаго замиранія ожидалъ онъ на этотъ разъ наступленія этой роковой для себя минуты. «Ну что, если вдругъ Сущовъ предупредитъ меня?» думалъ онъ и невольно искоса посмотрѣлъ на него. Глаза ихъ снова встрѣтились. Сущовъ не двигался, даже будто спрашивалъ его: что же вы не дѣлаете своего дѣла? Взглянулъ на него и Лядовъ; во взглядѣ его, казалось ему, прочелъ онъ тотъ же самый вопросъ. Поморцевъ ободрился. Онъ медленно всталъ или лучше сказать выросъ изъ среды его окружавшихъ и громкимъ, подобающимъ случаю голосомъ провозгласилъ за здоровье виновницы торжества. Онъ сказалъ или хотѣлъ сказать еще что-то; но слова его покрыты были гуломъ голосовъ и шумомъ отодвигавшихся стульевъ. Точно гора свалилась съ плечъ его. Лядовъ всталъ и съ бокаломъ въ рукѣ пошелъ къ женѣ; вслѣдъ за нимъ отправился и Сущовъ; но Поморцевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства остался на мѣстѣ. Когда Лядовъ воротился, онъ поздравилъ его съ дорогою именинницей; какъ бы сговорясь, въ одно съ нимъ время поздравилъ его и Сущовъ. Всѣ три бокала чокнулись вмѣстѣ.

— Вотъ такъ-то, сказалъ Лядовъ и, опорожнивъ бокалъ, казалось о чемъ-то задумался. Масляные глаза его смотрѣли какъ-то особетно умильно. Видно было, что совершенныя имъ возліянія, несмотря на его атлетическую натуру, начинали оказывать на него свое дѣйствіе, которое и теперь какъ и всегда выражалось какимъ-то благодушествомъ, или если можно такъ выразиться, любвеобиліемъ.

— Какъ посмотрю я на васъ, обратился онъ вдругъ къ Поморцеву, — человѣкъ вы умный и всѣми уважаемый, а за какую-нибудь свинью, чортъ бы ее побралъ, или за ледящаго кота подымаете гвалтъ на все село, и, не разобравъ дѣла

какъ слѣдуетъ, человѣка живьемъ проглотить готовы.

— Я не понимаю что вы хотите этимъ сказать, едва могъ проговорить Поморцевъ, совершенно озадаченный такимъ неожиданнымъ къ нему обращеніемъ.

— Будто я не видѣлъ, продолжалъ Лядовъ, —что вы, —и онъ указалъ на Сущова, —во весь обѣдъ другъ на друга косились какъ аспиды какіе.

Слова эти сказаны были такъ громко, что обратили на себя общее вниманіе. Всѣ притихли; нѣкоторые изъ сидѣвшихъ за столомъ даже нагнулись впередъ, чтобы лучше разслушать происходившій разговоръ, причемъ Рожнова, подстрекаемая своимъ всегдашнимъ любопытствомъ, такъ сильно налегла грудью на край своей тарелки, что та съ только-что наложеннымъ на нее мороженымъ опрокинулась къ ней на колѣни.

— Употребленныя вами выраженія и сравненія такъ неумѣстны и оскорбительны, сказалъ обиженнымъ тономъ Поморцевъ.—что еслибы....

— Ну вотъ еще когда вздумали обижаться, перебилъ его Лядовъ.—Развѣ вы не видите, что не языкъ говоритъ, а сердце. Дѣло не въ словахъ. Назовите меня хоть Обругаемъ Вопилычемъ, я все буду знать, что вы не собаку какую кличите, а меня хотите по имени и отчеству назвать.

Если слова Лядова такъ оскорбили Поморцева, то на Сущова они произвели совершенно противоположное дѣйствіе: онъ съ трудомъ могъ воздержаться отъ разбиравшаго его смѣха; слѣдовавшій же за тѣмъ разговоръ до того заинтересовалъ его своею оригинальностію, что онъ совсѣмъ забылъ, что былъ въ этомъ дѣлѣ участвующимъ лицомъ.

— Но на все же есть приличіе, всему есть предѣлъ... началъ было Поморцевъ.

— Да полно же вамъ чиниться, перебилъ его снова Лядовъ,— какіе тутъ предѣлы, когда душа наружу просится? Давайте-

ка лучше сюда ваши руки. И, не дожидаясь отвѣта, онъ съ такою силой схватилъ и потянулъ къ себѣ руки Сущова и Поморцева, что послѣдній, хотѣвшій свою отдернуть, волей-неволей долженъ былъ отказаться отъ этой попытки.

— Я впрочемъ никогда не думалъ, да и не могъ, не имѣя чести быть знакомымъ, ссориться съ ними, говорилъ онъ, запинаясь;—для меня казалось лишь необъяснимымъ, что...

— А вотъ мы сейчасъ все объяснимъ, порѣшилъ Лядовъ, соединивъ его руку съ рукою Сущова и вложивъ ихъ одну въ другую.—Пусть день именинъ жены будетъ днемъ мира и согласія. Эй, шампанскаго! Господа! — обратился онъ къ гостямъ,—выпьемте за здоровье всѣми нами уважаемаго Семена Алексѣевича и новаго дорогаго сосѣда Александра Николаевича Сущова.

Тостъ былъ принятъ сочувственно при восторженныхъ крикахъ и громѣ стучавшихъ о столъ ножей и тарелокъ.

Всѣ вышли изъ-за стола въ самомъ веселомъ настроеніи духа; не былъ доволенъ собою лишь Поморцевъ. «А съ Сущовымъ объясниться все-таки мнѣ не удалось, думалъ онъ. Положимъ, что онъ предложилъ мнѣ это денежное вознагражденіе не по своей иниціативѣ, но все же предложилъ его, стало-быть со словъ отца Евлампія составилъ обо мнѣ понятіе какъ о человѣкѣ, съ которымъ и дѣло чести можно покончить денежною сдѣлкой». Мысль эта мучила его; а между тѣмъ онъ видѣлъ, что теперь было не время и не мѣсто для такого объясненія. «Казалось бы, утѣшалъ онъ себя, послѣ этой мировой ему слѣдовало бы наконецъ пріѣхать ко мнѣ съ визитомъ и тогда, конечно, я могъ бы объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ и дать ему понять какихъ я правилъ человѣкъ. Ну, а если онъ и теперь не сочтетъ нужнымъ ѣхать ко мнѣ, тогда какъ?» И онъ среди общаго ликованія озабоченно ходилъ съ думою своей.

— Послушайте, сказалъ Лядовъ Сущову; — ублаготворите ужь вы и старуху, волкъ ее заѣшь. Извинитесь предъ нею.

— Охотно, засмѣялся тотъ; — мнѣ даже очень было бы любопытно взглянуть на нее поближе.

Лядовъ тутъ же объявилъ Поморцеву о желаніи Сущова познакомиться съ его женой и извиниться предъ нею. Тотъ, разумѣется, былъ очень радъ и повелъ его въ гостиную, гдѣ около стола съ десертомъ было въ сборѣ все дамское общество. Анна Гавриловна чинно сидѣла на диванѣ.

— Александръ Николаевичъ желаетъ познакомиться съ тобою, сказалъ онъ, подводя къ ней Сущова.

— И извиниться предъ вами въ сдѣланной вамъ мною безъ всякаго умысла непріятности, добавилъ тотъ, стараясь не смотрѣть на Поморцеву чтобы не фыркнуть ей прямо въ глаза.—Повѣрьте: еслибъ я зналъ, что котъ принадлежалъ вамъ и что вы такъ были къ нему привязаны, у меня никогда рука на него не поднялась бы.

Анна Гавриловна привстала; но какъ ни радостно забилось ея сердце, лицо ея не выразило ни удовольствія, ни злорадства, ни даже натянутой улыбки привѣтствія; казалось извиненіе Сущова лишь пробудило въ ней улегшееся на время чувство оскорбленнаго самолюбія.

— Дѣйствительно, отвѣтила она сухо;—поступокъ вашъ не только огорчилъ, но и оскорбилъ меня, такъ какъ....

— Повинной головы и мечъ не сѣчетъ, вмѣшался подошедшій Лядовъ, на котораго винные пары болѣе и болѣе производили свое дѣйствіе.—Вѣдь ужь прошлаго не вернете: мертвыхъ и людей съ погоста не таскаютъ, а ободраннаго кота и подавно.

— Полно тебѣ глупости говорить, бросилась къ нему жена, стараясь зажать ему ротъ рукой.

— Что же я такое сказалъ? оправдывался тотъ.—Я говорю, что лежачаго не бьютъ, и если Александръ Николаевичъ

повинился, такъ и Аннѣ Гавриловнѣ таращиться да тетериться нечего.

— Вы сегодня какъ-то особенно не разборчивы на выраженія, замѣтилъ Семенъ Алексѣевичъ; но слова эти произнесены были имъ уже не прежнимъ обиженнымъ тономъ. Ихъ можно было перевесть такъ: ужь видишь самъ что пьянъ, такъ въ трезвую компанію не совался бы.

— А если я васъ чѣмъ обидѣлъ, обратился Лядовъ къ Поморцевой,—такъ вотъ вамъ вмѣсто одной повинной головы двѣ, сѣките любую. И онъ, пошатнувшись, наклонилъ предъ нею свою голову.

Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ непрошенное вмѣшательство это можетъ-быть испортило бы все дѣло; но общее настроеніе было таково, да и сами Поморцевы такъ желали этого примиренія, совершавшагося при такихъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ, что вмѣшательство это лишь подвинуло его впередъ. Въ самомъ дѣлѣ другаго болѣе благопріятнаго случая для достиженія его безъ ущерба щепетильному самолюбію ихъ и желать было нельзя.

— Развѣ можно серіозно сердиться на васъ, сказала Анна Гавриловна Лядову и, протянувъ руку Сущову, она сдѣлала гримасу долженствовавшую выразить улыбку; такъ какъ улыбаться по-людски, какъ я уже сказалъ, она не умѣла. И руку протянула она какъ-то особенно, какъ протягивали ее въ старину на театрѣ королевы. «Жалѣю лишь, сказала она ему, что знакомство наше произошло такъ поздно и такъ-сказать на юру.» Послѣднимъ словомъ хотѣла она выразить что произошло оно въ чужомъ домѣ, чего прямо высказать не рѣшалась, такъ какъ это значило бы набиваться на его пріѣздъ и тѣмъ сознаться предъ сосѣдями насколько они, Поморцевы, придавали ему значенія; а этого не дозволяло ей чувство собственнаго достоинства.

Сущовъ въ продолженіи всей этой сцены былъ какъ на иголкахъ: ему стоило большаго труда подавить душившій его смѣхъ; однакожь онъ выдержалъ себя и понялъ ли или нѣтъ намекъ Анны Гавриловны, но обѣщалъ на другой же день пріѣхать засвидѣтельствовать ей и Семену Алексѣевичу почтеніе свое у нихъ въ домѣ.

«И отлично, подумалъ Поморцевъ; завтра у себя дома я объяснюсь съ нимъ обо всемъ какъ слѣдуетъ».

Поморцевы возвратились домой вполнѣ довольные какъ самими собою, такъ и проведеннымъ днемъ. Давно уже они такъ спокойно не спали какъ въ эту ночь: Семенъ Алексѣевичъ, какъ заснулъ на правомъ боку, такъ на немъ и проснулся и утромъ, проходя въ комнату Анны Гавриловны, хотя и замѣтилъ на столахъ гостиной столько пыли что во всякое другое время не миновать бы Гришкѣ дисциплинарнаго взысканія, на этотъ разъ даже не начертилъ на ней ни одного изъ обычныхъ эпитетовъ, а лишь призвавъ его, молча указалъ ему на нее пальцемъ.

— А вѣдь Сущовъ ничего, сказала Анна Гавриловна, подавая ему стаканъ крѣпкаго, какъ пиво, чаю. Семенъ Алексѣевичъ очень любилъ крѣпкій чай.

— Ничего, отвѣтилъ тотъ, наливая въ него сливокъ. — Жаль лишь, что повидимому чрезъ край хлебнуть любитъ.

— Что жь; онъ вчера и выпилъ, а изъ границъ приличія не вышелъ.

— Еще бы. Онъ не какой-нибудь неучъ Лядовъ.

Все утро прошло въ приготовленіяхъ къ принятію дорогаго гостя. Анна Гавриловна особенно озабочена была приведеніемъ пріемныхъ комнатъ въ возможно приличный и неоскорбительный для глаза видъ; такъ какъ незабвенный Василій Васильевичъ оставилъ не только въ ея сердцѣ, но и на диванѣ угольной комнаты очень грустныя по себѣ воспоминанія. Она сначала хотѣла было покрыть его персидскимъ ковромъ, ко-

торый былъ подаренъ кѣмъ-то Семену Алексѣевичу еще во время его судейства; но потомъ раздумала. «Можетъ-быть Сущовъ привезетъ съ собою Лядова, соображала она; и тогда тотъ, увидавъ коверъ, сразу пойметъ, что мы дѣлали къ пріему его приготовленія. А потому она рѣшила на мѣсто особенно живо напоминавшее о покойномъ положить вышитую шерстями подушку и положила ее такъ искусно что она казалась какъ бы брошенною на него невзначай. «Не станетъ же онъ ее подымать», разсуждала она сама съ собою.

Приведя все въ домѣ въ надлежащій порядокъ, Анна Гавриловна надѣла не слишкомъ нарядное, но тѣмъ не менѣе приличное случаю платье, чепецъ съ орель д'урсовыми лентами и, вынувъ изъ шифоньерки работу, усѣлась съ нею на диванъ. Работа эта начата была ею еще года за два предъ тѣмъ; но и до сихъ поръ не была еще окончена, потому что Анна Гавриловна принималась за нее лишь для виду при гостяхъ; когда же никого не было, вязала исключительно одни чулки. Семенъ Алексѣевичъ сѣлъ съ прочитаннымъ уже имъ послѣднимъ нумеромъ *Московскихъ Вѣдомостей* въ рукѣ и отъ времени до времени поглядывалъ въ окно. У обоихъ тревожно билось сердце въ трепетномъ ожиданіи «Ну если онъ и сегодня не пріѣдетъ?» думали они. Но опасенія ихъ и на этотъ разъ были напрасны: въ половинѣ перваго къ крыльцу подъѣхалъ щегольскій фаэтонъ и въ немъ къ немалому удивленію Поморцевыхъ сидѣлъ Сущовъ не одинъ, и не съ Лядовымъ, какъ предполагала Анна Гавриловна, а съ какою-то дамой.

— Съ кѣмъ же это онъ? спросила она въ недоумѣніи.— Ужь не съ Лядовою ли? Но тутъ же сообразила, что этого никакъ быть не могло.

— Должно-быть съ женою, сказалъ Поморцевъ, вглядываясь въ выходившихъ изъ фаэтона гостей.

Слова эти совершенно озадачили Анну Гавриловну. Она на основаніи слышаннаго ею отъ Лядовыхъ, Рожновой и другихъ уже такъ свыклась съ мыслію никогда не видѣть у себя въ домѣ Сущовой, что не хотѣла и вѣрить, чтобъ это могла быть она. «Ужь если она до сихъ поръ еще ни разу не была у Лядовыхъ, у которыхъ мужъ ея бываетъ каждый день, то зачѣмъ поѣдетъ ко мнѣ? спрашивала она себя. Развѣ одумалась, хочетъ знакомиться съ сосѣдями; ну и разумѣется начала съ насъ», пришло ей вдругъ въ голову и предположеніе это пріятно защекотало ея самолюбіе.

Сущовъ пріѣхалъ дѣйствительно съ женою и случилось это также неожиданно для него самаго какъ и для Поморцевыхъ. Рожнова и Лядова не ошиблись, говоря, что Сущова пріѣхала въ деревню съ твердымъ намѣреніемъ сидѣть дома и ни съ кѣмъ не знакомиться. Она была женщина нервная, раздражительная; петербургская тревожная жизнь утомила ее и она по совѣту докторовъ пріѣхала на лѣтніе мѣсяцы въ Трескино подышать чистымъ, деревенскимъ воздухомъ и пить предписанныя ей воды; выѣзды же могли повредить ходу ея лѣченія, да и знакомство со степными сосѣдями мало интересовало ее. Сущовъ съ своей стороны пріѣхалъ взглянуть на хозяйство и хотя сколько-нибудь ознакомиться съ имѣніемъ, въ которомъ былъ лишь какъ-то разъ, бывши еще почти ребенкомъ, и которое зналъ лишь по имени. Сдѣлавъ проѣздомъ черезъ городъ кое-какіе неизбѣжные визиты придержащимъ властямъ, кокъ-то: предводителю, судьѣ, исправнику, чтò, какъ извѣстно, у насъ необходимо, если не для того чтобы пріобрѣсть въ этихъ лицахъ друзей и пріятелей, то хотя для того чтобы не нажить себѣ въ нихъ заклятыхъ враговъ, онъ намѣревался подобно женѣ не заводить никакого знакомства, тѣмъ болѣе что агрономическія занятія, если не по склонности его къ нимъ, то по новизнѣ своей пришлись ему очень по вкусу. Такъ прошла первая недѣля пребыванія ихъ въ Трескинѣ.

такъ можетъ быть прошли бы и всѣ четыре лѣтнихъ мѣсяца, на которые пріѣхали они въ деревню, еслибы встрѣча Сущова въ саду съ Лядовой не измѣнила его намѣренія Сначала Сущова смотрѣла на знакомство мужа съ Лядовыми очень хладнокровно; но черезчуръ частыя прогулки вдвоемъ съ молодою незнакомкой и сближеніе его съ мужемъ, который очень не понравился ей какъ своими рѣзкими, солдатскими пріемами такъ и извѣстными читателю наклонностями, которыя къ несчастію раздѣлялъ и ея мужъ, пробудили въ ней какое-то болѣзненное чувство, въ которомъ она сначала и сама не могла дать себѣ отчета; но вскорѣ же убѣдилась, что чувство это была ревность къ незнакомкѣ и непреодолимое отвращеніе къ ея мужу. Между супругами произошли по этому предмету двѣ, три семейныя сцены, кончившіяся, какъ и большею частію кончаются подобныя сцены, слезами съ одной стороны и дутіемъ губъ съ другой. Такая же сцена повторилась и въ день имянинъ Лядовой. Сущова не хотѣла, чтобы мужъ ея ѣхалъ на званый обѣдъ, представляя ему въ резонъ, что у нихъ дома своя имянинница; но онъ, какъ мы уже видѣли, резона ея въ уваженіе не принялъ. Возвращаясь домой уже поздно ночью и не совсѣмъ въ нормальномъ видѣ онъ нашелъ ее въ слезахъ. Она сказала ему, что такой образъ жизни нетолько не возстановитъ ея разстроеннаго здоровья, но окончательно убьетъ ее и что, если онъ намѣренъ продолжать его, то лучше бы имъ было возвратиться въ Петербургъ. Когда же на другой день Сущовъ сталъ собираться къ Поморцевымъ, она объявила ему, что хочетъ непремѣнно ѣхать съ нимъ. Тотъ сначала всячески отговаривалъ ее, доказывая, что если она поѣдетъ къ Поморцевымъ, то должна будетъ ѣхать и къ остальнымъ сосѣдямъ, а тѣмъ болѣе къ Лядовымъ, съ которыми онъ знакомъ почти съ пріѣзда въ Трескино, и что, если она, бывши у Поморцевыхъ, къ нимъ не поѣдетъ, то это значило бы прямо сказать имъ, что

она не желаетъ быть съ ними знакома. Ему и въ голову не приходило, что она именно этого и хотѣла и къ Поморцевымъ ѣхала единственно съ этою цѣлію. Много было толковъ, — дѣло доходило опять до слезъ, и Сущовъ, бывшій у жены своей нѣсколько подъ башмакомъ, и теперь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, долженъ былъ ей наконецъ уступить.

Поморцевы, разумѣется, приняли Сущовыхъ съ подобающимъ церемоніаломъ, не уронивъ при этомъ и себя. Семенъ Алексѣевичъ встрѣтилъ ихъ въ залѣ; Анна же Гавриловна, если и не вышла на встрѣчу Сущовой изъ угольной комнаты, даже въ первый моментъ сдѣлала видъ будто недоумѣваетъ кого имѣетъ честь видѣть у себя; то, прощаясь съ ней, проводила ее до передней. Поморцевъ конечно не упустилъ воспользоваться этимъ визитомъ чтобъ объясниться съ Сущовымъ и, уведя его въ кабинетъ, высказалъ ему все что считалъ нужнымъ.

— Я право боялся, сказалъ онъ въ заключеніе, — чтобы вы, не зная меня, не сдѣлали обо мнѣ на основаніи слышаннаго вами отъ отца Евлампія самое невыгодное для меня заключеніе.

— Повѣрьте, отвѣтилъ Сущовъ, что я ни на минуту не сомнѣвался чтобы сказанное имъ не было его собственною фантазіей и изъ уклончиваго и условнаго отвѣта моего вамъ конечно не трудно было убѣдиться, что онъ данъ былъ ему мною лишь для того чтобъ отъ него отдѣлаться.

Черезъ три дня Поморцевы отдали визитъ Сущовымъ. Отдать его раньше они сочли не совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ; они знали себѣ цѣну, да и боялись излишнею въ этомъ случаѣ поспѣшностію уронить себя въ глазахъ сосѣдей.

У Сущовыхъ было такъ мало общаго съ Поморцевыми, что близко сойтись они конечно не могли; да ни тѣ ни другіе

этого и не добивались. Сущовой планъ ея удался и она была вполнѣ довольна: визитомъ къ Поморцевымъ Лядовы уязвлены были въ самое сердце и Сущовъ долженъ былъ оправдывать поступокъ жены своей ея болѣзненнымъ состояніемъ, заставлявшимъ ее иногда дѣлать самыя несообразныя вещи. Особенно уязвлена была Лядова; но она долго сердиться не умѣла; къ тому же Сущовъ, чтобы загладить вину жены, сталъ видаться съ нею чаще прежняго и она вскорѣ же вполнѣ утѣшилась. Что же касается до Поморцевыхъ, то они были въ апогеѣ своего величія и счастія. Сущова была у нихъ съ визитомъ первая и притомъ была лишь у нихъ однихъ и тѣмъ ясно доказала, что считаетъ лишь ихъ однихъ достойными своего знакомства. Лядовы были пришиблены, уничтожены. Теперь всѣ знали причины частыхъ къ нимъ посѣщеній Сущова; знали и о сценахъ происшедшихъ по этому поводу у него съ женою, и нетолько одни Лядовы потеряли въ общественномъ мнѣніи, но и самъ Сущовъ утратилъ въ глазахъ всѣхъ прежнее свое обаяніе; а этого-то Поморцевымъ и было нужно. Всѣ такъ легкомысленно отшатнувшіеся было отъ Поморцевыхъ и перешедшіе на сторону Лядовыхъ снова возвратились къ нимъ. Ихъ стали посѣщать чаще прежняго, особенно же часто ѣздили барыни въ чаяніи встрѣтить у нихъ Сущову. Словомъ, Поморцевы торжествовали: на минуту померкшая звѣзда ихъ заблистала съ новою силою и пошатнувшееся было премьерство ихъ признано и утверждено за ними единогласно.

Сущевы оставались въ Трескинѣ недолго. Почти безвыходное пребываніе Сущова у Лядовыхъ и возвращеніе его отъ нихъ почти постоянно въ черезчуръ веселомъ настроеніи духа вывели наконецъ окончательно жену его изъ терпѣнія и она рѣшительно объявила ему, что дольше оставаться въ Трескинѣ не можетъ, и что, если онъ хочетъ остаться, то она одна съ дѣтьми уѣдетъ въ Петербургъ. Объясненіе не обошлось, ко-

нечно безъ подобающей сцены; но и тутъ, какъ и всегда, Сущова умѣла настоять на своемъ, и въ одно прекрасное утро та же четвероместная карета шестерикомъ, которая за два мѣсяца предъ тѣмъ, проѣхавъ мимо дома Поморцевыхъ, поставила не только его, но и все Трескино вверхъ дномъ, проѣхала мимо его снова; но на этотъ разъ Поморцевы уже не выглядывали на нее украдкою изъ глубины комнаты, а стояли у самаго окна и обмѣнялись съ уѣзжавшими прощальными поклонами. Анна Гавриловна держала на рукахъ прелестнаго ангорскаго котенка, котораго за нѣсколько дней предъ тѣмъ Сущова подарила ей въ знакъ памяти и въ замѣнъ убитаго мужемъ ея Василія Васильевича и который названъ былъ ею Михайлой Михайловичемъ.

Уѣхавъ изъ Трескина, Сущовы уже болѣе не возвращались, и потекла въ немъ жизнь попрежнему скучная, обыденная, до тоски однообразная.

Прошло много лѣтъ и ничего въ Трескинѣ не измѣнилось, лишь пристроенъ былъ къ церкви придѣлъ во имя Симеона и Анны, лики которыхъ изображенные на мѣстныхъ образахъ, удивительно напоминали собою лица строителей; у Анны Пророчицы была даже небольшая родинка подъ лѣвымъ глазомъ. Проэктъ же устройства сельской школы такъ-таки и остался однимъ проэктомъ. Попрежнему продолжали премьерствовать Поморцевы; какъ и прежде, проходя мимо ихъ дома, почтительно снималъ шляпу отецъ Евлампій, до пріѣзда ихъ въ церковь не начиналъ обѣдни и высылалъ имъ первымъ просвиры; все также брилъ три раза въ недѣлю бороду Семенъ Алексѣичъ, все также аккуратно велъ свой дневникъ и заставлялъ мальчика стирать пыль съ мебели; продолжала раскладывать по вечерамъ пасьянсы свои Анна Гавриловна; не переставала разносить по сосѣдямъ новости Авдотья Емельяновна и безпрепятственно бѣгали, хрюкая, по селу никѣмъ не преслѣдуемыя свиньи. Ходила попрежнему и Лядова гулять со

взрослыми уже дочерьми въ Сущовскій садъ; охотился съ собаками и не упускалъ удобнаго случая подкутить и ея достойный сожитель. Словомъ, казалось ничего въ Трескинѣ не измѣнилось, по крайней мѣрѣ не замѣчалось мирными обитателями его никакого ни въ чемъ измѣненія; не замѣчали они и того что съ каждымъ годомъ, старѣя, измѣнялись и сами. Да и благо имъ было, что они ничего такого не замѣчали. Это могло бы навести ихъ на какія-нибудь неутѣшительныя для нихъ размышленія, пожалуй даже могло бы заставить подчасъ заглянуть и въ самихъ себя; а этаго-то именно Трескинцы боялись и избѣгали пуще всего на свѣтѣ.

СЕМЕЙСТВО БАКЛАНОВЫХЪ.

жизнь въ Бакланахъ въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, пока въ одинъ прекрасный день не умеръ, вслѣдствіе приступа подагры, опальный вельможа и не унесъ съ собою въ могилу всего, кромѣ воздвигнутыхъ имъ прихотливыхъ и ни на что ненужныхъ построекъ и соединенныхъ съ ними никого не интересующихъ воспоминаній. Сынъ его, занимавшій какой-то значительный постъ на службѣ, жилъ постоянно въ Петербургѣ и за границей и ни разу не пріѣхалъ взглянуть на свое прадѣдовское наслѣдіе. Болѣе полувѣка домъ оставался необитаемымъ; неподдерживаемыя затѣйливыя постройки съ каждымъ годомъ приходили въ упадокъ; заглохъ оставленный безъ призора садъ и мало-по малу все пришло наконецъ въ окончательное запустѣніе. Но и въ самомъ запустѣніи этомъ была какая-то дикая, своеобразная прелесть, и проѣзжій невольно останавливался полюбоваться развертывавшеюся предъ нимъ очаровательною картиной. Всюду виднѣлись еще слѣды минувшей размашистой жизни. Сквозь густую листву буйно разросшихся деревьевъ и кустарниковъ мелькали тамъ и сямъ полуразвалившіеся причудливыхъ видовъ кіоски и бесѣдки; по сторонамъ заглохшихъ аллей мѣстами стояли еще уцѣлѣвшіе остатки статуй; отъ балкона къ пруду шелъ широкій каменный спускъ съ поросшими травой ступенями и площадками и стоявшими у самой воды сфинксами. Поодаль отъ него, изъ-подъ крутаго берега одиноко выглядывалъ полуобрушившійся гротъ съ окружавшими его когда-то искусственными, а теперь уже настоящими, руинами и каменнымъ бассейномъ. Здѣсь, по разказамъ стариковъ, билъ нѣкогда фонтанъ, плавали золотыя рыбки и въ званные дни игралъ оркестръ домашней музыки. До половины заросшій камышомъ прудъ окаймляли плакучія ивы и березы; склоняясь надъ самою водой, и опустивъ въ нее длинныя и гибкія вѣтви свои, онѣ придавали ландшафту какой-то волшебный, чарующій видъ. Казалось предъ вами стоялъ очарованный замокъ какой-ни-

будь спящей феи. «Вотъ, вотъ, думали вы, очнется она отъ своего долгаго сна, ударитъ волшебнымъ жезломъ и снова закипитъ въ немъ прежняя, своеобразная жизнь.» Но фея не просыпалась, отжившая вѣкъ свой жизнь предъ вами не воскресала и долго въ нѣмомъ раздумьи смотрѣли вы на эти такъ краснорѣчиво говорящіе остатки минувшаго.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ усадьба эта принадлежала внуку Екатерининскаго вельможи отставному гвардіи полковнику Александру Васильевичу Бакланову. Поселившись въ ней, онъ не счелъ нужнымъ реставрировать ее въ первоначальномъ видѣ. Онъ былъ человѣкъ положительный и смотрѣлъ на вещи съ практической точки зрѣнія; а потому, ремонтировавъ какъ слѣдуетъ домъ и надворныя строенія и сдѣлавъ кое-какія необходимыя разчистки въ саду, онъ бросилъ дѣдовскія затѣи на произволъ судьбы, предоставивъ имъ полную свободу разрушаться и мало-по-малу обращаться въ мусоръ. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ не по годамъ былъ еще бодръ и свѣжъ. Онъ былъ средняго роста, сухаго, но крѣпкаго сложенія. Его открытое лицо, высокій лобъ съ прямо и смѣло смотрѣвшими изъ подъ него глазами и нѣсколько вздернутая подъ нависшими на нее усами губа изобличали въ немъ человѣка съ твердымъ, непреклоннымъ характеромъ. Говорилъ онъ громко и отрывисто съ особою свойственною военнымъ людямъ тогдашняго времени интонаціей. Въ разговорѣ и пріемахъ его была та развязность и самоувѣренность, которыя даютъ независимость средствъ и извѣстное положеніе въ обществѣ; но такъ какъ у него самоувѣренность эта была вмѣстѣ и прямымъ слѣдствіемъ настолько глубоко сознаннаго чувства собственнаго достоинства, что она дозволяла ему безъ ущерба для его самолюбія признавать и уважать чувство это и въ другихъ, то она никогда не переходила въ ту грубую, подавляющую безцеремонность, которую иные позволяютъ себѣ въ обращеніи съ тѣми

кого почему-либо считаютъ ниже себя. Правда, въ голосѣ его слышалось какъ бы что-то начальственное, нетерпящее возраженія; но это была не болѣе какъ привычка вынесенная имъ изъ военной службы, — привычка, переходящая обыкновенно незамѣтно со служебныхъ на частныя и даже на семейныя отношенія. Баклановъ былъ горячъ и вспыльчивъ, но умѣлъ вовремя сдерживать себя и въ минуту раздраженія не приступалъ ни къ какому серіозному рѣшенію: «утро вечера мудренѣе», говорилъ онъ, и откладывалъ дѣло до другаго дня. Въ домашнемъ быту онъ не былъ ни деспотъ, ни самодуръ; въ семейныхъ дѣлахъ признавалъ за женой право голоса, принималъ въ соображеніе ея справедливыя требованія, въ иныхъ случаяхъ исполнялъ даже ея прихоти и причуды; но въ болѣе крупныхъ и серіозныхъ вопросахъ оставлялъ послѣднее слово за собою и, принявъ разъ зрѣло обдуманное рѣшеніе, уже не измѣнялъ его. Вообще онъ былъ хорошій семьянинъ, заботливый и нѣжный отецъ, но не умѣлъ высказывать чувствъ своихъ и если высказывалъ ихъ, то какъ-то особенно, по своему; такъ, онъ очень любилъ сына, но отношенія его къ нему отзывались какою-то военною дисциплиной,—точно онъ хотѣлъ пріучить его съ дѣтскихъ лѣтъ къ строевой субординаціи. Онъ былъ въ душѣ консерваторъ и потому врагъ нововведеній; но если видѣлъ, что они были полезны, первый содѣйствовалъ ихъ проведенію. Характера онъ былъ настолькоже прямаго и правдиваго, насколько стойкаго и послѣдовательнаго; аккуратность его въ дѣлахъ и пунктуальность доходили до педантизма; вся жизнь его была имъ заранѣе, такъ-сказать, разграфлена, и отступить отъ разъ уже обдуманнаго и принятаго плана онъ не позволялъ себѣ ни на пядь.

Лишившись еще въ молодыхъ лѣтахъ отца и матери и располагая болѣе нежели независимымъ состояніемъ, онъ могъ бы жить роскошно, не отказывая себѣ ни въ какихъ прихо-

тахъ; но, и служа въ гвардіи, онъ жилъ очень скромно, и не потому чтобы былъ скупъ или разчетливъ, а потому что не имѣлъ ни особой къ чему-либо страсти, ни наклонности жить на болѣе широкую ногу. Онъ не чуждался общества, гдѣ было нужно, не отставалъ отъ своихъ товарищей, но ничѣмъ не увлекался и во всемъ умѣлъ держаться благоразумной середины. Баклановъ не имѣлъ особой склонности и къ военной службѣ, но исполнялъ требованія ея свято и пунктуально, потому что, взявшись за какое бы то ни было дѣло, ставилъ себѣ въ обязанность заниматься имъ добросовѣстно.—прослужить же извѣстное число лѣтъ на государственной службѣ онъ считалъ непремѣннымъ долгомъ всякаго дворянина. Не менѣе священнымъ долгомъ своимъ, какъ помѣщика, считалъ онъ, по выходѣ въ отставку, заняться устройствомъ и управленіемъ доставшагося ему отъ предковъ имѣнія; а потому, дослужившись до полковничьяго чина, какъ чина дающаго уже извѣстное почетное положеніе въ обществѣ, онъ, несмотря на увѣщанія начальства и просьбы товарищей, вышелъ въ отставку и поѣхалъ хозяйничать въ родовое помѣстье свое, село Большіе Бакланы.

Хозяйство свое нашелъ онъ въ грустномъ положеніи. Управляющій, завѣдывавшій имъ безконтрольно въ продолженіе долгихъ лѣтъ, не столько заботился объ интересахъ помѣщика сколько о своимъ собственныхъ, и Бакланову не трудно было убѣдиться, что онъ высылалъ ему едва половину получавшихся съ имѣнія доходовъ. Несмотря однакожъ на это, онъ, сознавая неопытность свою въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, рѣшился удалить обкрадывавшаго его управляющаго лишь изучивъ подъ его же рукой это новое и совершенно незнакомое ему дѣло настолько, что могъ съ помощью избраннаго имъ изъ крестьянъ бурмистра обойтись безъ его совѣтовъ. Одновременно съ хозяйствомъ занялся онъ и улучшеніемъ быта разоренныхъ крестьянъ своихъ.

ною жизнью, и возненавидѣла родину свою съ ея полугодовою зимой, курными избами, овчинными тулупами и непроходимою грязью. Баклановъ увидѣлъ это съ первыхъ же дней женитьбы и тутъ же положилъ себѣ выбить у жены эту дурь изъ головы, но ему пришлось дѣйствовать на зыбкой, совершенно незнакомой ему почвѣ, и на этотъ разъ всѣ усилія его оказались тщетными. Чѣмъ болѣе старался онъ доказать ей, что весь ея фантастическій міръ существовалъ лишь въ ея экзальтированномъ воображеніи, тѣмъ болѣе сосредоточивалась она въ себѣ самой и недовѣрчиво глядѣла на него, какъ на человѣка грубаго, матеріальнаго, поглощеннаго заботами обыденной жизни и для котораго высшія эстетическія наслажденія недоступны. Убѣдясь, что, продолжая идти этимъ путемъ, онъ неминуемо довелъ бы жену свою до сознанія себя женщиной непонятою и несчастною, femme malheureuse et incomprise,—этой отравы семейной жизни, онъ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ рѣшился повезть мечтательницу свою въ тѣ страны, которыя такими яркими, заманчивыми красками рисовало ей ея экзальтированное воображеніе и доказать ей уже не на словахъ, а на дѣлѣ, что какъ ни восхитительно роскошное италіянское небо, оно мало чѣмъ лучше нашего православнаго, степнаго,—что какъ ни хороши лимонныя и апельсинныя деревья, далеко имъ до нашей развѣсистой березы или раскидистаго вяза,—что какъ ни люты наши трескучіе морозы, но зимой въ Италіи, дрожа отъ холода въ нетопленной остеріи, не разъ вспомнишь о русской, хотя и соломой топленой, избѣ, и что въ концѣ-концовъ можно точно также скучать на живописныхъ берегахъ Комскаго озера или Средиземнаго моря, какъ быть счастливымъ и живя въ степномъ захолустьѣ. Предложеніе было принято, разумѣется, съ восторгомъ. Молодые наши пропутешествовали цѣлый годъ и чуть не объѣхали всю Европу. Они были и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Неаполѣ, и въ Венеціи;—ѣздили даже въ Испа-

нію взглянуть на Эскуріалъ и Альгамбру. Они любовались и живописными берегами Рейна, и великолѣпнымъ видомъ Неаполя, восходили на Везувій, катались въ гондолахъ по лагунамъ и каналамъ Венеціи,—словомъ, Баклановъ возилъ жену свою всюду куда ей только хотѣлось. Сначала она отъ всего приходила въ неописанный восторгъ: первый сорванный ею въ лугахъ гіацинтъ довелъ ее до слезъ и она лишь жалѣла, что подлѣ нея не было M-me de Bélicourt, чтобы подѣлиться съ нею своими впечатлѣніями. Такъ прошли первые три мѣсяца, и экзальтированное состояніе ея стало мало-по-малу переходить въ болѣе нормальное, чему много способствовало и то, что все, что она находила, было ниже того, чего ожидала. Она уже не отыскивала средневѣковыхъ руинъ, чтобы допрашивать ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, не стояла по нѣскольку часовъ въ нѣмомъ экстазѣ предъ памятниками искусства и стала предпочитать имъ призаическую рулетку, которой впрочемъ въ первое время предалась также съ большимъ увлеченіемъ, и спокойно проѣзжала мимо живописныхъ развалинъ Гейдельбергскаго замка въ Вольфсбрунъ полакомиться его жирными форелями.

— А что-то дѣлается теперь тамъ у насъ въ степной глуши? сказала она наконецъ мужу послѣ десятимѣсячнаго пребыванія за границей, сидя на каменной скамьѣ Promenade des Anglais и разсѣянно глядя на проходившую мимо толпу гуляющихъ.

Баклановъ торжествовалъ.

— Тамъ теперь морозы да метели, отвѣтилъ онъ;—а здѣсь, посмотри, какая благодать: солнце грѣетъ по-лѣтнему, цвѣтутъ фіалки и съ моря вѣетъ живительною прохладой.

Софья Львовна посмотрѣла на мужа; она, казалось ей, поняла его и ей сдѣлалось какъ-то неловко.

— Съ какимъ удовольствіемъ прокатилась бы я теперь на

тройкѣ въ саняхъ и хоть взглянула бы на нашу настоящую русскую зиму, сказала она нѣсколько дней спустя.

— Одно воображеніе, отвѣтилъ также хладнокровно Баклановъ.—Какъ можно сравнить здѣшнюю зиму съ нашею.

И оба замолчали.

Софьѣ Львовнѣ еще не хотѣлось признаться мужу, но ей, привыкшей къ своему собственному осѣдлому углу, въ которомъ она чувствовала себя барыней, окруженной, избалованной извѣстнымъ почетомъ въ кругу сосѣдей и знакомыхъ, просто стала наскучать эта странствующая, скитальческая жизнь, эта бездомовность, это полное обезличенье среди незнакомой и чуждой ей толпы. Еще прошелъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго разговора и она наконецъ прямо призналась ему, что скучаетъ по Бакланамъ и Кудеярову, добавивъ, что сестра ея въ послѣднихъ письмахъ своихъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ положеніе больнаго отца, что, оставаясь долѣе за границей, она боится не застать его въ живыхъ. Баклановъ не возражалъ и черезъ день они уже были на возвратномъ пути въ Россію. Была еще другая причина заставившая ихъ поспѣшить возвращеніемъ: Софья Львовна готовилась быть матерью.

Пріѣхавъ въ Бакланы, она была счастлива какъ ребенокъ; бѣгала по всему дому, прыгала отъ радости, перецѣловалась со всѣми домашними, какъ будто бы уже отчаивалась съ ними видѣться, смѣялась, плакала, и когда наконецъ, успокоившись, сѣла въ свои любимыя кресла предъ затопленнымъ каминомъ, созналась чистосердечно, что какъ въ гостяхъ ни хорошо, но дома лучше. Не менѣе ея былъ счастливъ и Баклановъ; комбинація его удалась вполнѣ: жена теперь уже не могла жаловаться на судьбу и говорить, что она une femme malheureuse et incomprise; потому что онъ доказалъ ей, что понялъ ее какъ нельзя лучше и сдѣлалъ все что могъ чтобы не только доставить ей то счастіе, о которомъ она такъ восторженно мечтала, но и насладиться имъ сколько хотѣла.

Такъ сложилась семейная жизнь Баклановыхъ и установились ихъ взаимныя отношенія.

II.

Вскорѣ же по возвращеніи Баклановыхъ на родину Софья Львовна подарила мужа своего сыномъ, а четыре года спустя дочерью. Нечего и говорить, что молодая мать была въ полномъ упоеніи: она вся была въ дѣтяхъ и остальной міръ, казалось, пересталъ для нея существовать. Былъ счастливъ по своему и Баклановъ: ему было теперь кому передать и имя и прадѣдовское наслѣдіе вмѣстѣ съ соединенными съ ними правами и обязанностями. Оставалось лишь внушить преемнику какъ достойно пользоваться первыми и исполнять послѣднія. «Больше и не нужно, разсуждалъ онъ самъ съ собою: сынъ да дочь — семья полная.» Но на этотъ разъ судьба распорядилась по своему: на слѣдующій годъ Софья Львовна оказалась снова беременною; это обстоятельство заставило его серіозно призадуматься. «Что если родится еще сынъ, думалъ онъ, маіоратовъ у насъ нѣтъ и придется раздѣлить Бакланы на двѣ части. Въ однѣхъ рукахъ это барское имѣніе: съ нимъ можно поддерживать блескъ имени и сохранять вполнѣ независимое положеніе; а тутъ изъ Баклановъ выйдетъ два Бакланчика. Да и какъ дѣлить ихъ? Тотъ кому достанется усадьба т. е. настоящій представитель рода Баклановыхъ долженъ будетъ сдѣлать за нее еплату и чрезъ то самое уже сдѣлается бѣднѣе того, который получитъ одну землю. Если-же отдать Бакланы въ полномъ составѣ старшему сыну съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ меньшому за слѣдующую ему половину деньгами, — будетъ ли это законно и справедливо.“ И онъ ломалъ себѣ голову, изыскивая средство какъ бы предотвратить грозившую его дому бѣду. «Нѣтъ; ужь лучше бы родилась дочь,» заключалъ онъ. Не такъ ду-

мала Софья Львовна. «Какъ бы я была счастлива. еслибы Богъ далъ намъ еще сына, говорила она мужу. Старшій былъ бы военный, а младшій дипломатъ; я выучила бы его всѣмъ возможнымъ языкамъ и сдѣлала бы изъ него втораго Меццофанти. Современемъ онъ былъ бы посланникомъ гдѣ-нибудь въ Неаполѣ или Флоренціи. Лѣтомъ мы ѣздили бы съ тобой провѣдать Аркадія въ Петербургъ, наняли бы или купили дачу въ Петергофѣ, а на зиму въ Италію. И ѣздили бы мы туда ужь не какъ въ чужую, а какъ въ родную сторону.» И она при одной мысли о такой блаженной будущности отъ избытка чувствъ плакала какъ ребенокъ. Баклановъ слушалъ ее молча и преслѣдовалъ въ головѣ свои собственныя камбинаціи.

Наступилъ наконецъ съ такимъ тревожнымъ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидаемый роковой день, — родилась дочь. Это до того убило Софью Львовну и потрясло ея слабые нервы, что доктора въ продолженіи нѣсколькихъ дней опасались за жизнь ея. Новорожденную дочь свою она не могла видѣть.— она возненавидѣла ее со дня ея рожденія. Бакланова это очень огорчало, и онъ утѣшалъ себя лишь тѣмъ что это была вспышка, которая также легко пройдетъ какъ и другія. Но и на этотъ разъ онъ ошибался: это была не вспышка. а какая-то глубоко запавшая, ничѣмъ необъяснимая ненависть. И странное дѣло: возненавидѣвъ младшую дочь, она еще сильнѣе полюбила старшую, точно всю вложенную въ нее природой долю материнской любви къ бѣдной Лизѣ она перенесла на свою любимицу Олю. Она боготворила ее, чуть не молилась на нее. Да и дѣйствительно это былъ милый, живой, красивый ребенокъ, и между нею и болѣзненною, апатичною Лизой контрастъ былъ разительный; въ первое время боялись даже, чтобъ она не была идіоткой. Софью Львовну самое мучила эта ничѣмъ не заслуженная нелюбовь къ дочери; она называла себя и mère marâtre и mère dénaturée,

но не могла превозмочь своего къ ней отвращенія. «Что же мнѣ дѣлать, говорила она мужу, если я видѣть ее не могу,— c'est plus fort que moi.» Баклановъ не разъ пытался подавить въ ней это чувство; но попытки эти приводили лишь къ слезамъ и истерикамъ, и онъ наконецъ долженъ былъ отъ нихъ отказаться. «Авось время передѣлаетъ все по своему,» думалъ онъ. Часто приказывалъ онъ несчастную дѣвочку принесть къ себѣ въ кабинетъ и, посадивъ ее на колѣни, «ахъ ты моя Сандрильйонка», говорилъ онъ цѣлуя и лаская ее; и это были единственныя ласки, которыя она видѣла бывши ребенкомъ.

Время шло. Аркадію было уже шесть лѣтъ, и Баклановъ сталъ серіозно думать о его воспитаніи. Онъ прежде всего хотѣлъ развить въ немъ понятіе о чести, чтобъ изъ него вышелъ русскій дворянинъ и помѣщикъ, какими тотъ и другой по мнѣнію его долженствовали быть, то-есть вѣрный царскій слуга, человѣкъ съ твердымъ, независимымъ и неподкупнымъ характеромъ и гуманнымъ взглядомъ на крѣпостныя отношенія; а потому не хотѣлось ему ввѣрить воспитаніе его кому-либо кромѣ себя самого. Съ другой же стороны, онъ видѣлъ и явную невозможность обойтись безъ гувернера-иностранца, такъ какъ на человѣка не говорившаго по крайней мѣрѣ на двухъ иностранныхъ языкахъ въ то время смотрѣли какъ на неуча, не получившаго ровно никакого образованія и для котораго входъ въ порядочное общество, а тѣмъ болѣе въ высшій кругъ его, былъ положительно закрытъ; да и самъ онъ былъ того убѣжденія, что знаніе языковъ вещь вполнѣ необходимая. По долгимъ соображеніямъ онъ наконецъ рѣшилъ: взявъ на свою долю нравственное воспитаніе сына, научное образованіе его поручить иностранцу, человѣку испытанному и вполнѣ соединяющему въ себѣ нужныя для того условія. Пріискать такого наставника было дѣло не легкое; но ему помогъ счастливый случай. У Бакланова

была въ Петербургѣ сестра, сынъ которой какъ разъ кончалъ свое домашнее воспитаніе, и она рекомендовала ему воспитателя его, какъ именно такого человѣка какой ему былъ нуженъ. Выборъ оказался дѣйствительно очень удачнымъ: не говоря уже о томъ что рекомендованный иностранецъ Тиссъ былъ человѣкъ развитой и хорошій педагогъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и человѣкъ вполнѣ нравственный и добросовѣстный и въ короткое время умѣлъ поселить въ воспитанникѣ своемъ любовь къ себѣ и довѣріе. Къ трудному дѣлу преподаванія приступилъ онъ очень просто: онъ не обременялъ памяти молодаго питомца своего выдалбливаніемъ заданныхъ уроковъ, не утомлялъ его скучнымъ сидѣньемъ надъ книгой и не отбивалъ у него тѣмъ охоты къ ученію. Первоначальныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи онъ передалъ ему въ видѣ разказовъ; элементарныя же понятія изъ естественныхъ наукъ преподавалъ незамѣтно, наглядными образомъ, объясняя законы физики и химіи по мѣрѣ того какъ представляла къ тому удобный случай сама жизнь. Гремѣлъ ли громъ и сверкала молонія, шелъ ли дождь, падалъ ли градъ или перекидывалась по небу полосатою лентой радуга, онъ объяснялъ причины этихъ явленій; любуясь восходомъ или закатомъ солнца или усѣянныхъ звѣздами небомъ, разъяснялъ законы движенія небесныхъ свѣтилъ; вспыхивали ли догоравшіе въ каминѣ уголья, онъ незамѣтно прочитывалъ цѣлую, исполненную самаго живаго для ребенка интереса, лекцію о химическомъ составѣ воздуха и твердыхъ тѣлъ, о законахъ горѣнія и свѣта. Самыя гулянья не проходили безъ научной пользы: гербаризовали или собирали коллекціи камней и разныхъ ископаемыхъ, причемъ объяснялись шутя основныя начала ботаники, минералогіи и органической химіи. Такимъ образомъ опытный педагогъ мимоходомъ передавалъ питомцу своему всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя такъ трудно передаются и еще труднѣе удерживаются на скучныхъ и утомительныхъ

урокахъ. Закону Божію и русскому языку училъ Аркадія сельскій священникъ. Надзоръ за нравственнымъ развитіемъ сына Баклановъ хотѣлъ было, какъ я уже сказалъ, оставить за собою; но, узнавъ ближе Тисса, всецѣло ввѣрилъ его ему, да и хорошо сдѣлалъ; потому что Аркадій былъ отъ природы робокъ и наставленія и замѣчанія дѣлаемыя имъ всегда рѣзкимъ и начальственнымъ тономъ болѣе пугали его нежели приносили дѣйствительную пользу. Вообще отношенія сына къ отцу основаны были на какомъ-то безотчетномъ страхѣ, на уваженіи подчиненнаго къ строгому начальнику, а не на сыновней любви и взаимномъ довѣріи; а потому между ними никогда не могло быть искренности, а тѣмъ менѣе интимности. Эта натянутость и неестественность отношеній не могли не имѣть невыгоднаго вліянія на развитіе характера Аркадія и положили на немъ свою особую складку, которая уже не изгладилась во всю жизнь его.

Подростала и Оля; и для нея взята была Француженка. M-me Coudert не была ни un bas bleu, ни эмигрантка съ легитимистскими убѣжденіями, ни радикалка, ни соціалистка, а женщина очень обыкновенная, кроткаго и веселаго нрава, подъ часъ не въ мѣру болтливая, какъ и большая часть Француженокъ, безъ особыхъ капризовъ, какъ и безъ особыхъ тенденцій. Она была не безъ талантовъ; очень хорошо рисовала и была порядочная музыкантша,—словомъ, соединяла въ себѣ всѣ тѣ качества, которыхъ Баклановы искали въ гувернанткѣ для своей дочери и были ею вполнѣ довольны.

Дѣло воспитанія шло впередъ; незамѣтно прошли шесть лѣтъ съ поступленія Тисса въ домъ Баклановыхъ, Аркадію было уже двѣнадцать, — настало время везть его въ Петербургъ. Нечего и говорить о разставаніи съ нимъ Софьи Львовны. Конечно мать Остапа и Андрія, провожая ихъ въ Запорожскую Сѣчу и прощаясь съ ними можетъ-быть навсегда, не пролила, просидѣвъ надъ ними круглую ночь, столь-

ко горючихъ слезъ, сколько пролила ихъ она, разставаясь съ своимъ дорогимъ, несравненнымъ Аркадіемъ. Баклановъ долженъ былъ чуть не силой вырвать его изъ ея объятій.

Аркадій, благодаря полученной подготовкѣ, выдержалъ экзаменъ изъ первыхъ и Баклановъ, поручивъ его попеченіямъ сестры и одного изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ, возвратился домой вкушать отъ плодовъ трудовъ своихъ. Такъ, посѣявъ свою ниву, съ спокойнымъ духомъ утѣшаясь сознаніемъ добросовѣстно исполненной работы, возвращается къ себѣ на отдыхъ усталый земледѣлецъ. «Землю удобрилъ кажется недурно, думаетъ онъ; и вспахалъ хорошо, и посѣялъ вовремя; а что на ней уродится и что придется съ нея убрать, одному Господу извѣстно.»

Не на отдыхъ и не на радость возвратился Баклановъ домой. На другой же день пріѣзда его Оля послѣ обычной вечерней прогулки съ гувернанткой почувствовала страшную головную боль; ночью съ ней сдѣлался бредъ и на слѣдующій день открылась нервная горячка. Приглашенъ былъ изъ города лучшій докторъ; но несмотря на всѣ медицинскія пособія, а можетъ-быть и благодаря имъ, болѣзнь все усиливалась и на пятый день ея не стало. Не беру на себя описывать отчаяніе овладѣвшее Софьей Львовной, — она пришла въ состояніе какого-то изступленія близкаго къ умопомѣшательству. Съ трудомъ могли ее оторвать отъ бездыханнаго трупа дочери и въ продолженіе девяти дней она была между жизнію и смертію. Бакланова эта неожиданная утрата также очень огорчила; но онъ умѣлъ сосредоточивать въ себѣ волновавшія его чувства и перенесъ это семейное горе стоически. Онъ всячески старался утѣшить жену свою,—говорилъ ей, что у нихъ еще осталась дочь, на которую она можетъ перенесть всю материнскую любовь свою; но это лишь болѣе раздражало ее, и она просила, чтобъ и имя ея при ней произносимо не было. На десятый день ей сдѣлалось наконецъ

какъ будто нѣсколько лучше, и Баклановъ, проведшій у постели ея девять безсонныхъ ночей, уже на разсвѣтѣ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы хотя сколько-нибудь подкрѣпить себя сномъ. Не раздѣваясь бросился онъ на диванъ; но едва успѣлъ закрыть глаза, какъ дверь съ шумомъ отворилась. Онъ снова открылъ ихъ—предъ нимъ стояла Софья Львовна. Распущенные волосы въ безпорядкѣ лежали на ея полуобнаженныхъ плечахъ, глаза блестѣли какимъ-то неестественнымъ огнемъ, щеки пылали и грудь тяжело подымалась отъ неровнаго дыханія.

— Хочешь, чтобъ я завтра же была покойна и здорова? сказала она взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ

Баклановъ вскочилъ съ дивана и смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ удивленіи.

— Если хочешь, то обѣщай мнѣ исполнить мою просьбу.

— Если это только въ силахъ моихъ, едва могъ онъ проговорить. не сводя съ нея глазъ.

— Я сейчасъ видѣла во снѣ Олю, продолжала Софья Львовна, опустившись въ изнеможеніи на диванъ.—Она подошла ко мнѣ въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ ее положили въ гробъ, вся въ цвѣтахъ, бросилась ко мнѣ на шею и, рыдая, умоляла меня взять къ себѣ вмѣсто нея Олиньку Кузмину. Другъ мой, успокой и ее и меня.

Баклановъ въ раздумьи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Просьба эта не столько удивила, сколько огорчила его. Взять въ домъ вмѣсто дочери, то-есть усыновить, чужую дѣвочку, когда своя собственная дочь живетъ безъ всякой вины въ загонѣ, чуть не въ дѣвичьей,— мысль эта возмущала его отцовское сердце. Онъ въ порывѣ негодованія хотѣлъ было уже высказать женѣ, что Богъ потому и наказалъ ее, что онъ такъ несправедлива къ Лизѣ; но воздержался, боясь этимъ окончательно убить ее. Да и отказать ей, думалъ онъ, въ ея просьбѣ наотрѣзъ страшно: не прошло и трехъ дней какъ

жизнь ея была на волоскѣ, и такой рѣшительный отказъ можетъ пожалуй не менѣе гибельно подѣйствовать на нее,— женщина она нервная, раздражительная. Да и почему знать: можетъ-быть, получивъ согласіе мое взять Олиньку, она изъ благодарности ко мнѣ будетъ ласковѣе и къ Лизѣ, тогда какъ отказъ еще болѣе ее востановитъ противъ нея. Къ тому же онѣ почти однихъ лѣтъ; можетъ-быть сдружатся, и одна дружба эта уже облегчитъ положеніе Лизы. Всѣ эти соображенія молніей пробѣжали въ головѣ его.

— Подумай, Alexandre, продолжала Софья Львовна, не сводя съ него своего пылающаго взгляда. — И зовутъ ее Ольгой и въ добавокъ даже Александровной. Вѣдь это перстъ, Божій.

И она подняла руку къ небу.

Въ эту минуту лихорадочной экзальтаціи она похожа была на Пиѳію прорѣкающую свои проблематическія предсказанія. Баклановъ, взглянувъ на нее, пораженъ былъ ея болѣзненно-возбужденнымъ состояніемъ.

— Что жь, сказалъ онъ, боясь дальнѣйшимъ молчаніемъ повергнуть ее въ какой нибудь новый и можетъ-быть уже смертельный нервный припадокъ, — если ты полагаешь, что уже таково опредѣленіе Божіе,—пусть будетъ по твоему.

Софья Львовна, рыдая, бросилась благодарить его, умоляла на другой же день ѣхать къ Кузьминымъ, и Бакланову стоило не малаго труда уговорить ее подождать еще хотя недѣлю, чтобы дать сколько-нибудь окрѣпнуть ея изнуреннымъ болѣзнію силамъ.

Ровно чрезъ недѣлю Баклановы уже уѣхали шестерикомъ въ каретѣ по Кудеяровской дорогѣ.

III.

Олинька Кузьмина была дочь небогатаго помѣщика, жившаго въ небольшомъ имѣніи своемъ въ пяти верстахъ отъ Кудеярова. Мать ея, еще ребенкомъ оставшись круглою си-

ротою, взята была отцомъ Софьи Львовны въ домъ. гдѣ и воспитывалась вмѣстѣ съ нею, хотя была нѣсколькими годами старше ея. Она попала на руки M-me de Bélicourt, когда ей было уже болѣе двѣнадцати лѣтъ и потому, понятно, не могла воспользоваться тѣмъ воспитаніемъ, которое получила Софья Львовна; да и M-me de Bélicourt, кичившаяся своими quartiers de noblesse, несмотря на неоднократныя замѣчанія старика Кудеярова, неохотно давала уроки бѣдной, безпріютной дѣвочкѣ, считая это несовмѣстнымъ съ своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, и обращалась съ нею съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Вслѣдствіе этого все полученное Глашей воспитаніе ограничилось тѣмъ, что она едва могла сказать по-французски двѣ, три затверженныя фразы, произнося ихъ такъ, что Французъ пожалуй и не догадался бы, что она говоритъ на его родномъ языкѣ, да, благодаря сельскаго священника, обучавшаго ее русской грамотѣ, могла съ грѣхомъ пополамъ написать несвязное письмо по-русски. Вообще она играла въ домѣ жалкую роль: люди на каждомъ шагу давали ей чувствовать кто она и какая разница между нею, безпріютною сиротою, и ихъ барышней; француженка заставляла ее играть съ Соней, исполнять ея капризы, занимать и забавлять ее. Впрочемъ помимо нравственнаго вліянія, которое могло имѣть на развитіе характера дѣвочки грустное положеніе ея въ Кудеяровскомъ домѣ, все же, живя въ немъ, она получила хотя какое-нибудь образованіе, котораго, оставленная одна на произволъ судьбы, конечно получить не могла бы; игры же и занятія ея съ Соней съ каждымъ днемъ мало-помалу сближали ихъ и наконецъ скрѣпили ихъ взаимныя отношенія если не дружбой, то привычкой. Такъ незамѣтно шли годы пока наконецъ не вышла она замужъ за сосѣда-помѣщика, человѣка уже не моладаго, кавказскаго героя, который, выйдя съ полнымъ пенсіономъ въ отставку. поселился хозяйничать въ небольшомъ имѣніи своемъ.

Александръ Семеновичъ Кузминъ былъ, что-называется, старый служака и вынесъ съ собою изъ фронтовой службы всѣ тѣ качества, которыя такъ рѣзко характеризуютъ отставныхъ военныхъ. Онъ былъ человѣкъ прямой и правдивый, камня за пазухой держать не любилъ, и что зналъ или чувствовалъ, высказывалъ чистосердечно напрямикъ безо всякихъ обиняковъ, за что былъ очень уважаемъ въ сосѣдствѣ. Всю жизнь свою провелъ онъ въ кругу солдатъ, въ походахъ и экспедиціяхъ противъ горцевъ; а потому въ пріемахъ его была какая-то рѣзкость и угловатость, отзывавшіяся солдатскою выправкой. Болѣе десяти лѣтъ бывъ ротнымъ командиромъ, онъ привычку свою къ порядку и дисциплинѣ перенесъ и на хозяйство,—былъ взыскателенъ и строгъ, но справедливъ, и крестьяне столько же боялись сколько и любили его. Ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ дѣятеленъ не по годамъ: во время посѣвовъ и уборки объѣзжалъ самъ поля, лично надзиралъ за молотьбой и ссыпкой хлѣба, словомъ, хозяйскій глазъ его слѣдилъ за всѣмъ и дѣйствительно небольшое хозяйство его шло великолѣпно. Онъ нѣжно любилъ жену свою и дѣтей, которыхъ подъ часъ даже черезчуръ баловалъ, что, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ слабостей большей части старыхъ инвалидовъ. Глафира Андреевна была женщина тихая и добрая, всецѣло преданная семейнымъ и домашнимъ заботамъ. Она искренно любила мужа, заботилась о немъ и ухаживала за нимъ какъ за ребенкомъ. Вообще между мужемъ и женой было такое невозмутимое согласіе, они такъ довольны были тѣмъ тихимъ счастіемъ, которымъ наслаждались въ мирномъ уголкѣ своемъ, что едва переступали вы порогъ ихъ небольшаго, но всегда чисто убраннаго дома, какъ и вами невольно овладѣвало чувство душевнаго спокойствія и довольства.

У Кузминыхъ было пятеро дѣтей: четыре сына и дочь. Двое старшихъ воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, младшіе въ

гимназіи. Александръ Семеновичъ хотѣлъ и всѣхъ пустить и военной службѣ, но уступилъ просьбамъ жены.

— Что если, избави Богъ, откроется война, говорила она,— и вдругъ всѣхъ ихъ у насъ перебьютъ! А тутъ по крайней мѣрѣ хоть двое останутся намъ подъ старость лѣтъ на утѣшеніе.

— А развѣ это не утѣшеніе, если всѣ лягутъ за вѣру и царя, отвѣчалъ онъ.—На то они и дворяне, за то имъ и почетъ ото всѣхъ что долгъ ихъ за вѣру и царя кровь свою проливать; а чтобы бумаги кропать да карманы свои набивать, на то есть канцелярское сѣмя. Миша, — говорилъ онъ старшему сыну, семилѣтнему мальчику, — что если на царя нападетъ Французъ или Нѣмецъ, либо какой другой недобрый человѣкъ?

— Я ему голову сорву, отвѣчалъ тотъ, не задумываясь.

— Молодецъ, говорилъ, цѣлуя его въ лобъ, Александръ Семеновичъ.—Не только вражьей головы, и своей собственной для царя щадить не слѣдуетъ. На то ты и дворянинъ чтобы за него грудью стоять.

Дома при старикахъ оставалась одна дочь. Она была лишь тремя мѣсяцами моложе старшей дочери Баклановыхъ и названа была Ольгой вслѣдствіе усиленной просьбы Софьи Львовны. «Если Богъ и вамъ дастъ дочь, говорила она Глафирѣ Андреевнѣ, когда та пріѣхала къ ней на крестины, — назовите и ее Ольгой. Онѣ будутъ почти ровесницы и стали бы онѣ какъ и мы рости и воспитываться вмѣстѣ: мнѣ вѣдь все равно держать гувернантку что для одной, что для двухъ. При моей и ваша выучилась бы и языкамъ и музыкѣ. Свою я звала бы Олей, а вашу Оленькой и любила бы обѣихъ одинаково.» И обѣ матери отъ избытка чувствъ прослезились и, обнявшись, долго плакали.

Черезъ три мѣсяца у Глафиры Андреевны дѣйствительно родилась дочь, и, несмотря на желаніе Александра Семеновича

назвать ее въ честь покойной его матери Лукерьей, нарѣчена была во святомъ крещеніи Ольгою; предположенія же насчетъ воспитанія обѣихъ дѣвочекъ подъ надзоромъ одной гувернантки въ домѣ Баклановыхъ остались одними предположеніями. Правда, Софья Львовна не разъ говорила объ этомъ мужу; но тотъ постоянно отговаривалъ ее отъ ея намѣренія.

— Какъ брать чужаго ребенка на свои руки, отвѣчалъ онъ ей; — подумай какую мы взяли бы на себя отвѣтственность предъ Богомъ и людьми.

Да Кузмины серіозно и не разчитывали на этотъ планъ, составленный въ минуту сердечныхъ изліяній, и какъ не имѣли средствъ дать дочери дома хотя мало-мальски порядочное образованіе, то и хлопотали о помѣщеніи ея на казенный счетъ въ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ дѣлѣ содѣйствовалъ имъ и Баклановъ, но всѣ хлопоты его остались безуспѣшны. Ему отвѣчали очень вѣжливо и какъ будто резонно, что всѣ казенныя ваканціи зачислены за сиротами, у дѣвицы же Ольги Кузминой есть отецъ и мать. Баклановъ возражалъ, что хотя у дѣвицы Кузминой дѣйствительно есть отецъ и мать, но средства ихъ несравненно ограниченнѣе средствъ сиротъ помѣщенныхъ на эти ваканціи. Отвѣта на это возраженіе никакого не было; тѣмъ дѣло и кончилось.

— Нѣтъ, говорила, пригорюнившись, Глафира Андреевна; — видно на казенный коштъ воспитывать могутъ дочерей своихъ люди богатые, да знатные; а для нашего брата, бѣднаго и безпомощнаго дворянина, двери эти заперты.

— Да и не зачѣмъ, утѣшалъ ее Александръ Семеновичъ; — дѣвочка не мальчикъ. Къ чему ей ученость? знала бы грамоту, была благонравна. да научена какъ по закону мужа любить, дѣтей въ страхѣ Божіемъ воспитывать и Богу какъ слѣдуетъ молиться; а остальное все само-собой приложится.

Таково было семейство Кузминыхъ, къ которымъ съ извѣстною намъ цѣлью отправились Баклановы.

Былъ вечеръ, одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ вечеровъ первой половины сентября, когда солнце садится какъ разъ во-время, чтобы день и ночь, смѣняясь не въ ущербъ другъ другу, могли дать возможность насладиться какъ грѣющими, но уже не жгущими лучами солнца, такъ и живительною вечернею прохладой. Кузминъ только-что возвратился съ поля, гдѣ домолачивали горохъ и возили на гумно запоздалыя копны проса, и, надѣвъ халатъ, сидѣлъ у отвореннаго окна, прихлебывая изъ стакана горячій чай и покуривая свою коротенькую, походную трубку. Глафира Андреевна сидѣла у стола предъ ярко-вычищеннымъ какъ зеркало самоваромъ и выложивъ на подносъ для старой няньки два куска сахару, запирала стоявшую подлѣ нея на стулѣ чайную шкатулку. Оленька кормила остатками своего полдника большую меделянскую собаку. Уже сѣло солнце, и вдалекѣ противъ окна на багряной полосѣ ярко догаравшей зари рѣзкими чертами обрисовывались угловатые контуры водяной мельницы и причудливые силуэты стоявшихъ вдоль плотины осокорей. На дворѣ было тихо; лишь доносился равномѣрный стукъ работавшихъ на мельницѣ колесъ, смѣшанный съ шумомъ падавшей съ нихъ воды, да отъ времени до времени долетали изъ виднѣвшагося за прудомъ села блеяніе овецъ и голоса загонявшихъ ихъ бабъ и мальчишекъ.

— Что это такое? сказалъ вдругъ старикъ, пристально вглядываясь въ даль.—Карета шестерикомъ, да еще никакъ на нашу дорогу свернула.

Глафира Андреевна подошла къ окну.

— И въ самомъ дѣлѣ карета, сказала она, глядя по направленію дороги.—Кто же бы это такой могъ быть?

— Въ заправду карета, кричала Оленька, успѣвшая уже вскарабкаться на стулъ и съ любопытствомъ слѣдившая за приближавшимся экипажемъ.—И лошади все бѣлыя такія.

— Кто же это такой? повторяла въ недоумѣніи Глафира Андреевна,— Апипридумать немогу.

— А кому же больше и быть какъ не Александру Васильевичу, сказалъ наконецъ еще не совсѣмъ рѣшительно Кузминъ.

— И Богъ знаетъ что выдумаетъ. Жена умираетъ; а онъ станетъ по гостямъ разъѣзжать. Статочное ли это дѣло.

Кузмины уже знали какъ о смерти Оли, такъ и о болѣзни Софьи Львовны.

— Онъ же и есть, сказалъ Александръ Семеновичъ послѣ минутнаго молчанія.—Вонъ и Савельичъ сидитъ на козлахъ.

— И то Савельичъ, согласилась Глафира Андреевна.—Что же это такое значитъ?

Кузминъ всталъ и пошелъ переодѣваться. Глафира Андреевна засуетилась: приказала скорѣе подогрѣвать самоваръ, надвинула на плечи спавшую съ нихъ кофту, оправила на Оленькѣ платье и причесала ея растрепавшіеся волосы.

— Что бы это значило? продолжала она разсуждать сама съ собою, то подходя къ окну, то устанавливая и переставливая стулья.

Баклановы бывали у Кузминыхъ рѣдко и то обыкновенно проѣздомъ отъ Кудеяровыхъ, къ которымъ ѣздили также почти исключительно лишь въ дни ихъ именинъ, а потому это неожиданное посѣщеніе въ такое необычное время страшно интриговало ее. Минуты черезъ двѣ карета проѣхала мимо окна къ подъѣзду и изъ нея выглядывала Софья Львовна.

— Сама она! Что это такое? всплеснула руками Глафира Андреевна.—Ну, слава Богу! Стало-быть выздоровѣла, сказала она перекрестясь и побѣжала встрѣчать гостей на крыльцо. Вслѣдъ за нею вышелъ и успѣвшій уже переодѣться Александръ Семеновичъ. Встрѣча была самая трогательная.

— Вы знаете мое горе, сказала Софья Львовна, бросившись къ Глафирѣ Андреевнѣ, и обѣ горько заплакали.

— Успокойтесь, прилягте, да отдохните немного съ дороги, уговаривала хозяйка гостью, вводя ее въ домъ.

— А вотъ моя Олечка, сказала она, подводя ее къ Софьѣ Львовнѣ.

Та поцѣловала ее и подарила бонбоньерку. Дѣвочка робко, какъ бы не охотно, взяла ее и съ недовѣрчивостію, смѣшанною со страхомъ, глядѣла на пріѣзжую, хотя и не совсѣмъ незнакомую ей барыню.

— Ты какъ будто бы не узнаешь и боишься меня, говорила, лаская ее, Софья Львовна.

— Она у меня такая дикая, вмѣшалась, желая ободрить дочь, Глафира Андреевна; — она такъ рѣдко видитъ чужихъ. Олечка, — обратилась она къ ней; — или ты ихъ не помнишь? Онѣ еще къ намъ зимой пріѣзжали съ хорошенькой барышней, которая тебѣ такъ понравилась.

— Это что вотъ недавно умерла-то? спросила съ грустною интонаціей въ полголоса Оленька.

— Боже! какъ она на нее похожа! Какъ она мнѣ ее собою напоминаетъ! зарыдала снова Софья Львовна.

— Послушайте, Глафира Андреевна, сказала она вдругъ, поднявшись съ дивана, — мнѣ надо поговорить съ вами объ очень серіозномъ дѣлѣ.

И взявъ ее за руку, она пошла въ сосѣднюю комнату.

— Я къ вамъ съ убѣдительною просьбой, сказала она, затворивъ за собою дверь. — Спасите меня!

И она упала предъ нею на колѣна.

— Что вы? Христосъ съ вами! засуетилась около нея совершенно растерявшаяся Глафира Андреевна, дѣлая всевозможныя усилія, чтобы поднять ее на ноги.

— Не встану, пока вы не дадите клятвы исполнить мою просьбу.

— Все что хотите, бормотала та, не помня себя отъ волненія и сама не понимая, что говоритъ.

— Отдайте мнѣ вашу Оленьку.

Слова эти обдали ее какъ холодною водой, и она остановилась на мѣстѣ безъ движенія какъ ошеломленная.

— Я буду для нея второю матерью, буду любить больше чѣмъ дочь, говорила восторженно Софья Львовна. — При ней будетъ та же гувернантка, которая была взята для моей покойной Оли. Она будетъ окружена всѣми возможными заботами и попеченіями; когда она выростетъ, я пріищу ей богатаго жениха, все равно какъ для родной дочери своей, выдамъ ее замужъ,—словомъ, сдѣлаю все, что только отъ меня будетъ зависѣть для ея полнаго счастія.

Глафира Андреевна молча выслушала весь этотъ потокъ словъ и все еще никакъ не могла собраться съ мыслями. Она сознавала всю выгоду предложенія, очень хорошо понимала, что она далеко не въ состояніи была дать дочери того воспитанія, которое она могла получить у Баклановыхъ; но и не менѣе хорошо знала по собственному опыту что такое жизнь бѣдной дѣвушки въ чужомъ богатомъ домѣ. Правда, она сама нѣкогда желала этого; но тогда Оленьки еще не было на свѣтѣ, теперь же ей было уже восемь лѣтъ и она успѣла привыкнуть къ ней. Но если, съ одной стороны, ей тяжело было разстаться съ ней какъ съ единственнымъ оставшимся при ней дѣтищемъ; то съ другой, то же самое чувство материнской любви побуждало ее рѣшиться на это самопожертвованіе. Останавливало ее еще одно обстоятельство: она знала нелюбовь Софьи Львовны къ Лизѣ, была увѣрена, что она станетъ оказывать Оленькѣ всевозможныя предъ нею предпочтенія; но каково же будетъ чрезъ это самое положеніе Оленьки въ домѣ Баклановыхъ и какія будутъ отношенія ея къ Лизѣ? какъ будетъ на все это смотрѣть Александръ Васильевичъ? какъ будутъ смотрѣть родные, близкіе знакомые, наконецъ собственные люди? Не будутъ ли они при всякомъ удобномъ случаѣ колоть глаза ея бѣдной, ни въ чемъ неповинной Олечкѣ? Не будутъ ли всячески стараться выместить

на ней свое затаенное, сдерживаемое, но вполнѣ справедливое негодованіе на Софью Львовну? Всѣ эти и тысячи другихъ мыслей толпились въ ея головѣ.

— Рѣшайтесь, приставала къ ней съ умоляющимъ взоромъ Софья Львовна.—Не мечтали ли мы когда-то объ этомъ сами? И вотъ Господь Богъ устраиваетъ по нашему тогдашнему желанію. Не томите же меня; но помните, что слово ваше можетъ какъ возвратить меня къ жизни, такъ и окончательно убить.

— Послушайте, проговорила наконецъ нерѣшительно Глафира Андреевна; — вѣдь вы хотите взять у меня послѣднее утѣшеніе, которое осталось мнѣ въ жизни; у васъ же есть еще....

— Я знаю, что вы хотите сказать, перебила ее Софья Львовна;—и глаза ея засверкали, раздулись ноздри и на щекахъ выступили красныя пятна.—Но вѣдь это истуканъ, это деревяшка безъ всякихъ чувствъ. Какая же между нами можетъ быть симпатія? Это крестъ ниспосланный на меня Богомъ.

— Я вовсе не о томъ хотѣла рѣчь держать, спѣшила перебить ее въ свою очередь Глафира Андреевна, уже раскаиваясь, что затронула эту щекотливую струну. — Я хотѣла только сказать, что Лизанька вамъ все же родная дочь, и какъ же это Олечка вдругъ сядетъ ей что-называется на голову?

— Если вы уже принимаете такое участіе въ моей дочери, отвѣтила сухо Софья Львовна;—то скажу вамъ, что при Оленькѣ и ея положеніе будетъ лучше. Она вмѣстѣ съ ней будетъ брать уроки у M-me Coudert, будетъ вмѣстѣ съ нею подъ ея надзоромъ рости и воспитываться. Держать же особую гувернантку для какой-нибудь идіотки было бы и смѣшно и глупо.

— Повѣрьте, я не столько изъ участія къ Лизанькѣ, сколько по любви своей къ Олечкѣ, бормотала та, какъ бы оправ-

вываясь.—Согласитесь, какое неловкое положеніе займетъ она въ вашемъ домѣ, если вы будете оказывать ей больше нѣжности и любви нежели собственной вашей дочери. Какъ будутъ на это смотрѣть Александръ Васильевичъ и родные ваши? Вѣдь этакъ долго ли и до семейнаго раздора, и всему будетъ безъ вины виновата все моя же Олечка. Вотъ вѣдь толкъ-то въ чемъ.

— Понимаю опасенія ваши, сказала, задумавшись, Софья Львовна,—и хотя не полагаю, чтобъ они были основательны, для успокоенія вашего и для огражденія Оленьки отъ всякихъ возможныхъ нареканій и непріятностей въ будущемъ даю вамъ слово измѣнить, сколько будетъ въ силахъ моихъ, и отношенія мои къ дочери и положеніе ея въ домѣ, такъ что Оленька со дня вступленія въ него сдѣлается и моимъ утѣшеніемъ, и благодѣтельницей Лизы. Довольны вы?

Глафира Андреевна колебалась.

— Дайте мнѣ подумать, говорила она умоляющимъ голосомъ,—дайте сроку хоть до утра. Опять-таки вы сами знаете, у нея не я одна, у нея есть и отецъ.

— Совершенно справедливо, сказала Софья Львовна,—и мы сейчасъ узнаемъ его мнѣніе.

И не давъ ей опомниться, она отворила дверь въ залъ.

Бакдановъ уже успѣлъ объяснить Кузьмину цѣль своего пріѣзда, и тотъ какъ человѣкъ практичный и прямой сразу понялъ всю выгоду предложенія и принялъ его съ искреннею благодарностію.

— Александръ Семеновичъ, сказала Софья Львовна, войдя въ залъ;—я сейчасъ объяснила Глафирѣ Андреевнѣ цѣль нашего пріѣзда; вамъ вѣроятно передалъ о ней Александръ Васильевичъ. Отъ васъ зависитъ принять или отвергнуть нашу просьбу.

Старикъ въ короткихъ, но глубоко прочувствованныхъ сло-

вахъ повторилъ ей только-что сказанное имъ ея мужу, въ заключеніе поцѣловавъ ея руку.

Глафира Андреевна стояла на одномъ мѣстѣ безъ движенія, какъ обвиненный выслушивающій свой смертный приговоръ...

. Но не станемъ описывать раздирающей сцены разставанія матери съ дочерью. Баклановы, переночевавъ въ Кузминкѣ, на другой день рано утромъ уѣхали. Проводы были, разумѣется, самые трогательные.

— Помните же обѣщаніе ваше, говорила Глафира Андреевна, прощаясь съ Софьей Львовной.

— Помню, отвѣчала та, крѣпко обнимая ее, — помню, и вотъ вамъ моя рука, что свято исполню его.

Проводивъ дочь, долго еще сидѣли старики у отвореннаго окна, слѣдя глазами за удалявшеюся каретой.

— О чемъ ты такъ грустишь и горюешь, Глаша? спросилъ наконецъ Александръ Семеновичъ, когда карета скрылась за дальнимъ бугромъ.—Не хлопотали ли мы съ тобой сами помѣстить Олечку въ институтъ? Тогда бы она и вовсе жила отъ насъ за двѣсти верстъ, а до Баклановъ настоящихъ и пятидесяти не наберется. Будемъ ѣздить навѣщать ее; да и Софья Львовна, кажется, очень ее полюбила.

— Ахъ, другъ ты мой, грустно отвѣтила она ему,—тамъ была бы она на общемъ положеніи какъ и другія. Не ты, такъ государь за твою службу платилъ бы за нее; хлѣбъ она ѣла бы свой собственный; а чужой, я по себѣ сужу, подчасъ куда какъ бываетъ горекъ.

IV.

Софья Львовна сдержала свое слово. Возвратясь домой, она тотчасъ же позвала Лизу, сказала ей, что Богъ взамѣнъ умершей сестры посылаетъ ей другую, что она должна любить ее

какъ и первую и въ заключеніе приказала ей съ Оленькой поцѣловаться. Она одѣла ихъ въ одинаковыя платья, перевела Лизу въ комнату, которую занимала ея сестра, гдѣ помѣстила вмѣстѣ съ нею и Оленьку и приказала M-me Coudert заниматься равно какъ съ тою, такъ и съ другою, не дѣлая между ними никакого различія. Въ томъ же смыслѣ отданы были приказанія и домашней прислугѣ. Баклановъ и радовался и удивлялся этой неожиданной перемѣнѣ; онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и не зналъ, чему приписать ее. Не менѣе его удивлялись и M-me Coudert, и старая няня, и вся прислуга; они всѣ смотрѣли на Оленьку какъ на ниспосланнаго съ неба ангела-умиротворителя и съ перваго же дня полюбили ее,—словомъ, она поступила въ домъ Баклановыхъ при самыхъ благопріятныхъ для нея условіяхъ. Впрочемъ Оленька вполнѣ того заслуживала: это былъ прелестный ребенокъ, если только семилѣтнюю дѣвочку можно назвать ребенкомъ. Она была стройна и довольно высокаго по годамъ своимъ роста; свѣтлорусые волосы густыми прядями спускались на ея бѣлыя, хотя и нѣсколько загорѣлыя, пухлыя плечики; бойкіе, каріе глаза глядѣли и лукаво и привѣтливо. Несмотря на робость и застѣнчивость, которыя легко объяснялись уединенною захолустною жизнію Кузминыхъ, движенія ея были развязны и граціозны какъ движенія молодаго котенка, голосъ мягкій и симпатичный. Правда, въ первое время Софьѣ Львовнѣ стоило не малаго труда отучить ее отъ дурныхъ привычекъ и непринятыхъ въ порядочномъ обществѣ тривіальныхъ словъ и выраженій, перенятыхъ ею отъ окружавшихъ и на которыя и сама Глафира Андреевна была не очень разборчива. Она должна была останавливать и поправлять ее почти на каждомъ шагу; но это продолжалось недолго и Оленька вскорѣ же отвыкла отъ нихъ. Характера она была живаго и воспріимчиваго; она очень скоро сошлась съ Лизой и полюбила ее какъ родную сестру. Баклановъ, любуясь ихъ дѣтскими играми, не могъ

нарадоваться на нихъ, хотя въ то же время не могъ не видѣть и огромной между ними разницы. Насколько одна была мила и граціозна, настолько другая неловка и непривлекательна. Въ болѣзненномъ рахитическомъ видѣ Лизы, въ бѣлесовато-желтыхъ волосахъ ея, въ анемичномъ цвѣтѣ кожи съ слѣдами золотухи на щекахъ и шеѣ было что-то далеко не симпатичное, почти отталкивающее; постоянно красные глаза ея смотрѣли тупо и безжизненно; въ движеніяхъ была вялость, въ характерѣ какая-то апатичность. Несмотря на все это она была отъ природы дѣвочка не глупая и съ очень добрымъ сердцемъ; но съ самаго рожденія до того забита и запугана дурнымъ обращеніемъ матери и несправедливою взыскательностію и строгостію гувернантки, что въ характерѣ ея развились недовѣрчивость и сосредоточенность, заставлявшія ее казаться не коротко ее знавшимъ тупою и нелюдимою. Сообщество Оленьки принесло ей въ этомъ отношеніи большую пользу. Живая и веселая, она не давала ей углубляться въ самое себя, тормошила или тащила ее играть и бѣгать по саду. Та сначала упиралась, даже сердилась, но потомъ, видя невозможность постояннаго сопротивленія, сдѣлалась податливѣе и тѣмъ охотнѣе позволяла распоряжаться собою, что инстиктивно сознавала, что Оленька дѣлала все это изъ любви къ ней и желая раздѣлить съ нею свои дѣтскія забавы. Мало-по-малу между ними установилась интимность: чистосердечіе Оленьки вызвало и Лизу на откровенность; онѣ стали передавать другъ другу свои тайны, свои тревоги и опасенія. Вѣдь и у дѣтей есть свои тайны и надо отдать имъ справедливость: они подъ часъ умѣютъ хранить ихъ лучше взрослыхъ и стариковъ. Черезъ полгода Лизу узнать было трудно. Она измѣнилась какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи: на блѣдныхъ щекахъ ея появился легкій румянецъ; и смотрѣла она веселѣе и осмысленнѣе и въ движеніяхъ ея было больше энергіи и развязности. Въ ней уже

не было этой вѣчной, безотчетной боязни за себя, этой пришибленности; она глядѣла и самоувѣреннѣе и самостоятельнѣе. Баклановъ молча радовался этой метаморфозѣ; M-me Coudert приписывала ее новой принятой ею методѣ воспитанія, хотя она въ дѣлѣ воспитанія не держалась ровно никакой методы; сама Софья Львовна не могла не замѣтить ея; она сдѣлалась къ Лизѣ внимательнѣе, стала даже иногда ласково разговаривать съ нею.

У Оленьки оказались способности нетолько къ наукамъ и языкамъ, но и къ музыкѣ, въ особенности же къ рисованію. Черезъ два года она говорила по-французски и по-нѣмецки очень хорошо и свободно (M-me Coudert была Альзаска и знала оба языка), ко дню же именинъ Софьи Львовны нарисовала тайкомъ отъ всѣхъ, разумѣется съ помощію M-me Coudert, и поднесла ей очень отчетливо исполненную дѣтскую головку, что конечно растрогало ее до слезъ. «Mais c'est un prodige que cette enfant», твердила, разводя руками Француженка.

Пріѣзжали отъ времени до времени въ Бакланы провѣдать дочь свою и Кузмины и всякій разъ не могли вдоволь наглядѣться и нарадоваться на нее. Глафира Андреевна сначала боялась, чтобъ она, отвыкнувъ отъ нихъ, не разлюбила ихъ, боялась даже, чтобъ она окруженная роскошью и обществомъ людей воспитанныхъ и образованныхъ не стала гнушаться родными своими, людьми бѣдными и простыми; но непритворная радость ея и искреннія слезы при встрѣчахъ и разставаньи, дѣтская заботливость и предупредительность во время пребыванія въ Бакланахъ всякій разъ окончательно разсѣивали ея опасенія.

— Кладъ послалъ намъ Господь Богъ въ Олечкѣ, говорилъ Александръ Семеновичъ, возвратившись домой.

Глафира Андреевна вмѣсто отвѣта утирала навернувшіяся на глазахъ слезы и, затепливъ свѣчку предъ иконой Бого-

матери Скорбящихъ Радости, въ горячихъ молитвахъ излива-ла предъ нею благодарность свою.

Успокоившись на счетъ неизмѣнности чувствъ Оленьки, она не менѣе того боялась за будущность, которую готовило ей получаемое ею у Баклановыхъ воспитаніе; особенно же пугала ее наклонность ея къ музыкѣ и рисованію.

— На что ей эта музыка и рисованіе? говорила она му-жу,—лишь отъ другихъ путныхъ занятій отвлекаютъ. И что мы съ такою воспитанною да образованною станемъ дѣлать? За нашего брата неуча не пойдетъ; а богатый и образован-ный ее безприданницу за себя не возметъ, и будетъ она вѣкъ свой въ дѣвкахъ сидѣть.

— А что же такое, отвѣчалъ Александръ Семеновичъ. — Что нищихъ-то размножать; ихъ и такъ много.

— Да и вѣкъ волосами трясти толку тоже чуть.

— Съ образованіемъ она всегда добудетъ себѣ кусокъ хлѣба: не выйдетъ замужъ, пойдетъ въ наставницы либо гу-вернантки.

— И пустишь ты дочь свою по бѣлу свѣту мыкаться? го-ворила Глафира Андреевна, въ испугѣ выкативъ на мужа удивленные глаза.

— Почему жь? хлѣбъ онѣ ѣдятъ не краденый.

— Чтобъ Олечька когда сдѣлалась Кудершей или Беликур-шей? Избави Богъ ее дойти до такой низкости.

Глафира Андреевна уважала лишь вещественный трудъ, какъ приносящій видимую, осязаемую пользу, на всякій же другой, а тѣмъ болѣе на изящныя искусства смотрѣла какъ на пустую забаву, пригодную лишь для потѣхи богатыхъ, праздныхъ людей; и, если она такъ хлопотала дать Оленькѣ воспитаніе, то никакъ не потому чтобы сознавала въ томъ насущную потребность для нея самой, а потому что того требовалъ свѣтъ, «ужь больно сталъ прихотливъ и приве-

редливъ». Вслѣдствіе такого міросозерцанія гувернеры и гувернантки были въ глазахъ ея пустой ни на что не нужный народъ, выдумавшій все это образованіе лишь для того, чтобъ обирать честныхъ людей и кормиться его трудовыми денежками. Да и Александръ Семеновичъ высказалъ свою мысль вовсе не потому, чтобы таково въ самомъ дѣлѣ было его убѣжденіе, а такъ, благо подвернулось ему кстати гдѣ-то имъ слышанное на языкъ; самъ же онъ никогда не рѣшился бы отпустить дочь свою, молодую дѣвушку, одну, въ чужіе люди.

Я уже сказалъ, что Баклановъ, поселившись въ имѣніи своемъ, посвятилъ себя хозяйству и улучшенію быта крестьянъ своихъ. Онъ завелъ сельскую школу, учредилъ ссудныя кассы, устроилъ больницу, обратилъ особое вниманіе на распространеніе трезвости и уменьшеніе праздничныхъ, прогульныхъ дней, даже сдѣлалъ опытъ самоуправленія и самосуда, но вскорѣ же, убѣдившись, что мужикъ для этого послѣдняго дѣла еще недостаточно развитъ, долженъ былъ отказаться отъ своей попытки. Школы же въ двѣнадцать лѣтъ его управленія уже успѣли принести осязаемую пользу.

Вскорѣ кругу дѣятельности его суждено было расшириться: приближалась крестьянская реформа. Помѣщики много толковали, спорили, кричали, писали проекты. Баклановъ принималъ сначала въ преніяхъ этихъ дѣятельное участіе, по инціативѣ его возбуждены были и обсуждены многіе серіозные вопросы,—онъ былъ такъ-сказать въ этомъ дѣлѣ коноводомъ; но когда явились люди, которые, увлекшись духомъ новаторства и дурно ли, хорошо ли понятаго ими либерализма, стали требовать того что не согласовалось съ его убѣжденіями, онъ счелъ обязанностію своею сдерживать этотъ порывъ. «Господа, говорилъ онъ, я вполнѣ сочувствую великому дѣлу предстоящей реформы, сознаю, что вмѣстѣ съ полноправіемъ является для крестьянина и насущная потребность какъ въ

умственномъ и нравственномъ развитіи, такъ и въ улучшеніи матеріальнаго быта его, то-есть необходимо учрежденіе народныхъ школъ, ссудныхъ кассъ, установленіе на прочныхъ основаніяхъ частнаго кредита и т. п.; но тѣмъ не менѣе убѣжденъ я и въ томъ, что при настоящей неразвитости своей, пришибленности и полномъ обезличеніи вслѣдствіе долголѣтней безправности, онъ положительно не въ состояніи будетъ справиться съ самоуправленіемъ и самосудомъ, которые вы хотите дать ему. Ему надо хорошенько освоиться со своимъ личнымъ полноправіемъ и новыми обязанностями, прежде нежели самостоятельно приняться за общественныя дѣла. Давайте же подвигаться впередъ по предстоящему пути не торопливымъ, а осмотрительнымъ шагомъ, чтобы позже не пришлось двигаться по немъ раковымъ ходомъ.» Большинство людей положительныхъ сочувствовало ему; но, увлеченное общимъ потокомъ, не имѣло достаточно гражданскаго мужества, чтобы прямо выразить ему свое сочувствіе и открыто примкнуть къ нему. Болѣе рьяныя стали называть его отсталымъ и ретроградомъ,—нашлись даже такіе, которые обозвали его крѣпостникомъ хотя и сами сознавали какъ мало шелъ къ нему этотъ эпитетъ; но Баклановъ не обращалъ на все это никакого вниманія и до самаго конца остался себѣ вѣренъ. [illegible] дошли до Рубикона, говорилъ онъ, переступить за которые не дозволяютъ мнѣ убѣжденія, до которыхъ я дошелъ путемъ дол[illegible]тняго опыта и добросовѣстнаго изученія дѣла. Я могу, конечно, ошибаться, но я привыкъ говорить лишь то что чувствую и считаю недостойнымъ себя отказаться отъ своихъ воззрѣній только потому что они не согласуются съ господствующими въ данную минуту воззрѣніями и потому до поры до времени буду держаться особнякомъ. Когда же вопросъ выработается надлежащимъ образомъ и предполагаемая реформа сдѣлается обязательнымъ для всѣхъ учрежденій, я безпрекословно подчинюсь ей въ той формѣ и томъ размѣрѣ,

въ которыхъ она утверждена будетъ закономъ, какъ выраженію общественнаго требованія, и готовъ служить этому святому дѣлу всѣми силами своими.

И дѣйствительно, когда обнародовано было положеніе 19-го февраля, Баклановъ предложилъ свои услуги правительству, былъ назначенъ мировымъ посредникомъ и всецѣло посвятилъ себя своей новой обязанности.

V.

Незамѣтно прошло восемь долгихъ лѣтъ со дня водворенія Оленьки въ домѣ Баклановыхъ. Ей пошелъ уже шестнадцатый годъ; она выросла, похорошѣла и почти вполнѣ сформировалась. Ея развившіяся формы уже приняли ту мягкость и округлость очертаній, которыя даютъ столько чарующей прелести стройному и гибкому стану молодой дѣвушки. Еще не собранные въ косу густые, русые волосы, обрамляя ея очаровательное личико, падали на плеча волнистыми прядями и, разсыпаясь по нимъ, еще рѣзче выказывали матовую бѣлизну ихъ. Движенія ея были просты и граціозны: въ нихъ не было и тѣни той натянутости и принужденности, которыми грѣшитъ большинство нашихъ деревенскихъ барышень и которыя такъ много вредятъ имъ. Характеръ ея не утратилъ [illegible]й живости и веселости,—часто и теперь раздавался ея зво[illegible], дѣтскій смѣхъ; лишь глаза ея смотрѣли ужъ [illegible] такъ бойко и беззаботно и порой въ сосредоточенномъ взглядѣ ея можно было прочесть глубоко затаившуюся думу. Да было ей о чемъ и подумать. Замѣчено, что дѣти и преимущественно дѣвочки выросшія въ чужомъ домѣ развиваются не по годамъ. Оленька въ пятнадцать лѣтъ уже смотрѣла на жизнь съ ея положительной стороны, а развертывалась она предъ нею не совсѣмъ въ радужномъ свѣтѣ. Несмотря на материнскія попеченія, которыми продолжала окружать ее Софья Львовна, и на

отцовскую любовь и привязанность къ ней Александра Васильевича, она понимала, что она все-таки не у себя дома и что положеніе ея у Баклановыхъ основанно не на какихъ-либо родственныхъ или другихъ отношеніяхъ, а на мимолетной причудѣ, на капризѣ богатой барыни, и что самое полученное ею воспитаніе было не болѣе какъ дѣломъ частной благотворительности. Сознаніе это, съ одной стороны, возмущало ея щекотливое самолюбіе, а съ другой — налагало на нее долгъ благодарности, то-есть такой долгъ, уплатить который она не предвидѣла возможности. Она хотя и дала себѣ клятву посвятить всю жизнь свою, если нужно пожертвовать самой собою, для исполненія этой лежавшей на ней святой обязанности; но легко могла пройти и вся жизнь ея, не представивъ ни одного удобнаго къ тому случая. Эта мысль преслѣдовала и мучила ее какъ неотвязчиво преслѣдуетъ человѣка его собственная тѣнь.

Дружба ея съ Лизой росла и крѣпла съ каждымъ днемъ: она буквально полюбила ее какъ родную сестру. Да она и стоила того: это была дѣвушка ангельской кротости. Проведенные въ загонѣ дѣтскіе годы не возстановили ея ни противъ матери, ни противъ людей, не развили въ ней ни чувства зависти, ни злобы, какъ это въ подобныхъ случаяхъ большею частью бываетъ, а лишь наложили печать какой-то тихой сосредоточенной грусти. Не смотря на перемѣну въ обращеніи матери, она и теперь нерѣдко терпѣла отъ нея напраслину, но переносила вспышки ея безропотно, съ какою-то безотчетною покорностью судьбѣ, и спѣшила искать себѣ утѣшенія въ дружескихъ объятіяхъ своей нареченной сестры. И странное дѣло: Баклановъ все это видѣлъ, нерѣдко даже возмущался этими ничѣмъ не мотивированными вспышками, но постоянно держался въ сторонѣ, какъ бы не считая себя въ правѣ становиться между матерью и дочерью, точно также какъ не любилъ, чтобъ и жена его вмѣшивалась

въ отношенія его къ сыну. Такъ ужь видно сложились его убѣжденія.

Аркадій кончалъ курсъ; онъ долженъ былъ лѣтомъ быть выпущенъ офицеромъ въ гвардію и Баклановъ хлопоталъ о назначеніи его въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, которымъ командовалъ его старый товарищъ по службѣ, для того чтобъ имѣть возможность лучше слѣдить за нимъ. Между отцомъ и сыномъ шла постоянная переписка. Аркадій писалъ аккуратно два раза въ мѣсяцъ, и хотя коротенькія письма его по содержанію своему походили на рапортички подаваемыя дежурными офицерами по начальству, старикъ оставался ими вполнѣ доволенъ. «Не надо мнѣ этихъ размазываній да сердечныхъ изліяній, говорилъ онъ; мнѣ нужно дѣло.» Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Аркадій, увѣдомляя отца о благополучномъ исходѣ экзаменовъ, писалъ, что будущій командиръ его обѣщалъ послѣ лагерей дать ему отпускъ на двадцать восемь дней для свиданія съ родными, и что онъ просилъ отпустить его на сентябрь мѣсяцъ, чтобъ имѣть возможность именины матери и сестры провести съ ними.

— Какія нѣжности, замѣтилъ Баклановъ, читая письмо женѣ,—и что за аккомодаціи такія съ начальствомъ,—баловство одно.

«Итакъ, заключалъ Аркадій, ровно черезъ два мѣсяца я наконецъ крѣпко прижму васъ къ своему сердцу».

— Вотъ еще какъ, сказалъ старикъ, складывая прочитанное письмо.—Въ наше время у отцовъ и матерей цѣловали драгоцѣнныя ручки, а нынче ужь прямо къ сердцу прижимаютъ.

— Но развѣ ты не видишь, что слова эти вырвались у него помимо его воли, заступилась за сына Софья Львовна,—что они выражаютъ какъ нельзя лучше и теплоту сыновней любви и нетерпѣніе, съ которымъ онъ ждетъ этого свиданія

Баклановъ изъ-подлобья полунасмѣшливо взглянулъ на жену, но не сказалъ ни слова.

Длинны показались для матери эти нескончаемые два мѣсяца. Чтобы скоротать какъ-нибудь время, она даже сдѣлала таблицу дней остававшихся до пріѣзда Аркадія, и каждый вечеръ ложась спать вычеркивала на ней истекшее число, какъ дѣлаютъ школьники, думая скоротать тѣмъ время остающееся до выпуска. Наступило наконецъ и четвертое сентября, а Аркадій не пріѣзжалъ.

— А Лизины именины завтра, сказалъ Баклановъ за обѣдомъ.—Посмотримъ: пріѣдетъ ли такъ нѣжно любящій братъ обрадовать по обѣщанію сестру свою.

Наступило и пятое, а Аркадія все еще не было.

Утромъ, по возвращеніи отъ обѣдни, Софья Львовна, бывшая въ этотъ день въ очень хорошемъ расположеніи духа, подарила Лизѣ великолѣпныя серьги съ брошкой.

— Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, сказала она, поцѣловавъ ее въ лобъ.—А вотъ это за брата, добавила она, и крѣпко прижала къ сердцу. Это былъ первый искренній ея материнскій поцѣлуй. Лиза совершенно растерялась и ловила руку матери, чтобы покрыть ее поцѣлуями. Пораженная и вмѣстѣ тронутая этимъ необычнымъ зрѣлищемъ не могла совладѣть съ собою и Оленька: она бросилась къ нимъ, цѣлуя и обнимая то ту, то другую. Онѣ всѣ три плакали, плакали навзрыдъ и всѣ три въ эту минуту были такъ счастливы, что конечно не согласились бы промѣнять своего свѣтлаго счастія ни на какое блаженство въ мірѣ.

Узнавъ отъ Лизы о происшедшемъ сближеніи ея съ матерью, повеселѣлъ и Александръ Васильевичъ, и чтобы не отравлять семейной радости, во весь день не упоминалъ объ Аркадіи. Для полнаго счастія Лизы не доставало только, чтобъ и онъ въ этотъ день пріѣхалъ; но онъ какъ нарочно не пріѣзжалъ.

Такъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ прошли еще три дня. Баклановъ, начинавшій уже серіозно тревожиться не случилось ли чего съ сыномъ, послалъ въ Петербургъ телеграмму и получилъ въ отвѣтъ извѣщеніе, что тотъ выѣхалъ еще перваго сентября.

— Что же это такое? спрашивалъ онъ самъ себя. — Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ загостился въ Москвѣ у тетки, зная, что мы по его же письму ждемъ его.

И онъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

Наступило наконецъ двѣнадцатое. Былъ ясный день. Баклановъ сидѣлъ на балконѣ, покуривая свою сигару; предъ нимъ по ту сторону омывавшаго садъ пруда тянулась, убѣгая вдаль, обсаженная ветлами большая К—ская дорога. Вдругъ среди общей тишины послышался колокольчикъ. Онъ невольно взглянулъ по направленію дороги; сначала на ней изъ-за густо разросшихся ветелъ ничего не было видно кромѣ поднимавшейся вдалекѣ и косвенно относимой вѣтромъ въ сторону пыли; потомъ показалась быстро подвигавшаяся темная точка и минуту спустя уже можно было довольно ясно различить летѣвшій что-называется на всѣхъ парахъ ямской тарантасъ съ сидѣвшимъ въ немъ въ бѣлой фуражкѣ сѣдокомъ. «Онъ», подумалъ про себя Баклановъ. И дѣйствительно тарантасъ, проѣхавъ прудъ, повернулъ на плотину и чрезъ минуту пронесся мимо сада къ подъѣзду. Изъ лакейской послышался шумъ голосовъ, смѣшанный съ радостными восклицаніями. Баклановъ всталъ и тихими шагами вошелъ въ домъ.

Въ залѣ у дверей въ переднюю стоялъ Аркадій съ повисшею у него на шеѣ матерью; нѣсколько поодаль стояли Лиза съ Оленькой. Софья Львовна, не умѣвшая ни въ чемъ держаться середины, душила сына въ своихъ объятіяхъ, вмѣстѣ и смѣялась и плакала. Лиза робко, въ нерѣшимости поглядывала

шедшаго отца, какъ бы недоумѣвая, что ей дѣлать со своею особой. Оленька, казалось, отъ искренняго сердца любовалась этою семейною сценой и съ любопытствомъ разсматривала пріѣхавшаго незнакомца.

— Увидавъ отца, Аркадій бросился къ нему на встрѣчу.

— Тотъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— Выросъ, сказалъ онъ, осматривая его съ ногъ до головы.—Начали и усы пробиваться, какъ и слѣдуетъ корнету. Что же ты съ сестрами не поздороваешься?

Аркадій поцѣловалъ Лизу и, молча, пожалъ руку Оленькѣ.

— Ну, теперь объясни намъ гдѣ же это ты такъ замѣшкался? спросилъ Баклановъ.

— Все это, право, случилось такъ неожиданно, оправдывался Аркадій какъ провинившійся школьникъ предъ своимъ начальникомъ. — Вопервыхъ, изъ Петербурга, вмѣсто перваго, какъ предполагалъ, едва могъ я вырваться лишь пятаго...

— Какъ пятаго? перебилъ его отецъ.—Меня Павелъ Петровичъ увѣдомилъ телеграммой, что ты выѣхалъ изъ Петербурга перваго.

Аркадій видимо сконфузился.

— Дѣйствительно, прощаясь съ Павломъ Петровичемъ, я сказалъ ему, что выѣзжаю на другой же день, проговорилъ онъ несовсѣмъ твердо; но кое-какія формальности, проводы товарищей, все это задержало меня на три дня лишнихъ. Въ Москвѣ я заболѣлъ, и тетушка Марья Васильевна никакъ не хотѣла отпустить меня больнаго.

— Все это прекрасно, сказалъ, выслушавъ его хладнокровно, Баклановъ,—но подумалъ ли ты о томъ, что до конца твоего отпуска осталось всего семнадцать дней, и что въ эти дни ты долженъ еще будешь съѣздить къ дядѣ Ѳедору Львовичу за пятьдесятъ верстъ, да къ тетушкѣ Варварѣ Ва-

сильевнѣ за двѣсти. Если ты пробудешь у нихъ и по одному дню, такъ все-таки проѣздишь цѣлую недѣлю. Сколько же тебѣ останется съ нами пробыть?

— Но вѣдь на это, папаша, у насъ теперь такъ строго не смотрятъ: можно нѣсколько дней и просрочить или взять свидѣтельство о болѣзни.

— То-есть начать службу неаккуратностью или обманомъ? Нѣтъ, братъ, это ужь шалишь: надѣлъ лямку, такъ и тяни ее. Перваго октября срокъ; тридцатаго сентября изволь быть въ Петербургѣ.

— Но, другъ мой, вмѣшалась было Софья Львовна.— какъ же онъ все это успѣетъ сдѣлать въ такое короткое время?

— Это ужь дѣло его, отрѣзалъ Баклановъ голосомъ недопускавшимъ возраженія и сталъ говорить съ сыномъ о другихъ предметахъ.

Неожиданное рѣшеніе это отравило радость свиданія и очень огорчило Софью Львовну. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ восьми лѣтъ разлуки увидать сына лишь на нѣсколько дней для нервной и раздражительной женщины было съ чего съума сойти; но она хорошо знала своего мужа,—знала что когда дѣло шло объ исполненіи долга, на него нельзя было подѣйствовать ни мольбами, ни слезами, ни даже истерическими припадками и что въ настоящемъ случаѣ пытаться уговорить его измѣнить принятое имъ рѣшеніе было бы напрасною тратой времени.

Она вечеромъ долго совѣщалась съ сыномъ какъ бы помочь дѣлу другими путями, но ничего придумать не могла: не ѣхать къ ея брату за пятьдесятъ верстъ было неловко тѣмъ болѣе что жена его была женщина очень взыскательная; не ѣздить же къ сестрѣ Александра Васильевича нечего было и думать, — одинъ намекъ на это онъ принялъ бы за кровное оскорбленіе. Рѣшено было, что Аркадій пробудетъ

въ Бакланахъ до семнадцатаго, то-есть до именинъ матери; на другой же день поѣдетъ къ роднымъ, а къ двадцать пятому возвратится, чтобъ уже остальные два, три дня провести вмѣстѣ.

Слѣдующій день прошелъ для всѣхъ скучно и натянуто. Старикъ былъ недоволенъ сыномъ за его неаккуратность. Софья Львовна дулась на мужа за его неумѣстный ригоризмъ; Лиза, и безъ того необщительная, еще болѣе сосредоточилась въ самое себя: съ одной стороны, на нее имѣло вліяніе дурное расположеніе духа стариковъ,—съ другой, она такъ мало знала Аркадія, что не могла привыкнуть смотрѣть на него какъ на брата; Оленька чувствовала себя при немъ въ домѣ Баклановыхъ какъ-то неловко, будто не на своемъ мѣстѣ. Самъ Аркадій былъ до того озадаченъ и сконфуженъ сдѣланнымъ ему отцомъ пріемомъ, да еще въ присутствіи почти незнакомыхъ ему молодыхъ дѣвушекъ, что окончательно потерялъ подъ ногами почву и смотрѣлъ не какъ пріѣхавшій въ провинцію блестящій гвардейскій офицеръ, а какъ только-что пойманный въ шалости и оштрафованный школьникъ. Даже M-me Coudert, обыкновенно веселая и разговорчивая, подъ вліяніемъ общей натянутости какъ-то жалась и видимо была не въ своей тарелкѣ.

Натянутость эта продолжалась бы еще можетъ-быть долго, еслибы не положило ей конецъ неожиданное обстоятельство, которое, казалось бы, должно было еще болѣе усилить ее. На третій день пріѣзда, Аркадій за часъ до обѣда отправился съ сыномъ управляющаго, гостившимъ подобно ему у родныхъ своихъ, на верхъ поиграть на билліардѣ. Не разчиталъ ли онъ времени, или увлекся игрой, но не замѣтилъ какъ насталъ обѣденный часъ. Обѣдъ былъ сервированъ и недоставало только его, чтобы сѣсть за столъ. Баклановъ послалъ ему сказать, что его ждутъ. Прошло еще десять минутъ и онъ пригласилъ всѣхъ идти въ столовую.

— Семеро одного не ждутъ, сказалъ онъ; — а старику и одному семерыхъ молодыхъ ждать не приходится.

Лиза хотѣла было бѣжать за Аркадіемъ въ билліардную; но онъ остановилъ ее.

— Разъ сказано и довольно, сказалъ онъ сухо.

Сѣли за столъ; всѣ молчали. Софья Львовна поминутно посматривала на дверь, но Аркадій не приходилъ. Обѣдъ ужь приближался къ концу, когда наконецъ онъ вошелъ.

— Съ выигрышемъ или съ проигрышемъ? спросилъ старикъ, не поднимая глазъ съ своей тарелки.

Аркадій извинялся, оправдываясь какъ могъ, и хотѣлъ сѣсть за столъ.

— Тебѣ ужь лучше не дождаться ли, какъ мы пообѣдаемъ сказалъ отецъ.—Тебѣ начинать обѣдъ съ пирожнаго пріятнаго мало: да и намъ смотрѣть какъ ты начнешь его съ супа и ждать пока догонишь насъ, удовольствія будетъ немного. Тебѣ бы закурить пока папироску, оно бы уже какъ разъ на ресторанъ было похоже: одни обѣдаютъ, другіе играютъ на билліардѣ, третьи въ ожиданіи пока принесутъ имъ заказанную порцію покуриваютъ себѣ. И отлично: всякій лишь о себѣ думаетъ. Сестры-то твои кстати въ ресторанахъ еще не бывали.

Аркадій совершенно растерялся и, не зная что ему дѣлать, отошелъ къ окну. Обѣдъ впрочемъ скоро кончился; Софья Львовна ушла въ гостиную, Александръ Васильевичъ по обыкновенію къ себѣ въ кабинетъ. Сцена сдѣланная ему отцомъ до того озадачила, сконфузила и вмѣстѣ оскорбила Аркадія, что слезы чуть не выступили у него на глазахъ. Онъ выпилъ стаканъ воды, постоялъ еще минуту у окна, чтобы сколько-нибудь оправиться, и вошелъ въ гостиную, гдѣ нашелъ все дамское общество въ полномъ сборѣ. Софья Львовна сидѣла на диванѣ и плакала; Лиза стояла у стола и, опустивъ глаза, перебирала пальцами концы своего фарту-

ка; Оленька сидѣла въ углу у окна видимо взволнованная: ноздри ея раздувались отъ сдерживаемаго негодованія и грудь тяжело подымалась. Всѣ молчали; говорила одна M-me Coudert.

— Où sont donc aprés cela les droits de l'homme? тараторила она около Софьи Львовны. — M. Arcadie n'est plus un en ant. Et puis il y a manière et manière.

— Не стыдно ли тебѣ, Аркадій, сказала ему съ упрекомъ Софья Львовна. — Ты знаешь какъ отецъ всегда и во всемъ пунктуаленъ и какъ требуетъ и отъ другихъ той же пунктуальности. Что бы тебѣ стоило сойти къ обѣду вовремя.

— Мнѣ право и въ голову не приходило, чтобъ изъ такого вздора....

— Ну вотъ и скушалъ урокъ. Хорошъ?

— Можетъ-быть и хорошъ, только не сытенъ, сказалъ, стараясь улыбнуться Аркадій.—Признаюсь вамъ: ѣсть страшно хочется.

Всѣ расхохотались. Софья Львовна отъ слезъ мгновенно перешла къ истерикѣ отъ разбиравшаго ее смѣха. Дѣвушки и M-me Coudert бросились хлопотать объ обѣдѣ.

Столовою избрана была камната Оленьки, какъ болѣе отдаленная, чтобы не могъ доходить стукъ ножей и тарелокъ до кабинета, гдѣ отдыхалъ старикъ.

— C'est à vous à faire les honneurs de la maison, mademoiselle Olga, говорила M-me Coudert.

— A la guerre, comme à la guerre, отвѣчала Оленька, составляя съ своего рабочаго столика стоявшія на немъ бездѣлушки и покрывая его салфеткой.

Принесенъ былъ почти полный обѣдъ. Проголодавшійся Аркадій ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; надъ нимъ много шутили, смѣялись и въ какой-нибудь часъ болѣе сблизились нежели въ предшествовавшіе два дня. Вечеръ прошелъ весело и оживленно: играли и въ petits jeux и въ jeux d'esprit.

Въ слѣдующіе три дня молодые люди или лучше сказать взрослыя дѣти сошлись еще ближе, и когда на четвертый Аркадій, отпраздновавъ материны именины, уѣзжалъ дѣлать свой объѣздъ, ему казалось, что онъ прожилъ въ Бакланахъ цѣлый годъ.

— Смотри опять не замѣшкайся, не заболѣй и у этой тетки, говорилъ отецъ, провожая его на крыльцо.

— Будьте покойны, двадцать пятаго въ шесть часовъ утра буду здѣсь.

— Посмотримъ. Давши слово, надо сдержать его.

И дѣйствительно въ назначенный день еще до разсвѣта къ крыльцу подъѣхала коляска и изъ нея выпрыгнулъ Аркадій.

— Что исправно такъ исправно, улыбался, здороваясь съ нимъ старикъ, ровно въ шесть часовъ вышедшій изъ кабинета съ сигарою въ зубахъ.

Вскорѣ поднялся и весь домъ. За завтракомъ держали совѣтъ какъ употребить и, если возможно, какъ бы продлить остававшіеся три дня.

— Еслибъ изъ нихъ можно было сдѣлать хоть четыре, сказала Оленька, со вкрадчивою улыбкой взглянувъ на Бакланова.

За нею, какъ бы сговорясь, взглянули на него и всѣ остальные; но онъ спокойно продолжалъ курить свою сигару и казалось ничего не слышалъ и не замѣчалъ.

— Je ne vois qu'un moyen, подала голосъ свой M-me Coudert;—c'est de prendre les jours sur les nuits.

Совѣтъ ея принятъ былъ единогласно и положено было расходиться не раньше трехъ часовъ ночи. Но не смотря на всѣ эти ухищренія три дня прошли въ свой положенный срокъ и наступилъ роковой день разставанья.

— Завтра тебѣ надо выѣхать пораньше, чтобы не опоздать въ городъ къ отъѣзду почтовой кареты, сказалъ еще наканунѣ, прощаясь съ Аркадіемъ, отецъ.

Въ семь часовъ утра онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и оставался съ нимъ наединѣ больше часа. Когда они вышли у Аркадія глаза были красны; у старика по лицу хотя ничего нельзя было замѣтить, но по всему видно было, что между ними произошло полное примиреніе.

Сѣли за завтракъ, до котораго впрочемъ никто не коснулся. Когда часы пробили девять, старикъ всталъ.

— Пора и въ путь, сказалъ онъ.—Помолимтесь Богу.

По заведенному изстари традиціонному обычаю, онъ заперъ двери и пригласилъ всѣхъ сѣсть. Послѣ минутной торжественной тишины, онъ молча всталъ и положилъ три крестные поклона. Всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, Христосъ съ тобою, сказалъ онъ, перекрестивъ Аркадія и поцѣловавъ его на обѣ щеки. — Не позабудь, что я давича говорилъ тебѣ: помни, что ты представитель древняго благороднаго рода Баклановыхъ и что на тебѣ лежитъ священный долгъ поддерживать уваженіе къ имени, которое съ честью и гордостью носили твои предки. Не пренебрегай и аккуратностью: c'est la politesse des rois и безъ нея плохой ты будешь царскій слуга.

И онъ еще разъ перекрестилъ и поцѣловалъ его.

Софья Львовна до того рыдала, прощаясь съ сыномъ, что не могла выговорить ни слова. Ей давали нюхать какіе-то спирты и соли, мочили голову одеколономъ и холодною водой и въ заключеніе почти вынесли на рукахъ на крыльцо, гдѣ и посадили въ кресло.

— Вотъ вамъ на память отъ насъ обѣихъ, сказала Аркадію Оленька, когда онъ подошелъ прощаться съ нею, и она подала ему акварельный портретъ Лизы.

Портретъ этотъ былъ нарисованъ ею во время поѣздки Аркадія къ теткѣ. Онѣ съ Лизой долго придумывали какой бы сдѣлать ему сюрпризъ и наконецъ остановились на портретѣ. Сходство было разительное.

— Да ты, Оля, артистка; тебѣ надо съ твоимъ талантомъ ѣхать въ Академію, говорилъ Александръ Васильевичъ, любуясь имъ.—Ты бы ему и свой на память нарисовала.

— Пробовала, не могу, отвѣтила покраснѣвъ Оленька.

Лиза лукаво взглянула на нее. Дѣло въ томъ, что она нарисовала и свой, но подарить его Аркадію рѣшиться не могла.

— И не нужно, je le porte dans mon coeur, сказалъ тотъ шутливо, приложивъ руку къ сердцу.

Оленька ничего не сказала. Слова эти и тонъ, съ которымъ они были сказаны, какъ-то болѣзненно подѣйствовали на нее; лишь принужденная улыбка судорожно скривила ея губки.

Простившись еще разъ съ отцомъ и матерью, Аркадій подошелъ и къ ней.

— Можетъ-быть и вы когда-нибудь обо мнѣ вспомните, сказалъ онъ, крѣпко сжимая ея руку.

Оленька молчала, рука ея была холодна какъ ледъ. Онъ взглянулъ на нее и увидалъ катившуюся по щекѣ ея слезу.

Что̀ значила эта какъ бы украдкой скатившаяся слеза, эта furtiva lagrima? Льетъ слезы и безутѣшное горе, льетъ ихъ подчасъ и тихая, свѣтлая радость. Не съ дрожащею ли на лепесткахъ слезой привѣтствуетъ и роза восходящее солнце.

VI.

Съ отъѣздомъ Аркадія Баклановскій домъ какъ бы опустѣлъ: вмѣсто оживленной, лихорадочно-возбужденной дѣятельности наступила мертвая тишина и потекла обыденная жизнь своимъ обычнымъ чередомъ. Софья Львовна жаловалась на разстроенные нервы и почти не выходила изъ своей спальни, продушенной лавровишневыми и другими противунервными каплями; Александръ Васильевичъ сталъ молчаливѣе обыкновеннаго и по цѣлымъ часамъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ съ сигарой въ зубахъ и заложенными за спину руками; Лиза глядѣла какъ-то разсѣянно и не могла приняться ни за какое дѣло; всегда согласовавшаяся съ общимъ настроеніемъ духа скучна была и Mme Coudert; но грустнѣе всѣхъ была Оленька. Почему она была такъ грустна, она и сама не могла дать себѣ отчета. Скучала и грустила она, казалось ей, потому что она въ это короткое время успѣла такъ привыкнуть къ Аркадію, что безъ него ей какъ будто бы чего-то недостовало. Онъ нравился ей уже потому, что такъ рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ посѣтителей Баклановъ какъ образомъ мыслей и способомъ ихъ выраженія такъ и самыми пріемами своими. Онъ былъ ловокъ и находчивъ и, когда хотѣлъ, очень забавенъ и остроуменъ, съ нею же всегда любезенъ и предупредителенъ; да и кромѣ того въ немъ было что-то симпатичное, что-то такое, что̀ невольно влекло къ нему. Съ самаго пріѣзда своего онъ возбудилъ въ ней къ себѣ участіе какъ крайне неласковымъ пріемомъ сдѣланнымъ ему отцомъ, такъ и постоянно сухимъ и начальственнымъ его съ нимъ обращеніемъ; съ того же дня какъ онъ оставленъ былъ имъ безъ обѣда и она угощала его въ комнатѣ своей, она привязалась къ нему какъ къ брату, и въ остальные дни, казалось ей, иначе на него уже не смотрѣла. Если сказанныя имъ при прощаніи слова шутливымъ тономъ

своимъ почему-то и болѣзненно подѣйствовали на нее, то когда онъ подошелъ къ ней во второй разъ и, крѣпко сжавъ ея руку, просилъ ее вспоминать иногда и о немъ, въ выраженіи лица его и въ самомъ голосѣ было столько искренности, что она ему тутъ же простила ихъ, и помимо ея воли выкатившаяся слеза досказала то, что она не могла высказать словами. Правда, въ эту минуту рядомъ съ братскою къ нему любовью въ ней какъ будто пробудилось еще какое-то другое, до того незнакомое ей чувство; но что̀ это было за чувство, она и сама не знала, хотя и казалось ей, что оно должно было еще болѣе привязать ее къ нему, какъ будто даже сулило ей минуты какого-то еще неизвѣданнаго ею блаженства. «Можетъ-быть, думала она, еслибъ онъ остался еще на нѣсколько дней, я уяснила бы себѣ это чувство, можетъ-быть узнала бы самое блаженство, которое сулило оно; но онъ какъ нарочно тутъ же уѣхалъ и уѣхалъ надолго, быть-можетъ мнѣ уже никогда и не придется снова свидѣться съ нимъ.» Такъ объясняла себѣ Оленька чувства свои къ Аркадію, такъ объясняла она себѣ и овладѣвшую ею грусть по отъѣздѣ его. Какъ же въ самомъ дѣлѣ было ей не грустить больше чѣмъ грустили другіе?

Не долго впрочемъ суждено было ей и скучать въ Бакланахъ. Не прошло и двухъ недѣль съ отъѣзда Аркадія какъ серіозно заболѣлъ ея отецъ. Она хотѣла непремѣнно ухаживать за нимъ сама, и Баклановы не сочли себя въ правѣ удерживать или отговаривать ее отъ этого намѣренія. У отца былъ ударъ, лишившій его употребленія руки и ноги, и она нашла его въ постели. Какъ ни сильно было желаніе ея быть ему полезною, болѣзнь была такого рода, да и сама еще она была такъ молода и въ этомъ дѣлѣ неопытна, что уходъ ея большой пользы больному принести не могъ, да и оказался почти лишнимъ, такъ какъ кромѣ Глафиры Андреевны при немъ постоянно находился близкій со-

сѣдъ Кузминыхъ, нѣкто Погорѣловъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ отставку и поселившійся въ небольшомъ имѣніи своемъ въ трехъ верстахъ отъ Кузминки. Онъ былъ многимъ обязанъ старику, любилъ его какъ роднаго отца и въ продолженіе всей болѣзни его не отходилъ отъ него ни на шагъ. Впрочемъ если присутствіе Оленьки приносило больному мало матеріальной пользы, оно принесло нравственную: пріѣздъ ея обрадовалъ и ободрилъ его. Оленька очень хорошо это видѣли и дала себѣ слово не оставлять больнаго отца до полнаго его выздоровленія.

Два мѣсяца проведенные въ Кузминкѣ прошли для нея незамѣтно: въ постоянныхъ заботахъ о больномъ ей почти и не было времени предаваться грусти, которая порой и здѣсь посѣщала ее; къ тому же Лиза отъ времени до времени сообщала обо всемъ, что могло интересовать ее,—разъ даже пріѣзжала съ отцомъ навѣстить ее сама. Жизнь въ Кузминкѣ даже нравилась ей тѣмъ своебразіемъ, которымъ отличалась отъ Баклановской, не говоря уже о томъ, что здѣсь чувствовала она себя какъ-то болѣе дома, у себя, въ своемъ тепломъ гнѣздышкѣ, съ роднымъ отцомъ, окруженною нѣжными заботами родной матери. Часто ловила она ея устремленный на нее кроткій, полный материнской любви взглядъ, нерѣдко подмѣчала и дрожавшую на рѣсницѣ или катившуюся по исхудалой щекѣ ея слезу; но тутъ же видѣла, что это была слеза тихой радости и сердечной благодарности Тому, Кѣмъ ниспослана была эта радость. По утрамъ Оленька занималась рисованіемъ: она сняла нѣсколько видовъ живописныхъ береговъ пруда и нарисовала портретъ своей старой няни; вечера же были исключительно посвящены чтенію около постели больнаго. У Погорѣлова была порядочная библіотека, и онъ выбиралъ изъ нея книги, которыя могли бы занять и Оленьку и старика. Онъ много видѣлъ и читалъ, имѣлъ пре-

красную память и умѣлъ хорошо передавать все имъ видѣнное и читанное. Иногда по просьбѣ Кузмина разказывалъ онъ эпизоды изъ сдѣланной имъ Крымской компаніи, и разказы его были полны такого живаго интереса, что Оленька всегда слушала ихъ съ большимъ любопытствомъ. Порой любила она слушать и простодушную болтовню старой няни, напоминавшей ей собою ея такъ недавно минувшее дѣтство. Чаще же всего, несмотря на позднее время года, уходила она въ свободные часы въ садъ въ сопровожденіи огромнаго меделянскаго щенка, котораго уже успѣла выучить носить за собою поноску, и тамъ бродила по опустѣлымъ аллеямъ и занесенному сухими листьями берегу широкаго пруда.

Ударъ, сложившій старика въ постель, былъ легкій, помощь подана была своевременно, уходъ за больнымъ былъ самый бдительный, и онъ къ концу двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Оленькой въ Кузминкѣ, чувствовалъ себя настолько хорошо, что могъ ходить безъ помощи костыля по комнатѣ и ждалъ лишь саннаго пути, чтобъ отвезть Оленьку въ Бакланы и лично поблагодарить Александра Васильевича за посѣщеніе его во время болѣзни.

Ждала его съ нетерпѣніемъ и Оленька не потому впрочемъ, чтобы жизнь въ Кузминкѣ начинала наскучать ей; но она въ послѣднее время не имѣла никакихъ извѣстій изъ Баклановъ, знала какъ Лиза должна была скучать безъ нея и потомъ ей хотѣлось что-нибудь узнать отъ нея и объ Аркадіи. Онъ наканунѣ отъѣзда своего далъ слово Лизѣ писать ей часто съ условіемъ, чтобъ и она аккуратно отвѣчала на письма его. Оленька хотя въ договорѣ этомъ лично и не участвовала, могла чрезъ эту переписку знать объ Аркадіи и передавать ему все, что̀ хотѣла, конечно не отъ своего лица, а какъ слышанное отъ нея Лизой. Это была своего рода дипломатическая хитрость, которую оба они, разумѣется, очень хорошо понимали, но понимали что-называется каждый про себя.

Установился наконецъ и санный путь, и въ одинъ прекрасный вечеръ семейство Кузминыхъ въ полномъ наличномъ составѣ прибыло въ Бакланы. Общая радость была неописанная; встрѣча конечно не обошлась безъ самыхъ трогательныхъ сердечныхъ изліяній и было уже довольно поздно, когда наконецъ Оленька могла удалиться съ Лизой въ ея комнату. Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидали онѣ обѣ этой минуты: такъ много, казалось имъ, имѣли онѣ о чемъ сообшить другъ другу, хотя въ сущности все этό многое, какъ мы сейчасъ увидимъ, сводилось чуть не къ нулю.

— Ну чтό? спросила Оленька, когда онѣ остались наединѣ.

Лиза вмѣсто отвѣта вынула изъ столика цѣлую связку писемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ Оленька уже читала въ пріѣздъ Лизы въ Кузминку; остальныя прочитаны были ими тутъ же вмѣстѣ. Въ письмахъ этихъ не было ничего особеннаго,—всѣ они были одного содержанія; это были варіанты на одну и ту же тему, такъ что, прочитавъ одно, можно было остальныхъ и не читать. Аркадій писалъ въ нихъ, что страшно скучаетъ по Бакланамъ и воображаетъ какъ Лиза должна скучать одна безъ Оленьки, что единственное утѣшеніе его вспоминать о немногихъ счастливыхъ дняхъ проведенныхъ съ ними, что онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ даже объ обѣдѣ, изъ-за котораго вышелъ голоднымъ, и что готовъ бы былъ каждый день оставаться безъ обѣда, лишь бы проводить вечеръ такъ, какъ онъ провелъ его въ этотъ памятный для него день и т. д. и т. д. Словомъ, вся переписка была дѣтскою забавой. Дѣти и забавлялись по дѣтски, никакъ не подозрѣвая въ какую опасную игра́ли игру. О перепискѣ этой знали и старики; иногда заставляли они Лизу прочесть полученное ею отъ Аркадія письмо и выслушивали его съ самодовольною улыбкой.

— А вотъ на это, сказала Лиза очень серіозно и озабоченно,—я право не знаю, что и отвѣчать.

Въ письмѣ этомъ Аркадій просилъ Лизу убѣдить Оленьку прислать ему свой портретъ. «Если она будетъ отговариваться тѣмъ, что не можетъ нарисовать его похожимъ, писалъ онъ, то скажи ей, что мнѣ не трудно будетъ дополнить въ воображеніи моемъ то, чего будетъ въ немъ недоставать.»

Долго думали, что бы отвѣтить, и наконецъ рѣшено было написать, что если ему такъ хочется имѣть этотъ портретъ, то чтобъ онъ пріѣзжалъ за нимъ самъ. Оленькѣ не хотѣлось посылать Аркадію свой портретъ, а потому она была очень довольна, что придумала эту увертку, такъ какъ была увѣрена, что онъ пріѣхать въ Бакланы такъ легко не рѣшится. Каковъ же былъ ея испугъ, когда ровно черезъ десять дней полученъ былъ отъ Аркадія отвѣтъ, что онъ непремѣнно пріѣдетъ; онъ даже просилъ увѣдомить его къ какому сроку будетъ готовъ портретъ. Разумѣется тотчасъ же отправлено было другое письмо, въ которомъ просили Аркадія такимъ пріѣздомъ не возстановлять противъ себя отца и портретъ обѣщанъ былъ уже безъ всякихъ кондицій. Ему конечно только этого и было нужно.

Переписка эта впрочемъ велась аккуратно лишь первые два три мѣсяца, а тамъ Аркадій началъ запаздывать отвѣтами своими сначала недѣлею, потомъ двумя. и наконецъ цѣлымъ мѣсяцемъ. Самыя письма были короче и носили на себѣ совершенно другой колоритъ: онъ писалъ больше о петербургскихъ удовольствіяхъ, оперѣ, концертахъ, придворныхъ балахъ,—словомъ, о такихъ предметахъ, которые для Оленьки и Лизы, при ихъ замкнутой, захолустной жизни, представляли мало интереса; о Бакланахъ же и помина уже не было. Это очень огорчало ихъ; онѣ долго недоумѣвали чему приписать такую перемѣну, и наконецъ рѣшили, что конечно Аркадій сердится на нихъ за то, что онѣ долго не высылаютъ ему обѣщаннаго портрета.

Отдѣльнаго портрета своего Оленька посылать Аркадію не

хотѣла и потому придумала нарисовать семейную группу. Мысль свою она сообщила старикамъ, которые конечно аппробовали ее. Группа была нарисована и отправлена и при ней приложено письмо, въ которомъ Лиза писала Аркадію, что съ ихъ стороны обѣщаніе исполнено и что не найдетъ ли и онъ возможности подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ исполнить свое. Отвѣтъ на этотъ разъ пришелъ также аккуратно какъ и въ прежнее время. Аркадій благодарилъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ за сдѣланный ему сюрпризъ и увѣрялъ, что еслибы не служебныя обязанности, то конечно вмѣсто письма пріѣхалъ бы принести благодарность свою самъ, но что впрочемъ надѣется исполнить это не въ дальнемъ будущемъ. Письмо было много длиннѣе предыдущихъ; видно было, что Аркадій старался поддѣлаться подъ тонъ прежнихъ своихъ писемъ, но въ поддѣлкѣ этой проглядывало что-то искуственное, натянутое,—вообще письмо грѣшило отсутствіемъ искренности. Оленька, прочитавъ его, вздохнула: но не сказала ни слова. Отвѣтъ Аркадія на слѣдующее письмо былъ уже много короче и запоздалъ на цѣлую недѣлю, на слѣдующее за нимъ слишкомъ на двѣ; на третье же не получалось отвѣта болѣе мѣсяца. «Что бы это такое значило? говорила Оленькѣ Лиза, и портретъ посланъ, и онъ, кажется, остался имъ такъ доволенъ; за что же еще сердится онъ на насъ?» Оленька молчала; но по лицу ея было видно какъ грустно было у ней на сердцѣ.

Незамѣтно прошло лѣто; сравнялся ровно годъ съ отъѣзда Аркадія въ Петербургъ. Дни проведенные имъ въ прошломъ году въ Бакланахъ показались Оленькѣ особенно скучны: въ день пріѣзда его она почти не сходила съ балкона, смотря на убѣгавшую въ даль большую дорогу, точно поджидая не покажется ли на ней мчащаяся во весь опоръ ямская тройка и не блеснетъ ли на солнцѣ знакомая ей бѣлая фуражка; въ память оставленія Аркадія безъ обѣда она въ

этотъ день не коснулась за столомъ ни до одного кушанья; въ день же отъѣзда его даже немного всплакнула, запершись въ своей комнатѣ.

Лѣто впрочемъ прошло для нея не совсѣмъ скучно. Въ сосѣднемъ городѣ какой-то академикъ открылъ школу живописи, и Баклановъ, желая развить талантъ Оленьки, пригласилъ его давать ей уроки. Она отъ акварели перешла къ маслянымъ краскамъ и преимущественно занялась пейзажемъ. Въ продолженіе лѣта она сняла нѣсколько видовъ съ живописной Баклановской усадьбы и ея окрестностей, изъ которыхъ нѣкоторыя были такъ хороши, что безъ всякой компановки цѣликомъ такъ и просились на полотно. Наступившая же осень, оттѣнивъ окружавшія усадьбу вѣковыя деревья и прилегавшій къ ней великолѣпный паркъ всѣми возможными нюансами самыхъ причудливыхъ колеровъ, придала ей съ разбросанными по саду полуразвалившимися гротами и бесѣдками и густо разросшимся между ними кустарникомъ какую-то дикую, самобытную, заманчивую прелесть. Оленька любила бродить по шуршавшимъ подъ ногами листьямъ въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ огромнаго парка, отыскивая для своихъ пейзажей болѣе живописныя мѣстности. Опустѣлый и одичалый видъ его въ позднюю осень почему то особенно нравился ей, можетъ-быть и потому что согласовался съ ея настроеніемъ духа; да хороши и сами по себѣ ведренные, осенніе дни. Времена года, подобно возрастамъ человѣка, имѣютъ каждое свою собственную, своеобразную, ему одному присущую красоту. Прелестна кудрявая головка лукаво улыбающагося ребенка; упоителенъ долгій, полный сладострастія и нѣги взглядъ черноокой красавицы; очаровательна группа молодой матери, окруженной лепещущими и играющими около нея малютками; но хорошъ и почтенный видъ маститаго старца съ высокимъ, изрѣзаннымъ поперечными морщинами лбомъ и устремленнымъ на васъ изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей,

былъ бы любезенъ попрежнему. А что у него было о чемъ съ ними переговорить, доказывалось тѣмъ, что онъ позванъ былъ къ отцу, а теперь къ матери. Что же касается до самонадѣяннаго и такъ оскорбившаго ее тона, съ которымъ онъ говорилъ съ ней; то это объяснялось еще легче. Когда онъ подошелъ къ ней, она была такъ противъ него вооружена, что естественно должна была все растолковать въ невыгодную для него сторону; да и Аркадій вышелъ отъ отца въ такомъ веселомъ расположеніи духа, вѣроятно вслѣдствіе благопріятнаго для него исхода объясненія, что можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ держалъ себя свободнѣе обыкновеннаго. Вѣдь и самые серіозные люди, выпутавшись изъ труднаго положенія, бываютъ не по характеру своему веселы и шутливы. Къ тому же, если въ самомъ дѣлѣ Аркадій, чтобы скрыть свое сердечное горе, хотѣлъ казаться веселымъ; то что же удивительнаго, если онъ не выдержалъ роли, и, переступивъ границу, сдѣлалъ изъ себя какого-то самонадѣяннаго фата? Это только доказывало, что онъ былъ плохой актеръ. Да если, наконецъ, онъ и дѣйствительно былъ въ обращеніи съ нею черезчуръ легокъ и несдержанъ, то не сама ли она подала ему къ тому поводъ своими необдуманными, какъ бы вызывавшими на такое обращеніе объясненіями? Другой на мѣстѣ Аркадія пожалуй счелъ бы себя въ правѣ быть съ нею еще несдержаннѣе. Словомъ: все объяснилось такъ легко и послѣдовательно, что Оленька даже недоумѣвала и спрашивала себя, какъ могла она представить и растолковать себѣ все это въ такомъ превратномъ видѣ.

— Знаешь, о какомъ порученіи я сейчасъ спрашивала Аркадія? сказала вбѣжавшая впопыхахъ Лиза. — Мамаша поручила ему купить для тебя сѣдло, амазонку и шляпу и онъ все это привезъ съ собою.

Софья Львовна дѣйствительно за мѣсяцъ предъ тѣмъ спро-

сила Оленьку не желаетъ ли она учиться ѣздить верхомъ и та съ радостью приняла ея предложеніе.

Черезъ часъ она позвала ее къ себѣ. Тамъ былъ Аркадій; на стульяхъ лежали амазонка и сѣдло.

— Ты, другъ мой, нарисовала брату сюрпризомъ нашъ семейный портретъ, сказала ей Софья Львовна;—а онъ сюрпризомъ же привезъ тебѣ сѣдло съ амазонкой.

Слова эти совершенно озадачили Оленьку. Принять этотъ сюрпризъ, т.-е. подарокъ отъ Аркадія и притомъ въ эту минуту было выше силъ ея; отказаться же отъ него значило оскорбить не столько его, сколько Софью Львовну. Она рѣшительно не знала что ей дѣлать: день этотъ былъ для нея положительно днемъ неудачъ. Аркадій конечно не могъ не понять всей щекотливости ея положенія.

— Я тутъ, maman, ни причемъ, совершенно постороннее лицо, поспѣшилъ онъ предупредить отвѣтъ Оленьки.—Сюрприза съ моей стороны ровно никакого нѣтъ. Вы поручили мнѣ купить сѣдло и заказать амазонку, прислали даже для нея мѣрку; я обѣщалъ вамъ исполнить ваше порученіе, и если исполнилъ его, то не думаю, чтобъ это могло быть для кого-нибудь сюрпризомъ.

Онъ такъ вовремя и съ такимъ тактомъ выручилъ Оленьку и послѣднія слова сказаны были такъ любезно и казалось съ такимъ чистосердечіемъ, что она тутъ же отъ души простила ему все, что имѣла противъ него. Она поцѣловала Софью Львовну и дружески пожала руку Аркадію.

— Могу ли я по крайней мѣрѣ предложить вамъ свои услуги? сказалъ онъ ей.—Я не дурной ѣздокъ и еслибы вы позволили мнѣ быть вашимъ берейторомъ и грумомъ...

— Вы-таки непремѣнно хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ, сказала Оленька, смѣясь,—и я на этотъ разъ принимаю его съ удовольствіемъ и благодарностію, добавила она, еще разъ пожавъ ему руку.

Мировая была полная и искренняя.

IX.

Выздоравливаніе Софьи Львовны шло очень быстро: подѣйствовалъ ли на нее благотворно пріѣздъ сына или въ самомъ дѣлѣ болѣзнь ея была не больше какъ личина, подъ которою она хотѣла скрыть настоящую причину вызова его изъ Петербурга; но къ вечеру того же дня она уже встала съ постели, а на другой день съ дѣтскимъ увлеченіемъ занялась одѣваніемъ Оленьки въ привезенный костюмъ. Она сама причесала ей волосы, надвинула на нихъ кокетливо шляпу и вывела ее въ залъ, гдѣ старикъ Баклановъ ходилъ, разговаривая съ Аркадіемъ. Оленька въ ловко обхватывавшей ея гибкій и граціозный станъ амазонкѣ, съ подобранными подъ шляпу волосами и хлыстикомъ въ рукѣ была очаровательна. Александръ Васильевичъ сразу не узналъ ея.

— Передайте мнѣ хоть на самое короткое время искусство ваше, чтобы снять въ эту минуту съ васъ портретъ, сказалъ, любуясь ею Аркадій.

Оленька чувствовала, что въ словахъ этихъ не было ничего притворнаго и что они такъ-сказать вылетѣли у него прямо изъ сердца.

Съ другаго же дня начались уроки верховой ѣзды. Къ крыльцу подведена была осѣдланная лошадь; Александръ Васильевичъ самъ показалъ Оленькѣ какъ садиться въ сѣдло, какъ брать въ руки поводья и управлять ими. Аркадій взялъ лошадь подъ уздцы и сдѣлалъ съ ней нѣсколько вольтовъ по двору. Слѣдующіе уроки происходили уже въ манежѣ. Оленька была смѣла и они шли успѣшно. Лиза всякій разъ отъ искренняго сердца любовалась ею, – такъ граціозна она была на конѣ; сама же сѣсть на лошадь боялась; да ей верховая ѣзда запрещена была и докторомъ.

Между тѣмъ незамѣтно подкралась весна съ своими теплыми, но еще не знойными днями, прохладными и упоительными вечерами. Рѣки уже давно прошли; сошелъ съ полей и снѣгъ и лишь кое-гдѣ по сѣвернымъ склонамъ лощинъ и овраговъ лежалъ еще длинными, сѣроватыми полосами. Мало по малу зазеленѣли луга; кусты и деревья стали одѣваться нѣжною, полупрозрачною листвой; надули почку, готовясь къ цвѣту, сирень и черемуха. Въ густой чащѣ ихъ защелкалъ и засвисталъ соловей. затянулъ свою нескончаемую трель, вися въ воздушномъ пространствѣ, жаворонокъ; закукукула въ липовой рощѣ и кукушка. «Кукушка, кукушка! сколько мнѣ лѣтъ жить на свѣтѣ?» спрашивала, смѣясь, Оленька. «Одинъ, два, три... довольно, довольно!» кричала она, прыгая и хлопая въ ладоши. И въ самомъ дѣлѣ что значатъ годы, что значатъ десятки лѣтъ скучной, обыденной жизни предъ однимъ днемъ, однимъ часомъ. нѣсколькими мгновеніями полнаго. ничѣмъ не возмущеннаго счастія? А Оленька была такъ счастлива, что, казалось ей, и не могло быть на свѣтѣ другаго болѣе полнаго счастія.

Съ наступленіемъ весны измѣнилась и жизнь въ Бакланахъ. Аркадій по утрамъ ходилъ стрѣлять вальдшнеповъ; предъ обѣдомъ же и по вечерамъ уходилъ гулять съ Лизой и Оленькой. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ ихъ былъ примыкавшій къ саду вѣковой липовый паркъ, нравившійся Оленькѣ дикою величественностію своею и отсутствіемъ всякой искусственности: къ тому же они здѣсь были болѣе на свободѣ. Иногда присоединялась къ нимъ и M-me Coudert, умѣвшая прогулкамъ этимъ дать болѣе жизни и разнообразія. Старики рѣдко принимали въ нихъ участіе. Софью Львовну онѣ утомляли; Александръ же Васильевичъ любилъ соединять пріятное съ полезнымъ и потому предпочиталъ имъ прогулку по полямъ и хозяйственнымъ заведеніямъ.

Аркадію вскорѣ же удалось совершенно изгладить то не-

выгодное для него впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Оленьку при первой встрѣчѣ. Она полюбила его какъ брата. — такъ по крайней мѣрѣ казалось ей. Повидимому и онъ отвѣчалъ ей тѣмъ же чувствомъ, онъ былъ съ нею настолько же любезенъ, насколько и сдержанъ, настолько же казалось любилъ, насколько и уважалъ ее; никогда не позволялъ онъ себѣ съ нею ни двусмысленнаго слова, ни нескромной шутки, — словомъ, ничего такого, что могло бы хотя косвеннымъ образомъ оскорбить ея нравственное чувство. Мало-по-малу между ними установилась интимность, основанная на дружбѣ и взаимномъ другъ къ другу довѣріи. «Какъ могла я такъ жестоко ошибиться» спрашивала иногда себя Оленька: «какъ могла я хотя на минуту подозрѣвать его въ томъ, отъ чего онъ такъ далекъ, что такъ несродно его характеру?» Ей становилось совѣстно за себя предъ Аркадіемъ; она сознавала себя предъ нимъ виноватою и всячески старалась загладить вину свою. Не разъ хотѣлось ей заговорить съ нимъ о томъ, о чемъ онъ намекнулъ въ разговорѣ съ нею на другой день своего пріѣзда; но она боялась возобновить въ памяти его какія-нибудь грустныя или непріятныя воспоминанія, а можетъ-быть и растравить еще не зажившую сердечную рану. Да и какъ было ей начать говорить о такомъ щекотливомъ предметѣ, когда онъ самъ такъ упорно молчалъ о немъ? Порою молчаніе это казалось ей страннымъ, порою даже огорчало ее какъ признакъ его недовѣрія къ ней. «Но, утѣшала она тутъ же себя, придетъ время, когда онъ, ближе узнавъ меня, пойметъ, что руководитъ мною не пустое любопытство, а искреннее участіе, и тогда конечно будетъ со мною откровеннѣе.» Такъ смотрѣла Оленька на взаимныя отношенія свои съ Аркадіемъ и на чувства свои къ нему. Они казались ей такъ естественно исходящими одни изъ другихъ, что ей и въ голову не приходило ихъ анализовать, пока одно обстоятельство не заставило ее ближе всмотрѣться въ нихъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Баклановъ, на берегу протекавшей по лугамъ рѣчки, была дубовая роща, куда Софья Львовна любила ѣздить подъ разными предлогами, смотря по времени года: то за ландышами, то за земляникой, то за грибами или орѣхами. Ѣздили на эти parties de plaisir обыкновенно въ большихъ дрогахъ цѣлымъ обществомъ; иногда, особенно во время покосовъ, пили тамъ и вечерній чай.

Возвращаясь съ одной изъ такихъ поѣздокъ, Оленька съ Аркадіемъ, конвоировавшіе дроги верхомъ, отъ нихъ отстали съ цѣлью проѣхать въ усадьбу бугристымъ берегомъ рѣчки, съ котораго открывались великолѣпные виды на окружавшую мѣстность и по которому въ экипажѣ проѣхать было нельзя.

Рѣчка протекала подъ самою кручею берега. По другую сторону ея зеленымъ ковромъ широко раскидывались по низменной равнинѣ необозримые луга съ пестрѣвшими по нимъ стадами и мелькавшими тамъ и сямъ игривыми рощами ольшняка и осинника. Оставшаяся отъ вешняго разлива вода еще стояла на нихъ огромными озерами; по сверкавшей на солнцѣ ослѣпительною, серебристою чешуей поверхности ихъ скользили едва замѣтными черными точками стада дикихъ утокъ, а въ воздухѣ сновали съ пискливыми криками сотни чаекъ и рыболововъ. За лугами по постепенно возвышавшейся громаднымъ амфитеатромъ холмистой мѣстности виднѣлись разбросанныя въ живописномъ безпорядкѣ села и деревни, а еще дальше на самомъ горизонтѣ длинною темною полосой тянулся лѣсъ, какъ бы обрамляя собою эту дивную панораму. Любо было смотрѣть на эту необъятную ширь: и дышалось какъ-то вольнѣе, и мысль была свѣжѣе и на сердцѣ какъ бы легче и отраднѣе.

— Какая чудная картина, сказала Оленька, остановясь въ нѣмомъ экстазѣ. - Непремѣнно попрошу у maman позволенія завтра же опять пріѣхать сюда, чтобы снять этотъ очаровательный пейзажъ, добавила она налюбовавшись имъ вдоволь.

— Прекрасная мысль, подхватилъ Аркадій.—Давайте ѣздить сюда каждый день и вы въ короткое время снимите всю живописную панораму этой рѣчки.

Дѣйствительно берега рѣчки представляли собою нескончаемую панораму видовъ, изъ которыхъ одни были картиннѣе другихъ. Оленька съ Аркадіемъ такъ увлеклись ими, что лишь, когда увидѣли усадьбу далеко за собою, вспомнили, что имъ давно уже слѣдовало быть дома.

— Однако куда же мы съ вами заѣхали? сказала вдругъ Оленька, остановивъ лошадь.—Посмотрите гдѣ остался у насъ паркъ. Насъ вѣрно ужь давно ждутъ и конечно будутъ сердиться за нашу самовольную прогулку.

— Пожалуй еще безъ обѣда оставятъ, сказалъ, смѣясь, Аркадій.

Оленька повернула лошадь и стала шагомъ подыматься по крутому косогору. Аркадій молча поѣхалъ за нею, любуясь какъ ловко и граціозно съ каждымъ движеніемъ лошади покачивался ея гибкій и стройный станъ.

— Ну, а теперь гопъ, гопъ, сказала она ему взобравшись на гору и, поднявъ коня своего въ галопъ, пустилась вскачъ по широкому рубежу, зеленою лентою тянувшемуся между нивъ свѣже-вспаханнаго чернозема.

Поскакалъ за нею и Аркадій.

Старики дѣйствительно уже около часа какъ возвратились домой и были въ страшной тревогѣ. Они не замѣтили какъ Оленька съ Аркадіемъ отъ нихъ отстали и никакъ не могли объяснить себѣ куда они могли дѣваться. Они уже начинали серіозно безпокоиться не случилось ли съ ними чего-нибудь дорогой, и хотѣли послать къ нимъ на встрѣчу верховыхъ, какъ увидали ихъ подъѣзжавшими къ крыльцу. Узнавъ, почему они такъ долго не ѣхали, Александръ Васильевичъ тутъ же сдѣлалъ строгій выговоръ сыну. Софья Львовна, позвавъ Оленьку въ свою комнату, замѣтила ей, впро-

чемъ очень ласково. что подобныя прогулки вдвоемъ съ молодымъ человѣкомъ въ ея лѣта неприличны. что есть злые языки, которые изъ этого, самого по себѣ ничего незначащаго поступка могутъ вывести сплетни. отъ которыхъ можетъ пострадать ея репутація и что она уже не маленькая дѣвочка и должна держать себя осмотрительнѣе. Оленька выслушала всю эту нотацію съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами. Она очень хорошо понимала, что дѣвушкѣ неприлично ѣздить одной съ молодымъ постороннимъ ей человѣкомъ,—по крайней мѣрѣ по принятымъ въ кругу ея понятіямъ, и она конечно никогда бы этого себѣ не позволила; но развѣ Аркадій былъ для нея посторонній? Развѣ Софья Львовна не называла его ея братомъ, а ее его сестрой? Да и сами они развѣ иначе смотрѣли другъ на друга? И она невольно задумалась надъ этимъ послѣднимъ вопросомъ, который не разъ и прежде приходилъ ей въ голову. Дѣйствительно ли такъ смотрѣли они другъ на друга? спрашивала она себя. Она принялась анализовать взаимныя свои съ Аркадіемъ отношенія, прослѣдила шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями развитія лежавшаго въ основѣ ихъ чувства съ самаго дня своего съ нимъ знакомства. Припомнились ей и первый пріѣздъ Аркадія въ Бакланы и выкатившаяся изъ глазъ ея при прощаніи съ нимъ слеза и веденная ими черезъ Лизу переписка; вспомнила она и свой съ нимъ разговоръ на другой день его втораго пріѣзда, старалась уяснить себѣ и настоящія свои къ нему чувства. И чѣмъ болѣе углублялась она въ себя, чѣмъ глубже всматривалась въ чувства свои къ Аркадію, тѣмъ болѣе поселялось въ ней недовѣріе къ самой себѣ, недовѣріе къ собственнымъ чувствамъ своимъ. Еще загадочнѣе казались ей чувства къ ней Аркадія, особенно въ связи съ памятнымъ разговоромъ на другой день его пріѣзда. Загадочность эта усложнялась для нея еще однимъ обстоятельствомъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ

Аркадій показывалъ ей съ Лизой привезенный имъ изъ Петербурга альбомъ. Когда онъ вынималъ его изъ футляра, изъ него выпалъ обернутый въ китайскую бумагу акварельный портретъ; Аркадій хотѣлъ схватить его, но Лиза его предупредила и прежде нежели онъ успѣлъ выхватить портретъ у нея изъ рукъ, она ужь показала его Оленькѣ. Это былъ женскій портретъ замѣчательной красоты. Аркадій видимо сконфузился, и какъ бы въ чемъ оправдываясь, сказалъ, что это былъ портретъ одной италіанской пѣвицы. Оленька съ Лизой конечно тутъ же поняли, что онъ лгалъ: онѣ, хотя и смутно, уже слышали о связи его съ француженкой и были почти увѣрены, что портретъ былъ ея. Съ этого дня Оленьку очень занимала мысль, дѣйствительно ли любилъ и продолжалъ ли любить ее Аркадій. Вопросъ этотъ и теперь пришелъ ей въ голову. «Если онъ и до сихъ поръ еще любитъ ее, спрашивала она себя, какое же другое чувство можетъ онъ имѣть ко мнѣ кромѣ братской любви и дружбы?»

— Еслибы ты видѣла какъ papa и maman сердились на Аркадія, сказала, вошедши къ ней Лиза, — особенно papa. «Развѣ онъ не понимаетъ, говорилъ онъ, что Оленька ужь не ребенокъ и что она ему не родная сестра.» Знаешь что́— добавила она очень простодушно — мнѣ кажется они боятся, чтобы вы серіозно другъ въ друга не влюбились.

Оленька промолчала; но слова эти глубоко запали у нея на сердцѣ.

За обѣдомъ она почти не поднимала глазъ съ своей тарелки: послѣ полученнаго ею выговора, въ связи съ тѣмъ, что такъ наивно высказала ей Лиза и что передумала сама, она не смѣла посмотрѣть кому-либо прямо въ глаза; пуще же всего избѣгала она встрѣтить взглядъ Аркадія; она боялась прочесть въ немъ отвѣтъ на волновавшій ее вопросъ, боялась чтобъ и онъ во взглядѣ ея не прочелъ того, что ей такъ хотѣлось скрыть отъ него.

Послѣ обѣда она до самаго вечера не выходила изъ своей комнаты и когда Аркадій сталъ приглашать ее по обыкновенію прогуляться по парку, она долго не рѣшалась.

— Почему же не пойти, уговаривала ее Лиза; вечеръ прекрасный и въ рощѣ поютъ соловьи.

— Да и будемъ мы не одни какъ давича: съ нами будетъ нашъ ангелъ хранитель, добавилъ шутливо Аркадій, показывая на Лизу. Сквозь шутку эту слышалась иронія съ примѣсью худо скрытой досады.

Отказаться было неловко,—она пошла. Нервы ея были до того возбуждены, что когда они вошли въ паркъ, ею овладѣлъ какой-то непонятный, какъ бы паническій страхъ: сумрачнѣе обыкновеннаго, казалось ей, смотрѣли стоявшія по сторонамъ вѣковыя липы; изъ полуразвалившагося грота словно вѣяло могильнымъ холодомъ; пугалъ ее и шелесть игравшаго въ кустахъ вѣтра, пугалъ и шумъ шуршавшихъ подъ ногами сухихъ прошлогоднихъ листьевъ,—пугало самое молчаніе и царившая кругомъ тишина и она инстинктивно жалась къ Лизѣ, точно сердце говорило ей, что въ ней должна она была искать себѣ защиту и опору.

— Однако утренній урокъ, какъ видно, пошелъ вамъ въ прокъ, сказалъ, смѣясь Аркадій;—должно-быть вразумительно былъ преподанъ.

— Да вѣдь и вы получили выговоръ отъ начальства, отвѣтила Оленька. Ей хотѣлось скрыть давившее ее чувство и казаться по возможности веселою.

— Я ужь обтерпѣлся, мнѣ къ нимъ не привыкать.

— А я давича сказала Оленькѣ за что papa съ maman на васъ сердятся или лучше сказать чего боятся, вмѣшалась со всегдашнею наивностью своею Лиза.

— Чего же? спросилъ Аркадій.

— Ради Бога перестань, шептала Оленька Лизѣ на ухо.

Они шли обнявшись и она крѣпко прижала ее къ себѣ, чтобы заставить замолчать ее.

— А развѣ это не правда? продолжала та съ тою же наивностью.

Оленька вспыхнула и невольно взглянула вскользь на Аркадія. Глаза ихъ встрѣтились. Такъ еще никогда не смотрѣлъ онъ на нее. Что прочла она въ этомъ взлядѣ, она и сама не могла дать себѣ отчета; но вся кровь ея, казалось ей, разомъ прихлынула въ голову, страшно забилось сердце и какъ бы перервалось стѣснившееся въ груди дыханіе.

— Что съ тобою? спросила ее Лиза; — ты вся дрожишь какъ въ лихорадкѣ, а сердце-то какъ бьется.

— Должно-быть отъ верховой ѣзды, едва могла проговорить Оленька.

— Весна, сказалъ хладнокровно, закуривая папиросу, Аркадій.

Съ этой минуты Оленька уже болѣе не сомнѣвалась, что въ основаніи взаимныхъ отношеній ея съ Аркадіемъ лежала не братская любовь и не дружба, а болѣе страстное чувство. Ей страшно было всвомнить о взглядѣ Аркадія, и страшно болѣе потому, что онъ вызвалъ въ ея сердцѣ настолько же безотчетно-тревожное, насколько и томительно-сладкое ощущеніе, противостоять которому она чувствовала себя не въ силахъ; невольно припомнилось ей гдѣ-то прочитанное ею о чарующемъ взглядѣ змѣи, неотразимо притягивающей несчастную жертву въ раскрытую пасть свою. И тотъ же, до того невѣдомый ей, паническій страхъ съ новою силой овладѣлъ ею. Понятно, что съ этой минуты должны были измѣниться и отношенія ея къ Аркацію: прежнюю искренность и интимность смѣнили сдержанность и осмотрительность; она стала наблюдать за собою, стала взвѣшивать каждое слово, разчитывать каждый шагъ, стала даже избѣгать частыхъ встрѣчъ съ

нимъ, а тѣмъ менѣе позволяла себѣ оставаться съ нимъ наединѣ, чтобы какъ-нибудь не встрѣтить снова этого такъ сильно потрясшаго ее взгляда, а можетъ-быть и объясненія на словахъ того, что выражалъ онъ,—наконецъ, чтобы какъ-нибудь не высказаться и самой. Она стала чуждаться и окружавшихъ ее, боясь необдуманнымъ словомъ или неосторожнымъ взглядомъ выдать свою тайну. Прежнія невинныя забавы, которымъ она еще такъ недавно предавалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ уже не занимали ее; она по цѣлымъ часамъ сидѣла одна погруженная въ безотчетное раздумье. Оленька въ короткое время такъ измѣнилась, что Софья Львовна стала серіозно опасаться за ея здоровье.

— Ужь не больна ли ты чѣмъ? заботливо спрашивала она ее.

— А ты ужь не любишь попрежнему Аркадія, выговаривала ей простодушно Лиза.

X.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ Аркадій жилъ въ Бакланахъ, но отношенія его къ отцу нисколько не улучшились; напротивъ, изъ натянутыхъ они сдѣлались какими-то непріязненными, чуть не враждебными. Причиною тому была противоположность ихъ взглядовъ на жизнь и убѣжденій, если только кое-какъ схваченныя Аркадіемъ верхушки слышанныхъ, но не прочувствованныхъ и неусвоенныхъ имъ идей можно было назвать убѣжденіями. Александръ Васильевичъ былъ человѣкъ стараго закала и раздѣлялъ воззрѣнія и вѣрованія людей своего вѣка; Аркадій, принадлежа къ молодому поколѣнію, хотѣлъ быть представителемъ и его воззрѣній. Иногда проводилъ онъ какую-нибудь новую мысль, далеко несовпадавшую съ образомъ мыслей отца, а часто и діаметрально ему противоположную: возникали споры, которые, не разубѣждая старика,

лишь раздражали его и все болѣе и болѣе возстановляли противъ него. Споры эти болѣзненно дѣйствовали на Оленьку, искренно любившую и уважавшую Александра Васильевича и отъ души желавшую видѣть его въ добромъ согласіи съ сыномъ. Она досадовала на Аркадія не столько за его неуступчивость, которая, какъ и самъ онъ видѣлъ, ровно ни къ чему не вела, сколько за то, что онъ часто защищалъ убѣжденія, которыхъ не раздѣлялъ и проводилъ принципы, которымъ не сочувствовалъ или которыхъ даже и самъ не понималъ, точно лишь для того, чтобы доказать старику его отсталость. И она не ошибалась: у Аркадія дѣйствительно не было ни принциповъ, ни убѣжденій, а проводилъ и защищалъ онъ тѣ или другіе изъ нихъ лишь потому, что они были въ ходу, и онъ, считая себя человѣкомъ передовымъ, полагалъ обязанностію своею защищать ихъ. Всѣ они сводились у него къ какой-то туманной идеѣ либерализма, котораго онъ выдавалъ себя завзятымъ поборникомъ, хотя сути его никогда уяснить себѣ не могъ. Да онъ впрочемъ надъ такимъ вздоромъ никогда не ломалъ себѣ головы. «ça vous pose dans le monde, думалъ онъ; ça vous donne un certain pli,» и ему этого было довольно.

Когда старикъ Баклановъ былъ въ духѣ, онъ охотно разговаривалъ съ Аркадіемъ о петербургской жизни, причемъ припоминалъ и свои молодые годы; разспрашивалъ его о направленіи современнаго общества, о занимающихъ его вопросахъ, совершенныхъ и предстоявшихъ реформахъ, о новыхъ порядкахъ по военной службѣ: одни изъ нихъ одобрялъ, надъ другими слегка подтрунивалъ. Оленька прислушивалась къ этимъ разговорамъ съ любопытствомъ; они раскрывали предъ нею новую, незнакомую ей жизнь; подчасъ ей казалось, что слышитъ она сказки Шехеразады.

— А касокъ и солдатскихъ шинелей у васъ ужь нѣтъ, говорилъ старикъ;—солдаты въ кепи да въ пальто щеголяютъ?

— Да, отвѣчалъ Аркадій; — послѣднія военныя дѣйствія доказали, что они много удобнѣе. Прежде обращали вниманіе лишь на наружный видъ, а теперь болѣе смотрятъ на удобство.

— При Суворовѣ объ удобствахъ и не думали, а неприступныя крѣпости брали, да черезъ Чортовы мосты переходили. Ну и этихъ кепи солдаты предъ офицерами, какъ прежде фуражки, ужь не снимаютъ, а, проходя мимо, лишь дѣлаютъ имъ подъ козырекъ: бонжуръ, молъ, мусье?

— Да, подъ козырекъ.

— Оно дѣйствительно удобнѣе. Что бы при встрѣчѣ ужь имъ прямо другъ другу руку жать. Вотъ что гимнастику ввели, такъ это дѣло хорошее,—давно бы слѣдовало. Я чай между солдатами есть ребята ловкіе?

— Есть такіе, что любому акробату не уступятъ.

— Любопытно было бы взглянуть, говорилъ съ самодовольною улыбкой старикъ. — Какъ буду въ Петербургѣ, непремѣнно съѣзжу посмотрѣть. Русскій человѣкъ на все способенъ: укажи ему только какъ за дѣло взяться, чорта за поясъ заткнетъ.

— А что это у васъ тамъ за нигилистки такія завелись? спрашивалъ онъ немного спустя.—Говорятъ, ничему не вѣрятъ и знать ничего не хотятъ.

— Знать-то напротивъ онѣ все хотятъ, но вѣрятъ лишь тому въ чемъ убѣдятся умомъ или собственнымъ опытомъ.

— И для этого лягушекъ потрошатъ?

— Да, естествознаніемъ нынче много занимаются.

— А тамъ и людей рѣжутъ?

— Слушаютъ лекціи и въ анатомическій театръ ходятъ.

— Какое ходятъ, такъ, говорятъ, сами и полосуютъ: пріятно у такой барышни ручку поцѣловать. Ну и волосы стригутъ, и синія очки носятъ?

— Стригутъ и очки носятъ.

— А по вечерамъ у студентовъ собираются; съ ними бутерброды ѣдятъ; пиво пьютъ, да объ общественныхъ дѣлахъ толкуютъ.

— И собираются и толкуютъ.

— Что жь полиція? ничего?

— А полиціи какое до нихъ дѣло?

— Ну, нѣтъ, братъ, въ наше время — шалишь; еслибы полиція гдѣ такихъ накрыла, навѣрно ихъ куда бы нибудь припрятала. А какіе это они еще гражданскіе браки придумали?

— Браки, основанные на одномъ взаимномъ согласіи.

— То-есть выходитъ не освященные церковью и не утвержденные закономъ?

— Да; не связанные ни церковными обѣтами, ни формальными обязательствами.

— Стало-быть: любы другъ другу, живите, а не любы— хоть завтра же расходитесь? Хороши браки; главное удобны. Правду ты сказалъ, что нынче больше объ удобствѣ хлопочатъ. Ну и съ такою женой тоже подъ-ручку по улицамъ гуляютъ?

— Гуляютъ.

— И знакомые встрѣчаются— кланяются.

— Если знакомые, почему же не поклониться.

— Ну, а если промежь себя разойдутся и пойдетъ она съ новымъ мужемъ подъ-ручку гулять, и опять ей поклонятся?

— И опять поклонятся.

— И съ прежнимъ мужемъ встрѣтится, разговариваетъ съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало?

— Почему же имъ не разговаривать? вѣдь они не ссорились.

— Только характерами не сошлись?

— Конечно.

— Чудеса! заключалъ, пожавъ плечами, Баклановъ.

Точно также въ разговорахъ съ сыномъ заводилъ онъ рѣчь и о другихъ интересовавшихъ его вопросахъ.

— А вотъ вчера Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ изъ Петербурга, сказалъ онъ какъ-то, возвратясь изъ гостей,—и разсказываетъ, будто тамъ говорятъ, что всѣхъ стариковъ перевѣшать надо, что они какъ старыя деревья молодымъ побѣгамъ солнце затѣняютъ, хода имъ не даютъ. Правда?

— Можетъ быть и говорятъ, но я не слыхалъ, отвѣчалъ Аркадій.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, на что мы стали годны? Мы ужь и выдохлись, и изъ ума выжили. Вѣдь говорятъ же, что не молодымъ у стариковъ, а старикамъ у молодыхъ учиться надо?

— Дѣйствительно говорятъ, что по естественному ходу прогресса каждое новое поколѣніе становится и умнѣе и опытнѣе стараго.

— Даже и опытнѣе? Это какъ? Объясни пожалуста, интересно послушать.

— Очень просто. Человѣчество, какъ нравственное лицо, живетъ точно также своею жизнью какъ и отдѣльный индивидуумъ, считая возрасты свои поколѣніями. Понятно, что каждое послѣдующее поколѣніе опытнѣе предыдущаго, если не своимъ, то его же опытомъ.

— То-есть молодое-то поколѣніе по этому разчету становится ужь, такъ-сказать, старше стараго?

— Конечно.

— Хитро, сказалъ, подумавъ, Баклановъ,—и если разсудить хорошенько, такъ пожалуй и справедливо, только надо дѣло понять какъ слѣдуетъ; а то иной молокосось возмечтаетъ, что онъ умнѣе стариковъ уже потому, что моложе

ихъ. Вишь какіе комуфлеты подводятъ. А небось все поповичи разные эти силлогизмы придумываютъ. Все подъ нашего брата подкапываются; ужь больно ихъ подтормаживаемъ,— хода не даемъ. Слышишь, Sophie,— кричалъ онъ женѣ.— Поди-ка разкажи матери, да скажи ей, что Лиза и опытнѣе и старше ея стала и что ручку-то цѣловать теперь ужь ей у нея приходится.

И долго еще послѣ того старикъ, смѣясь, разказывалъ пріѣзжавшимъ къ нему гостямъ объ этомъ, какъ онъ называлъ, долгогривомъ силлогизмѣ.

Но не всегда разспросы и бесѣды эти кончались такъ миролюбиво; нерѣдко по поводу ихъ между отцомъ и сыномъ возникали горячіе споры, имѣвшіе иногда очень грустный исходъ.

Разъ завязался у нихъ диспутъ на тему «собственность кража». Аркадій хотя и не поддерживалъ принципа во всемъ его пуризмѣ, но тѣмъ не менѣе проводилъ положенія далеко не согласовавшіяся съ образомъ мыслей старика, заключивъ ихъ выводомъ, что на всякомъ богатомъ человѣкѣ лежитъ непремѣнная обязанность удѣлить часть состоянія своего въ помощь неимущей братіи и что, не сдѣлавъ этого, онъ не имѣетъ права смотрѣть на людей прямыми глазами.

Тотъ выслушалъ его очень серіозно и съ большимъ вниманіемъ.

— И ты чувствуешь въ себѣ достаточно характера и самоотверженія, чтобы поступить такъ? спросилъ онъ его.

— Еслибы не чувствовалъ, то конечно и не позволилъ бы себѣ такъ говорить, отвѣтилъ нѣсколько обиженнымъ тономъ Аркадій.

— Стало-быть ты ничего не будешь имѣть противъ меня, если я употреблю часть имѣнія или по крайней мѣрѣ денежный капиталъ на человѣколюбивыя учрежденія?

Оба эти вопроса предложилъ онъ очень серіозно, точно были они не слѣдствіемъ настоящаго разговора, а еще заранѣе задуманнаго плана. Аркадій зналъ отца, зналъ что онъ говорить на вѣтеръ не любилъ, зналъ и то, что онъ уже употребилъ довольно значительную сумму на устройство разныхъ сельскихъ учрежденій. Припомнились ему и слова матери какъ-то жаловавшейся ему на неумѣстныя по ея мнѣнію гуманничанія мужа и онъ невольно замялся. «Чего добраго, подумалъ онъ про себя; вѣдь онъ самодуръ,—пожалуй что говоритъ, то и сдѣлаетъ: самъ же ты, скажетъ, того хотѣлъ.»

— Я спрашиваю тебя объ этомъ потому, продолжалъ также серіозно Баклановъ, что въ силу моихъ убѣжденій всякій не нажившій самъ состоянія своего, и получившій его по наслѣдству отъ предковъ, обязанъ передать его нетолько въ полномъ составѣ, но и со сдѣланными на доходы съ него приращеніями своему потомству. Ты мой единственный сынъ и наслѣдникъ и потому я очень желалъ бы знать твое по этому предмету мнѣніе. Серіозно думаешь ты такъ? заключилъ онъ, смотря ему прямо въ глаза

Вопросъ былъ сдѣланъ такъ сказать въ упоръ и отвѣчать на него надо было прямо и категорически.

— Конечно, сказалъ Аркадій, смѣшавшись и глядя на дымившуюся въ рукѣ его папиросу, — чтобы поступить такъ, надо быть твердо увѣреннымъ, что употребленный съ этою цѣлію капиталъ пойдетъ по своему назначенію, а поручиться за это въ наше время трудно.

Сдѣлавъ этотъ уклончивый отвѣтъ, Аркадій взглянулъ вскользь на отца и ему показалось, что въ его прямо и вопросительно устремленномъ на него взглядѣ промелькнуло что-то въ родѣ горькой насмѣшки. Старикъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ни слова и, заложивъ руки за спину, сталъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Въ другой разъ за обѣдомъ зашла рѣчь о настроеніи духа современнаго общества и преимущественно молодаго поколѣнія.

— Вѣдь нынче, сказалъ Баклановъ,—военная служба, говорятъ, ужь не въ прежнемъ почетѣ; все больше норовятъ идти по статской.

— Да; гражданская служба въ настоящее время представляетъ болѣе легкую и блестящую карьеру, отвѣтилъ Аркадій; — да и кому какая охота подставлять свой лобъ подъ пулю.

— Какъ такъ? посмотрѣлъ на него вопросительно отецъ, остановивъ на половинѣ пути вилку съ кускомъ мяса, который несъ-было въ ротъ.

— Конечно; какой-нибудь авантюристъ Наполеонъ для осуществленія своей личной фантазіи или для упроченія своей династіи на узурпированномъ престолѣ заварить кашу; а тутъ по его милости и pour son bon plaisir и рискуй своею жизнію? Нѣтъ; ныньче всякій разсуждаетъ, что онъ ее не въ дровахъ нашелъ.

— Но если этого требуетъ честь націи, если это необходимо для поддержанія могущества и славы отечества?

— Все это прекрасно, но своя рубашка къ тѣлу ближе.

Старикъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— И дворяне нынѣшніе также думаютъ? спросилъ онъ, видимо приходя въ раздраженіе.

— Развѣ дворяне глупѣе другихъ? Много они выиграли что въ Двѣнадцатомъ Году ни скота, ни живота своего не щадили? Надъ ними же теперь всякій смѣется.

— Нѣтъ; никогда не повѣрю, чтобы такъ могъ разсуждать настоящій русскій дворянинъ, сказалъ Баклановъ, задыхаясь отъ негодованія. — Такъ можетъ думать лишь прохвостъ какой-нибудь безъ роду и племени. Это не благора-

зумie, а низкая недостойная дворянина трусость? И, бросивъ вилку на столъ, онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта произвела на всѣхъ сильное, хотя и не одинакое впечатлѣнie. Оленька вполнѣ раздѣляла и образъ мыслей и негодованie старика и недовѣрчиво смотрѣла на Аркадiя; Лиза, сама не понимая чего испугалась, въ недоумѣнiи и страхѣ провожала глазами уходившаго отца.

«— Monsieur Arcadie a raison, бормотала себѣ подъ носъ M-me Coudert. On est jeune et on tient a sa vie,— c'est tout naturel.

— И охота тебѣ вѣчно затѣвать эти споры съ отцомъ, упрекала Аркадiя мать.

— Тѣмъ болѣе, что я увѣрена, что Аркадiй Александровичъ самъ не раздѣляетъ убѣжденiй, которыя защищалъ, добавила нерѣшительно Оленька.

Аркадiй посмотрѣлъ на нее, но не сказалъ ни слова: онъ чувствовалъ себя въ эту минуту какъ-то неловко.

На другой день послѣ этого разговора Оленька, гуляя по обыкновенiю съ Аркадiемъ и Лизой, навела намѣренно на него рѣчь.

— Неужели таковы дѣйствительно ваши убѣжденiя? спросила она Аркадiя.

— То-есть какiя именно?

— Что вы для блага и чести отечества не рѣшились бы рисковать своею жизнiю.

— Вопервыхъ, что понимаете вы подъ словомъ отечество? Слово это чрезвычайно неопредѣленно. Понимаете ли вы подъ нимъ ограниченный районъ извѣстной мѣстности, связанной общностью матерiальныхъ или какихъ-либо другихъ интересовъ, или же цѣлую страну, какихъ бы громадныхъ размѣровъ она ни была и какими разнородными племенами ни была населена, лишь бы обведена была на картѣ одною розовою или зеленою краской?

— Подъ именемъ общаго нашего съ вами отечества понимаю я Россію въ настоящемъ полномъ ея составѣ, ту Россію, могуществомъ и силою которой гордится всякій истинно Русскій.

— То-есть, продекламировалъ Аркадій:

.... Отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

— Конечно. И не смотря на разноплеменность ея при первомъ кличѣ:

Стальной щетиною сверкая,
Вся встанетъ Русская земля!

— Не спорю; что же до меня касается, то признаюсь: сердце мое не настолько эластично, чтобы могло растянуться на такое огромное пространство. Что у меня можетъ быть общаго съ какимъ-нибудь камчадаломъ? И если его побьетъ или и вовсе убьетъ американскій китоловъ, неужели я долженъ считать это за оскорбленіе націи и для удовлетворенія національной чести снаряжать кругосвѣтную экспедицію. На такую эксцентричность способны лишь одни англичане.

— Потому-то флагъ ихъ вездѣ такъ и уважается.

— Вотъ напримѣръ, продолжалъ Аркадій, вошедшій уже совершенно въ роль пропагандиста, еслибы дѣло шло о районѣ четырехъ, пяти смежныхъ губерній, связанныхъ между собою какимъ-нибудь общимъ матеріальнымъ интересомъ, хотя бы напримѣръ посѣвомъ и сбытомъ пшеницы, и еслибы вдругъ сбыту этому представилось такое препятствіе, устранить которое нельзя было бы иначе какъ силою оружія; я понялъ бы, что всякій необходимо долженъ взяться за него во имя общей пользы.

— Неужели же вы ставите матеріальную пользу выше всѣхъ святыхъ возвышенныхъ чувствъ и скорѣе готовы про-

лить свою кровь за какую-нибудь пшеницу нежели за близкихъ вамъ, когда угрожала бы опасность ихъ жизни и чести?

— Но о такой опасности въ наше время, кажется мнѣ, не можетъ быть и рѣчи. Мы, благодаря Бога, живемъ не во времена Батыевъ, Тамерлановъ или какой-нибудь Пугачевщины.

— Компанія Двѣнадцатаго Года была не очень давно, да и крымская могла кончиться не такъ, какъ кончилась. И что жь, вы оставили бы насъ на произволъ судьбы, потому что жизнь вашу не въ дровахъ нашли?

— О, тогда я конечно полетѣлъ бы въ станъ русскихъ воиновъ, сѣлъ у огня между шатрами и запѣлъ бы:

Друзья, блаженнѣйшая часть:
Любимымъ быть спасеньемъ.
Когда жь предѣлъ нашъ въ битвѣ пасть—
Погибнемъ съ наслажденьемъ.

— Какъ! Вы и Жуковскаго читали?

— Еще бы: я еще мальчикомъ зналъ всѣ патріотическіе гимны и пѣсни наизусть.

— Удивляюсь. Такъ вы ужь кстати пропѣли бы:

Не измѣнимъ, мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью.

— Счелъ бы за первый долгъ и заключилъ бы:

О Царь! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.

И при словѣ «сонмъ» я указалъ бы на весь разнохарактерный дивертисментъ отъ сидящихъ вкругъ огня на корточкахъ бурятъ и алеутовъ до остзейскихъ бароновъ. Не забылъ бы, конечно, и тамбовскихъ и саратовскихъ помѣщиковъ, готовыхъ, какъ извѣстно, для защиты отечества, по первому кличу бросить не только женъ и дѣтей, но и борзыхъ собакъ своихъ.

— Вы опять свое, сказала съ непритворною грустью Оленька:—самыя святыя чувства обращаете въ шутку, вѣдь

это нравственное кощунство. Нѣтъ; я дамъ себѣ слово никогда не говорить съ вами о такихъ предметахъ.

— Считаете меня неспособнымъ возвыситься до нихъ?

— Вѣдь то-то и досадно что я, напротивъ, убѣждена, что вы имъ вполнѣ сочувствуете, что вы любите отечество ваше и гордитесь имъ, и гордитесь именно его могуществомъ и силою и что, еслибы ограничить его, какъ вы сей часъ сказали, райономъ какихъ-нибудь пяти губерній, вы можетъ быть бросили бы его; оно показалось бы вамъ тѣснымъ. Я даже убѣждена, что вы въ душѣ помѣщикъ, и если смѣетесь надъ ними, то только потому что такъ ужь въ духѣ настоящаго времени надъ ними смѣяться и дѣлать изъ нихъ какихъ-то шутовъ. Простите мнѣ мою откровенность; но я не вѣрю, чтобы вы раздѣляли и большинство принциповъ и убѣжденій, которые вы въ разговорахъ вашихъ проводите и не вѣрю, потому что слишкомъ уважаю васъ.

Аркадій молчалъ; откровенность эта видимо была ему непонутру.

— Послушайте, продолжала Оленька послѣ минутнаго молчанія: - вы очень остроумны и обладаете способностію высокіе предметы представлять смѣшными. Дайте мнѣ слово не обращать этой способности на предметы касающіеся религіи и нравственныхъ убѣжденій. Сдѣлайте мнѣ этотъ подарокъ, сказала она почти со слезами на глазахъ, протягивая Аркадію руку.

— А вы что мнѣ за это дадите? спросилъ онъ полушутливо.

— Мою дружбу.

— Что еще?

— Развѣ вамъ этого мало?

— Можетъ-быть даже слишкомъ много; но я желалъ бы получить отъ васъ еще что-то.

— Что же могу я вамъ дать еще?

— Подумайте.

— Такая право мудреная загадка, что я сама собою никогда ее не отгадаю.

— А можетъ-быть и отгадали, да не рѣшаетесь сказать

— Но развѣ на это нужна извѣстная доза рѣшимости?

— Вѣдь женщины вообще нерѣшительны. Кромѣ оковъ, которыя наложило на нихъ общество, онѣ еще сами произвольно налагаютъ на себя разныя другія, то изъ нравственныхъ принциповъ, то изъ пустаго приличія, даже изъ предразсудковъ, и точно щеголяютъ ими. Хотите выслушать мою задушевную исповѣдь?

— Говорите.

— Откровенность моя не оскорбитъ васъ?

— Нисколько.

— Я женщинъ каждую порознь уважаю и имѣю къ нимъ всевозможныя аттенціи; но женщину вообще въ глубинѣ души моей презираю.

— За что жь такая немилость?

— А за то, что она живетъ тысячи лѣтъ въ рабствѣ и до сихъ поръ еще не свергнула съ себя этого позорнаго ига.

— Но кто въ этомъ виноватъ какъ не вы же?

— Сначала конечно такъ; но съ тѣхъ поръ какъ нравственная сила стала брать верхъ надъ физическою, такъ равнодушно переносить свое униженіе просто возмутительно.

— Но что же намъ дѣлать?

— Войдите съ протестомъ, сдѣлайте демонстрацію, удалитесь наконецъ какъ нѣкогда плебеи изъ Рима на Авентинскую гору, и мы всемірные патриціи явимся къ вамъ для переговоровъ.

— Гдѣ же эта Авентинская гора и какъ мы пойдемъ на нее? спросила Оленька, стараясь не глядѣть на Аркадія: онъ

въ роли пропагандиста всегда казался ей до крайности смѣшнымъ.

— Начните хоть съ того, что дайте себѣ слово не вступать въ бракъ на существующихъ условіяхъ.

— Что же изъ этого выйдетъ?

— Ну и мы поневолѣ должны будемъ согласиться на тѣ, которыя вы намъ предложите.

— А если не согласитесь?

— И отлично: будемъ жить всякій самъ по себѣ, не завися другъ отъ друга, трудами своими. Quand on est instruit et qu'on a les bras solides et bien pendus on ne chome pas. Такой порядокъ вещей былъ бы хорошъ ужь тѣмъ, что при немъ было бы больше общности въ интересахъ. Теперь же женишься, обзаведешься своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, своимъ отдѣльнымъ микрокосмишкомъ, а объ общемъ дѣлѣ и позабудешь.

— Другими словами: вы проповѣдуете намъ гражданскіе браки, сказала Оленька.

— Васъ почему-то напугало это слово, возразилъ Аркадій,—и вы боитесь вглядѣться въ суть дѣла. Назовите эти качели хоть висѣлицей, они все-таки останутся качелями.

— Нѣтъ, Оленька, онъ какой-то злой духъ, Мефистофель, сказала, прижавшись къ ней, Лиза, — не слушай его. Не соблазняй моей доброй Гретхенъ, добавила она, обратившись съ умоляющимъ взглядомъ къ Аркадію.

— Я лишь высказалъ свою мысль, сказалъ онъ;—а тамъ ваше дѣло. Если вамъ ваши оковы нравятся, такъ и оставайтесь въ нихъ: вольному воля.

— А спасенному рай, заключила Лиза, цѣлуя Оленьку.

XI.

У Софья Львовны былъ братъ, жившій съ семействомъ постоянно въ Москвѣ и пріѣзжавшій въ деревню лишь на лѣтніе мѣсяцы; 8-го іюня онъ былъ именинникъ и Баклановы считали непремѣнною обязанностію день этотъ проводить у него. Къ поѣздкѣ этой они готовились обыкновенно за нѣсколько дней; точно собирались въ какую нибудь экспедицію. Такъ какъ отъ Баклановъ до Кудеярова было не менѣе пятидесяти верстъ и сдѣлать ихъ въ одну упряжку въ тяжоломъ экипажѣ и притомъ въ жаркую лѣтнюю пору для лошадей было тяжело, да и Софья Львовна не могла вынести шестичасоваго сидѣнія въ душной каретѣ; то на половинѣ дороги останавливались для кормешки и отдыха. Еще наканунѣ поваръ съ провизіей и посудой отправлялся туда очистить избу и приготовить обѣдъ. Баклановы выѣзжали изъ дома рано утромъ, чтобы успѣть сдѣлать первую упряжку до наступленія дневнаго жара; пріѣхавъ на привалъ, обѣдали, отдыхали и часовъ въ пять, когда жаръ начиналъ спадать, продолжали путь свой. Такимъ образомъ совершали они путешествіе свое не торопясь съ подобающимъ комфортомъ.

На этотъ разъ предполагалось на возвратномъ пути заѣхать провѣдать стариковъ Кузминыхъ и Оленька ожидала эту поѣздку съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ. Правда въ Кудеярово ѣхала она неохотно, такъ какъ хозяйка дома почему-то къ ней не благоволила и зачастую, не стѣсняясь, довольно рѣзко высказывала ей свое нерасположеніе; но неминуемая непріятность эта достаточно вознаграждалась ожидавшею ее вслѣдъ за тѣмъ радостью свиданія съ отцомъ и матерью.

Въ день выѣзда погода какъ нарочно стояла великолѣпная. Выѣхали раннимъ утромъ: въ воздухѣ еще было свѣжо, на травѣ крупными каплями лежала роса, листья на деревьяхъ

блестѣли яркою молодою зеленью, въ саду высвистывала мелодичную пѣснь свою иволга, весело чиликали и щебетали въ кустахъ воробьи и малиновки; все предвѣщало красный, ведренный день. Путешественники размѣстились въ двухъ экипажахъ: въ каретѣ сѣли старики съ Лизой и горничной; въ коляскѣ Оленька, M. Coudert и Аркадій.

— Какое прекрасное утро, говорила Оленька, съ наслажденіемъ вдыхая полною грудью свѣжій, еще обдававшій ночною прохладою воздухъ. Какъ я люблю дорогу. Если-бы отъ меня зависѣло, я, кажется, ни минуны не сидѣла-бы дома.

— А я такъ полагаю, что это совершенно отъ васъ зависитъ, сказалъ Аркадій; вамъ только стоитъ намекнуть объ этомъ maman и она съ радостью поѣдетъ съ вами путешествовать. Ей это было бы даже очень полезно; но она до того засидѣлась и облѣнилась, что сама собою ничего не предприметъ. И я поѣхалъ бы охотно съ вами, добавилъ онъ. Мы объѣхали-бы живописный итальянскій берегъ Средиземнаго моря отъ Корниша до Неаполя, побывали-бы въ странѣ поэзіи и любви, гдѣ все дышетъ нѣгой и сладострастіемъ.

И онъ устремилъ на Оленьку тотъ-же глубокій, страстный взглядъ, который въ первый разъ привелъ ее въ такое смятеніе; но теперь онъ уже не произвелъ на нее того же дѣйствія потому ли, что она въ эту минуту была иначе настроена, потому ли что уже освоилась съ нимъ. Она чувствовала, какъ онъ проникъ прямо въ ея сердце, какъ тревожно забилось оно, но тревога эта была уже не та: въ ней уже не было ни прежняго страха, ни испуга. Билось оно, казалось ей, тревожнымъ ожиданіемъ чего-то ей невѣдомаго, чего то такого, что должно было пополнить ея еще неполное счастіе; но чего такъ настоятельно просило оно, чего съ такимъ трепетнымъ волненіемъ ожидало—она и сама не знала.

— Неужели же можетъ быть еще болѣе полное блаженство? спрашивала она себя. Высоко и тяжело подымалась ея

грудь отъ неровнаго, перерывистаго дыханія и она невольно какъ бы за отвѣтомъ на волновавшій ее вопросъ еще разъ взглянула на Аркадія и снова встрѣтила тотъ же взглядъ; казалось, онъ и не сводилъ его съ нея. Но на этотъ разъ она уже не вдругъ опустила глаза свои, и не потому, чтобы не хотѣла, а потому что не могла опустить ихъ. И въ эти нѣсколько мгновеній они высказали ему помимо ея воли такъ давно мучившую ее и такъ старательно скрываемую ею сердечную тайну. На сердцѣ у нея вдругъ сдѣлалось такъ легко и отрадно, какъ будто съ него скатилось тяжелое давившее его бремя.

— Ah oui, тараторила между тѣмъ M-me Condert, не замѣчавшая того, что около нея происходило, c'est un beau pays que l'Italie avec son ciel d'azur, sa mer diaphane et ses brises embaumées! C'est la patrie de Petrarque, d'Arioste, le berceau de la civilisation et des beaux arts и т. д. и т. д. Она могла говорить не останавливаясь цѣлый часъ, не обращая вниманія, слушаютъ ее или нѣтъ.

На половинѣ дороги по обыкновенію былъ сдѣланъ привалъ и путешественники наши добрались до Кудеярова лишь къ вечеру.

Домъ Кудеяровыхъ былъ старинный, барскій; передъ широкимъ подъѣздомъ разбитъ былъ большой скверъ съ разбросанными по нему и по сторонамъ дома вѣковыми вязами и липами. На встрѣчу Баклановымъ высыпало на крыльцо чуть не полдюжины лакеевъ въ ливрейныхъ фракахъ и штиблетахъ; въ передней встрѣтили ихъ сами хозяева. Федоръ Львовичъ былъ впрочемъ у себя хозяиномъ лишь по имени; настоящею же хозяйкою не только въ домѣ, но и по имѣнію была жена его, умѣвшая и самого его держать въ полной подчиненности; да это было и нетрудно: онъ былъ человѣкъ пустой, безхарактерный, вполнѣ пассивный, точно созданный для того, чтобы вѣкъ свой быть въ чьей нибудь зависимости.

Марья Петровна Кудеярова была женщина лѣтъ сорока, полная, дородная. Она смолоду была не дурна собою, слыла даже когда-то московскою красавицей, да и теперь, не смотря на годы свои, заботилась о поддержаніи своей увядавшей красоты и одѣвалась съ большою изысканностію. Она была дочь нѣкогда очень богатаго, но впослѣдствіи окончательно промотавшагося князя Г. и вышла за Кудеярова лишь для того, чтобы имѣть возможность поддерживать блескъ своего дома и достойно занимать въ обществѣ почетное мѣсто, принадлежавшее ей по праву рожденія. Она очень кичилась своимъ родствомъ и связями; съ равными себѣ была любезна; съ тѣми же, которыхъ почему либо считала ниже себя, обращалась съ пренебреженіемъ и подавляющею надменностію. Марья Петровна была женщина далеко неглупая; но умъ ея былъ какой то желчный, безпокойный, искавшій себѣ пищу въ семейныхъ и другихъ скандалахъ, сплетняхъ и пересудахъ. У нея были вездѣ свои агенты, чрезъ которыхъ она всегда первая узнавала о семейныхъ тайнахъ и подпольныхъ интригахъ; ничего, казалось, не могло укрыться отъ нея.—Вслѣдствіе этого, если никто не любилъ, то всѣ боялись ея; тѣ же, которые имѣли серіозныя причины опасаться ея злаго языка, относились къ ней не только съ особымъ уваженіемъ, но даже съ какимъ-то подобострастіемъ.

— Насилу-то пріѣхали, говорила она, обнимая Софью Львовну. Мы съ княгиней Татьяной Юрьевной заждались тебя.

— А она здѣсь?

— Ужь третій день,—и съ дочерями, добавила она ей на ухо.

У Марьи Петровны, какъ и у большей части подобныхъ ей пожилыхъ московскихъ барынь, была страсть устраивать партіи: рѣдкая свадьба въ ея кружкѣ обходилась безъ ея болѣе

или менѣе дѣятельнаго участія. Матушки и тетушки обращались къ ней, если не за содѣйствіемъ, то ужь за тѣмъ, чтобъ она злымъ языкомъ своимъ не разстроила дѣла. Она еще прежде какъ-то говорила Софьѣ Львовнѣ о дочеряхъ княгигини Татьяны Юрьевны, какъ объ очень выгодныхъ для Аркадія невѣстахъ; но онъ тогда былъ еще слишкомъ молодъ и не было причины торопиться его женитьбою, а потому она пропустила слова ея мимо ушей; въ настоящемъ же случаѣ они нашли отголосокъ въ ея материнскомъ сердцѣ.

— А вамъ ужь, братецъ, и вовсе стыдно, продолжала Марья Петровна, цѣлуя въ високъ подошедшаго къ ней къ рукѣ Александра Васильевича. Сами не могли пріѣхать провѣдать старуху, такъ хоть гвардейца своего прислали бы; мы ужь двѣ недѣли какъ переѣхали въ Кудеярово.

— Ah je vous tiens enfin mangeur de coeurs, обратилась она къ Аркадію. Пріѣхалъ за нашими деревенскими простушками ухаживать. Autant de peines perdues, mon cher. Вѣдь это не въ Петербургѣ; мы здѣсь живемъ еще въ простотѣ патріархальныхъ нравовъ: on ne se laisse courtiser ici que pour le bon motif. А вѣдь Эрнестинка то въ Парижъ уѣхала, добавила она шепотомъ, но такъ, что всѣ могли слышать.

— Я право не знаю, о комъ вы говорите, сказалъ Аркадій нѣсколько сконфуженный.

— Ne faites donc pas l'ingénu, нечего скрывать-то, о чемъ ужь давно Москва во всѣ колокола протрезвонила. А знаешь ли кто она такая оказалась? C'est tout une histoire; ну да я тебѣ объ этомъ послѣ раскажу. А тебя, дружокъ, я и не замѣтила, бросилась она обнимать Лизу. Ужь думала опять не заболѣла ли. Mais comme tu as embelli, comme tu deviens intéressante, ma parole. Type tout-à-fait anglais: blonde, mince, élancée. Посмотри, Sophie, сколько она arée son air de sainte

Nitouche на своемъ вѣку несчастныхъ сдѣлаетъ,—vous verrez. Ольгуша, и ты здѣсь? Благодарю за память. Да какъ ты, милая, похорошѣла, да пополнѣла. Видно Баклановскій хлѣбъ тебѣ въ прокъ пошелъ.

Она постоянно звала Оленьку Ольгушей может-быть потому, что такъ звали въ домѣ одну изъ ея горничныхъ и ей доставляло удовольствіе называть ихъ обѣихъ однимъ именемъ.

Пока хозяйка дома расточала вправо и влѣво свои привѣтствія и любезности, не былъ безъ дѣла и хозяинъ: онъ успѣлъ со всѣми перецѣловаться; въ общей суматохѣ чуть по ошибкѣ не поцѣловалъ и Оленьку, что очень ее сконфузило и чему долго отъ души смѣялись Лиза съ Аркадіемъ.

— Soyez les bienvenus, продолжала безъ умолка трещать Марья Петровна, вводя гостей своихъ въ залъ.

Въ диванной они нашли за чаемъ цѣлое общество: тутъ была и княгиня Татьяна Юрьевна съ двумя дочерьми и непомѣрно высокою и сухопарою Англичанкой; былъ какой-то сосѣдъ помѣщикъ съ женою и пожилая барыня съ маленькою дѣвочкой. Любезная хозяйка тотчасъ же всѣхъ перезнакомила. Съ княгиней Баклановы были знакомы еще прежде; скандальная хроника говорила даже, что она, еще бывши дѣвушкой, была влюблена въ Александра Васильевича, когда тотъ былъ еще молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, что впрочемъ, если и было, то разумѣется уже очень давно.

— Возьмите мою деревенскую простушку, говорила Марья Петровна княжнамъ, подводя къ нимъ Лизу—да порастормошите ее хорошенько. Что ты, Sophie, не свозишь ее хоть на зиму въ Москву. Кого она здѣсь видитъ? Братецъ, отпустите жену свою на зиму въ Москву. Пора Лизу въ свѣтъ вывозить, и ее показать и ей дать на людей посмотрѣть. Что вы ихъ въ самомъ дѣлѣ въ вашихъ Бакланахъ какъ отшельницъ взаперти держите?

— Я и не думаю ихъ держать, отвѣтилъ Баклановъ. Пусть ѣдутъ себѣ хоть въ Петербургъ. Самъ я не считаю себя въ правѣ въ настоящую минуту отсюда трогаться; и не тронусь; а ихъ не удерживаю.

— Ну и оставайтесь съ вашими мужланами, если ужь они вамъ такъ милы. Просвѣщайте ихъ, проповѣдуйте имъ трезвость, открывайте для нихъ ссудные банки, благо у васъ лишнихъ денегъ много, обогощайте ихъ, да развивайте въ нихъ чувство человѣческаго достоинства. Баклановцы ваши и теперь уже какъ купцы какіе въ синихъ долгополкахъ щеголяютъ, передъ нашимъ братомъ шапки не ломаютъ и съ дороги не сворачиваютъ. Подождите: скоро самимъ вамъ на голову сядутъ. Нѣтъ; вѣдь мужикъ лишь до тѣхъ поръ хорошъ, пока въ черномъ тѣлѣ; а какъ станутъ по праздникамъ вмѣсто пьянства кучками собираться, да газеты читать. — тутъ ужь добра не жди. Вы можетъ быть не повѣрите, княгиня? Ей Богу сама видѣла. Вотъ эту новую, дешовую газетишку выписываютъ: нравится имъ, что много въ ней о воровствахъ да о грабежахъ пишутъ. И добро бы зло это Бакланами и ограничилось; а то вѣдь, глядя на нихъ, и сосѣднія деревни стали грамотѣ учиться; вѣдь русскій человѣкъ переимчивъ; куда одинъ, туда и другой, какъ бараны. Вотъ какъ разведутся эти грамотѣи, да начитаются газетъ, а тамъ еще эти новые суды подойдутъ, ну и бѣги нашъ братъ, куда глаза глядятъ. Вы, братецъ, заварили кашу: каково-то наслѣдникамъ вашимъ придется ее расхлебывать.

Всю эту филлипику Марья Петровна сказала, что называется, съ одного почерка, не переводя духа; видно было, что ей давно хотѣлось это высказать Александру Васильевичу; но вѣроятно не представлялось для того удобнаго случая. Тотъ молча курилъ сигару и, казалось, слушалъ ее съ большимъ вниманіемъ.

— А ты сестра, обратилась она къ Софьѣ Львовнѣ,—поѣзжай-ка съ Лизой въ Москву. Я тебѣ и квартиру найму и обмеблирую и все устрою какъ слѣдуетъ, а тамъ и мужъ, какъ одинъ соскучится, самъ къ тебѣ пріѣдетъ,—право такъ. У меня кстати для Ольгуши и женихъ есть въ городѣ изъ служащихъ въ судѣ,—человѣкъ непьющій и дѣло свое хорошо знаетъ. Состоянія, правда, кромѣ жалованья никакого нѣтъ; ну да и за ней вѣдь не золотыя розсыпи какія.

— Прошу васъ, сестрица, о ней не безпокоиться, сказалъ Баклановъ твердо, но спокойно.—Мы приняли ее къ себѣ въ домъ какъ родную дочь и слѣдовательно взяли на себя обязанность пещись о ней какъ о дочери, и заботиться объ устройствѣ судьбы ея никого не просимъ.

— Дѣло ваше, отвѣтила сухо Марья Петровна. — Можетъ быть вамъ въ самомъ дѣлѣ удастся выдать ее за какого-нибудь принца Орлеанскаго: on a vu des rois épouser des bergères.

Послѣ чая все общество отправилось въ садъ. Онъ расположенъ былъ вдоль крутаго берега довольно большой и широкой рѣки и распланированъ въ старинномъ французскомъ вкусѣ, съ прямыми, подстриженными и крытыми аллеями и множествомъ кіосковъ, бесѣдокъ и павильоновъ; къ одному изъ послѣднихъ и повела Марья Петровна церемоніальнымъ шагомъ гостей своихъ полюбоваться живописнымъ видомъ на противоположный берегъ рѣки. Оленька была въ самомъ грустномъ настроеніи духа; пріемъ сдѣланный ей хозяйкой дома и послѣдній разговоръ оскорбили ея самолюбіе; изъ пріѣзжихъ гостей она никого не знала и никому изъ нихъ не была представлена; княжны, казалось ей, чуждались ея, старшая даже смотрѣла на нее съ какимъ то высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Предстоявшая прогулка не сулила ей ровно никакого удовольствія и она охотно осталась бы дома; но законы приличія заставляли ее волею-неволею слѣдовать за прочими.

— Что вы такъ грустны? спросилъ, подойдя къ ней Аркадій.

— Отъ избытка удовольствія, отвѣтила, стараясь улыбнуться, Оленька.

— Понимаю: танта и эта княжая московщина. За чѣмъ же вы за ними идете? Чтобы наскочить на новыя непріятности. Пойдемте лучше кататься на лодкѣ.

— Какъ это можно, въ умѣ ли вы?

— А почему же нѣтъ? Мы поѣдемъ не одни: возьмемъ съ собою madam Coudert съ Лизой.

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ... Cela se jetterait aux yeux.

— Это право очень забавно, перебилъ ее Аркадій. On vous brusque, on vous fait toute sorte d'avanies, а вы будете передъ ними на заднихъ лапкахъ ходить? Гдѣ же ваше самолюбіе? Да и особенно рѣзкаго или бросающагося въ глаза тутъ ничего не будетъ. Я сейчасъ приглашалъ кататься и княженъ, но княжна Вѣра сказала, что она любитъ кататься лишь по морю; ну пусть ее по морю и катается. Смѣшно было бы намъ отказывать себѣ въ удовольствіи только потому, что этого неугодно ея сіятельству. Quant à maman je prends tout sur moi: я знаю, что ей сказать.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ побѣжалъ догонять Лизу.

Аркадій былъ не въ духѣ. Онъ былъ золъ на тетку за ея неумѣстную болтовню, онъ зналъ цѣль, съ которою она пригласила къ себѣ княгиню съ дочерьми и очень хорошо понималъ, что ничѣмъ не могъ ей такъ досадить какъ этимъ катаньемъ; а главное не по нутру былъ ему пріѣздъ княгини какъ нарочно въ этотъ день, когда онъ послѣ шестинедѣльныхъ ухаживаній за Оленькой началъ наконецъ (такъ по крайней мѣрѣ ему казалось) достигать своей цѣли. Аркадій зналъ, что княжны были очень богаты; младшая изъ нихъ,

княжна Вѣра, была не дурна собою, и жениться на ней, особенно послѣ положительнаго отказа отца платить за него долги, онъ былъ не прочь и понималъ, что, имѣя это въ виду, такого удобнаго случая сблизиться съ нею упускать не слѣдовало,—другаго пожалуй послѣ никогда и не представилось-бы; но съ другой стороны, какъ было вдругъ для нея бросить Оленьку и притомъ бросить въ ту минуту, когда она, оставленная всѣми, конечно болѣе нежели когда либо оцѣнила-бы всякій сдѣланный имъ для нея шагъ. Такое пренебреженіе оскорбило-бы ея щекотливое самолюбіе и безвозвратно испортило бы все дѣло. Не долго впрочемъ думалъ Аркадій надъ этою дилеммой. «Поѣду кататься съ Оленькой, рѣшилъ онъ; она увидитъ въ этомъ доказательство моей искренней, можетъ быть даже, самоотверженной любви и это подвинетъ значительно дѣло впередъ: вѣдь эти деревенскія барышни особенно способны всѣмъ восторгаться и во всякомъ вздорѣ видѣть проявленіе какого-нибудь выспренняго чувства. На княгиню съ княжнами это такъ-же можетъ повліять не дурно: обидѣться этимъ катаньемъ особнякомъ онѣ не могутъ. — не виноватъ-же я въ самомъ дѣлѣ, что нѣтъ въ Кудеяровѣ къ услугамъ княжны Вѣры моря; а что я не остался съ ними любезничать и предпочелъ отправиться кататься съ Лизой и Оленькой; то онѣ изъ этого ясно увидятъ, что я не участвовалъ въ заговорѣ съ тантой и пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобъ ухаживать за ними; а этимъ я могу въ глазахъ ихъ лишь выиграть. Что-же касается до ухаживанія за ними, то у меня впереди вечеръ и цѣлый завтрашній день. А ужъ какое dolce piacere доставлю я этимъ катаньемъ тантѣ! Она его во всю жизнь свою не позабудетъ.» — И онъ отъ удовольствія заранѣе потиралъ себѣ руки.

Аркадій нашелъ Лизу внизу терассы съ M-me Coudert, остановившею ее, чтобы поправить на ней платье. M-me Cou-

dert приняла предложеніе съ удовольствіемъ, она была даже рада отдѣлаться отъ неразговорчивой англичанки; Лиза-же долго не соглашалась, боясь прогнѣвить мать и Аркадію стоило большаго труда уговорить ее.

Общество уже давно скрылось за густыми деревьями аллеи. Отъ террассы вела дорожка внизъ, прямо къ купальнѣ, у плотика которой привязана была лодка. Аркадій сбѣжалъ къ плотику, отвязалъ лодку и помогъ войти въ нее своимъ спутницамъ, потомъ взялъ въ руки весла; Оленька сѣла у руля, управлять которымъ выучилась еще катаясь по Баклановскому пруду.

— Et vogue la galère! сказалъ онъ, отчаливъ и направивъ лодку внизъ по теченію рѣки.

XII.

Погода была прекрасная и видъ съ рѣки на стоявшую на горѣ усадьбу съ тянувшимися по обѣ стороны ея вдоль берега садами очаровательный: солнце уже садилось и яркій свѣтъ послѣднихъ лучей его, падая на массивный фасадъ дома, казалось, выдвинулъ его изъ подъ осѣнявшихъ его липъ; багрянымъ заревомъ горѣлъ длинный рядъ его полукруглыхъ оконъ. По скату горы, какъ бы цѣпляясь другъ за друга, спускались къ самой водѣ цвѣтущіе кустарники: темною листвою своею рѣзко отдѣляясь отъ свѣтлой зелени газона, они издали казались разбросанными по нему громадными причудливо перепутавшимися гирляндами. Тамъ и сямъ одинокими великанами высились вѣковые дубы и вязы; мѣстами игриво выбѣгали на самую крутизну берега пестрые кіоски или задумчиво выглядывали изъ подъ раскидистыхъ вѣтвей караичей и кудрявой рябины уединенныя бесѣдки. Лодка плыла то вдоль окаймлявшаго берегъ камыша, то между небольшими островами, которыми въ этомъ мѣстѣ усѣяно было русло

рѣки, прокладывая себѣ путь по плававшимъ на поверхности воды широкимъ и плоскимъ листьямъ кувшинчиковъ, пока наконецъ не выбралась на просторную водяную гладь, въ которой какъ въ зеркалѣ отражался опрокинутый крутой берегъ съ разбросанными по нему деревьями и кустарникомъ. Выѣхавъ на ея середину, Аркадій подобралъ весла и лодка, предоставленная одному теченію рѣки, едва замѣтно подвигалась впередъ.

— Какъ здѣсь хорошо, сказала Оленька, любуясь живописнымъ ландшафтомъ..

И дѣйствительно было хорошо. Только что закатившееся за гору солнце, какъ бы посылая покинутый имъ землѣ замогильный привѣтъ свой, золотило прощальными лучами окраины медленно плывшихъ по небу легкихъ, полупрозрачныхъ облаковъ. Въ воздухѣ стояла тишь изрѣдка возмущаемая рѣзкимъ вѣтеркомъ, разгонявшимъ теплый паръ, отдѣлявшійся отъ нагрѣтой въ теченіе дня воды. Отъ времени до времени вскакивали на гладкой поверхности ея пузыри или слышались всплески игравшей и выпрыгивавшей наружу рыбы и тогда зеркальная гладь ея отъ концентрически расходившихся и расплывавшихся по ней круговъ покрывалась легкою едва замѣтною рябью. Въ кустахъ щелкалъ запоздалый соловей; съ поля доносилась бойкая перекличка перепеловъ; въ лугахъ рѣзко и отчетливо отдергивалъ скрипучую пѣснь свою болотный коростель. Съ воздухомъ вдыхалось благоуханіе цвѣтущихъ кустарниковъ и дышалось такъ легко и привольно.

Всѣ молчали погруженные въ нѣмое созерцаніе. Оленька была въ полномъ упоеніи. День этотъ, не смотря на непріятности, сдѣланныя ей Марьей Петровной, былъ едва ли не самый лучшій въ ея жизни; утромъ она высказала Аркадію тайну своего сердца и, казалось ей, прочла и въ его взглядѣ больше нежели сколько онъ могъ бы высказать ей словами. То, что она до сихъ поръ такъ старательно скрывала отъ

него, уже перестало быть для него тайной, и теперь, сид: руля противъ него, она могла смотрѣть ему прямо въ гл: онъ все зналъ и ей скрывать отъ него ужъ было нече Наконецъ самое устроенное имъ катанье развѣ не доказы ло самымъ наглядным образомъ любви его къ ней.

— Куда же мы ѣдемъ? прервала наконецъ общее мол ніе Лиза.

— А куда бы ни ѣхать, не все ли равно. лишь бы бь подальше отъ танты, отвѣчалъ Аркадій.

— А знаете ли, сказала Оленька,—если ѣхать все вн по рѣкѣ, мы пріѣдемъ въ Кузминку. Папаша не разъ го рилъ, что покойный вашъ дѣдушка пріѣзжалъ къ нему ино изъ Кудеярова на лодкѣ.

— И отлично, подхватилъ Аркадій,—ѣдемъ въ Кузминк

— Вы кажется съ ума сошли, чуть не закричала Лиза: Avez vous entendu M-me Coudert? Et maman m'a recoma de ne pas quitter les princesses.

Оленька съ Аркадіемъ отъ души расхохотались.

— Ne voyez vous donc pas que ce n'est qu'une plaisante: утѣшала Лизу M-me Coudert.

— Да и вамъ не слѣдовало бросать ихъ такъ одни продолжала Лиза внушительно. Je trouve même ceci très convenant. Pas vrai, M-me Coudert.

— Правда сказала вполголоса Оленька, взглянувъ на кадія.

— Le fait est que réellement nous avons peu l'air d bande d'écoliers en escapadé, замѣтила M-ma Coudert; et à no retour on va nous donner une bonne levasse,—allez.

— En nous l'aurons parfaitement bien meritée, добав Лиза.

— Успокойтесь, перебилъ ее Аркадій; —валите все на ме я устрою дѣло такъ, что ничего такого не будетъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто, пріударю за которою нибудь изъ княженъ и все будетъ прощено и забыто.

— Dites donc, —quelle suffisance! вскрикнула Лиза. — Посмотримъ. За которой же? добавила она, за Вавой?

— Пожалуй хоть за ней.

— Въ такомъ случаѣ смотри,—не влюбись въ нее въ самомъ дѣлѣ.

— Влюблюсь ли не знаю: а что притворюсь влюбленнымъ и увѣрю въ томъ маменекъ и тетушекъ, это вѣрно.

— Слышишь Оленька. Да это будетъ преинтересно.

— Nous allons vous admirer à l'oeuvre, вмѣшалась M-me Coudert, которую разговоръ этотъ, казалось, почему-то очень интересовалъ.

— Vous verrez, заключилъ Аркадій.

— Онъ взглянулъ на Оленьку, но та сидѣла, опустивъ голову, будто о чемъ то задумалась.

И снова всѣ замолчали, точно боясь продолженіемъ этого разговора профанировать торжественность царившей кругомъ тишины. Казалось остановилась и лодка, и лишь по лучеобразно расходившемуся за нею по водѣ слѣду видно было, что она, относимая легкимъ теченіемъ, хотя и медленно, но подвигалась впередъ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Однакожъ въ самомъ дѣлѣ какъ здѣсь ни хорошо, а пора и возвращаться домой, сказала наконецъ Оленька: — вверхъ по теченію вѣдь мы такъ скоро не поѣдемъ.

— Je suis de l'avis de M-lle Ольга, присоединилась къ ней M-me Coudert.

— Si tel est votre bon vouloir, — soit, сказалъ Аркадій и взялся за весла.

Пока плыли по широкому разливу рѣки, лодка шла легко;

но когда въѣхали въ протокъ, отдѣлявшій острова отъ берега, теченіе оказалось такъ сильно, что она не смотря на всѣ усилія Аркадія едва подвигалась впередъ.

— Вы кажется очень устали? спросила его съ участіемъ Оленька.

— Пока еще не очень, но къ крайнему прискорбію вижу, что такъ мы далеко не уѣдемъ.

— Что же мы будемъ дѣлать? спрашивала со страхомъ Лиза.

— Переночуемъ здѣсь à la belle étoile, — это будетъ очень оригинально.

— Mais qu, allons nous devenir? Que dira maman? продолжала волноваться Лиза.

— Cela vous fait honneur, сказалъ Аркадій; въ минуту опасности вспоминаешь о родителяхъ; это очень похвально. Но утѣшься, еще Польша не сгиняла, есть еще одно средство. Держите прямо въ камыши, вотъ такъ.

Пробравшись кое-какъ между камышей къ берегу, Аркадій сложилъ весла въ лодку и взявъ въ руки багоръ, сталъ, цѣпляясь имъ за стоявшія у воды деревья, тащить ее такъ сказать на себѣ; но тяжелая работа эта вскорѣ же оказалась не только непосильною, но и невозможною. Въ камышахъ кромѣ кочекъ было много цѣпкихъ, водяныхъ растеній, которыя перепутываясь около носа лодки не давали ей хода.

— Дѣло дрянь, сказалъ наконецъ Аркадій послѣ долгихъ, но напрасныхъ усилій сдвинуть ее съ мѣста

Лиза пришла въ совершенное отчаяніе.

— Fi donc Lise, говорила ей M-me Coudert никогда не терявшая присутствія духа. — Les braves meurent, mais ne se rendent pas et vous vous laissez decourager pour si peu de chose. M. Arcadie, si nous allions faire une descente sur cette rive inhospitalière? Qu'en pensez vous?

— Savez-vous que c'est une idée comme une autre, сказалъ Аркадій, - et nous allons la mettre à exécution.

— A l'oeuvre donc et vive le gouvernement! весело кричала M-me Coudert, желая примѣромъ своимъ ободрить упавшую духомъ Лизу.

Аркадій причалилъ лодку къ самому берегу, высадилъ на него своихъ спутницъ, и, привязавъ ее къ дереву, выпрыгнулъ изъ нея.

— Что если это еще не настоящій берегъ, а какой нибудь островъ, говорила Лиза, недовѣрчиво смотря вверхъ по крутому скату, на которомъ кромѣ кустарника и кое гдѣ торчавшихъ особнякомъ огромныхъ вязовъ ничего не было видно.

— И въ добавокъ необитаемый, сказалъ Аркадій.

— Il ne nous manquerait que d'y rencontrer des sauvages, добавила M-me Coudert.

Всѣ засмѣялись; повеселѣла и Лиза. Стали взбираться по крутому склону берега; но тутъ представилось совершенно неожиданное препятствіе: подъемъ оказался до того крутъ, что взобраться по нему нельзя было иначе, какъ хватаясь и крѣпко держась за кустарникъ, рискуя, оборвавшись, скатиться прямо въ рѣку. Легкая Лиза и сухая какъ щепка M-me Coudert принялись за эту операцію довольно ловко и удачно; но Оленька не могла сдѣлать и двухъ шаговъ: на ней были новыя ботинки, подошвы которыхъ скользили по сухой, выгорѣвшей травѣ.

— Обопритесь крѣпче на мою руку, говорилъ ей Аркадій.

Но и это не помогало; ноги Оленьки продолжали скользить и она ни на шагъ не подвигалась впередъ.

— Боже, что мнѣ дѣлать! сказала она почти со слезами на глазахъ.

— А вотъ что: представьте себѣ, что мы идемъ вальсировать; положите вашу руку мнѣ на плечо, вотъ такъ, а я....

и онъ хотѣлъ обхватить ея талію. но Оленька остановила его руку.

— Pour rien au monde, сказала она и отодвинулась отъ него.

— Послушайте. вѣдь это ребячество. уговаривалъ ее Аркадій.—Мы не разъ съ вами вальсировали и полькировали и я держалъ васъ точно также.

— Да; но мы здѣсь не полькируемъ.

— Какая же разница?

— Во первыхъ, мы тамъ были не одни .. проговорила едва внятно Оленька.

— Перестаньте пожалуста. Ну подумайте сами: ночь на дворѣ; пока Лиза взберется на гору, отыщетъ maman и та пришлетъ за нами людей, пройдетъ по крайней мѣрѣ часъ и развѣ лучше будетъ, если лакеи найдутъ насъ здѣсь съ вами вдвоемъ? Что скажетъ наконецъ объ этомъ танта. Вѣдь это дастъ ей пищу для нескончаемыхъ сплетней.

Этотъ послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на Оленьку сильнѣе всѣхъ другихъ. Она положила дрожавшую отъ волненія руку на плечо Аркадія. и онъ, обхвативъ ее правою рукою, а лѣвою хватаясь за кустарникъ, началъ, хотя и не безъ труда, совершать восхожденіе. Въ мѣстахъ, гдѣ подъемъ былъ очень крутъ и непослушныя ноги Оленьки начинали скользить. она инстинктивно сильнѣе опиралась на плечо Аркадія, и онъ, чтобы поддержать ее, долженъ былъ крѣпче прижимать ее къ себѣ. Ея волосы касались его щеки, онъ чувствовалъ на ней ея горячее дыханіе, слышалъ какъ на груди его тревожно билось ея сердце... какъ подъ его рукою высоко подымалась и опускалась грудь ея. Невольно припомнилась ему полная сосредоточенной страсти строфа одной изъ пѣсней Гейне.

Um den schlanken Leib der Schonen
Hab'ich meinen Arm gebogen

Und mit seligem Finger fühl ich
Ihres Busens stolzes Wogen.

И то что поэтъ, набрасывая на бумагу эти строки. лишь воспроизводилъ силою творческой фантазіи въ воображеніи своемъ, Аркадій въ эти блаженныя минуты ощущалъ на самомъ дѣлѣ.

Оленька все время молчала,—да о чемъ было и говорить ей? Развѣ Аркадій не видѣлъ, что она любитъ его, что она вся была его? А о чемъ либо постороннемъ она въ эти минуты и думать не могла. Правда онъ раза два о чемъ то спросилъ ее, разъ даже при этомъ губы его слегка какъ будто коснулись ея щеки. такъ что лихорадочная дрожь пробѣжала по тѣлу ея; но она не поняла смысла сказанныхъ имъ словъ, почти не слыхала ихъ; она жила лишь однимъ внутреннимъ чувствомъ, внѣшнія же чувства какъ бы не существовали для нея.

Миновавъ самую крутизну подъема, Оленька могла наконецъ вздохнуть свободнѣе: она какъ бы очнулась отъ упоительнаго сна и тихо высвободилась изъ объятій Аркадія.

— Arrivez-donc retardataires говорила имъ M-me Coudert, стоя на верху горы съ Лизой.

Уже становилось темно и она торопила ихъ скорѣе возвратиться домой. гдѣ вѣроятно Софья Львовна ждала ихъ съ нетерпѣніемъ.

— Откуда это вы? раздался вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ знакомый имъ голосъ.

Всѣ вздрогнули и оглянулись.

Изъ боковой аллеи медленно подвигалось къ нимъ все общество. Впереди шла Марья Петровна съ княгиней и Софьей Львовной; за ними слѣдовали княжны съ длинной англичанкой и двѣ пріѣзжія дамы; не было лишь мущинъ. Оленька со страхомъ окинула мѣстность бѣглымъ взглядомъ и нѣсколько

успокоилась: аллея эта шла не вдоль берега и изъ нея совершеннаго ею съ Аркадіемъ восхожденія видѣть было нельзя.

— Что это съ тобою, мать моя? спросила Марья Петровна, остановясь передъ нею,—волосы растрепаны, платье изорвано, а какое было хорошенькое платьице, я все любовалась имъ. Да и не мудрено: коли станешь обо всѣ кустарники подолъ обивать, ихъ и не наготовишься. Ты бы хоть нареченную мамашу свою пожалѣла.

Оленька стояла ни жива, ни мертва. Софья Львовна подошла къ ней какъ бы для того, чтобы оправить на ней платье, и, узнавъ о случившемся, пожурила ее.

— Развѣ ты не понимаешь, сказала она ей, что такія вещи въ порядочномъ обществѣ не дѣлаются, что это противно всѣмъ принятымъ законамъ приличія.

Досталось, разумѣется, и Лизѣ и madame Coudert, которыя поспѣшили взвалить всю вину на Аркадія.

— Хорошъ и кавалеръ, нечего сказать, продолжала между тѣмъ, проходя мимо его, Марья Петровна. — Я думала онъ поможетъ мнѣ гостей занимать, а онъ отправился кататься на лодкѣ. Впрочемъ нынче вѣдь не принято, чтобы хозяева занимали гостей своихъ. Это, говорятъ, лишь стѣсняетъ; всякому должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій.

— Принято по крайней мѣрѣ не оскорблять ихъ въ домѣ своемъ, сказалъ Аркадій хотя и вполголоса, но довольно громко.

Марья Петровна сдѣлала видъ, что ничего не слыхала; примѣру ея послѣдовали и прочія; лишь княжна Вава не могла сдержать невольную улыбку: она прикусила перекосившіяся губки и вскользь брошенный на Аркадія взглядъ выражалъ сочувственное одобреніе.

— Va bene, прошепталъ себѣ подъ носъ Аркадій.

Весь этотъ вечеръ Марья Петровна была въ особенно дурномъ расположеніи духа; она болѣе для того и пригласила

къ себѣ княгиню съ дочерьми, чтобы сосватать одну изъ нихъ за Аркадія, а онъ какъ нарочно точно избѣгалъ ихъ. Она приписывала это вліянію на него Оленьки. что, по мнѣнію ея, какъ нельзя лучше доказывалось катаньемъ на лодкѣ, которое, конечно, предпринято было по ея иниціативѣ и настоянію, и потому сосредоточила на ней всю злобу свою.

Послѣ ужина мущины отправились курить на балконъ; въ столовой съ дамами остался одинъ Аркадій. Марья Петровна завела рѣчь о безнравственномъ направленіи современной молодежи и о непочтительности ея къ старшимъ.

— Въ наше время, говорила она, молодыя дѣвушки дорожили своею репутаціей; а теперь онѣ ея въ грошъ не ставятъ; гуляютъ по ночамъ съ молодыми людьми, чуть на шею имъ не вѣшаются; а стариковъ нынче не только не почитаютъ, а относятся къ нимъ съ дерзкимъ пренебреженіемъ.

Обвиненіе было такъ прямо направлено противъ Оленьки, что она не могла совладать съ собою и слезы въ три ручья хлынули изъ глазъ ея. Она вышла изъ комнаты; за нею пошла и Софья Львовна.

— О чемъ матушка, разрюмилась? спросила Марья Петровна. Или нервы слабы? Ты бы хрѣнку понюхала.

— Я полагаю, сказалъ Аркадій, что младшіе въ ваше время потому и были почтительны къ старшимъ, что эти послѣдніе своимъ съ ними обращеніемъ вѣроятно не заставляли ихъ терять къ себѣ всякое уваженіе.

Сказавши это вышелъ и онъ.

Послѣдовало общее молчаніе. Марья Петровна вся побагровѣла, но не сказала ни слова; всѣ были видимо сконфужены. Уходя, Аркадій замѣтилъ, что княжна Вава по прежнему прикусила губки, и посмотрѣла на него тѣмъ же, уже знакомымъ ему, сочувственнымъ взглядомъ.

— Пока все идетъ хорошо, подумалъ онъ.

XIII.

День именинъ Кудеярова прошелъ очень шумно; съѣздъ былъ большой. Марья Петровна была необыкновенно любезна: она бѣгала отъ одного гостя къ другому, находя для каждаго привѣтливое слово и оставляля въ покоѣ лишь тѣхъ, которыхъ не считала достойными особаго своего вниманія. Виновника торжества почти не было видно: онъ встрѣчалъ гостей и тутъ же незамѣтно стушевывался. Софья Львовна не отходила отъ княгини Татьяны Юрьевны, которая въ свою очередь казалось была очень довольна ея сообществомъ. Княжна Вава сблизилась съ Лизой и Оленькой и была очень любезна съ Аркадіемъ; старшая княжна хотя охотно говорила и ходила съ Лизой, но Оленьки видимо чуждалась. Аркадій, какъ блестящій гвардейскій офицеръ и богатый женихъ, былъ постояннымъ point de mire матушекъ и ихъ взрослыхъ дочекъ; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и былъ занятъ исключительно одною княжною Вавой. Александръ Васильевичъ былъ всѣми очень любимъ и уважаемъ, а потому былъ безотходно окруженъ толпой внимательныхъ, если не подобострастныхъ, собесѣдниковъ. Словомъ все шло какъ и слѣдовало ожидать; лишь одна M-me Coudert никакъ не могла сойтись съ долговязой англичанкой.

«Est elle insipide cette grue d'Anglaise, говорила она, окончательно отъ нея отступившись,—a peine parlant du bout de ses lévres et roide comme dix manches de balai.» Вечеромъ, какъ водится, были танцы, сожженъ былъ даже фейерверкъ. Но всѣ эти увеселенія Оленьку не веселили: она только и думала какъ бы скорѣе вырваться изъ Кудеярова и пріѣхать въ Кузминку, гдѣ ее ожидали материнскія ласки, и когда наконецъ на третій день подъѣхали къ крыльцу Баклановскіе экипажи, она чуть не заплакала отъ радости.

— Какъ жаль, что мы такъ далеко живемъ другъ отъ друга, говорила княгиня Татьяна Юрьевна, прощаясь съ Софьей Львовной;—иначе я просила бы и васъ пріѣхать ко мнѣ съ Marie 27-го въ Красноселье на освященіе церкви.

Хозяева вышли провожать Баклановыхъ на крыльцо и Марья Петровна обошлась на этотъ разъ съ Оленькою много ласковѣе; отъ Аргусова взгляда ея не укрылось, что Аркадій наканунѣ былъ очень любезенъ съ княжной Вавой и это нѣсколько помирило ее съ ней.— Къ тому же княгиня пригласила Аркадія принять участіе въ устраивавшемся у нея домашнемъ спектаклѣ, и она надѣялась уладить тамъ задуманное ею сватовство, почему и была въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

До Кузминки было всего пять верстъ и переѣздъ этотъ былъ сдѣланъ въ какихъ нибудь полчаса. Когда карета стала спускаться съ такъ хорошо знакомаго Оленькѣ еще съ дѣтства бугра и съ него открылся домъ съ садомъ, огромнымъ прудомъ и шумѣвшею вдалекѣ водяною мельницею, сердце ея запрыгало и казалось готово было выскочить. Баклановы, чтобы не стѣснять стариковъ неожиданнымъ пріѣздомъ цѣлою семьею. еще наканунѣ извѣстили ихъ о немъ и потому они встрѣтили ихъ на крыльцѣ. Изъ постороннихъ у нихъ былъ лишь одинъ Погорѣловъ, котораго пригласилъ Кузминъ, зная какъ Александръ Васильевичъ любилъ говорить съ нимъ о крымской компаніи. Встрѣча была разумѣется самая трогательная; Оленька нѣсколько разъ переходила отъ отца къ матери, цѣлуя и обнимая то того то другую, пожала дружески руку Погорѣлову, сбѣгала провѣдать старую няню, перецѣловалась съ дѣвушками,— не забыла и Трезора, который, узнавъ ее, бросился къ ней лапами на плечи и чуть не повалилъ ее.

— Посмотрите какая прелесть, говорила она, показывая его Аркадію.

— Да, не по шерсти кличка, сказалъ онъ. Зачѣмъ дали вы ему такое вульгарное имя. Назовите его лучше хоть Дозоромъ.

— И въ самомъ дѣлѣ имена такъ похожи, что онъ перемѣны и не замѣтитъ. Дозоръ! Дозоръ! звала она его и прыгала отъ радости, что тотъ бѣжалъ на новую свою кличку.

Глафира Андреевна была въ страшныхъ попыхахъ; не знала какъ и чѣмъ угощать гостей, хотя разумѣется въ ожиданіи ихъ пріѣзда всего наготовлено было больше чѣмъ нужно, и поминутно совѣщалась съ Оленькой.

— Какъ ты думаешь, хорошо ли будетъ теперь подать кофе? спрашивала она ее.

— Лучше ничего быть не можетъ, отвѣчала та, цѣлуя ее; къ тому же у васъ всегда такія сливки и такія превосходныя сдобныя булочки и крендельки, какихъ въ Бакланахъ печь не умѣютъ.

— Да не подать ли его подъ вязомъ? спрашивала ее снова черезъ минуту старуха.

— И отлично. На чистомъ воздухѣ; какъ это будетъ хорошо.

Въ саду въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома стоялъ огромный, раскидистый вязъ. около толстаго ствола котораго устроенъ былъ круглый столъ со скамьями. Сюда приглашено было все общество. Къ кофе, кромѣ сдобныхъ печеній и только что сбитаго сливочнаго масла, поданы были окорокъ домашней ветчины и еще кое-какія произведенія незатѣйливой кухни. Все это было подано просто, но чрезвычайно опрятно.

— Какъ у васъ отлично идетъ домашнее хозяйство, говорила Софья Львовна; я у себя такого печенія и такого превосходнаго масла никакъ добиться не могу.

— Правда, замѣтилъ Баклановъ; — а ветчина ваша и вестфальской не уступитъ.

— Ну ужъ извините,—чѣмъ Богъ послалъ, отвѣчала суетясь около стола Глафира Андреевна, у которой отъ всѣхъ этихъ похвалъ были, что называется, ушки на макушкѣ.

— Жаль, что у насъ здѣсь нѣтъ такой же лодки какъ въ Кудеяровѣ, сказала Оленька, когда послѣ завтрака пошли гулять по саду.

— И какъ бы здѣсь хорошо было покататься, добавила Лиза: нѣтъ ни кочекъ, ни камышей, ни заросшихъ травою узкихъ проѣздовъ между островами.

— За то нѣтъ такихъ живописныхъ, крутыхъ, неудобовосходимыхъ береговъ замѣтилъ Аркадій, ударяя на предпослѣднее слово.

Оленька взглянула на него и легкій румянецъ выступилъ на ея щекахъ: воображеніе ея живо представило ей всѣ мельчайшія подробности восхожденія на крутой берегъ. Въ брошенномъ ею на Аркадія взглядѣ было и внезапно пробужденное словами его воспоминаніе о пережитыхъ блаженныхъ минутахъ и укоръ за профанацію ихъ неумѣстнымъ и полушутливымъ на нихъ намекомъ.

— А главное нѣтъ вашей милой, такъ искренно любимой вами тетушки, замѣтила она.

— Однако какъ ты ее послѣ ужина отдѣлалъ, сказала Лиза.—Я даже испугалась за тебя.—Я такъ и думала, чтó она бросится. .

— И съѣстъ меня, добавилъ Аркадій.

Лиза повторила сказанныя имъ слова, и Аркадій могъ прочесть въ глазахъ Оленьки выраженіе живой, искренней благодарности. Да и какой ты искусный актеръ, продолжала она; еслибъ я не была предупреждена тобою заранѣе, то готова была бы пари подержать, что ты не въ шутку влюбился въ княжну Ваву и ухаживалъ за нею.

За обѣдомъ у стариковъ зашелъ съ Погорѣловымъ разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ.

— Какъ наслушаешься объ этихъ битвахъ да сраженіяхъ, такъ даже жутко становится, сказала Глафира Андреевна. Подумаешь какъ человѣкъ-то можетъ на человѣка за вѣру и царя озлобиться, готовъ кровь свою до послѣдней капли пролить. Вотъ хоть бы Павелъ Яковлевичъ; сколько разъ жизнь его, что называется, на волоскѣ висѣла.

— И въ голову вамъ никогда, я чай, не приходило, что вы ее не въ дровахъ нашли? спросилъ Баклановъ.

— Если они сознавали правоту дѣла и сочувствовали ему, сказалъ Аркадій, очень хорошо понимавшій въ чей огородъ брошенъ былъ камень, легко быть можетъ, что они въ самыхъ опасностяхъ находили своего рода наслажденіе.

— Стоять подъ непріятельскими выстрѣлами наслажденія мало, сказалъ очень хладнокровно Погорѣловъ; —да и не думаю, чтобы кто либо испытавшій это чувство, какихъ бы онъ ни былъ убѣжденій, сказалъ, что онъ находилъ въ немъ наслажденіе.

— Но если вы такъ самоотверженно рисковали жизнію своею, то конечно потому, что сочувствовали дѣлу, сознавали правоту его?

— Я сознавалъ лишь долгъ свой и свято исполнялъ его. Я всегда былъ того убѣжденія, что всякій честный человѣкъ долженъ также свято исполнять долгъ присяги какъ и всякое другое принятое на себя обязательство.

— Положимъ такъ; но согласитесь, что если бы онъ, исполняя этотъ долгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и сочувствовалъ дѣлу то не только что самъ охотнѣе жертвовалъ бы во имя его жизнію своею, но воодушевлялъ бы и другихъ примѣромъ своимъ.

— Въ хорошо дисциплинированномъ войскѣ, исполненномъ довѣрія къ начальству такихъ стимуловъ ненужно; тамъ всякій солдатъ помнитъ свой долгъ и свято исполняетъ его.

Вѣдь вы, конечно, говорите не о партизанской войнѣ и не о народномъ возстаніи, гдѣ всякій дѣйствуетъ отдѣльно въ силу своихъ личныхъ убѣжденій, замѣтилъ Погорѣловъ.

— Стало быть по вашему въ регулярномъ войскѣ для личной храбрости не можетъ быть и мѣста.

— По моему истинная храбрость состоитъ въ умѣніи владѣть собою и сохранять присутствіе духа въ минуту опасности, и, не отступая ни на шагъ ни передъ нею ни передъ самою смертью, оставаться на мѣстѣ, которое указываетъ вамъ вашъ долгъ.

— Но какже назовете вы тотъ благородный порывъ, который неудержимо влечетъ васъ съ явнымъ рискомъ для жизни отличиться въ виду товарищей въ какомъ либо доблестномъ дѣлѣ, хотя бы вы по долгу службы могли и не принимать въ немъ участія? спросилъ Аркадій.

— То есть выдвинуться изъ рядовъ и дать себя замѣтить и при этомъ, можетъ быть, и получить какой нибудь знакъ отличія?

— Пожалуй, хотя бы имѣя и эту заднюю мысль.

— Не знаю право какъ назвать этотъ благородный, какъ вы сказали, порывъ; но полагаю. что человѣкъ убѣжденный что онъ приноситъ пользу на мѣстѣ, которое занимаетъ, не позволитъ себѣ увлечься этимъ порывомъ и оставить постъ свой. Да и проникнутый этимъ сознаніемъ, онъ слишкомъ дорожитъ своею жизнью, чтобы такъ легко рисковать ею.

— Но можетъ быть вы смотрите на всѣ знаки отличія философомъ, сказалъ Аркадій съ ироническою улыбкою и явнымъ намѣреніемъ уколоть Погорѣлова,— считаете кресты ничего неговорящими и ни на что ненужными побрякушками?

— Напротивъ я всегда уважалъ военный крестъ, отвѣтилъ тотъ очень спокойно и сдержанно, и если бы мнѣ пришлось заслужить его, оставаясь на своемъ постѣ, я носилъ бы его съ гордостію.

— Солдатская кость! посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ Аркадій.

— Гвардейская высочка, еще необстрѣленный поршокъ, подумалъ съ сожалѣніемъ Погорѣловъ.

— Нельзя,—молодая кровь, вмѣшался старикъ Кузминъ, желая поддержать Аркадія.

— Нѣтъ; это не то, сказалъ грустно Баклановъ. Оленька! Помнишь читала ты о капитанѣ корабля, который во время кораблекрушенія остался послѣднимъ на палубѣ.

— Помню очень хорошо.

— Кому ты больше сочувствуешь? Ему или отчаянному храбрецу, который очертя голову, несется на вѣрную погибель?

— Конечно капитану, отвѣтила Оленька, взглянувъ украдкою на Аркадія.

— Да еще съ цѣлью схватить крестикъ или чинокъ, добавилъ, помолчавъ Александръ Васильевичъ.

— Люблю Олечка, не вытерпѣлъ Кузминъ. Дай Богъ. чтобы и братья твои также думали.

— Да, продолжалъ въ полголоса, какъ бы разсуждая самъ съ собою Баклановъ; вѣрность долгу основа какъ истинной храбрости, такъ и гражданскаго мужества; на мимолетный же хотя бы и благородный порывъ способенъ и трусъ и человѣкъ безъ твердыхъ правилъ и убѣжденій.

Но пора ближе познакомить читателя съ личностію Погорѣлова. Я уже сказалъ, что Павелъ Яковлевичъ Погорѣловъ, былъ небогатый хотя и не бѣдный помѣщикъ. близкій сосѣдъ Кузминыхъ. Въ наружности его не было ничего такого, что могло бы съ перваго раза обратить на него вниманіе посторонняго наблюдателя; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ толпѣ проходятъ незамѣченными и выигрываютъ лишь при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Онъ не

былъ хорошъ собою; но высокій открытый лобъ, большіе умные глаза, сосредоточенный, нѣсколько задумчивый взглядъ и постоянно игравшая на губахъ привѣтливая улыбка давали выраженію лица его что-то симпатичное, невольно располагавшее въ его пользу. Въ пріемахъ и разговорѣ его была мягкость и предупредительность; но сквозь самую мягкость эту видно было, что онъ былъ человѣкъ съ характеромъ,— что если не высказывалъ, но тѣмъ не менѣе зналъ себѣ цѣну и что если былъ внимателенъ и предупредителенъ къ другимъ, то считалъ себя въ правѣ требовать того же и къ себѣ. Любознательный и свѣтлый умъ его, развитый университетскимъ образованіемъ, направленъ былъ болѣе на предметы положительные и практическіе; онъ много читалъ, много видѣлъ, но не любилъ парадировать ни умомъ ни свѣденіями своими. Говорилъ онъ, особенно въ большомъ обществѣ, мало и въ споры вступалъ не охотно, но если обращались къ нему съ вопросомъ, всегда давалъ дѣльный и вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Замѣчательною чертою характера его было то, что онъ никогда и ни о комъ дурно не отзывался, никогда не позволялъ себѣ ни надъ кѣмъ подтрунить или посмѣяться, и такую остроту ума считалъ пустымъ, недостойнымъ положительнаго человѣка скоморошествомъ. На большихъ съѣздахъ, преимущественно же въ дамскомъ обществѣ, онъ чувствовалъ себя не на своей почвѣ и потому избѣгалъ ихъ; онъ на нихъ какъ то стушевывался, чему впрочемъ всегда отъ души былъ радъ; въ небольшомъ же семейномъ кружкѣ и съ людьми коротко ему знакомыми онъ былъ подъ часъ и разговорчивъ, особенно если рѣчь шла о предметахъ ему близкихъ и хорошо извѣстныхъ. Вообще онъ былъ человѣкъ необщественный и не свѣтскій, а дѣловой и практичный. созданный не для трибуны и не для салона, а для тѣснаго кружка людей одномыслящихъ и для тихой семейной жизни.

Погорѣловъ еще въ молодыхъ лѣтахъ остался круглымъ сиротою. Александръ Семеновичъ Кузминъ, выйдя въ отставку и пріѣхавъ хозяйничать въ Кузминку, засталъ отца его уже на смертномъ одрѣ. Они были старые пріятели и тотъ, умирая, просилъ его не оставить его малолѣтняго сына и быть ему отцомъ. Когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ, Кузминъ опредѣлилъ его по желанію отца въ гимназію. Мальчикъ былъ прилежный и съ большими способностями и черезъ пять лѣтъ выдержалъ блистательно экзаменъ въ университетъ, куда и поступилъ по факультету естественныхъ наукъ, къ которымъ имѣлъ большое влеченіе съ малолѣтства. Три года слушалъ онъ лекціи въ университетѣ, посвятивъ себя всецѣло наукѣ; ему оставалось лишь годъ до окончанія курса и онъ мечталъ уже о поѣздкѣ за границу для слушанія лекцій Либиха. мечтая даже о тѣхъ открытіяхъ, которыя, казалось ему, суждено было ему сдѣлать по части тогда еще такъ мало разработанной органической химіи, которою онъ занимался съ особеннымъ увлеченіемъ, какъ вдругъ случилось происшествіе, разбившее въ прахъ всѣ лучшія его мечты. Въ Петербургѣ открыто было тайное общество, имѣвшее цѣлью ниспроверженіе существовавшаго правительства. Общество это имѣло агентовъ своихъ и между учащеюся молодежью. Не разъ получалъ предложеніе вступить въ него и Погорѣловъ; но онъ постоянно отговаривался тѣмъ, что, посвятивъ себя исключительно наукѣ, не имѣетъ времени заниматься соціальными или какими либо другими вопросами. Онъ былъ очень любимъ товарищами и тѣ, зная что онъ почти безвыходно сидѣлъ дома, часто собирались у него большимъ обществомъ, при чемъ происходили иногда шумные толки, по вопросу государственнаго переустройства. Погорѣловъ, смотрѣвшій на это дѣло какъ на пустое ребячество, не придавалъ ему серіознаго значенія: онъ во время такихъ преній уходилъ въ небольшую отдѣльную коморку, свою sancta sanctorum, и запершись въ ней, преда-

вался своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ числѣ посѣщавщихъ его товарищей былъ одинъ студентъ, въ которомъ онъ принималъ особенное участіе собственно потому, что тотъ, не имѣя средствъ содержать себя, не разъ почти вынужденъ былъ оставить университетъ. Онъ по возможности помогалъ ему, оставлялъ его у себя обѣдать и ночевать, причемъ приносимыя имъ съ собою бумаги оставались за частую по нѣсколько дней у него на квартирѣ. Въ одинъ прекрасный день сдѣланъ былъ полиціею у Погорѣлова обыскъ, и вмѣстѣ съ его собственными бумагами захвачены были и бумаги принадлежавшія студенту. Онѣ оказались самаго компрометирующаго свойства; между ними найденъ былъ и списокъ членовъ общества, въ числѣ которыхъ значился и Погорѣловъ. Не смотря на протестъ его, что онъ никогда къ обществу не принадлежалъ и принималъ собиравшихся у него по вечерамъ студентовъ лишь въ качествѣ товарищей по университету не смотря на показаніе самаго студента, владѣльца бумагъ, что найденный списокъ не былъ спискомъ дѣйствительныхъ членовъ общества, а лишь лицъ, которыхъ оно предполагало завербовать къ себѣ въ члены, Погорѣловъ былъ арестованъ и преданъ слѣдствію. Старикъ Кузминъ, узнавъ о постигшемъ питомца его несчастіи, прискакалъ къ нему на выручку, хлопоталъ гдѣ только могъ; но всѣ хлопоты его разумѣется оказались безуспѣшными; улики были слишкомъ ясны, и Погорѣловъ приговоренъ былъ къ разжалованію въ солдаты съ назначеніемъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ. Старикъ чуть не сошелъ съ ума и Погорѣловъ же долженъ былъ утѣшать его.

— Пожалуста не безпокойтесь за меня, говорилъ онъ ему: человѣкъ, твердый въ своихъ правилахъ и получившій кое-какія основательныя познанія пропасть не можетъ.

— Другъ ты мой, возражалъ ему Кузминъ,—нечто я объ этомъ сокрушаюсь; кабы погибалъ ты за свою вину, у меня бы и сердце не болѣло; а сокрушаетъ меня то, что пропадаешь ты невинно за другихъ.

— А развѣ лучше бы было, если бы я дѣйствительно былъ виновенъ въ томъ, въ чемъ обвиняютъ меня, успокоивалъ его Погорѣловъ. Всѣ смотрятъ на меня какъ на несчастную жертву случая; самый судъ обвинилъ меня лишь потому, что, имѣя въ рукахъ такъ сильно компрометирующія меня факты и документы, не могъ поступить иначе; роптать же на несправедливость судьбы не значило ли бы вызывать на бой вѣтряныя мельницы?

Кузминъ, слушая его, лишь пожималъ плечами. Судьба оказалась впрочемъ къ Погорѣлову не совсѣмъ жестокою. Командиръ полка, въ который онъ былъ назначенъ, былъ человѣкъ образованный и гуманный; узнавъ его грустную исторію, онъ принялъ въ немъ живое участіе и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для облегченія его положенія. Съ своей стороны и Погорѣловъ, движимый чувствомъ благородности, старался не употреблять во зло его снисхожденій, и чтобы не возбудить даваемыми ему льготами зависти въ сослуживцахъ своихъ, исполнялъ со всевозможною аккуратностію требованія строевой службы, и въ скоромъ времени сдѣлался такимъ-же хорошимъ исполнительнымъ фронтовикомъ какъ незадолго передъ тѣмъ былъ ревностнымъ служителемъ науки.

Такъ дѣйствовалъ онъ впрочемъ не столько вслѣдствіе этихъ соображеній, сколько по принципу, что человѣкъ, куда бы ни брошенъ былъ судьбою, долженъ добросовѣстно исполнять лежащія на немъ обязанности и стараться быть полезнымъ дѣлу, которому служилъ. Не забывалъ онъ конечно и другихъ болѣе близкихъ сердцу его занятій и посвящалъ имъ все остававшееся отъ службы время. Такъ тянулъ онъ солдатскую лямку въ продолженіи долгихъ пяти лѣтъ, пока наконецъ не объявлена была крымская война. Послѣ перваго же дѣла съ непріятелемъ онъ произведенъ былъ въ офицеры. Примѣрная исполнительность его обратила на него вниманіе начальства: въ теченіе кампаніи онъ получилъ одинъ за другимъ два

чина и бывши поручикомъ, командовалъ уже ротою, которую въ короткое время поставилъ на отличную ногу. Служба начинала улыбаться ему, какъ при одномъ блистательно совершенномъ имъ отступленіи передъ втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, онъ раненъ былъ осколкомъ гранаты въ ногу и уволенъ въ отпускъ для излеченія раны. Съ дѣтскою радостію увидѣлъ онъ снова свою родину. Небольшое имѣніе свое нашелъ онъ въ отличномъ положеніи; имъ съ самой смерти его отца завѣдывалъ Кузминъ, сначала въ качествѣ опекуна, а потомъ попечителя и устроилъ его такъ, что оно приносило дохода втрое противъ прежняго. Старикъ обрадовался ему какъ родному сыну.

— Что тебѣ съ раненной ногою продолжать службу, сказалъ онъ ему: слава Богу послужилъ; хлѣба кусокъ у тебя хорошій и женишься—будетъ жену чѣмъ прокормить А я уже признаться сталъ старъ и хворъ; мнѣ и съ своими дѣлами тяжело становится управляться.

Совѣтъ старика, въ сущности очень благоразумный, не совсѣмъ согласовался съ образомъ мыслей Погорѣлова. Оставить службу, когда еще продолжались военныя дѣйствія и товарищи его стояли подъ непріятельскими выстрѣлами казалось ему дѣломъ неблаговиднымъ и недобросовѣстнымъ, и онъ конечно никогда бы на него не рѣшился, если-бы вскорѣ же не заключенъ былъ миръ. Теперь дѣло другое, подумалъ онъ; военная служба никогда не была моимъ призваніемъ и смѣшно бы было, если бы я продолжалъ ее, когда могу посвятить себя дѣлу, къ которому готовился, къ которому чувствовалъ влеченіе почти съ малолѣтства и занимаясь которымъ могу конечно принесть несравненно болѣе пользы себѣ и обществу; да и недобросовѣстно было бы съ моей стороны употреблять во зло доброту старика и заставлять его хлопотать по моимъ дѣламъ, когда его обременяютъ и его собственныя. На основаніи этихъ соображеній Погорѣловъ вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Приступая къ этому новому хотя по теоріи и знакомому ему дѣлу, онъ не позволилъ себѣ увлекаться одними научными воззрѣніями и охотно выслушивалъ совѣты старыхъ и опытныхъ хозяевъ. Пріобрѣтенныя имъ свѣденія по части органической химіи пригодились ему въ этомъ случаѣ какъ нельзя лучше; онъ разлагалъ почву и удобрялъ ее сообразно съ разводимыми хлѣбами нужными туками и солями и результаты выходили великолѣпные. Старую трехпольную систему сѣвооборота онъ замѣнилъ плодоперемѣнною, не позволяя себѣ впрочемъ и здѣсь слишкомъ увлекаться подражаніемъ иностраннымъ хозяйствамъ и соображаясь съ условіями мѣстности. Онъ обратилъ вниманіе и на акклиматизацію нѣкоторыхъ полезныхъ растеній и опытъ разведенія марены на третій же годъ увѣнчался блистательнымъ результатомъ

Старикъ Кузминъ часто пріѣзжалъ полюбоваться его хозяйствомъ. «Исполать тебѣ, говорилъ онъ ему всякій разъ. Нѣтъ; не мнѣ тебя учить, а около тебя нашему брату поучится надо.»

Имѣніе Погорѣлова было всего въ двухъ верстахъ отъ Кузминыхъ; онъ очень любилъ и часто навѣщалъ ихъ; болѣзнь старика еще болѣе ихъ сблизила и онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался какъ бы членомъ ихъ семейства. Тутъ же познакомился онъ съ Баклановымъ и очень понравился ему практичностію взглядовъ своихъ; раза два былъ онъ по приглашенію его въ Бакланахъ и теперь встрѣтились они уже какъ старые знакомые

XIV.

Обѣдъ былъ, что называется, на славу; такого въ Кузминкѣ никогда и не было. Правда готовилъ его не поваръ, а старая кухарка; но Глафира Андреевна за всѣмъ наблюдала сама; ничего не было ни недовареннаго, ни пережареннаго.

Еще слишкомъ за мѣсяцъ до этого дня она сообразила, что Баклановы на возвратномъ пути отъ Кудеяровыхъ по всей вѣроятности заѣдутъ въ Кузьминку, а потому выпоила къ пріѣзду ихъ телка, и телокъ вышелъ великолѣпный. Домашнія наливки и водянки были превосходныя; была даже какая-то запеканка, отзывавшаяся именно тою ягодою, которую любилъ пившій ее и секретъ приготовленія которой такъ и остался никому неизвѣстнымъ. О соленьяхъ и маринованьяхъ и говорить нечего: огурцы соленые въ тыквѣ на смородинномъ листу были такъ хороши, что Александръ Васильевичъ объявилъ, что такихъ въ жизнь свою не ѣдалъ, а всѣ знали, что онъ лгать не любилъ. и что если сказалъ, что чего нибудь не видалъ или не ѣдалъ, то можно было смѣло биться объ закладъ, что онъ дѣйствительно ничего такого не ѣдалъ и не видывалъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились въ садъ. На берегу пруда подъ тѣнью коранчей разостланъ былъ коверъ и принесены подушки, на которыхъ Софья Львовна расположилась на отдыхъ. Подлѣ нея сѣла Глафира Андреевна съ чулкомъ, который вязала больше потому, что привыкшія къ работѣ руки ея немогли ни на минуту оставаться безъ дѣла

— Какой у васъ отсюда живописный видъ, говорила Софья Львовна, прилегши на подушки и смотря на противуположный берегъ пруда, по отлогому скату котораго широко раскидывалось большое однодворческое село. Настоящій русскій сельскій пейзажъ: кривыя улицы, по обѣ стороны ихъ крытыя соломою избы съ плетневыми сараями и гумнами; за ними старинная деревянная церковь съ провисшею и потемнѣвшею отъ времени крышею, и все это утопаетъ въ густой зелени раскидыстыхъ березъ и ветелъ. Посмотрите на эту пошатнувшуюся, полураскрытую избушку у самаго берега пруда съ ея подпертымъ угломъ покривившеюся въ плетневыхъ сѣняхъ дверью и этою клетушкою на курьихъ ножкахъ.

На заваленкѣ сидитъ старуха и ищетъ въ головѣ у бѣлокурой дѣвочки, а рядомъ два мальчика валяются на травѣ, играя съ лохматою собакою. Что можетъ быть картиннѣе?

— Да, отвѣтила, пригорюнившись, Глафира Андреевна, мужичонки пораздѣлились да пропились, скоро всѣ въ такихъ же избенкахъ жить будутъ, а то такъ и вовсе станутъ въ землянкахъ какъ кроты зимовать, да Христовымъ именемъ кормиться.

— А какъ этотъ гулъ напоминаетъ мнѣ Шафгаузенскій водопадъ, продолжала Софья Львовна, прислушиваясь къ доносившемуся съ мельницы шуму падавшей съ колесъ воды.

И она предалась сладкимъ воспоминаніямъ и убаюкивающимъ мечтамъ; отъ нихъ мало-по малу перешла къ еще болѣе сладкой дремотѣ, а наконецъ и опочила уже не мечтательнымъ, а настоящимъ прозаическимъ сномъ.

Пока она отдыхала, Оленька успѣла съ Лизой и Аркадіемъ обѣгать весь садъ, сводила ихъ и на огородъ, гдѣ они поражены были разнообразіемъ самыхъ причудливыхъ формъ тыквъ, которыя Глафира Андреевна разводила не столько для хозяйственнаго употребленія сколько для красы; впрочемъ это была чуть-ли не единственная прихоть, которую она себѣ позволяла. Возвратившись съ прогулки, усѣлись подъ большимъ вязомъ около круглаго стола, на которомъ въ ожиданіи пробужденія Софьи Львовны уже поставленъ былъ десертъ. Порывался присоединиться къ нимъ и Погорѣловъ, но Александръ Васильевичъ такъ завладѣлъ его особою, что онъ никакъ не могъ отъ него отдѣлаться.

— Amenez nous donc ce brave fantassin, говорилъ Оленькѣ, указывая на него, Аркадій?

— Я право не знаю о комъ вы говорите, отвѣтила она, надувъ губки.

— Конечно о севастопольскомъ героѣ, о героѣ дня. Faites nous le voir de plus près.

— Вы кажется его за обѣдомъ очень близко видѣли, даже вступали съ нимъ въ бой... въ которомъ впрочемъ вамъ не совсѣмъ посчастливилось, добавила Оленька, лукаво улыбнувшись.

— Какъ же тутъ посчастливиться, когда человѣча атаковали и съ суши и съ моря. Какъ явился этотъ храбрый капитанъ корабля, да сказалъ: «не сойду съ этой самой палубы пока останется на ней жива душа,» меня оторопь взяла и я разумѣется скорѣй въ кусты.

— Полноте пожалуста острить на мой счетъ. Когда явился на сцену капитанъ корабля, вы давно уже были побиты и сложили оружіе.

— Правда, подтвердила Лиза, уже лучше согласись прямо, что Павелъ Яковлевичъ и храбрѣе и умнѣе тебя.

— Развѣ я противъ этого спорю. Что онъ храбръ, доказывается уже тѣмъ, что онъ носитъ такой галстукъ и не боится удушиться имъ, и я убѣжденъ, что если бы онъ урѣзалъ его на полвершка, да хоть на вершокъ свои брыжжи, то конечно говорилъ бы еще умнѣе. Посмотрите вѣдь онъ въ этомъ хомутѣ и голову повернуть, какъ слѣдуетъ, не можетъ. Какая же тутъ можетъ быть свобода мышленію?

— Это ужъ вовсе и неостроумно, сказала Оленька, но, тутъ же взглянувъ невольно вскользь на Погорѣлова, не могла не улыбнуться.

Вечеромъ передъ закатомъ солнца отправились на мельницу: Бакланову какъ любознательному хозяину уже давно хотѣлось взглянуть на нее. Пока онъ пошелъ съ Погорѣловымъ ее осматривать, молодежь осталась съ M-me Coudert на плотинѣ удить рыбу.

Аркадій съ перваго же раза поймалъ огромнаго язя; у Оленьки сначала рыба вовсе не клевала и она хотѣла уже бросить эту скучную забаву, какъ вдругъ удочку потянуло

— Не правда, вмѣшалась Оленька очень довольная, что представился случай отомстить Аркадію за его насмѣшки надъ Погорѣловымъ: вы говорили, что бракъ и женщину держитъ въ постоянномъ рабствѣ, лишая ее возможности жить самостоятельно собственнымъ трудомъ своимъ.

— Et toi Brutus! тихо проговорилъ, взглянувъ на нее съ укоромъ, Аркадій.

— Я люблю правду, отвѣтила Оленька въ полголоса. Я еще ничего не сказала ни о протестѣ, ни объ Авентинской горѣ, добавила она шопотомъ.

— Что вы на это скажете? обратился Баклановъ къ Погорѣлову.

— Я слишкомъ уважаю человѣка, отвѣтилъ тотъ, чтобы допустить, что обзаведшись своимъ теплымъ гнѣздышкомъ, онъ долженъ непремѣнно позабыть, что, есть люди, которые его вовсе не имѣютъ и что озабоченный своими семейными дѣлами, онъ станетъ пренебрегать другими обязанностями. Такой человѣкъ, конечно, и не женившись, можетъ точно также позабыть объ нихъ. Что же касается до женскаго вопроса, то я въ немъ не компетентный судья; думаю лишь, что женщина должна оставаться тѣмъ, чѣмъ рождена. Естественное же назначеніе ея быть матерью, воспитательницею и наставницею дѣтей своихъ. Семья ея среда, она для нея тоже что для рыбы вода.

— Но если этотъ кругъ дѣятельности для нея слишкомъ тѣсенъ, сказалъ Аркадій; если она настолько образована и подготовлена, что, занимаясь какимъ либо общественнымъ дѣломъ и зарабатывая собственную свою трудовую копѣйку, можетъ стать въ полную независимость отъ кого бы то ни было.

— Чѣмъ женщина умнѣе и образованнѣе, тѣмъ легче усвоитъ себѣ трудное дѣло воспитанія и чѣмъ лучше воспи-

таетъ дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе убѣдится, что трудилась не даромъ и ѣла не даровой хлѣбъ.

— Но вы говорите исключительно о матеряхъ: не всякая же женщина мать.

— Я говорю о женщинѣ вообще; а какъ естественное назначеніе ея быть матерью, потому такъ и говорю объ ней.

— Стало быть по вашему женщина бездѣтная—une femme manquée; замѣтилъ съ усмѣшкою Аркадій.

— Строго говоря—пожалуй,—и во всякомъ случаѣ уклоненіе отъ нормы.

— Прекрасно. Что же прикажете дѣлать этой femme manquée, напримѣръ. дѣвушкѣ? Если она образована и развита,—въ ней конечно развито и чувство собственнаго достоинства, и недолжно ли одно это чувство заставитъ ее покинуть семью свою, чтобы не быть для нея лишнею обузою и жить собственнымъ трудомъ своимъ?

— Не спорю, что чувство это благородно и вполнѣ похвально, хотя въ большинствѣ случаевъ за нимъ скрываются другія болѣе мелкія тщеславныя поползновенія. Но если и допустить, что ею руководитъ именно это благородное чувство, то, не говоря уже о томъ, что всякая дѣвушка можетъ выйти замужъ и въ свою очередь сдѣлаться матерью,—развѣ она не можетъ, оставаясь въ семьѣ своей, быть для нея полезною хотя бы въ дѣлѣ воспитанія младшихъ сестеръ или племянниковъ своихъ. Наконецъ, если ее ужъ такъ мучитъ жажда болѣе обширной дѣятельности; она при этомъ можетъ быть наставницей и постороннихъ дѣтей. Мнѣ кажется, что при такомъ положеніи въ своей семьѣ ей и въ голову не можетъ придти мысль, что она для нея одна обуза и что хлѣбъ она ѣстъ даровой.

— И вы думаете, что трудъ ея оцѣнятъ? Повѣрьте, что на нее всетаки въ семьѣ будутъ смотрѣть какъ на нахлѣбницу и дармоѣдку.

— И если это будетъ оскорблять ея самолюбіе, то она тѣмъ ясно докажетъ, что руководитъ ею не благородное самолюбіе, а мелочная щепетильность. Для человѣка благородно самолюбиваго достаточно собственнаго сознанія, что онъ добросовѣстно исполнилъ лежащій на немъ долгъ, а не то, какъ оцѣнятъ его трудъ, тѣмъ болѣе люди мало въ этомъ дѣлѣ компетентные, онъ смотритъ сквозь пальцы.

— Повѣрьте, перебилъ Погорѣлова Александръ Васильевичъ, всѣ эти нигилистки потому изъ семей своихъ и бѣгутъ, что скучно имъ сидѣть за дѣломъ, за которое имъ въ самомъ дѣлѣ никто спасиба не скажетъ. Дома просидѣли бы онѣ весь вѣкъ свой незамѣченными; а тутъ объ нихъ всѣ говорятъ, пальцемъ на нихъ указываютъ,—имъ это и любо. Посмотрите молъ на насъ, мы не заурядныя какія: не хотимъ знать ни вашихъ авторитетовъ, ни традицій, всюду сами себѣ дорогу прокладываемъ, ходимъ стриженныя въ синихъ очкахъ, потрошимъ лягушекъ въ клиникѣ и людей полосуемъ, ночи въ компаніи студентовъ просиживаемъ,—все намъ ни почемъ. Не нужны намъ ни ваши браки, ни ваша семья,—хотимъ мы жить какъ птицы небесныя. А чтобы дать побѣгамъ своимъ изъ подъ родительскаго крова больше благовидности, вотъ онѣ и придумываютъ разные предлоги: и благородную гордость и любознательность и жажду дѣятельности и общественную пользу; придумать ихъ вѣдь не трудно. Да и эти soit disant передовые люди на одномъ съ ними полозу: тоже желаніе выдвинуться изъ толпы и попарадировать не своимъ такъ чужимъ умомъ, пощеголять въ павлиныхъ перьяхъ. И тѣми и другими движетъ таже vanitas vanitatum, а за нею пустота пустотатумъ. Такъ что ли, Александръ Семеновичъ?

— Трудныя пришли времена, отвѣтилъ тотъ; не поймешь чего люди и домогаются.

— Да и сами—то они врядъ ли понимаютъ, заключилъ Баклановъ, закуривая сигару: въ жмурки играютъ.

— Вы, кажется, сказалъ Аркадій, обратясь къ Погорѣлову, давича проводили мысль, что всѣ усилія человѣка должны быть направлены на то, чтобы быть полезнымъ на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ поставленъ судьбою,—и если не ошибаюсь, то и послѣдніе выводы ваши имѣли въ основаніи своемъ тотъ же принципъ.

— Да, это мое убѣжденіе, отвѣтилъ утвердительно, наклонивъ голову, Погорѣловъ.

— Слѣдовательно на основаніи вашей теоріи (и Аркадій намѣренно сдѣлалъ удареніе на послѣднемъ словѣ): сапожникъ долженъ оставаться сапожникомъ, если бы и чувствовалъ въ себѣ призваніе быть ученымъ или художникомъ, а женщина должна стоически переносить безправіе и униженіе, въ которыя она поставлена условіями жизни и ненормальностію общественнаго строя. На что же, скажите, ей умственное развитіе, если она должна на вѣки оставаться рабою своего мужа и нянькою дѣтей своихъ. Вы стало-быть хотите общаго застоя?

— Нисколько. Призванію своему всякій слѣдовать долженъ, лишь бы оно было не воображаемое. Тогда только, строго говоря, онъ и будетъ на своемъ мѣстѣ. Что же касается до женщины, то именно для того, чтобы выйти изъ этого грустнаго положенія, и должна она сосредоточить всѣ усилія на воспитаніи дѣтей своихъ подготовить въ нихъ будущихъ просвѣщенныхъ и нравственно-развитыхъ общественныхъ дѣятелей, такъ какъ удовлетворительное разрѣшеніе этого труднаго соціальнаго вопроса возможно только при извѣстномъ уровнѣ умственной и нравственной развитости грядущаго поколѣнія. А чтобы быть такою воспитательницею и наставницею дѣтей своихъ, согласитесь, надо быть болѣе образованною и нравственно развитою, нежели для того чтобы давать частные уроки или читать публичныя лекціи въ какомъ нибудь народномъ училищѣ.

— Но все же принципъ вашъ, какъ онъ можетъ быть ни остроуменъ, не можетъ быть примѣненъ ко всякому. Чтобы стараться быть полезнымъ на мѣстѣ, которое случайно выпало на мою долю, я долженъ прежде всего сочувствовать существующимъ началамъ общественнаго строя; если же я напротивъ того убѣжденъ въ его несостоятельности и ненормальности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости его кореннаго преобразованія....

— Чтоже ты хочешь преобразовать общество? спросилъ Баклановъ полустрого полунасмѣшливо.

— Я говорю, можетъ быть, не о себѣ, отвѣтилъ Аркадій нѣсколько обиженнымъ тономъ; но есть люди настолько опередившіе толпу, настолько проникнутые необходимостію этого преобразованія и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько готовые служить этому великому дѣлу, что какъ бы самою судьбою предназначены быть его руководителями.

— Не спорю, что бываютъ эпохи въ жизни народа, когда такіе люди могутъ принести громадную пользу, сказалъ Погорѣловъ; но люди эти составляютъ рѣдкое и даже очень рѣдкое исключеніе: ихъ также мало, какъ къ сожалѣнію чрезъ чуръ много людей, которые ошибочно считаютъ и выдаютъ себя за такихъ, а эти послѣдніе также вредны какъ для себя самихъ, такъ и для общества.

— Но почему же вредны? Если они и не соединяютъ въ себѣ всѣхъ тѣхъ качествъ, которые необходимы для того, чтобы стать въ главѣ преобразованія, то они во всякомъ случаѣ полезны уже тѣмъ, что не даютъ обществу окончательно заснуть,—выводятъ его изъ коснѣющаго застоя.

— Они вредны уже потому, отвѣтилъ Погорѣловъ, смотря прямо въ глаза Аркадію, что, увлеченные страстію къ новаторству и пропагандѣ не твердо усвоенныхъ ими себѣ убѣжденій, не только сами покидаютъ ряды, въ которыхъ имъ слѣ-

довало оставаться, но увлекают за собою неопытные умы и молодыя силы и заводят их так далеко по незнакомой им самим почвѣ, что часто и отступленіе для них становится невозможным, между тѣм как, оставаясь на мѣстах своих, они приносили бы несомнѣнную пользу.

— Да; стали бы старыя гнилушки поддерживать, сказал презрительно Аркадій.

— Пока не готово новое строеніе, надо и их поддерживать, замѣтил с снисходительною улыбкою Погорѣлов. Да и прежде чѣм приступить к сооруженію этого новаго строенія, надо подготовить нужный матеріал, да набутить под него бут, чтобы оно не покачнулось и не развалилось.

— То есть что же разумѣете вы под бутом?

— А тот бут, который уже болѣе двадцати лѣт так успѣшно бутит у себѣ в Бакланах ваш батюшка. Глядя на него и другіе принимаются по немногу за это дѣло. Работа конечно не видная, но необходимая.

— Старые да отсталые люди, сказал Бакланов, говаривали, а за ними повторил и поэт, котораго нынче кажется уж не читают:

> Не лучше-ль менѣе извѣстным,
> Но болѣе полезным быть.

— Вот мы с вами, Павел Яковлевич, и давайте продолжать черною работою заниматься; а как забутится бут как слѣдует, тогда пускай их себѣ воздвигают на нем какія хотят строенія,—только пожалуйста не по плану синих очков и стриженых кос, добавил он, вставая из за стола.

Послѣ ужина вскорѣ же всѣ разошлись.

— Не ожидал я от вас такого предательства, говорил Аркадій, прощаясь с Оленькой.

— Я хотѣла вам доказать, отвѣтила та, смѣясь, что эти

огромные брызжи не мѣшаютъ Павлу Яковлевичу разсуждать дѣльно и умно.

— Только-то? А я такъ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ нихъ-то и умъ его, подобно тому какъ вся сила Самсона была въ его длинныхъ волосахъ. Окоротите ихъ и онъ будетъ пропащій человѣкъ.

— Что же надѣньте и вы такіе же,—можетъ быть въ нихъ въ самомъ дѣлѣ скрывается какой нибудь талисманъ, продолжала смѣяться Оленька. Пока же покойной ночи, добавила она, протягивая Аркадію руку. Никогда не забуду чѣмъ я сегодня вамъ обязана. Еще разъ благодарю васъ.

— За что?

— Какъ за что? Вы ужъ и забыли, что спасли меня отъ смерти, подвергая жизнь явной опасности.

— Нѣтъ не забылъ, но благодарить вамъ меня все таки не за что во первыхъ потому, что я тогда опасности этой и не подозрѣвалъ, а во вторыхъ потому, что, спасши васъ, я можетъ быть сдѣлалъ для себя больше нежели для васъ самихъ.

Слова эти онъ сказалъ почти шопотомъ, хотя подлѣ нихъ и не было никого, кто бы могъ услышать, точно хотѣлъ тѣмъ придать имъ особое значеніе, котораго они, произнесенныя обыкновеннымъ голосомъ, не имѣли-бы.

Оленька взглянула на него. Онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и крѣпко сжималъ ея руку. Во взглядѣ этомъ она прочла столько сосредоточенной, какъ бы съ трудомъ сдерживаемой страсти, что не могла выдержать его и невольно опустила глаза. Слова эти глубоко врѣзались въ ея сердцѣ и, легши въ постель, она еще долго думала надъ ними.

— Да,— онъ любитъ меня, рѣшила она наконецъ, но не помоему: я люблю въ немъ его одного, а онъ, какъ признался самъ, любитъ меня для самого себя.

XV.

Не прошло и недѣли съ возвращенія Баклановыхъ домой, какъ совершенно неожиданно пріѣхала къ нимъ Кудеярова. Пріѣздъ ея крайне всѣхъ удивилъ; Софья Львовна предугадывала впрочемъ его причину, и потому встрѣтила свою belle soeur не безъ сердечной тревоги. Онѣ заперлись въ спальнѣ и, пробесѣдовавъ вдвоемъ болѣе часа, пригласили къ себѣ и Александра Васильевича. Послѣ обѣда Марья Петровна вскорѣ же уѣхала. У Лизы въ этотъ день болѣли зубы и она, простившись съ теткою, ушла въ уборную матери, тамъ прилегла на кушетку и ни кѣмъ незамѣченная заснула. Проснувшись, она услыхала въ спальнѣ разговоръ отца съ матерью. Они говорили довольно громко и она не проронила изъ него ни одного слова.

— Стало быть Аркадій поѣдетъ вмѣстѣ съ теткою двадцатаго, говорилъ Александръ Васильевичъ.

— Да; надо ему быть тамъ дней за пять до спектакля. Ничто такъ не сближаетъ молодыхъ людей какъ репетиціи; на нихъ главнымъ образомъ Marie и возлагаетъ свои надежды.

— Домашній спектакль по случаю освященія церкви, сказалъ Баклановъ,— придумано не дурно. Чтожъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, я противъ этой женитьбы ничего не имѣю; я и покойнаго князя зналъ,—въ одной дивизіи служили. Состояніе прекрасное: и свое было хорошее и за женою взялъ; вѣдь она рожденная Кунакова. Я и ея-то отца помню: подагрикъ былъ, въ бархатныхъ сапогахъ хаживалъ; тоже тузъ былъ въ свое время. Родство, связи, все есть; да и сама княжна не дурна собою, не дюжинная невѣста. Не знаю нравится-ли она Аркадію. Посовѣтовать—я ему съ своей стороны посовѣтую; а настаивать не стану,—не такое дѣло

— Серіозно я съ нимъ объ этомъ еще не говорила, сказазала Софья Львовна; хотѣла напередъ узнать мнѣніе княгини; а изъ разговоровъ кажется, что княжна Вава ему понравилась. Я и въ Будеяровѣ за ними наблюдала: онъ часто къ ней подходилъ, шутилъ, разговаривалъ съ ней. Marie говоритъ, что и онъ ей понравился; да я и сама замѣтила; мазурку Аркадій танцовалъ съ княжной Вѣрой, и она то и дѣло его выбирала. Говоритъ, что ей особенно понравилось въ немъ что-то такое знаешь рыцарское, благородное.

— Чтоже она нашла въ немъ такого рыцарскаго? какъ бы противъ воли усмѣхнулся Баклановъ.

— Ну ужь не знаю: стало быть что нибудь такое замѣтила въ его словахъ или обращеніи.

— Вотъ этого-то именно въ немъ и нѣтъ, сказалъ старикъ какъ то особенно грустно; нѣтъ въ немъ этого благороднаго гонора, о развитіи котораго я такъ хлопоталъ съ самаго его дѣтства и который я такъ желалъ бы въ немъ видѣть.

И онъ сталъ молча ходить по комнатѣ.

— Княгиня относится къ этому дѣлу повидимому очень сочувственно, продолжала Софья Львовна; чуть ли она не съ этою цѣлью и домашній спектакль устроила. Да тутъ нѣтъ ничего и удивительнаго: чѣмъ Аркадій для княжны не женихъ? По моему партія для обѣихъ сторонъ выгодная и Marie говоритъ, что она взялась бы сладить дѣло, если бы не одно обстоятельство, добавила она какъ то нерѣшительно и таинственно.

— Что такое? спросилъ, остановясь передъ нею, Баклановъ.

— Сама я ничего не замѣчала, но Marie говоритъ будто Аркадій влюбленъ въ Оленьку и что даже будто между ними ужь есть какая-то взаимность.

— Изъ чего же она это заключаетъ?

- Вѣдь ты знаешь ее, — все ей извѣстно, вездѣ у нея есть свои тайные агенты. Говоритъ, что будто бы, когда Аркадій еще былъ въ Петербургѣ, они переписывались и что теперь вечерами гуляютъ по парку обнявшись.

— Вздоръ, перебилъ ее рѣзкимъ голосомъ Баклановъ; однѣ сплетни и я удивляюсь какъ ты могла дать имъ вѣру. Переписка велась между Аркадіемъ и Лизой, а не Оленькой, переходила всегда черезъ наши руки и многія изъ писемъ мы читали. Въ нихъ кромѣ дѣтской болтовни никогда ничего не было,—я даже не разъ удивлялся, что они о такихъ пустякахъ пишутъ. Что же касается до прогулокъ по парку, то это чистая клевета: однихъ ихъ гуляющихъ я никогда не видалъ; съ ними всегда неотлучно бываетъ Лиза, если и не M-me Coudert и, обнявшись, при нихъ они конечно гулять не стали бы; да и Оленька не такая дѣвушка, чтобы дозволила такъ съ собою обращаться. Вотъ въ ней такъ именно есть тотъ гоноръ, тотъ point d'honneur, о которомъ мы сей часъ говорили и который я такъ желалъ бы видѣть въ Аркадіѣ.

— Да и я, повторяю тебѣ, ничего подобнаго пока не замѣчала; но согласись, что если объ этомъ говорятъ и дошло до Marie, то вѣроятно есть же что нибудь такое,—выдумывать ей не для чего. Наконецъ если до сихъ поръ сэріознаго ничего и не было, то за будущее поручиться трудно. Мы больше объ этомъ съ ней и говорили; потому она Оленьку такъ и брюскировала у себя. Какъ знаешь, добавила Софья Львовна послѣ непродолжительнаго молчанія; а по моему надо либо поскорѣе женить Аркадія либо... принять какія нибудь мѣры. Я Оленьку отъ души люблю и желаю ей возможнаго счастія, но согласись, что она для Аркадія не партія.

— Не партія, пробормоталъ, какъ бы разсуждая самъ съ

собою, Баклановъ. Какъ для человѣка, я для него лучшей жены не желалъ бы: и умна и съ прекраснымъ сердцемъ и благороднымъ характеромъ; но на немъ кромѣ обще-человѣческихъ обязанностей лежитъ еще долгъ поддержанія своего имени; а чѣмъ поддержать его на надлежащей высотѣ, какъ не родственными связями.

— Вѣдь, женившись на Оленькѣ, Аркадій вступитъ въ родство и съ ея родными, продолжала Софья Львовна, очень хорошо знавшая какъ задѣть за слабую струну мужа. Кузмины люди хорошіе; но не думаю, чтобы тебѣ пріятно было породниться и породнить родство свое съ какими нибудь полуоднодворцами.

Послѣдовало молчаніе; лишь слышно было какъ Баклановъ мѣрными шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да наконецъ я увѣрена, послышался снова голосъ Софьи Львовны, что если Аркадій и ухаживаетъ за Оленькою, то это такъ,— par desoeuvrement, а не потому чтобы былъ влюбленъ въ нее, а тѣмъ менѣе съ цѣлью жениться на ней: онъ слишкомъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и понимаетъ, что она ему не ровня.

— Рыцарскій образъ дѣйствій, процѣдилъ сквозь зубы Баклановъ. Но вѣдь, если уже дѣйствительно есть что нибудь такое, сказалъ онъ твердо и рѣшительно; то съ какою бы цѣлью онъ ни ухаживалъ, всѣ эти соображенія уже не могутъ имѣть мѣста. Мы взяли къ себѣ Оленьку какъ родную дочь и слѣдовательно приняли на себя обязанность печись о ней какъ объ родной дочери и если дѣло у нихъ зашло такъ далеко, я первый стану требовать отъ Аркадія, чтобы онъ женился на ней. Долгъ чести выше всѣхъ этихъ соображеній.

— Такого пока еще ничего нѣтъ, я въ этомъ убѣждена; потому то я и говорю, что намъ надо заблаговременно по-

спѣшить взять предупредительныя мѣры. Я ужъ что думаю... продолжала Софья Львовна, понизивъ голосъ. Тутъ она затворила дверь, и продолженія разговора Лиза уже слышать не могла.

Долго была она въ нерѣшимости, что ей дѣлать, то-есть молчать или передать все слышанное Оленькѣ. «Будетъ ли съ моей стороны благородно разглашать чужую тайну? спрашивала она себя. Но вѣдь она не была мнѣ ввѣрена и я не подслушала ее, а услыхала совершенно нечаянными образомъ. Да и въ правѣ ли я утаить отъ Оленьки такую серіозную и такъ близко касающуюся ея вещь. Можетъ быть сама судьба привела меня сюда для того, чтобы я могла во время предупредить ее, и тѣмъ дать ей возможность все уладить и всѣхъ успокоить.» Лиза была очень высокаго мнѣнія объ умѣ и находчивости Оленьки; къ тому же она не раздѣляла по этому предмету взглядовъ стариковъ, и отъ души была бы рада, если-бы Аркадій женился на ней. Послѣ долгихъ колебаній она наконецъ рѣшилась на послѣднее: она потихоньку вышла въ боковую дверь, прокралась въ комнату Оленьки и пересказала ей слово въ слово весь разговоръ.

— Ради Бога прости меня, заключила она, если я удержала выраженія, которыя можетъ-быть покажутся тебѣ оскорбительными; но, измѣнивъ ихъ, я боялась какъ нибудь исказить смыслъ самаго разговора.

Оленька отъ искренняго сердца поблагодарила Лизу за дружескую услугу и взяла съ нея слово держать все въ строжайшей тайнѣ.

По уходѣ ея она долго не могла привести въ порядокъ мысли свои. Она очень хорошо понимала положеніе свое въ домѣ Баклановыхъ,—понимала чѣмъ была имъ обязана, и дала себѣ клятву не оставлять ихъ, не считать себя свободною въ дѣйствіяхъ своихъ, такъ сказать, не принадлежать себѣ пока

не найдетъ возможности тѣмъ или другимъ способомъ достойно отблагодарить ихъ. И вдругъ оказывается, что она становится препятствіемъ къ осуществленію ихъ самыхъ завѣтныхъ плановъ и притомъ плановъ, имѣющихъ цѣлью устроить будущность того, кого она такъ любила, и что самая любовь эта и была тому помѣхой. Мысль, чтобы что нибудь подобное могло случиться, никогда ей и въ голову не приходила. Она любила Аркадія искренно, безкорыстно, безъ всякой задней мысли; въ любви своей къ нему полагала все свое счастіе, все свое блаженство; она была для нея не средствомъ къ достиженію другаго болѣе полнаго и прочнаго счастія, а конечною цѣлью всѣхъ ея желаній и стремленій, и потому никогда не думала не только объ исходѣ ея, но и о томъ, что она должна была рано или поздно имѣть какой нибудь исходъ. Теперь только, ближе и положительнѣе всмотрѣвшись въ дѣло, она поняла все значеніе какъ злыхъ сплетень Кудеяровой такъ и высказанныхъ Софьей Львовной опасеній,—поняла и то что какъ тѣ такъ и другія были очень естественны. Марьѣ Петровнѣ, конечно, должно было казаться страннымъ, даже немыслимымъ, чтобы восемнадцатилѣтняя дѣвушка могла увлечься такою безкорыстною любовью, какою любила она Аркадія; понятно, что и Софья Львовна могла опасаться, чтобы любовь эта не кончилась женитьбою, которая такъ мало входила въ ея планы; возмущало Оленьку и оскорбляло ея самолюбіе лишь-то, что она такъ легко повѣрила этимъ сплетнямъ, и давало такой унизительный для нея характеръ ухаживаніямъ за нею Аркадія. Съ другой стороны чѣмъ болѣе вдумывалась она въ это дѣло, тѣмъ сильнѣе говорило въ ней чувство глубокаго уваженія и искренней благодарности Александру Васильевичу за его благородную увѣренность въ ней. Она готова была итти къ нему и, открывшись въ любви своей къ Аркадію, высказать ему, что какъ ни сильна была эта любовь, она была настолько свята и безкорыстна, что

всякія опасенія на счетъ возможнаго и такъ страшившаго Софью Львовну исхода ея совершенно напрасны, и что наконецъ она даетъ слово заглушить ее въ сердцѣ своемъ, если только для счастія Аркадія необходима эта жертва. «Но если Аркадій любитъ меня такъ же какъ я люблю его? спросила она себя, развѣ могу я заставить его разлюбить и позабыть меня, да и будетъ ли еще онъ счастливъ, женившись въ угоду старикамъ на княжнѣ Вавѣ?» —Приходила ей въ голову помимо ея воли и другая мысль. «Что если въ самомъ дѣлѣ Аркадій думаетъ жениться на мнѣ? спрашивала она себя; вѣдь сказалъ же онъ мнѣ, что спасъ меня не для меня одной, но и для самаго себя.» Но мысль эта не радовала, а скорѣе пугала ее. Какъ она ни любила его, какъ ни была бы счастлива, сдѣлавшись его женой, одна возможность такого исхода любви ея къ нему возмущала ея нравственное чувство. Тогда любовь эта потеряла бы въ глазахъ ея свой ореолъ; переставала быть святою, безкорыстною, изъ цѣли станови лась средствомъ, изъ кумира какими то неблаговидными подмостками; тогда и обвиненія Кудеяровой перестали бы быть клеветою и вполнѣ оправдались бы несправедливыя опасенья Софьи Львовны. П хорошо отблагодарила бы она людямъ, которымъ считала себя столькимъ обязанною. Да еще вопросъ былъ ли бы Аркадій счастливъ и съ нею? Вѣдь для полноты и прочности семейнаго счастія мало одной любви, какъ бы ни была она искренна; на него вліяютъ и многія другія истекающія изъ самой жизни условія. Она была не болѣе какъ бѣдная дѣвушка безъ родства, безъ связей, которыя такъ высоко цѣнятся въ семействѣ Баклановыхъ, и что могла она дать Аркадію кромѣ любви своей и молодости? Когда прошелъ бы первый порывъ страсти, думала она, можетъ быть онъ сталъ бы раскаиваться въ необдуманности поступка своего; мучилъ бы и меня вѣчный упрекъ въ томъ что я довѣла его до этого поздняго и ни къ чему неведущаго раскаянія.

И что бы это была за жизнь? Нѣтъ; прочь отъ меня эта мысль! Пусть онъ женится на княжнѣ Вавѣ,—этого желаютъ его отецъ и мать; она умна, кажется съ добрымъ сердцемъ и можетъ быть составитъ его счастіе. Я же постараюсь сдѣлать все, что отъ меня будетъ зависѣть, чтобы заставить его позабыть обо мнѣ и буду счастлива уже тѣмъ, что могла содѣйствовать осуществленію какъ его счастія такъ и завѣтныхъ плановъ людей, которымъ поклялась доказать на дѣлѣ благодарность свою.

Оленька вполнѣ понимала всю горечь грустной доли, на которую себя обрекала, и искала утѣшенія въ сознаніи добросовѣстно и свято исполненнаго долга. Она опустила голову на грудь и нѣсколько минутъ сидѣла въ тяжеломъ раздумьи. «Но вѣдь я люблю его, зарыдала она вдругъ, какъ бы очнувшись отъ давившаго ее кошмара и задыхаясь отъ душившихъ ее слезъ. Въ любви моей къ нему все мое счастіе всѣ мои радости, все мое настоящее и будущее и заглушить, задушить ее въ себѣ собственными руками своими, принесть въ жертву все свое счастіе,—счастіе существующее, вполнѣ прочувствованное загадочному еще сомнительному счастію другаго,—не безуміе ли это? Да; но вѣдь этотъ другой,—это мой Аркадій, это тотъ, счастіе котораго только и можетъ составить мое собственное счастіе, — тотъ, для котораго нѣтъ невозможной для меня жертвы. А долгъ мой? а данная мною клятва?»

Оленька закрыла глаза руками и зарыдала горько, безутѣшно, какъ плачутъ только прощаясь съ безжизненными останками дорогаго существа, которое за часъ передъ тѣмъ еще было полно жизни, съ которымъ вы вчера еще мечтали о свѣтломъ, улыбавшемся вамъ будущемъ, на груди котораго вы убаюкивали себя сладкими, хотя, быть можетъ, и не сбыточными надеждами и которое разомъ уноситъ съ собою въ могилу и то что было дорогаго вамъ въ настоящемъ

и что сулило вамъ свѣтлое, вчера еще улыбавшееся, а теперь навсегда закрытое для васъ будущее. «Довольно, сказала она наконецъ рѣшительно, отеревъ оставшіяся еще на глазахъ слезы,—къ дѣлу». Лицо ея было спокойно, глаза смотрѣли вполнѣ сознательно и самоувѣренно: видно было, что принятое ею рѣшеніе было не дѣломъ минутнаго, преходящаго порыва, а плодомъ зрѣло обдуманнаго и безвозвратно остановленнаго плана. Она подошла къ столу и взяла листъ почтовой бумаги.

«Милый другъ, мамаша, написала она. Умоляю васъ пріѣзжайте за мною въ Бакланы какъ можно скорѣе, — если не затруднитъ васъ, то завтра же; придумайте благовидный предлогъ, подъ которымъ вамъ удобно было-бы, не возбуждая никакихъ подозрѣній, увезть меня отсюда. Почему это нужно, объясню вамъ подробно при свиданіи.»

Написавъ это письмо, Оленька заперла его въ столъ. Пусть оно лежитъ здѣсь совсѣмъ готовое, думала она. Какъ только Аркадій уѣдетъ къ княжнѣ, я тотчасъ же отправлю его мамашѣ, чтобы она пріѣхала за мною во время его отсутствія. Прощаясь съ нимъ, я могла бы какъ нибудь невольно высказаться и навесть его на задуманный мною планъ, а онъ долженъ быть для него тайной. Эти остающіеся до отъѣзда его дни буду какъ можно осторожнѣе и всячески буду избѣгать оставаться съ нимъ наединѣ, такъ однакоже чтобы это не могло броситься ему въ глаза.

Оленька очень хорошо поняла изъ переданнаго ей Лизою разговора стариковъ, что она присутствіемъ своимъ въ Бакланахъ разстроивала ихъ планы, была у нихъ такъ сказать какъ бѣльмо на глазу. Вѣроятно, думала она, Софья Львовна въ недослышанной Лизою части разговора и объяснила мужу о необходимости подъ какимъ либо предлогомъ хотя на время удалить ее, но привести въ исполненіе эту необходимую по ея мнѣнію мѣру предосторожности было для нихъ,

понятно, и тяжело и щекотливо; а потому Оленька рѣшилась предупредить ихъ сама и притомъ такъ, чтобы они ничего не подозрѣвали и тѣмъ избавить ихъ отъ неловкаго положенія принять отъ нея пожертвованіе, которое и въ собственныхъ глазахъ ея потеряло бы въ послѣднемъ случаѣ всю свою цѣну. Потому-то она и просила мать пріискать благовидный предлогъ для увоза ее изъ Баклановъ; ей хотѣлось, чтобы отъѣздъ ея произошелъ какъ бы вслѣдствіе независимой отъ нея случайной причины. «Уѣхавъ отсюда, я болѣе съ Аркадіемъ уже не увижусь, разсуждала она сама съ собою; если бы онъ даже пріѣхалъ въ Кузминку, я къ нему не выйду. Такимъ образомъ я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ для того, чтобы онъ забылъ меня. Если любовь его есть только мимолетное увлеченіе и онъ дѣйствительно позабудетъ меня и женится на княжнѣ Вавѣ, я буду благодарить Бога за то, что Онъ далъ мнѣ возможность во время принять зависѣвшія отъ меня мѣры для предотвращенія несчастія могшаго отравить всю его будущность; если же она настолько сильна, что будетъ твердо противостоять всѣмъ возможнымъ препятствіямъ, тогда... не могу же я сдѣлать больше того, что въ силахъ моихъ.»

Спрятавъ письмо, Оленька подошла къ окну, чтобы сколько нибудь освѣжить лицо и согнать съ него слѣды недавнихъ слезъ и, принявъ по возможности спокойный видъ, пошла къ Софьѣ Львовнѣ. Та лежала у себя въ комнатѣ на кушеткѣ и жаловалась на мигрень. Оленька прочла ей что-то изъ Revue des deux Mondes и отъ нея пошла по обыкновенію разливать чай въ столовую, куда аккуратно въ семь часовъ неизмѣнно являлся старикъ Баклановъ съ сигарою и нумеромъ газетъ и очень любилъ, если заставалъ все общество уже въ полномъ сборѣ.

XVI.

Медленно шли для Оленьки остававшіеся до отъѣзда Аркадія дни; и щемило ей сердце приближеніе этого роковаго отъѣзда и ждала она его съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ ждутъ неминуемое горе, чтобы скорѣе встрѣтить его и покончить съ нимъ. Ее тяготила неестественность отношеній ея къ Аркадію: ей хотѣлось быть съ нимъ, вдоволь съ нимъ наговориться; а между тѣмъ согласно принятому ею плану она должна была избѣгать его и притомъ такъ, чтобы онъ не замѣтилъ, что она его избѣгаетъ. Замѣтна была перемѣна и въ немъ; но онъ напротивъ, казалось, спѣшилъ воспользоваться этими остававшимися днями и давалъ полную волю тѣмъ чувствамъ, которыя такъ упорно сдерживала въ себѣ Оленька: онъ искалъ случая остаться съ ней наединѣ, ловилъ и крѣпко жалъ ея руку, причемъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза и смотрѣлъ такъ, что она не могла вынести его страстнаго, жгучаго взгляда. Временемъ онъ какъ будто недоволенъ былъ собою,— точно досадовалъ на что-то, порою же шепталъ ей какія-то невнятныя слова, которыя всякій разъ почему-то приводили ее въ смущеніе, хотя она и не понимала смысла ихъ. Измѣнилось и самое его съ нею обращеніе: въ немъ не было прежней сдержанности, точно онъ не въ силахъ былъ совладать съ собою; иногда, особенно когда съ ними не было Лизы, позволялъ онъ себѣ шуточки и двусмысленные намеки, заставлявшіе краснѣть ее. Такъ разъ послѣ катанья въ лодкѣ по Баклановскому пруду, выйдя на берегъ, стали они подниматься по его отлогому спуску.— Лиза по обыкновенію своему побѣжала впередъ: Оленька съ Аркадіемъ шли сзади шагомъ. Оба они молчали.

— А помните приснопамятное восхожденіе по крутому Кудеяровскому берегу? сказалъ вдругъ полушопотомъ Аркадій, наклонившись къ Оленькѣ.

Та промолчала.

— Если позабыли, можно повторить, продолжалъ онъ, и уже протянулъ было руку, чтобы обхватить талію Оленьки.

— Вы кажется съ ума сошли, вскрикнула она, успѣвъ во время отскочить и удержать его руку.

— А не хотите такъ и ненадо, сказалъ тотъ. казалось, очень хладнокровно.

Въ другой разъ, —это было за день до отъѣзда Аркадія,— послѣ обѣда старики ушли къ себѣ отдыхать; была ненастная погода, и потому всѣ изъ столовой перешли въ гостиную. Оленька сѣла на диванъ у стола, на которомъ лежали альбомы и кипсеки и, взявъ одинъ изъ нихъ, стала разсматривать какой-то уже давно знакомый ей пейзажъ. На одну руку оперлась она головою, другая лежала у нея на колѣняхъ.

— Что вы такъ сегодня скучны? спросилъ, сѣвъ подлѣ на диванъ. Аркадій.

— Не знаю почему это вамъ такъ кажется, отвѣтила она, продолжая разсматривать кипсекъ.

— Ужъ не сердитесь ли за что нибудь на меня?

— За что же мнѣ на васъ сердиться?

— Можетъ быть за попытку повторить восхожденіе на Кудеяровскій берегъ.

Оленька не сказала ни слова.

— А если сердитесь. такъ простите.—впередъ не буду. продолжалъ Аркадій, взявъ лежавшую у нея на колѣняхъ руку и крѣпко сжалъ ее.

— Оставьте, невольно вскрикнула Оленька, отдернувъ ее. Какъ вы всегда крѣпко жмете.

— Я ничего не умѣю дѣлать въ половину, сказалъ Аркадій, выпустивъ ея руку, но свою оставивъ у нея на колѣняхъ.

Оленька стала тихо сдвигать ее.

— Est-ce que je vous gêne comme-ça? спросилъ Аркадій, стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Mais vous le-voyez, je crois, très bien vous même, отвѣтила она, отодвигаясь и несводя глазъ съ кипсека.

— Et comme ça? продолжалъ онъ, передвинувъ руку.

Оленька вспыхнула и встала; на глазахъ ея навернулись слезы и она вышла изъ комнаты.

Пришедши къ себѣ, она долго плакала. «Что значитъ эта необъяснимая въ немъ перемѣна? спрашивала она себя. Ужъ полно любитъ ли онъ меня, если позволяетъ себѣ такъ обращаться со мною».

Насталъ наконецъ и канунъ отъѣзда Аркадія. Погода была великолѣпная, и Александръ Васильевичъ вечеромъ предложилъ ѣхать пить чай въ рощу, около которой производился въ это время покосъ. Все общество за исключеніемъ Аркадія и Оленьки отправилось на дрогахъ; они же конвоировали ихъ верхомъ. Аркадій дорогою больше молчалъ и видимо былъ чѣмъ-то недоволенъ; Оленька объясняла себѣ это нежеланіемъ его ѣхать на другой день къ княгинѣ, и мысль эта утѣшала ее. За чаемъ о предстоявшей поѣздкѣ Аркадія не говорено было ни слова, да и вообще съ самаго возвращенія Баклановыхъ изъ Кудеярова о ней помина не было, что не могло не броситься Оленькѣ въ глаза, такъ какъ при замкнутой жизни, которую вели въ Бакланахъ, такая поѣздка была цѣлымъ происшествіемъ, выходившимъ далеко изъ ряда обыкновенныхъ. Софья Львовна не говорила объ ней, потому что хотѣла держать ее въ тайнѣ, хотя она ни для кого тайной не была,—Александръ Васильевичъ, потому что не находилъ ни какой надобности объ ней распространяться; Аркадій же молчалъ, потому что ему и говорить о ней было не совсѣмъ ловко; сквозь предлогъ, подъ которымъ она предпринималась, слишкомъ ясно просвѣчивала настоящая ея цѣль.

Послѣ чая Софья Львовна расположилась на коврѣ подъ развѣсистымъ дубомъ, слушая неустанную болтовню M-me Coudert: старикъ Баклановъ отдавалъ какія то приказанія бурмистру; Аркадій же съ Лизой и Оленькой отправились на покосъ. Луговъ при Бакланахъ было много, и потому они не могли быть скошены и убраны одновременно: мѣстами сѣно сметано уже было въ копны, мѣстами же трава только что подкашивалась. Работа шла дружно и весело было смотрѣть на нее. Крестьянскія бабы и дѣвки въ праздничныхъ нарядахъ съ граблями въ рукахъ, разбросанныя по степи, кишѣли какъ муравьи: однѣ перетряхали сѣно на рядахъ, другія сгребали его въ валы, третьи копнили его, между тѣмъ какъ косцы, дружно взмахивая блестѣвшими на солнцѣ косами, длинною косвенною линіею подвигались впередъ, оставляя за собою густые ряды скошенной травы. Насмотрѣвшись вдоволь на это, уже давно невиданное имъ зрѣлище, Аркадій, проходя мимо только что сметанныхъ копенъ, вскочилъ на одну изъ нихъ.

— Какой отсюда чудный видъ. сказалъ онъ, окинувъ кругомъ глазами; луга всѣ какъ на ладони, вонъ рара съ бурмистромъ. а вонъ и лошади наши съ дрогами у рощи. Взойдите сюда; я приготовлю вамъ всевозможныя удобства.

Онъ разметалъ нѣсколько къ сторонамъ верхушку копны и, помогши Лизѣ взобраться на нее. предложилъ помощь свою и Оленькѣ.

Оставаться внизу одной было какъ-то неловко и она волею неволею должна была принять ее.

— Не бойтесь, говорилъ Аркадій. крѣпко держа ее за руку. Vous savez très bien que mon bras est trop solide pour vous laisser glisser et la tante est trop loin pour pouvoir nous épier.

Намекъ этотъ непріятно прозвучалъ въ ушахъ Оленьки; но она не сказала ни слова.

— Не правда ли какъ здѣсь хорошо, продолжалъ Аркадій,

легши навзничь на сѣно и запрокинувъ голову назадъ. Какое прозрачное, яхонтовое небо; какія легкія облака! Мчатся они степью лазурною, цѣпью жемчужною. Счастливыя, — чужды имъ страсти и чужды страданія, добавилъ онъ, взглянувъ на Оленьку. Смотрите, смотрите, сказалъ онъ вдругъ, указывая пальцемъ вверхъ: стая журавлей.

Оленька съ Лизой стали всматриваться по указанному Аркадіемъ направленію и съ трудомъ могли разглядѣть медленно подвигавшуюся, какъ бы обозначенную на небѣ пунктиромъ ломаную клинообразную линію; едва слышнымъ отголоскомъ доносилось до земли отдаленное курлыканіе.

— А хорошо имъ тамъ и привольно, продолжалъ мечтать Аркадій, не сводя глазъ съ удалявшейся стаи; далеко отъ земли, далеко и отъ людей, — просторъ и свобода. Еслибъ были крылья, такъ и полетѣлъ бы за ними.

— Куда-же? спросила Лиза.

— Куда-бы ни было, хоть на край свѣта; да тамъ и разсыпался бы прахомъ по поднебесью.

— Что за дикая фантазія. Развѣ тебѣ жизнь такъ ужъ надоѣла?

— Пока еще нѣтъ; но неужели же стараться дожить пока она опостылитъ и сдѣлаешься въ тягость себѣ и другимъ? Пока молодъ и жизнь тѣшитъ, спѣши ею насладиться; а беззубой бѣлкѣ орѣхи не нужны, хотя бы каждый изъ нихъ былъ въ арбузъ.

И онъ запѣлъ въ полголоса:

Летитъ стрѣлой
Нашъ вѣкъ младой;
Какъ сладкій сонъ
Минуетъ онъ.

Лови, лови часы любви,
Пока огонь горитъ въ крови.

Оленька сидѣла, наклоня голову, и молча мяла въ рукахъ какой-то найденный ею въ сѣнѣ засохшій цвѣтокъ.

— Нравится вамъ этотъ романсъ? спросилъ ее Аркадій.

— Голосъ не дуренъ.

— А слова?

— Я ихъ не понимаю.

— Чтоже въ нихъ такого непонятнаго?

— Что значитъ ловить часы любви? Мнѣ кажется для любви подраздѣленій времени нѣтъ: кто любитъ искренно, тотъ любитъ постоянно одинаково.

— Вы говорите такъ, потому что еще не испытали тѣхъ минутъ невыразимыхъ восторговъ, тѣхъ мгновеній полнаго, ни съ чѣмъ несравнимаго блаженства, которыя она можетъ дать.

И онъ посмотрѣлъ на Оленьку страстнымъ, пожирающимъ взглядомъ. Она невольно опустила глаза. Послѣдовало молчаніе.

— Скажи пожалоста, Аркадій, спросила его Лиза, зачѣмъ ѣдешь ты съ тантой къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ? Неужели въ самомъ дѣлѣ лишь для того, чтобы принять участіе въ домашнемъ спектаклѣ?

— Творю волю посылающихъ меня, отвѣтилъ Аркадій видимо смущенный этимъ неожиданнымъ вопросомъ. Онъ хотѣлъ дать отвѣту своему ироническій тонъ; но это выходило какъ-то натянуто; тонъ этотъ не вязался со смысломъ отвѣта.—Танта находитъ, что назначенную мнѣ роль никто кромѣ меня достойно выполнить не можетъ, добавилъ онъ съ усмѣшкою, какъ бы желая поправиться.

— Какую же вамъ назначили роль? спросила Оленька болѣе для того, чтобы что нибудь сказать и выйти изъ тяготившаго ее положенія.

— Роль Юлія Кесаря, отвѣтилъ Аркадій тѣмъ же тономъ: я долженъ пріѣхать, увидѣть и побѣдить.

Лизѣ отвѣтъ этотъ очень понравился и она расхохоталась какъ ребенокъ; Оленьку же онъ привелъ въ совершенное недоумѣніе. Хотя сказанъ онъ былъ иронически, съ явнымъ намѣреніемъ отнять у предстоявшей поѣздки всякое серіозное значеніе; но зачѣмъ же онъ ѣдетъ, спрашивала она себя, если знаетъ съ какою цѣлью его посылаютъ и онъ ей не сочувствуетъ. Неужели же только для того, чтобы насмѣяться надъ отцомъ съ матерью и тантой, а вмѣстѣ съ ними и надъ ни въ чемъ неповинной несчастною княжною Вавой? Странное и необъяснимое удовольствіе. Да и собственная роль его была бы въ этомъ случаѣ. если не жалка, то до крайности смѣшна. Если онъ не сочувствуетъ плану стариковъ, то не лучше ли прямо объясниться съ ними, нежели ставить ихъ и себя въ фальшивое положеніе. Если наконецъ онъ не хочетъ огорчить ихъ прямымъ отказомъ и надѣваетъ на себя маску послушнаго сына съ предвзятымъ намѣреніемъ обмануть ихъ ожиданія; то и это далеко не такой поступокъ, которымъ порядочный человѣкъ могъ бы хвастаться и о которомъ дозволилъ бы себѣ говорить съ ироническою усмѣшкою. Словомъ образъ дѣйствій Аркадія въ настоящемъ случаѣ былъ для Оленьки вполнѣ загадоченъ и необъяснимъ.

Разговоръ на этомъ и оборвался. Правда, Аркадій не разъ порывался заговорить о чемъ-то съ Оленькой, но присутствіе Лизы видимо стѣсняло его, и они вскорѣ же отправились въ рощу, гдѣ Софья Львовна уже поджидала ихъ чтобы возвратиться домой.

— А знаете, что мнѣ пришло въ голову, сказалъ Аркадій Оленькѣ, слѣдуя съ нею верхомъ за дрогами. Я ѣду нѣкоторымъ образомъ какъ рыцарь на турниръ; а въ этомъ случаѣ la dame de ses pensées обыкновенно давала ему какой нибудь талисманъ, который долженъ былъ какъ предохранять его отъ всякихъ злополучій, такъ и быть залогомъ благополучнаго и скораго возвращенія его къ ногамъ ея.

Оленька молчала.

— Дадите мнѣ на прощанье такой талисманъ?

— Какой же я право не знаю, отвѣтила въ замѣшательствѣ Оленька. желая отдѣлаться отъ просьбы, исполнить которую въ настоящее время ей хотѣлось менѣе нежели когда нибудь. Вѣдь вы конечно захотите имѣть что нибудь моей работы?

— Напротивъ. Какъ же буду я носить при себѣ всюду такой талисманъ? Я желалъ бы имѣть что нибудь невещественное.

— Что же могу я вамъ дать такое? едва могла она проговорить.

— На первый разъ хоть то, что я уже давно долженъ былъ бы получить отъ васъ.... и безъ чего вы конечно меня не отпустите, добавилъ Аркадій почти шопотомъ, хотя никто кромѣ Оленьки слышать его не могъ.—Prenez donc garde! вскрикнулъ онъ вдругъ, схвативъ ея лошадь за поводья. Вы совсѣмъ наѣхали на дроги; лошадь ваша чуть не попала ногою въ колесо.

Къ счастію для Оленьки они въ это время уже подъѣхали къ дому и такъ смутившій ее разговоръ тѣмъ и прекратился.

Въ ясные дни Аркадій съ Оленькой и Лизой обыкновенно ходили вечеромъ на pointe смотрѣть на закатъ солнца. Такъ называли они вдававшійся въ прудъ мысъ съ стоявшею на немъ у самой воды бесѣдкою, хотя солнце садилось не въ воду. а за зеленѣвшимъ за прудомъ овсянымъ полемъ, предоставляя такимъ образомъ воображенію дополнять то, чего не было въ натурѣ. Пошли они туда и въ этотъ вечеръ. Уже около часа сидѣли они въ бесѣдкѣ, но разговоръ все какъ-то не клеился. У Лизы опять разболѣлись зубы, Оленька была еще подъ впечатлѣніемъ загадочной просьбы Аркадія; онъ также, казалось, что то обдумывалъ и видимо былъ не въ своей тарелкѣ. Давно сѣло солнце; отъ воды подымался ту-

манъ и густой росой стлался по берегу; становилось свѣжо и сыро. Лиза встала чтобы пойти въ домъ за теплымъ платкомъ; Оленька хотѣла также идти за нею.

— Куда же ты? сказала ей Лиза.—Я сейчасъ вернусь назадъ, принесу и твой пледъ.

— Останьтесь, упрашивалъ ее умоляющимъ голосомъ Аркадій. Проведемте хоть послѣдній вечеръ вмѣстѣ.

Оленька не рѣшалась; но Аркадій такъ убѣдительно упрашивалъ ее, что отказать ему въ его просьбѣ было неловко: это значило бы слишкомъ ясно высказать ему недовѣріе,—оскорбить его. Она осталась.

Съ минуту просидѣли они вдвоемъ молча.

— Чтожъ не отгадали вы что желалъ бы я имѣть отъ васъ на прощанье? спросилъ наконецъ Аркадій.

— Право не знаю, чуть слышно отвѣтила Оленька; вы говорите такъ загадочно.

— А мнѣ кажется уже черезъ чуръ ясно, продолжалъ онъ, взявъ и крѣпко сжавъ ея руку.

— Ахъ пустите, едва могла проговорить Оленька, выдергивая ее и боясь встрѣтить взглядъ Аркадія, такъ перепугали ее послѣднія его слова, а болѣе тонъ, которымъ они были сказаны, хотя она и не понимала ихъ.

— Послушайте, сказалъ Аркадій, долго еще мы будемъ съ вами играть въ эту дѣтскую игру? Я здѣсь ужъ больше двухъ мѣсяцевъ, а мы еще сидимъ на азбукѣ; пора бы и безъ складовъ читать выучиться.

И обнявъ другою рукою ея талію, онъ притягивалъ ее къ себѣ.

— Что съ вами? говорила, совершенно разстерявшись, Оленька. Пустите меня.

— Нѣтъ; ужъ это выше силъ моихъ, произнесъ Аркадій едва внятнымъ голосомъ, и горячій поцѣлуй прозвучалъ на ея шеѣ.

— Ради Бога оставьте меня, умоляла Оленька, стараясь высвободиться изъ его объятій.

— Нѣтъ ты не любишь меня такъ, какъ я люблю тебя, говорилъ Аркадій. едва переводя духъ и покрывая лицо ея страстными поцѣлуями.

— Mais laissez-moi donc,—ayez enfin pitié de moi, чуть не кричала Оленька, выбиваясь изъ рукъ его.

— Еще одинъ, одинъ послѣдній, шепталъ, задыхаясь, Аркадій; онъ притянулъ ее къ себѣ на грудь и, крѣпко обнявъ обѣими руками, впился въ ея губы долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ.

— Оленька! Maman приказала сказать тебѣ, что пора домой, кричала Лиза, еще не добѣжавъ до бесѣдки,—говоритъ и поздно и сыро.

— Проклятіе! сказалъ Аркадій и выпустилъ Оленьку изъ рукъ.

XVII.

Прибѣжавъ въ свою комнату, Оленька въ изнеможеніи бросилась на постель и долго оставалась въ полусознательномъ состояніи. Случившееся съ нею казалось ей такъ неправдоподобнымъ, что она готова была вѣрить, что все это было не болѣе какъ игра ея разстроеннаго воображенія и лишь еще горѣвшая на губахъ ея жгучая язва послѣдняго поцѣлуя не позволяла ей сомнѣваться въ дѣйствительности совершившагося факта. Она не могла дать себѣ отчета въ волновавшемъ ее чувствѣ; тутъ были и испугъ и возмущенное чувство стыдливости, и сознаніе оскорбленнаго достоинства и негодованіе на Аркадія и досада, чуть не презрѣніе къ самой себѣ. «Если бы я не высказалась ему, думала она, если бы не дала ему понять, что раздѣляю чувство его ко мнѣ, развѣ онъ позволилъ бы себѣ такъ посту-

пить со мною? Да, дѣйствительно онъ любитъ меня не такъ, какъ я люблю его; да и непонятна для меня любовь безъ уваженія къ тому кого любишь. Но, можетъ быть, онъ поступилъ такъ въ минуту неудержимаго порыва увлеченія, когда страсть беретъ верхъ надъ всѣми чувствами и человѣкъ теряетъ всякую власть надъ собою»? И невольно припомнились ей мельчайшія подробности только что происшедшей сцены. При одномъ воспоминаніи объ нихъ захватывало ей въ груди дыханіе, замирало сердце, тревожно бился учащенный пульсъ, и вслѣдъ затѣмъ овладѣвалъ ею какой-то безотчетный страхъ и ледяной холодъ пробѣгалъ по жиламъ. То громко говорило въ ней чувство оскорбленнаго достоинства и благороднаго негодованія; то другое, еще болѣе сильное чувство тихо и вкрадчиво шептало ей на ухо: чѣмъ же виноватъ онъ, если такъ горячо, такъ безумно любитъ тебя?

Оленька встала, вынула изъ стола написанное ею за пять дней передъ тѣмъ письмо къ матери и приписала: «Ангелъ мой, мамаша, если только возможно, пріѣзжайте за мною завтра-же; словомъ,—чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.» Запечатавъ письмо, она отдала его своей горничной, очень преданной ей дѣвушкѣ для немедленной отправки тайно ото всѣхъ съ нарочнымъ. Остальное время вечера она не выходила изъ своей комнаты, отговариваясь нездоровьемъ; на другой-же день утромъ Аркадія въ Бакланахъ уже не было.

— А ты такъ и не вышла проститься съ Аркадіемъ, выговаривала ей Лиза.

— Я простилась съ нимъ еще съ вечера, отвѣтила Оленька.

— Да; что ты такое подарила ему на прощанье? Онъ говорилъ мнѣ, что ты долго не соглашалась отдать ему эту вещь и что онъ почти силою отнялъ ее у тебя.

Оленька вспыхнула и недовѣрчиво посмотрѣла на Лизу. Ужь не смѣется ли она надо мною? невольно пришло ей въ голову; но, встрѣтивъ ея простодушный, прямо на нее устрем-

ленный взглядъ, она тотчасъ же успокоилась. Ей даже стало совѣстно передъ нею, что, зная ее, могла хотя на минуту заподозрить ее въ такомъ несвойственномъ ей поступкѣ.

— Онъ вѣрно шутилъ,—никакого подарка я ему не дѣлала, отвѣтила Оленька, стараясь скрыть свое смущеніе. «Чтобы это такое могло значить? спрашивала она себя. Конечно Аркадій сказалъ это Лизѣ, зная, что она передастъ его слова мнѣ. Съ какою же онъ это сдѣлалъ цѣлью? Вѣдь не шутка же это въ самомъ дѣлѣ и не насмѣшка. Это было бы и глупо и недостойно благороднаго человѣка. Если допустить, что онъ настолько безнравственъ, что хотѣлъ похвастать поступкомъ своимъ,—хотя казалось бы оскорбленіе беззащитной дѣвушки не такой поступокъ, которымъ можно было бы похвастаться,— то все же хвастать имъ могъ бы онъ передъ сочувствующими ему такими же людьми какъ и онъ самъ, и ни въ какомъ случаѣ не передъ сестрою,—да и тогда онъ конечно объяснилъ бы прямо въ чемъ дѣло. Если наконецъ, такъ легко говоря о поступкѣ своемъ, онъ хотѣлъ тѣмъ дать ему въ глазахъ моихъ шуточный характеръ, т. е. обратить его въ шутку; то и это опять таки было-бы черезъ чуръ пошло, и какъ шутка поступокъ этотъ во сто разъ наглѣе и возмутительнѣе нежели какъ несдержанный порывъ минутнаго увлеченія». И слезы негодованія навернулись на глазахъ ея.

День этотъ прошолъ очень скучно: старики были молчаливы и озабочены. Оленька хорошо знала тому причину и, не показывая вида, что замѣчаетъ что либо или о чемъ нибудь догадывается, наблюдала за ними. Характеры обоихъ высказались при этомъ случаѣ особенно рельефно. Софья Львовна старалась скрыть отъ Оленьки озабочивавшія ее опасенія и планы, была къ ней внимательнѣе и ласковѣе обыкновеннаго. Къ ней въ эти минуты, какъ нельзя лучше, можно было примѣнить пословицу: знаетъ кошка чье мясо съѣла; но эта самая необычная внимательность и выдавала ее. Александръ

Васильевичъ напротивъ не старался принять на себя никакой личины,—не старался даже скрывать озабоченность свою; его видимо тяготила ненормальность и натянутость положенія, въ которое онъ былъ поставленъ силою обстоятельствъ и для Оленьки было ясно, что, если онъ тутъ же не высказалъ ей прямо и откровенно всего лежавшаго у него на сердцѣ, то лишь потому что съ одной стороны боялся огорчить ее, съ другой же слишкомъ былъ въ ней увѣренъ, чтобы раздѣлять подозрѣнія жены и Кудеяровой. Къ тому же онъ не вѣрилъ, чтобы Аркадій могъ серіозно полюбить кого-нибудь; а потому не раздѣлялъ и ихъ опасеній на счетъ такъ страшившаго ихъ исхода этой любви. Тѣмъ не менѣе не могъ онъ оставаться къ происходившему около него равнодушнымъ и безучастнымъ; дѣло было семейное и на немъ какъ на главѣ семейства лежала обязанность нетолько обсудить его, но и отвѣчать за него передъ людьми и совѣстью; а потому естественно онъ и былъ болѣе обыкновеннаго молчаливъ и сосредоточенъ.

На другой день къ вечеру пріѣхала наконецъ и Глафира Андреевна. Оленька встрѣтила ее на крыльцѣ и провела прямо въ свою комнату.

— Что такое случилось? спрашивала ее озабоченно мать.

— Ничего такого, что могло бы особенно тревожить васъ, успокоивала она ее. Я объясню вамъ все подробно, когда всѣ разойдутся спать и мы останемся съ вами здѣсь наединѣ. Теперь же пока скажите мнѣ подъ какимъ предлогомъ увезете вы меня отсюда?

— Предлогъ-то вышелъ не придуманный, а заправскій, отвѣтила [illegible] вздохнувъ; отецъ твой опять заболѣлъ тою-же болѣзнію. [illegible]гда вы еще были у насъ, онъ все жаловался на головную боль и кое какъ перемогался; по отъѣздѣ же вашемъ приключился съ нимъ въ ночь припадокъ и лежитъ теперь горькій недвижимъ какъ пластъ; ни руки, ни ноги

поднять не можетъ.—И она отерла выкатившуюся слезу. Опять дѣло мое одинокое. Спасибо что еще Павелъ Яковлевичъ насъ не оставляетъ. Кабы не прискакалъ въ ночь съ подлекаремъ да не отворилъ кровь, отца твоего и въ живыхъ бы уже не было. Послалъ намъ Господь Богъ кладъ въ этомъ сосѣдѣ; такой прекрасный человѣкъ. Первыя двѣ ночи даже спать вовсе не ложился, — все около него хлопоталъ; да и теперь почти не отходитъ. Поѣзжайте, говоритъ, Глафира Андреевна, Ольгу Александровну провѣдать,--видно что нибудь серіозное; а я пока около больнаго посижу. Если бы не онъ, такъ мнѣ и оторваться-то изъ дому нельзя бы было.

— Что же вы тотъ часъ же за мною не прислали? сказала съ нѣжнымъ упрекомъ Оленька.

— Я было признаться и хотѣла, да Павелъ Яковлевичъ отговорилъ. Что, говоритъ, безъ особой нужды Ольгу Александровну тревожить: можетъ, дастъ Богъ и полегчаетъ. Да нѣтъ,—лучшаго пока ничего нѣтъ Такое ужь горе.

И мать съ дочерью, обнявшись, долго плакали.

Оправившись съ дороги и отъ слезъ, Глафира Андреевна вышла съ Оленькою въ столовую, гдѣ уже все семейство собралось къ вечернему чаю. Старики были ей очень ради.

— Вотъ уже никакъ не ожидала такъ скоро свидѣться съ вами, говорила, цѣлуясь съ нею, Софья Львовна.

— Да что, — со мною опять горе, отвѣтила та, утирая слезы.

И она повторила все только что сказанное ею Оленькѣ.

— Ужъ вы пожалоста завтра же Олечку-то отпустите со мною къ больному отцу, добавила она.

Софья Львовна какъ-то особенно взглянула на мужа и, хотя во взглядѣ этомъ Оленька прочла именно то, что и ожидала прочесть, тѣмъ не менѣе грустно сдѣлалось у ней на сердцѣ.

На просьбу Глафиры Андреевны возраженій конечно никакихъ не было; да трудно было бы найти ихъ, если бы Ба-

клановы и дѣйствительно не желали отпустить Оленьку; теперь же просьба эта совпадала какъ разъ съ ихъ собственнымъ желаніемъ.

Когда послѣ ужина всѣ разошлись на покой и Оленька осталась въ комнатѣ своей одна съ матерью, она разсказала ей все, что лежало у ней камнемъ на сердцѣ. Она чистосердечно призналась ей въ любви своей къ Аркадію, прослѣдила до мельчайшихъ подробностей весь ходъ ея, начиная отъ первой съ нимъ встрѣчи до послѣдней сцены въ бесѣдкѣ, передала ей подслушанный Лизою разговоръ Баклановыхъ и наконецъ принятое ею рѣшеніе.

— Простите меня, другъ мой мамаша, заключила она, бросившись къ ней на шею, что я до сихъ поръ не говорила вамъ о любви моей къ Аркадію; я сама не понимала хорошо чувствъ моихъ къ нему и до послѣдняго времени не знала, что такъ люблю его.

Добрая старушка съ усиленнымъ вниманіемъ выслушала всю эту грустную исповѣдь, не проронивъ изъ нея ни одного слова. Отъ времени до времени утирала она навернувшуюся слезу, вздыхала и творила про себя тихую молитву.

— Нѣтъ, онъ не такъ любитъ тебя, какъ любятъ будущую жену, сказала она съ глубокимъ вздохомъ, когда Оленька окончила разсказъ; онъ никогда и не думалъ жениться на тебѣ. Спасибо тебѣ, что ты во время меня сюда вызвала. Тебѣ здѣсь оставаться дольше ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ. Ты и для благодѣтелей своихъ теперь только одна обуза; если бы они все знали, они и сами попросили бы меня взять тебя отсюда для твоего же благополучія. Я, еще какъ вы въ послѣдній разъ пріѣзжали въ Кузминку, посмотрю этакъ на васъ, да и думаю себѣ: неладное что-то творится. Признаться, всѣ эти дни сердце было у меня какъ то не на мѣстѣ: не даромъ говорится, что сердце материнское вѣщунъ. Ну да Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Не вѣкъ

же въ самомъ дѣлѣ тебѣ въ чужомъ углѣ жить, когда есть свой собственный, — есть родной отецъ и мать. Въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше. Опять таки ужъ года твои такіе, и мы съ отцемъ стары становимся; надо и впередъ подумать. Поблагодаримъ благодѣтелей твоихъ за ихъ хлѣбъ соль, за ихъ ласки, заботы о тебѣ и попеченія да и......

— Какъ, мамаша! Вы хотите теперь же имъ прямо объявить, что совсѣмъ меня отъ нихъ увозите?

— Чего же намъ таиться-то?—мы не дурное какое дѣло дѣлаемъ.

— Но это можетъ очень огорчить ихъ и возбудить подозрѣніе. Мнѣ кажется надо бы пріискать еще какую нибудь другую уважительную причину кромѣ болѣзни папаши. Вѣдь не все же онъ будетъ боленъ. Богъ милостивъ, можетъ быть скоро и выздоровѣетъ.

— Понимаю чего ты боишься. Будь покойна: объ васъ съ Аркадіемъ Александровичемъ и помину не будетъ. Я и вида не покажу, что знаю о вашей другъ къ другу склонности. Причинъ же материнское сердце всегда много найдетъ, когда дѣло идетъ о благополучіи роднаго дѣтища и причинъ самыхъ уважительныхъ. Ну.—Христосъ съ тобою, заключила Глафира Андреевна, перекрестивъ и поцѣловавъ въ лобъ Оленьку; мнѣ съ дороги пора и отдохнуть. Утро вечера мудренѣе.

Утромъ, помолясь Богу, отправилась она къ Софьѣ Львовнѣ, куда вскорѣ же пришелъ и Александръ Васильевичъ; толковали болѣе часа и позвали наконецъ Оленьку. Софья Львовна бросилась къ ней на шею и, рыдая, объявила, что мать пріѣхала за нею, чтобы увезть ее изъ Баклановъ навсегда, что сколько она ее ни упрашивала, никакъ перемѣнить рѣшеніе свое убѣдить ее не могла и что болѣе упрашивать ее не считаетъ себя и въ правѣ, такъ какъ это желаніе и ея больнаго отца. Въ заключеніе она просила Оленьку не забывать ея, помнить, что она всегда будетъ продолжать лю-

бить ее какъ родную дочь, что лишь тогда будетъ считать себя вполнѣ счастливою. когда будетъ знать, что и она счастлива и проч. и проч.

Весь день прошелъ въ сборахъ. Оленькѣ очень не хотѣлось брать съ собою цѣнные подарки, сдѣланные ей въ разное время Софьей Львовной; но не брать ихъ значило бы сильно оскорбить ее. Всякаго добра набралось нѣсколько сундуковъ и увозить все это изъ дому было для нея крайне щекотливо; но волею неволею должна она была покориться необходимости. На прощаньи Софья Львовна подарила ей еще въ знакъ памяти цѣнный, бриліантовый фермуаръ. Все это она должна была принять, за все благодарить съ веселымъ лицомъ, не показывая и вида какъ тяжелы были для нея эти милости и щедроты; а это страшно возмущало ея щекотливое самолюбіе. «Счастливы богатые люди, думала она. не потому что они имѣютъ возможность, не трудясь, жить въ довольствѣ; а потому что не знають тѣхъ возмутительныхъ, унижающихъ человѣческое достоинство положеній, въ которыя поставлена бываетъ порою бѣдность».

Разставаніе было самое трогательное. Старикъ Баклановъ позвалъ Оленьку къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ на столѣ стоялъ образъ св. Ольги въ богатомъ золотомъ окладѣ, который онъ заказалъ въ Москвѣ еще года за два передъ тѣмъ на случай, если бы ему пришлось отпустить Оленьку изъ дома къ вѣнцу. У него какъ у человѣка аккуратнаго и предусмотрительнаго все обдумано было заблаговременно.

— Другъ мой, сказалъ онъ ей, я принялъ тебя къ себѣ въ домъ въ качествѣ дочери, любилъ и люблю тебя какъ дочь и заботился о тебѣ какъ объ родной дочери, чего впрочемъ ты вполнѣ и заслуживаешь. Дай же мнѣ клятву передъ этимъ образомъ исполнить въ точности мою отцовскую волю; ты знаещь, что я отъ тебя невозможнаго не потребую. Онъ вынулъ изъ стола конвертъ, запечатанный боль-

шою гербовою печатью.—Я изложилъ ее вотъ здѣсь, продолжалъ онъ; береги этотъ конвертъ пока я буду живъ, какъ зѣницу ока; по смерти же моей распечатай его и исполни все, что въ немъ написано.

Когда Оленька принесла требуемую клятву, онъ отдалъ ей пакетъ; потомъ взялъ со стола образъ и благословилъ ее.

— Утѣшай, сказалъ онъ ей, отца и мать, какъ утѣшала насъ и Господь Богъ не оставитъ тебя своими милостями.

Софья Львовна, прощаясь съ Оленькой, обнимала ее, рыдала, казалось не могла разстаться съ нею; не обошлось разумѣется и безъ припадковъ истерики; но безутѣшнѣе всѣхъ была Лиза. Она вполнѣ сознавала что теряла въ Оленькѣ и слезы ея такъ же были горьки какъ и искренни. Въ самомъ дѣлѣ она обязана была ей пробужденіемъ въ матери чувства расположенія къ ней и положеніемъ, которое занимала у себя въ домѣ, и полученнымъ воспитаніемъ и развитіемъ тѣхъ чувствъ, которыя безъ нея въ той средѣ, въ которой росла, заглохли бы безвозвратно,—словомъ обязана была ей всѣмъ, чѣмъ въ настоящее время была. Все это она начала смутно понимать еще бывши почти ребенкомъ и это все, вызывая въ ней чувство искренней признательности къ Оленькѣ, незамѣтно все болѣе и болѣе привязывало ее къ ней и какъ Оленька съ своей стороны также полюбила ее за ея доброе, безхитростное сердце, то привязанность эта съ годами обратилась въ искреннюю, неизмѣнную дружбу: Оленькѣ повѣряла она свои дѣтскія тайны, къ ней приходила въ скорбныя минуты несправедливыхъ нападокъ, которыя и теперь еще не рѣдко претерпѣвала отъ матери и на груди ея искала совѣтовъ и утѣшенія. И вдругъ оставалась она одна безъ поддержки, безъ единственнаго существа, съ которымъ могла раздѣлить и радости и горе. Внезапный отъѣздъ Оленьки до того поразилъ ее неожиданностію своею, что она долго не вѣрила ушамъ своимъ. Она не могла себѣ представить, что-

бы ей когда либо пришлось разстаться съ нею,—такъ она уже съ ней сжилась, такъ привыкла къ ней. Все утро проходила она какъ потерянная, безсознательно глядя на происходившую въ домѣ суматоху, порою принималась помогать Оленькѣ укладывать ея вещи, сама не понимая что дѣлаетъ. Настала наконецъ и роковая минута разлуки. Всѣ по принятому издревле обычаю присѣли, потомъ молча встали, помолились Богу и лишь, когда Оленька, простившись съ стариками, подошла къ Лизѣ, она будто очнулась отъ тяжелаго сна, бросилась къ ней и безъ чувствъ повисла у ней на шеѣ.

Еще рано утромъ по уходѣ Глафиры Андреевны къ Софьѣ Львовнѣ Оленька написала Аркадію письмо, которое просила Лизу передать ему по его возвращеніи.

«Когда вы получите письмо это, писала она ему, я буду давно уже въ Кузминкѣ и въ Бакланы больше не возвращусь. Не думайте, чтобы причиною внезапнаго отъѣзда моего былъ вашъ послѣдній, такъ сильно оскорбившій меня поступокъ. Конечно вы совершили его въ минуту одного изъ тѣхъ страстныхъ порывовъ, о которыхъ вы говорили, и потому я прощаю вамъ его. Оставляя навсегда Бакланы, я исполняю священный долгъ, которому приношу въ жертву все, даже свою искреннюю, святую къ вамъ любовь. Съ этой минуты между нами все кончено. Не пріѣзжайте въ Кузминку и не старайтесь увидѣть меня,—я къ вамъ не выйду. Прощайте. Забудьте меня и будьте счастливы.

Къ крыльцу подъѣхалъ небольшой двухмѣстный тарантасъ, запряженный тройкою простыхъ, но крѣпкихъ и хорошо содержанныхъ лошадей; на кучерѣ ловко сидѣлъ армякъ изъ домашняго сѣраго сукна. Все это было просто, но чисто и въ порядкѣ: видно было, что за всѣмъ наблюдалъ хозяйскій глазъ.

Всѣ вышли провожать Оленьку на крыльцо.

24*

Она еще разъ со всѣми простилась и сѣла съ матерью въ тарантасъ.

— Gardez nous un bon souvenir, кричала ей вслѣдъ M-me Coudert.

Лошади тронулись. Лиза побѣжала на балконъ, съ котораго видна была Кудеяровская дорога.

Вскорѣ изъ за деревьевъ показался спускавшійся на плотину тарантасъ. Она подняла надъ головой своей носовой платокъ, Оленька отвѣтила ей тѣмъ же;—это былъ ихъ условный знакъ. И долго еще потомъ виднѣлся съ балкона развѣвавшійся надъ тарантасомъ прощальнымъ сигналомъ бѣлый платокъ Оленьки пока наконецъ не изчезъ за высокими ветлами сельскаго поселка.

XVIII.

Въ Кузминку Оленька съ матерью пріѣхали уже передъ разсвѣтомъ. Больной лежалъ въ постели, подлѣ него въ большихъ кожаныхъ креслахъ дремалъ Погорѣловъ. На столѣ горѣла лампа съ абажуромъ, ярко освѣщая стоявшія подлѣ нея въ свѣтовомъ кругѣ полуопорожненныя стклянки съ лекарствомъ вмѣстѣ съ лежавшими тутъ же столовою ложкою и карманными часами, и оставляя всѣ остальные предметы въ таинственномъ, успокоительномъ для глазъ полусвѣтѣ. Какъ ни осторожно вошла Оленька въ комнату, Погорѣловъ проснулся и вскочилъ съ креселъ; старикъ не спалъ и дѣлалъ усилія, чтобы приподняться и поздороваться съ дочерью. Погорѣловъ помогъ ему. Оленька бросилась къ отцу и покрыла лицо и руки его поцѣлуями.

— Какъ благодарить васъ за спасеніе дорогой намъ жизни, сказала она, обратившись потомъ со слезами на глазахъ къ Погорѣлову и крѣпко сжимая ему руку.

— Я дѣлалъ лишь то, что конечно на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы и другой, отвѣтилъ тотъ видимо тронутый,—это священный долгъ каждаго; съ моей же стороны это самая ничтожная дань благодарности за то, чѣмъ обязанъ я вашему батюшкѣ.

— Одинъ развѣ Богъ можетъ достойно наградить Павла Яковлевича за его доброе сердце и ничѣмъ неоцѣнимые хлопоты, сказала, утирая слезы, Глафира Андреевна.

— Вы бы пошли отдохнуть съ дороги, говорилъ едва внятно старикъ.

— Я всю дорогу спала, успокоивала его Оленька, а вотъ Павлу Яковлевичу слѣдовало бы отдохнуть; я слышала отъ мамаши, что они ужъ нѣсколько ночей не спали.

Погорѣловъ сначала отговаривался; но потомъ согласился болѣе для того, чтобы оставить стариковъ однихъ съ Оленькою. Онъ понималъ, что они имѣли много о чемъ переговорить между собою и что присутствіе его могло стѣснять ихъ.

Онъ не ошибался: имъ дѣйствительно было о чемъ переговорить; но для этого больной еще былъ слишкомъ слабъ Глафира Андреевна пока лишь объяснила ему въ короткихъ словахъ, что Оленька пріѣхала къ нимъ съ тѣмъ, чтобы ихъ уже не оставлять. Извѣстіе это очень его обрадовало. Ему давно хотѣлось взять ее отъ Баклановыхъ, но, зная любовь ихъ къ ней и привязанность, боялся тѣмъ огорчить ихъ. «Да и съ какими глазами пріѣдемъ мы къ нимъ за нею, говорилъ онъ женѣ: они вскормили и выростили ее, обучили чему слѣдуетъ; а тутъ, когда подошелъ ея чередъ успокоивать ихъ, мы ее и увеземъ. Нѣтъ,—это съ нашей стороны было бы дѣло вовсе неладное.» Глафира Андреевна, чтобы успокоить его на этотъ счетъ, поспѣшила тутъ же объяснить ему, что, узнавъ о его болѣзни, Баклановы сами, хотя и не безъ сожалѣнія, предложили ей взять Оленьку. «Чтожъ, за-

ключила она, они теперь не одни, при нихъ сынъ и дочь на возрастѣ; имъ и безъ Оленьки не будетъ скучно».

Старикъ не совсѣмъ довѣрчиво посмотрѣлъ на нее, но не сказалъ ни слова.

— И Олечка-то послѣ такой жизни какъ бы съ нами не соскучилась, сказалъ онъ, перенеся на нее свой взглядъ, какъ бы желая прочесть въ глазахъ ея отвѣтъ на волновавшее его сомнѣніе.

Оленька вмѣсто отвѣта снова бросилась обнимать отца и ея непритворныя ласки, искреннія слезы и увѣренія, что она только съ ними и можетъ быть вполнѣ счастлива, наконецъ окончательно успокоили его. Она уговорила мать пойти отдохнуть и заняться по хозяйству; сама же, получивъ отъ нея наставленіе какъ давать больному лекарство, сѣла у его изголовья.

— Еслибы вы только знали, папаша, какъ я въ эту минуту счастлива, говорила она; то конечно такія опасенія и въ голову вамъ придти не могли-бы.

И она говорила правду: она дѣйствительно въ эту минуту была счастлива тѣмъ тихимъ къ сожалѣнію не всѣмъ знакомымъ счастіемъ, которое даетъ чистая совѣсть и сознаніе свято и добросовѣстно исполненнаго долга.

Ушедши въ сосѣднюю комнату, Погорѣловъ сѣлъ на диванъ и, закуривъ папиросу, погрузился въ нѣмое раздумье. Внезапное появленіе Оленьки среди ночной тишины у постели больнаго отца, ея трогательная съ нимъ встрѣча, искреннія слезы, привѣтливая улыбка, съ которою она благодарила его Погорѣлова за спасеніе дорогой ей жизни,—все это произвело на него глубокое и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное впечатлѣніе. Все видѣнное и слышанное имъ въ эти нѣсколько минутъ казалось ему какимъ-то мимолетнымъ, неземнымъ видѣніемъ: будто въ образѣ Оленьки низпосланъ былъ съ неба ангелъ—утѣшитель въ юдоль плача и скорби. Докуривъ папи-

росу, онъ было прилегъ, чтобы сколько нибудь подкрѣпить себя сномъ, но не удалось ему заснуть и на минуту. Едва смыкалъ онъ отяжелѣвшія вѣки и начиналъ предаваться сладкой дремотѣ, какъ живо рисовалась передъ нимъ такъ сильно поразившая его картина или представлялся отдѣльный образъ Оленьки окруженный то легкими, полупрозрачными облаками, то ореоломъ исходившаго отъ нея свѣта. «Вы спасли жизнь отцу моему, говорила она ему, также привѣтливо улыбаясь; благодарю, еще разъ благодарю васъ». Онъ вздрагивалъ и, очнувшись отъ минутнаго забытья, протиралъ себѣ глаза, недовѣрчиво озираясь кругомъ; ему не вѣрилось, чтобы все видѣнное имъ было лишь одною игрою воображенія. Такъ въ напрасномъ ожиданіи сна прошло болѣе двухъ часовъ. Онъ снова сѣлъ на диванъ и сталъ съ нетерпѣніемъ выжидать минуту, когда по соображенію его ему можно бы было благовиднымъ образомъ, не выдавая себя преждевременнымъ приходомъ, войти въ комнату больнаго. Наконецъ пробило восемь часовъ; онъ всталъ, подошелъ къ висѣвшему на стѣнѣ зеркалу и, приведя по возможности въ порядокъ свой туалетъ, вошелъ въ нее тихими шагами. Старикъ спалъ; Оленька сидѣла у его изголовья въ тѣхъ же самыхъ большихъ креслахъ, въ которыхъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ сидѣлъ онъ самъ, и также казалось дремала. Голова ея была нѣсколько запрокинута назадъ; одна рука лежала на колѣняхъ, другая на локотникѣ креселъ; около пальцевъ послѣдней намотанъ былъ бисерный шнурокъ отъ лежавшихъ подлѣ на столѣ отцовскихъ карманныхъ часовъ; она видимо справлялась съ ними чтобы не пропустить времени дачи больному лекарства, но, утомленная какъ Баклановскими сборами и прощаніями, такъ и дорогою и наконецъ сценою свиданія съ отцемъ, не могла пересилить клонившаго ее сна. Густые, слегка перепутавшіеся волосы волнистыми, темнорусыми прядями обрамляли ея дышавшее молодостью и здоровьемъ лицо;

яркая полоса дневнаго свѣта, проходя между косякомъ окна и спущенною шторою, ударяла прямо на нее и, выдѣляя изъ окружавшаго полумрака, рѣзкими контурами очерчивала ея еще молодыя, но уже вполнѣ развившіяся формы. Она казалось была подъ обаяніемъ то сладкихъ, то мучительныхъ грезъ: то пробѣгала по лицу ея едва уловимая улыбка,—полураскрытыя губы лепетали какія-то невнятныя слова, выказывая рядъ бѣлыхъ какъ перлы зубовъ; то вдругъ омрачалось оно какъ-бы внезапно набѣжавшимъ облакомъ грусти,—она вздрагивала, какъ будто силилась что-то сказать, но языкъ не повиновался ей.—лишь отъ глубокаго вздоха тяжело подымалась ея высокая грудь.

Переступивъ за порогъ кабинета, Погорѣловъ остановился пораженный чудною живою картиною; съ минуту простоялъ онъ на мѣстѣ, не шевелясь, боясь потревожить сонъ Оленьки и хотѣлъ уже возвратиться въ свою комнату, какъ она очнулась.

— Это вы, Павелъ Яковлевичъ? сказала она шопотомъ, чтобы не разбудить спавшаго отца.

Погорѣловъ вздрогнулъ какъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія.

— Добраго утра, продолжала она; протягивая ему руку. Что-же вы такъ мало отдыхали?

— Пришелъ васъ смѣнить, отвѣчалъ онъ, слегка пожавъ протянутую ему руку; надо и вамъ отдохнуть съ дороги.

— Благодарю васъ. Когда же теперь отдыхать; кажется мамаша ужъ чай разливаетъ. Я пойду принесу вашъ стаканъ сюда.

— Ахъ ради Бога не безпокойтесь, началъ было Погорѣловъ; но Оленька не дала ему договорить.

— Если мы, ухаживая вмѣстѣ за больнымъ, станемъ другъ съ другомъ церемониться; то будемъ лишь стѣснять одинъ другаго, сказала она и вышла изъ кабинета.

Минуты черезъ двѣ она возвратилась, держа въ одной рукѣ стаканъ, въ другой чашку.

Сей часъ и сдобныхъ булочекъ принесу, продолжала она; мамаша говоритъ, только что изъ печки вынула.

Погорѣловъ совершенно растерялся; онъ не зналъ брать ли ему изъ рукъ Оленьки принесенный ею стаканъ, предупредить ли ее и бѣжать самому за булками; пока же онъ рѣшалъ, что ему дѣлать, она уже успѣла поставить стаканъ съ чашкою на столъ и выйти изъ комнаты.

— А вотъ и булочки, сказала Оленька, возвращаясь съ меткомъ печеній и сливками. Согласитесь, что вы и сами себѣ такъ скоро не услужили бы. Давайте же теперь чай пить.

И она сѣла къ столу.

— Мнѣ право совѣстно, что заставилъ васъ такъ безпокоиться, бормоталъ Погорѣловъ, придвигая стулъ.

Вскорѣ проснулся и старикъ, и Оленька дала ему принять лекарство, принимать которое давно уже было время; но онъ всю ночь не спалъ, и она не хотѣла тревожить его утреенняго сна.

Хотя пріѣздъ Оленьки и давалъ Погорѣлову возможность прекратить уходъ свой за больнымъ; но онъ видѣлъ, что для нея одной уходъ этотъ былъ бы не по силамъ, а потому рѣшился продолжать его, пока онъ окажется совершенно лишнимъ; но какъ и Оленька не хотѣла оставить его ухаживать за отцомъ одного; то они и уговорились между собою очередоваться.

— А я буду отъ времени до времени смѣнять васъ, чтобы дать вамъ свободу погулять или чѣмъ нибудь заняться, сказала Глафира Андреевна. Да и по ночамъ у меня безсонница: мнѣ все равно что у себя, что здѣсь на диванѣ лежать.

Такъ и было сдѣлано. Такой способъ ухода за больнымъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сближалъ между собою принимавшихъ въ немъ участіе. Погорѣловъ, проведшій всю

жизнь свою въ мужскомъ обществѣ, сначала стѣснялся присутствіемъ Оленьки; но простота ея съ нимъ обращенія мало по малу развязала ему руки и языкъ, и онъ вскорѣ же сталъ чувствовать себя у Кузминыхъ, какъ и до ея пріѣзда, то есть какъ у себя дома. Полюбила его и Оленька какъ близкаго добраго роднаго.

Была впрочемъ еще причина, заставлявшая Погорѣлова не торопиться отъѣздомъ изъ Кузминки. Ему было уже около тридцати пяти лѣтъ и если онъ не былъ еще женатъ, то не потому чтобы имѣлъ что нибудь противъ брачнаго союза,— напротивъ, семейный очагъ всегда имѣлъ для него свою заманчивую прелесть; но онъ до сихъ поръ не находилъ дѣвушки, которая соединяла бы въ себѣ тѣ качества, которыя онъ желалъ видѣть въ будущей женѣ своей. Онъ не требовалъ отъ нея ни красоты, ни богатства, ни свѣтскаго воспитанія; онъ хотѣлъ лишь, чтобы она съ природнымъ умомъ и извѣстною долею образованія соединяла доброе, нравственно неиспорченное сердце,— и такой-то дѣвушки не могъ онъ найти въ томъ кружкѣ, въ которомъ по общественному положенію своему долженъ былъ искать ее. Въ первую болѣзнь Кузмина онъ увидалъ Оленьку и симпатичная личность ея тогда же привязала его къ ней. Вотъ, блеснула у него въ головѣ мысль, та, которая могла бы составить мое счастіе; но она была еще слишкомъ молода, чтобы можно было тогда серіозно думать о приведеніи мысли этой въ исполненіе. Къ тому же, думалъ онъ, она воспитывается въ богатомъ домѣ, вѣроятно привыкла къ роскоши, которая, если еще не развила, то конечно разовьетъ въ ней требованія, удовлетворить которыя средства мои мнѣ не позволятъ. Да, какъ неглупый человѣкъ, онъ понималъ хорошо и себя и, не говоря уже о несоразмѣрности лѣтъ, сознавалъ, что для свѣтской дѣвушки онъ не женихъ. Тѣмъ не менѣе мысль эта такъ глубоко запала ему въ сердце, что онъ никакъ не могъ удалить ее отъ себя.

Въ поѣздки свои къ Кузминымъ онъ часто какъ бы мимоходомъ заводилъ съ ними разговоръ объ Оленькѣ и тѣ, любившіе ее безъ ума, всегда рады были случаю поговорить объ ней. Глафира Андреевна выхваляла ея умъ и таланты, Александръ Семеновичъ ее чувствительное, доброе сердце. Нерѣдко въ подтвержденіе своихъ похвалъ они приводили примѣры или случаи, которые самымъ нагляднымъ образомъ доказывали, что они въ похвалахъ этихъ нисколько не увлекались любовью своею къ ней. Какъ впрочемъ ни хитро заводилъ Погорѣловъ рѣчь объ Оленькѣ, какъ ни осторожно формулировалъ онъ свои распросы, цѣль ихъ не ускользала отъ тонкаго чутья матери, и Глафира Андреевна всякій разъ по отъѣздѣ его, сидя за чулкомъ, принималась мечтать, какъ бы въ самомъ дѣлѣ было хорошо, еслибы Павелъ Яковлевичъ женился на Оленькѣ. «Человѣкъ онъ степенный, хорошій хозяинъ, былъ бы конечно и хорошій семьянинъ, думала она, и жила бы съ нимъ она какъ у Христа за пазухой. Сосѣди были бы мы близкіе, видѣлись бы каждый день: то они къ намъ, то мы къ нимъ. Опять таки и Александръ Семеновичъ становится и старъ и хворъ. Боже сохрани что случится — останусь я одна горемычная какъ перстъ на свѣтѣ; да и ей не вѣкъ свой жить въ Бакланахъ. И какая будетъ наша съ нею жизнь? Горе одно.» Глафира Андреевна задумывалась, и одинокая слеза тихо скатывалась по ея морщинистой щекѣ. «Боюсь что онъ—то пожалуй ей не понравится, продолжала она чрезъ минуту; не шаркунъ, по-французски не говоритъ, да ужъ и не первой молодости: пятнадцатью годами старше ея. Положимъ Александръ Семеновичъ и двадцатью пятью меня старше, а до болѣзни бодрѣе меня на видъ казался; да ей то какъ это покажется. А ужъ какъ онъ ее любить бы сталъ, — на рукахъ бы носилъ; и свѣковали бы, они свой вѣкъ не хуже нашего.»

Она такъ довольна была своимъ тихимъ семейнымъ с

стіемъ, что лучшаго ничего для дочери и желать не могла. «Нѣтъ, другаго такого жениха для Оленьки и не сыскать,заключала она.» Не разъ дѣлилась она своими завѣтными мечтами и съ мужемъ. «На все воля Божья, отвѣчалъ старикъ, вполнѣ раздѣлявшій ея образъ мыслей. Какъ свыше опредѣлено, такъ тому и быть; суженаго конемъ не объѣдешь».

Такъ прошло полтора года. Въ теченіе этаго времени ни та, ни другая сторона не высказала ни разу прямо мыслей своихъ; но въ совершенно постороннихъ по видимому разговорахъ каждая изъ нихъ читала, такъ сказать, между строкъ и ясно прочитывала то, что ей узнать хотѣлось. Съ Баклановымъ Погорѣловъ хотя и былъ знакомъ, но былъ у него всего два раза, и тотъ всякій разъ такъ завладѣвалъ его особою, почти не отпуская отъ себя, что онъ Оленьку видѣлъ лишь вскользь, и едва могъ обмѣняться съ нею парою словъ. Тоже самое было, какъ мы видѣли, и въ послѣдній пріѣздъ Баклановыхъ въ Кузминку. Пріѣздъ этотъ чуть не разбилъ въ прахъ всѣ лучшія его мечты Около Оленьки былъ неотлучно Аркадій; она съ нимъ говорила, смѣялась и казалось, была вполнѣ счастлива. Погорѣловъ издали слѣдилъ за ними и неразъ встрѣчалъ насмѣшливый, устремленный на него взглядъ Аркадія Былъ ли то взрывъ ревности или оскорбленнаго самолюбія, но всякій разъ кровь приливала ему въ голову и во время преній своихъ съ нимъ, на которыя наводилъ его противъ его воли старикъ Баклановъ, онъ старался сдерживать себя, чтобы не дать высказаться волновавшему его чувству. Результатомъ наблюденій его было то, что Аркадій и Оленька были по видимому другъ къ другу неравнодушны; но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то говорило ему, что если Аркадію Оленька и нравилась и онъ ухаживалъ за нею, то никакъ не съ цѣлью жениться на ней; а отсюда онъ пришолъ уже прямымъ путемъ къ выводу, что ухаживанія эти были не болѣе какъ забава празднаго барича, вздумавшаго отъ нечего дѣлать потѣшить себя любовною интрижкой.

Мысль эта тѣмъ болѣе возмущала Погорѣлова, что Оленька, казалось, любила Аркадія искренно съ увлеченіемъ первой неопытной любви. «Какъ спасти ее? Какъ предупредить грозившую опасность? спрашивалъ онъ себя. Открыть глаза отцу съ матерью? Но какое имѣю я на это право и какіе могу представить факты въ подтвержденіе своихъ опасеній кромѣ однихъ догадокъ и предположеній? Они могутъ подумать, что во мнѣ говоритъ чувство зависти или ревности. Наконецъ я могу и ошибаться: можетъ быть и онъ любитъ ее также искренно какъ и она его, и старики знаютъ о ихъ взаимной любви и благодарятъ Бога за то, что онъ посылаетъ ихъ дочери такую выгодную и блестящую партію. Но нѣтъ, передумывалъ онъ тутъ же; этого не можетъ быть; если бы они знали объ этой любви раньше, — отъ меня не укрылось бы; если же они придутъ къ такому заключенію на основаніи того, что видѣли вчера, то жестово ошибутся. Онъ не такъ обращается съ ней, не такъ смотритъ на нее, да и самъ онъ, насколько я могъ его понять, не такой человѣкъ, чтобы у него сердце могло взять верхъ надъ другими соображеніями». Но какъ бы то ни было: если бы Аркадій и не любилъ Оленьку, не было казалось подвержено сомнѣнію, что она любила его, а этого было конечно болѣе нежели достаточно для того, чтобы Погорѣловъ отказался на всегда отъ сладкихъ надеждъ, которыми утѣшалъ себя въ послѣдніе полтора года.

По отъѣздѣ Баклановыхъ три дня не ѣздилъ онъ къ Кузминымъ, боясь услышать отъ нихъ подтвержденіе своихъ опасеній.— на четвертый рѣшился наконецъ ихъ провѣдать. Старикъ былъ въ полѣ; дома нашелъ онъ одну Глафиру Андреевну.

— А я вотъ Олечку свою проводила, сказала она, вздохнувъ, послѣ нѣсколькихъ обмѣненныхъ фразъ, и осталась опять одна сиротою.

— Какъ она измѣнилась, похорошѣла, замѣтилъ Погорѣловъ.

— Хороша, вздохнула старуха еще глубже прежняго. И для чего только, подумаешь, Богъ бѣдной дѣвушкѣ красоту посылаетъ. Безъ нея цѣнили бы въ ней лишь одни душевныя качества; кому же они не нужны, проходилъ бы себѣ мимо; а тутъ кому они и ни на что не надобны, останавливается, да любуется.... А тамъ еще молодость, да неопытность....

Глафира Андреевна слишкомъ ясно высказалась, чтобы Погорѣловъ могъ сомнѣваться въ намѣреніи ея вызвать его на откровенность.

— Правда, сказалъ онъ, не считая себя въ правѣ не высказаться въ свою очередь.

— Надо непремѣнно увезти ее изъ Бакланова, продолжала она послѣ минутнаго молчанія,—непремѣнно надо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вѣдь не разъ и прежде говорила объ этомъ при васъ же Александру Семеновичу. Но,—у него свои резоны. Да опять таки и то сказать: какъ ей еще послѣ Баклановской жизни въ нашей глуши понравится, добавила, задумавшись, старуха.

Эта нѣжная материнская заботливость о томъ, чтобы дочь не соскучилась у нея, когда, оставаясь въ Бакланахъ, она подвергалась такой серіозной опасности, какъ ни казалась съ перваго раза смѣшной, глубоко тронула Погорѣлова.

Съ этаго дня между нимъ и старухой установилась интимность, родъ заговора, имѣвшаго цѣлью увозъ Оленьки изъ Бакланова. Надо было пріискать ему благовидный предлогъ для представленія его не только Баклановымъ, но и старику Кузмину, такъ какъ онъ опасеніямъ жены никогда не повѣрилъ бы. Дѣло это представляло не мало затрудненій, но они вскорѣ же устранены были самымъ неожиданнымъ образомъ. Черезъ десять дней по отъѣздѣ Баклановыхъ изъ Кузминки съ старикомъ повторился ударъ и на этотъ разъ какъ и въ первый онъ обязанъ былъ Погорѣлову спасеніемъ отъ неминуемой смерти. На второй же день рѣшено было послать

за Оленькой, какъ получено было ея письмо. Глафира Андреевна показала его Погорѣлову. Причина, заставившая Оленьку просить мать увезть ее изъ Бакłановъ, казалась имъ ясною: она конечно, думали они, поняла характеръ ухаживаній Аркадія и потому естественно оставаться долѣе подъ одною съ нимъ крышею не хотѣла. Оба они были отъ души рады такому счастливому исходу. Черезъ день Оленька, какъ мы видѣли, была уже въ Кузминкѣ.

XIX.

Незамѣтно прошелъ мѣсяцъ съ отъѣзда Оленьки изъ Баклановъ и она въ продолженіе этого времени получила отъ Лизы лишь одно письмо, привезенное Александромъ Васильевичемъ, пріѣзжавшимъ вскорѣ же по отъѣздѣ ея провѣдать больнаго старика. Она и придумать не могла чему приписать такое упорное молчаніе. Правда, что постояннаго сообщенія между Бакланами и Кузминкой не было, сельскихъ же почтъ тогда еще не существовало; но еслибы Лизу интересовало имѣть объ ней извѣстіе, могла бы она прислать съ письмомъ и нарочнаго. Больше же всего удивляло и вмѣстѣ огорчало Оленьку, что такъ скоро забылъ ее Аркадій. «Положимъ, думала она, что я сама просила его забыть обо мнѣ, даже написала, что не выйду къ нему, если бы онъ вздумалъ пріѣхать въ Кузминку; но, еслибы онъ любилъ меня хотя на половину противъ того, какъ я люблю его, развѣ это могло бы его остановить; это напротивъ должно бы было заставить его еще болѣе стараться, если не увидѣться со мною, то по крайней мѣрѣ имѣть обо мнѣ извѣстіе. Когда онъ жилъ въ Петербургѣ, нашла же я возможность вести съ нимъ переписку черезъ Лизу, не показывая и вида, что въ сущности переписывалась съ нимъ сама. Точно также могъ бы теперь поступить и онъ, и, отвѣчая Лизѣ на ея письма, я волею не-

волею отвѣчала бы и ему. Стало быть любилъ онъ меня лишь до тѣхъ поръ, пока видѣлъ передъ собою, пока могъ смотрѣть на меня, мѣняться со мною взглядами, украдкою пожать мнѣ руку..... Нѣтъ я не понимаю такой любви». И ей невольно припоминались слова матери: онъ любитъ тебя не такъ какъ любятъ будущую жену свою. Слова эти поражали ее своимъ практическимъ смысломъ. Она конечно выразилась такъ, потому что смотрѣла на жизнь лишь съ чисто реальной ея стороны, тѣмъ не менѣе слова эти ясно выражали мысль: онъ любитъ тебя не такъ, какъ любятъ женщину, которую уважаютъ, которую считаютъ себѣ равною, которую любятъ такъ сказать не только чувственно, но и нравственно. И Оленька принималась анализировать любовь къ ней Аркадія, слѣдя за нею съ первой съ нимъ встрѣчи до послѣдней сцены въ бесѣдкѣ и чѣмъ ближе и безпристрастнѣе всматривалась въ нее, тѣмъ болѣе и болѣе должна была согласиться въ справедливости словъ такъ просто и вмѣстѣ такъ вѣрно и мѣтко сказанныхъ матерью.

Мысль эта оскорбляла ея самолюбіе, возмущала нравственное чувство и она силилась удалить ее отъ себя, стараясь иначе растолковать себѣ любовь Аркадія; но какъ ходъ, такъ и обстановка ея были таковы, что положительно недопускали никакого другаго толкованія. «Но не могъ же онъ такъ искусно и такъ долго притворяться, утѣшала она себя минуту спустя; не могъ же бы онъ заставить меня такъ безусловно вѣрить въ искренность любви своей, если бы она не была дѣйствительно искренна. Не такъ же я въ самомъ дѣлѣ глупа и неопытна, чтобы могла увлечься маскою,— принять напускное чувство за настоящее». И она снова задумывалась, снова принималась слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ этой загадочной любви, не упуская изъ вида ни малѣйшей изъ перипетій ея и въ концѣ концовъ все приходила къ тому же грустному, безотрадному выводу.—

Часто сидѣла она по часу погруженная въ горькое раздумье, тая ото всѣхъ волновавшія ее чувства; но какъ ни старалась она скрывать ихъ, не рѣдко высказывались они помимо ея воли то выступавшею на щекахъ краскою, то повисавшею на рѣсницѣ предательскою слезою. Не разъ заставалъ ее въ этомъ положеніи Погорѣловъ; но онъ уважалъ ея грусть, уважалъ и тайну, которою она ее окружала и никогда не позволялъ себѣ спросить о причинѣ этой грусти. Оленькѣ казалось даже, что онъ угадывалъ ее, хотя никогда и полусловомъ не намекнулъ ей о томъ.

Разъ вечеромъ Оленька сидѣла въ кабинетѣ у отца и читала ему только что привезенную Погорѣловымъ газету, какъ увидѣла изъ окна въѣзжавшую въ ворота небольшую рогожную кибитку, запряженную въ одну лошадь. Кибитка, проѣхавъ мимо оконъ, остановилась у дѣвичьяго крыльца и изъ нея вышла пожилая женщина, одѣтая вся въ черномъ съ такимъ же большимъ шерстянымъ платкомъ накинутымъ на голову. Не смотря на то, что платокъ этотъ закрывалъ ея лицо, оставляя лишь кончикъ носа и подбородокъ, Оленька тотчасъ же узнала въ ней богомолку, ѣзжавшую иногда въ Бакланы и которую она съ Лизой очень любила за ея скромность и совѣстливость, съ которою она принимала дѣлаемые ей подарки,—качества къ сожалѣнію очень рѣдкія въ странствующей братіи. Въ настоящую минуту она обрадовалась ей какъ родной: она надѣялась узнать отъ нея что нибудь о Бакланахъ, о Лизѣ, а можетъ быть и объ Аркадіѣ; а потому, передавъ газету Погорѣлову, побѣжала встрѣтить ее. Казалось не менѣе ея обрадовалась ей и богомолка.

— Наконецъ-то Господь Богъ привелъ меня увидать васъ въ вашемъ собственномъ родимомъ гнѣздышкѣ, говорила она, цѣлуя ея въ плечо.

— Давно были вы въ Бакланахъ? спросила ее Оленька.

— А вотъ, благослови Богъ, прямо оттуда; выѣхала чуть

25

свѣтъ, на полудорогѣ покормила, да вотъ къ вечеру къ вамъ и дотащилась,—дорога то ужъ больно хороша.

— Ну что, какъ тамъ поживаютъ? Нѣтъ ли чего новенькаго? допрашивала ее Оленька, введя къ себѣ въ комнату, чтобы остаться съ ней наединѣ.

— Новенькаго какъ не быть, да радостнаго то мало, отвѣчала та, присаживаясь на диванъ.

— Чтожъ такое? Говорите пожалуйста.

— Особаго-то такого ничего. Аркадій Александровичъ, какъ вамъ извѣстно, уѣхалъ въ Москву свататься за какую-то княжну, живетъ тамъ ужъ никакъ близь мѣсяца, а толку настоящаго и о сю пору никакого нѣтъ. Родителей стало брать сомнѣніе: оба такіе муругіе; слова отъ нихъ не добьешься. Лизавета Александровна все по васъ грустить, да коли правду сказать, какъ и не грустить: ей тамъ сердечной и слова вымолвить не съ кѣмъ. Стала такъ усердно меня упрашивать, поѣзжайте, говоритъ, добрая моя Фанна Егоровна, отъ насъ къ Оленькѣ, свезите ей это письмо, да скажите то-то и то-то; всего вѣдь въ письмѣ не умѣстишь. Да что же я, перебила она себя вдругъ, спохватившись, письма-то вамъ до сихъ поръ не отдамъ. Ужь такъ обрадовалась, увидѣвши васъ, что о письмѣ то совсѣмъ было и забыла.

Она вынула изъ кармана бережно завернутое въ бумагу письмо и подала его Оленькѣ. Та съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ почти вырвала его у нея изъ рукъ, сорвала печать и съ жадностію принялась читать его.

«Ты конечно сердишься на меня, моя добрая, безцѣнная Оленька, за мое долгое молчаніе, писала ей Лиза; но когда прочтя письмо, узнаешь ему причину, — узнаешь что я безъ тебя вытерпѣла и какъ страшно по тебѣ скучаю и тоскую, отъ души пожалѣешь обо мнѣ. Но не стану пока говорить о себѣ; время коротко. Мысль переслать тебѣ это письмо черезъ добрую Фанну Егоровну явилась у меня къ сожалѣнію

лишь передъ самымъ ея отъѣздомъ Кибитка ея стоитъ уже у крыльца и я, удерживая ее, боюсь возбудить въ maman подозрѣніе, что пишу къ тебѣ. Да, другъ мой Оленька, мнѣ запрещено писать къ тебѣ; но объ этомъ послѣ. Спѣшу сообщить тебѣ что могу объ Аркадіѣ, хотя все что я имѣю сказать о немъ до того грустно и возмутительно, что желала бы вовсе не говорить о немъ; но я поклялась тебѣ ничего отъ тебя не утаивать и потому, скрѣпясь сердцемъ, рѣшаюсь высказать всю истину. Послѣдній пріѣздъ его въ Бакланы убѣдилъ меня, что онъ далеко не любитъ тебя такъ, какъ ты воображала, да врядъ ли и когда либо любилъ тебя искренно, потому что такъ скоро измѣниться въ чувствахъ своихъ положительно невозможно. Я полагала, что извѣстіе о твоемъ отъѣздѣ и переданное ему мною письмо твое приведутъ его въ отчаяніе, но ни то, ни другое не произвело на него ровно никакого дѣйствія, какъ будто дѣло шло о вовсе постороннемъ для него лицѣ; даже распространившійся у насъ слухъ, что Глафира Андреевна взяла тебя для того, чтобы выдать замужъ, нисколько не огорчилъ его и онъ прехладнокровно пожелалъ тебѣ счастія—счастія въ замужествѣ съ другимъ! Я ушамъ своимъ вѣрить не хотѣла? И въ заключеніе, представь себѣ: quelle infamie! Вѣдь я въ простотѣ душевной повѣрила ему, что ѣздилъ онъ съ тантой къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ лишь въ угоду papa и maman; а оказалось, что онъ ѣздилъ туда tout de bon pour faire lacour à la princesse Vava и теперь уѣхалъ въ Москву дѣлать ей формальное предложеніе, какъ будто бы тебя и на свѣтѣ не существовало. Такого безчестнаго поступка или лучше сказать ряда безчестныхъ поступковъ я и объяснить себѣ не могу. Ce n'est qu'un homme perverti jusqu' à la moelle des os, qui peut agir de la sorte. Таковъ онъ кажется и есть. И если бы ты знала, какъ онъ измѣнился съ того вечера, какъ произошла между вами

жизнь свою въ мужскомъ обществѣ, сначала стѣснялся присутствіемъ Оленьки; но простота ея съ нимъ обращенія мало по малу развязала ему руки и языкъ, и онъ вскорѣ же сталъ чувствовать себя у Кузминыхъ, какъ и до ея пріѣзда, то есть какъ у себя дома. Полюбила его и Оленька какъ близкаго добраго роднаго.

Была впрочемъ еще причина, заставлявшая Погорѣлова не торопиться отъѣздомъ изъ Кузминки. Ему было уже около тридцати пяти лѣтъ и если онъ не былъ еще женатъ, то не потому чтобы имѣлъ что нибудь противъ брачнаго союза,— напротивъ, семейный очагъ всегда имѣлъ для него свою заманчивую прелесть; но онъ до сихъ поръ не находилъ дѣвушки, которая соединяла бы въ себѣ тѣ качества, которыя онъ желалъ видѣть въ будущей женѣ своей. Онъ не требовалъ отъ нея ни красоты, ни богатства, ни свѣтскаго воспитанія; онъ хотѣлъ лишь, чтобы она съ природнымъ умомъ и извѣстною долею образованія соединяла доброе, нравственно неиспорченное сердце,— и такой то дѣвушки не могъ онъ найти въ томъ кружкѣ, въ которомъ по общественному положенію своему долженъ былъ искать ее. Въ первую болѣзнь Кузмина онъ увидалъ Оленьку и симпатичная личность ея тогда же привязала его къ ней. Вотъ, блеснула у него въ головѣ мысль, та, которая могла бы составить мое счастіе; но она была еще слишкомъ молода, чтобы можно было тогда серіозно думать о приведеніи мысли этой въ исполненіе. Къ тому же, думалъ онъ, она воспитывается въ богатомъ домѣ, вѣроятно привыкла къ роскоши, которая, если еще не развила, то конечно разовьетъ въ ней требованія, удовлетворить которыя средства мои мнѣ не позволятъ. Да, какъ неглупый человѣкъ, онъ понималъ хорошо и себя и, не говоря уже о несоразмѣрности лѣтъ, сознавалъ, что для свѣтской дѣвушки онъ не женихъ. Тѣмъ не менѣе мысль эта такъ глубоко запала ему въ сердце, что онъ никакъ не могъ удалить ее отъ себя.

Въ поѣздки свои къ Кузминымъ онъ часто какъ бы мимоходомъ заводилъ съ ними разговоръ объ Оленькѣ и тѣ, любившіе ее безъ ума, всегда рады были случаю поговорить объ ней. Глафира Андреевна выхваляла ея умъ и таланты. Александръ Семеновичъ ее чувствительное, доброе сердце. Нерѣдко въ подтвержденіе своихъ похвалъ они приводили примѣры или случаи, которые самымъ нагляднымъ образомъ доказывали, что они въ похвалахъ этихъ нисколько не увлекались любовью своею къ ней. Какъ впрочемъ ни хитро заводилъ Погорѣловъ рѣчь объ Оленькѣ, какъ ни осторожно формулировалъ онъ свои распросы, цѣль ихъ не ускользала отъ тонкаго чутья матери, и Глафира Андреевна всякій разъ по отъѣздѣ его, сидя за чулкомъ, принималась мечтать, какъ бы въ самомъ дѣлѣ было хорошо, еслибы Павелъ Яковлевичъ женился на Оленькѣ. «Человѣкъ онъ степенный, хорошій хозяинъ, былъ бы конечно и хорошій семьянинъ, думала она, и жила бы съ нимъ она какъ у Христа за пазухой. Сосѣди были бы мы близкіе, видѣлись бы каждый день: то они къ намъ, то мы къ нимъ. Опять таки и Александръ Семеновичъ становится и старъ и хворъ. Боже сохрани что случится — останусь я одна горемычная какъ перстъ на свѣтѣ; да и ей не вѣкъ свой жить въ Бакланахъ. И какая будетъ наша съ нею жизнь? Горе одно.» Глафира Андреевна задумывалась, и одинокая слеза тихо скатывалась по ея морщинистой щекѣ. «Боюсь что онъ—то пожалуй ей не понравится, продолжала она чрезъ минуту; не шаркунъ, по-французски не говоритъ, да ужъ и не первой молодости: пятнадцатью годами старше ея. Положимъ Александръ Семеновичъ и двадцатью пятью меня старше, а до болѣзни бодрѣе меня на видъ казался; да ей то какъ это покажется. А ужъ какъ онъ ее любить бы сталъ, — на рукахъ бы носилъ; и свѣковали бы, они свой вѣкъ не хуже нашего.»

Она такъ довольна была своимъ тихимъ семейнымъ сча-

стіемъ, что лучшаго ничего для дочери и желать не могла. «Нѣтъ, другаго такого жениха для Оленьки и не сыскать,за ключала она.» Не разъ дѣлилась она своими завѣтными мечтами и съ мужемъ. «На все воля Божья, отвѣчалъ старикъ, вполнѣ раздѣлявшій ея образъ мыслей. Какъ свыше опредѣлено, такъ тому и быть; суженаго конемъ не объѣдешь».

Такъ прошло полтора года. Въ теченіе этаго времени ни та, ни другая сторона не высказала ни разу прямо мыслей своихъ; но въ совершенно постороннихъ по видимому разговорахъ каждая изъ нихъ читала, такъ сказать, между строкъ и ясно прочитывала то, что ей узнать хотѣлось. Съ Баклановымъ Погорѣловъ хотя и былъ знакомъ, но былъ у него всего два раза, и тотъ всякій разъ такъ завладѣвалъ его особою, почти не отпуская отъ себя, что онъ Оленьку видѣлъ лишь вскользь, и едва могъ обмѣняться съ нею парою словъ. Тоже самое было, какъ мы видѣли, и въ послѣдній пріѣздъ Баклановыхъ въ Кузминку. Пріѣздъ этотъ чуть не разбилъ въ прахъ всѣ лучшія его мечты Около Оленьки былъ неотлучно Аркадій; она съ нимъ говорила, смѣялась и казалось, была вполнѣ счастлива. Погорѣловъ издали слѣдилъ за ними и неразъ встрѣчалъ насмѣшливый, устремленный на него взглядъ Аркадія Былъ ли то взрывъ ревности или оскорбленнаго самолюбія, но всякій разъ кровь приливала ему въ голову и во время преній своихъ съ нимъ, на которыя наводилъ его противъ его воли старикъ Баклановъ, онъ старался сдерживать себя, чтобы не дать высказаться волновавшему его чувству. Результатомъ наблюденій его было то, что Аркадій и Оленька были по видимому другъ къ другу неравнодушны; но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то говорило ему, что если Аркадію Оленька и нравилась и онъ ухаживалъ за нею, то никакъ не съ цѣлью жениться на ней; а отсюда онъ пришолъ уже прямымъ путемъ къ выводу, что ухаживанія эти были не болѣе какъ забава празднаго барича, вздумавшаго отъ нечего дѣлать потѣшить себя любовною интрижкой.

Мысль эта тѣмъ болѣе возмущала Погорѣлова, что Оленька, казалось, любила Аркадія искренно съ увлеченіемъ первой неопытной любви. «Какъ спасти ее? Какъ предупредить грозившую опасность? спрашивалъ онъ себя. Открыть глаза отцу съ матерью? Но какое имѣю я на это право и какіе могу представить факты въ подтвержденіе своихъ опасеній кромѣ однихъ догадокъ и предположеній? Они могутъ подумать, что во мнѣ говоритъ чувство зависти или ревности. Наконецъ я могу и ошибаться: можетъ быть и онъ любитъ ее также искренно какъ и она его, и старики знаютъ о ихъ взаимной любви и благодарятъ Бога за то, что онъ посылаетъ ихъ дочери такую выгодную и блестящую партію. Но нѣтъ, передумывалъ онъ тутъ же; этого не можетъ быть; если бы они знали объ этой любви раньше, — отъ меня не укрылось бы; если же они придутъ къ такому заключенію на основаніи того, что видѣли вчера, то жестоко ошибутся. Онъ не такъ обращается съ ней, не такъ смотритъ на нее, да и самъ онъ, насколько я могъ его понять, не такой человѣкъ, чтобы у него сердце могло взять верхъ надъ другими соображеніями». Но какъ бы то ни было: если бы Аркадій и не любилъ Оленьку, не было казалось подвержено сомнѣнію, что она любила его, а этого было конечно болѣе нежели достаточно для того, чтобы Погорѣловъ отказался навсегда отъ сладкихъ надеждъ, которыми утѣшалъ себя въ послѣдніе полтора года.

По отъѣздѣ Баклановыхъ три дня не ѣздилъ онъ къ Кузминымъ, боясь услышать отъ нихъ подтвержденіе своихъ опасеній, — на четвертый рѣшился наконецъ ихъ провѣдать. Старикъ былъ въ полѣ; дома нашелъ онъ одну Глафиру Андреевну.

— А я вотъ Олечку свою проводила, сказала она, вздохнувъ, послѣ нѣсколькихъ обмѣненныхъ фразъ, и осталась опять одна сиротою.

— Какъ она измѣнилась, похорошѣла, замѣтилъ Погорѣловъ.

— Хороша вздохнула старуха еще глубже прежняго. И для чего только, подумаешь, Богъ бѣдной дѣвушкѣ красоту посылаетъ. Безъ нея цѣнили бы въ ней лишь одни душевныя качества; кому же они не нужны, проходилъ бы себѣ мимо; а тутъ кому они и ни начто не надобны, останавливается, да любуется.... А тамъ еще молодость, да неопытность....

Глафира Андреевна слишкомъ ясно высказалась, чтобы Погорѣловъ могъ сомнѣваться въ намѣреніи ея вызвать его на откровенность.

— Правда, сказалъ онъ, не считая себя въ правѣ не высказаться въ свою очередь.

— Надо непремѣнно увезти ее изъ Баклановъ, продолжала она послѣ минутнаго молчанія,—непремѣнно надо, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вѣдь не разъ и прежде говорила объ этомъ при васъ же Александру Семеновичу. Но,—у него свои резоны. Да опять таки и то сказать: какъ ей еще послѣ Баклановской жизни въ нашей глуши понравится, добавила, задумавшись, старуха.

Эта нѣжная материнская заботливость о томъ, чтобы дочь не соскучилась у нея, когда, оставаясь въ Бакланахъ, она подвергалась такой серіозной опасности, какъ ни казалась съ перваго раза смѣшной, глубоко тронула Погорѣлова.

Съ этаго дня между нимъ и старухой установилась интимность, родъ заговора, имѣвшаго цѣлью увозъ Оленьки изъ Баклановъ. Надо было пріискать ему благовидный предлогъ для представленія его нетолько Баклановымъ, но и старику Кузмину, такъ какъ онъ опасеніямъ жены никогда не повѣрилъ бы. Дѣло это представляло не мало затрудненій, но они вскорѣ же устранены были самымъ неожиданнымъ образомъ. Черезъ десять дней по отъѣздѣ Баклановыхъ изъ Кузминки съ старикомъ повторился ударъ и на этотъ разъ какъ и въ первый онъ обязанъ былъ Погорѣлову спасеніемъ отъ неминуемой смерти. На вторoй же день рѣшено было послать

за Оленькой, какъ получено было ея письмо. Глафира Андреевна показала его Погорѣлову. Причина, заставившая Оленьку просить мать увезть ее изъ Бзклановъ, казалась имъ ясною: она конечно, думали они, поняла характеръ ухаживаній Аркадія и потому естественно оставаться долѣе подъ одною съ нимъ крышею не хотѣла. Оба они были отъ души рады такому счастливому исходу. Черезъ день Оленька, какъ мы видѣли, была уже въ Кузминкѣ.

XIX.

Незамѣтно прошелъ мѣсяцъ съ отъѣзда Оленьки изъ Баклановъ и она въ продолженіе этого времени получила отъ Лизы лишь одно письмо, привезенное Александромъ Васильевичемъ, пріѣзжавшимъ вскорѣ же по отъѣздѣ ея провѣдать больнаго старика. Она и придумать не могла чему приписать такое упорное молчаніе. Правда, что постояннаго сообщенія между Бакланами и Кузминкой не было, сельскихъ же почтъ тогда еще не существовало; но еслибы Лизу интересовало имѣть объ ней извѣстіе, могла бы она прислать съ письмомъ и нарочнаго. Больше же всего удивляло и вмѣстѣ огорчало Оленьку, что такъ скоро забылъ ее Аркадій. «Положимъ, думала она. что я сама просила его забыть обо мнѣ, даже написала, что не выйду къ нему, если бы онъ вздумалъ пріѣхать въ Кузминку; но. еслибы онъ любилъ меня хотя на половину противъ того, какъ я люблю его, развѣ это могло бы его остановить; это напротивъ должно бы было заставить его еще болѣе стараться, если не увидѣться со мною, то по крайней мѣрѣ имѣть обо мнѣ извѣстіе. Когда онъ жилъ въ Петербургѣ, нашла же я возможность вести съ нимъ переписку черезъ Лизу, не показывая и вида, что въ сущности переписывалась съ нимъ сама. Точно также могъ бы теперь поступить и онъ, и, отвѣчая Лизѣ на ея письма, я волею не-

волею отвѣчала бы и ему. Стало быть любилъ онъ меня лишь до тѣхъ поръ, пока видѣлъ передъ собою, пока могъ смотрѣть на меня, мѣняться со мною взглядами, украдкою пожать мнѣ руку..... Нѣтъ я не понимаю такой любви». И ей невольно припоминались слова матери: онъ любитъ тебя не такъ какъ любятъ будущую жену свою. Слова эти поражали ее своимъ практическимъ смысломъ. Она конечно выразилась такъ, потому что смотрѣла на жизнь лишь съ чисто реальной ея стороны, тѣмъ не менѣе слова эти ясно выражали мысль: онъ любитъ тебя не такъ, какъ любятъ женщину, которую уважаютъ, которую считаютъ себѣ равною, которую любятъ такъ сказать не только чувственно, но и нравственно. И Оленька принималась анализировать любовь къ ней Аркадія, слѣдя за нею съ первой съ нимъ встрѣчи до послѣдней сцены въ бесѣдкѣ и чѣмъ ближе и безпристрастнѣе всматривалась въ нее, тѣмъ болѣе и болѣе должна была согласиться въ справедливости словъ такъ просто и вмѣстѣ такъ вѣрно и мѣтко сказанныхъ матерью.

Мысль эта оскорбляла ея самолюбіе, возмущала нравственное чувство и она силилась удалить ее отъ себя, стараясь иначе растолковать себѣ любовь Аркадія; но какъ ходъ, такъ и обстановка ея были таковы, что положительно недопускали никакого другаго толкованія. «Но не могъ же онъ такъ искусно и такъ долго притворяться. утѣшала она себя минуту спустя; не могъ же бы онъ заставить меня такъ безусловно вѣрить въ искренность любви своей, если бы она не была дѣйствительно искренна. Не такъ же я въ самомъ дѣлѣ глупа и неопытна, чтобы могла увлечься маскою,— принять напускное чувство за настоящее». И она снова задумывалась, снова принималась слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ этой загадочной любви, не упуская изъ вида ни малѣйшей изъ перипетій ея и въ концѣ концовъ все приходила къ тому же грустному, безотрадному выводу.—

Часто сидѣла она по часу погруженная въ горькое раздумье, тая ото всѣхъ волновавшія ее чувства; но какъ ни старалась она скрывать ихъ. не рѣдко высказывались они помимо ея воли то выступавшею на щекахъ краскою, то повисавшею на рѣсницѣ предательскою слезою. Не разъ заставалъ ее въ этомъ положеніи Погорѣловъ; но онъ уважалъ ея грусть, уважалъ и тайну, которою она ее окружала и никогда не позволялъ себѣ спросить о причинѣ этой грусти. Оленькѣ казалось даже. что онъ угадывалъ ее, хотя никогда и полусловомъ не намекнулъ ей о томъ.

Разъ вечеромъ Оленька сидѣла въ кабинетѣ у отца и читала ему только что привезенную Погорѣловымъ газету, какъ увидѣла изъ окна въѣзжавшую въ ворота небольшую рогожную кибитку, запряженную въ одну лошадь. Кибитка, проѣхавъ мимо оконъ, остановилась у дѣвичьяго крыльца и изъ нея вышла пожилая женщина, одѣтая вся въ черномъ съ такимъ же большимъ шерстянымъ платкомъ накинутымъ на голову. Не смотря на то, что платокъ этотъ закрывалъ ея лицо. оставляя лишь кончикъ носа и подбородокъ, Оленька тотчасъ же узнала въ ней богомолку, ѣзжавшую иногда въ Бакланы и которую она съ Лизой очень любила за ея скромность и совѣстливость, съ которою она принимала дѣлаемые ей подарки,—качества къ сожалѣнію очень рѣдкія въ странствующей братіи. Въ настоящую минуту она обрадовалась ей какъ родной: она надѣялась узнать отъ нея что нибудь о Бакланахъ, о Лизѣ, а можетъ быть и объ Аркадіѣ; а потому, передавъ газету Погорѣлову, побѣжала встрѣтить ее. Казалось не менѣе ея обрадовалась ей и богомолка.

— Наконецъ-то Господь Богъ привелъ меня увидать васъ въ вашемъ собственномъ родимомъ гнѣздышкѣ, говорила она, цѣлуя ея въ плечо.

— Давно были вы въ Бакланахъ? спросила ее Оленька.

— А вотъ, благослови Богъ, прямо оттуда; выѣхала чуть

свѣтъ, на полудорогѣ покормила, да вотъ къ вечеру къ вамъ и дотащилась,—дорога то ужъ больно хороша.

— Ну что, какъ тамъ поживаютъ? Нѣтъ ли чего новенькаго? допрашивала ее Оленька, введя къ себѣ въ комнату, чтобы остаться съ ней наединѣ.

— Новенькаго какъ не быть, да радостнаго то мало, отвѣчала та, присаживаясь на диванъ.

— Чтожъ такое? Говорите пожалуйста.

— Особаго-то такого ничего. Аркадій Александровичъ, какъ вамъ извѣстно, уѣхалъ въ Москву свататься за какую-то княжну, живетъ тамъ ужъ никакъ близь мѣсяца, а толку настоящаго и о сю пору никакого нѣтъ. Родителей стало брать сомнѣніе: оба такіе муругіе; слова отъ нихъ не добьешься. Лизавета Александровна все по васъ грустить, да коли правду сказать, какъ и не грустить: ей тамъ сердечной и слова вымолвить не съ кѣмъ. Стала такъ усердно меня упрашивать, поѣзжайте, говоритъ, добрая моя Фанна Егоровна, отъ насъ къ Оленькѣ, свезите ей это письмо, да скажите то-то и то-то; всего вѣдь въ письмѣ не умѣстишь. Да что же я, перебила она себя вдругъ, спохватившись, письма-то вамъ до сихъ поръ не отдамъ. Ужь такъ обрадовалась, увидѣвши васъ, что о письмѣ то совсѣмъ было и забыла.

Она вынула изъ кармана бережно завернутое въ бумагу письмо и подала его Оленькѣ. Та съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ почти вырвала его у нея изъ рукъ, сорвала печать и съ жадностію принялась читать его.

«Ты конечно сердишься на меня, моя добрая, безцѣнная Оленька, за мое долгое молчаніе, писала ей Лиза; но когда прочтя письмо, узнаешь ему причину, — узнаешь что я безъ тебя вытерпѣла и какъ страшно по тебѣ скучаю и тоскую, отъ души пожалѣешь обо мнѣ. Но не стану пока говорить о себѣ; время коротко. Мысль переслать тебѣ это письмо черезъ добрую Фанну Егоровну явилась у меня къ сожалѣнію

лишь передъ самымъ ея отъѣздомъ Кибитка ея стоитъ уже у крыльца и я, удерживая ее, боюсь возбудить въ maman подозрѣніе, что пишу къ тебѣ. Да, другъ мой Оленька, мнѣ запрещено писать къ тебѣ; но объ этомъ послѣ. Спѣшу сообщить тебѣ что могу объ Аркадіѣ, хотя все что я имѣю сказать о немъ до того грустно и возмутительно, что желала бы вовсе не говорить о немъ; но я поклялась тебѣ ничего отъ тебя не утаивать и потому, скрѣпясь сердцемъ, рѣшаюсь высказать всю истину. Послѣдній пріѣздъ его въ Бакланы убѣдилъ меня, что онъ далеко не любитъ тебя такъ, какъ ты воображала, да врядъ ли и когда либо любилъ тебя искренно, потому что такъ скоро измѣниться въ чувствахъ своихъ положительно невозможно. Я полагала, что извѣстіе о твоемъ отъѣздѣ и переданное ему мною письмо твое приведутъ его въ отчаяніе, но ни то, ни другое не произвело на него ровно никакого дѣйствія, какъ будто дѣло шло о вовсе постороннемъ для него лицѣ; даже распространившійся у насъ слухъ, что Глафира Андреевна взяла тебя для того, чтобы выдать замужъ, нисколько не огорчилъ его и онъ прехладнокровно пожелалъ тебѣ счастія—счастія въ замужествѣ съ другимъ! Я ушамъ своимъ вѣрить не хотѣла? И въ заключеніе, представь себѣ: quelle infamie! Вѣдь я въ простотѣ душевной повѣрила ему, что ѣздилъ онъ съ тантой къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ лишь въ угоду papa и maman; а оказалось, что онъ ѣздилъ туда tout de bon pour faire lacour à la princesse Vava и теперь уѣхалъ въ Москву дѣлать ей формальное предложеніе, какъ будто бы тебя и на свѣтѣ не существовало. Такого безчестнаго поступка или лучше сказать ряда безчестныхъ поступковъ я и объяснить себѣ не могу. Ce n'est qu'un homme perverti jusqu' à la moelle des os, qui peut agir de la sorte. Таковъ онъ кажется и есть. И если бы ты знала, какъ онъ измѣнился съ того вечера, какъ произошла между вами

сцена въ бесѣдкѣ; я на другое же утро, прощаясь съ нимъ, замѣтила это. Да, бѣдная моя Оленька, я знаю объ этой возмутительной сценѣ и, что всего ужаснѣе, узнала объ ней отъ него же самого. По одному этому ужъ ты можешь судить что онъ за человѣкъ. Если бы ты только слышала avec quel indicible air de fatuité разсказывалъ онъ мнѣ о ней,—точно хвастался безстыдствомъ своимъ. Хорошо ты сдѣлала, что уѣхала отсюда: ты по крайней мѣрѣ избавила себя отъ стыда встрѣчаться съ нимъ и краснѣть передъ самой собою, что могла любить такого человѣка. А можетъ быть онъ потому такъ и измѣнился, что тебя здѣсь нѣтъ и ему не передъ кѣмъ разыгрывать свою отвратительную комедію. Перемѣну эту въ немъ я замѣтила еще раньше; съ поѣздки въ Кудеярово онъ сдѣлался уже не тотъ, сталъ обращаться съ тобою какъ-то фамильярнѣе, сталъ позволять себѣ то, чего прежде не позволялъ, и все это дѣлалъ онъ съ какою то самонадѣянностію, которой до того у него не было. Ты можетъ быть тогда по любви своей къ нему того не замѣчала; меня же это страшно шокировало и если я тебѣ ничего не говорила, то лишь потому что боялась огорчить тебя. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ что онъ теперь. Ахъ, chère amie, еслибы ты только его видѣла. C'est tout un autre homme: arroguant au dernier point,—явился какой-то air desuffisance, котораго я прежде въ немъ не замѣчала; его persiflage сдѣлался невыносимымъ, надо всѣмъ смѣется, на меня смотритъ du haut de sa grandeur, какъ на дѣвчонку, съ которою и говорить не стоитъ; поминутно зѣваетъ, страшно скучаетъ, все не по немъ,—даже смотрѣть тошно. Не знаю право чему все это приписать. Неужели же тому, что, сдѣлавшись женихомъ княжны Вавы, il se croit dans les grandeurs et fait le difficile. Казалось бы онъ для этого слишкомъ уменъ. Вѣрнѣе всего, что не видя, какъ я сказала, больше цѣли продолжать разыгрывать свою комедію, онъ снялъ съ себя маску и сдѣлался

тѣмъ, чѣмъ есть. И еслибы ты знала, какъ онъ отвратителенъ въ этомъ настоящемъ своемъ видѣ. Неужели же всѣ эти Петербургскіе господа, вся эта jeunesse dorée такіе? Не могу объяснить себѣ и того, для чего было ему играть съ тобою эту комедію, когда онъ давно зналъ, что ты любишь его. Чего же онъ еще хотѣлъ, чего добивался отъ тебя? Это для меня совершенно загадка!» Далѣе Лиза описывала Оленькѣ жизнь свою въ Бакланахъ, напраслину, которую терпѣла отъ матери, вымѣщавшей на ней досаду свою на Аркадія. «Ты еще не знаешь, другъ мой Оленька, писала она, какъ я виновата передъ тобою. Представь себѣ, что письмо твое къ Аркадію по оплошности моей попало въ руки maman. Кажется она изъ него заключила, что вы въ постоянной перепискѣ, и вотъ причина почему она запретила мнѣ не только писать тебѣ, но и получать отъ тебя письма; но успокойся, добавляла она: о поступкѣ Аркадія, о которомъ ты въ немъ упоминаешь, она ничего не знаетъ и пока это тайна между тобою Аркадіемъ и мною; да и самое письмо она вѣроятно уничтожитъ, чтобы объ немъ какъ нибудь не узналъ papa, который конечно дѣла этого такъ не оставилъ бы и тогда Аркадію не сдобровать. Прости же мнѣ ради Бога мою оплошность. Я уже достаточно наказана за нее запрещеніемъ быть съ тобою въ перепискѣ. Письмо это я посылаю тебѣ чрезъ Фаину Егоровну украдкой отъ maman, заключала Лиза; не найдешь ли и ты возможность отвѣтить мнѣ на него такимъ же путемъ; иначе боюсь чтобы отвѣтъ твой не былъ перехваченъ и мнѣ не досталось бы за то, что писала тебѣ. Не сердись же на меня за мое долгое молчаніе и не думай, чтобы я когда нибудь могла тебя забыть; а какъ добрый другъ пожалѣй обо мнѣ.»

Письмо это такъ поразило Оленьку, что, прочитавъ его, она еще съ минуту держала его передъ собою, стараясь сообразить и привесть въ головѣ въ порядокъ прочитанное.

— Да, уѣхалъ въ Москву свататься за княжну. сказала соболѣзнующимъ голосомъ слѣдившая за нею богомолка.

Оленька совсѣмъ было позабыла объ ней и тутъ только вспомнила, что была въ комнатѣ не одна: высказанное соболѣзнованіе самымъ непріятнымъ образомъ подѣйствовало на нее.

— Какое мнѣ дѣло за кого бы онъ ни поѣхалъ свататься, отвѣтила она почти съ досадой.

— Конечно все равно, продолжала тѣмъ же голосомъ богомолка; за ту ли, за другую-ли, —дѣло отъ этого не полегчаетъ.

Оленька невольно посмотрѣла на нее, чтобы прочесть въ ея глазахъ настоящій смыслъ сказанныхъ ею словъ и встрѣтила ея грустный, сочувственно устремленный на нее взглядъ. Взглядъ этотъ выражалъ тоже искреннее соболѣзнованіе, которое слышалось и въ ея голосѣ; ясно было, что любовь ея къ Аркадію не была для нея тайной. «Стало быть весь свѣтъ знаетъ о любви моей къ нему,» подумала она.

— А и гориться-то ужь слишкомъ не слѣдуетъ, утѣшала ее, не сводя съ нея глазъ, богомолка; мы нерѣдко и сами не знаемъ чего желаемъ и чего у Бога просимъ, —за частую своей же погибели ищемъ. Да будетъ во всемъ его святая воля. Я такъ и Лизаветѣ Александровнѣ сказала: ни кто, говорю, какъ Богъ.

Какъ ни искренни были эти утѣшенія, Оленька лишь тогда могла придти въ себя и спокойно обсудить свое положеніе, когда, сдавъ богомолку съ рукъ на руки матери. осталась наконецъ въ своей комнатѣ одна. Она еще разъ прочла со вниманіемъ письмо отъ начала до конца и молча погрузилась въ самое себя.

И такъ она не ошиблась: Аркадій не любитъ ея, по крайней мѣрѣ никогда не любилъ, такъ какъ она предполагала и то, что она такъ наивно принимала за любовь, было не бо-

лѣе какъ искусно разыгранная комедія,—тенета, въ которыя онъ хотѣлъ поймать ее и изъ которыхъ ей удалось такъ счастливо ускользнуть. Чѣмъ ближе всматривалась она въ отношенія свои къ нему, чѣмъ болѣе анализировала ихъ, слѣдя за ходомъ ихъ постепеннаго развитія, тѣмъ болѣе удивлялась какъ могла она принять чувства его къ ней за истую, святую любовь. Теперь ей стали понятными и сцена такъ искусно разыгранная Аркадіемъ при встрѣчѣ ихъ на другой день пріѣзда его въ Бакланы и принятая имъ на себя за тѣмъ личина и причина перемѣны въ обращеніи его съ нею по возвращеніи изъ Кудеярова и сцена въ бесѣдкѣ и наконецъ все то, о чемъ передавала ей въ письмѣ своемъ Лиза. «Но, спрашивала она себя, если онъ и не любилъ меня такъ, какъ я въ наивности своей воображала, то все-же питалъ онъ ко мнѣ какое нибудь чувство, заставлявшее его разыгрывать эту комедію? И что же это было за чувство? Неужели же въ самомъ дѣлѣ все это было не болѣе какъ мимолетная забава празднаго, избалованнаго легкими успѣхами матушкина сынка, вздумавшаго отъ нечего дѣлать приволокнуться за бѣдной дѣвушкой, облагодѣтельствованною его отцомъ и матерью, а потому по мнѣнію его и обязанною терпѣливо переносить его безпутныя ухаживанія? При одной мысли о возможности такого предположенія ее обдавало холодомъ, краска благороднаго негодованія выступала на лицѣ, а между тѣмъ разсудокъ говорилъ ей, что это нетолько могло быть, но дѣйствительно такъ и было. По временамъ находили на нее минуты недовѣрія къ себѣ, сомнѣнія въ вѣрности дѣланнаго ею заключенія и не потому чтобы она въ самомъ дѣлѣ въ томъ сомнѣвалась, а потому что въ сомнѣніяхъ этихъ находила себѣ утѣшеніе,—она хваталась за нихъ какъ утопающій за соломенку; они были для нея отрадою, какъ для узника влетѣвшій мотылекъ; но недолги были эти минуты отраднаго сомнѣнія и тутъ же разлетались какъ

мыльные пузыри передъ горькою, возмутительною дѣйствительностью. Въ такомъ неутѣшительномъ раздумьи провела Оленька остатокъ дня, съ нимъ легла и въ постель и могла заснуть лишь на разсвѣтѣ.

Утромъ она проснулась измученная, утомленная будто послѣ долгой, тяжкой болѣзни. Съ нею произошелъ точно нравственный кризисъ: минувшія отношенія ея къ Аркадію представлялись ей какимъ то мучительнымъ, тяжелымъ кошмаромъ, изъ подъ гнета котораго она только что освободилась. Она ощущала тоже тягостное чувство, какое ощущаетъ на другой день человѣкъ помимо его воли вовлеченный въ безпутную оргію: ему противно вспомнить о ней; противно и выпитое вино, противны и видѣнные имъ на оргіи люди и слышанные разговоры. Онъ желалъ бы изгнать изъ памяти самое воспоминаніе объ ней и утѣшается лишь отраднымъ сознаніемъ, что его благодаря Бога тамъ ужь нѣтъ. Оленька не чувствовала къ Аркадію ни ненависти, ни даже презрѣнія,— онъ просто былъ ей противенъ; ей гадко было вспомнить объ немъ и досадно на себя, что могла хотя бы и на одну минуту полюбить такого человѣка.

XX,

Мѣсяцъ, проведенный Погорѣловымъ подъ однимъ кровомъ съ Оленькой въ заботахъ по уходу за больнымъ ея отцомъ, сблизилъ ихъ, давъ имъ возможность узнать и оцѣнить другъ друга; но въ чувствахъ, которыя они питали одинъ къ другому, была большая разница: если Погорѣловъ полюбилъ Оленьку какъ дѣвушку, соединявшую въ себѣ всѣ тѣ качества, которыя по понятіямъ его должны были составить счастіе семейной жизни и, получивъ руку которой, онъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ; то Оленька полюбила его не болѣе какъ брата, какъ испытаннаго друга,

которому готова была повѣрить самыя сокровенныя свои тайны, зная что всегда найдетъ въ немъ искреннее сочувствіе. Часто сидѣли они вдвоемъ, передавая другъ другу свои мысли, свои убѣжденія, свои взгляды на жизнь; но ниразу Погорѣловъ не намекнулъ Оленькѣ о чувствахъ своихъ къ ней: онъ хотѣлъ напередъ узнать объ отношеніяхъ ея къ Аркадію, хотѣлъ узнать дѣйствительно-ли любила она его или только терпѣливо переносила его ухаживанія, пока находила возможность переносить ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ сердце ея разумѣется было свободно; но въ первомъ въ немъ могла еще тлѣть искра несовсѣмъ погасшей любви, на немъ могли еще оставаться свѣжія, незажившія раны и онъ боялся неосторожнымъ прикосновеніемъ разбередить ихъ.

Таковы были ихъ взаимныя отношенія, когда пріѣхала въ Кузминку богомолка съ письмомъ отъ Лизы. Узнавъ изъ разсказовъ ея, что Аркадій уѣхалъ въ Москву жениться на какой-то княжнѣ. Погорѣловъ вздохнулъ свободнѣе и съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія Оленьки, чтобы прочесть въ глазахъ ея какое дѣйствіе произвело на нее это извѣстіе. Во весь вечеръ она не выходила изъ своей комнаты и Погорѣловъ уже совсѣмъ было порѣшилъ, что роковое извѣстіе сильно подѣйствовало на нее и что слѣдовательно она еще любитъ Аркадія, какъ на другое утро она къ крайнему удивленію его вышла совершенно спокойною, казалось даже была веселѣе обыкновеннаго, точно тяжелое бремя скатилось у нея съ сердца. «Чтобы это могло значить? спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи; дѣйствительно ли она никогда не любила его или подъ этою поддѣльною веселостію лишь хочетъ скрыть свои настоящія чувства?»

Какъ ни интересовалъ Погорѣлова этотъ вопросъ, онъ ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни разрѣшить его не могъ: для этого надо было навести на него разговоръ съ Оленькой, а сдѣлать это было не легко, такъ какъ она въ разгово-

рахъ съ нимъ постоянно избѣгала всего, что хотя сколько нибудь касалось этого щекотливаго предмета. Видя невозможность добиться прямымъ путемъ истины, онъ сталъ наблюдать за Оленькой и вскорѣ же убѣдился, что и она въ свою очередь была чѣмъ-то серіозно озабочена: день ото дня становилась какъ то сосредоточеннѣе, точно что-то соображала или обдумывала,—иногда какъ будто хотѣла о чемъ-то переговорить съ нимъ, не разъ даже обращалась къ нему съ вопросами, которые казалось должны были вести къ какому то объясненію, но на первыхъ же словахъ останавливалась и измѣняла направленіе начатаго разговора Все это конечно не выясняло дѣла, а лишь болѣе запутывало его.

Такъ прошло еще двѣ недѣли. Благодаря бдительному уходу, которымъ окруженъ былъ больной, выздоравливаніе его шло быстро, чему конечно не мало способствовала и крѣпкая не испорченная его натура. Хотя Погорѣловъ отъ души тому радовался, но при мысли, что скоро помощь его будетъ лишняя и что ему снова придется возвратиться къ своей прежней одинокой жизни, сердце его болѣзненно сжималось. Онъ очень хорошо понималъ, что ему нельзя будетъ ѣздить къ Кузминымъ даже и по прежнему: у нихъ теперь жила въ домѣ дочь невѣста и частыя посѣщенія его могли дать пищу разнымъ толкамъ и пересудамъ; онъ зналъ, что сплетницъ—кумушекъ много вездѣ и что деревенскія кумушки какъ и деревенскія осеннія мухи злѣе и неотвязчивѣе и кусаются больнѣе городскихъ. Въ эти полтора мѣсяца онъ такъ уже привыкъ проводить время въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ Кузминыхъ, что начинать съизнова свою прежнюю жизнь ему было тяжело: въ ней не доставало именно того, что даетъ, такъ сказать, жизни жизнь,—въ ней не доставало семейнаго элемента. Тяжелѣе же всего было ему отказаться отъ сообщества Оленьки, отъ возможности встрѣчаться съ нею по нѣскольку разъ въ день, по цѣлымъ часамъ бесѣдовать съ

нею или молча смотрѣть какъ она заботливо ухаживаетъ за больнымъ отцомъ. Въ эти шесть недѣль онъ успѣлъ коротко изучить ее и чѣмъ ближе узнавалъ ее, тѣмъ болѣе привязывался къ ней.

Сколько ни откладывалъ Погорѣловъ по просьбѣ Кузминыхъ день отъѣзда своего и какъ самому ему ни было пріятно откладывать его, но время шло, больной уже могъ ходить съ помощію костыля одинъ и благовидныхъ предлоговъ къ дальнѣйшему пребыванію его въ ихъ домѣ никакихъ не было; онъ чувствовалъ, что ему долѣе оставаться не слѣдовало и въ одно прекрасное утро объявилъ своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ, что вечеромъ тогоже дня долженъ ихъ оставить.

Послѣ обѣда пошелъ онъ съ Оленькой по обыкновенію гулять въ садъ. Оба они были скучны. Погорѣлову тяжело было сродниться съ мыслью, что онъ долженъ былъ покинуть семейство, на которое уже привыкъ смотрѣть какъ на свое собственное. Оленькѣ также не легко было это разставаніе. Долго шли они молча.

— Вы говорите, Павелъ Яковлевичъ, начала вдругъ Оленька, что всякій долженъ стараться быть полезнымъ на томъ мѣстѣ, на которомъ поставленъ судьбою?

— Да, это одно изъ самыхъ искреннихъ моихъ убѣжденій.

— Но если онъ чувствуетъ, что на этомъ мѣстѣ полезнымъ быть не можетъ?

— Онъ можетъ и ошибиться: да если бы и не ошибался, то это рѣдкій случай, который только доказывалъ бы, что нѣтъ правилъ безъ исключеній.

— Но согласитесь, что это нисколько не утѣшительно для того, кто подобно мнѣ представляетъ собою именно это исключеніе.

— Почему же вы такъ о себѣ думаете?

— Я въ этомъ убѣждена. Въ настоящую минуту я еще могу быть полезна уходомъ своимъ папашѣ, но, Богъ мило-

стивъ, не всеже онъ будетъ боленъ; мамашѣ по хозяйству я помощница плохая; —да она ни въ чьей помощи и не нуждается. Выходитъ, что кромѣ удовольствія, которое я доставляю имъ своимъ присутствіемъ, я никакой матеріальной пользы имъ не приношу.

— Вотъ уже пока нравственная польза; а нѣтъ нравственной пользы, которая хотя бы косвеннымъ образомъ не влекла за собою и матеріальной.

— Допустимъ и это: но когда ихъ не будетъ на свѣтѣ, кому я, оставаясь здѣсь, могу принесть какую бы то ни было пользу?

— Вы еще такъ молоды, только что вступаете въ жизнь и трудно опредѣлить что еще ожидаетъ васъ въ будущемъ.

— Но вѣдь должна же я объ этомъ заранѣе подумать.

— Думать—такъ; но чтобы принять какое либо серіозное рѣшеніе, надо, полагалъ бы я, дождаться пока положеніе ваше въ семьѣ окончательно опредѣлится. Что же? Вы думаете избрать себѣ дѣятельность внѣ стѣнъ вашего дома?

— Не тотчасъ. Пока папаша съ мамашей будутъ живы, я конечно ихъ не оставлю, но думаю начать подготовлять себя къ ней.

— Противъ этого я ничего не имѣю сказать: чѣмъ женщина образованнѣе, тѣмъ болѣе можетъ принесть пользы какъ себѣ, такъ и другимъ; не смѣю возражать и противъ того, что образованіе ставитъ ее болѣе или менѣе въ независимость отъ возможныхъ случайностей: но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всякая образованная женщина должна была бросаться въ общественную дѣятельность. Она точно также можетъ быть полезна обществу и оставаясь въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и именно потому, что она образована, подобно тому какъ лампа которую я зажегъ собственно для себя, освѣщаетъ и окружающихъ даже и тѣхъ, которые не желали бы быть освѣщены ею и по неволѣ заставляетъ ихъ держать

себя такъ, какъ они, можетъ быть, оставаясь въ потемкахъ, и не стали бы держать себя.

— Все это такъ; но вѣдь мущина, получившій извѣстное образованіе или подготовку, спѣшитъ употребить ее на дѣло и тѣмъ заработать для себя и семьи своей кусокъ хлѣба.

— Это потому что мущина рожденъ для общественной дѣятельности точно также какъ женщина для семейной. Чтоже касается до трудоваго куска хлѣба, то образованная женщина свято и добросовѣстно исполняющая свои обязанности, доставляетъ семьѣ своей кромѣ матеріальной пищи и духовную.

— Но если она находится въ томъ же положеніи въ какомъ, какъ я сей часъ вамъ объяснила, нахожусь я?

— Я ужъ вамъ сказалъ, что вы еще такъ молоды и никто не можетъ поручиться, чтобы не сегодня такъ завтра и вы....

И Погорѣловъ остановился; ему показалось, что онъ зашолъ уже слишкомъ далеко и что слова его начинали походить на объясненіе

— Чтобы и я когда нибудь не вышла замужъ, договорила, смѣясь, Оленька. Я этой возможности не смѣю отвергать; но думаю, что всякій, располагая жизнь свою, долженъ брать въ соображеніе существующія данныя, а не то, что еще можетъ быть и не быть.

— Но все же онъ долженъ соображаться съ тѣмъ, что хотя еще и не существуетъ, но по всей вѣроятности должно случиться, сказалъ какъ-то нерѣшительно Погорѣловъ.

— Стало быть вы положительно убѣждены, что я непремѣнно должна выйти замужъ, перебила его со звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ Оленька.

Погорѣловъ совершенно растерялся. Смѣхъ этотъ, казалось ему, ясно показывалъ, какъ Оленька далека была отъ мысли, чтобы онъ когда нибудь могъ просить руки ея;—въ противномъ случаѣ она конечно, думалъ онъ, была бы съ нимъ

сдержаннѣе. Въ смѣхѣ этомъ послышалось ему даже что-то невязавшееся съ характеромъ Оленьки, что-то какъ бы полунасмѣшливое, словомъ что-то такое, что самымъ непріятнымъ. гнетущимъ образомъ отозвалось въ его сердцѣ.

Оленька навела разговоръ на этотъ предметъ, предложила Погорѣлову эти вопросы, потому что они съ самаго полученія письма отъ Лизы преслѣдовали ее, не давая ей покоя. То что узнала она изъ него, отрѣзывая ее такъ сказать на всегда и отъ Аркадія и отъ Баклановъ, т. е. отъ всего знакомаго ей міра и бросивъ одну изолированную въ Кузминкѣ, заставило ее вдуматься въ самое себя и ближе всмотрѣться къ свое положеніе. Дѣйствительно оно въ домѣ отца и матери было далеко не прочно. Они были уже стары: не сегодня, завтра могли умереть,—и чтожъ тогда? Небольшое имѣніе раздѣлилось бы между четырьмя братьями. «Положимъ, думала она, одинъ изъ нихъ женится и поселится хозяйничать въ Кузминкѣ. Конечно я могла бы быть полезна его дѣтямъ; но какова еще будетъ жена его? Захочетъ ли еще она ввѣрить мнѣ ихъ воспитаніе? Не буду ли я для нихъ при ограниченности ихъ средствъ лишнею обузой? Да и что будетъ за положеніе мое въ чужомъ домѣ?» Приходила ей въ голову мысль и о замужествѣ; но представлялось оно ей скорѣе какъ грустная необходимость нежели какъ желаемый исходъ; а потому она серіозно и не останавливалась на немъ. Окончательнымъ результатомъ всѣхъ этихъ соображеній было то, что единственное средство упрочить независимость положенія своего и оградить себя по возможности отъ всякихъ случайностей въ будущемъ было жить трудами своими. Мысль эта улыбнулась ей, и она было ухватилась за нее съ дѣтскою радостію, даже съ увлеченіемъ; но когда стала ближе всматриваться въ практическую сторону дѣла, такъ сказать, въ воплощеніе этой такъ привѣтливо улыбнувшейся ей мысли, невольный страхъ овладѣлъ ею, и она почти готова была отказаться отъ нея.

Ее не пугалъ трудъ, — она любила и уважала его; но не смотря на природный умъ и полученное образованіе, она все же была, такъ сказать, продуктомъ той среды, въ которой выросла, а потому естественно, если и не вполнѣ раздѣляла ея воззрѣнія на жизнь, то и не могла совершенно отрѣшиться отъ нихъ. Содержать себя трудами своими она не могла иначе, какъ давая уроки, а какъ давать ихъ въ Кузминкѣ было некому, то должна была ѣхать куда нибудь насторону, оторваться навсегда отъ всего, что ей было близкаго и роднаго а главное: вопреки нетолько принятымъ въ средѣ ея обычаямъ, но и собственному чувству женской стыдливости ѣхать одной невѣсть куда, стать какою-то всемірною гражданкой, мушиной въ юбкѣ, словомъ по понятіямъ ея вступить въ ряды нигилистокъ, т. е. тѣхъ ненавистныхъ ей существъ, о которыхъ слышать не могла безъ отвращенія, такъ напугалъ ее Аркадій разсказами своими, хотя и говорилъ объ нихъ конечно не съ этою цѣлію. Явленіе это такъ было противно русской жизни, такъ не уставлялось въ ея по преимуществу семейную рамку, такъ не подходило подъ складъ мыслей тогдашняго общества и такъ не согласовалось съ его традиціями и убѣжденіями, что одна мысль сдѣлаться чѣмъ то въ родѣ нигилистки приводила Оленьку въ неописанный ужасъ. Вотъ о чемъ собиралась она въ послѣдніе дни поговорить съ Погорѣловымъ, какъ съ человѣкомъ имѣвшимъ по мнѣнію ея вѣрный, практическій взглядъ на жизнь.

Если разговоръ этотъ не далъ Оленькѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта на волновавшіе ее вопросы, то на Погорѣлова произвелъ сильное впечатлѣніе и онъ, пріѣхавъ домой, погрузился въ глубокую думу. Ясно было, что между Оленькой и Аркадіемъ все было кончено, что сердце ея было свободно; она ничего не имѣла и противъ замужества, — это ея собственныя слова; но этого было мало,—надо было узнать о чувствахъ ея къ нему Погорѣлову. Онъ зналъ, что она

расположена къ нему какъ къ другу, пожалуй какъ къ брату; но чувствъ этихъ, какъ бы они ни были искренни, было недостаточно для того, чтобы онъ могъ съ увѣренностію просить руки ея. Еще звучавшій въ ушахъ его загадочный смѣхъ ея какъ бы подтверждалъ эту мысль. Съ другой стороны не менѣе ясно было и то, что перемѣна чувствъ ея къ Аркадію произошла вслѣдствіе полученнаго ею отъ Лизы письма, что письмо это и заставило ее ближе всмотрѣться въ свое положеніе и серіозно подумать объ ожидавшемъ ее будущемъ. Она въ эту минуту видимо переживала нравственный кризисъ; ей нуженъ былъ покой,—ей надо было оглядѣться и освоиться съ своимъ положеніемъ прежде нежели рѣшиться на какой нибудь серіозный шагъ. Излишнею поспѣшностію можно было испортить все дѣло. Долго думалъ и соображалъ Погорѣловъ и наконецъ рѣшилъ, что надо было взять терпѣніе и возложить надежду на время. «Что кажется невозможнымъ теперь, утѣшалъ онъ себя, можетъ быть сдѣлается возможнымъ позже». Двое сутокъ просидѣлъ онъ запершись въ своей комнатѣ; на третьи наконецъ поѣхалъ въ Кузминку.

Оленька возвращалась съ обычной, послѣобѣденной прогулки своей, какъ увидѣла шедшаго къ ней навстрѣчу Погорѣлова.

— Гдѣ это вы такъ долго пропадали? спросила она, протягивая ему руку.

— Все дѣла, да хлопоты по случаю предстоящей поѣздки.

— Развѣ вы куда нибудь уѣзжаете?

— Я уже давно собирался провѣдать тетушку Анну Архиповну. Сегодня въ ночь думаю ѣхать и пришелъ съ вами проститься.

— И на долго? спросила Оленька.

— Дней десять проѣзжу.

Они раза два прошлись по аллеѣ; видно было, что Погорѣловъ былъ чѣмъ-то сильно озабоченъ, даже отвѣчалъ какъ-то не совсѣмъ въ попадъ.

— И такъ до свиданья, сказалъ онъ, сжимая Оленькѣ руку.

Она проводила его до дому, гдѣ онъ еще разъ простился съ стариками и уѣхалъ. Оленька хотѣла было возвратиться въ садъ; но Глафира Андреевна остановила ее.

— Тебѣ Павелъ Яковлевичъ ничего не говорилъ такого? спросила она ее.

— Особеннаго ничего отвѣтила та, удивленно взглянувъ на мать. А развѣ есть что нибудь?

Глафира Андреевна въ свою очередь также какъ-то недовѣрчиво посмотрѣла на нее.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою объ очень серіозномъ дѣлѣ, сказала она, и увела ее въ свою комнату.

— Послушай, другъ мой, начала она, посадивъ Оленьку подлѣ себя на диванъ, съ подобающею случаю торжественностію. Мы съ отцомъ становимся стары, а онъ и вовсе дряхлъ,—ты ужъ на возрастѣ, и пора намъ подумать какъ бы тебя при жизни своей пристроить къ мѣсту.

Сдѣлавъ этотъ стереотипный приступъ, безъ котораго рѣдко обходится объясненіе старухи матери со взрослою дочерью, которую ей представляется случай выдать за мужъ, Глафира Андреевна на минуту пріостановилась, чтобы собраться съ духомъ и проглотить давившія ее отъ избытка чувствъ слезы; передовая изъ нихъ такъ таки и повисла предательски на ея рѣсницѣ.

— Ты конечно замѣтила въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія у насъ Павла Яковлевича, что онъ къ тебѣ неравнодушенъ, продолжала она, собравшись съ силами; могла ты это понять и изъ того, что просидѣлъ онъ здѣсь безвыѣздно послѣднія двѣ недѣли, когда помощь его отцу почти уже не была нужна.—За тѣмъ слѣдовало исчисленіе душевныхъ качествъ Погорѣлова, служившихъ вѣрнымъ по мнѣнію ея ручательствомъ, что онъ будетъ такимъ же прекраснымъ

мужемъ, какимъ былъ уже въ настоящее время превосходнымъ хозяиномъ; а эти оба качества, взятыя вмѣстѣ при, хотя и небольшихъ, но все же порядочныхъ, средствахъ его, достаточно гарантировали въ будущемъ какъ матеріальное благосостояніе его семейства, такъ и ненарушимость супружескаго счастія той, которую онъ изберетъ подругою своей жизни.

— Но онъ развѣ объяснилъ вамъ о намѣреніи сдѣлать мнѣ предложеніе? едва могла выговорить Оленька,—такъ поразили ее слова матери.

— Прямо онъ мнѣ ничего такого не говорилъ, да и не скажетъ пока не увѣрится, что предложеніе его будетъ тобою принято благосклонно; но я уже давно знаю какъ ты ему нравишься: спитъ и видитъ какъ бы жениться на тебѣ. Потому-то я и сочла нужнымъ предупредить тебя, чтобы ты, имѣя это въ виду, такъ съ нимъ себя и держала. Сейчасъ, прощаясь съ нами, онъ хотя прямо и не говорилъ, а такъ въ ротъ и клалъ. Я такъ и думала, что онъ въ саду ужъ съ тобою объяснился.»—И Глафира Андреевна еще разъ тѣмъ же недовѣрчивымъ и вмѣстѣ испытующимъ взглядомъ посмотрѣла на Оленьку. «Я впрочемъ другъ мой не принуждаю, даже не уговариваю тебя, заключила она: ты ужъ въ такихъ лѣтахъ, что и сама не хуже меня все можешь обсудить. Скажу тебѣ только, что это давнишнее, сердечное желаніе наше съ отцомъ твоимъ, и если ты выйдешь за Павла Яковлевича, обоихъ насъ несказанно обрадуешь и утѣшишь, и Господь Богъ въ награду за твое послушаніе пошлетъ вамъ съ нимъ совѣтъ и счастіе.»

Заключительную часть своего спича Глафира Андреевна произнесла не останавливаясь, почти не переводя духа. Окончивъ ее, она встала съ дивана и, какъ бы боясь услышать отъ Оленьки какое либо возраженіе, торопливо вышла изъ комнаты, оставивъ ее одну обсуживать на просторѣ свое положеніе.

Сказавъ, что Погорѣловъ ничего *такого* ей не говорилъ, она не солгала: онъ дѣйствительно ничего *такого* не сказалъ; но ей, давно лелѣявшей въ сердцѣ мысль видѣть за нимъ Оленьку, почему то представилось, что, прощаясь съ нею, онъ не могъ не сдѣлать ей предложенія Разстроенный видъ Погорѣлова по приходѣ съ нею изъ сада, еще болѣе утвердилъ ее въ этомъ предположеніи. Она даже не повѣрила словамъ Оленьки, думая, что она не рѣшается признаться ей въ происшедшемъ объясненіи, и потому сочла настоящую минуту самою удобною и благопріятною, чтобы высказать ей свое сочувствіе этому дѣлу и тѣмъ, если не теперь, то позднѣе вызвать ее на откровенность.

По уходѣ матери Оленька еще долго сидѣла на диванѣ, какъ ошеломленная. Мысль чтобы Погорѣловъ могъ когда либо искать руки ея, быть ея женихомъ, ей и въ голову никогда не приходила. Правда она въ послѣднее время сблизилась съ нимъ, искренно полюбила его, но полюбила, какъ мы сказали, не болѣе какъ друга, пожалуй какъ старшаго брата; да и помимо характера тѣхъ чувствъ, которыя она питала къ нему, мысль эта какъ-то далеко не вязалась съ понятіями, которыя она составила себѣ о замужествѣ, — наконецъ со взглядами, которые выработались въ ней самою жизнію. Она искренно уважала Погорѣлова, могла, быть можетъ, еще болѣе уважать его; но несмотря на всѣ его достоинства, чувствовала, что полюбить его тою любовью, какою любила Аркадія, положительно не могла. Ей не вѣрилось, чтобы и Погорѣлову могла прійти въ голову такая ни съ чѣмъ несообразная по понятіямъ ея мысль; ей казалось, что она потеряла бы то уваженіе, которое имѣла къ нему, если бы дѣйствительно мысль эта пришла ему въ голову. Мало того: ей даже какъ будто-бы обидно было за него, что его такого достойнаго уваженія человѣка, хотятъ заставить разыгрывать такую несвойственную ему и несродную съ его характеромъ роль. Послѣ дол-

гихъ обдумываній и соображеній, Оленька пришла было наконецъ къ заключенію. что по всей вѣроятности все слышанное ею было не болѣе какъ фантазія матери, строившей въ головѣ своей изъ любви къ ней и желанія видѣть ее счастливою всѣ эти несодѣянные планы и ни на чемъ не основанныя предположенія. И она было успокоилась, какъ запало ей въ душу новое сомнѣніе. «Нѣтъ, не можетъ быть, разсуждала она сама собою; если бы это было лишь одной ея фантазіей, не стала бы она говорить со мною такъ серіозно и положительно, даже подозрѣвать, что у меня уже было съ Павломъ Яковлевичемъ объясненіе.» И Оленька рѣшила, что если онъ еще и не сдѣлалъ формальнаго предложенія, то такъ ясно высказалъ матери намѣреніе свое его сдѣлать, что та сочла обязанностію своею предупредить ее о томъ.

Оленька отчасти и не ошибалась: если Погорѣловъ и не дѣлалъ еще формальнаго предложенія, — даже не высказалъ ясно намѣренія своего его сдѣлать; то Глафира Андреевна тонкимъ чутьемъ своимъ давно уже, какъ мы видѣли, разгадала чувства его къ Оленькѣ. Но тоже самое чутье говорило ей, что Оленька была далека отъ того чтобы раздѣлять эти чувства, а потому сочла нужнымъ поговорить съ ней объ этомъ дѣлѣ серіозно, чтобы она свыклась съ мыслію о возможности, даже вѣроятности предложенія Погорѣлова и не отвѣтила на него необдуманнымъ отказомъ. «Пусть вдумается въ дѣло хорошенько, разсуждала она сама съ собою; она не глупа и конечно пойметъ, что если Павелъ Яковлевичъ и не имѣетъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыя могли бы вскружить голову молодой дѣвушкѣ, то имѣетъ за то болѣе солидныя достоинства, которыя только и могутъ составить счастіе семейной жизни». Мысль эта уже давно запала ей въ голову, но привести ее въ исполненіе она находила еще преждевременнымъ; она очень хорошо понимала положеніе Оленьки,—понимала, что если сердце ея и было свободно, то въ послѣдней

борьбѣ до того изныло и наболѣло, что ему надо было дать покой и время, и если въ настоящую минуту рѣшилась объясниться съ ней, то лишь вслѣдствіе изложеннаго нами выше предположенія. Она хотѣла предупредить отказъ, если Оленька не давала еще рѣшительнаго отвѣта Погорѣлову,—боялась услыхать его и сама, и потому послѣ объясненія такъ поспѣшно ушла изъ комнаты. «Пусть она напередъ хорошенько обсудитъ дѣло», думала она.

Слова матери болѣзненно подѣйствовали на Оленьку. «Неужели же, спрашивала она себя, нельзя безотчетно предаться ни одному чувству съ увѣренностію; что оно отзовется тѣмъ же чувствомъ и въ томъ, къ кому оно обращено? Я полюбила Аркадія, и чѣмъ отозвался онъ на чистую, святую любовь мою? Я обратилась къ Павлу Яковлевичу съ искреннею братскою дружбою, а онъ отвѣчаетъ мнѣ на нее любовью, можетъ быть также искреннею, но которой я сочувствовать не могу. Хорошо еще, что онъ настолько остороженъ и деликатенъ, что, понявъ положеніе мое, не рѣшился прямо открыться мнѣ въ ней и тѣмъ избавилъ меня отъ грустной необходимости отказать ему. Тогда естественно между нами уже не могло бы быть прежней искренности и я лишилась бы въ немъ единственнаго друга и это въ настоящую минуту было бы для меня тяжело. Да и теперь отношенія наши ужъ будутъ не тѣ: въ нихъ проглянула задняя мысль и я должна буду расчитывать каждый шагъ, взвѣшивать каждое слово, чтобы не дать ему и малѣйшаго повода растолковать его себѣ иначе или дать значеніе, котораго я давать ему не хотѣла,—словомъ должна буду съ нимъ быть постоянно на сторожѣ, а при такомъ натянутомъ положеніи искренности быть не можетъ.» Часто и въ слѣдующіе за этимъ объясненіемъ дни Оленька невольно возвращалась къ этой мысли и все грустнѣе и грустнѣе становилось у ней на сердцѣ.

Въ одно утро сидѣла она въ саду на любимомъ мѣстѣ

своемъ у берега пруда и читала какую-то книгу, но сколько ни старалась сосредоточить на ней мысли свои, онѣ блуждали далеко и она, опустивъ книгу на колѣни, предалась преслѣдовавшей ее думѣ, какъ вдругъ послышался стукъ отъѣзжавшаго отъ крыльца экипажа. «Ужъ не Павелъ ли Яковлевичъ?» подумала она. Сердце ея тревожно забилось и она не знала радоваться ли ей его пріѣзду или нѣтъ. «Но не можетъ быть, раздумала она тутъ же, онъ аккуратенъ и раньше десяти дней, какъ сказалъ, не пріѣдетъ. Кто же бы это могъ быть?» —И, вспомнивъ, что отецъ ея былъ въ полѣ, а мать варила въ кладовой варенье, Оленька сложила книгу и, кликнувъ лежавшаго на солнцѣ Дозора, пошла домой встрѣтить нежданнаго гостя; но едва поворотила она въ ведшую отъ пруда къ дому аллею, какъ встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Аркадіемъ.

Здѣсь я долженъ воротиться нѣсколько назадъ и перенестись съ читателемъ въ Бакланы, которые мы оставили со дня отъѣзда изъ нихъ Оленьки.

XXI.

Читатель уже знаетъ съ какою цѣлію поѣхалъ Аркадій къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ; но если бы кто тогда спросилъ его имѣлъ ли онъ серіозное намѣреніе преслѣдовать ее, онъ, положа руку на сердце, конечно затруднился бы дать на вопросъ этотъ категорическій отвѣтъ.

— Страсть же у этихъ тетушекъ и матушекъ всѣхъ женить да за мужъ выдавать, разсуждалъ онъ самъ съ собою, лѣниво покачиваясь въ своей Шитовской коляскѣ. И что имъ отъ этого? Удивительнѣе всего, что и родитель за ними туда же. Ужъ не боятся ли они въ самомъ дѣлѣ, чтобы я не женился на какой нибудь Эрнестинкѣ или Оленькѣ? Вѣдь долж-

ны же они понимать, что я не какой нибудь безрасчетный дуракъ или молокососъ, только что сорвавшійся со школьной скамьи. Слава Богу! Потаскался по свѣту, насмотрѣлся на жизнь и на людей. Могу увлечься, надѣлать тысячу глупостей, но не такую капитальную. А впрочемъ я очень радъ. Немного раненько: ну да чтоже въ этомъ? Женитьба не есть еще отреченіе отъ міра и его удовольствій: женатый человѣкъ въ дѣйствіяхъ своихъ еще пожалуй свободнѣе нашего брата,—надо лишь умѣть какъ себя сначала поставить, Je suis bon enfant,—готовъ дать женѣ полную свободу, лишъ бы она меня въ дѣйствіяхъ моихъ не стѣсняла. Это и справедливо и либерально и какъ нельзя больше для обоихъ удобно, а къ томуже и современно. А вотъ посмотримъ, да подумаемъ. Впрочемъ, если правда, что у нея на полмиліона состоянія, фамильными брилліантами можно ведро верхомъ насыпать, да у матери отъ гамзы сундуки ломятся; такъ тутъ много и раздумывать нечего. Къ тому же Вава и собой не дурна,—въ бальномъ платьѣ должна даже произвесть эффектъ. Beauté du diable, это правда; ну да что за дѣло. Лѣтъ на пять хватитъ; а тамъ il y a tant de jolies femmes partout. Ко всему этому есть родство и связи; а это не мѣшаетъ: можетъ быть еще вздумаю себѣ карьеру службою составить,—ктожъ ее знаетъ. Разумѣется я женюсь не иначе какъ съ условіемъ, чтобы при существительномъ было тотчасъже выдано и прилагательное. Хорошъ и журавль въ небѣ; а синица въ рукахъ лучше. Et puis les bons comptes font les bons amis. Со временемъ я и самъ буду имѣть неменьше Вавы: да это еще futur conditionnel; родитель до сихъ поръ на ночь для исправленія желудка перепеченыя яйца кушаетъ, да квасомъ запиваетъ. А въ послѣдній разъ еще объявилъ, что больше долговъ моихъ платить не станетъ.—И изволь себѣ жить на раціонѣ какъ знаешь;—вещь крайне неудобная: on a l'air d'un écolier en vacances. А тутъ какъ приберешь все разомъ къ рукамъ, да сдѣ-

лаешь какъ слѣдуетъ ампоше,—святое дѣло; самъ себѣ панъ, никого знать не хочешь. Главное: on est maitre de ses actions. Понадобились деньги, заложилъ имѣніе; мало,—по боку его. И потомъ ведро верхомъ фамильныхъ бриліантовъ. Est ce que ce n'est pas stupide: беречь столько этой прадѣдовской дряни только для того, чтобы имѣть необъяснимое удовольствіе любоваться ею? Всякій мертвый капиталъ требуетъ оживленія. Пустимъ его въ оборотъ. Это необходимо даже въ видахъ государственной экономіи. А тамъ какъ все это подберется, подоспѣютъ и Бакланы съ родительскими капиталами; а ихъ должно быть не мало. Весь вѣкъ свой копилъ, доходовъ и половины не проживаетъ,—все въ сторону откладываетъ, чтобы мнѣ побольше чѣмъ помянуть себя оставить. Чтожъ,—помянемъ, какъ слѣдуетъ.—Нѣтъ; кто что ни говори, а хорошо жить на свѣтѣ; надо лишь умѣть пользоваться его благами.

«И что сидѣлъ я здѣсь сиднемъ цѣлыхъ три мѣсяца, сказалъ онъ вдругъ съ досадой, возвратясь изъ міра фантазій къ дѣйствительности. Ухаживалъ за этой дѣвчонкой, селадонничалъ, — и чѣмъ же все это кончилось? какою то глупой сценой, чуть не скандаломъ. Завлекла меня новость положенія,—идиллическая любовь. И какихъ пошлостей я не продѣлалъ? Прикинулся влюбленнымъ, виталъ съ нею въ поднебесьи, восхищался видами и красотами природы, декламировалъ допотопные стихи Жуковскаго и Пушкина, катался въ лодкѣ и прогуливался ins Gruene, — даже спасъ ее отъ какого-то карася, — и наповѣрку вышло, что я выдѣлывалъ всѣ эти продѣлки, что называется, pour le roi de Prusse. Вспомнить стыдно. Въ послѣдней неудачѣ я впрочемъ самъ виноватъ: повернулъ вдругъ слишкомъ круто. А если разсудить хорошенько, такъ и поступить нельзя было иначе: смѣшно было бы бросить одно дѣло, не окончивъ его какъ слѣдуетъ и приняться за другое. Ну, да хорошо. Je ne me tiens pas encore pour battu: partie remise не есть еще partie perdue. На-

до будетъ повесть аттаку иначе. Какъ женюсь на Вавѣ, сближу ее съ ней и настрою, чтобы она уговарила ее ѣхать съ нами въ Петербургъ; а разъ въ Петербургѣ, тамъ и стѣны помогутъ.» И Аркадій самодовольно улыбнулся своей счастливой мысли. «А славная будетъ содержанка, продолжалъ онъ фантазировать. Je tiendrai deux trains de maison: одинъ оффиціальный, другой закулисный. On aura son petit cercle Разумѣется надо ее будетъ сначала немного повыдресировать. Ну да за этимъ дѣло не станетъ: на то есть пріятели. — А все не то что француженки: тѣ на это рождены. Ça vous suce, ça vous gruge, — это правда: но, да и есть за что se laisser gruger. И онъ предался сладкимъ воспоминаніямъ о такъ весело проведенной имъ послѣдней зимѣ въ Петербургѣ. «Да, заключилъ онъ, живи пока живется и устраивай жизнь свою такъ, чтобы тебѣ было хорошо, по пословицѣ: всякій для себя, одинъ Богъ для всѣхъ; c'est le vrai principe des sages. Да я и не вѣрю, чтобы эти поборники гуманности дѣйствительно вѣрили и сочувствовали тому, о чемъ такъ усердно проповѣдуютъ: всѣ эти либеральныя да гумманныя идеи хороши на словахъ, чтобы пыль въ глаза пускать, а прилагать ихъ къ жизни, а тѣмъ болѣе утѣшаться плодами, которые они должны принесть лѣтъ черезъ тысячу,—чистое сумашествіе. Да и какое мнѣ дѣло до того, что будетъ послѣ меня? Après moi le deluge.

Не станемъ слѣдить за Аркадіемъ въ поѣздкѣ его къ княгинѣ Татьянѣ Юрьевнѣ; скажемъ только, что результатъ поѣздки этой былъ вполнѣ удовлетворительный: онъ умѣлъ понравиться и княгинѣ и княжнѣ Вавѣ, сближенію съ которой, какъ не ошиблась въ расчетахъ своихъ Марья Петровна, много способствовали репетиціи къ готовившемуся домашнему спектаклю. Да, строго говоря, и не было причины, почему онъ могъ бы имъ не понравиться: онъ соединялъ въ себѣ всѣ нужныя для того внѣшнія качества и достоинства; сердце

же такой потаенный ларецъ, проникнуть въ который посторонпему человѣку трудно, если самъ хозяинъ не откроетъ его или какъ нибудь не нападешь на секретную пружинку, посредствомъ которой онъ открывается; а Аркадій былъ искусный актеръ: сердца своего никому безъ надобности не открывалъ и умѣлъ показаться тѣмъ, чѣмъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ казаться считалъ нужнымъ. Къ тому же онъ имѣлъ при себѣ прозорливаго ментора и опытнаго въ предстоявшемъ ему дѣлѣ эксперта въ лицѣ тетушки Марьи Петровны. а она такъ довольна была образомъ его дѣйствій во все время пребыванія ихъ въ Красносельѣ, что совершенно позабыла о надѣланныхъ имъ ей въ Кудеяровѣ дерзостяхъ. Впрочемъ въ характерѣ ея была та особенность что, злоязычничая не по злобѣ, а по привычкѣ или по какому-то врожденному влеченію, она также скоро забывала какъ дѣлаемыя ею, такъ и получаемыя оскорбленія.

Въ Бакланахъ ждали возвращенія Аркадія съ нетерпѣніемъ, даже ложились спать позже обыкновеннаго, такъ какъ по расчетамъ Софьи Львовны онъ долженъ былъ пріѣхать непремѣнно ночью. Дѣйствительно такъ и случилось: онъ пріѣхалъ далеко за полночь и засталъ ее еще у отца въ кабинетѣ.

— Ну что? спросила она, задыхаясь отъ волненія.

— Пока все идетъ хорошо, отвѣтилъ Аркадій. Вотъ письмо отъ тетушки Марьи Петровны, изъ котораго вы узнаете подробно о результатахъ поѣздки.

Софья Львовна взяла письмо и прочла его мужу вслухъ.

Марья Петровна писала, что княжна и княгиня отъ Аркадія безъ ума,—но княгиня рѣшительнаго ничего сказать не можетъ, пока не познакомитъ его съ родными своими и не посовѣтуется съ ними. Имѣніе она уже все раздѣлила между дочерьми, оставивъ себѣ лишь домъ въ Москвѣ. На будущей недѣлѣ уѣзжаетъ въ свою подмосковную, заключала она; посылайте туда Аркадія и дѣло кажется уладится

— Терпѣть не могу этихъ фамильныхъ совѣщаній, сказалъ Баклановъ; какъ будто она дочери своей не мать. Нѣтъ; надо еще посовѣтоваться, да перешептаться съ агнатами и когнатами. А помоему коли любишь, прикажи, а не любишь откажи.

— Нельзя же, вступилась Софья Львовна: дѣла эти такъ скоро не дѣлаются.

— — Почему-жъ не дѣлаются? А какъ я за тебя посватался?

— Тогда было время; а теперь другое.

— Тутъ не время, а глупая фанаберія: нельзя, дескать, такъ сразу въ родство свое принять,—надо прежде съ родословной справиться. Слава Богу, родъ нашъ не хуже ихняго Честь чтоли въ самомъ дѣлѣ какую намъ дѣлаютъ?

— И вовсе они не о томъ хлопочутъ; они его самого хотятъ разсмотрѣть хорошенько.

— А его что разсматривать? Понравился невѣстѣ съ матерью, и дѣло въ шляпѣ. И съ кѣмъ она тамъ будетъ совѣтоваться? Князь Василій глупъ какъ лукошко: кромѣ скачекъ да англійскаго клуба ни о чемъ понятія не имѣетъ; у княгини Марьи Ильинишны своихъ пять дочерей и какъ сбыть ихъ съ рукъ не знаетъ; о князѣ Персилѣ и говорить нечего,— двухъ словъ связать не умѣетъ; Григорій-же Юрьевичъ для какихъ нибудь поглядушекъ изъ Петербурга конечно не поѣдетъ. Кому же будетъ она его показывать и съ кѣмъ станетъ разсматривать? Все вздоръ,—жеманство одно.

И Баклановъ, заложивъ руки за спину, сталъ, молча, сновать изъ угла въ уголъ.

— Да тебѣ-то она нравится? спросилъ онъ вдругъ, остановясь прямо противъ Аркадія.

Вопросъ сдѣланъ былъ такъ неожиданно, что тотъ сразу не нашелся что отвѣтить на него.

— Ничего, едва внятно пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— А ничего, такъ и съ Богомъ, заключилъ Александръ Васильевичъ. Чтобы жениться влюбляться нечего, — хуже: амуръ, говорятъ, слѣпой, а рукой его водитъ дурачество. Я и самъ въ твою мать влюбленъ никогда не былъ: а слава Богу, почти четверть вѣка прожили. А если ужъ такъ благоугодно ея сіятельству, добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія: чтожъ поѣзжай къ ней въ подмосковную. Пускай консиліумъ собираютъ, да на ставку тебя ставятъ,—авось найдутъ и гожимъ. Недѣлю эту поживи съ нами, а тамъ и въ путь. А теперь время и спать; ужъ скоро два часа.

На другой день съ ранняго утра Лиза ждала Аркадія въ гостинной.

— Ты знаешь, встрѣтила она его въ дверяхъ, вѣдь Оленька уѣхала отъ насъ совсѣмъ.

— Слышалъ, сказалъ Аркадій. Какая же причина?

— Говорятъ, мать увезла ее, чтобы выдать замужъ.

— Какъ выдать? Въ нынѣшнихъ словаряхъ такого и слова нѣтъ.

— Стало быть надѣется уговорить ее.

— За когоже?

— Говорятъ за Погорѣлова. Помнишь....

— Знаю. Чтожъ, мущина хорошій и фамилія, если не громкая, за то съ сюжетомъ.

— Человѣкъ, какъ я слышала, дѣйствительно очень хорошій, сказала Лиза, оскорбленная какъ равнодушіемъ, съ которымъ Аркадій принялъ сообщенную ею новость, такъ и тономъ сдѣланнаго имъ замѣчанія.

— А если такъ, то пошли имъ Богъ совѣтъ и счастіе.

— И тебѣ ея не жаль? спросила укоризненно Лиза.

— Чтожъ ее жалѣть, если этотъ Погорѣловъ, какъ ты говоришь, въ самомъ дѣлѣ хорошій человѣкъ.

— Стало быть ты ужъ не любишь ее?

— Еслибы не любилъ. развѣ сталъ бы я желать ей счастія.

Лиза грустно посмотрѣла на него.

— Я думала—ты не такъ любишь ее, сказала она, вздохнувъ; въ голосѣ ея слышались слезы. А она, уѣзжая, и письмо тебѣ оставила. Не знаю ужъ отдавать ли тебѣ его.

— Какъ? Письмо? Voyons ce que c'est.

Онъ взялъ изъ рукъ Лизы извѣстное читателю письмо и, прочитавъ, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, сгибая и перегибая его и насвистывая какую-то арію. Лиза сѣла на диванъ и молча слѣдила за нимъ.

— Можно прочесть? спросила она нерѣшительно.

— Почему же нѣтъ, отвѣтилъ Аркадій, бросивъ ей на колѣни свернутаго изъ письма пѣтушка.

— О какомъ же это такомъ послѣднемъ твоемъ поступкѣ говоритъ она? спросила Лиза, пробѣжавъ письмо.

— Une folie, отвѣтилъ Аркадій, продолжая ходить по комнатѣ.

— Какая же folie, если она такъ сильно оскорбилась имъ. Стало быть вы съ ней поссорились.

Тутъ вспомнила она, какъ Оленька выбѣжала къ ней на встрѣчу изъ бесѣдки совершенно растерянная, какъ поразили ее тогда ея смущенный видъ и несвязность отвѣтовъ, и, опустивъ письмо на колѣни, она въ недоумѣніи смотрѣла на Аркадія выкатившимися отъ страха глазами.

— Ecoutez donc, спросила она его едва внятнымъ голосомъ, въ которомъ слышались и испугъ и упрекъ и недовѣріе къ собственному предположенію. Vous seriez — vous emporté au point de....

— De l'avoir frappée, договорилъ Аркадій, разразившись громкимъ хохотомъ.

— Etes vous naive, Lise, a-t-on jamais vu un homme qui se respecte tant soit peu battre sa femme.

— Но вѣдь сдѣлалъ же ты что нибудь такое, что такъ оскорбило ее?

— Et bien je lui ai donné un petit baiser d'adieu, et voila tout, сказалъ Аркадій полухвастливымъ, полунебрежнымъ тономъ.

— Un baiser! повторила въ ужасѣ Лиза. Ah! quelle honte зарыдала она, закрывъ лицо руками.

— Съ вами ни о чемъ говорить нельзя,—сей часъ вздохи да слезы, сказалъ съ досадою Аркадій и вышелъ изъ комнаты.

Признаніе Аркадія, а еще больше тонъ, съ которымъ оно было сдѣлано, до того возмутили и оскорбили нравственное чувство Лизы, что она не могла превозмочь себя и долго неутѣшно плакала.

— Опять слезы, сказала съ неудовольствіемъ, проходя чрезъ гостинную, Софья Львовна. У меня и безъ того отъ этихъ ожиданій да проводовъ всѣ нервы разстроены; а тутъ еще... это что? Вѣрно отъ Оленьки, продолжала она, поднимая съ пола соскользнувшее съ колѣнъ Лизы письмо.

Лиза хотѣла схватить его, но уже было поздно; оно было въ рукахъ Софьи Львовны.

— Такъ и есть. Что это значитъ *вы*? говорила она, читая его. Стало быть она это не къ тебѣ пишетъ? А, понимаю... какой же такой поступокъ? вопросительно взглянула она на Лизу.

— Право не знаю, maman, едва могла проговорить та.

— Не знаешь. О чемъ же ты такъ плакала?

— Я плакала, потому что.....

И она снова зарыдала.

— Ну и не нужно, сказала съ сердцемъ Софья Львовна, также охотно плакавшая сама отъ всякаго вздора, какъ не любившая видѣть чужія слезы. Я и безъ тебя узнаю.

И съ письмомъ въ рукѣ она ушла въ свою комнату.

Лиза была въ отчаяніи. Она черезъ оплошность свою выдала тайну, сохраненіемъ которой такъ дорожила, — компрометировала единственное существо въ мірѣ, которое ее любило и которое сама она чуть не боготворила. Если бы она успѣла выхватить это письмо изъ рукъ матери, она положила себѣ тутъже изорвать его въ мелкіе клочки и выбросить за окно. чтобы ихъ и собрать было нельзя. Она очень хорошо понимала какія изъ этаго могли выйти грустныя для нея послѣдствія; но въ эту критическую минуту она, отъ природы робкая, апатичная, дрожавшая подъ взглядомъ матери, чувствовала въ себѣ какія то до того незнакомыя ей силы и готова была на все. Къ сожалѣнію случилось это тавъ неожиданно, что она спохватиться не успѣла. Хотѣла она идти къ Аркадію, чтобы предупредить его, но боялась признаніемъ своимъ лишиться его довѣрія, которое было ей въ настоящую минуту такъ дорого не для нея самой конечно, а все для Оленьки же. Къ тому же она была увѣрена, что Софья Львовна дальнѣйшаго хода письму этому не дастъ; можетъ быть побранитъ Аркадія, но отцу ни въ какомъ случаѣ не покажетъ, — вѣрнѣе-же всего по случаю предстоявшей женитьбы Аркадія и ему не скажетъ ни слова. Зачѣмъ же, думала она, стану я раздувать это дѣло? И потому сочла лучшимъ молчать.

Лиза и ошиблась въ своихъ предположеніяхъ и нѣтъ. Софья Львовна, заручившись письмомъ, хотѣла тотчасъже показать его мужу какъ неоспоримое доказательство того, что опасенія ея на счетъ отношеній Аркадія къ Оленькѣ были вполнѣ основательны и что слѣдовательно она хорошо сдѣлала выпроводивъ ее изъ Баклановъ, такъ какъ онъ уже не разъ говорилъ ей, что они поступили съ Оленькой не такъ, какъ слѣдовало поступить съ дѣвушкой, взятой ими въ домъ вмѣсто дочери и не исполнили всѣхъ принятыхъ на себя въ отношеніи къ ней обязательствъ. Старикъ инстинктивно чувствовалъ, что причины, объясненныя Глафирой Аресвной, не

были настоящими причинами, заставившими ее увезть отъ нихъ дочь, подозрѣвалъ даже не вошла ли съ ней по этому предмету тайно отъ него въ соглашеніе Софья Львовна, такъ въ самомъ дѣлѣ неожиданно скоро случился этотъ увозъ и такъ вполнѣ согласовался съ ея желаніемъ. Какъ человѣка прямаго, подозрѣніе это очень тяготило его и если онъ ей тогда же его не высказалъ, то потому что случайнымъ образомъ узналъ объ обстоятельствѣ давшемъ дѣлу совершенно другой видъ. Онъ узналъ, что за день до пріѣзда Глафиры Андреевны Оленька посылала къ ней съ письмомъ нарочнаго; это естественно навело его на мысль, что пріѣздъ этотъ вызванъ былъ ею, а отсюда онъ уже пришелъ прямымъ путемъ хотя и къ гадательному еще заключенію о настоящей причинѣ отъѣзда Оленьки, что конечно еще болѣе возвысило ее въ его глазахъ и заставило еще менѣе давать вѣры взводимымъ на нее обвиненіямъ.

Софья Львовна уже шла съ перехваченнымъ ею письмомъ къ мужу, какъ, прочитавъ его еще разъ, измѣнила свое намѣреніе: ее остановилъ упоминавшійся въ немъ поступокъ Аркадія. Она знала, что старикъ этаго такъ не оставитъ. «Пожалуй, думала она, окажется въ самомъ дѣлѣ что нибудь серіозное и онъ, чего добраго, еще заставитъ Аркадія жениться на Оленькѣ.» На основаніи этого соображенія она рѣшила запереть письмо въ шкатулку и до поры до времени держать его у себя какъ камень за пазухой. Съ Аркадіемъ же до отъѣзда его въ Москву разсудила лучше объ этомъ не говорить. «Къ чему, спрашивала она себя, стану я доискиваться истины? Когда онъ женится на княжнѣ Вавѣ, да Оленька выйдетъ за мужъ,—тогда если между ними и въ самомъ дѣлѣ что было, все будетъ шито да крыто.»

XXII.

Черезъ недѣлю Аркадій уѣхалъ въ Москву, давъ слово старикамъ увѣдомлять ихъ какъ можно чаще о ходѣ такъ интересовавшаго ихъ дѣла и дѣйствительно извѣстія отъ него приходили аккуратно черезъ каждые два дня. Само собою разумѣется, что они ожидались и читались въ Бакланахъ съ тѣмъ же нетерпѣніемъ и лихорадочно возбужденнымъ любопытствомъ съ какими во время войны ожидаются и читаются бюллетени съ театра военныхъ дѣйствій. Аркадій описывалъ въ нихъ поѣздки свои въ подмосковную княгини, знакомство съ будущими своими родными, не упуская малѣйшихъ мало мальски интересныхъ подробностей и, судя по нимъ, дѣло казалось шло успѣшно. Софья Львовна была въ восторгѣ.

— Подожди еще восторгаться-то, говорилъ ей Александръ Васильевичъ, цыплятъ по осени считаютъ: хлѣбъ, пока стоитъ въ полѣ на корню, не больше какъ трава.

Такъ продолжалось первыя двѣ недѣли; на третью, хотя письма приходили съ тоюже аккуратностью, въ нихъ не было уже прежней искренности и самоувѣренности, — видна была какая-то сдержанность; въ сообщеніяхъ своихъ Аркадій былъ кратокъ, точно боялся, войдя въ подробности, выдать себя и помимо воли высказать то, что было у него на сердцѣ. Старикъ первый замѣтилъ это.

— А что-то барометръ какъ будто сталъ опускаться, сказалъ онъ женѣ, прочитавъ одно изъ послѣднихъ писемъ.

— Не можетъ же онъ вѣкъ на одной точкѣ стоять, отвѣтила та тономъ опытнаго въ дѣлѣ эксперта: у любви какъ у погоды, есть свои ведренные, есть и ненастные дни. Видно, что ты никогда влюбленъ не былъ.

— Да признаться въ эти глупости и не вѣрю. Ну что онъ тамъ о сю пору селадонничаетъ и не дѣлаетъ предложенія?

Съ роднею со всею перезнакомился, — разсмотрѣть его давно ужъ успѣли вдоль и поперекъ. Чтожъ безъ толку канитель тянуть.

Прошла еще недѣля.

— А дѣло-то кажется вовсе дрянь, сказалъ Баклановъ прочитавъ женѣ только что полученное отъ Аркадія письмо.

На этотъ разъ Софья Львовна промолчала: она видѣла, что дѣло дѣйствительно пошло какъ-то неладно.

На другой день въ спальнѣ ея снова послышался запахъ лаврово-вишневыхъ капель; Александръ Васильевичъ все утро проходилъ молча по залѣ съ сигарою въ зубахъ и заложенными за спину руками. Къ обѣду пріѣхала Марья Петровна.

— Ну что нашъ Ловеласъ? спросила она, поздоровавшись съ хозяевами,—такъ называла она Аркадія. Вернулся съ носомъ.

— Онъ еще не пріѣзжалъ, сказалъ Баклановъ.

— Странно; чтоже онъ такъ дѣлаетъ, когда нареченная невѣста его выходитъ за другаго?

— Какъ? спросили въ одинъ голосъ озадаченные старики.

— Да также, какъ выходятъ. Или на вашемъ Аркадіѣ свѣтъ клиномъ сошолся? И по дѣломъ ему: когда ухаживаютъ за порядочною дѣвушкою съ цѣлью на ней жениться, по цыганкамъ не ѣздятъ, публично съ содержанками подъ ручку не гуляютъ и ночи на пролетъ за картами не просиживаютъ

— Мы ничего не знаемъ, сказалъ въ недоумѣніи Баклановъ.

— Гдѣ же вамъ знать, сидя въ четырехъ стѣнахъ вашего неприступнаго замка и не видя круглый годъ души человѣческой.

— Откуда же ты-то знаешь? спросила Софья Львовна.

— Не даромъ прозвала ты меня сѣверною пчелою: вотъ я всюду съ чего могу медъ собираю, да имъ друзей своихъ и угощаю.

— Хорошо угощеніе, промычалъ сквозь зубы Александръ Васильевичъ.

-- Ну ужъ не прогнѣвайтесь,—какое есть

— Да вѣрно ли еще это? снова спросила недовѣрчиво Софья Львовна.

— Я привезла съ собою и свои pièces justificatives, сказала Кудеярова, вынимая изъ кармана два письма. Вотъ это отъ сестры Вѣры, а это отъ самой княгини Татьяны Юрьевны.

Софьа Львовна взяла ихъ дрожащею рукою и пробѣжала.

— Ну что теперь повѣрила, Ѳома невѣрный? продолжала Марья Петровна. Ну, посудите сами, на что это похоже? Пріѣзжаетъ княгиня съ дочерьми въ Москву и отправляется съ ними въ Петровскій на дачу къ княгинѣ Марьѣ Ильинищнѣ. Вечеромъ пошли онѣ цѣлымъ обществомъ гулять въ паркъ, какъ вдругъ встрѣчаютъ лицомъ къ лицу нашего Ловеласа подъ руку съ какою-то извѣстною всей Москвѣ содержанкой. Это конечно страшно всѣхъ взволновало. Вѣдь мы Москвичи ретрограды, держимся старыхъ традицій и всѣхъ этихъ распущенностей нынѣшнихъ нравовъ не признаемъ и среди себя не допускаемъ. Княгиня тутже стала наводить справки и нашлись конечно злые языки, которые насказали то, чего, можетъ быть, никогда и не было. Узнала они и про Петербургскую исторію съ Эрнестинкой и о томъ какъ баловникъ отецъ за блуднаго сына до ста тысячъ долговъ заплатилъ. Вывели на сцену и Ольгушку: какъ съ ней Аркадій амурничалъ, ѣздилъ вдвоемъ видами любоваться, по ночамъ по парку прогуливался, какъ она его у себя въ комнатѣ en cachette принимала да въ бесѣдкѣ съ нимъ цѣловалась.

— Ложъ, перебилъ ее, побагровѣвъ, Баклановъ.

— Ахъ батюшки! Вы-то почему знаете, что это ложь?

— Потому что мы взяли Оленьку къ себѣ въ домъ вмѣсто дочери и слѣдили за нею какъ за родною дочерью.

— Да развѣ за дѣвкой услѣдишь?

— За нею и слѣдить было нечего, продолжалъ взволнованнымъ голосомъ старикъ. Я знаю ее: она дѣвушка съ благороднымъ сердцемъ и возвышенною душою, что она недавно еще доказала самымъ неопровержимымъ образомъ. Полюбить Аркадія она могла; но дѣйствовать такъ, какъ вы говорите, она положительно неспособна.

— Скажите пожалуста? Да она и теперь съ нимъ въ перепискѣ; можетъ быть она его и отъ сватовства-то за Ваву отклонила.

— Не можетъ быть, сказалъ, задыхаясь отъ сдерживаемаго негодованія, Баклановъ.

— Не правда? обратилась Марія Петровна къ Софьѣ Львовнѣ.

— Ничего не знаю, едва могла та проговорить, окончательно растерянная. Она смотрѣла на Кудеярову въ недоумѣніи, смѣшанномъ съ какимъ-то необъяснимымъ чуть не суевѣрнымъ страхомъ: все что она сказала объ отношеніяхъ Аркадія къ Оленькѣ было, можетъ быть, преувеличено, искажено, но имѣло свое основаніе и пожалуй свою долю правды. Аркадій разъ дѣйствительно ѣздилъ съ ней верхомъ на рѣчку любоваться видами и, если по ночамъ съ ней вдвоемъ по парку никогда не гулялъ, то поздними вечерами въ сопровожденіи Лизы прогуливался очень часто. En cachette у себя въ комнатѣ Оленька его никогда не принимала; но въ тотъ день, когда отецъ оставилъ его безъ обѣда, онъ дѣйствительно тайкомъ отъ него обѣдалъ у нея въ комнатѣ и хотя тайну эту знали въ домѣ всѣ, но для него она такъ таки и осталась тайной. А потому, строго говоря, ни одного изъ этихъ обвиненій положительно отвергать было нельзя. Тоже самое и съ перепиской: велась ли между Аркадіемъ и Оленькой постоянная переписка она не знала; но что она писала къ нему—доказательство тому лежало у нея въ шкатулкѣ. Наконецъ не знала она до

сихъ поръ о томъ, что былъ за оскорбительный поступокъ, о которомъ говорила Оленька въ письмѣ своемъ. и ничего не было мудренаго. что всевѣдущая Марія Петровна, утверждая, что Аркадій цѣловалъ Оленьку, объ немъ и говорила. Всѣ эти соображенія съ быстротою молніи промелькнули въ головѣ Софьи Львовны. «Откуда она все это знаетъ? спрашивала она себя.

— Послушайте, сестра, сказалъ Баклановъ, остановясь прямо противъ Кудеяровой. Чтобы обвинять кого либо, а тѣмъ болѣе дѣвушку, въ томъ, въ чемъ вы обвиняете Оленьку, надо имѣть въ рукахъ самыя вѣрныя и неопровержимыя доказательства. Вспомните, что она бѣдная дѣвушка, все богатство которой состоитъ въ добромъ имени и что для защиты ея чести у нея лишь престарѣлый отецъ, лежащій на смертномъ одрѣ вслѣдствіе доблестныхъ ранъ, полученныхъ имъ на полѣ битвы и что слѣдовательно обвинять ее голословно лишь на основаніи какихъ либо невѣрныхъ слуховъ есть дѣло недостойное благороднаго человѣка.

— Такихъ положительныхъ доказательствъ, какъ тѣ. какія я сейчасъ представила Sophie, я конечно не имѣю, такъ какъ я за отношеніями Аркадія къ Ольгушѣ не слѣдила, но все, что я вамъ сказала, знаю я изъ вѣрныхъ источниковъ, да и сама я имѣю на эти вещи вѣрный взглядъ, который меня никогда еще не обманывалъ и, если вы дадите себѣ трудъ все сказанное мною хорошенько провѣрить, увидите сами права ли я или нѣтъ.

Баклановъ задумался.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, еслибы во всемъ этомъ и была своя доля правды, то все таки виновата въ томъ конечно не она. За кого же выходитъ за мужъ княжна Варвара? спросилъ онъ вдругъ, видимо для того чтобы перемѣнить разговоръ.

— За какого-то Картенева.

— За какого это Картенева? спросилъ онъ, снова остановясь передъ Кудеяровой. Ужъ не за сына ли Михаила Степановича.

— Дѣйствительно зовутъ его кажется Александромъ Михаиловичемъ.

Это совершенно сразило старика. Надо сказать, что въ кругъ его міросозерцанія или вѣрнѣе взгляда на жизнь входило что то похожее на идею о мѣстничествѣ съ тою только разницею, что въ идеѣ этой главную роль играли не чины или должности, которыя занимали отецъ или дѣдъ даннаго лица, а ихъ положеніе въ обществѣ и почетъ, которымъ они въ немъ пользовались. Надо же было такъ случиться, что отецъ Кортенева, жениха княжны Вавы (если только этотъ послѣдній былъ дѣйствительно сынъ того Картенева) служилъ въ одно время съ Баклановымъ въ гвардіи и, не говоря уже о томъ, что былъ какого-то темнаго происхожденія, пользовался незавидною репутаціею картежнаго игрока и шулера: не разъ имѣлъ онъ скандальныя исторіи, вслѣдствіе которыхъ чуть не былъ выгнанъ изъ полка обществомъ офицеровъ и нетолько что не былъ принятъ ни въ одномъ порядочномъ домѣ, съ нимъ избѣгали встрѣчи и въ публичныхъ мѣстахъ. И вдругъ сынъ этого самаго Картенева, мало того что становится рядомъ съ его сыномъ искателемъ руки княжны Вавы, но — о посрамленіе роду Баклановыхъ, — предпочитается ему. Самолюбіе старика было сильно затронуто.

— Но какъ же княжна и ея родные могли дать согласіе на такой неровный бракъ? спросилъ онъ въ недоумѣніи.

— А развѣ вы про него что нибудь такое знаете?

— Про молодаго человѣка я ровно ничего не знаю; но вѣдь княгиня аристократка до мозга костей, гордится своимъ знатнымъ родствомъ, держится фамильныхъ традицій и вдругъ .. Скажите наконецъ какже все это могло такъ скоро устроиться?

— Это сдѣлалось вовсе не такъ скоро. Картеневъ уже болѣе года какъ ухаживалъ за Вавой: но на него до сихъ поръ не обращали никакого вниманія; встрѣча же съ Аркадіемъ въ паркѣ такъ, говорятъ, на нее сильно подѣйствовала, что она въ тотъ же вечеръ дала слово Картеневу экспромптомъ par dépit.

— Чудеса, сказалъ Баклановъ, пожавъ плечами.

— Да; я и позабыла вамъ сказать, продолжала Кудеярова;— если сынокъ вашъ и прозѣвалъ руку Вавы, за то, говорятъ, въ страшномъ выигрышѣ: съ одного князя Грегри выигралъ сорокъ тысячъ и денежки всѣ съ его попечителя чистоганомъ получилъ.

— Какъ съ попечителя? спросилъ Баклановъ, совершенно ошеломленный этимъ новымъ извѣстіемъ.

— Вѣдь князь Грегри несовершеннолѣтній, нѣтъ ни отца, ни матери; такъ попечитель за него и расплачивался. Представьте: пріѣхалъ въ Москву на скачки, да триста тысячъ въ одинъ вечеръ и ухнулъ. Противъ него, говорятъ, подобрана была цѣлая компанія.

Это было для старика coup de grâce. Сынъ его, Баклановъ, обыгралъ въ компаніи съ шулерами и кого же? несовершеннолѣтняго. Конечно во сто разъ легче было бы для него, еслибы онъ самъ проигралъ эти триста тысячъ. Онъ чувствовалъ какъ полъ заходилъ у него подъ ногами, закружилась голова, краска стыда и негодованія выступила на щекахъ багровыми пятнами; онъ едва могъ невѣрными шагами дойти до кабинета и почти безъ чувствъ упалъ на диванъ.

Сильно взволнована была этимъ извѣстіемъ и Софья Львовна. Ее впрочемъ не столько возмущалъ фактъ обыгранія сколько тревожила мысль, что если Аркадій могъ въ одну ночь выиграть такую сумму, то точно также могъ и проиграть ее.

— Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ такой игрокъ? проговорила она едва внятнымъ голосомъ.

— Страшный. Говорятъ готовъ двое сутокъ просидѣть, не вставая, за карточнымъ столомъ. Долго думаешь ты удержатся у него эти выигрышныя деньги? онъ ихъ можетъ быть ужъ и спустилъ. Ce qui vient par la flute s'en va par le tambour,—дѣло извѣстное. А то такъ и своихъ еще прибавилъ. Вамъ надо непремѣнно скорѣе женить его: авось женится, перемѣнится.

— Хотѣла,—не удалось, сказала, какъ бы оправдываясь, Софья Львовна.

— Не удалось разъ, удастся въ другой. А у меня какъ разъ и невѣста есть на примѣтѣ, пожалуй не хуже Вавы.

— Ктожъ такая?

— А вотъ послушай.

И у матушки съ тетушкой началось совѣщаніе. Рѣшено было Аркадія по возвращеніи его изъ Москвы прислать въ Кудеярово; остальное брала на себя Марья Петровна.

— Пришлите же ко мнѣ вашего enfant prodigue, какъ вернется подъ отчій кровъ, говорила она, прощаясь съ Александромъ Васильевичемъ.

Задумавъ разъ планъ сватовства, она до тѣхъ поръ не была покойна, пока не приводила его въ исполненіе.

— Это его долгъ, отвѣтилъ тотъ, и онъ конечно поспѣшитъ самъ его исполнить.

По отъѣздѣ Кудеяровой старики разошлись по своимъ комнатамъ: они чувствовали потребность остаться наединѣ, чтобы свободнѣе сосредоточиться въ самихъ себя и привести въ порядокъ бродившія въ головѣ мысли. Извѣстія, привезенныя Кудеяровою, сильно подѣйствовали на обоихъ, но привели ихъ къ совершенно различнымъ выводамъ и соображеніямъ. Софья Львовна по любви къ Аркадію, а отчасти и по недальновидности своей приписывала всѣ дѣйствія его не нравственной порчѣ,

а вѣтренности и была убѣждена, что достаточно было одной женитьбы чтобы остепенить его и навесть на путь истинный, да и кромѣ того, если она не боялась, чтобы Аркадій женился на Оленькѣ по страсти (она понимала, что онъ на это не способенъ) то серіозно опасалась, чтобы отецъ, если только взводимыя на него обвиненія Марьей Петровною были справедливы, не заставилъ его жениться на ней; женитьбою же его на княжнѣ Вавѣ опасенія эти падали сами собою. Словомъ она представляла себѣ женитьбу Аркадія какою-то тихою, мирною пристанью среди треволненій бурнаго житейскаго моря, достигнувъ которой, онъ былъ бы вполнѣ гарантированъ отъ всѣхъ могшихъ постигнуть его злополучій и случайностей. Вотъ почему съ одной стороны ее такъ сильно встревожило неудавшееся сватовство Аркадія, а съ другой съ такою радостію ухватилась она за предложеніе Кудеяровой женить его на новой, найденной ею для него невѣстѣ «Вѣроятно онъ теперь и самъ досадуетъ на себя и проклинаетъ вѣтренность свою, думала она, и конечно не упуститъ этого случая поправить свою ошибку: онъ знаетъ, что отецъ, разъ давъ слово не платить за него новыхъ долговъ, сдержитъ его; а онъ такъ себя заправилъ, что деньгами, которыя онъ опредѣлилъ ему на содержаніе, прожить не можетъ. Онъ не глупъ и конечно сообразитъ все это.» Этотъ послѣдній аргументъ долженъ былъ по мнѣнію ея сильнѣе всего на него подѣйствовать... «Да и чѣмъ она хуже Вавы? разсуждала она сама съ собою: хорошей фамиліи, не дурна собою, прекрасно воспитана и состояніе чуть не на милліонъ,—чегожь еще. Она и мнѣ больше по мыслямъ. Та захотѣлабы жить въ столицѣ, да еще пожалуй стала бы носъ драть, а эта степнячка, нашего поля ягодка; среди степей выросла, среди нихъ и умретъ. Можетъ быть все это сдѣлалось еще къ лучшему.» утѣшала она себя и стала съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія Аркадія.

Совершенно другими глазами смотрѣлъ на это дѣло Александръ Васильевичъ. Въ послѣдніе три мѣсяца, проведенные Аркадіемъ въ Бакланахъ онъ успѣлъ основательно изучить его и все слышанное имъ отъ Кудеяровой еще болѣе утвердило его въ томъ крайне неутѣшительномъ мнѣніи, которое онъ о немъ составилъ. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобы поступки его относить къ вѣтренности и еще дальше отъ мысли, чтобы женитьба могла остепенить и исправить его. Онъ смотрѣлъ на нихъ какъ опытный врачъ смотритъ на злокачественныя язвы, покрывающія тѣло больнаго и, прежде нежели приступитъ къ ихъ леченію, доискивается причины произведшей эти язвы, чтобы уничтожить зло въ самомъ его корнѣ, и къ крайнему прискорбію своему Баклановъ видѣлъ, что зло это уже такъ глубоко внѣдрилось, что искоренить его не было никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ Аркадій былъ уже не ребенокъ; характеръ его вполнѣ образовался мысли приняли свой складъ, убѣжденія, установившееся направленіе. Надо было, такъ сказать, пересоздать его; а въ его годы люди пересоздаются лишь развѣ вслѣдствіе какихъ либо особыхъ катастрофъ или сильныхъ нравственныхъ потрясеній; а Баклановъ былъ того убѣжденія, что сердце Аркадія было до того черство, что никакія катастрофы не могли произвесть на него такаго потрясающаго дѣйствія.

Баклановъ по обыкновенію заперся въ своемъ кабинетѣ, чтобы наединѣ глубже вдуматься въ такъ озабочивавшее его дѣло; но чѣмъ болѣе вдумывался въ него, тѣмъ болѣе убѣждался въ совершенной его безъисходности. По нѣскольку разъ въ день приходила къ нему для совѣщаній Софья Львовна. «Одно средство женить его, твердила она: умная жена остепенитъ и передѣлаетъ его.» Она сообщила ему о новой невѣстѣ пріисканной для Аркадія Кудеяровою, выставляя тѣ качетсва и особенности ея, которыя должны были ему понравиться. «Она не Московская аристократка, говорила она,

а наша сестра степнячка: мужа въ Москву не потащитъ; а поселится: жить съ нами въ Бавланахъ; дѣти ихъ будутъ рости и воспитываться у насъ на глазахъ и тебѣ удобно будетъ слѣдить за направленіемъ, которое будетъ дано ихъ воспитанію. Аркадія посылать на службу въ Петербургъ пожалуй и не будетъ нужно: онъ можетъ служить и здѣсь по дворянскимъ выборамъ или по этимъ новымъ мировымъ учрежденіямъ.» Чтобы еще болѣе убѣдить мужа въ необходимости женить Аркадія не разъ приходило ей на мысль показать ему хранившееся у нея въ шкатулкѣ письмо Оленьки; но ее останавливалъ упоминавшійся въ немъ поступокъ Аркадія и потому она рѣшилась не говорить о немъ.

Старикъ терпѣливо выслушивалъ женнину болтовню и больше отмалчивался. Если онъ такъ охотно согласился на женитьбу Аркадія на княжнѣ Вавѣ, то потому что думалъ тѣмъ пріурочить его такъ сказать къ семейству, къ дому, а никакъ не для того, чтобы она переработала его по своему: мужъ по понятіямъ его долженствовалъ быть главою семейства и видѣть сына подъ безусловнымъ вліяніемъ жены, подъ ея башмакомъ,—далеко не согласовалось съ образомъ его мыслей. Да и кромѣ того въ настоящую минуту онъ пришелъ уже къ тому убѣжденію, что женитьба и въ этомъ отношеніи не привела бы ни къ какимъ желательнымъ результатамъ.

— Дѣлайте что хотите, сказалъ онъ ей наконецъ болѣе для того, чтобы она оставила его въ покоѣ: одержимому смертельнымъ недугомъ никакое лекарство не поможетъ,—горбатаго одна могила исправитъ.

XXIII.

Прошли два тревожныхъ дня съ посѣщенія Кудеяровой; на третій пріѣхалъ наконецъ и Аркадій. Старики сидѣли вдвоемъ

въ спальнѣ Софьи Львовны, толкуя о такъ занимавшемъ ихъ вопросѣ, какъ онъ совершенно неожиданно вошелъ въ комнату.

— Поздравляю съ выигрышемъ, сказалъ, увидавъ его, Александръ Васильевичъ; несовершеннолѣтнихъ — то видно легче обыгрывать чѣмъ взрослыхъ.

— Вамъ конечно не такъ передали, сталъ оправдываться Аркадій, озадаченный словами отца: я самъ и картъ въ руки не бралъ и былъ лишь въ долѣ.

— Такъ я и слышалъ, что подобрана была цѣлая шайка шулеровъ.

Аркадій вспыхнулъ, Софья Львовна залилась слезами, Баклановъ всталъ и, не поздоровавшись съ сыномъ, вышелъ изъ комнаты.

— Разскажи пожалуста какъ это было, а главное какъ и почему разстроилось сватовство твое за княжну? спрашивала, рыдая, Софья Львовна.

Аркадій разсказалъ разумѣется все по своему, объяснивъ неудачу своего сватовства тѣмъ, что княжна уже болѣе года влюблена была въ Картенева, но скрывала любовь эту отъ матери и призналась въ ней лишь тогда, когда та стала требовать отъ нея положительнаго отвѣта на сдѣланное Аркадіемъ предложеніе. Распросамъ конечно конца не было и онъ долженъ былъ дать объясненіе на каждое изъ взведенныхъ на него теткою обвиненій. Такъ объяснилъ онъ, что въ паркѣ гулялъ не съ содержанкою, а съ знакомою ему петербургскою артисткою, пріѣхавшей въ Москву давать концерты и подалъ ей руку лишь чтобы довесть до ея экипажа: у цыганъ дѣйствительно былъ раза два, но въ этомъ конечно кромѣ танты никто не найдетъ ничего предосудительнаго; въ карты же игралъ не въ компаніи шулеровъ, а съ людьми очень порядочными принятыми въ Москвѣ въ лучшемъ обществѣ и князь Грегри моложе его всего двумя годами и слѣдовательно въ отношеніи къ нему несовершеннолѣтнимъ названъ быть не можетъ;

а что онъ не игрокъ—достаточно доказываетъ то, что самъ онъ и картъ въ руки не бралъ и лишь былъ въ долѣ съ однимъ изъ игравшихъ. Словомъ: онъ умѣлъ совершенно успокоить мать и она, выслушавъ его объясненіе, перешла на его сторону и негодовала на мужа за то, что онъ такъ незаслуженно рѣзко обошолся съ сыномъ. Объ обвиненіи его въ перепискѣ съ Оленькой и о перехваченномъ ею письмѣ она не сказала ему ни слова: она боялась, что прямыми распросами правды отъ него не добьется, а лишь заставитъ быть на сторожѣ и тѣмъ пожалуй испортить все дѣло.

Послѣ объясненія, она, чтобы не откладывать дѣла въ дальній ящикъ, тутъже объявила Аркадію о новой найденной для него невѣстѣ, соединявшей въ себѣ по словамъ ея всѣ возможныя достоинства, не говоря уже о страшномъ богатствѣ, добавивъ, что, женившись на ней, онъ сдѣлалъ бы ее вполнѣ счастливою. Тотъ выслушалъ ее безъ возраженій и изъявилъ полную готовность исполнить ея желаніе.

— Такъ на дняхъ же поѣзжай къ теткѣ, заключила она: отъ нея узнаешь всѣ подробности какъ о ея личности, такъ и о ея состояніи.

За обѣдомъ старикъ былъ угрюмъ и молчаливъ и спросилъ только Аркадія не знаетъ ли онъ какъ зовутъ отца Картенева; вечеромъ же вовсе не выходилъ изъ кабинета. Такъ прошелъ и слѣдующій день. Баклановъ не сказалъ сыну ни слова; лишь выходя изъ за стола, замѣтилъ, что ему слѣдовало бы съѣздить къ теткѣ поблагодарить за ея хлопоты. «Если дѣло не сладилось, не она виновата,» добавилъ онъ сухо.

Тоска, думалъ про себя Аркадій, оставшись послѣ вечерняго чая вдвоемъ съ Лизой и допивая свой простывшій стаканъ. Развѣ это жизнь?

— А ты совсѣмъ забылъ Оленьку; сказала ему грустн Лиза.

— Изъ чего же ты это заключаешь?

— Вотъ ужь два дня какъ ты здѣсь, а объ ней даже и не спросилъ.

— А развѣ есть что нибудь новое?

— Еслибы что и было, отъ кого же могла бы я узнать. Maman запретила мнѣ нетолько къ ней писать, но и получать отъ нея письма.

— За что же такая къ ней немилость?

— Подозрѣваетъ, что она съ тобою въ перепискѣ.

— Эго на какомъ основаніи?

— Ужь не знаю, сказала, покраснѣвъ, Лиза. Грѣхъ тебѣ такъ скоро разлюбить ее, продолжала она сквозь слезы: она такъ искренно любила тебя, да и теперь конечно любитъ по прежнему.

— Ты думаешь? спросилъ, зѣвая, Аркадій.

— Я въ этомъ увѣрена, хотя ты и далеко того не заслуживаешь и ей давно слѣдовало бы позабыть тебя. Развѣ такая женщина какъ Оленька можетъ полюбить на нѣсколько дней? Papa какъ то сказалъ, que pour une femme c'est même honteux.

Аркадій невольно усмѣхнулся. «O rus!» подумалъ онъ.

— А если она меня такъ до сихъ поръ любитъ, зачѣмъ же она отсюда уѣхала? спросилъ онъ полуразсѣянно.

— Я уже сказала тебѣ, что ее увезла мать чтобы выдать замужъ, и отецъ, говорятъ, при смерти. Да и развѣ легко ей было переносить эту ежеминутную пытку: любить тебя, встрѣчаться съ тобою чуть не на каждомъ шагу и знать, что никогда не можетъ быть твоею? Ахъ Аркадій, еслибы ты только зналъ какъ она тебя любитъ! Она съ тобою кажется готова была бы бѣжать хоть на край свѣта. Et puis un amour si noble, si desinteressé. Non Arcadie! C'est mal, très mal á vous, досказала она, всхлипывая, и, закрывъ глаза платкомъ, выбѣжала изъ комнаты; она боялась, чтобы мать не застала ее

въ слезахъ и, узнавъ о ихъ причинѣ, не сдѣлала ей сцены.

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ, подумалъ Аркадій: въ одномъ углу истерики, да стоны, въ другомъ по цѣлымъ днямъ молчатъ да губы дуютъ,—здѣсь выговоры и слезы. Этакъ пожить здѣсь недѣлю силъ никакихъ не достанетъ,—съ ума сойдешь.

Онъ пошелъ къ себѣ наверхъ и сталъ у отвореннаго окна чтобы сколько нибудь освѣжиться вечернимъ воздухомъ; но и на дворѣ было также душно какъ и въ домѣ. Уже сѣло за виднѣвшимся вдалекѣ бугромъ солнце, оставивъ по себѣ багряную полосу догоравшей зари: надъ прудомъ съ визгливымъ крикомъ сновали непосѣстныя ласточки; изъ камышей отъ времени до времени слышался тоскливый пискъ какой-то водяной птицы, да бойко отдергивалъ въ лугахъ скрипучую пѣснь свою дергачъ. Въ воздухѣ стояла тишь: не шелохнется листъ на деревьяхъ, не подернется рябью зеркальная поверхность соннаго пруда.

— Нѣтъ, скучно, сказалъ Аркадій, отходя отъ окна. Ѣду, непремѣнно ѣду. Долго здѣсь оставаться я положительно не могу,—одурь беретъ. Воспротивятся родители; — но развѣ я малолѣтній? Да и это развѣ не совершеннолѣтіе? добавилъ онъ, ударивъ самодовольно по карману. Вотъ когда ихъ проживу, да опять задолжаю какому нибудь Гриншпуку, тогда разговоръ будетъ другой. — А что если родитель въ самомъ дѣлѣ платить моихъ долговъ не станетъ, вѣдь дѣло будетъ дрянь; а отъ него станется,—старикъ упрямый. Поѣду завтра же къ тантѣ soit disant поблагодарить ее за ея хлопоты, а главное чтобы узнать объ этой belle inconnue. Чтожъ, если она въ самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ maman, единственная дочь милліонера, бывшаго откупщика, —ces choses—là ne se trouvent pas tous les jours. Пусть отсчитаетъ мнѣ милліончикъ чистоганомъ въ день свадьбы,—остальные я ему пожа-

луй и прощу. Ба! сказалъ онъ вдругъ, ударивъ себя по лбу; вѣдь я буду проѣзжать всего въ трехъ верстахъ отъ Кузминки. Надо заѣхать. Чтобы она ко мнѣ не вышла, ce sont des пустяки; чтобы пошла за этого Погорѣлова, я тоже не вѣрю. И если она въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ такъ влюблена въ меня, что готова со мною, какъ говорила Лиза, хоть на край свѣта, славная была бы матерія. А не мудрено. Эти деревенскія простушки, если разъ въ кого влюбятся, такъ, говорятъ, любятъ, что называется, до гробовой доски; точно бульдоги: какъ ухватится зубами за конецъ веревки, перекинь его черезъ плечо, да и неси куда хочешь. А чудная дѣвка! И мораль и физика все есть. Et puis un enlevement,— ce n'est pas déja si chien. Но если она и дѣйствительно до сихъ поръ влюблена въ меня, еще вопросъ рѣшится ли она такъ легко бѣжать изъ родительскаго дома. Вѣдь эти простушки какъ постоянны въ любви, также вѣрны и своимъ глупымъ традиціямъ: у нихъ своя мораль и ея держатся онѣ крѣпко. Обѣщать, что женюсь на ней, — пожалуй не повѣритъ; да и въ самомъ дѣлѣ за чѣмъ было бы мнѣ дѣлать тайно что могу сдѣлать и явно. Вотъ если ее заставляютъ противъ воли выйти за мужъ за Погорѣлова,—дѣло другое; тогда я явился бы въ нѣкоторомъ родѣ ея спасителемъ. Но вѣрно ли еще это? отецъ и мать ея кажется люди не такіе. Развѣ увлеклись боязнію упустить выгодную для нея по мнѣнію ихъ партію? Ничего нѣтъ мудренаго: вѣдь эти чадолюбивые родители подъ часъ бываютъ нелѣпы до абсурда. Наконецъ легко можетъ быть и то, что и она разыгрываетъ со мною комедію въ родѣ той, какую я игралъ съ ней Загадочный ея отъѣздъ, оставленное ею письмо, какой-то священный долгъ,—все это такъ необъяснимо. Какъ ни верти, a il y a du louche làdedans. Можетъ быть она думала, что, получивши письмо это, я тотчасъ же явлюсь къ ней въ Кузминку; а теперь, видя, что ошиблась въ расчетахъ сво-

ихъ, и раскаивается въ своемъ поступкѣ и въ самомъ дѣлѣ отъ души будетъ рада, какъ говоритъ Лиза, бѣжать со мною на край свѣта. Все это очень возможно. Надо только дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, — ne pas faire le niais et jouer cartes sur table. Чѣмъ чортъ не шутитъ: легко быть можетъ, что и у нея на умѣ тоже самое, что у меня, не достанетъ лищь рѣшимости высказаться и достаточно будетъ однаго моего намека чтобы вызвать ее на объясненіе; мало будетъ намека, nous mettrons les points sur les i и постараемся представить дѣло въ самомъ соблазнительномъ свѣтѣ. Не подѣйствуетъ и это, ну и не нужно; стало быть ошибся: вѣдь меня отъ этого не убудетъ:—Да; еслибы удалось, штука была бы не глупая, заключилъ Аркадій, остановясь передъ стоявшею у камина на мольбертѣ женскою головкою. Это былъ тотъ самый портретъ Оленьки, который онъ выпросилъ у нея въ послѣднюю поѣздку въ Кузминку и которому она по его желанію дала фантастическій видъ ундины съ распущенными волосами и лежащимъ на нихъ вѣнкомъ изъ водяныхъ лилій; сходство было разительное.

Уже смеркалось. Слабый отблескъ потухавшей зари, освѣщая предметы мерцающимъ полусвѣтомъ и очерчивая ихъ невѣрными контурами, придавалъ всему какой-то таинственный видъ. Аркадій выдвинулъ мольбертъ на середину комнаты и, поставивъ его такъ, чтобы свѣтъ изъ окна падалъ прямо на головку, прилегъ на диванъ и, облокотясь на подушку, предался нѣмому созерцанію. Головка, выдѣляясь изъ окружавшаго ее полумрака, казалось, глядѣла на него какъ живая,— точно сама Оленька стояла передъ нимъ и смотрѣла на него грустнымъ, но привѣтливымъ взглядомъ. Мало по малу стало воскресать въ памяти его еще такъ недавно минувшее: вспомнилъ онъ и свои вечернія съ нею прогулки по парку и восхожденіе на Кудеяровскій берегъ и послѣднее свиданіе въ бесѣдкѣ. Живо припоминались ему и первый брошенный

ею на него взгядъ и скатившаяся по щекѣ ея предательская слеза; еще, казалось ему, чувствовалъ онъ какъ тревожно билось на груди его ея сердце,—еще жегъ его губы сорванный имъ съ ея губъ страстный поцѣлуй. Перейдя отъ дѣйствительности въ міръ воспоминаній, онъ изъ него еще незамѣтнѣе перешолъ въ фантастическій міръ сладкихъ, убаюкивающихъ грезъ. И вдругъ почудилось ему, что такъ привѣтливо улыбавшаяся ему головка, все рельефнѣе и рельефнѣе выдѣляясь изъ окружавшаго ее таинственнаго мрака, отдѣлилась отъ полотна,—еще минута, и передъ нимъ ужь была не одна головка, а прелестный бюстъ съ пластически округленными формами роскошныхъ плечь и грудей, да и не бюстъ, а цѣлый станъ, такъ хорошо знакомый ему стройный, гибкій станъ Оленьки. И видитъ онъ ее такъ, какъ создало ему ее нѣкогда его воображеніе: въ легкомъ, полупрозрачномъ какъ волна одѣяніи и распущенными по плечамъ волосами. Она глядитъ на него и тихо ему улыбается: но взглядъ и улыбка эти не тѣ, которыя привыкъ онъ подмѣчать у Оленьки. Въ нихъ нѣтъ уже прежней дѣтской стыдливости и сдержанности: въ улыбкѣ нѣга и страсть,—въ смѣломъ взглядѣ сознаніе того блаженства, которымъ можетъ она упоить того, кого захочетъ подарить любовью своею,—сквозь полувоздушный покровъ сквозитъ очертаніе роскошныхъ формъ...... Чудное видѣніе близится къ нему. Да: это она,—его такъ нѣжно, такъ неизмѣнно любящая его Оленька. Она опустилась къ нему на диванъ и прямо смотритъ ему въ глаза страстнымъ, упоительнымъ взглядомъ; яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ ея, тяжело поднимается отъ неровнаго дыханія высокая грудь и полураскрытыя уста тихо лепечутъ слова любви. Вотъ она наклонилась къ нему: онъ слышитъ какъ забѣгали по лицу его волнистыя пряди ея распущенныхъ волосъ, какъ пахнуло на него ея горячее дыханіе. Лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу; еще мигъ,—

и забилось и запрыгало сердце подъ жгучею язвою долгаго, страстнаго поцѣлуя.

Аркадій очнулся и протеръ себѣ глаза. «Ужъ не наяву ли я ее видѣлъ? спрашивалъ онъ себя.

Совсѣмъ уже смерклось Комната едва освѣщалась слабымъ свѣтомъ только что взошедшаго мѣсяца: лежавшій на полу и мебели тусклый паралелограмъ его падалъ и на головку. Аркадій невольно взглянулъ на нее и ему показалось, что она грустно и укоризненно глядѣла на него. Взглядъ этотъ точно прошелъ ему прямо въ сердце и будто что-то тоскливо и болѣзненно зашевелилось въ немъ. Онъ всталъ съ дивана и мѣрными шагами подошелъ къ окну.

На небѣ блестѣлъ отлогій серпъ мѣсяца; поднявшійся отъ пруда легкій вѣтерокъ подернулъ зеркальную поверхность его мелкою рябью, — казалось серебряныя змѣйки перебѣгали по ней: въ воздухѣ пахло болотною сыростію; кричалъ по прежнему дергачъ; по прежнему вторила ему изъ камышей таже невѣдомая болотная птица, да глухо доносилась изъ села неугомонная перекличка собакъ.

— Тоска! сказалъ Аркадій, и сошелъ внизъ.

Въ залѣ накрытъ уже былъ столъ и вскорѣже сѣли ужинать. Опять всѣ молчали, не жужжали даже и мухи; лишь ночная бабочка, ожегши себѣ на свѣчкѣ крылья, вертѣлась и кружилась на скатерти.

— Я завтра думаю ѣхать къ тетушкѣ Марьѣ Петровнѣ, сказалъ отцу Аркадій, вставая изъ за стола.

— Съ Богомъ, отвѣтилъ тотъ сухо и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Утромъ рано Аркадій уѣхалъ.

— А любопытно какъ произойдетъ наша встрѣча, думалъ онъ дорогою. Чтобы она меня не приняла, я этому и вѣрить не хочу; скверно только будетъ, если я тамъ найду этого Погорѣлова: при немъ объясниться разумѣется будетъ нельзя

и вся обѣдня будетъ испорчена. Впрочемъ если она захочетъ, то конечно найдемъ возможность остаться со мной и наединѣ. Само собою, я зѣвать не стану, объяснюсь съ ней на прямикъ, — le chemin le plus court est toujours le meilleur. Она сначала конечно поломается, безъ этого нельзя, — c'est dans leurs moeurs,—а потомъ, если только она дѣйствительно въ меня до сихъ поръ такъ влюблена, какъ говоритъ Лиза, en un tour de main все и уладится. Воображаю сколько это надѣлаетъ шума и тревоги: танта просто съ ума сойдетъ.

Былъ ужъ полдень, когда Аркадій подъѣхалъ къ дому Кузминыхъ. Тревожно забилось его сердце; онъ чувствовалъ себя какъ-то неловко. Былъ-ли то укоръ совѣсти или боязнь за неудачу задуманнаго имъ плана; конечно скорѣе послѣднее нежели первое; а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ.

— Дома господа? спросилъ онъ, подъѣхавъ къ крыльцу, у выбѣжавшаго къ нему на встрѣчу взъерошеннаго мальчишки.

— Дома-съ.

— Есть кто нибудь изъ гостей?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну слава Богу, подумалъ Аркадій. Гдѣ-же господа?

— Баринъ уѣхали въ поле; барыня въ кладовой варенье варятъ; барышня въ саду печатную книжку читаютъ.

— Какъ бы прямо пройти въ садъ?

— А вотъ-съ пожалуйте.

И мальчикъ провелъ Аркадія въ садъ черезъ калитку. Читатель уже знаетъ какъ, пройдя аллею, онъ въ концѣ ея встрѣтился съ Оленькой.

— Васъ конечно удивляетъ мое посѣщеніе или лучше сказать смѣлость, съ которою я дозволилъ себѣ ослушаться приказанія, запрещающаго мнѣ даже всякую попытку видѣться съ вами, сказалъ, подойдя къ ней Аркадій.

— Признаюсь: я никакъ не думала, чтобы послѣ моего

письма.... едва могла проговорить Оленька дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — такъ поразило ее неожиданное его появленіе. Къ тому же ужъ прошло столько времени, что я была вполнѣ увѣрена...

— А, упрекъ, подумалъ Аркадій,—начало не дурно. Если я до сихъ поръ еще не былъ здѣсь, перебилъ онъ Оленьку, стараясь придать словамъ и голосу по возможности мягкую и заискивающую интонацію; то это только доказываетъ безусловную покорность, съ которою я подчинился наложенному вами на меня наказанію. Но какъ бы оно ни было заслужено, согласитесь, что черезъ чуръ ужъ жестоко и переносить его далѣе было выше силъ моихъ.

— Я никогда не думала, да и не имѣла права налагать на васъ какое-бы то ни было наказаніе. Это была лишь необходимая мѣра чтобы положить конецъ тѣмъ отношеніямъ....

— Но для чего же было класть имъ конецъ?

— А потому что у каждаго свои правила и убѣжденія, наконецъ свои взгляды на вещи. Конечно я, можетъ быть, должна бы была сдѣлать это раньше; но я тогда была еще такъ неопытна, такъ наивна и довѣрчива, что сама не знала что дѣлала.

Они шли по аллеѣ къ дому; за Аркадіемъ слѣдовалъ, такъ сказать, по пятамъ Дозоръ, не переставая обнюхивать его.

— А Дозоръ вашъ еще выросъ, сказалъ онъ, не зная какъ отъ него отдѣлаться. Какъ вы не боитесь держать при себѣ такую громадную собаку?

— Въ наше время такой вѣрный другъ вещь почти необходимая, отвѣчала Оленька. Другіе носятъ для безопасности въ карманѣ револьверы,—я держу при себѣ Дозора.

— Да, другъ надежный, сказалъ Аркадій, продолжая не совсѣмъ довѣрчиво оглядываться на него.

— Дозоръ, ісі, отозвала его Оленька, съ трудомъ сдерживая невольную усмѣшку.

Тотъ лѣниво и какъ-бы нехотя перешелъ на ея сторону.

— Что же вы ничего не спросите о Бакланахъ? началъ, нѣсколько успокоившись, Аркадій и обдумывая какъ бы ему не слишкомъ рѣзко перейти къ объясненію и тѣмъ не испортить дѣла.

— Да, что Лиза? Что papa и maman? спросила Оленька.

— Здравствуютъ. Лиза страшно объ васъ скучаетъ и разумѣется все любитъ по прежнему, да и не одна она... Отъѣздъ вашъ изъ Баклановъ былъ такъ неожиданъ, что и до сихъ поръ никто вѣрно не знаетъ ему причину, начиная съ Лизы, съ которою вы кажется, всегда были такъ откровенны. — У насъ даже носятся слухи будто вы выходите замужъ, добавилъ онъ послѣ короткой паузы.

— Можетъ быть, сказала, слегка покраснѣвъ, Оленька.

— Говорятъ за вашего сосѣда; конечно я этому не вѣрю.

— Почему же?

— Почему. Voila par exemple qui est curieux. Потому что я слишкомъ хорошо знаю и уважаю вашъ вкусъ

— Но если бы я въ самомъ дѣлѣ за него выходила.

— Если вы хотите меня мистифицировать, такъ прибавьте ужъ par amour. Il ne manquerait vraiment que cela. Ха, ха, ха! И Аркадій залился какимъ-то неестественнымъ, видимо принужденнымъ хохотомъ.

— Смѣхъ вашъ я во всякомъ случаѣ нахожу совершенно неумѣстнымъ, сказала очень серіозно Оленька. Если бы и дѣйствительно Павелъ Яковлевичъ былъ человѣкъ, за котораго по любви выйти нельзя; то это всетаки не мѣшаетъ ему быть человѣкомъ вполнѣ благороднымъ и достойнымъ уваженія.

— Достоинствъ его я отъ него не отымаю, отвѣтилъ Аркадій; съ точки зрѣнія вашихъ почтенныхъ родителей c'est peut être même un parti désirable: но чтобы вы по собственному вашему выбору, а тѣмъ болѣе по влеченію сердца... Не

сами ли вы сказали: кто полюбитъ искренно разъ, полюбитъ навсегда? Послушайте, сказалъ вдругъ Аркадій, остановясь и смотря Оленькѣ прямо въ глаза.

Поневолѣ остановилась и она.

— Я буду съ вами откровененъ et surtout je tacherai d'etre bref. Выслушайте меня

— Говорите, какъ бы противъ воли сказала Оленька, и тихими шагами продолжала итти по направленію къ дому. Пошелъ за нею и Аркадій.

— Что я васъ люблю, началъ онъ, вы знаете уже давно,— не знаете лишь того, что любовь эта заставила меня въ послѣднее время выстрадать; что и вы продолжаете по прежнему раздѣлять чувства мои къ вамъ, въ томъ достаточно ручаются какъ только что приведенныя мною слова ваши такъ и то, что вы такъ великодушно простили мнѣ мое минутное увлеченіе. Скажите: чтожъ мѣшаетъ намъ принадлежать другъ другу, не связывая себя и не тормозя дѣла ни на что не нужными формальностями? Вѣдь онѣ не сдѣлаютъ любви нашей ни искреннѣе, ни прочнѣе, лишь низведутъ ее изъ святаго чувства въ какія-то обязательныя отношенія. Вы скажете можетъ быть, что это не въ здѣшнихъ нравахъ. Уѣдемте отсюда; я какъ разъ имѣю въ настоящую минуту нужныя для того средства. Поѣдемте въ Петербургъ, за границу. Отправимтесь на зиму въ Италію, гдѣ, имѣя передъ глазами произведенія лучшихъ мастеровъ, вы усовершенствуете талантъ свой. Поѣдемте во Францію, въ Англію, наконецъ къ антиподамъ n' importe où, лишь бы подальше отъ этой обломовщины. Незамѣтно пройдетъ годъ, другой, — мы еще ближе узнаемъ другъ друга и, если найдемъ необходимымъ, можемъ и тогда скрѣпить союзъ нашъ законными узами.

Оленька шла молча, опустивъ голову.

— Понимаю нерѣшительность вашу, продолжалъ Аркадій послѣ короткой паузы; во всякомъ дѣлѣ труденъ первый шагъ,

трудно даже первое слово; ихъ и не нужно. Touchez là, добавилъ онъ, протянувъ ей руку, et tout sera dit.

Аркадій не такъ понялъ молчаніе Оленьки. Если она молча выслушала всю эту длинную тираду; то потому что сначала приняла ее за пустое ни къ чему не ведущее фразерство, что было совершенно въ его духѣ; но, когда онъ высказалъ предложеніе свое такъ ясно и опредѣлительно, что словамъ его уже нельзя было дать никакого двусмысленнаго значенія, она такъ была поражена имъ и озадачена, что въ первую минуту не нашлось что и отвѣчать.

— Вы конечно кончили, сказала она наконецъ, нѣсколько придя въ себя. Если вы сей часъ, не повѣривъ словамъ моимъ и принявъ ихъ вѣроятно за что-то въ родѣ шутки, позволили себѣ такъ оскорбительно для Павла Яковлевича смѣяться надъ нимъ,—скажите за что принять мнѣ предложеніе ваше и смѣяться ли надъ нимъ или горько плакать?

— Ни того ни другаго, а просто принять его, если только вы дѣйствительно любите меня.

— Да,—я къ несчастію любила васъ, сказала Оленька, стараясь подавить волновавшее ее чувство негодованія; любила васъ даже тогда, когда разсудокъ говорилъ мнѣ, что я не должна была васъ любить; но съ этой минуты я больше любить васъ не могу.

И она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дому; Аркадій остановилъ ее.

— Но скажите же ради Бога, спросилъ онъ ее: если вы любили меня искренно, безъ всякой задней мысли,—словомъ любили меня для меня самого, что же могли вы найти въ предложеніи моемъ оскорбительнаго?

— Я дѣйствительно такъ любила васъ и чтобы видѣть васъ счастливымъ и не быть помѣхою вашему счастію, принесла ему въ жертву самую себя со всѣмъ что было мнѣ дорогаго на свѣтѣ; но любить васъ такъ я могла лишь до тѣхъ

поръ, пока вѣрила, что вы, любя, вмѣстѣ и уважали меня. Человѣка же, который такъ мало дорожитъ честью любимой имъ и любящей его женщины, что готовъ принесть ее въ жертву своимъ эгоистическимъ чувствамъ, женщина сколько нибудь себя уважающая любить не можетъ

— Но вѣдь платоническою, духовною любовью могутъ любить лишь духи безплотные. Неужели же, сказалъ Аркадій, взявъ и крѣпко сжавъ руку Оленьки, — и любить-то нельзя по человѣчески, не оскорбляя тѣмъ того, кого любишь?

— Довольно, перебила его Оленька, тихо высвобождая руку свою. Взгляды наши на жизнь и убѣжденія такъ противоположны, что мы никогда не поймемъ другъ друга. Оставайтесь при своихъ также какъ и я останусь вѣрна тѣмъ, въ которыхъ выросла. Оставьте меня, заключила она, уходя: между нами общаго ничего быть не можетъ

— И это ваше послѣднее слово? спросилъ ее вслѣдъ Аркадій. Но отвѣта не было. Оленька ужъ успѣла взойти на террасу и проскользнуть въ дверь; лишь оглянулся на него Доворъ и, глухо прорычавъ, лѣнивою поступью ушелъ въ домъ за своею госпожею.

— Не выгорѣло, сказалъ сквозь зубы, садясь въ коляску, Аркадій; а жаль,—славная была бы штука. Съ чего же это взяла Лиза будто она меня такъ любитъ, что готова бѣжать со мною хоть на край свѣта.

XXIV.

Оленька едва могла дойти до своей комнаты и, бросившись на диванъ, долго безутѣшно плакала. «Такъ вотъ она, эта чистая, святая любовь, думала она; вотъ тотъ кумиръ, которому я поклонялась какъ Богу,—обруганный, разбитый въ

дребезги, втоптанный въ грязь! Какъ могла я такъ долго заблуждаться и принимать чувство его ко мнѣ за любовь! Правда, всякій разъ какъ я встрѣчала этотъ страстный, жгучій взглядъ, точно чей то голосъ предостерегалъ меня, говорилъ мнѣ, что не любовь свѣтилась въ немъ; но я не вѣрила этому голосу,—не вѣрила потому, что любо было мнѣ не вѣрить ему; потому что въ невѣріи этомъ и заключалось все мое счастіе, все блаженство мое.

— Деревенщина закорузлая! думалъ между тѣмъ, отъѣзжая отъ крыльца. Аркадій. Домовитость проклятая обуяла. Только и думаютъ о томъ какъ бы обзавестись теплымъ гнѣздомъ. да въ немъ вмѣстѣ съ цыплятами и поросятами чумазыхъ дѣтей разводить; готовы сгнить живьемъ лишь бы вѣкъ прожить въ тѣхъ глупыхъ и промозглыхъ понятіяхъ, въ которыхъ выросли. Всюду рутина и традиціи,—безъ нихъ ни на шагъ; проявленія самоличности ни въ чемъ: и любятъ-то такъ, какъ бабушка имъ заповѣдала. Самыя добродѣтели у нихъ все какія-то пассивныя: самоотреченія да самопожертвованія. Въ самомъ дѣлѣ сама же говоритъ, что влюблена была въ меня какъ кошка, изъ Баклановъ бѣжала, чтобы не быть помѣхою моему счастію; когда же я объяснилъ ей, что отъ нея зависитъ осуществить это счастіе, и предложилъ раздѣлить его со мною, куда тебѣ,—и руками и ногами: вы, говоритъ, предложеніемъ вашимъ честь мою оскорбляете;—мнѣ бабушка такъ не приказала. Да и всѣ онѣ здѣсь такія. Допотопь какая-то! Или наровятъ опутать себя брачными узами, чтобы изъ нихъ ужъ навѣки и не выпутаться, жалуясь на ни въ чемъ неповинную судьбу,—либо, витая въ поднебесьи выше облаковъ ходячихъ, создаютъ себѣ какъ Элоизы безплотныхъ Абеларовъ; а явись къ нимъ ихъ Абеларъ во плоти, да скажи: Liebste! Komm mit ins Grün! какъ можно! скажутъ; мы честь свою соблюдаемъ. Такъ и она: либо соблюдетъ свою честь, да такъ и ляжетъ съ нею въ могилу, либо соединится

законными узами съ какимъ нибудь Пригорѣловымъ. обзаведется полудюжиною ребятишекъ, да и станетъ ихъ какъ галчатъ выкармливать, да выращивать.

Въ Кудеярово пріѣхалъ Аркадій въ самомъ дурномъ настроеніи духа: онъ досадовалъ и на Оленьку и на Лизу и на самого себя, и очень нелюбезно отблагодарилъ тетку за ея хлопоты. Распросы ея о пребываніи его въ Москвѣ и о подробностяхъ неудавшагося сватовства за княжну Ваву еще болѣе раздражили его, такъ какъ онъ изъ нихъ ясно видѣлъ, что она знала обо всемъ не хуже его самого и распрашивала больше для того, чтобы поймать и уличить его во лжи. Новая найденная ею для него невѣста также далеко не удовлетворяла его требованіямъ. Правда она была единственная дочь милліонера; но отецъ ея хотѣлъ, чтобы зять жилъ у него въ домѣ и при жизни своей дочери ничего не давалъ кромѣ нужнаго и довольно ограниченнаго по средствамъ его содержанія. Условія эти такъ далеко не подходили подъ составленную себѣ Аркадіемъ по этому предмету программу, что онъ не только отказался на отрѣзъ отъ предложенныхъ ему теткою обязательныхъ услугъ, но, принявъ самое сватовство за злую съ ея стороны насмѣшку. наговорилъ ей бездну колкостей и дерзостей. Онъ до того былъ раздраженъ, что не хотѣлъ провесть у нея остатокъ дня и тотчасъ же послѣ обѣда уѣхалъ.

Въ Бакланы возвратился онъ уже поздно и нашелъ стариковъ въ кабинетѣ. Онъ передалъ матери письмо отъ Марьи Петровны. которое та написала передъ самымъ его отъѣздомъ. Софья Львовна пробѣжала его и, не сказавъ ни слова, положила въ карманъ; когда же Аркадій ушелъ, она передала его мужу.

— Вотъ это скорѣе убѣдитъ тебя въ справедливости моихъ опасеній, сказала она.

Старикъ взялъ письмо и прочелъ его съ начала до конца съ большимъ вниманіемъ.

«Если братъ Александръ Васильевичъ продолжаетъ сомнѣваться въ существованіи переписки и интимныхъ отношеній между Аркадіемъ и Ольгушей, писала Кудеярова; то пусть спроситъ его за чѣмъ заѣзжалъ онъ въ Кузминку, о чемъ говорилъ украдкою отъ отца и матери въ саду наединѣ съ своей возлюбленной и почему старался всячески скрыть это отъ меня, какъ вѣроятно скроетъ посѣщеніе свое и отъ васъ. Для меня же все это очень ясно, равно какъ совершенно ясно и то, почему онъ на отрѣзъ отказался отъ невѣсты, о которой я тебѣ въ послѣдній разъ говорила, причемъ даже замѣтилъ мнѣ довольно колко, что напрасно вмѣшиваюсь я въ чужія дѣла, что онъ уже немалолѣтній, чтобы другіе заботились объ устройствѣ его судьбы, и что этимъ онъ можетъ заняться и самъ. Очень жалѣю, заключала она, что въ подтвержденіе догадокъ моихъ на счетъ переписки не могу представить вамъ до сихъ поръ никакого документа; но надѣюсь, что и за этимъ дѣло не станетъ.»

Прочитавъ письмо, Баклановъ, не торопясь, сложилъ его и возвратилъ женѣ.

— Помоему, сказалъ онъ очень хладнокровно, все это ровно ничего не доказываетъ. Что Аркадій заѣзжалъ повидаться съ Оленькой, — это очень естественно; меня даже, признаюсь, удивляло почему онъ до сихъ поръ еще этого не сдѣлалъ. Что онъ говорилъ съ ней наединѣ, это вѣроятно было дѣломъ случая, и предосудительнаго въ этомъ я опять таки ничего не вижу; да и говорить украдкой отъ отца и матери, какъ пишетъ сестра, имъ нѣтъ никакого резона. Если онъ скрывалъ отъ нея, что заѣзжалъ въ Кузминку, то это конечно потому что боялся ея сплетней, что съ его стороны даже очень похвально; намъ же не успѣлъ ничего сказать о свиданіи своемъ съ Оленькой за краткостію времени и завтра вѣроятно не мнѣ, такъ тебѣ раскажетъ. Что же касается до этого новаго сватовства; то признаюсь тебѣ, оно меня и са-

мого коробило; молодой человѣкъ долженъ самъ искать себѣ дѣвушку по мыслямъ, а не засылать свахъ, какъ какой нибудь поповичъ или купеческій сынъ. Вотъ, что онъ съ теткой такъ обошелся, такъ это дѣйствительно скверно.

— Стало быть ты въ существованіе этой переписки и интимныхъ отношеній между Аркадіемъ и Оленькой не вѣришь?

— Нетолько не вѣрю, но положительнѣйшимъ образомъ убѣжденъ, что ея никогда не было, а теперь нѣтъ и подавно.

— Такъ я вотъ сейчасъ же докажу тебѣ, сказала Софья Львовна. вскочивъ съ дивана. И мать то за Оленькой не сама по себѣ пріѣзжала, а она же ее выписала и просила увесть изъ Баклановъ, чтобы ей тамъ свободнѣе было съ Аркадіемъ любезничать.—Вся эта исторія была придумана и подстроена. Я добралась съ кѣмъ она и письмо-то къ матери посылала, добавила она, выходя изъ комнаты.

Чрезъ нѣсколько минутъ она возвратилась съ извѣстнымъ уже читателямъ письмомъ въ рукѣ.

— Читай, если не вѣришь, сказала она съ торжествующимъ видомъ.

Баклановъ взялъ письмо, прочиталъ его, обернулъ чтобы удостовѣриться нѣтъ ли чего на другой сторонѣ и потомъ перечелъ еще разъ.

— Письмо это по моему, сказалъ онъ съ разстановкой, доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что подозрѣваемой вами переписки никогда не было, а въ связи съ вызовомъ матери, что Оленька такой благородной и высокой души дѣвушка, какую въ наше время найти трудно.

— Это какъ? спросила Софья Львовна, выкативъ отъ недоумѣнія глаза.

— Да, продолжалъ Баклановъ сосредоточенно, какъ бы не слыша ея вопроса; счастливы отцы, которыхъ Богъ награждаетъ такими дѣтьми.

Послѣднія слова онъ произнесъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ и, опустивъ голову, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Но о какомъ же это такомъ оскорбительномъ поступкѣ Аркадія говоритъ она? спросилъ онъ вдругъ, остановясь передъ женою. Поступокъ долженъ быть дѣйствительно очень оскорбителенъ, если она проситъ его не подумать, чтобы онъ былъ причиною ея отъѣзда. Ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— И не старалась узнать?

— Отъ кого же я узнать могла бы.

Баклановъ покачалъ головою

— Вѣдь мы взяли ее съ тобою вмѣсто родной дочери, сказалъ онъ укоризненно. Какъ по крайней мѣрѣ письмо это попало къ тебѣ въ руки?

Софья Львовна расказала.

— И Лиза не знаетъ? спросилъ онъ

— И она не знаетъ.

— Странно, сказалъ старикъ и, заложивъ руки за спину, сталъ снова ходить по комнатѣ. Ну, да утро вечера мудренѣе, завершилъ онъ, остановясь передъ часами. А теперь пора и спать. Письмо это я оставлю у себя.

— Заварила я кашу, подумала, уходя къ себѣ въ спальню, Софья Львовна. Доказать этимъ письмомъ ничего не доказала, лишь пустила его въ ходъ. Пойдутъ теперь допросы, да очныя ставки и, если въ самомъ дѣлѣ окажется что нибудь такое, тогда.....

И она велѣла подать себѣ свою домашнюю аптечку.

Утромъ Баклановъ позвалъ въ кабинетъ Лизу.

— Какъ это письмо попало къ тебѣ? спросилъ онъ, показавъ ей его.

— Мнѣ далъ его Аркадій, отвѣтила она, покраснѣвъ.

— Зачѣмъ?

— Я просила дать его мнѣ прочесть.

— Знаешь ты о какомъ такомъ поступкѣ Аркадія говоритъ она въ немъ?

Лиза молчала.

— Что же ты, другъ мой, молчишь? спросилъ ее старикъ мягкимъ, ласковымъ голосомъ, какимъ онъ только съ нею одною и говорилъ. Ты кажется со мною всегда была откровенна. Или ты потеряла ко мнѣ прежнее довѣріе?

Лиза грустно посмотрѣла на него: дружескій упрекъ этотъ подѣйствовалъ на нее сильнѣе выговора.

— Знаю, едва внятно проговорила она.

— Какой же это такой поступокъ?

Лиза снова молчала. Въ ней происходила борьба: съ одной стороны ей не хотѣлось выдать брата, съ другой недовѣріемъ своимъ она боялась огорчить и оскорбить отца, котораго такъ любила и который въ свою очередь также нѣжно любилъ ее.

— Говори правду, увѣщевалъ онъ ее; тутъ можетъ быть дѣло идетъ о чести Оленьки.

— Ахъ, папаша! Не спрашивайте меня объ этомъ, умоляла она его.

— Почему же?

— Потому что... мнѣ стыдно, мнѣ кажется я даже не въ правѣ сказать вамъ...

— Отцу-то? Въ умѣ ли ты, другъ мой?

Лиза все еще колебалась. «Что же, рѣшила она наконецъ, вѣдь Аркадій не повѣрилъ мнѣ какую нибудь тайну, а сказалъ о поступкѣ своемъ какъ о пустой шалости, даже какъ бы хвастался имъ. Къ тому же половина признанія уже сдѣлана. Легче было бы сначала сказать, что я ничего не знаю; а теперь скрывать уже поздно.

— Онъ... начала было она; но языкъ точно не слушался ея, и она невольно остановилась.

— Ну, сказалъ отецъ, стоя передъ нею въ выжидательномъ положеніи.

— Онъ поцѣловалъ ее, проговорила она почти шопотомъ, и горько заплакала.

— Какъ? При тебѣ? спросилъ старикъ и краска багровыми пятнами выступила на щекахъ его.

— Нѣтъ я узнала объ этомъ позже.

— Отъ Оленьки?

— Нѣтъ; мнѣ сказалъ самъ Аркадій ужъ по ея отъѣздѣ.

— Благородно, сказалъ Баклановъ: вполнѣ рыцарскій поступокъ. Ну, благодарю тебя, другъ мой, за довѣріе твое ко мнѣ, заключилъ онъ, поцѣловавъ ее въ лобъ, хотя мнѣ и грустно, что заставилъ тебя краснѣть за брата.

По уходѣ Лизы онъ позвонилъ и приказалъ позвать къ себѣ Аркадія.

— Письмо это тебѣ знакомо? спросилъ онъ держа, его въ рукѣ.

— Да; это письмо ко мнѣ, сказалъ тотъ нерѣшительно.

— Вы развѣ съ Оленькой въ перепискѣ?

— Нѣтъ; это единственное письмо, которое я отъ нея получилъ

— О какомъ оскорбительномъ поступкѣ говоритъ она въ немъ?

Аркадій замялся.

— Вѣроятно она хотѣла... началъ было онъ.

— Не лги, остановилъ его старикъ; я все знаю. Ты позволилъ себѣ поцѣловать дѣвушку, взятую въ домъ отцомъ твоимъ и матерью вмѣсто дочери и имѣлъ духъ похвастаться этимъ гнуснымъ поступкомъ передъ сестрою своею. Во первыхъ, когда получаютъ подобныя письма отъ честной и благородной дѣвушки, ихъ ни кому не показываютъ и не бросаютъ. Онъ зажегъ свѣчку и сжегъ письмо. Во вторыхъ такимъ низкимъ поступкомъ не хвастаютъ и тѣмъ болѣе передъ сестрою,

молодою семнадцатилѣтнею дѣвушкою, и въ третьихъ, если благородный и порядочный человѣкъ въ минуту увлеченія противъ воли своей поступилъ такъ, какъ ты поступилъ съ Оленькой, то спѣшитъ тотъ часъ же принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы загладить вину свою.

Сказавши это, онъ сдѣлалъ паузу, выжидая, что отвѣтитъ Аркадій; но видя, что тотъ продолжалъ молчать,— «для чего заѣзжалъ ты вчера къ Оленькѣ?» спросилъ онъ его. «Я спрашиваю тебя объ этомъ потому, что послѣ такого поступка и, получивъ такое письмо какъ то, которое я сейчасъ сжегъ, съ пустыми визитами не ѣздятъ, и если ты рѣшился ѣхать, то конечно съ какою нибудь опредѣленною цѣлью?

Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ ясно и категорически, чтобы можно было отвѣчать на него уклончиво.

— Меня тяготили неопредѣленность и двусмысленность отношеній нашихъ, сказалъ Аркадій, запинаясь, видимо лишь для того, чтобы сказать что нибудь, и я хотѣлъ узнать отъ нея лично о чувствахъ ея ко мнѣ.

— Для того чтобы... продолжалъ вопросительно старикъ.

— Чтобы, выслушавъ ее, прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, которыя.... проговорилъ съ разстановкою Аркадій. такъ сказать, приставляя слово къ слову, самъ едва понимая что говорилъ и что хотѣлъ сказать.

— Тутъ другихъ мѣръ кромѣ женитьбы никакихъ быть не можетъ, перебилъ его отецъ. Чтожъ она?

— Она сказала, что ужъ дала слово Погорѣлову, отвѣтилъ Аркадій, обрадовавшись, что эта отговорка такъ кстати подвернулась ему на помощь.

Старикъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него и задумался.

Въ отвѣтѣ этомъ ясно слышалась фальшивая нота, и она заставила его усомниться въ правдивости даннаго объясненія. «Съ одной стороны, думалъ онъ, если бы Аркадій дѣйствительно сознавалъ и хотѣлъ загладить вину свою передъ

Оленькой, то конечно, получивъ письмо, поспѣшилъ бы тотчасъ же добиться свиданія и объясненія съ нею; съ другой казалось ему невѣроятнымъ, чтобы Оленька, если только она въ самомъ дѣлѣ любила его, такъ скоро рѣшилась дать слово другому. Вѣдь par dépit могла выйти какая нибудь княжна Вава за Картенева; а Оленька дѣвушка съ сердцемъ и характеромъ, и на такую пошлость не способна. Допустить, что она сдѣлала это движимая тѣмъ же чувствомъ, которое заставило ее оставить Бакланы, было немыслимо: такое самоотреченіе выходило бы изъ границъ человѣческаго пониманія. Чѣмъ болѣе вдумывался Баклановъ въ дѣло, тѣмъ объясненіе Аркадія казалось ему неправдоподобнѣе; къ тому же такой съ его стороны поступокъ предполагалъ и сознаніе нравственнаго долга, и благородную рѣшимость; а онъ считалъ его неспособнымъ ни на то, ни на другое. Что нибудь да не такъ, рѣшилъ онъ наконецъ, и моя обязанность доискаться истины.»

— Ты мнѣ пока не нуженъ, сказалъ онъ Аркадію; мы еще поговоримъ объ этомъ дѣлѣ позже.

Черезъ часъ таже коляска, въ которой наканунѣ пріѣхалъ Аркадій, выѣзжала изъ воротъ Баклановской усадьбы; въ ней сидѣлъ Александръ Васильевичъ.

XXV.

Неожиданное и черезъ чуръ короткое посѣщеніе Аркадія крайне удивило стариковъ Кузминыхъ. На распросы ихъ Оленька не знала что и отвѣтить: не хотѣлось ей и лгать, не хотѣлось и сказать правду, чтобы не встревожить и не огорчить ихъ и потому она рѣшилась прибѣгнуть къ полулжи. Она сказала, что Аркадій спѣшилъ къ Кудеяровымъ обѣдать и, боясь опоздать, не могъ дожидаться возвращенія отца съ поля; мать же не хотѣлъ отрывать отъ ея хозяйственныхъ занятій.

На другой день Кузмины уже собирались сѣсть за столъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно пріѣхалъ Баклановъ. Старики всполошились, не зная чему приписать его пріѣздъ; Оленька даже испугалась его: ей что-то говорило, что онъ былъ не даромъ и долженъ былъ имѣть связь съ посѣщеніемъ Аркадія.

— Вы къ намъ, Александръ Васильевичъ, какъ разъ къ хлѣбу-соли пожаловали, говорила, встрѣчая его, Глафира Андреевна. Ну ужь не взыщите,—чѣмъ Богъ послалъ.

— А насъ вчера удивилъ Аркадій Александровичъ, сказалъ Кузминъ; пріѣзжалъ на такое короткое время, что намъ съ женою не удалось даже и взглянуть на него. Олечка говоритъ: спѣшилъ къ тетушкѣ Марьѣ Петровнѣ, боялся опоздагь къ обѣду.

Баклановъ взглянулъ на Оленьку; та видимо смутилась, но никто изъ нихъ не сказалъ ни слова.

За обѣдомъ говорили о хозяйствѣ, объ обязательныхъ работахъ крестьянъ, о трудностяхъ приложенія новаго положенія къ дѣлу. Баклановъ, казалось, говорилъ и отвѣчалъ на дѣлаемые ему Кузминымъ вопросы охотно; но Оленька, успѣвшая хорошо изучить его, видѣла, что мысли его сосредоточены были на чемъ-то другомъ и уже почти не сомнѣвалась, что пріѣздъ его былъ не безъ цѣли.

Послѣ обѣда онъ предложилъ ей пройтись по саду. Когда они прошли большую аллею, Баклановъ остановился у скамьи и пригласилъ Оленьку сѣсть.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою объ очень серьезномъ дѣлѣ, сказалъ онъ. Зачѣмъ пріѣзжалъ къ тебѣ вчера Аркадій? спросилъ онъ ее, когда они сѣли.

Оленька молчала; лишь выступившая на щекахъ краска говорила что происходило у нея на сердцѣ.

— Скажи мнѣ пожалуста всю правду, какъ говорила ее мнѣ въ былое время, продолжалъ Баклановъ. Я спрашиваю

это у тебя не изъ пустаго любопытства и ты знаешь, что я не употреблю во зло твоего довѣрія.

Оленька сидѣла, потупивъ глаза. Она была до того смущена, что не могла выговорить ни слова.

— Я понимаю какъ тебѣ тяжело отвѣчать на вопросъ мой, сказалъ старикъ послѣ небольшой паузы, и потому не заставлю тебя ни скрывать отъ меня истину, ни краснѣть, высказывая ее. Я все знаю: и причину выѣзда твоего изъ Баклановъ и о такъ оскорбившемъ тебя поступкѣ Аркадія.— читалъ и оставленное тобою ему письмо. Я всегда зналъ тебя за дѣвушку съ возвышенною душою и благороднымъ сердцемъ; образъ же дѣйствій твоихъ въ этомъ случаѣ еще болѣе утвердилъ меня во мнѣніи, которое я имѣлъ о тебѣ. О поступкѣ Аркадія и о письмѣ твоемъ къ нему я узналъ лишь вчера вечеромъ по возращеніи его домой и у меня тотчасъ же естественно родилась мысль, что если онъ послѣ всего этого рѣшился ѣхать къ тебѣ, то конечно не безъ цѣли и объ этой-то цѣли я и хотѣлъ поговорить съ тобою.

Оленька заплакала.

— Наконецъ я и объ этой цѣли тебя не спрашиваю, продолжалъ Баклановъ послѣ минутнаго молчанія. Аркадій мнѣ признался въ ней: онъ хотѣлъ загладить вину свою передъ тобою и прибѣгнулъ къ единственной мѣрѣ, которая была у него въ рукахъ.

Оленька отняла платокъ отъ глазъ.

— Но развѣ это такая мѣра, которая можетъ загладить вину? спросила она, взглянувъ ему прямо въ глаза.

Во взглядѣ этомъ было и удивленіе и какъ бы недовѣріе къ самой себѣ.—точно она спрашивала его такъ ли разслыхала она и такъ ли поняла слова его.

— На этотъ разъ будь и ты справедлива, сказалъ ласково Баклановъ. Молодой человѣкъ можетъ увлечься и въ минуту увлеченія сдѣлать недостойный себя поступокъ. Какое же въ

рукахъ его остается средство загладить его какъ не сдѣлавши оскорбленной имъ дѣвушкѣ предложеніе, какое сдѣлалъ тебѣ Аркадій.

— Какое предложеніе? спросила съ тѣмъ же недоумѣвающимъ взглядомъ Оленька.

— Единственное предложеніе, которое въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлать честный человѣкъ: проситъ руки оскорбленной имъ дѣвушки.

Оленька еще болѣе раскрыла удивленные глаза: казалось она не могла сразу уяснить себѣ смысла слышанныхъ ею словъ и лишь вдругъ, какъ бы понявши ихъ значеніе, снова закрыла лицо платкомъ и горько, безъутѣшно заплакала.

— Но какого же рода предложеніе могъ сдѣлать тебѣ Аркадій? спросилъ Баклановъ въ свою очередь съ недоумѣніемъ взглянувъ на Оленьку. Вѣдь онъ сдѣлалъ же тебѣ его, если ты отказала ему на томъ основаніи, что дала уже слово Погорѣлову.

Но Оленька не могла отвѣтить; она рыдала навзрыдъ, — слезы душили ее; казалось ей не доставало воздуха чтобы перевесть дыханіе.

— Да, едва могла она наконецъ проговорить перерывавшимся голосомъ; я дѣйствительно отказала ему,—я дала уже слово Павлу Яковлевичу.

Баклановъ молча посмотрѣлъ на нее.

— Другъ мой, сказалъ онъ ей съ участіемъ, въ которомъ слышался легкій оттѣнокъ укоризны, ты обманываешь меня: ты не могла дать слово Павлу Яковлевичу. Если бы это было такъ, старики твои давно бы уже меня о томъ увѣдомили, наконецъ объяснили бы сегодня, да и сама ты конечно поспѣшила бы извѣстить меня. Будь же со мною откровенна; я кажется ничѣмъ не заслужилъ такого съ твоей стороны недовѣрія. Скажи мнѣ правду: вѣдь ты не давала слова Павлу Яковлевичу?

И онъ взялъ сухою, морщинистою рукою своею ея молодую, дрожавшую отъ волненія руку.

— Папаша, ангелъ мой! Простите меня, сказала она, бросившись къ нему. Я виновата передъ вами: я обманула васъ. Но принять предложеніе Аркадія я все таки не могу, еслибы онъ и сталъ просить руки моей: со вчерашняго дня между нами все кончилось и кончилось навсегда.

— Скажи же по крайней мѣрѣ какое предложеніе сдѣлалъ онъ тебѣ вчера?

— Ахъ, не спрашивайте ради Бога! Пожалѣйте меня;—не заставляйте меня краснѣть передъ самой собою, точно вырвалось у Оленьки противъ ея воли. Она тутже остановилась, какъ бы раскаиваясь въ произнесенныхъ ею словахъ, какъ бы желая вернуть ихъ назадъ, но уже было поздно. Она видимо хотѣла еще что-то сказать, — казалось хотѣла просить о чемъ то; но голосъ ея оборвался и изъ высоко подымавшейся груди вылетали одни глухіе стоны.

— И не нужно, сказалъ угрюмо старикъ, вставая со скамьи; я все понялъ. Да благословитъ и утѣшитъ тебя Богъ; человѣческое же вмѣшательство тутъ безсильно Помни, что у тебя есть другъ, связанный съ тобою общностью безутѣшнаго горя, а эти друзья вѣрнѣе другихъ и надежнѣе.

И онъ, наклонясь къ ней, тихо поцѣловалъ ее въ голову.

Баклановъ зашелъ на короткое время къ старикамъ и простившись съ ними, уѣхалъ. Въ Бакланы пріѣхалъ онъ уже поздно и, хотя въ спальнѣ Софьи Львовны видѣнъ былъ еще свѣтъ, къ ней не зашолъ и, пройдя прямо въ кабинетъ, заперъ за собою дверь.

Въ восемь часовъ утра онъ позвалъ Аркадія.

— Завтра въ этотъ часъ, сказалъ онъ ему твердымъ, но сдержаннымъ голосомъ, показывая на часы, чтобы тебя здѣсь не было. Ты срамишь имя, которое носишь, безчестишь кровь, подъ которымъ живешь. Пока я живъ, чтобы нога твоя въ

Бакланахъ не была. Забудь, что у тебя есть отецъ точно также какъ я забылъ, что у меня былъ сынъ. Если я не лишаю тебя наслѣдства, то лишь потому что не считаю себя на то въ правѣ: имѣніе перешло ко мнѣ вмѣстѣ съ именемъ отъ предковъ и какимъ получилъ я его, такимъ долженъ передать и ихъ потомкамъ. Если ты когда нибудь женишься, разумѣется на достойной женщинѣ, можешь прислать ее сюда, я приму ее какъ родную дочь; если будутъ законныя дѣти, приму и ихъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ; если наконецъ и самъ ты съумѣешь какими нибудь доблестными дѣлами возстановить опозоренную и попранную честь свою, приму, можетъ быть, и тебя. До тѣхъ же поръ мы другъ для друга чужіе. Деньги на содержаніе свое ты будешь получать прямо изъ Баклановской конторы: я самъ буду наблюдать за аккуратностію ихъ высылки; всякія же личныя отношенія между нами съ этаго дня прекращаются. Долги я всѣ за тебя заплатилъ; новыхъ же уплачивать не буду. За тѣмъ прощай

Аркадій хотѣлъ что то сказать; но онъ остановилъ его.

— Ни слова больше, сказалъ онъ, показывая ему на дверь.

Аркадій сдѣлалъ было движеніе, какъ бы желая встать передъ нимъ на колѣни; но онъ не допустилъ его.

— Вспомни, что я уже тебѣ не отецъ, сказалъ онъ ему сухо и, выведя его изъ кабинета, заперъ за нимъ дверь на замокъ.

Сцена эта произошла между отцомъ и сыномъ наединѣ; но мать разумѣется тотчасъ же узнала объ ней отъ Аркадія и, хотя очень хорошо знала, что вмѣшательство ея не приведетъ ни къ какому результату, материнское чувство взяло верхъ, и она рѣшилась попытать счастія. Долго на колѣняхъ умоляла она мужа простить провинившагося сына, не стараясь даже его оправдывать, чтобы тѣмъ болѣе не раздражить его и моля лишъ о помиловании; но тотъ остался непреклоненъ.

— Покорись судьбѣ, утѣшала она Аркадія, положись на Бога и на время; а то такъ попросись въ дѣйствующую армію: можетъ быть на счастіе твое выйдетъ какое нибудь удачное дѣло съ повстанцами. Я слышала бываетъ такъ, что самъ въ дѣло и не попадешь, а награду наравнѣ съ другими получишь. Отецъ читаетъ всѣ военныя реляціи отъ доски до доски и какъ прочтетъ твое имя въ числѣ отличившихся, все и забудетъ.

Совѣтъ этотъ она давала ему отъ искренняго сердца, а потому, мало расчитывая на его храбрость, сочла нелишнимъ сдѣлать эту оговорку.

Во весь этотъ день Баклановъ не выходилъ изъ своего кабинета; туда приказалъ подать себѣ и обѣдъ. Не входила къ нему болѣе и Софья Львовна: она понимала какъ тяжело было для него въ эту минуту видѣть ее,—не легко было это и для нея самой.

На другой день утромъ Баклановъ всталъ рано и, закуривъ сигару, понуро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, отъ времени до времени посматривая на часы. Пробило наконецъ восемь, прошло еще съ полчаса и послышался стукъ отъѣзжавшаго отъ крыльца экипажа. Онъ подошелъ къ окну, изъ котораго была видна лежавшая по другую сторону пруда большая дорога. Вскорѣ показалась выѣзжавшая на нее коляска и замелькала между тянувшимися по обѣ стороны ея ветлами. Долго стоялъ онъ, не трогаясь съ мѣста, съ заложенными за спину руками, молча слѣдя за удалявшимся экипажемъ. Онъ весь погруженъ былъ въ самого себя: то длинною вереницей проносился передъ нимъ цѣлый рядъ близкихъ сердцу воспоминаній, то осаждали его грустныя, тяжелыя думы. Припомнилось ему дѣтство Аркадія: и его первый ребяческій лепетъ, и первыя дѣтскія игры; казалось ему видитъ онъ еще какъ онъ десятилѣтнимъ мальчикомъ съ сѣткою въ рукѣ гоняется передъ этимъ самымъ окномъ за ба-

бочкой или, возвратясь съ прогулки съ Тиссомъ, показываетъ ему собранные имъ камни и растенія; вспомнилъ онъ какъ позже отвезъ онъ его въ Петербургъ и, помѣстивъ въ учебное заведеніе, возвращался домой полный свѣтлыхъ надеждъ на такъ заманчиво и привѣтливо улыбавшееся будущее. Невольно вспомнилась ему и его собственная давно минувшая молодость: и пылкія, юношескія мечты и пережитыя разочарованія и составленные имъ въ болѣе зрѣлую пору жизни планы. Нѣкоторые изъ нихъ удалось ему уже осуществить, другіе только что приводились въ исполненіе; онъ зналъ, что для послѣднихъ нужно было время, что по всей вѣроятности ему и не удастся дожить до ихъ полнаго осуществленія; но онъ возлагалъ надежды на сына, который долженъ былъ продолжить начатое и завершить его благія начинанія: онъ готовилъ его къ этому съ дѣтства, стараясь разъяснить ему и воспитаніемъ и совѣтами и собственнымъ примѣромъ своимъ лежавшій на немъ священный долгъ. И вотъ этотъ сынъ—надёжа, вотъ эти свѣтлыя, завѣтныя мечты!... Угрюмо смотрѣли изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей его свѣтившіеся умомъ глаза; отъ времени до времени надвигались на высокомъ лбу морщины, какъ бы облако глубоко затаенной грусти пробѣгало по нему, судорожно подергивалась губа, и казалось слеза готова была повиснуть на рѣсницѣ.... порою овладѣвало имъ какое-то дотого незнакомое ему недовѣріе къ силамъ своимъ, какъ бы сомнѣніе въ томъ, во что до сихъ поръ такъ горячо вѣровалъ, и въ первый, можетъ быть, разъ въ жизни онъ какъ бы упадалъ духомъ «Неужели, думалъ онъ, долженъ я оставить то, надъ чѣмъ такъ неусыпно трудился, бросить на половину уже пройденный путь, отказаться отъ своихъ теплыхъ вѣрованій въ свѣтлое будущее? Нѣтъ, прочь отъ меня эта недостойная мысль; бросать начатое и зрѣло обдуманное дѣло все равно что малодушно отречься отъ своего знамени.» Perge, perge quod coepisti,» припомнилъ онъ

изреченіе слышанное имъ когда-то отъ Тисса и тогда же затверженное наизусть. Да, впередъ, впередъ, сказалъ онъ твердо и рѣшительно,—и на сердцѣ у него стало отраднѣе, въ глазахъ зажегся снова огонь прежней, бодрой самоувѣренности: словно Божій міръ глянулъ на него веселѣе и привѣтливѣе.

Но вотъ изчезла за дальнимъ бугромъ и коляска; лишь несшееся за нею облако пыли еще стояло и тихо, едва замѣтно расплывалось въ воздухѣ. Баклановъ отошелъ отъ окна, тихими шагами направился къ двери, отперъ ее и пошолъ въ комнату жены.

— Тебѣ уже извѣстно рѣшеніе принятое мною относительно Аркадія, сказалъ онъ сухо и отрывисто; оно безповоротно. Прошу тебя никогда не произносить при мнѣ имени его, пока онъ не сотретъ съ него позорнаго пятна, которымъ заклеймилъ его. Но ты мать и можешь свободно слѣдовать тому, что укажетъ тебѣ твое материнское сердце. Можешь видѣться съ нимъ, конечно только не въ Бакланахъ; можешь съ Лизой ѣхать въ Петербургъ, кстати пора ее и вывозить въ свѣтъ. Сестра Вѣра Васильевна будетъ вамъ очень рада. Можешь наконецъ ѣхать съ нею за границу; я же изъ Баклановъ не тронусь ни на шагъ. Меня удерживаетъ въ нихъ священный долгъ, на служеніе которому я обрекъ остатокъ дней своихъ, да и покинуть ихъ въ настоящее время было бы все равно что бѣжать съ поля сраженія. Здѣсь мой постъ и, если будетъ нужно, я умру на немъ.

Осенью Софья Львовна отправилась съ Лизой за границу. Она поѣхала было въ Петербургъ, чтобы провесть тамъ съ сыномъ всю зиму; но въ продолженіе двухъ недѣль, проведенныхъ ею въ Петербургѣ, едва видѣла его: онъ заѣзжалъ къ ней какъ то урывками на самое короткое время, отговариваясь тѣмъ, что принадлежалъ къ какому то обществу, занятому въ настоящее время въ виду какихъ-то приближавшихся

событій обсужденіемъ очень серіозныхъ соціальныхъ вопросовъ. Финансы его были въ самомъ незавидномъ положеніи: сорокъ тысячь, выигранныя имъ въ Москвѣ, онъ уже давно успѣлъ спустить, снова надѣлалъ долговъ, и Софья Львовна должна была удѣлить ему часть изъ взятыхъ ею на прожитокъ въ Петербургѣ денегъ. Все это разумѣется очень огорчило ее, и она по совѣту Вѣры Васильевны рѣшилась отправиться съ дочерью за границу тѣмъ болѣе что возвращаться въ Бакланы, гдѣ все вызывало-бы въ ней грустныя воспоминанія, ей и самой не хотѣлось.

— Вѣдь такъ тебѣ вѣкъ оставаться нельзя, говорила она со слезами, прощаясь съ Аркадіемъ: надо всячески стараться сойтись съ отцомъ. Что ты въ самомъ дѣлѣ не попросишься въ дѣйствующую армію? Можетъ, быть тебѣ удалось бы отличиться въ какомъ нибудь дѣлѣ, и тогда онъ навѣрно простилъ бы тебя.

— Какъ вы легко, maman, объ этомъ говорите, отвѣчалъ Аркадій. Какъ вдругъ пошлютъ выгнать какую нибудь банду изъ засады или изъ лѣсу. Вѣдь можно и отъ повстанской пули точно также на тотъ свѣтъ отправиться.

Лиза отвернулась, чтобы скрыть навернувшуюся на глазахъ слезу. Ей не хотѣлось, чтобы Аркадій видѣлъ ее: это была слеза стыда, сдержаннаго негодованія и презрѣнія.

Въ ту же зиму въ приходской церкви села Ильинскаго совершалось бракосочетаніе Оленьки съ Павломъ Яковлевичемъ Погорѣловымъ. Приглашенныхъ было мало: былъ старикъ Баклановъ въ качествѣ посаженнаго отца невѣсты, да два, три сосѣда. Оленька въ послѣднее время много измѣнилась: она похудѣла и поблѣднѣла, что впрочемъ придавало ей въ подвѣнечномъ нарядѣ особую какъ бы неземную прелесть.

По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, ихъ встрѣтили на крыльцѣ съ образомъ и хлѣбомъ—солью старики.

— Чего пожелать вамъ? сказалъ Александръ Семеновичъ, обнимая ихъ и не удерживая катившихся по морщинистымъ щекамъ слезъ. Любите другъ друга и свѣкуйте вѣкъ свой также счастливо, какъ мы свѣковали его съ Глафирою Андреевною.

Прошло еще три мѣсяца и въ одинъ ясный весенній день изъ Баклановской усадьбы тянулась къ сельской церкви длинная погребальная процесія: то были похороны отставнаго гвардіи полковника Александра Васильевича Бакланова. За три дня передъ тѣмъ получилъ онъ изъ Петербурга извѣстіе, что сынъ его Аркадій замѣшанъ былъ въ какомъ то сборищѣ неблагонамѣренныхъ людей и обвинялся въ соучастіи съ ними въ поддѣлкѣ государственныхъ бумагъ и составленіи фальшивыхъ актовъ. Старикъ не могъ перенесть этого новаго для имени его позора и въ туже ночь умеръ скоропостижно отъ апоплексическаго удара.

На похоронахъ были представители всѣхъ сословій: тутъ были и дворяне и крестьяне, были даже и городскіе обыватели. Всѣ любили и уважали старика за его прямоту, стойкость характера и справедливость и, узнавъ о кончинѣ его, собрались со всѣхъ сторонъ отдать ему послѣдній долгъ. Не было лишъ никого изъ близкихъ родныхъ покойнаго. За гробомъ шла Оленька съ Павломъ Яковлевичемъ, который принялъ на себя и хлопоты по погребальной церемоніи.

На другой день смерти Бакланова согласно желанію его вскрытъ былъ врученный имъ Оленькѣ при отъѣздѣ ея изъ Бакланов(ъ) конвертъ. Въ немъ было письмо слѣдующаго содержанія:

Любезный другъ Оленька!

«Принявъ тебя въ свой домъ, вмѣсто дочери, я кромѣ даннаго тебѣ воспитанія естественно долженъ былъ озаботиться

«какъ объ обезпеченіи положенія твоего въ будущемъ, такъ и о «доставленіи тебѣ нужныхъ средствъ для удовлетворенія тѣхъ «потребностей, которыя должны были въ тебѣ развиться при-«вычкою къ довольству и о которыхъ ты, оставаясь у себя «дома, можетъ быть не имѣла бы и понятія. Въ виду этого «я положилъ на имя твое тогдаже въ Опекунскій Совѣтъ не «большой капиталъ, который современемъ дастъ тебѣ возмож-«ность жить безбѣдно въ своемъ собственномъ углѣ и, если «Богъ благословитъ тебя выйти замужъ, имѣть свои незави-«симыя средства, что въ семейной жизни дѣло великое. Ка-«питалъ этотъ составляетъ едва половину моихъ годовыхъ «доходовъ; а потому не думай, чтобы, удѣляя его тебѣ, я «сколько нибудь стѣснялъ себя. Прими его какъ изъявленіе «и загробной заботливости отца о нѣжно любимой имъ до-«чери. Если я не вручилъ его тебѣ прямо при отъѣздѣ твоемъ «изъ Бакланова; то потому что, зная тебя, боялся возму-«тить твое щекотливое и вполнѣ похвальное самолюбіе, да и, «пока я живъ, я буду издали слѣдить за тобою и до нужды «тебя не допущу. Ты дала мнѣ клятву исполнить эту послѣд-«нюю волю мою,—исполни же ее также свято, какъ исполняла «до сихъ поръ и всѣ лежавшія на тебѣ обязанности.»

При письмѣ приложенъ былъ билетъ Московскаго Опекунскаго Совѣта въ тридцать тысячъ рублей.

Софья Львовна въ Россію уже не возвращалась, а съ нею разумѣется и Лиза. Старикъ Баклановъ оставилъ имъ по завѣщанію значительный капиталъ и онѣ нетолько могли жить ни въ чемъ себѣ не отказывая, но и купили на берегахъ Комскаго озера живописную виллу, гдѣ и проводили зиму. Аркадій по смерти отца только одинъ разъ пріѣзжалъ въ Бакланы и то лишь болѣе для того, чтобы заложить ихъ. Нерѣдко доходили о немъ до Софьи Львовны самые неутѣ-

шительные слухи; но это не мѣшало ей любить его по прежнему и она, живя и за границей, не переставала хлопотать о прiисканiи для него невѣсты, даже какъ то выписывала на этотъ предметъ Марью Петровну, но та къ немалому удивленiю ея отъ содѣйствiя ей въ этомъ дѣлѣ положительно отказалась. Прiѣзжала провѣдать Софью Львовну съ Лизой Оленька съ сыномъ, котораго привозила по совѣту докторовъ въ Крейцнахъ. Софья Львовна встрѣтила ее съ распростертыми объятiями; о Лизѣ и говорить нечего: онѣ встрѣтились какъ родныя сестры. Оленька много расказывала имъ о своемъ житьѣ-бытьѣ: говорила, что на часть оставленныхъ ей Александромъ Васильевичемъ денегъ устроила она въ память его сельскую школу и больницу и лично наблюдала какъ за преподаванiемъ, такъ и за уходомъ за больными; Павелъ Яковлевичъ выбранъ былъ въ мировые судьи и весь предался своей новой обязанности, не забывая впрочемъ и собственныхъ дѣлъ своихъ и хозяйство его шло великолѣпно. «Ждемъ не дождемся, заключила она, когда Саша съ Лизой подростутъ настолько, чтобы можно было серiозно заняться ихъ воспитанiемъ.» По словамъ ея она была вполнѣ счастлива, хотя и не питала къ мужу никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ того, которое имѣла къ нему до замужества, т. е. искренней дружбы, основанной на взаимномъ уваженiи и довѣрiи и утверждала, что чувства этого совершенно достаточно для полноты семейнаго счастiя

ПРІЕМЫШЪ.

I.

Кто изъ мирныхъ обывателей, а тѣмъ болѣе изъ старожиловъ небольшаго степнаго городка Захолустска незнавалъ и не помнитъ Петра Ѳомича Миронова? Каждый день неизмѣнно. ровно въ 6 часовъ утра, высокая, худощавая и нѣсколько сутуловатая фигура его направлялась изъ одной изъ самыхъ отдаленныхъ улицъ города къ базарной площади и ровно черезъ часъ тѣмъ же путемъ возвращалась обратно. Прогулки эти или, лучше сказать, эти переходы совершались имъ съ такою пунктуальною аккуратностью, что по нимъ, пожалуй, можно было повѣрять часы. а можетъ быть были такіе, которые, за неимѣніемъ въ городѣ часовщика. ихъ по нимъ и повѣряли. Шелъ Петръ Ѳомичъ всегда ровнымъ шагомъ. не торопясь, но такъ однакоже, что видно было по походкѣ его, что онъ не фланировалъ, а шелъ по дѣлу. Если встрѣчался съ нимъ кто-либо изъ знакомыхъ,—а знакомъ онъ былъ со всѣмъ городомъ,—каждому онъ отвѣшивалъ поклонъ отвѣчая на ходу на дѣлаемые ему вопросы и привѣтствія. хотя вопросы эти были большею частію такого свойства, что положительно было все равно, отвѣчать на нихъ или нѣтъ.

— Куда это вы такъ рано? спрашивалъ попадавшійся ему по дорогѣ лавочникъ или дворникъ.

— По дѣламъ, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукой по направленію базарной площади.

— Откуда это вы? точно также спрашивала его на возвратномъ пути, можетъ быть въ сотый уже разъ, старуха плетшаяся домой отъ ранней обѣдни.

— Все оттуда же, говорилъ Петръ Ѳомичъ, указывая на выглядывавшій изъ-подъ шубы или шинели кулекъ съ закупленною провизіей.

Если же случалось ему встрѣтиться съ лицомъ болѣе почетнымъ или власть и команду имѣющимъ, напримѣръ съ частнымъ или съ квартальнымъ надзирателемъ, или другимъ представителемъ мѣстной администраціи, онъ на минуту останавливался, причемъ на лицѣ его появлялась улыбка, выражавшая самую непритворную благонамѣренность. Впрочемъ послѣднее выраженіе было ему всегда присуще и никогда не покидало его; тутъ же лишь высказывалось оно какъ-то рельефнѣе и осязательнѣе. Выраженіе это было первое что̀ при знакомствѣ съ нимъ брасалось вамъ въ глаза; имъ какъ бы проникнуто было все существо его. Оно свѣтилось въ его взглядѣ, слышалось въ его голосѣ, видно было въ пріемахъ его и самой поступи; мало того: то же самое чувство благонамѣренности сказывалось и въ стрижкѣ волосъ и въ способѣ повязыванія галстука и въ безукоризненно-чистомъ бритьѣ бороды, на которой не оставлялось имъ не только тѣхъ клочковъ волосъ, которые, какъ извѣстно, выражаютъ собою тѣ или другія тенденціи, но даже малѣйшаго забытаго волоска, который могъ бы навесть на мысль о возможности существованія таковыхъ.

Никакое время года, никакая погода, не могли остановить Петра Ѳомича въ совершеніи его ежедневныхъ экскурсій: въ дождь вооружался онъ большимъ парусиннымъ зонтомъ; въ грязь же надѣвалъ длинные охотничьи сапоги, въ которыхъ осторожно пробирался между лужъ или, лучше сказать, озеръ и водомоинъ, которыми изрѣзаны и испещрены были площади

и улицы Захолустска и которыя грозили въ ненастное время превратить его сухопутные пути сообщенія въ водяные.

Петръ Ѳомичъ Мироновъ былъ отставной чиновникъ, прослужившій полвѣка своего въ Захолустскомъ уѣздномъ судѣ и наконецъ оставившій службу не только съ честью, но и съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада жалованья. Опредѣлился онъ въ судъ еще шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, перейдя прямо съ деревянной скамьи приходскаго училища на плетеный стулъ уѣзднаго суда. Пять лѣтъ прослужилъ онъ писцомъ. пока прилежаніемъ и примѣрною исполнительностью не обратилъ на себя вниманія начальства и былъ помѣщенъ на открывшуюся вакансію повытчика. Дальше этой должности онъ, конечно, никогда не пошелъ бы, несмотря на то что былъ обладателемъ двухъ качествъ вполнѣ достаточныхъ для составленія и болѣе блистательной карьеры, еслибы не подоспѣло къ нему на помощь совершенно неожиданное обстоятельство. Секретарь суда былъ человѣкъ ловкій и дѣловой, умѣвшій не только прибрать къ рукамъ судью и дѣлавшій изъ него все что хотѣлъ, но управлявшійся и съ самыми законами много безцеремоннѣе, чѣмъ подчасъ обращаются съ ними въ наше время иные мировые судьи. Онъ былъ отецъ многочисленнаго семейства и, не говоря о четырехъ сыновьяхъ, которыхъ удалось ему воспитать на казенный счетъ и опредѣлить на службу, на рукахъ его оставались еще три болѣе нежели взрослыя незамужнія дочери, пристроить къ мѣсту которыхъ составляло одну изъ самыхъ неусыпныхъ заботъ его родительскаго сердца. Перебирая всѣ имѣвшіяся въ виду для нихъ партіи. онъ остановился на Мироновѣ, не какъ на болѣе другихъ выгодной, но болѣе подходящей. Ему хотѣлось дать за дочерью будущему зятю своему вмѣсто денегъ довольно доходное въ судѣ мѣсто надсмотрщика у крѣпостныхъ дѣлъ и приходорасходчика, а Мироновъ какъ разъ соединялъ въ себѣ какъ всѣ права на полученіе этой должности, такъ и

всѣ задатки для того чтобы, получивъ ее, крѣпко держаться на ней. Правда, что стоявшая на очереди дочь была чуть не десятью годами старше его (секретарь и въ выдачѣ дочерей замужъ, какъ и въ докладѣ дѣлъ, наблюдалъ очередь, оставляя, разумѣется, за собою право какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, и нарушать ее); но Мироновъ, оцѣнивъ выгоды партіи, отнесся къ этой разницѣ въ лѣтахъ индиферентно и свадьба была сыграна. Обѣ должности эти соединенныя въ одну оказались дѣйствительно настолько прибыльны, что онъ, не кривя душою и пользуясь лишь одними такъ-называемыми безгрѣшными доходами, могъ ежегодно откладывать въ сторону около двухсотъ рублей, что было для него, при умѣренности его требованій, вполнѣ достаточно. Мѣсто это занималъ онъ съ честью болѣе двадцати пяти лѣтъ и конечно остался бы на немъ до гробовой доски, еслибы не лишился его также неожиданно и, что̀ всего замѣчательнѣе, тѣмъ же самымъ путемъ какимъ и получилъ. Уже прошло болѣе пятнадцати лѣтъ какъ тесть его отошелъ на лоно праотцевъ; съ тѣхъ поръ въ судѣ перебывало чуть ли не до полудюжины секретарей, и всѣмъ имъ Петръ Ѳомичъ умѣлъ угодить, къ каждому изъ нихъ умѣлъ поддѣлаться, какъ присланъ былъ для исправленія этой должности какой-то чиновникъ губернскаго правленія, перевернувшій сразу весь судъ вверхъ дномъ. Петръ Ѳомичъ замѣтилъ съ перваго же дня, что онъ взглянулъ на него какъ-то недружелюбно, словно козерогомъ какимъ, такъ что дрожь пробѣжала по его тѣлу; но «обойдется», подумалъ онъ, «мы и не такихъ оглаживали». Оказалось однако, что новый секретарь никакимъ оглаживаньямъ не поддавался и съ каждымъ днемъ становился все придирчивѣе и взыскательнѣе. Ужь на что̀, казалось, крѣпостной столъ былъ у него въ порядкѣ и приходорасходныя книги въ исправности, такъ и тутъ находилъ къ чему придраться и за что̀ намылить ему голову: и не удостовѣряется-то онъ

какъ слѣдуетъ въ самоличности и правоспособности совершающихъ крѣпостные акты, и допустилъ-то онъ сумашедшаг подписаться подъ духовнымъ завѣщаніемъ, и свидѣтели-то прикладываютъ руки въ нетрезвомъ видѣ: точно это было его дѣло и будто всего этого не дѣлалось и прежде. Петръ Ѳомичъ удвоилъ свою бдительность и повелъ дѣло съ такою педантичною аккуратностью. что казалось и комару носа подточить было не по до что, но секретарскій носъ оказался тоньше комаринаго и находилъ такія щелки, которыя и въ микроскопъ усмотрѣть было бы трудно. Годъ цѣлый промаячился онъ такимъ образомъ и пришелъ наконецъ къ тому убѣжденію, что секретарь придирается къ нему не спроста и что тутъ что-нибудь да кроется. «Ужь не домагается ли онъ, чтобъ я дѣлился съ нимъ доходишками своими»? пришло ему въ голову, «дѣло возможное» И онъ рѣшился объясниться съ нимъ откровенно.

Въ едину отъ субботъ (въ этотъ день въ судѣ присутствія не было) отправился онъ къ секретарю на домъ.

— Что вамъ надо? спросилъ тотъ сухо, встрѣтивъ его на порогѣ.

— Я пришелъ къ вамъ по одному очень серіозному дѣлу, едва могъ проговорить оробѣвшій Петръ Ѳомичъ.

— По какому такому? продолжалъ секретарь тѣмъ же голосомъ и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Оставшись съ нимъ наединѣ, Мироновъ объяснилъ въ краткихъ словахъ цѣль своего прихода, намекнувъ и на возможность аккомодаціи. Правда, намекъ этотъ сдѣлалъ онъ какъ-то издалека, почти иносказательно, но такъ однакоже, что тотъ съ тонкимъ чутьемъ своимъ не могъ не понять его

Секретарь выслушалъ объясненіе съ подобающимъ вниманіемъ, ни разу не перебивъ его.

— Ужь если вы пришли объясниться со мною на этотъ счетъ по душѣ, сказалъ онъ уже болѣе мягкимъ голосомъ:—

то и я выскажусь вамъ откровенно. Сколько лѣтъ служите вы надсмотрщикомъ?

— Да ужь близь двадцати семи.

— Ну вотъ видите ли: послужили довольно, надо и другимъ кусокъ хлѣба дать.

Тутъ только Петръ Ѳомичъ сообразилъ въ чемъ дѣло: онъ чуть не ударилъ себа по лбу и не назвалъ старымъ дурнемъ. Тутъ только онъ вспомнилъ, что у секретаря, какъ и у покойнаго тестя его, было большое семейство (тогдашніе секретари были почти всегда люди семьянистые, такое ужь видно было у нихъ положеніе), что и у него было чуть-ли не четыре дочери и что старшая изъ нихъ была замужемъ за чиновникомъ, служившимъ у него же въ столѣ помощникомъ.

Какъ мнѣ это раньше не пришло въ голову? спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи.

Пока онъ все это соображалъ, секретарь стоялъ противъ него молча, точно давая ему время все обдумать и обсудить какъ слѣдуетъ.

— Ну такъ вотъ вы все это и сообразите, сказалъ онъ ему уже совершенно ласково;—а завтра вечеромъ приходите ко мнѣ чашку чаю выпить. Мы тутъ келейно обо всемъ и переговоримъ.

Возвратясь домой, долго обсуждалъ Петръ Ѳомичъ свое положеніе. Предъ нимъ стояла дилемма—или на перекоръ секретарю продолжать службу, то-есть прать противъ рожна, подвергая себя на каждомъ шагу незаслуженнымъ замѣчаніямъ и выговорамъ и въ концѣ-концовъ быть пожалуй преданнымъ суду и уволеннымъ отъ службы, или самому оставить ее съ честью, по болѣзни, и выйти въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ. Благонамѣренное направленіе его образа мыслей, равно какъ и умѣренность его желаній разумѣется склоняли его на послѣднее; но «что̀ буду я деньденьской дѣлать дома, сложа руки»? спрашивалъ онъ себя, и

это было главное что̀ останавливало его принять это рѣшеніе. «Еще бы, еслибы были у меня ребятишки, думалъ онъ, оно все бы туда-сюда: съ однимъ поигралъ бы, другаго бы понянчилъ; одного дернулъ бы за ухо, другому сдѣлалъ козу или хоть просто провелъ бы пальцемъ по носу, и то для родительскаго сердца утѣха не малая. А тутъ сиди себѣ цѣлый день опустя руки да хлопай глазами». У Петра Ѳомича, какъ и у всѣхъ благонамѣренныхъ чиновниковъ, сильно развито было чувство домовитости и дѣтолюбія. Какъ впрочемъ ни обдумывалъ онъ свое положеніе, исходъ былъ одинъ; и онъ на другой же день, помолясь Богу, прямо отъ вечерни отправился къ секретарю; а черезъ мѣсяцъ поступилъ въ разрядъ чиновниковъ не у дѣлъ. Въ формулярномъ спискѣ его было сказано, что онъ уволенъ въ отставку по растроенному на службѣ здоровью и по личной просьбѣ, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго оклада получавшагося имъ по послѣдней занимаемой имъ должности жалованья.

Выйдя въ отставку, Мироновъ первое время страшно скучалъ. Возвратясь съ обычной прогулки своей на базарную площадь, онъ положительно не зналъ что̀ дѣлать и за что̀ приняться: его такъ и тянуло въ судъ, куда онъ за частую и отправлялся. Придя туда, садился онъ по привычкѣ за крѣпостной столъ, чинилъ перья или читалъ первую попадавшуюся ему подъ руку бумагу. Чинить перья было и прежде однимъ изъ самыхъ любимыхъ его занятій, и надо отдать ему справедливость, чинилъ онъ ихъ превосходно. Еще бывъ надсмотрщикомъ, чинивалъ онъ ихъ для секретарей и мастерски умѣлъ подладить подъ руку каждаго изъ нихъ. Иногда спрашивалъ онъ, нѣтъ ли переписать какой бумажонки, и переписывалъ ее тутъ же или уносилъ съ собою на домъ. Особенно онъ любилъ переписывать купчія крѣпости, и переписывалъ ихъ такъ старательно и отчетливо, что онѣ казались литографированными. Не разъ приходило ему въ го-

лову снова поступить на службу по какому-либо другому вѣдомству; но онъ уже такъ привыкъ къ должности, которую занималъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, что всякая другая казалась ему какимъ-то дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ, вступить въ который ему было жутко. «Еслибъ еще пришлось гдѣ-нибудь занять мѣсто по бухгалтеріи или счетоводству, думалъ онъ, все бы еще ничего; дѣло мнѣ знакомое»; но такого какъ нарочно не представлялось. Уже лѣтъ пятнадцать спустя одинъ изъ старыхъ сослуживцевъ предлагалъ ему мѣсто казначея по какой-то вновь открывавшейся желѣзной дорогѣ. «Часть эта вамъ знакома, писалъ онъ ему; да и служба не коронная; стало-быть вы и пенсіонъ свой получали бы своимъ чередомъ; въ добавокъ и жалованье хорошее, а дѣла чуть. Я говорилъ о васъ какъ о человѣкѣ честномъ и не пьющемъ, и васъ приняли бы на службу охотно: въ такихъ людяхъ у насъ очень нуждаются.» Мѣсто было дѣйствительно подходящее, и будь оно предложено ему раньше, онъ можетъ-быть и принялъ бы его; но тогда онъ ужь былъ старъ, пооблѣнился и поступить снова на службу было уже для него тяжело. «Нѣтъ, ужь видно пѣсенка моя спѣта,» сказалъ онъ, прочитавъ письмо, и, вздохнувъ, махнулъ рукою.

II.

Злая судьба, одаривъ Петра Ѳомича любовью къ семейной жизни и дѣтолюбіемъ, точно хотѣла посмѣяться надъ нимъ. Два раза былъ онъ женатъ и ни одинъ изъ этихъ браковъ не принесъ съ собою того, чего онъ отъ нихъ ожидалъ. Первая жена его была женщина своенравная, сварливая, до невозможности требовательная, умѣвшая превратить семейную жизнь въ невыносимую каторгу. «Хоть бы, думалъ онъ, Го-

сподь Богъ сжалился надо мною и послалъ ангела-умиротворителя въ лицѣ невиннаго малютки, который, смягчивъ сердце матери, водворилъ бы между нами миръ и согласіе.» Но неумолимая судьба не посылала ему и этого утѣшенія, и онъ сталъ искать его себѣ въ службѣ, которой всецѣло и предался: семейнымъ очагомъ его сдѣлался уѣздный судъ. Десять лѣтъ сожительства съ первою женой были для него годами тяжелыхъ испытаній, но врожденная въ немъ страсть къ семейной жизни и домовитости была такъ сильна, что, лишившись жены, онъ тутъ же сталъ думать какъ бы снова опутать себя брачными узами. Замѣчено что чиновники подобные Миронову рѣдко долго остаются вдовцами. Наученый горькимъ опытомъ, онъ на этотъ разъ взялся за дѣло осмотрительнѣе. Онъ очень хорошо понималъ, что долженъ былъ искать себѣ невѣсту не между свѣтскими дѣвушками, – да такая пожалуй за него и не пошла бы. — ему нужна была добрая жена, хорошая хозяйка и будущая заботливая, нѣжная мать (послѣднее качество считалъ онъ даже нужнѣе двухъ первыхъ), и все это, казалось ему, соединяла въ себѣ племянница стараго знакомаго его и сосѣда, отставнаго гарнизоннаго подпоручика Гаврилы Самойловича Корнѣева. Послѣ долгихъ колебаній и обдумываній, онъ сдѣлалъ наконецъ предложеніе, а черезъ недѣлю отпразднована была и свадьба. Выборъ этотъ дѣйствительно оказался удачнымъ: вторая жена его была, правда, женщина простая, не получившая ровно никакого образованія, но съ добрымъ сердцемъ, вся преданная заботамъ по хозяйству, съ кроткимъ, ровнымъ характеромъ. Петръ Ѳомичъ былъ счастливъ. «Чего мнѣ еще надо? говорилъ онъ, все идетъ пока какъ слѣдуетъ, а остальное, дастъ Богъ, приложится.» Но прошло двѣнадцать лѣтъ тихой, мирной жизни, а этого остальнаго все еще не прилагалось. Часто, сидя у окна, любовался онъ какъ рѣзвились и играли на улицѣ ребятишки. Хоть бы одного такого карапузика Богъ

послалъ, думалъ онъ; но этого-то карапузика Богъ и не посылалъ ему.

Съ выходомъ въ отставку строй жизни Миронова совершенно измѣнился: въ ней образовался пробѣлъ, который онъ положительно не зналъ чѣмъ пополнить. Особенно утро тянулось для него невыносимо долго, порой даже какая-то невѣдомая ему до того тоска овладѣвала имъ. «Нѣтъ, надо пріискать себѣ какое-нибудь дѣло.» рѣшилъ онъ. Еще лѣтъ за пять предъ тѣмъ дядя его жены пріискалъ ему въ сосѣдствѣ съ собою въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города, небольшой домъ, который онъ тогда же купилъ и поселился въ немъ, оставивъ его въ прежнемъ видѣ. Теперь онъ принялся отдѣлывать его: сдѣлалъ кой-какія нужныя по хозяйству пристройки, а главное занялся разведеніемъ сада, подъ который отвелъ заднюю часть своей довольно большой усадьбы; отдѣлилъ его отъ двора сквозною рѣшеткою, засадилъ яблонями, крыжевникомъ и самородиной, разбилъ въ немъ даже цвѣтникъ съ небольшою посреди площадкой, на которой поставилъ дѣтскіе качели. «Можетъ быть когда и пригодятся». утѣшалъ онъ себя. Занятія эти пришлись ему по вкусу и потому что, предаваясь имъ, онъ зналъ, что устраиваетъ свое собственное гнѣздо, работаетъ не для кого-либо, а для самого себя, можетъ быть и для будущихъ дѣтей своихъ, что онъ наконецъ не наемщикъ и не какой-нибудь пролетарій а полный осѣдлый собственникъ. Въ этихъ новыхъ, до того незнакомыхъ Петру Ѳомичу хлопотахъ, незамѣтно прошли лѣто и осень; но съ наступленіемъ зимы онъ остался снова безъ дѣла, да сколько ни ломалъ головы, никакого и пріискать себѣ не могъ. Чтенія книгъ онъ не любилъ, даже не могъ понять какъ могли люди находить удовольствіе въ чтеніи того что не имѣетъ прямаго отношенія къ фактической, такъ-сказать вседневной сторонѣ жизни. Дѣловыя бумаги статья иная, разсуждалъ онъ: тутъ я вижу что Петръ совершаетъ

купчую либо тягается съ Иваномъ, и если я обоихъ ихъ въ глаза и не вижу, то знаю, что они люди дѣйствительно существующіе, потому что иначе зачѣмъ бы было имъ тратиться на пошлины, на гербовую бумагу и на другіе неизбѣжные при производствѣ всякаго дѣла расходы, Къ тому же знаешь что при этомъ и тебѣ что-нибудь перепадетъ. стало-быть дѣло тебя интересующее. Читать же о похожденіяхъ какихъ-нибудь, можетъ быть вовсе не бывалыхъ людей, интереса мало; вѣдь это та же сказка о Бовѣ Королевичѣ.» Вообще Мироновъ относился ко всему печатному какъ-то недовѣрчиво и читалъ лишь приносимыя имъ иногда изъ суда мѣстныя губернскія вѣдомости. «Тутъ по крайней мѣрѣ знаешь что дѣло идетъ о живыхъ людяхъ», говорилъ онъ. Приходили иногда навѣстить его старые сослуживцы; но какъ приходили они больше для того чтобы закусить, да выпить, а онъ до выпивокъ, и служа въ судѣ, когда они имѣли свою цѣль и значеніе, не былъ охотникъ. то и посѣщенія эти были ему всегда въ тягость. Единственные посѣтители, которымъ онъ всегда отъ души былъ радъ, были Корнѣевъ, приходившій къ нему съ сосѣдомъ Антономъ Антоновичемъ Скрутомъ, коротать длинные зимніе вечера.

Гаврила Самойловичъ Корнѣевъ былъ, какъ читатель уже знаетъ, родной дядя жены Миронова, инвалидъ, пенсіонеръ, жившій съ нимъ по сосѣдству. Ему было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ еще старикъ бодрый и свѣжій, ходившій и до сихъ поръ по цѣлымъ днямъ съ ружьемъ по лѣсамъ и болотамъ. Онъ былъ сынъ однодворца одной изъ подгородныхъ слободъ Захолустска, лѣтъ двадцать прослужилъ въ нижнихъ чинахъ и за примѣрную исполнительность по службѣ произведенъ былъ въ офицеры съ зачисленіемъ въ одинъ изъ гарнизонныхъ баталіоновъ; тамъ нѣсколько лѣтъ былъ этапнымъ командиромъ, не разъ водилъ партіи рекрутовъ, наконецъ вышелъ въ отставку съ мундиромъ и

пенсіономъ. Возвратясь на родину, нашелъ онъ въ живыхъ лишь двухъ сестеръ: одну вдову съ небольшою дѣвочкой, другую уже пожилую дѣвушку. Онъ взялъ ихъ къ себѣ и, купивъ небольшой домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города, поселился въ немъ доживать остатокъ дней своихъ. Старшая сестра вскорѣ же умерла, оставивъ на рукахъ его дочь круглою сиротой; онъ выучилъ ее грамотѣ, катихизису и четыремъ правиламъ ариѳметики. и выдалъ замужъ за Миронова. Корнѣевъ не получилъ, разумѣется, ровно, никакого образованія, но былъ отъ природы человѣкъ далеко не глупый; всегда веселый и словоохотливый, онъ въ настоящемъ случаѣ былъ для Петра Ѳомича сущею находкой. Онъ разказывалъ ему о совершенныхъ имъ походахъ и разныхъ не лишенныхъ интереса эпизодахъ изъ своей долговременной службы, приправляя разказы свои то краснымъ словцомъ, то мѣткимъ замѣчаніемъ. Еще и прежде нерѣдко посѣщалъ онъ его; выдавъ же за него племянницу свою которую любилъ безъ ума, сталъ навѣщать еще чаще. Лѣтомъ онъ, какъ и Мироновъ имѣлъ свои опредѣленныя занятія, копаясь на огородѣ или охотясь съ ружьемъ или ястребомъ; но зимой, подобно ему, положительно не зналъ какъ убить праздное время, а потому ходилъ къ нему коротать длинные вечера почти каждый день.

Личность Антона Антоновича Скрута была долго для Захолустска какимъ то миѳомъ. Никто не зналъ ни роду его ни племени, никто не зналъ откуда пріѣхалъ онъ въ Захолустскъ и зачѣмъ въ немъ поселился. Онъ явился между ними какъ-то вдругъ, нежданно, негаданно, какъ deus ex machina, точно съ неба свалился. О пріѣздѣ и водвореніи его въ городѣ узнали лишь тогда, когда онъ, купивъ небольшой домикъ въ концѣ той же улицы въ которой жили Мироновъ съ Корнѣевымъ, поселился съ нимъ на житье. Жилъ онъ какимъ-то отшельникомъ; ни съ кѣмъ не былъ знакомъ; никогда не ви-

дали его ни въ церкви, ни на базарѣ, ни въ какомъ-нибудь другомъ общественномъ мѣстѣ; если же встрѣчался съ кѣмъ на улицѣ, что впрочемъ случалось очень рѣдко, такъ какъ онъ любилъ лишь загородныя прогулки,—онъ какъ-то сторонился, точно желалъ пройти незамѣченнымъ. Загадочная личность его сдѣлалась, разумѣется, предметомъ общихъ толковъ и самыхъ разнорѣчивыхъ догадокъ и предположеній, не приведшихъ впрочемъ ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ, такъ какъ узнать о немъ что-либо положительное рѣшительно было не отъ кого: вся домашняя прислуга его состояла изъ стараго, глухаго инвалида, привезеннаго имъ съ собою, такого же нелюдима какъ и онъ самъ; на всѣ дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ онъ уклончиво, короткими односложными словами. Одни говорили, что таинственный незнакомецъ сербъ, другіе что онъ грекъ или армянинъ; были даже такіе, которые утверждали, что онъ еврей. И дѣйствительно его длинный съ горбиною носъ, круглый выдавшійся подбородокъ, смуглый цвѣтъ лица, черные глаза и такіе же черные какъ смоль волосы давали нѣкоторое правдоподобіе этимъ предположеніямъ. Нѣкоторые, имѣвшіе случай обмѣняться съ нимъ парою словъ, замѣтили даже въ выговорѣ его иностранный акцентъ. Правда, удалось-было любопытнымъ добиться кое-какихъ свѣдѣній о домашней, вседневной его жизни; но свѣдѣнія эти вели лишь къ однимъ предположеніямъ, не давая никакого опредѣленнаго понятія о его личности. Такъ напримѣръ узнали, что онъ устроилъ у себя въ домѣ химическую лабораторію, въ которой просиживалъ по цѣлымъ ночамъ, перегоняя какія-то жидкости, — разъ даже слышали у него глухой взрывъ, страшно напугавшій сосѣдей; говорили, что онъ составляетъ какіе-то жизненные элексиры, что какъ-бы до извѣстной степени потверждалось тѣмъ, что онъ лѣчилъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней, противъ которыхъ обыкновенныя медицинскія средства оказывались въ большин-

ствѣ случаевъ недѣйствительными. Такъ лѣчилъ онъ отъ рака, сибирки, укушенія бѣшеной собаки и лѣчилъ такъ удачно, что противъ него возбуждено было даже преслѣдованіе со стороны мѣстныхъ врачей; но какъ лѣчилъ онъ безплатно и преимущественно бѣдныхъ людей, то вскорѣ же оставленъ былъ въ покоѣ. Послѣ долгихъ розысковъ и разслѣдованій добрались наконецъ, что Скрутъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ гдѣ-то учителемъ, потомъ поступилъ къ одному богатому помѣщику въ качествѣ секретаря или библіотекаря, откуда и былъ присланъ въ Захолустскъ подъ присмотръ полиціи. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе возбудило общее любопытство: толкамъ конца не было. Городъ раздѣлился на нѣсколько лагерей;: въ одномъ утверждали, что онъ принадлежалъ къ какому-то тайному обществу, въ другомъ, что онъ обвиненъ былъ въ распространеніи между учащеюся молодежью вредныхъ идей; говорили даже, что въ бумагахъ его найдена была сильно компрометтировавшая его переписка съ какими-то заграничными агитаторами. Но всѣ эти предположенія основаны были лишь на однихъ невѣрныхъ слухахъ, и вопросъ за что̀ именно отданъ былъ онъ подъ присмотръ полиціи, откуда былъ родомъ и почему присланъ былъ не въ какой-либо другой городъ, а въ Захолустскъ, который, какъ извѣстно, никогда ни ссыльнымъ, ни опальнымъ городомъ не былъ, такъ-таки и остался неразрѣшенною загадкой.

Познакомился съ нимъ Корнѣевъ совершенно случайнымъ и довольно оригинальнымъ образомъ. Охотясь съ ружьемъ по лѣсамъ и болотамъ, не разъ встрѣчалъ онъ его собирающимъ насѣкомыхъ, мхи и растенія. «Вишь, шутъ гороховый, чѣмъ занимается», говорилъ онъ себѣ подъ носъ, искоса поглядывая на него; но какъ не былъ съ нимъ знакомъ, то и проходилъ мимо, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его. Разъ, возвращаясь уже позднимъ вечеромъ съ охоты, поднялъ онъ на опушкѣ лѣса вальдшнепа. Онъ выстрѣлилъ, вальдшнепъ

упалъ, но вслѣдъ за выстрѣломъ раздался за кустомъ какой-то глухой стонъ. Онъ бросился по его направленію и увидалъ загадочнаго незнакомца, стоявшаго у дерева и крѣпко державшаго себя за плечо. Догадаться въ чемъ дѣло не трудно было. Корнѣевъ помогъ ему снять пальто и разорвалъ рукавъ рубашки; въ плечѣ сидѣли три дробины. Выстрѣлъ сдѣланъ былъ на довольно далекомъ разстояніи и раны были такъ легки что дробинки тутъ же выпали изъ нихъ сами собой: но тѣмъ не менѣе изъ нихъ струилась кровь. Корнѣевъ перевязалъ ихъ и проводилъ паціента своего до дому, гдѣ не отходилъ отъ него во всю ночь, перемѣняя холодные компрессы. Это обстоятельство сблизило ихъ и съ этого дня они отправлялись уже на экскурсіи свои вмѣстѣ, одинъ съ ружьемъ за плечами, другой съ сумкою на перевязи. Вскорѣ удалось Корнѣеву, хотя и не безъ труда, познакомить сосѣда своего и съ Мироновыми. Ему очень понравились радушіе и простота хозяевъ, у которыхъ онъ могъ проводить время не стѣсняясь, какъ у себя дома; онъ сталъ навѣщать ихъ съ Корнѣевымъ довольно часто и просиживалъ у нихъ по цѣлымъ вечерамъ.

III.

Странно было сближеніе этихъ трехъ лицъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни въ образованіи, ни въ образѣ жизни, ни во взглядѣ на нее. Не было у нихъ ни особой страсти, ни особой къ чему либо наклонности, которыя могли бы связать ихъ общностью какихъ бы то ни было интересовъ. Такъ Корнѣевъ любилъ охоту съ ружьемъ и ястребомъ; Антонъ Антоновичъ терпѣть ея не могъ; Петръ Ѳомичъ даже боялся ея,—одинъ видъ зараженнаго ружья наводилъ на него какой-то безотчетный страхъ. Онъ въ свою очередь любилъ бухарскихъ голубей и развелъ ихъ больше сотни. Корнѣевъ

постоянно подсмѣивался надъ этою охотой. «Вотъ напущу на нихъ своихъ ястребовъ, говорилъ онъ ему,—только ты своихъ бухарцевъ и видѣлъ. Ужь лучше развелъ бы гусей бойцовъ. вотъ какъ у меня, или бойцовъ пѣтуховъ; тѣ по крайности натѣшили бы вдоволь, кровь молодецкую разыграли бы.» Антонъ Антоновичъ не сочувствовалъ ни одной изъ этихъ охотъ и находилъ ихъ пустою. безполезною тратой времени. Онъ любилъ гербаризировать, собиралъ по лѣсамъ и болотамъ насѣкомыхъ и птичьи яйца, для чего даже иногда бралъ съ собой въ помощь цѣлый отрядъ мальчишекъ, очень искусно набивалъ чучелъ и къ концу пребыванія своего въ Захолустскѣ составилъ довольно полный гербарій мѣстной флоры и очень замѣчательныя коллекціи по части орнитологіи и энтомологіи. Корнѣевъ и Петръ Ѳомичъ смотрѣли на эти занятія его съ усмѣшкой и не могли понять какъ такого не глупаго, начитаннаго и уже солидныхъ лѣтъ человѣка можетъ занимать такая, по мнѣнію ихъ. дѣтская забава. Эта разнохарактерность вкусовъ и наклонностей, не говоря уже о взглядахъ на жизнь и убѣжденіяхъ. проявлялась во всемъ, даже въ мелочахъ вседневной жизни. Не было, казалось. такой точки, въ которой эти разнотипныя личности могли соприкасаться, а слѣдовательно не могло. казалось бы, и быть такого предмета или разговора, который могъ бы одинаково интересовать ихъ; а между тѣмъ они сходились, и сходились довольно часто, коротать длинные зимніе вечера и конечно находили въ этихъ сходбищахъ удовольствіе, потому что въ противномъ случаѣ сходиться бы не стали. На вечерахъ этихъ Петръ Ѳомичъ говорилъ мало; его надо было натолкнуть на разговоръ, заставить его говорить. Хотя онъ мало знакомъ былъ съ дѣйствительною жизнію или, лучше сказать, мало принималъ въ ней личнаго участія, но по должности надсмотрщика у крѣпостныхъ дѣлъ ему не разъ случалось присутствовать при завязкѣ цѣлыхъ романовъ, и разказы его

подъ часъ полны были самаго живаго, драматическаго интереса. Они были тѣмъ интереснѣе, что чужды были всякой субъективности: онъ передавалъ о видѣнномъ имъ и слышанномъ какъ безпристрастный свидѣтель, не увлекаясь ни предвзятою мыслію, ни даже желаніемъ чѣмъ-либо скрасить разсказъ свой, точно читалъ протоколъ какого-нибудь судебнаго слѣдствія, предоставляя слушателямъ дѣлать изъ него свои выводы и заключенія. Онъ если и не обладалъ даромъ краснорѣчія, то выражался ясно и опредѣлительно,—каждое слово выходило у него какъ-то чеканно. Замѣчательно въ немъ было то, что, употребляя въ обыкновенномъ разговорѣ простонародныя слова, даже цѣлые обороты, онъ въ разсказахъ своихъ, или когда разговоръ подымался выше обыкновеннаго уровня, выражался чистымъ, общеупотребительнымъ языкомъ, переходившимъ иногда даже въ высокій слогъ, точно въ немъ были два человѣка: одинъ всedневый, семейный, другой незаурядный, какъ бы полуоффиціальный. Корнѣевъ, напротивъ того, былъ очень словоохотливъ, и какъ долголѣтняя служба его, бросая его изъ стороны въ сторону, дала ему возможность видѣть на вѣку своемъ, что называется, разные виды; то и разсказы его не лишены были своего рода интереса. Они отличались какою-то своеобразностью. Онъ любилъ приправлять ихъ то краснымъ словцомъ, то мѣткимъ, а иногда и полнымъ соли замѣчаніемъ. Замѣчанія эти были интересны и потому что они были выраженіемъ нетолько его собственныхъ личныхъ воззрѣній, но и воззрѣній той среды, въ которой онъ вращался, которой былъ представителемъ.. Нерѣдко увлечечный краснобайствомъ своимъ или желаніемъ ввернуть красное словцо или просто безотчетнымъ влеченіемъ отлить пулю, «нате молъ, разжуйте ее», разсказывалъ онъ какую-нибудь несодѣянность, выдавая за случившееся съ нимъ или на его глазахъ то, чего никогда не было, да и быть не могло; тогда Антонъ Антоновичъ, обыкновенно молчавшій, съ

невозмутимымъ спокойствіемъ покуривая вакштафъ изъ высокой фарфоровой трубки, останавливалъ его.

— Вы, кажется, Гаврило Самойловичъ, ужъ черезъ край хватили, говорилъ онъ ему.

— А тебѣ-то что, возражалъ тотъ (Корнѣевъ со второй же встрѣчи говоришь всѣмъ *ты)*,—сидитъ себѣ точно съ молоткомъ, слова лишняго сказать не дастъ. Не всѣ въ одно окно на свѣтъ Божій глядятъ: тебѣ кажется такъ, а мнѣ инако. Вотъ ты говоришь, что войнѣ быть не слѣдуетъ, что придетъ время когда ея вовсе не будетъ и станутъ люди жить промежь себя по Божью, какъ братья родные, а я говорю что этому никогда не бывать; пока останутся на землѣ хоть два человѣка, все будутъ между собою дѣлиться да ссориться, потому нельзя; такъ ужь сотворенъ человѣкъ, что вездѣ ему тѣсно, всего мало, въ чужихъ рукахъ копѣйка дороже своего рубля. Такъ-то.

Иногда Корнѣевъ любилъ подтрунить надъ ученостью Антона Антоновича: называлъ его фармазономъ или чернокнижникомъ, или же серіознымъ тономъ предлагалъ ему самые нелѣпые вопросы.

— А что, говорилъ онъ ему,—если обрушится небо, вѣдь я чай всѣхъ перепеловъ въ полѣ передавитъ?

— Передавитъ, отвѣчалъ тотъ также серіозно.

Или:

— Вотъ ты, Антонъ Антоновичъ, человѣкъ ученый, все произошолъ. Правда, слышалъ я, будто Нѣмцы такіе очки выдумали, что въ нихъ, не учась грамотѣ, всякую книгу читать можно?

— А я слышалъ, такіе, добавлялъ тотъ,—что въ нихъ и самого человѣка-то насквозь видѣть можно и всѣ мысли его прочесть какъ у себя на ладони.

— А вѣдь дойдутъ пожалуй и до этого, заключалъ Кор-

нѣевъ съ самодовольною улыбкой,—какъ есть дойдутъ. Нѣмецъ до всего дойдетъ; не даромъ про него сказано, что обезьяну выдумалъ.

Несмотря однакожъ на эти подтрунииванія, онъ очень уважалъ Антона Антоновича и уважалъ именно за его умъ и начитанность и нерѣдко обращался къ нему за совѣтами, въ которыхъ тотъ никогда ему не отказывалъ. Часто просилъ онъ его объяснить и растолковать что-нибудь для него не понятное и всегда выслушивалъ объясненіе его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ.

— Однако уменъ же ты, говорилъ онъ; справедливо говорится, что ученье—свѣтъ, неученье—тьма.

Жена Миронова рѣдко принимала участіе въ этихъ разговорахъ, хотя и постоянно присутствовала при нихъ съ чулкомъ въ рукахъ или разливая чай. Дарья Васильевна была женщина не глупая, но тихая, молчаливая, вѣчно сосредоточенная въ себѣ самой, точно не умѣла высказать ни чувствъ, ни мыслей своихъ. У нея было доброе любящее сердце и много прекрасныхъ душевныхъ качествъ, но всѣ они были какъ бы заперты въ сундукѣ, изъ котораго показывались на свѣтъ Божій лишь тогда, когда въ томъ представлялась настоятельная необходимость, когда что-либо вызывало ихъ; сами же по себѣ никогда и ничѣмъ не заявляли о своемъ существованіи. Такъ она искренно любила мужа; но любовь эта не выражалась ни особою о немъ заботливостью, ни ласками, ни предупредительностью; она казалось ждала особаго случая, чтобы высказаться во всей силѣ своей, и дѣйствительно, когда онъ бывалъ боленъ, а это случалось не рѣдко, она забывала о себѣ и не отходила отъ изголовья его постели. Она горячо сочувствовала и чужому горю; но сочувствіе это не высказывалось у нея болѣе или менѣе отвлеченнымъ чувствомъ гуманности или сердоболія; оно пробуждалось лишь тогда, когда она встрѣчалась съ этимъ горемъ лицомъ

къ лицу, когда видѣла его своими глазами и тогда, не останавливаясь уже ни предъ какими соображеніями, спѣшила помочь ему. Не было сомнѣнія, что она была бы и нѣжною, заботливою матерью; но какъ случая къ проявленію этого чувства еще не представлялось, то и лежало оно въ ожиданіи очереди своей въ затаенномъ сундукѣ. Эта сосредоточенность, неэкспансивность эта имѣла въ семейномъ быту свою дурную сторону: она не разъ наводила Петра Ѳомича на горькія сомнѣнія. «Ужь полно скорбѣть ли мнѣ о томъ, что нѣтъ у насъ дѣтей, спрашивалъ онъ себя; еще Богъ знаетъ стала ли бы она любить ихъ и нянчиться съ ними».

Такова была жизнь Миронова и таковы были отношенія его къ женѣ и двумъ болѣе другихъ близкимъ ему лицамъ. Они далеко не были интимны и сближеніе его съ двумя послѣдними обусловливалось лишь пустотою жизни и насущною потребностію коротать тѣмъ или другимъ путемъ праздное время. Такими остались бы они можетъ-быть и навсегда, еслибы не случилось одно обстоятельство, связавшее эти четыре личности болѣе тѣсными узами и сдѣлавшее ихъ какъ бы членами одной семьи.

Разъ, прокоротавъ по обыкновенію долгій осенній вечеръ, собесѣдники собирались расходиться. Часы пробили десять, а въ этотъ часъ въ Захолустскѣ, а тѣмъ болѣе въ отдаленныхъ его улицахъ, если еще не спали, то уже ложились спать. Корнѣевъ подошелъ къ окну чтобы взять съ него свой походный кисетъ; Антонъ Антоновичъ, выколотивъ фарфоровую трубку, укладывалъ ее въ карманъ, какъ вдругъ послышался изъ сѣней какой-то необычный крикъ. Всѣ остановились, притаивъ дыханіе. Не прошло и минуты какъ тотъ же крикъ повторился еще явственнѣе.

— Ребенокъ! сказалъ Корнѣевъ.

— Да еще новорожденный, подтвердилъ Антонъ Антоновичъ.

Всѣ переглянулись въ недоумѣніи.

— Что же это такое? едва могъ проговорить Петръ Ѳомичъ; всякая неожиданность всегда сильно тревожила, даже пугала его.

— А вотъ сейчасъ увидимъ, сказала Дарья Васильевна и, взявъ стоявшій на коникѣ у входа изъ сѣней фонарь, отворила въ нихъ дверь.

Всѣ послѣдовали за нею, но, выйдя въ сѣни, остановились, озадаченные неожиданностію представившагося имъ зрѣлища.

Въ углу, у самой входной съ улицы двери, стояла корзина и въ ней барахтался завернутый въ теплое одѣяло ребенокъ. Отъ времени до времени онъ издавалъ жалобный, пронзительный крикъ.

— Что же это такое значитъ? повторилъ тѣмъ же недоумѣвающимъ голосомъ Мироновъ.

— А то, что Богъ услышалъ твою грѣшную молитву и посылаетъ тебѣ на старости лѣтъ утѣшеніе, сказалъ Корнѣевъ.— Возьми его, да и воспитывай вмѣсто сына либо дочери.

Послѣдовало молчаніе.

— Тяжело... проговорилъ наконецъ Петръ Ѳомичъ голосомъ, въ которомъ слышались и желаніе принять въ домъ ребенка и неувѣренность, даже сомнѣніе раздѣляетъ ли желаніе это жена его. Онъ точно спрашивалъ ее находитъ ли она это дѣло для себя тяжелымъ, такъ какъ тяжесть его, особенно въ первое время, должна была лечь не столько на него, сколько на нее.

— А бываетъ и такъ, продолжалъ Корнѣевъ, что то что намъ съ перваго раза кажется тяжелымъ, напослѣдокъ легкимъ окажется. На все Богъ.

Дарья Васильевна между тѣмъ успѣла повѣсить фонарь на нарочно вбитый для того въ стѣну крюкъ и съ любопытствомъ и участіемъ разсматривала лежавшаго въ корзинѣ ре-

бенка. По лицу ея видно было, что и въ ней происходила борьба; въ ней боролось чувство сострананія съ боязнью принять на себя нелегкую, можетъ-быть, непосильную для нея обязанность.

— Ну что жь вы? приставалъ Корнѣевъ, котораго нѣмая сцена эта видимо начинала забирать за ретивое.

Дарья Васильевна медленно перенесла глаза съ ребенка на мужа и встрѣтила его устремленный на нее вопросительный и вмѣстѣ какъ бы умоляющій взглядъ. Они, казалось, обмѣнялись и такъ сильно волновавшими ихъ сомнѣніями и вопросами.

— Вотъ какъ она, проговорилъ наконецъ еще не совсѣмъ рѣшительно Петръ Ѳомичъ.

— А что жь я, сказала отрывисто Дарья Васильевна, видимо стараясь превозмочь давившія ее слезы.—По моему ужъ если родная мать покинула свое дѣтище, такъ стало-быть настоящая ему мать будетъ та, которая его вспоитъ и вскормитъ, и если ужъ Господу Богу угодно было послать его къ намъ, такъ и да будетъ Его святая воля.

И, нагнувшись къ корзинѣ, она вынула изъ нея кричавшаго ребенка и горячо поцѣловала его въ пухлую щечку.

— Молодца! сказалъ Корнѣевъ, утирая кулакомъ навернувшуюся слезу.

Не могъ и Петръ Ѳомичъ удерживать долѣе душившія его слезы и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— А это что еще такое? сказалъ Антонъ Антоновичъ, подымая съ пола выпавшую изъ-подъ одѣяла бумажку.

Онъ поднесъ ее къ фонарю и съ трудомъ могъ разобрать написанныя на ней крупными каракулями слова: «Нарѣченъ во святомъ крещеніи Викторомъ; воспріемниками были: рабъ Божій Павелъ и раба Божія Домна».

— Вотъ его и все тутъ: и метрика, и протоколъ дворянскаго собранія, грустно проговорилъ Корнѣевъ.

— Какъ это такъ? спрашивалъ, всхлипывая, Петръ Ѳомичъ. Онъ такъ былъ взволнованъ всѣмъ видѣннымъ имъ и слышаннымъ, что не могъ еще прійти въ себя и уяснить себѣ какъ слѣдуетъ все около него происходившее.

— А какъ, сказалъ Корнѣевъ,—стало-быть звать его Викторомъ, по отцу Павловичемъ, а фамилія ему Доминнъ.

— Правда, подтвердилъ Антонъ Антоновичъ.

Такъ ребенокъ и былъ названъ.

IV.

Съ этого дня все въ домѣ Мироновыхъ измѣнилось: явился центръ, точка тяготѣнія, которая притягивала къ себѣ все окружавшее. Трудно было сказать кто былъ въ большемъ упоеніи, Мироновъ или жена его. Правда, событіе это осуществляло лучшую, давнишнюю, задушевную мечту Петра Ѳомича; Дарья же Васильевна ея никогда въ сердцѣ своемъ не лелѣяла, да и вообще никогда и ни о чемъ не мечтала: то или другое чувство, какъ было уже сказано, вызывалось у нея лишь осязаемою дѣйствительностью, совершившимся или совершавшимся предъ глазами ея фактомъ. Мысль взять на свои руки чужаго ребенка, въ первую минуту, какъ мы видѣли, даже испугала ее; но, разъ рѣшившись на этотъ подвигъ, она всецѣло предалась ему и полюбила призрѣннаго ею малютку со всею нѣжностію своего любящаго сердца. Она окружила его всѣми возможными заботами и попеченіями. Не мало стоило ей труда пріискать для него кормилицу. Она подняла на ноги и мужа, и дядю, и Антона Антоновича; они избѣгали и городъ и подгороднія слободы и наконецъ-таки пріискали ее. Петръ Ѳомичъ изъ скучнаго и молчаливаго сдѣлался веселымъ и подвижнымъ: то и дѣло бѣгалъ онъ въ дѣтскую (такъ названъ

былъ отгороженный ширмами уголъ спальни), справиться спитъ ли Витя и чтобы хоть лишній разъ взглянуть на него, такъ что даже надоѣлъ и женѣ и кормилицѣ. «Я только такъ, взглянуть», говорилъ онъ имъ, оправдываясь. Иногда украдкою отъ жены и кормилицы вынималъ онъ Витю изъ люльки и уносилъ въ другую комнату. Тамъ песталъ его, посадивъ на колѣни, дѣлалъ ему козу или костлявою рукой гладилъ его по брюшку. «Вотъ еще урони, да искалѣчь, говорила, отнимая у него ребенка, Дарья Васильевна; либо ужь надѣнь сарафанъ, да и няньчайся съ нимъ.» Они ревновали его другъ къ другу. «А помнишь, Даша, говорилъ Петръ Ѳомичъ, какъ Васильевна гадала тебѣ на картахъ и завѣряла, что дѣтей у насъ никогда не будетъ, даже тебя безплодною смоковницей обозвала. Вотъ тебѣ и безплодная, заключалъ онъ, самодовольно улыбаясь.» Дарья Васильевна не возражала: ей и самой хотѣлось забыть, что ребенокъ былъ пріемышъ, а не ея собственный.

Вскорѣ весь городъ узналъ о неожиданномъ приращеніи семейства Миронова и, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, его уже не спрашивали откуда или куда онъ идетъ, а съ участіемъ освѣдомлялись о здоровьѣ его маленькаго Вити, что всякій разъ доставляло ему несказанное удовольствіе.

— Ничего, отвѣчалъ онъ со всегдашнею своею улыбкой,— помаленьку. Вотъ жду: зубки должны бы скоро начинать прорѣзываться.

— Помилуйте, еще рано.

— Да вы не думайте, говорилъ Петръ Ѳомичъ очень серіозно:—ребенокъ-то вѣдь необыкновенный. И теперь ужь мысль въ глазахъ свѣтится, точно высказаться просится. А пальчики правой рученки такъ и складываются будто перо взять хотятъ.

Корнѣевъ сначала отъ души смѣялся надъ всѣми этими

продѣлками; но потомъ онѣ стали безпокоить, даже пугать его.

— Смотри, какъ бы мужъ твой съ послѣдняго не спятилъ, говорилъ онъ племянницѣ. — Полюбить ребенка можно, это даже дѣлаетъ ему честь; но вѣдь всему есть мѣра. А онъ съ тѣхъ поръ какъ Богъ послалъ вамъ Викторку, сталъ дуракъ дуракомъ: подъ-часъ такую околесицу несетъ, что ничего и не разберешь.

— Полно вамъ, дядюшка, надъ нами подсмѣиваться, отвѣчала ему Дарья Васильевна.

— Я вовсе не шучу, а въ серіозъ тебѣ говорю: присматривай за нимъ,—далеко ли до бѣды.

Антона Антоновича, напротивъ, все это очень интересовало и онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за развивавшеюся и съ каждымъ днемъ усиливавшеюся привязанностію и любовью Мироновыхъ къ призрѣнному ими ребенку, точно изучалъ куріозное психологическое явленіе.

Первый лепетъ ребенка привелъ стариковъ въ неописанную радость; когда же онъ въ первый разъ назвалъ Петра Ѳомича папа, онъ пришелъ въ восторгъ близкій къ умоизступленію: онъ и смѣялся, и плакалъ, и въ заключеніе, неизвѣстно почему, такъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ кормилицу, что та тутъ же сплюнула и перекрестилась. Пригодился и съ такимъ стараніемъ разведенный Петромъ Ѳомичемъ садикъ. Тамъ въ ясные лѣтніе дни ребенокъ, по предписанію Антона Антоновича, съ утра до вечера рылся въ пескѣ. Отъ времени до времени Петръ Ѳомичъ бралъ его на руки и, усадивъ въ устроенныя имъ еще за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ дѣтскія качели, слегка покачивалъ. «А помнишь, Даша, говорилъ онъ женѣ, какъ вы смѣялись надо мною, когда я ставилъ эти качели; анъ вотъ и пригодились».

Но не стану утомлять читателя разказами о дѣтствѣ Виктора; скажу только, что врядъ ли за кѣмъ былъ такой бди-

тельный, а главное полный нѣжной заботливости уходъ какъ за нимъ. Онъ былъ баловнемъ и любимцемъ не только семьи, но и сосѣдей, которые смотрѣли на него какъ на благословеніе ниспосланное Богомъ на пріютившій его кровъ. Викторъ росъ какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ, и въ семь лѣтъ это былъ прелестный мальчикъ, здоровый, рѣзвый, веселый и не по годамъ развитой. Послѣднимъ обязанъ онъ былъ Антону Антоновичу, полюбившему его какъ роднаго сына и неусыпно слѣдившему за его воспитаніемъ.

— А славный будетъ солдатъ, говорилъ, любуясь имъ, Корнѣевъ.

— Еще что выдумали,—солдатъ; вступалась Дарья Васильевна.—Нешто мы на то его съ этихъ лѣтъ за книжку сажаемъ, да всѣмъ премудростямъ учить собираемся, чтобы онъ солдатомъ былъ?

— А ты небось думала, что если обученъ, такъ ужь прямо въ генералы угодитъ. Нѣтъ, матушка, и царскія дѣти службу съ нижнихъ чиновъ начинаютъ; а твой Викторка еще не Богъ вѣсть изъ какихъ.

— Не хочу я для него ни генеральства, ни графства. Пусть онъ при насъ на утѣшеніе подъ старость нашу остается.

— Хорошо и ты придумала. Прямая ты баба, какъ посмотрю на тебя. Ну что станетъ онъ здѣсь около васъ дѣлать? Голубей гонять или цѣловальникомъ въ кабакѣ торговать? Какъ войдетъ въ годы, хорошее онъ вамъ скажетъ спасибо.

Дарья Васильевна задумывалась. Она очень хорошо понимала и сама, что милому ея Витѣ вѣкъ при ней оставаться не придется, что рано или поздно, а надо будетъ съ нимъ разстаться; но мысль эта такъ пугала ее, что она всячески старалась отдалить ее отъ себя.

По временамъ стариковъ тревожило опасеніе какъ бы не

явилась мать Виктора и не стала требовать, чтобы ей его возвратили: они такъ привыкли считать его за родного сына, что мысль эта приводила ихъ въ ужасъ. Развъ какая-то проходившая мимо дома нищая и почему-то засмотрѣвшаяся на игравшаго у крыльца Виктора до того напугала Дарью Васильевну, что она нѣсколько ночей не могла заснуть. «Ужь не мать ли это его приходила и высматривала какъ бы украсть его»? спрашивала она себя,—и она вскакивала съ постели и бѣжала къ кроваткѣ своего дорогаго Вити, чтобы удостовѣриться тутъ ли онъ.—Не малаго стоило Антону Антоновичу труда убѣдить стариковъ въ неосновательности ихъ опасеній и успокоить ихъ.

Прошло еще два года и надо было серіозно подумать объ избраніи для Виктора въ будущемъ рода жизни или служебной карьеры, чтобы приступить къ сообразной съ этимъ избраніемъ подготовкѣ.

— Пустите его по военной, настаивалъ Корнѣевъ.—Нѣтъ у него ни рода, ни племени; стало-быть ему прежде всего нужно имя и званіе. Произведутъ въ прапорщики,—онъ ужь и дворянинъ; а по штатской скоро ли онъ до этого дослужится? Вотъ ты, Петръ Ѳомичъ, и вѣкъ свой служилъ, и съ пенсіономъ уволенъ въ отставку; а что же ты? Межеумокъ какой-то, прохвостъ и больше ничего.

— На что ему дворянство? возражалъ Мироновъ, нѣсколько обиженный этимъ черезчуръ рѣзкимъ опредѣленіемъ его общественнаго положенія.—Скоро, говорятъ, что дворянство, что пономарство—все будетъ едино. И до чего онъ по военной службѣ дослужится? До почета одного? Но вѣдь почетъ хорошъ при деньгахъ; а что за честь, когда нечего ѣсть. По штатской же человѣкъ съ головой и себя и семью свою на вѣки обезпечитъ. Опять-таки въ корпусъ его не примутъ, а чтобы вольноопредѣляющимся до офицерскаго чина дослужиться, развѣ мало лѣтъ придется ему солдатскую лямку тянуть.

Антону Антоновичу хотѣлось, чтобы Викторъ пошелъ по ученой части; но всѣ доводы и убѣжденія его были напрасны. Складъ мыслей стариковъ и взглядъ ихъ на жизнь такъ далеко не согласовались съ его воззрѣніями и убѣжденіями, что послѣ долгихъ толковъ и споровъ онъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли. Онъ успѣлъ лишь настоять на томъ, чтобы мальчика опредѣлили въ гимназію. «Пусть его окончитъ гимназическій курсъ,» говорилъ онъ имъ, а потомъ онъ и самъ изберетъ себѣ ту или другую дорогу, сообразно съ наклонностями своими или призваніемъ».

Противъ этого старики ничего не имѣли сказать; но ихъ затрудняла матеріальная, финансовая сторона вопроса. Петръ Ѳомичъ получалъ пенсіона всего около ста рублей; изъ сколоченнаго имъ на службѣ небольшаго капитальца почти половина употреблена была на покупку и отдѣлку дома; остававшаяся же затѣмъ другая половина не давала ему и двухсотъ рублей. Несмотря на разчетливость, съ которой онъ жилъ, денегъ этихъ едва доставало на годовое содержаніе. До капитальца своего касаться онъ боялся. «Вдругъ какой случай, думалъ онъ: окончитъ Витя ученіе, придется еще опредѣлять его на службу, экипировать и все такое. Положимъ: сто рублей въ годъ можно бы еще ему удѣлить; мы съ женою могли бы какъ-нибудь прожить и на двѣсти; но вѣдь ста рублей для него будетъ мало. Вотъ Михинъ платитъ за своего по десяти рублей въ мѣсяцъ за одно содержаніе, а тамъ еще за ученіе, да на книги и бумагу; опять одѣть, обуть надо. Глядишь и двухъ сотенъ въ годъ мало». Все это объяснилъ онъ Антону Антоновичу, и тотъ обѣщалъ ему помѣстить Виктора къ одному изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ. «Я напишу ему, объясню откровенно въ чемъ дѣло, говорилъ онъ ему. Онъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ и, я увѣренъ, возьметъ къ себѣ Витю и за половинную плату тѣмъ охотнѣе, что у него свои дѣти ему ровесники и при нихъ содержаніе

его почти ничего не будетъ стоить. Напишу ему и то, что Витя мальчикъ благонравный, прилежный и хорошо подготовленный, а слѣдовательно можетъ быть для его дѣтей даже полезенъ». Обѣщаніе это нѣсколько ободрило упавшаго духомъ старика; когда же недѣли чрезъ двѣ Антонъ Антоновичъ объявилъ ему, что старый сослуживецъ его принять Витю на предложенныхъ ему условіяхъ согласенъ, онъ совершенно успокоился. Съ этого дня Антонъ Антоновичъ занялся серіозно подготовкой Виктора, что было не совсѣмъ понутру Дарьѣ Васильевнѣ, боявшейся, чтобъ эти усиленныя занятія не повліяли на его здоровье, и когда ему наконецъ минуло двѣнадцать лѣтъ. повезъ его для опредѣленія въ гимназію самъ.

О проводахъ и говорить нечего. Дарья Васильевна готовилась къ нимъ чуть не за полгода и нашила Витѣ столько всякаго бѣлья, что ему всего и взять съ собою было нельзя. Къ деньгамъ приготовленнымъ Петромъ Ѳомичемъ Корнѣевъ приложилъ отъ себя пятьдетятъ рублей на обмундировку. «Чего другаго не знаю, сказалъ онъ, а обмундировать надо какъ слѣдуетъ, чтобъ ему на первыхъ же порахъ предъ товарищами не было стыдно». При прощаніи, разумѣется, много пролито было слезъ; но справедливость требуетъ сказать, что Петръ Ѳомичъ велъ себя въ этомъ случаѣ много благоразумнѣе жены. Онъ понималъ, что переживаетъ горе, обойти которое было нельзя, и шелъ ему на встрѣчу съ гражданскимъ мужествомъ, на которое казался неспособнымъ. Но за то, когда по отъѣздѣ Виктора остался съ женою вдвоемъ, имъ овладѣла такая тоска что Дарья Васильевна не знала какъ и утѣшить его.

Съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждали старики возвращенія Антона Антоновича, и когда тотъ пріѣхалъ, разспросамъ конца не было. Онъ долженъ былъ разказывать имъ все до мельчайшихъ подробностей, и чтобъ успокоить ихъ, разумѣется,

старался представить все въ радужномъ свѣтѣ. Экзаменъ впрочемъ Викторъ выдержалъ дѣйствительно прекрасно и принятъ былъ прямо во второй классъ; взять же за содержаніе его половинную плату старый сослуживецъ Антона Антоновича не согласился; но онъ не сказалъ имъ объ этомъ ни слова, рѣшившись тогда же доплачивать другую половину изъ своего кармана. Болѣе же всего утѣшало стариковъ данное имъ обѣщаніе привезть къ нимъ Виктора въ слѣдующемъ году на каникулярное время.

V.

Отсутствіе Виктора, при замкнутости жизни, которую вели Мироновы, было для нихъ особенно чувствительно. Все въ ней было еще имъ полно, все такъ-сказать еще дышало имъ: часто какая-нибудь ничтожная мелочь такъ живо напоминала объ немъ старикамъ, что тѣ плакали навзрыдъ какъ маленькія дѣти. Правда, попрежнему ходили къ нимъ коротать вечера Корнѣевъ съ Антономъ Антоновичемъ; но вечера эти тянулись какъ-то скучно и монотонно. Петръ Ѳомичъ былъ точно чѣмъ-то озабоченъ или что-то обдумывалъ; Дарья Васильевна сидѣла по цѣлымъ часамъ молча, уткнувшись носомъ въ чулокъ; самъ Корнѣевъ не былъ словоохотливъ попрежнему.

— А тихо стало у васъ, говорилъ онъ, набивая свою трубку.

— И то тихо, подтверждала, вздохнувъ, Дарья Васильевна.

— А вотъ придетъ лѣто, повеселѣемъ, утѣшалъ ее Петръ Ѳомичъ.

— До лѣта далеко, да и Богъ вѣсть кому еще доведется дожить до него, замѣчала, стараясь подавить новый вздохъ, Дарья Васильевна.

Видимо скучалъ по Викторѣ и Антонъ Антотовичъ; но онъ

по обыкновенію своему больше молчалъ; по лицу же и изъ словъ его трудно было заключить о настоящемъ настроеніи его духа.

Прощаясь со стариками, Викторъ далъ слово писать имъ каждый мѣсяцъ, и исполнялъ данное обѣщаніе съ безукоризненною аккуратностью. Въ письмахъ этихъ онъ описывалъ свое житье-бытье, свое времяпрепровожденіе, писалъ о новыхъ сдѣланныхъ имъ знакомствахъ, словомъ, писалъ обо всемъ что приходило ему въ голову, не забывая посылать въ каждомъ изъ нихъ и по поклону Корнѣеву и Антону Антоновичу; въ концѣ прилагалась табличка полученнымъ имъ за послѣдній мѣсяцъ балламъ, значеніе которыхъ тутъ же объяснялось Антономъ Антоновичемъ. Ко дню именинъ Дарьи Васильевны онъ прислалъ ей даже экстренное поздравительное письмо, такъ сильно растрогавшее ее, что она не имѣла силъ прочесть его до конца и, зарыдавъ отъ избытка чувствъ, поцѣловала его.

Подошли наконецъ и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіяся вакаціи, и Антонъ Антоновичъ, вѣрный данному обѣщанію, съѣздилъ за Викторомъ самъ.

Встрѣча была изъ самыхъ трогательныхъ: старики, услыхавъ звукъ приближавшагося колокольчика, вышли на крыльцо и, стоя на немъ, еще издали махали платками; когда же подъѣхалъ тарантасъ, Дарья Васильевна чуть не вскочила въ него. Бѣднаго Виктора, передавая изъ объятій въ объятія, чуть не задушили. Всѣ сосѣди знали объ ожидавшемся пріѣздѣ, и какъ погода была прекрасная, да и день случился праздничный, то они въ простотѣ патріархальныхъ захолустскихъ нравовъ высыпали изъ домовъ своихъ на улицу, полюбоваться картиною встрѣчи; нѣкоторыхъ изъ нихъ она тронула до слезъ. Одинъ семинаристъ, пріѣхавшій подобно Виктору на вакаціи къ отцу, приходскому дьячку прокричалъ даже изъ-за угла до трехъ разъ *ура*, что нетолько никого

не скандализировало, а напротивъ принято было за выраженіе искренности общаго сочувствія. Все это,—и радость встрѣчи. и общее такъ осязаемо высказанное сочувствіе этой радости, дававшее встрѣчѣ какую-то полуоффиціальную торжественность. и ярко блестѣвшее съ безоблачнаго неба солнце, и звонкое чувыканье висѣвшаго въ воздухѣ жаворонка—все это вмѣстѣ привело Петра Ѳомича въ такое нервно возбужденное состояніе, что онъ, не могши совладать съ собою, еще разъ бросился къ Виктору и, крѣпко обнявъ его, долго и казалось горько и безутѣшно плакалъ.

Викторъ въ этотъ годъ много измѣнился: одни находили, что онъ выросъ, другіе что похорошѣлъ, третьи что поумнѣлъ. и всѣ они до извѣстной степени были правы. Всѣхъ это очень радовало; не радовала перемѣна эта лишь Дарью Васильевну. „Нѣтъ, не мой Витя“, говорила она, пригорюнившись и съ материнскою любовью поглядывая на него. Ей хотѣлось, чтобъ онъ на вѣкъ оставался такимъ, какимъ она знала его до отправки въ гимназію и какимъ отпечатлѣлся онъ навсегда въ ея любящемъ сердцѣ.

— Молодецъ, говорилъ, поворачивая и осматривая его со всѣхъ сторонъ, Корнѣевъ.—Жаль лишь, что держишь-то ты себя какъ-то вольно: настоящей выправки нѣтъ.

Если день пріѣзда Виктора былъ для Мироновыхъ днемъ свѣтлаго праздника, то днемъ настоящаго торжества для Петра Ѳомича было первое слѣдовавшее за тѣмъ воскресенье, когда онъ могъ отправиться съ нимъ, держа его за руку, въ соборъ къ обѣднѣ. Онъ въ этотъ знаменательный въ жизни его день чище обыкновеннаго выбрилъ себѣ бороду, съ особою тщательностью повязалъ на шеѣ платокъ, давъ концамъ его подобіе розетки или вѣрнѣе летящей бабочки, гладко причесалъ сообразно чину и званію своему волосы и, прицѣпивъ къ петлицѣ форменнаго сюртука знакъ безпорочной тридцатилѣтней службы, застегнулъ его на двѣ нижнія пуговицы.

Окончивъ туалетъ свой, онъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы и Виктора, и, увидавъ сидѣвшую на мундирѣ его вверхъ ногами пуговицу, неодобрительно покачалъ головою и тутъ же собственноручно перешилъ ее. Переходъ отъ дома до церкви похожъ былъ на что-то въ родѣ тріумфальнаго шествія; какъ нарочно и погода стояла великолѣпная. Петръ Ѳомичъ шелъ тихо, сановито, нѣсколько запрокинувъ голову назадъ. Въ поступи его ничего не было похожаго на обыкновенную озабоченную походку съ которою онъ совершалъ свои ежедневныя базарныя экскурсіи. Правда, онъ и теперь не оставлялъ безъ отвѣта дѣлаемые ему поклоны и привѣтствія; но отвѣчалъ на нихъ съ достоинствомъ, съ сознаніемъ за собою права на общее уваженіе уже не за одну тридцатилѣтнюю безпорочную службу, знакъ которой красовался у него на груди, но и за то, что готовилъ общественнаго дѣятеля и для грядущаго поколѣнія. Чувство это, казалось ему, читалъ онъ и въ глазахъ всѣхъ привѣтствовавшихъ его. Когда же онъ вошелъ въ соборъ, ему показалось даже, что народъ почтительно разодвинулся, чтобы дать ему дорогу. Въ продолженіе обѣдни, правда, ничего особаго не случилось; по по окончаніи ея всѣ его обступили, спѣша одинъ предъ другимъ сказать ему что-нибудь пріятное. Самъ городничій, проходя мимо, остановился.

— Славный у тебя мальчуганъ, сказалъ онъ ему,—и весь въ тебя. Ужь ты не спроказничалъ ли подъ старость лѣтъ? Не поднадулъ ли старуху-то свою? — добавилъ онъ, какъ-то особенно подмигнувъ однимъ глазомъ.—Вѣдь въ тихомъ болотѣ черти-то и водятся.

Намекъ этотъ хотя нѣсколько и сконфузилъ Петра Ѳомича, даже слегка покоробилъ его нравственное чувство, но въ то же время почему-то пріятно пощекоталъ его самолюбіе. Онъ не нашелся что отвѣчать, но такъ благодушно улыбнулся, что по улыбкѣ этой ясно было, что происходило у него

на сердцѣ. Городничій уже вышелъ изъ церкви, а она еще не совсѣмъ стушевалась съ лица его. День этотъ былъ безспорно лучшимъ въ его жизни.

Во все время пребыванія своего въ отпуску Викторъ былъ предметомъ общихъ ласкъ и заботъ, а вмѣстѣ и нескончаемыхъ разспросовъ. Каждый разспрашивалъ о томъ что особенно интересовало его. Дарья Васильевна хотѣла знать, хорошо ли его у учителя содержатъ: какъ кормятъ, часто ли водятъ въ баню и сколько разъ въ недѣлю мѣняютъ бѣлье; Петръ Ѳомичъ—заставляютъ ли соблюдать посты и обращаютъ ли должное вниманіе на чистописаніе.

— Лучше занимайся меньше какою наукой, говорилъ онъ ему:—наука вещь проходящая, нужна лишь пока учишься въ заведеніи, чтобы хорошій аттестатъ получить; а съ четкимъ да красивымъ почеркомъ, если и служба не повезетъ, всегда кусокъ хлѣба имѣть будешь.

Корнѣевъ спрашивалъ, учатъ ли въ гимназіи маршировать и не мало удивился, когда узналъ, что тамъ вовсе не занимаются этимъ гимнастическимъ упражненіемъ. «Ничто такъ не выправляетъ человѣка», замѣчалъ онъ. Впрочемъ по словоохотливости своей онъ разспрашивалъ его обо всемъ что приходило ему въ голову, сопровождая разспросы своими воззрѣніями. Онъ очень любилъ и баловалъ Виктора, бралъ съ собою на охоту, давалъ украдкой отъ стариковъ стрѣлять изъ своего ружья, ходилъ съ нимъ на рѣчку удить рыбу или устраивалъ пѣтушьи бои, до которыхъ былъ самъ страшный охотникъ.

— И нашли вы, дядюшка, чѣмъ потѣшить ребенка, выговаривала ему Дарья Васильевна.—Они, я чай, и въ заведеніи-то дерутся промежь себя не хуже пѣтуховъ; а вы еще пристращиваете его къ такимъ азартнымъ играмъ. Она производила этимологію этого прилагательнаго отъ выраженія «входить въ азартъ».

Съ Антономъ Антоновичемъ Викторъ ходилъ гербаризировать, ловилъ съ нимъ жуковъ и бабочекъ; Дарья Васильевна откармливала его ватрушками и разными домашними печеньями, Петръ Ѳомичъ пряниками и другими базарными гостинцами. Словомъ, старики одинъ предъ другимъ только и думали какъ бы занять и побаловать своего любимца.

Полтора вакаціонные мѣсяца, проведенные Викторомъ въ Захолустскѣ, прошли какъ полтора дня, и настала опять минута грустнаго разставанья.

— Смотри же пиши намъ попрежнему, говорила, прощаясь съ нимъ и проливая горькія слезы, Дарья Васильевна.

Привозилъ Виктора Антонъ Антоновичъ и въ слѣдующемъ году, а тамъ онъ пріѣзжалъ уже одинъ. Съ каждымъ годомъ старики находили въ немъ ту или другую перемѣну что очень радовало Петра Ѳомича и наводило на Дарью Васильевну какую-то безотчетную грусть. «Скоро ты такъ поумнѣешь, говорила она ему, что съ нами, старыми дураками, тебѣ и толковать-то будетъ скучно». И дѣйствительно съ третьяго пріѣзда Викторъ сталъ проводить почти все время у Антона Антоновича, такъ какъ простодушная болтовня стариковъ удовлетворять его уже не могла. Это очень огорчало ихъ. «Не надивлюсь, выговаривала ему Дарья Васильевна, какое находишь ты удовольствіе сидѣть день-деньской съ Антономъ Антоновичемъ въ его стряпущей, да потрошить съ нимъ лягушекъ. Ему онѣ, говорятъ, нужны для лѣкарствъ, а тебѣ заниматься такою гнусностью вовсе не слѣдъ».

Въ пятый пріѣздъ свой Викторъ, прощаясь со стариками, просилъ ихъ денегъ на содержаніе его болѣе не высылать, такъ какъ онъ имѣетъ кондиціи, дающія ему возможность содержать себя и безъ нихъ. Онъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ поблагодарилъ ихъ за все что они для него сдѣлали, добавивъ, что хорошо понимаетъ и помнитъ лежащій на немъ въ отношеніи къ нимъ долгъ и что тогда лишь бу-

детъ считать себя исполнившимъ его, когда докажетъ имъ благодарность свою не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ.

Какъ ни искренно, казалось, сказаны были имъ эти слова, они произвели на стариковъ грустное впечатлѣніе. «Стало-быть тяжело ему получать отъ насъ пособіе, думали они,— если онъ при первой представившейся возможности спѣшитъ отказаться отъ него; стало-быть онъ считаетъ его для себя унизительнымъ.“ Сомнѣніе это глубоко запало въ ихъ сердце и они, по отъѣздѣ Виктора, высказали его Антону Антоновичу.

— Грѣшите вы противъ него, сказалъ онъ имъ,—святому, благородному чувству даете такое недостойное его толкованіе. Онъ отказался отъ этого пособія не потому что считаетъ для себя унизительнымъ получать его отъ васъ, а потому что находитъ недобросовѣстнымъ пользоваться имъ, когда можетъ собственными трудами своими зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

— Вѣдь другіе получаютъ же деньги отъ своихъ родителей, когда и вовсе въ нихъ не нуждаются, замѣтила Дарья Васильевна, глотая душившія ее слезы, — стало быть онъ гнушается считать себя нашимъ сыномъ. Вѣдь онъ что еще сказалъ: «Я говоритъ, вашъ должникъ, и тогда лишь буду считать, что заплатилъ вамъ свой долгъ, когда отблагодарю васъ за то, что вы для меня сдѣлали не одними словами, но и дѣломъ.» Стало быть ему тяжело оставаться намъ благодарнымъ.

— И это чувство опять таки очень понятно и похвально, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Вѣдь чувство благодарности есть тотъ же долгъ, только нравственный; и какой же благородный и честный человѣкъ не спѣшитъ при первой возможности уплатить долги свои?

— Все же, выходитъ, у него на умѣ расквитаться и покончить съ нами чтобы мы не считали его за сына, кото-

рый на старости лѣтъ сталъ бы утѣшать и успокоивать насъ «Нате, молъ, вамъ, да и оставьте меня въ покоѣ.»

— Послушайте, перебилъ ее Антонъ Антоновичъ,—вѣдь это одно недоразумѣніе, происходящее оттого что мы съ разныхъ точекъ смотримъ на дѣло. Въ вполнѣ развитомъ и раціонально устроенномъ обществѣ не должно вовсе и существовать чувство благодарности, какъ не должно быть мѣста и для частной благотворительности. И то и другое равно унижаетъ достоинство человѣка. Въ такомъ обществѣ отношенія его къ членамъ и взаимныя отношенія этихъ послѣднихъ между собой могутъ быть основаны лишь на правахъ и обязанностяхъ. Викторъ при рожденіи своемъ, какъ человѣкъ, имѣлъ уже право на общественное призрѣніе и, еслибъ общество призрѣло его, онъ обязанъ былъ бы въ отношеніи къ нему не чувствомъ благодарности, которое въ сущности есть только одно пустое слово, а исполненіемъ извѣстныхъ обязательствъ. Вы, за неимѣніемъ въ нашемъ городѣ такого общественнаго учрежденія, приняли эту общественную обязанность на себя,—и вотъ онъ и хочетъ отплатить вамъ за то. Вѣдь, строго говоря, еслибъ онъ предложилъ вамъ за ваши о немъ попеченія и денежное вознагражденіе, то и тогда оскорбляться было бы нечѣмъ: это ложное понятіе о чести, сложившееся въ васъ вслѣдствіе такихъ же ложныхъ традиціонныхъ воззрѣній на жизнь. А Викторъ вамъ ничего подобнаго не предложилъ; въ словахъ его я не вижу ничего такого на основаніи чего вы могли бы придти къ сдѣланнымъ вами выводамъ. Онъ желаетъ доказать вамъ благодарность свою не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Чего же можете вы ожидать и требовать отъ него болѣе утѣшительнаго?

— Либо ужь вы, Антонъ Антоновичъ, больно умны, либо ужь мы больно глупы, сказала вздохнувъ Дарья Васильевна;— только хоть я и половины не поняла изъ того что вы сейчасъ сказали, а сердцемъ такъ и хочется повѣрить, что вы

резонно говорите. Ахъ кабы все это было заподлинно такъ! добавила она, утирая навернувшуюся слезу.

XI.

На шестой годъ Викторъ на вакаціи не пріѣхалъ, предупредивъ заранѣе стариковъ, что онъ взялся на очень выгодныхъ кондиціяхъ приготовить дѣтей одного богатаго помѣщика въ гимназію и ѣдетъ къ нимъ на каникулярное время въ деревню. Онъ прибавилъ, что перешелъ въ седьмой классъ и рѣшился по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ по юридическому факультету, какъ открывающему болѣе легкій путь къ служебной карьерѣ. Письмо это страшно огорчило Дарью Васильевну.

— Стало-быть онъ вовсе разлюбилъ насъ, если не хочетъ дать и взглянуть на себя, говорила она.

— Ну о чемъ горюете вы? выговаривалъ ей Антонъ Антоновичъ.—Вы должны радоваться, что мальчикъ становится человѣкомъ и самъ, что-называется, лбомъ пробиваетъ себѣ дорогу. Стало быть вы любите не его, а самихъ себя.

— Ахъ, Антонъ Антоновичъ! видно, что у васъ никогда не было своихъ дѣтей и не знаете вы всѣхъ кручинъ материнскаго сердца. Вотъ кабы онъ не отказался отъ нашего посильнаго нособія, такъ ему пожалуй и не нужно было бы брать на себя эти кондиціи, и провелъ бы онъ вакаціи съ нами попрежнему.

— Ну, положимъ провелъ бы; а тамъ-то что?

Вопросъ этотъ такъ озадачилъ Дарью Васильевну, что она не нашлась что и отвѣтить на него.

— Вотъ и выходитъ, что вы думаете больше о себѣ нежели объ немъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ.—Пора ужъ вамъ выпустить его изъ-подъ своего теплаго крылышка и дать ему

окрѣпнуть и развернуться на вольномъ воздухѣ. У него ужь свои крылья оперились; пусть себѣ на нихъ и летаетъ какъ знаетъ: и упадетъ, не бѣда, впередъ будетъ осмотрительнѣе. Вы хоть подумали бы о томъ, что эти десять каникулярныхъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ здѣсь, надо вычеркнуть изъ его жизни, какъ не подвинувшіе его ни на шагъ ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ развитіи. Въ настоящіе же его годы потеря эта была бы для него еще пагубнѣе. Неужели же хотите вы купить такою дорогою цѣной удовольствіе видѣть его около себя?

Дарья Васильевна недовѣрчиво взглянула на него. Петръ Ѳомичъ, казалось, глубоко о чемъ-то задумался.

— Такъ въ чемъ же будетъ намъ на старости лѣтъ утѣшеніе, если онъ мало-по-малу покинетъ насъ вовсе и будетъ жить далеко отъ насъ особнякомъ? спросила она наконецъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ сознаніи добросовѣстно исполненныхъ принятыхъ вами на себя въ отношеніи къ нему обязанностей.

— Воля ваша, Антонъ Антонопичъ, а я что-то этого въ домекъ не возьму. Люби человѣка какъ сына роднаго и не смѣй ждать, чтобъ и онъ въ свою очередь также полюбилъ тебя; это ужь больно что-то мудрено.

— Да кто же говоритъ вамъ, что и онъ не любитъ васъ. Вы заключаете это изъ того, что онъ не сидитъ возлѣ васъ и не лижетъ какъ теленокъ ваши ручки; но вѣдь можно любить, и любить искренно, и безъ телячьихъ ласкъ и слезливыхъ сердечныхъ изліяній.

— Нѣтъ, въ наше время не такъ любили, сказала, вздохнувъ, Дарья Васильевна.

Прошелъ еще годъ. Викторъ обѣщалъ старикамъ по окончаніи выпускнаго экзамена пріѣхать къ нимъ отдохнуть и поправить нѣсколько разстроенное усиленными занятіями здоровье, и они ждали его съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ, какъ по-

лучено было отъ него другое письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что пріѣхать не можетъ такъ какъ обязался отвезть въ Москву и опредѣлить въ одну изъ тамошнихъ гимназій учениковъ своихъ, и притомъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, что на заработанныя деньги будетъ имѣть возможность не только экипироваться и нанять себѣ квартиру, но и содержать себя пока не найдетъ кондицій. «Въ моемъ положеніи, добавлялъ онъ, такимъ случаемъ пренебрегать нельзя.»

Письмо это огорчило стариковъ еще больше перваго и привело Дарью Васильевну въ такое отчаяніе, что она тутъ же написала на него отвѣтъ, въ которомъ хотѣла излить всю горечь, накипѣвшую за послѣдніе два года у нея на сердцѣ: но отвѣтъ этотъ вышелъ далеко не такимъ, какимъ она хотѣла написать его.

«Письмо твое огорчило насъ до глубины души, писала она, и я взяла было перо чтобы пожурить тебя какъ слѣдуетъ, но какъ будто бы и жаль тебя стало. Да кому же взаправду и пожалѣть-то тебя какъ не намъ, такимъ же круглымъ сиротамъ какъ и ты. Ужь лучше бы ты не обѣщался провѣдать насъ, если не зналъ заподлинно, что можешь пріѣхать. И неужто же въ самомъ дѣлѣ тебѣ такъ тяжело принимать отъ насъ посильную помощь, что ты рѣшился ѣхать больной въ Москву, чтобы заработать копѣйку на обмундировку свою и наемку квартиры. Мы хоть и бѣдны и не можемъ озолотить тебя; а столько бы нашлось чтобъ экипировать и снарядить въ путь какъ слѣдуетъ. Мы и безъ того ничего не платили за тебя въ послѣдніе два года; стало-быть твои же за нами есть деньги. Я чай и обносился же ты въ эти два года, сердечный; и бѣльишка-то небось у тебя нѣтъ порядочнаго. А я было въ ожиданіи тебя и понашила всего вдоволь, и слезами-то на встрѣчу и проводы твои припаслась; а теперь придется мнѣ ихъ проливать одной попусту. Коли прискучила тебѣ наша глупая болтовня, надоѣли наши непро-

шеныя ласки, мы и докучать тебѣ ими не стали бы, лишь бы далъ ты намъ взглянуть-то на себя. И когда мы теперь съ тобою, горькіе, увидимся? Если ты ужь и тутъ не могъ къ намъ заѣхать, то изъ Москвы тебя и подавно не дождемся. Неужто же въ самомъ дѣлѣ намъ и видѣться на этомъ свѣтѣ больше не суждено и глаза-то намъ закроютъ чужія руки?»

Отвѣтъ на это письмо пришелъ отъ Виктора уже изъ Москвы. Онъ писалъ, что еслибы зналъ, что непріѣздъ его такъ сильно огорчитъ стариковъ, то конечно не принялъ бы сдѣланнаго ему предложенія, какъ оно ни было для него выгодно, и пріѣхалъ бы провѣдать ихъ; благодарилъ Дарью Васильевну за ея о немъ хлопоты и объяснилъ ей, что онъ потому и избралъ юридическій факультетъ чтобы съ открытіемъ новыхъ судовъ поступить на службу по тому округу, къ которому причисленъ будетъ Захолустскъ, и что такимъ образомъ имъ можетъ-быть въ недальнемъ будущемъ придется снова жить подъ однимъ кровомъ. «И я буду вполнѣ счастливъ, заключалъ онъ письмо свое, если мнѣ удастся точно также успокоивать васъ подъ старость лѣтъ вашихъ, какъ и вы заботились обо мнѣ съ ребяческихъ годовъ моихъ.»

Отвѣтъ этотъ несказанно обрадовалъ и вполнѣ утѣшилъ стариковъ. Они во всемъ что касалось Виктора переходили какъ дѣти отъ безутѣшной скорби къ самой восторженной радости. Они, разумѣется, прочли его тутъ же Антону Антоновичу, который къ вящему утѣшенію ихъ сказалъ, что въ томъ, о чемъ писалъ Викторъ, не было ничего невозможнаго. Съ этого дня они стали составлять планы какъ бы удобнѣе устроить свою жизнь въ такъ радостно и заманчиво улыбавшемся имъ будущемъ.

— Домъ этотъ мы тогда, разумѣется, продадимъ и переѣдемъ жить въ тотъ городъ гдѣ будетъ окружной судъ, говорила Дарья Васильевна;—мнѣ признаться Захолустскъ съ

тѣхъ поръ какъ мы проводили Витю и опостылѣлъ. Домъ хоть купленъ и съ небольшимъ за твѣ тысячи, но вѣдь сколько посадилъ ты въ него денегъ на перестройки, развелъ садъ, да и сами по себѣ дома съ тѣхъ поръ страшно вздорожали; намъ теперь за него вѣрно дадутъ пять. Абрамовскій хуже нашего много, а пошелъ за четыре. А за пять тысячъ мы такой купимъ въ окружномъ городѣ домъ, что въ немъ, будь Витя и предсѣдателемъ, жить будетъ не стыдно. Жалованье онъ будетъ получать хорошее, ну да наши небольшіе доходишки—и будемъ мы жить припѣваючи. Да и ему-то мы будемъ не въ тягость: тебѣ тогда, конечно, самому ходить на базаръ за провизіей ужъ будетъ не прилично; а я по домашнему хозяйству все-таки буду за всѣмъ слѣдить сама; ни экономки, ни ключницы напимать ему будетъ не надо. А почетъ-то тебѣ будетъ какой!

Петръ Ѳомичъ выслушивалъ эти сладкія рѣчи съ самодовольною улыбкой, и какъ котъ, у котораго щекотятъ пальцемъ за ухомъ, потихоньку мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ. Корнѣевъ, правда, относился ко всѣмъ этимъ планамъ и предположеніямъ какъ-то недовѣрчиво, но его мало слушали. «Дядюшка ужъ изъ ума выжилъ, говорила Дарья Васильевна,—да и гдѣ онъ былъ и что видѣлъ чтобъ о такихъ не сродныхъ ему вещахъ свое мнѣніе имѣть.»

Благодаря этому настроенію, четыре года унаверситетскаго курса, проведенные Викторомъ въ Москвѣ, не показались для стариковъ особенно долгими: у нихъ теперь была цѣль въ жизни; эта послѣдняя уже не развертывалась предъ ними скучною, безплодною пустыней; она была полна свѣтлыхъ надеждъ; на нихъ строили они уже самые утѣшительные планы; словомъ, если они подъ часъ и скучали въ настоящемъ, то были счастливы въ будущемъ. Правда, въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ Викторъ ни разу не навѣстилъ ихъ, но отъ времени до времени получались отъ него письма и

они были такого содержанія, или по крайней мѣрѣ казались старикамъ такими, что поддерживали ихъ задушевныя надежды, и они для полнаго ихъ осуществленія лишь ждали выхода его изъ университета.

Настала наконецъ и эта съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшаяся пора. Старики торжествовали, какъ вдругъ получено было отъ Виктора письмо, повергшее ихъ снова въ страшное отчаяніе. Онъ писалъ, что по долгомъ обсужденіи рѣшился поступить не на государственную службу, а въ повѣренные.

— Какъ въ повѣренные? едва могъ проговорить Петръ Ѳомичъ, въ недоумѣніи опустивъ недочитанное письмо на колѣни.—Стоило такъ долго учиться чтобы быть какою-нибудь піявицей и научиться сосать кровь христіанскую.

Служа въ уѣздномъ судѣ, онъ составилъ себѣ о повѣренныхъ самое невыгодное понятіе, да и дѣйствительно классъ этотъ пользовался въ то время въ обществѣ незавидною репутаціей. Онъ привыкъ видѣть въ нихъ людей далеко не добросовѣстныхъ, людей по большей части исключенныхъ изъ службы за взятки или пьянство и изъ-за легкой наживы готовыхъ посягнуть на все, не дорожа ни честью ни именемъ своимъ. Не мало труда стоило Антону Антоновичу объяснить ему, что классъ новыхъ повѣренныхъ не имѣетъ ничего общаго съ прежними, что корпорація эта основана на совершенно иныхъ началахъ и руководствуется въ дѣйствіяхъ своихъ совершенно другими принципами и что наконецъ профессія эта можетъ дѣйствительно доставить человѣку съ талантомъ блестящую карьеру, обезпечивъ вполнѣ и его общественное положеніе какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

— Чудеса, говорилъ Петръ Ѳомичъ, разводя руками.—Стало быть свѣтъ-то въ послѣднее время наизнанку вывернулся.

Конечно, скажи ему это кто-либо другой, а не Антонъ Антоновичъ, онъ не повѣрилъ бы, да и теперь не вполнѣ удовлетворился даннымъ имъ объясненіемъ и послѣ еще не разъ возвращался къ этому такъ интересовавшему его предмету.

— Я все что-то, Антонъ Антоновичъ. въ толкъ не возьму, говорилъ онъ ему.—Вы сказали: «человѣку съ талантомъ»; а какъ заранѣе узнаешь, есть ли у кого къ чему талантъ? Вѣдь овому дадеся талантъ, овому два, а овому нѣтъ ничего. Талантъ на дѣлѣ узнается. Стало безталантливый-то и сѣлъ какъ ракъ на мели.

— Тѣмъ-то адвокатура и хороша, что она таланты выдвигаетъ впередъ, а бездарность отодвигаетъ назадъ.

— Ну, а какъ у Виктора таланта-то этого не окажется, что же онъ тогда станетъ дѣлать?

— Изберетъ себѣ другаго рода дѣятельность.

— А время, которое пробылъ повѣреннымъ, такъ ни за что и пропадетъ?

— Конечно.

— Нѣтъ; государственная служба лучше, говорилъ, подумавъ, Петръ Ѳомичъ.—Какъ можно. Тамъ талантовъ никакихъ не спрашиваютъ, да ихъ и не нужно, были бы усердіе къ службѣ, да аккуратность. А какъ къ нимъ да еще случай, можно и безъ талантовъ до какихъ хочешь чиновъ и должностей дослужиться и будетъ тебѣ почета больше чѣмъ человѣку талантливому. Опять-таки чины идутъ себѣ своимъ чередомъ, и коли повезетъ, не видя въ превосходительные попадешь; а въ повѣренныхъ, хоть вѣкъ просиди, все останешься пустымъ человѣкомъ. Нѣтъ; не дѣло Викторъ затѣялъ.

Старики объяснили Виктору свои сомнѣнія; тотъ разумѣется старался успокоить ихъ, представляя дѣло въ ето настоящемъ видѣ; но вполнѣ успокоились и утѣшились они лишь

тогда, когда, уже почти годъ спустя, Антонъ Антоновичъ принесъ имъ нумеръ *Судебнаго Вѣстника*, въ которомъ напечатана была защитительная рѣчь Виктора. Защита была дѣйствительно блистательная и съ перваго же раза доставили ему нѣкоторую извѣстность. Дарья Васильевна, прочитавъ имя своего неоцѣненнаго Вити на столбцахъ петербургской газеты, пришла въ такой восторгъ, что по нѣскольку разъ въ день перечитывала произнесенную имъ рѣчь, пока наконецъ не выучила ее наизусть. Она теперь не только любила его, но и гордилась имъ.

Около того же времени получено было письмо отъ Виктора, въ которомъ онъ писалъ, что хочетъ взять защиту дѣла въ Заворонскомъ окружномъ судѣ (къ округу котораго принадлежалъ Захолустскъ), съ цѣлью познакомиться какъ съ составомъ суда, такъ и съ персоналомъ повѣренныхъ, «и если найду то и другое удовлетворительнымъ, писалъ онъ, то думаю основаться въ Заворонскѣ, такъ какъ жизнь въ Москвѣ дорога, да и много присяжныхъ повѣренныхъ пріобрѣтшихъ уже громкую извѣстность и соперничать съ которыми не легко.» Дѣйствительно ли было таково его намѣреніе, или написалъ онъ это лишь для того чтобъ успокоить и утѣшить стариковъ, которые уже не разъ напоминали ему о его обѣщаніи жить подъ однимъ съ ними кровомъ,—письмо это очень ихъ обрадовало и они снова предались своимъ прежнимъ сладкимъ мечтамъ и надеждамъ.

VII.

Прошло еще полгода, а планы стариковъ все не осуществлялись; мало того, они въ эти полгода понесли утрату, которая при однообразіи и замкнутости ихъ жизни была для нихъ особенно чувствительна. Корнѣеву было уже подъ во-

семьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ еще свѣжъ и бодръ; никто не слыхалъ, чтобъ онъ когда-нибудь жаловался на нездоровье, какъ вдругъ онъ слегъ въ постель и чрезъ нѣсколько дней его не стало. Внезапняя смерть его поразила стариковъ какъ громовымъ ударомъ. Онъ своимъ постоянно веселымъ расположеніемъ духа умѣлъ поддерживать въ нихъ бодрость и утѣшать въ грустныя и скорбныя минуты, которыя въ послѣднее время стали посѣщать ихъ нерѣдко и присутствіемъ своимъ оживлялъ ихъ монотонные вечера. Безъ него жизнь Мироновыхъ стала еще скучнѣе и однообразнѣе. Правда, продолжалъ попрежнему посѣщать ихъ Антонъ Антоновичъ; но молчаливый и далеко не экспансивный онъ не могъ замѣнить для нихъ собою словоохотливаго Гаврилу Самойловича. Иногда приносилъ онъ съ собою нумеръ *Субебнаго Вѣстника*, который выписывалъ съ поступленія Виктора въ адвокатуру, и когда на его страницахъ попадалось имя послѣдняго, старики приходили какъ дѣти въ неописанную радость; но это случалось не часто и длинные вечера тянулись вяло и безжизненно.

Такъ шли дни за днями и старики стали уже понемногу привыкать къ понесенной ими тяжкой утратѣ, какъ посѣтило ихъ новое горе. Замѣчено еще не нами, что оно рѣдко приходитъ одно и почти всегда ведетъ за собою какъ бы за руку другое. Въ одинъ вечеръ пришелъ къ нимъ Антонъ Антоновичъ разстроенный, видимо чѣмъ-то озабоченный, на всѣ дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ какъ-то разсѣянно, даже невпопадъ и, просидѣвъ короткое время, ушелъ домой. На другой день онъ вовсе не приходилъ; на третій Петръ Ѳомичъ хотѣлъ уже отправиться къ нему освѣдомиться о его здоровьи, какъ онъ пришелъ самъ.

— Не съ радостною я къ вамъ вѣстью, сказалъ онъ.

— Что такое? спросили въ одинъ голосъ встревоженные старики.

— Третьяго дня получилъ я письмо, вслѣдствіе котораго долженъ разсгаться съ вами.

— И на долго?

— Можетъ-быть навсегда.

Роковое извѣстіе это сразило стариковъ. Они стали разспрашивать Антона Антоновича о причинѣ такого внезапнаго отъѣзда; но тотъ отвѣчалъ на всѣ вопросы уклончиво, даже какъ-то иносказательно, что впрочемъ и не удивило ихъ: они знали его за человѣка скрытнаго, сосредоточеннаго. Еще и прежде не разъ пытались они узнать отъ него что-нибудь объ его прошломъ и узнали не много болѣе того что знали и всѣ. Неожиданный отъѣздъ этотъ измѣнялъ совершенно строй жизни Мироновыхъ, разрушалъ такъ-сказать самый домашній бытъ ихъ. Антонъ Антоновичъ, по ихъ малому знакомству съ жизнію, былъ для нихъ человѣкомъ вполнѣ необходимымъ: онъ былъ и другомъ дома, и дамашнимъ лѣкаремъ, и совѣтчикомъ, а иногда и исполнителемъ имъ же данныхъ совѣтовъ. Петръ Ѳомичъ такъ уже привыкъ каждый день видѣть его у себя, что ему и въ голову никогда не приходило, чтобъ они могли когда-либо разстаться, и какъ тотъ былъ нѣсколькими годами моложе и крѣпче его здоровьемъ, то у него почему-то сложилось даже убѣжденіе, что не только самъ онъ умретъ на его рукахъ, но и жена его послѣ его смерти (если только не осуществятся надежды его на Виктора) окружена будетъ его заботами и попеченіями. Да и Дарья Васильевна такъ привыкла смотрѣть на все его глазами, слушать его ушами и думать его головою, что не могла себѣ и представить что будутъ они съ мужемъ дѣлать безпомощные, всецѣло предоставленные самимъ себѣ.

— Я уже сдѣлалъ почти всѣ необходимыя распоряженія, продолжалъ Антонъ Антоновичъ послѣ короткой паузы.— Вчера продалъ я Михину свой домъ съ тѣмъ, чтобъ онъ далъ пріютъ моему старому инвалиду. Нѣкоторыя изъ книгъ,

гербарій и энтомологическую коллекцію я беру съ собою; прочее же все оставляю въ знакъ памяти Виктору и прошу васъ позволить мнѣ до его пріѣзда помѣстить у васъ. Я займусь этимъ завтра съ утра, вечеромъ прощусь съ вами и ночью уѣду.

Старики выслушали его молча, какъ выслушиваютъ послѣднюю волю умирающаго.

Слѣдующій день всѣ трое провели вмѣстѣ въ хлопотахъ по перевозкѣ и укладкѣ вещей, вмѣстѣ провели и вечеръ и разстались лишь когда подъѣхала къ крыльцу почтовая тройка. Много пролито было при прощаніи слезъ; но слезы эти были не тѣ, которыя проливались при проводахъ Виктора: это были горькія, вполнѣ прочувствованныя и сознанныя слезы,—слезы, которыя не искали себѣ и утѣшенія, потому что для нихъ никакого утѣшенія и быть не могло.

Съ этого дня дѣйствительная жизнь потеряла въ глазахъ Мироновыхъ всякое значеніе: они стали жить то грустными воспоминаніями, то туманными, все еще не покидавшими ихъ надеждами на какое-то призрачное будущее. Каждый предметъ, каждая ничтожная вещь напоминали имъ о минувшемъ, которое казалось имъ тѣмъ милѣе, что вернуть его не было въ ихъ силахъ. Особенно скучны и нескончаемо длинны казались имъ вечера, которые они въ продолженіе стольких лѣтъ привыкли проводить въ обществѣ близкихъ имъ людей и которые теперь должны были коротать одни. Еслибъ еще Викторъ отъ времени до времени утѣшалъ ихъ по прежнему письмами своими, они можетъ-быть сумѣли бы въ любви своей къ нему потопить обуевавшую ихъ скуку; но какъ нарочно и отъ него въ послѣднее время не получалось ни строки, что ставило въ совершенное недоумѣніе и страшно огорчало ихъ. Иногда, сидя за вечернимъ чаемъ, пытались они завязать какой-нибудь разговоръ; но онъ, за неимѣніемъ нужной для поддержанія его пищи, обрывался на первыхъ же словахъ.

«Гдѣ-то теперь Витя?» начинала Дарья Васильевна; или «что-то подѣлываетъ Антонъ Антоновичъ?» говорилъ Петръ Ѳомичъ; но какъ не было никакихъ данныхъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ, то начинались обыкновенно разныя соображенія и предположенія нисколько не подвигавшія ихъ впередъ. Иногда Дарья Васильевна принималась гадать на бубноваго или на трефоваго короля; но какъ нарочно выходили все такія несодѣянности, что она потеряла всякую вѣру въ карты и дала себѣ слово ихъ въ руки не брать. Чаще всего разговоръ, разумѣется, вращался на Викторѣ, какъ на единственномъ въ мірѣ существѣ, на которое могли старики возлагать надежды свои и упованія. «Ужъ не боленъ ли онъ, раздумывала Дарья Васильевна, или не перемѣнилъ ли квартиру, или же тотъ, кого онъ посылаетъ на почту съ своими письмами, не крадетъ ли почтовыхъ марокъ и писемъ его не отправляетъ?» — «Можетъ быть, говорилъ Петръ Ѳомичъ; надо попробовать послать письмо страховымъ, да и ему написать, чтобъ и онъ отправилъ отвѣтъ свой такимъ же.» Сдѣлано было и это,—написано было даже письмо къ хозяину дома, въ которомъ квартировалъ Викторъ; но отвѣта все не получалось. Прошло болѣе мѣсяца съ отъѣзда Антона Антоновича, а объ Викторѣ все не было, что называется, ни слуха ни духа

— Знаешь что, сказалъ наконецъ Петръ Ѳомичъ, сидя за вечернимъ чаемъ.—Не съѣздить ли намъ къ нему въ Москву самимъ?

Слова эти такъ озадачили Дарью Васильевну, что она не нашлась что на нихъ и отвѣтить. Ей, никогда не выѣзжавшей изъ Захолустска, ѣхать въ Москву казалось такимъ великимъ дѣломъ, о которомъ она серіозно и подумать не могла. Да и Петръ Ѳомичъ, высказавъ эту мысль какъ-то не спохватясь, самъ тутъ же испугался ея. И онъ во всю жизнь свою выѣзжалъ изъ Захолустска всего два раза, и то за сто

двадцать верстъ въ губернскій городъ по какимъ-то служебнымъ дѣламъ, а потому поѣздка въ Москву представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ кругосвѣтнаго путешествія Онъ не радъ былъ что и пустилъ въ ходъ такую несодѣянность. Но какъ ни страшна показалась старикамъ съ перваго раза эта поѣздка, они, говоря о ней каждый день даже какъ о дѣлѣ крайне трудномъ, почти неисполнимомъ, стали мало-по-малу свыкаться съ нею, и не прошло и недѣли какъ она уже пріобрѣла въ разговорахъ ихъ, если можно такъ выразиться, право гражданственности.

— Не такъ страшенъ бѣсъ какъ его малюютъ, говорилъ, ободряя и подзадоривая себя, Петръ Ѳомичъ — Лиха бѣда лишь проѣхать сто двадцать верстъ на лошадяхъ, а тамъ по желѣзной дорогѣ, говорятъ, все равно что вотъ здѣсь, сидя на диванѣ, живой рукой долетишь

— Съ непривычки, говорятъ, жутко.

— Съ непривычки и въ печь слазить попариться иному жутко покажется.

— А въ Москвѣ-то, если онъ въ самомъ дѣлѣ перемѣнилъ квартиру, какъ мы его отыщемъ? возражала Дарья Васильевна.

— Развѣ онъ иголка какая; разыщемъ, если и перемѣнилъ, утѣшалъ ее Петръ Ѳомичъ, хотя мысль эта и ему самому не разъ приходила въ голову и страшно пугала его. «Вѣдь Москва дремучій лѣсъ, кто не знаетъ ея, разсуждалъ онъ самъ съ собою, не то что кого разыскать, самъ безъ вѣсти пропадешь.

Любимою темой разговоровъ стариковъ стали предположенія о возможныхъ и, казалось имъ, даже очень вѣроятныхъ результатахъ этой поѣздки.

— А что мнѣ еще приходитъ въ голову, говорилъ Петръ Ѳомичъ.—Можетъ-быть адвокатство это его лишь на первыхъ порахъ по губамъ помазало, и перебивается онъ теперь безъ

дѣла и безъ денегъ, а намъ написать о томъ самолюбіе не дозволяетъ. Вѣдь вотъ въ послѣднихъ нумерахъ *Судебнаго Вѣстника* объ немъ что-то и не слыхать; блеснулъ огонекъ да и заглохъ, Ну гдѣ же ему въ самомъ дѣлѣ, молодому да неопытному, а главное безъ имени и связей, тягаться съ тузами по этому ремеслу? Тѣ небось его насквозь прошли и закоулки-то всѣ поисходили, да позахватили, и сидитъ онъ теперь гдѣ-нибудь прижавшись къ уголку въ нетопленной конурѣ. Глядишь и должишковъ понадѣлалъ, и выѣхать-то ему изъ Москвы не съ чѣмъ.

— И тс, подтверждала, глубоко вздохнувъ, Дарья Васильевна.

— А какъ захватимъ его въ расплохъ, продолжалъ Петръ Ѳомичъ.—таиться ему отъ насъ ужь будетъ нечего: онъ и самъ будетъ радъ-радешенекъ вырваться изъ этого омута. Привеземъ мы его съ собою въ Заворонскъ, поступитъ онъ на коронную службу, — съ университетскимъ дипломомъ ему всѣ пути открыты,—займетъ сразу видное мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ; переѣдемъ и мы къ нему и будемъ жить не хуже другихъ.

— Мудренаго ничего нѣтъ, говорила Дарья Васильевна, которой послѣдняя картинка была очень по нутру.—Вѣдь онъ самолюбивъ: самъ никогда не откроется, ни Боже мой, не откроется,—умретъ съ голоду, а помочь ему просить насъ не станетъ.

— Не станетъ, такъ ужь заправилъ себя, соглашался Петръ Ѳомичъ.—Гордъ; въ кого только такой вышелъ. А тамъ какъ все совершится, насъ же благодарить будетъ: разъ, что вспоили и выростили,—другое, что уму-разуму научили, да на путь истинный наставили.

Эти догадки и предположенія все болѣе и болѣе убѣждали стариковъ въ необходимости ѣхать въ Москву, и наконецъ, послѣ долгихъ толковъ и обдумываній, рѣшено было написать

Виктору еще страховое письмо. и если чрезъ двѣ недѣли о[твѣта] не получится, не откладывая дѣла въ дальній ящ[икъ], ѣхать. Такъ и было сдѣлано. и какъ отвѣта въ положен[ный] срокъ получено не было, старики стали собираться въ п[уть]. Сборы впрочемъ были не продолжительны. такъ какъ Да[рья] Васильевна въ напрасныхъ ожиданіяхъ пріѣзда Виктора [на]шила для него разной разности многое множество; о себѣ [же] она много не заботилась. У нея было шелковое платье, с[ши]тое ею въ годъ выпуска Виктора изъ гимназіи, чтобы [не] стыдно было ему пройтись съ нею по городскому саду, [и] котораго она за непріѣздомъ его такъ и не надѣвала. [Она] бережно уложила его съ остальнымъ скарбомъ въ больш[ой] чемоданъ, доставшійся ей по наслѣдству отъ Гаврилы Сам[ой]ловича, и въ одинъ прекрасный день Мироновы, помолясь Б[о]гу, выѣхали изъ Захолустска.

Сто двадцать верстъ на лошадяхъ проѣхали они благопо[лу]лучно безъ всякихъ затрудненій и препятствій; но сѣсть в[ъ] вагонъ Дарья Васильевна долго не рѣшалась. Ее пугали [и] незнакомая ей суматоха, и никогда еще не виданное громадное стеченіе всякаго званія народа, и оглушительный свистъ паровой машины, и самые свистки кондукторовъ: ей казалось, что она присутствуетъ при свѣтопреставленіи.

«И какъ это только могутъ люди жить въ такомъ коловоротѣ?» спрашивала она себя. Не безъ страха вошелъ въ вагонъ и Петръ Ѳомичъ, но всячески старался скрыть его отъ жены, чтобы поддержать въ ней сколько было возможно бодрость духа. Когда наконецъ тронулся поѣздъ, оба они сотворили такую усердную молитву, какой конечно не творили во всю жизнь свою.

Дорогою, поуспокоившись, держали они совѣтъ, гдѣ имъ въ Москвѣ остановиться. Еще и прежде не разъ заходила у нихъ рѣчь объ этомъ предметѣ, но вопросъ все еще оставался не окончательно обсужденнымъ и порѣшеннымъ. Дарья

Васильевна хотѣла непремѣнно остановиться прямо у Виктора: быть въ одномъ съ нимъ городѣ и не имѣть возможности тотчасъ же увидѣть и обнять его казалось ей Танталовскою мукой. Петръ Ѳомичъ, напротивъ, находилъ это неудобнымъ по многимъ причинамъ. «Вопервыхъ, говорилъ онъ, легко быть можетъ, что онъ дѣйствительно живетъ въ какой-нибудь канурѣ, въ которой ему нельзя будетъ не только помѣстить, но и принять насъ; вовторыхъ, мы можетъ быть не застанемъ его дома и въ такомъ случаѣ насъ безъ него на квартиру его не пустятъ, и наконецъ ничего нѣтъ мудренаго, что онъ перемѣнилъ квартиру и тогда намъ придется, разыскивая его, съ багажемъ на рукахъ, можетъ быть изъѣздить половину Москвы» Послѣдній аргументъ порѣшилъ вопросъ.

VIII.

Пріѣхавъ въ Москву, Мироновы остановились на небольшомъ дешевомъ подворьѣ, которое рекомендовалъ имъ еще въ Захолустскѣ знакомый купецъ, и заняли грязный и сырой нумеръ, заставившій ихъ не разъ вспомнить объ ихъ уютномъ и тепломъ домикѣ. Петръ Ѳомичъ тотчасъ же отправился на розыски. Со старой квартиры, какъ онъ и предполагалъ, Викторъ уже давно съѣхалъ, но куда, дворникъ не могъ или не хотѣлъ сказать ему. Это совершенно озадачило старика. «Что же я теперь стану дѣлать?» спрашивалъ онъ себя. И вдругъ въ головѣ его блеснула счастливая мысль. «Если онъ защищалъ дѣло въ окружномъ судѣ и защита его была такъ блистательна, такъ ужь тамъ его навѣрно всѣ знаютъ, а по немъ и меня примутъ съ почетомъ.» И онъ отправился въ судъ. Но и тамъ, къ крайнему его удивленію, встрѣтившій его швейцаръ нетолько не зналъ гдѣ квартируетъ повѣренный Домнинъ, но и самого его никогда въ глаза не видалъ.

— Еслибъ онъ былъ изъ присяжныхъ, сказалъ онъ ему,— дѣло бы другое: мѣстожительства ихъ у насъ записаны: а такихъ вольнопрактикующихъ мало ли здѣсь въ годъ перебываетъ; всѣхъ ихъ не упомнишь. Да что ужь вы такъ на этого Домнина налегаете, добавилъ онъ, — можно здѣсь изъ повѣренныхъ кого и почище ихъ найти.

— Голубчикъ ты мой, сказалъ Петръ Ѳомичъ чуть не со слезами, — почище то мнѣ не нужно; вѣдь онъ мнѣ сынъ, и я, чтобы видѣть его, за пятьсотъ верстъ пріѣхалъ.

— Такъ вы вотъ что, почтенный, сказалъ швейцаръ, видимо сжалившійся надъ нимъ,—ступайте въ адресный столъ. Тамъ вамъ не только какого ни на есть человѣка, крота въ норѣ отыщутъ и все это вамъ три копѣйки будетъ стоить.

Въ адресномъ столѣ ему дѣйствительно выдали адресъ повѣреннаго, кандидата правъ, Виктора Павловича Домнина .

— Пречистенку знаешь? спросилъ Петръ Ѳомичъ, садясь на нанятаго имъ на часы извощика.

Тотъ вмѣсто отвѣта удивленно посмотрѣлъ на него.

— И Загибеневскій переулокъ знаешь?

— Садитесь, найдемъ, отвѣчалъ извощикъ, продолжая смотрѣть на него тѣмъ же удивленно недоумѣвающимъ взглядомъ; какъ бы желая сказать: вотъ еще какого Богъ чудака послалъ, знаю ли Пречистенку!

Уже смеркалось; на улицахъ зажгли фонари. Жутко стало Петру Ѳомичу когда, проѣхавъ по большой широкой улицѣ, свернулъ онъ въ узкій, кривой переулокъ. Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и записалъ въ немъ нумеръ извощика, самъ не зная для чего это дѣлалъ. «Не ровенъ случай», думалъ онъ.

Извощикъ остановился у небольшаго одноэтажнаго съ виду барскаго дома: семь выходившихъ на улицу оконъ были ярко освѣщены: ярко свѣтилъ и висѣвшій на парадномъ подъѣздѣ фонарь. Сомнѣніе взяло Петра Ѳомича.

— Ужь туда ли ты привезъ меня? спросилъ онъ извощика.

— Какъ же не туда-то? Вонъ и домъ Шагунова и № 30, сказалъ тотъ, указывая кнутомъ на прибитую къ воротамъ дощечку.

«И извощики-то здѣсь грамотные», подумалъ Петръ Ѳомичъ, вылѣзая изъ саней.

Взойдя по широкимъ ступенямъ на крыльцо, онъ еще разъ недовѣрчиво осмотрѣлъ домъ съ его барскимъ фасадомъ, зеркальными въ окнахъ стеклами, парадным подъѣздомъ и такъ ярко свѣтившимъ фонаремъ, что больно было глазамъ смотрѣть на него.

— Неужто это въ самомъ дѣлѣ его квартира? спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи.

На крыльцѣ онъ остановился, чтобы перевести духъ, такъ сильно билось его сердце. Прямо предъ нимъ была обитая зеленою клеенкой дверь съ блестѣвшею на ней мѣдною дощечкой. Онъ подошелъ къ ней съ тѣмъ же трепетнымъ чувствомъ, съ какимъ выигравшій большой кушъ въ лоттерею повѣряетъ дѣйствительно ли на его нумеръ палъ выигрышъ. На дощечкѣ крупными, четкими буквами вырѣзано было: *кандидатъ правъ Викторъ Павловичъ Домнинъ, повѣренный.* «Онъ. Что же это значитъ?» пробормоталъ Петръ Ѳомичъ себѣ подъ носъ и хотѣлъ было протянуть руку къ колокольчику; но рука не повиновалась ему, точно у него не было силъ поднять ее, и онъ крѣпко прижалъ ее къ сердцу, чтобы утишить его учащенное біеніе. «Нѣтъ; вернусь лучше домой,» подумалъ онъ; но тутъ же, какъ бы устыдясь своей робости, ухватился за ручку колокольчика и изо всѣхъ силъ потянулъ ее. За дверью раздался громкій, продолжительный звонъ.

— Ну, надѣлалъ же я тревоги! Подумаютъ Богъ знаетъ кто пріѣхалъ, упрекалъ себя, еще болѣе сконфузясь, Петръ Ѳомичъ, и мысль бѣжать домой снова было проблеснула въ

его головѣ, какъ отворилась дверь и въ ней показался лакей въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и перчаткахъ.

— Что такъ громко звоните, сказалъ онъ, нагло окинувъ его глазами съ ногъ до головы. — Кого вамъ надо?

— Дома Викторъ Павловичъ? спросилъ робко Петръ Ѳомичъ.

— Дома; но никого не принимаютъ, заняты, отвѣтилъ грубо лакей.—Приходите завтра утромъ отъ 8 до 11 часовъ. вамъ чай ужь извѣстно.

И онъ хотѣлъ было затворить дверь.

— Да какже это завтра, сказалъ, запинаясь, Петръ Ѳомичъ. — Вѣдь я не по какому-нибудь судебному дѣлу, а по его же собственному за пятьсотъ верстъ пріѣхалъ. Нельзя ли ужь какъ-нибудь сегодня же? добавилъ онъ чуть не умоляющимъ голосомъ.

— А кто вы такіе будете? спросилъ тотъ не безъ любопытства.

— Петръ Ѳомичъ Мироновъ.

Назвавъ себя, Петръ Ѳомичъ думалъ, что лакей тотчасъ же попроситъ его войти, даже станетъ извиняться въ сдѣланномъ ему невѣжливомъ пріемѣ и онъ уже готовился ободрить его, потрепавъ по плечу и сказавъ ласковое слово; но тотъ, не трогаясь съ мѣста, лишь призадумался, какъ бы припоминая не слышалъ ли онъ такого имени и видно не отыскавъ въ памяти своей ничего такого, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, точно хотѣлъ по наружности его заключить что̀ былъ онъ за личность.

— А если ужъ вамъ такъ спѣшно нужно ихъ видѣть, сказалъ онъ наконецъ, вѣроятно принявъ его за управляющаго или прикащика,—такъ обойдите съ задняго крыльца, да обождите съ полчаса; а теперь доложить объ васъ никакъ нельзя,—кушаютъ. Михайла! проводи барина въ кухню, крикнулъ

онъ дворнику стоявшему у крыльца и казалось съ любопытствомъ прислушивавшемуся къ происходившему разговору, и тутъ же поспѣшно затворилъ за собою дверь.

— Въ кухню, такъ въ кухню, процѣдилъ сквозь зубы Петръ Ѳомичъ, сойдя съ крыльца и слѣдуя за дворникомъ; онъ не могъ еще оправиться отъ удивленія что имя его было незнакомо лакею. Стало-быть здѣшняя прислуга и не знаетъ, какимъ господамъ служитъ, какого они роду и племени? спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи.

На дворѣ стояло двое щегольскихъ саней; лошади покрыты были богатыми ковровыми попонами.

Вотъ онъ какъ живетъ и какихъ гостей къ себѣ принимаетъ, стало-быть дѣла идутъ хорошо, подумалъ Петръ Ѳомичъ и какъ то грустно сдѣлалось у него на сердцѣ.

— А кто, любезный, сегодня у барина кушаетъ? спросилъ онъ дворника.

Графъ съ своею француженкой, да Ѳедоръ Петровичъ. Анадысь дѣло большое въ судѣ выиграли, такъ вспрыскиваютъ. Клубскій поваръ обѣдъ готовилъ.

— Съ француженкой? повторилъ вопросительно Петръ Ѳомичъ.—Съ какою же это такою француженкой!

— Нонѣ они въ моду вошли, отвѣчалъ словоохотливый дворникъ, вводя Петра Ѳомича по черной лѣстницѣ въ просторныя сѣни.—Вмѣсто законныхъ женъ всѣ этою муфобелью обзаводятся.

— И у вашего барина есть?

— Вона! А то нешто нѣтъ; чѣмъ онъ хуже другихъ.

Это совершенно озадачило Петра Ѳомича. Онъ хотѣлъ еще спросить о чемъ-то; но дворникъ уже успѣлъ отворить сѣнную дверь, изъ которой обдало его густою волною клубящагося пара. Онъ вошелъ въ просторную комнату, служившую вмѣстѣ и кухнею и людскою. По одну сторону ея стояла

русская печь съ плитою, около которой суетился поваръ въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ. по другую у большаго не крашеннаго стола сидѣли два кучера въ щегольскихъ кафтанахъ и о чемъ-то очень оживленно разговаривали. Они молча взглянули на него и, не трогаясь съ мѣстъ своихъ, спокойно продолжали па минуту прерванный приходомъ его разговоръ.

Петръ Ѳомичъ сѣлъ отъ нихъ поодаль на лавку и отъ нечего дѣлать .сталъ прислушиваться. «Авось не услышу ли чего о француженкѣ или о чемъ другомъ,» подумалъ онъ. Но сколько ни навострялъ ушей своихъ, ничего, такого что̀ могло бы интересовать его, не услыхалъ. Кучера говорили о своемъ житьѣ-бытьѣ, о получаемомъ ими жалованьи, о характерѣ и капризахъ господъ своихъ, о лошадяхъ. Онъ думалъ, не узнаетъ ли по крайней мѣрѣ изъ ихъ разговора держитъ ли Викторъ экипажъ и лошадей; но и объ этомъ не было рѣчи. Хотѣлъ было онъ и самъ спросить у нихъ объ этомъ очень интересовавшемъ его предметѣ, но нашелъ неудобнымъ и даже неприличнымъ. «А вотъ чрезъ полчаса узнаю обо всемъ отъ него самого,» утѣшалъ онъ себя и еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ сталъ ждать минуты предстоявшей встрѣчи. «А долгонько таки обѣдаютъ,» подумалъ онъ. и тутъ только вспомнилъ, что самъ онъ со вчерашняго дня еще ничего не ѣлъ.

Послышался наконецъ гдѣ-то въ дальнихъ комнатахъ шумъ и стукъ отодвигавшихся стульевъ.

— Ну, слава Богу, оттрапезничали! чуть не перекрестился Петръ Ѳомичъ и съ новою тревогой забилось его сердце.

Минутъ чрезъ пять вошелъ тотъ же самый лакей, который встрѣтилъ его на подъѣздѣ и попросилъ итти за нимъ. Онъ провелъ его чрезъ боковую, низенькую дверь въ небольшую коморку, видимо занимаемую кѣмъ-либо изъ прислуги: кровать. шкафъ. столъ и пара стульевъ составляли все ея убранство. Петра Ѳомича это очень удивило и онъ сталъ съ лю-

бопытствомъ осматриваться; но не успѣлъ онъ оглядѣться какъ слѣдуетъ, какъ отворилась другая дверь, нѣсколько побольше первой, и въ комнату вошелъ средняго роста худощавый господинъ, гладко остриженный, съ небольшою козлиною бородкой. Еслибы онъ встрѣтилъ его гдѣ-нибудь на улицѣ, то конечно не узналъ бы въ немъ Виктора,—такъ измѣнился онъ въ послѣднія семь лѣтъ.

— Витя! ты ли это? вскрикнулъ онъ, бросившись обнимать его.

— Вы, здѣсь? какими судьбами? спросилъ Викторъ, стараясь высвободиться изъ душившихъ его объятій.

— Пріѣхали тебя провѣдать; боялись ужь живъ ли ты.

— Стало-быть вы здѣсь не одни? спросилъ тотъ еще больше озадаченный.

— Пріѣхали оба съ матерью... съ Дарьей Васильевной, поправился тутъ же Петръ Ѳомичъ, такъ слово это почему-то, можетъ-быть по отвычкѣ, дико прозвучало въ его же собственныхъ ушахъ.—Хотѣли было прямо у тебя остановиться, да побоялись стѣснить тебя. По дѣлу-то кажется и хорошо сдѣлали, добавилъ онъ какъ-то нерѣшительно.

— Дѣйствительно, сказалъ Викторъ, запинаясь,—принять и помѣстить васъ мнѣ было бы трудно... даже невозможно, завершилъ онъ, сдѣлавъ небольшую паузу, точно что-то обдумывая и затрудняясь высказать вполнѣ мысль свою.—Я въ настоящую минуту въ такихъ хлопотахъ, такъ занятъ, что мнѣ даже и здѣсь съ вами долго оставаться нельзя.

Послѣднія слова заглушены были громкимъ и визгливымъ лаемъ собаченки изъ породы кингчарльсовъ, которая, вбѣжавъ въ неплотно притворенную дверь и обнюхавъ Петра Ѳомича, сочла долгомъ своимъ возвѣстить во всеуслышаніе о приходѣ незнакомаго ей гостя.

— Pretty! Pretty! Qu'as tu donc! послышался изъ сосѣдней комнаты звонкій женскій голосъ.

Викторъ видимо сконфузился: онъ выгналъ собаченку и затворилъ за нею дверь.

— Право не знаю какъ это устроить, продолжалъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою и стараясь скрыть свое смущеніе.—Гдѣ вы остановились? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Петръ Ѳомичъ объяснилъ ему.

— Такъ вотъ что̀, сказалъ Викторъ, понизивъ голосъ и оглянувшись на дверь, — я постараюсь скорѣе отдѣлаться и часа черезъ два пріѣду къ вамъ. — Пока же извините меня, заключилъ онъ, протягивая ему обѣ руки.

— А если такъ, то ужь слишкомъ и не хлопочи пріѣзжать къ намъ сегодня, отвѣтилъ ему Петръ Ѳомичъ. Викторъ въ эту минуту показался ему такъ жалокъ, да и самъ онъ чувствовалъ себя такъ неловко, такъ не на своемъ мѣстѣ, что ему хотѣлось поскорѣе закончить эту тяжелую для обоихъ сцену и вырваться наконецъ на вольный воздухъ.—Мы, признаться, съ дороги и поустали, повершилъ онъ,—ляжемъ пораньше и поотдохнемъ; а ужъ что Богъ дастъ завтра.

— И отлично, сказалъ Викторъ, видимо обрадованный такимъ легкимъ и желательнымъ исходомъ тяготившаго его положенія.—А я все-таки постараюсь побывать у васъ вечеркомъ чтобы повидаться съ.... матушкой, поспѣшилъ онъ добавить, какъ бы спохватясь, что высказалъ уже черезчуръ ясно радость свою. Послѣднее слово произнесъ онъ не сразу, а нѣсколько отставивъ его, полушопотомъ, точно затрудняясь его выговорить.

Онъ провелъ Петра Ѳомича чрезъ туже маленькую боковую дверь въ кухню и, не входя въ нее, на дорогѣ простился съ нимъ.

Петръ Ѳомичъ не помнилъ какъ сошелъ онъ съ крыльца, какъ, пройдя дворъ, вышелъ на улицу и сѣлъ на извощика.

Сдѣланный ему Викторомъ пріемъ такъ сразилъ его, что онъ не могъ сразу уяснить себѣ его настоящее значеніе. Правда, какое-то внутреннее чувство или чутье наталкивало его на путь истины, точно какой-то невѣдомый, незнакомый ему голосъ нашептывалъ ему на ухо какія-то не совсѣмъ понятныя ему, но тѣмъ не менѣе щемившія сердце рѣчи; но ему не хотѣлось слушать этого голоса, не хотѣлось уяснить себѣ смысла этихъ рѣчей, такъ мало было въ нихъ утѣшительнаго. «Что скажу я женѣ? спрашивалъ онъ себя. Разказать ей все какъ было—это убьетъ ее. Опять таки можетъ быть я и ошибаюсь, преувеличиваю или и вовсе не такъ гляжу на дѣло. Быть-можетъ по правиламъ свѣтскаго приличія не могъ онъ оставить гостей и выйти встрѣтить меня, да и лакей, зная эти приличія, во время обѣда не доложилъ обо мнѣ, потому и просидѣлъ я близь часа въ кухнѣ. Все это конечно очень возможно; но почему же, вставъ изъ-за стола, не ввелъ онъ меня въ свои свѣтлые покои и не представилъ гостямъ своимъ, если не какъ отца вскормившаго и вспоившаго его, то хоть какъ стараго, близкаго знакомаго? Стало-быть онъ стыдится ввести меня въ свое общество, стыдится моей невоспитанности, моихъ простыхъ рѣчей, моего старофасоннаго платья,—боялся чтобъ я какъ-нибудь въ простотѣ душевной необдуманнымъ словомъ или намекомъ не выдалъ тайну его происхожденія, которую онъ можетъ-быть ото всѣхъ старательно скрываетъ. Все это какъ ни грустно, Богъ бы съ нимъ! Но почему же, войдя ко мнѣ въ эту коморку, въ которую провели меня какъ секретнаго арестанта и въ которой мы были съ нимъ наединѣ, не бросился онъ ко мнѣ на шею и не обнялъ какъ роднаго, любимаго имъ человѣка? Нѣтъ, онъ и тутъ былъ какъ на сторожѣ, точно боялся, чтобы кто не подглядѣлъ и не подслушалъ насъ, не засталъ его на мѣстѣ преступленія. Вмѣсто того чтобы крѣпко прижать меня къ сердцу, онъ всячески старался вы-

свободиться изъ моихъ объятій: они слишкомъ хорошо напоминали ему наши отношенія и потому тягостны были для него; даже не посадилъ меня,—боялся, что долго засижусь. А какъ обрадовался онъ, когда я сказалъ, что уѣду домой и тамъ буду ждать съ женою его посѣщенія, точно гора у него съ плечъ свалилась и руки развязались, даже скрыть не могъ своей радости. И въ кухню то не вышелъ проводить меня чтобы люди не могли подмѣтить нашихъ близкихъ отношеній, которыя естественно повели бы ихъ къ догадкамъ и можетъ-быть недалекимъ отъ истины предположеніямъ. Онъ гнушался мною и стыдился меня и предъ прислугой. Если сказать Дарьѣ Васильевнѣ, что я видѣлъ Виктора, продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою, но что онъ такъ занятъ спѣшными дѣлами, что не только не могъ пріѣхать со мною, но не можетъ принять насъ въ настоящую минуту и у себя,—пожалуй не повѣритъ; да и въ самомъ дѣлѣ, какія такія дѣла могутъ удержать сына отъ свиданія съ матерью, съ которою не встрѣчался болѣе семи лѣтъ? Сказать ей, что онъ боленъ; она захочетъ тотчасъ же сама ѣхать къ нему и ее, я знаю, ни чѣмъ не удержишь».

Долго обдумывалъ и обсуживалъ Петръ Ѳомичъ, какъ слѣдовало ему поступить, чтобы сразу не слишкомъ огорчить Дарью Васильевну, но ничего удовлетворительнаго придумать не могъ и потому рѣшилъ: не входя ни въ какія подробности о произшедшемъ свиданіи, стараться по возможности отдѣлываться отъ разспросовъ уклончивыми отвѣтами. «Завтра увидитъ его лицомъ къ лицу сама, думалъ онъ, можетъ-быть найдетъ его не такимъ, какимъ онъ показался мнѣ,—могъ я и ошибиться.»

Погруженный въ думы свои, не замѣтилъ онъ какъ ѣхалъ по широкимъ, освѣщеннымъ двойнымъ рядомъ фонарей, улицамъ громаднаго, незнакомаго ему города, какъ мелькали по сторонамъ нескончаемою понорамой увѣшанныя пестрыми вы-

вѣсками высокія стѣны домовъ, какъ заманчиво глядѣли сквозь зеркальныя стекла залитые блескомъ и свѣтомъ роскошные магазины, какъ сновали взадъ и впередъ сотни экипажей,—не замѣтилъ и того какъ на одномъ изъ перекрестковъ наѣхалъ на него и чуть не выбилъ изъ саней ухарскій рысакъ, мча въ легкихъ бѣговыхъ санкахъ ухаря-сѣдока, и очнулся лишь тогда, когда, въѣхавъ на тѣсный и грязный дворъ загроможденный длинными полѣнницами дровъ, санями и повозками, остановился наконецъ у тускло освѣщеннаго крыльца пріютившаго его подворья.

IX.

Расплатившись съ извощикомъ, Петръ Ѳомичъ взошелъ по узкой, грязной лѣстницѣ и, пройдя длинный темный коридоръ, постучался въ дверь занятаго имъ нумера. Старики были такъ напуганы разсказами о московскихъ жуликахъ, что положили не отворять двери иначе какъ по условному знаку. Въ ожиданіи возвращенія мужа Дарья Васильевна занялась осмотромъ привезеннаго ею для Виктора бѣлья и оно, къ великому ея удовольствію, оказалось нетолько не потертымъ, но и не измятымъ. Услышавъ стукъ, она опрометью бросилась къ двери.

— Ну что, розыскалъ? спросила она, отворяя ее.

— Розыскалъ, отвѣтилъ Петръ Ѳомичъ, снимая шубу.

— Ну, что онъ? едва могла проговорить Дарья Васильевна дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Живъ, здоровъ,—живетъ бариномъ.

— Ну и слава Богу, сказала она, перекрестясь. — Я чай обрадовался,—накормилъ, напоилъ, обласкалъ. Что же онъ съ тобою не пріѣхалъ?

— Нельзя, дѣла, отвѣтилъ отрывисто Петръ Ѳомичъ.

— И не могъ онъ ихъ отложить чтобы пріѣхать повидаться со мною?

— Нельзя, дѣла спѣшныя.

— А если такъ, такъ поѣдемъ къ нему сами.

— Его теперь дома нѣтъ,—уѣхалъ на совѣщаніе; обѣщался завтра утромъ пріѣхать, сказалъ Петръ Ѳомичъ не совсѣмъ твердо. Ему совѣстно было, что обманывалъ Дарью Васильевну.

— Стало-быть я такъ его сегодня и не увижу, проговорила та со слезами на глазахъ.

— Если отдѣлается. можетъ-быть и сегодня еще пріѣдетъ такъ онъ и тебѣ велѣлъ сказать, поспѣшилъ утѣшить ее Петръ Ѳомичъ.

Дарья Васильевна недовѣрчиво взглянуля на него и. не сказавъ ни слова, отерла катившуюся по щекѣ слезу.

Старики спросили себѣ обѣдать,—они въ этотъ день еще ничего не ѣли. За обѣдомъ Дарья Васильевна закидала Петра Ѳомича вопросами. Она спрашивала его измѣнился ли Викторъ,—потолстѣлъ или похудѣлъ, брѣетъ ли бороду и носитъ ли усы, большую ли занимаетъ квартиру, сколько въ ней прислуги и пр., и пр. На большую половину вопросовъ онъ не зналъ что и отвѣтить, отдѣлываясь, какъ могъ, общими мѣстами.

— Всѣ вы мущины такіе, упрекала его Дарья Васильевна. Что у васъ подъ носомъ и того не замѣчаете. Ну, да завтра, все сама увижу, утѣшала она себя.

Вечеръ тянулся для нея какъ-то особенно долго. Поджидая Виктора, Дарья Ваеильевна прислушивалась къ малѣйшему шуму въ корридорѣ; не разъ казалось ей, что въ приближавшихся шагахъ узнаетъ его походку и она бѣжала отворить дверь; но пробило десять часовъ, а его все еще не было.

Старики подождали еще съ полчаса и наконецъ, рѣшивъ что онъ вѣроятно въ этотъ день ужь не пріѣдетъ, легли спать.

Утомленная дорогой и тревогой ожиданія, Дарья Васильевна вскорѣ же заснула; но тревоженъ былъ сонъ ея. Все грезился ей Викторъ. То видѣла она его свѣжимъ, краснощекимъ, гуляющимъ подъ руку съ какою-то барыней. «Съ кѣмъ это онъ гуляетъ?» спрашиваетъ она. — Какъ съ кѣмъ? съ женою, отвѣчаетъ ей кто-то. «Женился и не увѣдомилъ,» упрекала она его. То видѣла она Виктора защищающимъ въ судѣ какого то преступника. и защищалъ онъ его такъ умно и краснорѣчиво, что присяжные нетолько оправдали подсудимаго, но и его самого тутъ же произвели въ генералы. То видѣла она его больнымъ, умирающимъ. «Простите меня, говорилъ онъ ей слабымъ умоляющимъ голосомъ, что въ послѣднее время совсѣмъ забылъ васъ; не я въ томъ виноватъ, а обстоятельства?» —Какія же такія, другъ мой, обстоятельства? спросила она его съ участіемъ; но онъ вмѣсто отвѣта вдругъ захохоталъ такимъ страшнымъ, неистовымъ хохотомъ, что она въ испугѣ тутъ же проснулась и сотворила молитву.

Петръ Ѳомичъ долго не могъ заснуть и провертѣлся съ боку на бокъ на жесткомъ диванѣ до самой заутрени. Сдѣланный ему Викторомъ пріемъ, блестящая обстановка, которою онъ былъ окруженъ, эта загадочная Француженка, наконецъ все видѣнное имъ и слышанное вертѣлось и кружилось въ головѣ его. «Нѣтъ, видно не сбыться нашимъ сладкимъ надеждамъ и завѣтнымъ мечтамъ, думалъ онъ. Отрѣзаннаго ломтя къ короваю не приставишь; и мы ему не къ масти и онъ намъ не подъ-стать. Придется намъ, не солоно похлебавъ, воротиться къ себѣ въ Захолустскъ, да и доживать вѣкъ какъ Богъ приведетъ.»

Какъ ни поздно заснулъ Петръ Ѳомичъ, въ семь часовъ онъ по обыкновенію ужъ былъ на ногахъ, а въ восемь ста-

рики сидѣли за самоваромъ. Не вкусны показались имъ и московскіе калачи и сайки,—они почти не дотронулись до нихъ; ихъ мучило и томило тревожное ожиданіе предстоявшаго свиданія. Пробило девять и они хотѣли было одѣваться, какъ послышался въ корридорѣ стукъ приближавшихся шаговъ, отворилась дверь и въ комнату вошелъ Викторъ. Такого ранняго посѣщенія они никакъ не ожидали.

«Видно хотѣлъ предупредить насъ, боялся чтобы мы сами къ нему не припожаловали,» подумалъ Петръ Ѳомичъ.

— Витя, ангелъ мой! бросилась къ нему Дарья Васильевна.—Наконецъ-то Богъ привелъ увидѣть тебя.

И она, крѣпко обнявъ Виктора, повисла у него на шеѣ.

На этотъ разъ Викторъ нетолько не противился этому, можетъ-быть уже черезчуръ горячему изліянію чувствъ и не старался высвободиться изъ душившихъ его объятій Дарьи Васильевны, но въ свою очередь также крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ на обѣ щеки. Точно также обнялъ и поцѣловалъ онъ и Петра Ѳомича; но поцѣлуй этотъ какъ-то болѣзненно отозвался въ сердцѣ старика.

— Что же ты вчера не пріѣзжалъ? спросила съ любовью и гордостью оглядывая его съ головы до ногъ Дарья Васильевна.—Мы до одиннадцатаго часу прождали тебя.

— Никакъ не могъ. Батюшка конечно передалъ вамъ, въ какой онъ засталъ меня тревогѣ.

— А мы, представь себѣ, хотѣли было прямо у тебя остановиться; надѣлали бы мы тебѣ хлопотъ.

— Признаюсь, отвѣтилъ Викторъ,—это поставило бы меня въ очень затруднительное положеніе. Да и вообще,—добавилъ онъ, запинаясь,—занимаемая мною квартира не такая чтобъ я могъ въ ней принять и помѣстить васъ. Она довольно большая, но вся состоитъ изъ парадныхъ комнатъ для пріема кліентовъ и помѣщенія канцеляріи, такъ что собственно для

меня остается лишь одинъ небольшой кабинетъ; для вашего же помѣщенія рѣшительно нѣтъ комнаты.

— Какъ же это? спросила Дарья Васильевна въ недоумѣніи гляда то на Виктора, то на Петра Ѳомича

— Я ужь все устроилъ, поспѣшилъ успокоить ее Викторъ.—Я пріискалъ вамъ въ одной гостинницѣ очень уютное и удобное для васъ помѣщеніе,—особое отдѣленіе изъ четырехъ комнатъ; нанялъ даже прислугу, такъ какъ вы вѣроятно своей съ собой не привезли.

«Раненько-таки выходитъ всталъ, если успѣлъ все это обдѣлать, снова подумалъ про себя Петръ Ѳомичъ; должно быть ужь очень радъ нашему пріѣзду.»

— Какъ же такъ въ гостинницѣ? проговорила почти сквозь слезы Дарья Васильевна.—Вѣдь мы пріѣхали пожить и время дѣлить съ тобою, а такъ мы почти и видѣться не будемъ.

— Напротивъ. Вѣдь я по роду моихъ занятій веду жизнь цыганскую: дома утромъ сижу лишь до одиннадцати часовъ и это время занятъ пріемомъ посѣтителей и кліентовъ; въ одиннадцать отправляюсь въ судъ или по какимъ-либо другимъ присутственнымъ мѣстамъ, вотъ и теперь я могу просидѣть у васъ лишь до десяти, сказалъ Викторъ, взглянувъ на часы.—Обѣдаю я гдѣ попало; по вечерамъ либо занимаюсь дѣлами, запершись у себя въ кабинетѣ, либо рыскаю по дѣламъ же по городу и уже поздно ночью возвращаюсь домой. Вчерашній случай составляетъ рѣдкое и даже очень рѣдкое исключеніе. Тутъ же я буду пріѣзжать къ вамъ въ опредѣленные часы и могу бесѣдовать съ вами на свободѣ, зная что никто меня не оторветъ и не потревожитъ.

— Но, еслибы мы жили съ тобою и въ одномъ домѣ, кто же могъ бы оторвать тебя въ то время, когда ты сидѣлъ бы съ нами?

— Могли бы пріѣхать знакомые, не выйти къ которымъ было бы неловко.

— Но развѣ твои знакомые не могутъ быть вмѣстѣ и нашими?

— Знакомые мои больше товарищи мои по ремеслу или мои кліенты, или же пустые свѣтскіе болтуны, общество которыхъ не могло бы доставить вамъ никакого удовольствія.

— Конечно, мы люди стараго вѣка и насъ нынѣшніе свѣтскіе разговоры интересовать не могутъ. сказала нѣсколько обиженнымъ тономъ Дарья Васильевна.

— Да и одѣты мы не какъ люди. добавилъ Петръ Ѳомичъ.

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать, началъ было оправдываться Викторъ.

— А ты ужь лучше скажи прямо, что мы были бы тебѣ въ тягость, перебилъ его Петръ Ѳомичъ

— Не въ тягость, проговорилъ тотъ, запинаясь,—а думаю, что мы стѣсняли бы другъ друга.

— А живя особнякомъ въ гостинницѣ и вовсе. Платить самимъ за помѣщеніе и содержаніе не по нашимъ средствамъ; а чтобы ты платилъ и харчился на насъ мы не желаемъ.

— А живи мы однимъ домомъ, поспѣшила добавить Дарья Васильевна, все еще не терявшая надежды какъ-нибудь уладить дѣло,—я приняла бы все хозяйство на свои руки: тебѣ не надо было бы нанимать ни экономки, ни ключницы, да и самъ ты, сохрани Богъ, заболѣлъ было бы кому за тобою присмотрѣть. Опять-таки пойми же, другъ мой, что мы люди старые, привыкли жить въ своемъ углѣ и намъ привыкать къ такой жизни ужь не подъ силу. Признаться, мы, ѣхавъ сюда, думали найти тебя не въ довольствѣ, а въ бѣдности, даже въ нищетѣ; я вонъ тебѣ и бѣлья всякаго понашила,—думали что тебѣ и выѣхать-то отсюда не съ чѣмъ и располагали увезть тебя съ собою въ Заворонскъ, чтобы ты тамъ поступилъ на службу, какъ ты и самъ не разъ писалъ намъ. Рѣшились даже и домъ въ Захолустскѣ продать, чтобы переѣхать туда и доживать съ тобою остатокъ дней своихъ.

— Но согласитесь, что съ моей стороны былъ бы совершенный неразчетъ бросить свою практику и...

— Мы теперь этого отъ тебя и не требуемъ, перебила она его.—Мы хотѣли бы лишь видѣть что любишь ты насъ хоть въ половину противъ того какъ мы любимъ тебя.

И она рыдая бросилась къ Виктору.

— Но скажите, чѣмъ же могу я доказать вамъ это? спросилъ тотъ, усаживая ее на мѣсто.

— Неужели же, сказала Дарья Васильевна, утирая слезы, въ Москвѣ такъ трудно найти домъ, въ которомъ мы могли бы жить вмѣстѣ, не стѣсняя другъ друга, если ужь твоя теперешняя квартира для этого неудобна. Съ насъ довольно было бы двухъ небольшихъ комнатокъ и на содержаніе свое мы отъ тебя ничего не потребовали бы. Мы не стали бы докучать тебѣ своими несвоевременными приходами, даже пожалуй вовсе не ходили бы на твою половину, ожидая пока ты самъ придешь посѣтить насъ, или позовешь къ себѣ. По крайней мѣрѣ мы знали бы, что живемъ подъ однимъ съ тобой кровомъ и умремъ не на чужихъ рукахъ. Неужто намъ и до этого утѣшенія дожить не суждено?

Послѣдовало молчаніе.

— Послушайте, сказалъ наконецъ Викторъ,—я хочу объясниться съ вами откровенно и тѣмъ положить конецъ недоразумѣнію, происходящему отъ различія взглядовъ нашихъ на жизнь.

По голосу его видно было что если онъ и находилъ объясненіе необходимымъ, то тѣмъ не менѣе приступить къ нему было ему не легко.

— Вы подняли меня на улицѣ, началъ онъ послѣ минутной паузы,—дали мнѣ пріютъ въ своемъ домѣ, позаботились и о моемъ воспитаніи, давшемъ мнѣ возможность поступить въ гимназію и выйти наконецъ на дорогу, которую избралъ я для своей дѣятельности. Словомъ, я обязанъ вамъ всѣмъ..

— Ну полно, другъ мой, перебила его Дарья Васильевна,— что тутъ считаться. Мы сдѣлали для тебя что могли; ты намъ за это благодаренъ, ну и спасибо тебѣ.

— Но чувство благодарности, продолжалъ Викторъ, тогда лишь имѣтъ фактическое значеніе или цѣну, когда выражается чѣмъ-либо болѣе осязательнымъ, чѣмъ одними пустыми сердечными изліяніями. Пока я не имѣлъ возможности выразить вамъ его ничѣмъ другимъ какъ ими, по неволѣ ими и ограничивался; теперь же, когда я имѣю въ рукахъ средства выразить его болѣе осязательнымъ образомъ, я считаю долгомъ своимъ такъ и выразить его. Вы уже въ преклонныхъ лѣтахъ; съ годами являются недуги; а съ ними и новыя потребности, для удовлетворенія которыхъ нужны средства, а средства ваши ограничены. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній я рѣшился предложить вамъ принять отъ меня не помощь, а лишь уплату лежащаго на мнѣ священнаго долга.

— То есть другими словами заплатить намъ деньгами за уходъ нашъ за тобой, для того чтобы затѣмъ не быть намъ ничѣмъ обязаннымъ, сказалъ Петръ Ѳомичъ тихо, но отчетливо.

— Уплатить долгъ свой тѣмъ единственнымъ средствомъ, которымъ могу располагать, добавилъ Викторъ.

— Но развѣ мы пріютили и воспитали тебя изъ видовъ корысти? перебила его Дарья Васильевна, съ трудомъ глотая душившія ее слезы.—Мы взяли тебя изъ состраданія, а потомъ полюбили какъ сына роднаго. Развѣ за чувства эти можно заплатить деньгами?

— Здѣсь деньгами платятъ и за любовь; за нихъ и совѣсть свою продаютъ, глухо проговорилъ Петръ Ѳомичъ.

— Въ предложеніи моемъ оскорбительнаго кажется ничего нѣтъ, оправдывался Викторъ; — самый законъ налагаетъ на дѣтей обязанность содержать и успокоивать родителей подъ старость лѣтъ ихъ.

— Такъ ты стало-быть боялся, чтобы мы тебя не привлекли къ суду, сказалъ Петръ Ѳомичъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой.—Успокойся, мы судиться съ тобой не станемъ.

Дарья Васильевна бросилась лицомъ на лежавшую подлѣ нея на диванѣ подушку и горько заплакала.

— О чемъ же вы плачете, матушка? спросилъ ее Викторъ.—Я право кажется не далъ вамъ никакого повода.

— Оставь ее, перебилъ его Петръ Ѳомичъ.—Тебѣ не понять этихъ слезъ.

— Но я желалъ бы знать...

— Довольно, прервалъ его тотъ снова.—Не мучь ее разспросами своими, если не изъ любви къ ней, то изъ сострадания,—дай ей выплакать свое безутѣшное горе. Оставайся при своихъ взглядахъ на жизнь; намъ же мѣнять свои уже поздно. Мы ни своихъ чувствъ не продаемъ, ни съ другихъ получать деньги взамѣнъ или въ уплату за чувства, которыхъ они не имѣютъ, не хотимъ, а съ тебя и подавно.

Петръ Ѳомичъ хотѣлъ еще что-то сказать, но остановился. «Къ чему? подумалъ онъ, вѣдь это былъ бы гласъ вопіющаго въ пустынѣ».

— Тебѣ кажется пора и въ судъ, добавилъ онъ, взглянувъ послѣ минутнаго молчанія на часы,—скоро ужь десять.

— Дѣйствительно, пробормоталъ, запинаясь, Викторъ —Сегодня будетъ слушаться дѣло, по которому я взялъ на себя защиту, и боюсь чтобъ оно не было назначено къ докладу изъ первыхъ.

— Ну вотъ видишь, стало-быть тебѣ здѣсь и коротать время нечего: безъ тебя еще пожалуй и кліента твоего засудятъ. Пословица говоритъ: нанялся—продался.

— Такъ до свиданія, сказалъ Викторъ, вставая со стула.—Я къ вамъ заѣду вечеромъ. Матушка къ тому времени поуспокоится; мы потолкуемъ и можетъ-быть что-нибудь придумаемъ.

Послѣднія слова онъ видимо проговорилъ лишь для того чтобы что-нибудь сказать: ему неловко было и остаться долѣе со стариками, неловко было и разстаться съ ними послѣ происшедшаго объясненія, не сказавъ на прощаніе чего-либо въ примирительномъ духѣ.

— До свиданія, матушка, продолжалъ онъ, подходя къ Дарьѣ Васильевнѣ; но та лежала уткнувшись лицомъ въ подушку и не слышала словъ его.

— Оставь ее, повторилъ еще разъ Петръ Ѳомичъ;—не отнимай у нея послѣдняго остающагося ей утѣшенія.

Викторъ взялъ шляпу и, надѣвъ шубу, тихо вышелъ изъ комнаты. Петръ Ѳомичъ сѣлъ на диванъ и, опустивъ голову на грудь, погрузился въ нѣмое раздумье.

— Гдѣ же онъ? спросила чрезъ минуту Дарья Васильевна, поднявъ голову и отыскивая глазами Виктора.

— Уѣхалъ въ судъ, глухо проговорилъ сквозь зубы старикъ.

И они снова замолчали. Только-что происшедшее объясненіе еще давило ихъ всѣмъ гнетомъ своимъ и имъ нужно было сосредоточиться въ самихъ себѣ чтобы хоть сколько-нибудь освоиться съ своимъ положеніемъ. Долго сидѣли они молча, погруженные въ горькую думу.

— Ну, что? спросилъ наконецъ Петръ Ѳомичъ, какъ бы очнувшись отъ тяжелаго забытья, и онъ тихо поднялъ глаза на жену Но это не былъ вопросъ, ожидавшій себѣ отвѣта; это былъ лишь страдальческій стонъ, невольно вырвавшійся изъ глубины наболѣвшаго сердца, это былъ глухой вопль больной души, ищущей въ сочувственномъ откликѣ облегченія гнетущему ее горю

— А то, что и намъ здѣсь видно больше дѣлать нечего, сказала Дарья Васильевна, отеревъ платкомъ послѣднюю, катившуюся еще по щекѣ слезу. — Похоронивъ покойника, на

кладбищѣ не остаются; наплакаться же успѣемъ мы вдоволь и дома.

— Правда, согласился Петръ Ѳомичъ.

Чрезъ три часа отходилъ поѣздъ — своей желѣзной дороги и увозилъ съ собою стариковъ Мироновыхъ.

X.

Тяжело было старикамъ входить въ свой опустѣлый домъ, гдѣ все полно было самыхъ живыхъ, но вмѣстѣ и самыхъ грустныхъ воспоминаній. Онъ показался имъ какъ-то особенно мрачнымъ и угрюмымъ,— не было въ немъ, казалось имъ, прежняго уюта и комфорта. Скучно и однообразно потекла ихъ жизнь; но такъ или иначе, а надо было коротать ее. Вскорѣ по возвращеніи ихъ изъ Москвы получено было письмо отъ Виктора. Онъ спрашивалъ стариковъ о причинѣ ихъ внезапнаго отъѣзда и повторялъ уже сдѣланное имъ предложеніе; но какъ они отвѣчать на него сочли лишнимъ, то на этомъ переписка и остановилась. Отъ Антона Антоновича съ самаго отъѣзда его такъ и не получено было ни одной строки, что впрочемъ нисколько не удивляло Петра Ѳомича. «О чемъ ему намъ писать? говорилъ онъ. О себѣ не то чтобы писать, онъ и говорить-то не любилъ, а изъ пустаго въ порожнее переливать и подавно.»

Зима была уже на исходѣ и старики съ нетерпѣніемъ ждали весны. «Вотъ думали они, сойдетъ снѣгъ, зазеленѣетъ трава, распустится въ саду сирень и черемуха, защелкаетъ въ сосѣдней рощѣ соловей и на душѣ сдѣлается веселѣе и отраднѣе». Настала и весна, но не принесла гнетущему ихъ горю ни отрады ни утѣшенія: сердечныя раны были такъ глубоки, что никакіе майскіе бальзамы не въ силахъ были уврачевать ихъ. Ничто не занимало и не развлекало стари-

комъ. Не копался по прежнему Петръ Өомичъ и въ саду, предоставивъ ему полную свободу глохнуть и заростать бурьяномъ; онъ перестал даже и ходить въ него. Въ хорошую погоду выходилъ онъ иногда посидѣть на крыльцо или садился у окна и безучастно смотрѣлъ на прохожихъ; самыя игры рѣзвившихся предъ нимъ ребятишекъ уже болѣе не забавляли его. Садилась подлѣ него съ чулкомъ въ рукахъ и Дарья Васильевна. По цѣлымъ часамъ сидѣли они молча или изрѣдка обмѣниваясь односложными, ничего не значащими словами.

Въ одинъ ясный іюньскій день сидѣли они по обыкновенію у раствореннаго окна. День былъ праздничный, и народъ, возвращаясь отъ обѣдни, тянулся по улицѣ пестрою вереницей. И вдругъ вспомнилъ Петръ Өомичъ, какъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ разъ въ такой же ясный іюньскій праздничный день встрѣчали они Виктора, пріѣзжавшаго къ нимъ изъ гимназіи на первыя вакаціи. И теперь какъ и тогда былъ праздничный день и улица пестрѣла кучками разряженнаго народа, и теперь какъ и тогда свѣтило съ безоблачнаго неба полуденное солнце и съ золотыми лучами его сыпалось на землю серебро звонкихъ трелей жаворонка, но далеко не то было у него теперь на сердцѣ. Сколько съ тѣхъ поръ понесено было имъ безвозвратныхъ утратъ, сколько пережито безутѣшнаго горя!

Петръ Өомичъ сообщилъ впечатлѣнія свои женѣ.

— И то, сказала Дарья Васильевна вздохнувъ, и тихія слезы заструились по щекамъ ея.

— А ты ужь больно не кручинься, утѣшалъ ее старикъ.— Помнишь: Антонъ Антоновичъ говорилъ, что лучшая для человѣка награда и подъ старость лѣтъ утѣшеніе, сознаніе, что онъ добросовѣстно исполнилъ лежавшія на немъ обязанности. Мы, кажется, благодаря Бога, свои исполнили какъ могли, и что же намъ скорбѣть и роптать на Бога за то, что

Онъ не послалъ намъ того именно утѣшенія, котораго мы у Него просили.

— Я и не ропщу, чуть слышно проговорила та, утирая слезы.

— А и то сказать, продолжалъ, помолчавъ, Петръ Ѳомичъ; можетъ-быть Господь Богъ потому и не посылаетъ намъ въ здѣшней жизни утѣшенія, что насъ ожидаетъ вящая награда тамъ гдѣ, нѣтъ ни печали. ни воздыханія, а вѣчное блаженство.

— Такъ-то такъ, сказала, задумавшись, Дарья Васильевна, и одинокая, горькая, какъ бы прямо изъ сердца выкатившаяся слеза тяжело повисла на ея рѣсницѣ.

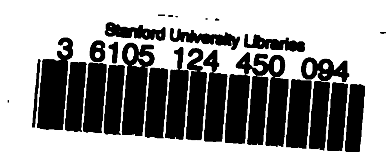

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать.*
8	26	ри	при
11	9	о смерти отца	о его смерти
14	4	похвастаться	похвалиться
15	15	Нѣмцы	нѣмцы
18	8	остальное время	остальное же время
19	21	выпивали	выпивалъ
20	19	ногами	шагами
41	5	къ ужину	и къ ужину
43	9	огорчать	огорчить
45	31	только	столько
48	9	père	pire
53	28	Ей вышевелись	Ей, вы, шевелись
56	2	Зтешкинымъ	Стешкинымъ
63	17	цыгане	цыгане
65	23	крикнувъ	крикнулъ
77	22	во	въ
—	23	что на то	что имѣя на то
81	10	оставалось	оставалась
83	17	въ рукахъ	на рукахъ
89	23	въ жизни	въ жизнь
90	15	переставалъ	пересталъ
93	3	ей	ее
95	12	качала	покачала
99	1	пропитываетъ	и пропитываетъ
151	12	принялся писать	принялся было писать
160	32	близкій?	близкій
213	30	онъ	она
214	27	уѣхали	ѣхали
279	34	дреевна,—А ни придумать не могу	Андреевна,—и придумать не могу

224	1	оправвываясь	оправдываясь
228	17	oette	cette
231	32	обязательнымъ	обязательною
235	31	Аркадіи	Аркадіѣ
237	1	шедшаго	на вошедшаго
241	7	en ant	enfant
247	9	видѣли	видѣла
248	29	Аркадіи	Аркадіѣ
257	32	большой	большей
334	5	а не то	а на то
344	11	остиженію	достиженію
—	26	давало	давала
386	19	гориться	гордиться
415	26	кавъ	какъ
420	29	брадившія	бродившія
436	10	не нашлось	не нашлась
463	18	и дѣлавшій	не дѣлавшій
—	33	поученіе	полученіе

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Stanford University Libraries
3 6105 124 450 094

